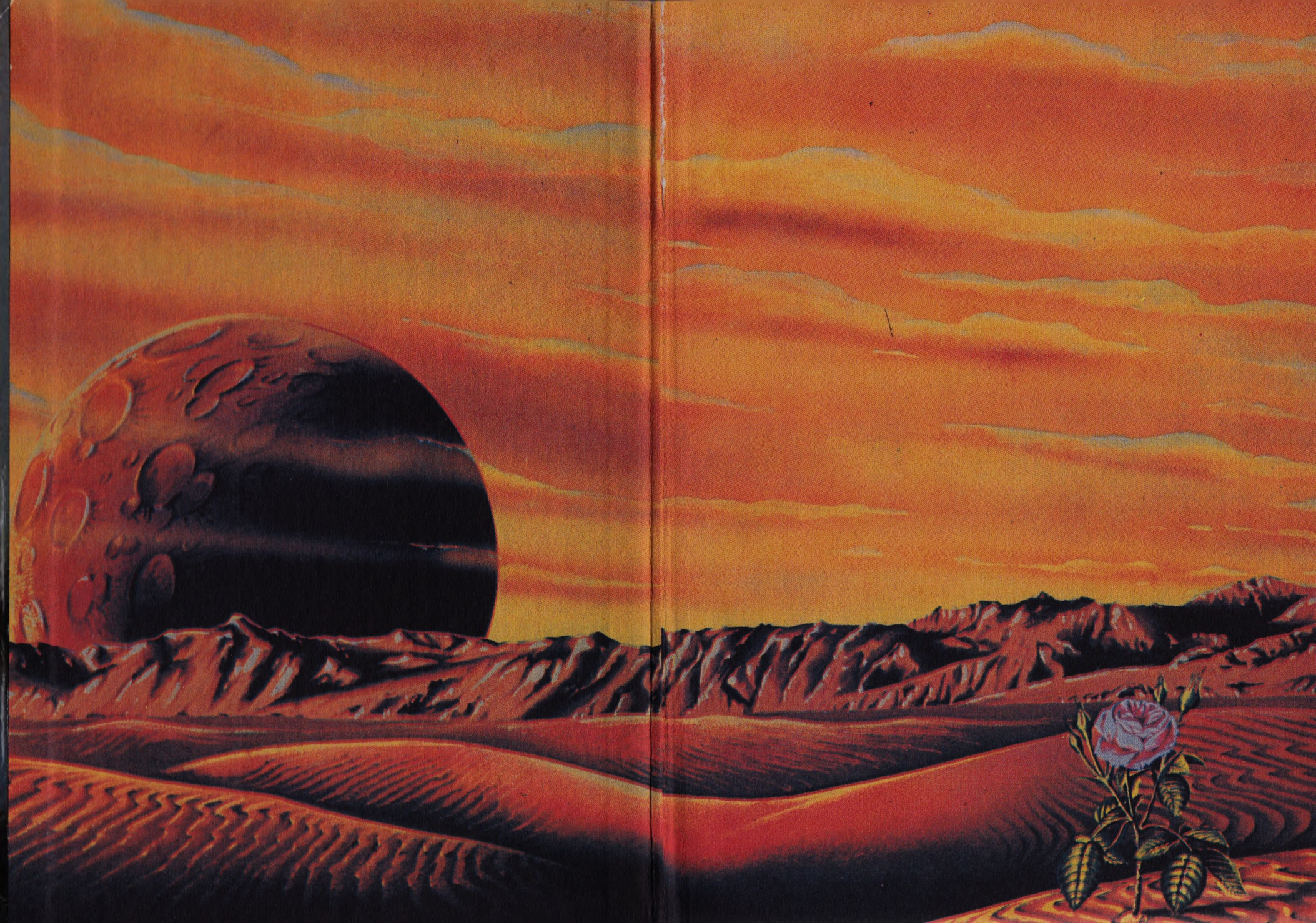

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ
Ю. БРАЙДЕР
Н. ЧАДОВИЧ
Ю. БРАЙДЕР, Н. ЧАДОВИЧ

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Юрий БРАЙДЕР

Николай ЧАДОВИЧ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Юрий БРАЙДЕР
Николай ЧАДОВИЧ

Том 1

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ТИМОФЕЯ

КЛИНКИ МАКСАРОВ

СТРЕЛЫ ПЕРУНА С РАЗДЕЛЯЮЩИМИСЯ БОЕГОЛОВКАМИ

РАССКАЗЫ

НИЖНИЙ НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1994

ББК 2.84
Б 87

На обложке использованы работы
Криса Ахиллеоса

Брайдер Ю., Чадович Н.

Б 87 Избранные произведения, т. 1. Евангелие от Тимофея. Роман. Клинки Максаров. Роман. Стрелы Перуна... Повесть. Рассказы.— Нижний Новгород. Флокс. 1994. 543 с., ил.

ISBN 5-87198-059-7

В необъятном, еще недоступном человеческому познанию Мироздании существует, не соприкасаясь между собой, бесчисленное количество разнообразнейших миров, в которых, благодаря невероятному стечению обстоятельств оказывается землянин — профессиональный искатель путей в иные пространства. Еще более странный мир — Тропа — развернут поперек всех других и таким образом является мостом через Мироздание.

Об этом повествует тетралогия «Тропа», первые две части которой, «Евангелие от Тимофея» и «Клинки Максаров», вы прочтете в этой книге.

В сборник вошли также повесть «Стрелы Перуна с разделяющимися боеголовками» (публикуется впервые), рассказы «Поселок на краю Галактики» и «Администрация леса».

Б $\frac{4702010201—015}{Д40(03)—94}$ без объявл.

ББК 2.84

ISBN 5-87198-059-7

© Ю. Брайдер, Н. Чадович. Составление, оформление. Издательство «Флокс», 1994

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ТИМОФЕЯ

Роман

Художник **Р. ПОЛЯНСКИЙ**

Жизнь и смерть — одна ветвь, возможное и невозможное — одна связка монет.

Чжуан-Цзы. IV век до н. э.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Наверное, это именно та ситуация, когда человеку остается только одно — тупое покорное терпение. Терпение слепой клячи, обреченной весь свой век крутить скрипучий рудничный ворот. Терпение галерного раба, прикованного к веслу. Терпение смертника, дожидающегося неминуемой казни. Терпение прокаженного, наблюдающего за медленным разложением собственного тела.

Терпение, терпение, одно терпение и никакой надежды...

Существует, конечно, и другой выход. Но это уже на крайний случай, когда не останется ни воли, ни физических сил, ни привычки к жизни — ничего. Не стоит об этом думать сейчас. Рано.

Надо бы отвлечься от мрачных мыслей. А для этого лучше всего сконцентрировать внимание на чем-то хорошем. Что там у нас хорошего нынче? Ну, во-первых, с самого утра над нами не каплет (а капать здесь, кроме банального дождика, может еще много чего) и мой плащ наконец высох. Во-вторых, свежий ветерок разогнал стаи мошкары-кровохлебки, еще вчера буквально сводившей меня с ума. В-третьих, ладони мои почти зажили и успели привыкнуть к своему топору. Он хоть и недостаточно тяжел, зато отменно остер — обломок нижней челюсти кротодава, насаженный на короткую крепкую палку. Таким орудием при желании можно побриться, заточить карандаш, разрезать стекло, вспороть глотку — хоть свою, хоть чужую. После каждого взмаха топора в сторону отлетает кусок древесины, желтоватый и твердый, как слоно́вая кость,— язык не поворачивается назвать ее щепкой.

Сколько я себя помню, меня всегда влекло в новые края, в беспредельные просторы лесов, степей и океанов, к чужим городам и незнакомым людям. Дорога была моим домом, а скитания — судьбой. Даже две ночи подряд я не мог провести на одном месте.

Теперь же все доступное мне пространство сведено до размеров тюремной камеры, а быть может, и могилы. Слева и справа — отвесные стены. Впереди — косматая, как у гориллы, клейменная раскаленным железом спина Ягана. В темечко мне дышит вечно мрачный неразговорчивый болотник, имени которого никто не знает. Позади него кашляет и бормочет что-то Головастик, самый

слабый из нас. И лишь до неба — бархатно-черного ночью и жемчужно-серого днем — я не могу дотянуться. Впрочем, как и до края этой проклятой траншеи, похожей больше всего на десятый — самый глубокий ров Злых Щелей,— предпоследнего круга Дантова Ада, предназначенного для клеветников, самозванцев, лжецов и фальшивомонетчиков.

Последний круг преисподней ожидает меня в самом ближайшем будущем. Сомневаться в этом не приходится.

Впереди и позади нас, а также и над нами (траншея уступами расширяется кверху, иначе в ней невозможно было бы работать) копошится великое множество всякого люда, так же, как и мы, разбитого на четверки — бродяги, дезертиры, попрошайки, разбойники, военнопленные и просто случайные прохожие, прихваченные в облавах на скорую руку. И чем бы ни занималась каждая отдельно взятая четверка — ела, спала, вкалывала в поте лица, справляла естественную нужду,— она неразлучна, как связка альпинистов или сросшиеся в чреве матери близнецы. Длинный обрубок лианы-змеевки надежно соединяет людей, тугой спиралью обвиваясь вокруг лодыжки каждого. Гибкое и податливое в естественных условиях, это растение очень быстро приобретает твердость и упругость стали, стоит только лишить его корней и коры. Отменная получается колодка: ни челюсти кротодава, ни клык косокрыла, ни редкое и драгоценное здесь железо не берут ее. По крайней мере, в этом я уже успел убедиться. Случается, что служивый, накладывающий путы на новичка, делает чересчур тесную петлю, и лиана, усыхая и сжимаясь, ломает кости. И тогда невольные сотоварищи этого несчастного оказываются перед дилеммой: или подохнуть с голода, поскольку выполнить норму, таская за собой калеку, практически невозможно, или освободиться от него при помощи нескольких ударов все того же замечательного топора.

Правда, и служивому такая оплошность не проходит даром — нельзя без нужды переводить рабочий скот. Суд вершат его же приятели и сослуживцы. Здесь это одно из главных развлечений. Наказание зависит от настроения и степени подпития коллектива. За один и тот же проступок можно заплатить жизнью и клоком шерсти со спины. Приговор обжалованию не подлежит, по крайней мере, в сторону смягчения. Глас народа — глас божий!

Чтобы жесткое кольцо колодки не стирало ногу, под него обычно набивают траву или мох. Я для этой цели использую тряпки, оторванные от подола плаща. Даже не знаю, что бы я без него делал здесь. Плащ спасает меня и от насекомых, и от всех видов осадков. В первый же день какой-то служивый хотел отобрать его — одежда здесь привилегия немногих избранных,— но, узрев мое голое, бледное тело, так не похожее на его собственное, смуглое и волосатое, передумал. К счастью, внешность моя вызы-

вает здесь или брезгливость, или сочувствие, но никак не подозрение. Никто пока не разглядел во мне чужака. Действительно, мало ли всяких уродов шляется по здешним дорогам — не только по ровнягам, но и по крутопутью.

Близятся сумерки, и нам приходится подналечь на топоры. Работаем мы, как всегда, стоя в затылок друг другу. Я и Головастик рубим левую стенку траншеи, Яган и болотник — правую. Если до темноты удается наполнить щепой пять огромных корзин (а это, по моим прикидкам, кубов десять-двенадцать), мы получим еду — бадейку липкой, комковатой размазни, вкусом похожей на вареную репу, и стопку сухих кисловатых лепешек. Питье нам не полагается — под ногами всегда вдосталь мутного сладковатого сока, слегка разбавленного дождевой водой и человеческими испражнениями. Иногда, когда в траншею попадает древесный крот, неосторожно покинувший нору, мы получаем возможность несколько разнообразить свой вегетарианский рацион. Головастик умеет очень ловко свежевать и разделывать этих жирных тупорылых грызунов. Когда же дело доходит до дележки, я всегда отказываюсь от своей доли, обычно в пользу молчаливого болотника. Человек сильный и решительный, со своим строгим кодексом чести, здесь он беззащитен и одинок еще в большей степени, чем я. Болотников кормят последними и убивают первыми. Его счастье, что он оказался на самом дне траншеи, подальше от глаз служивых.

Очередная корзина, наполненная до краев, уходит наверх, и мы передвигаемся на несколько шагов вперед. Яган, стоящий в колодке первым, обухом топора тщательно обстукивает дно и стенки траншеи. На новом месте надо соблюдать осторожность — можно повредить крупный древесный сосуд, из которого под бешеным давлением хлестанет струя сока, можно провалиться в глубокую, как карстовая пещера, выгнившую полость, полную трухи и ядовитых насекомых, можно нарваться на логово кротодава — и уж тогда нашей четверке несдобровать! Мы даже не успеем утешиться мыслью, что наши никчемные жизни не такая уж дорогая цена за несколько центнеров вполне съедобного мяса, обладающую многими замечательными свойствами шкуру и драгоценные челюсти, из которых выйдет целая дюжина топоров.

То, чем мы занимаемся, напоминает мне попытку сумасшедших бритвенным лезвием спилить телеграфный столб. Однако, если верить Ягану, длинные трусы которого со следами сорванных орденов и знаков различия подтверждают, что еще совсем недавно их обладатель занимал весьма значительный пост в здешней иерархии, нынче у государства нет более важного и неотложного дела.

Об этом, конечно, мне судить трудно. Достоверно я знаю лишь одно — мы буквально рубим сук, на котором не только сидим, но и живем. И хотя затея эта, учитывая размер сука, выглядит смехотворной, настойчивость, с которой она проводится в жизнь, настораживает. В какую голову мог прийти такой бредовый замысел? Чтобы сук (по местному — ветвяк) рухнул, траншею необходимо углубить на километр, а может быть, и больше. Мы же выбираем максимум полметра в день. Это сколько же времени и рабочих рук понадобится? А ведь какой замечательный ветвяк! Целый уезд размещается на нем — несколько десятков уже опустевших поселков, хорошо ухоженный тракт-ровняга, немалое число плантаций хлебного корня и смоляной пальмы, пограничный пост и многое другое, о чем я даже не знаю, днюя и ночуя в тесной сырой щели.

И вся вина этого ветвяка заключается в том, что где-то в зеленовато-серой смутной дали, за завесой причудливо расцвеченного радугами тумана, он соприкасается с другим, точно таким же ветвяком, но принадлежащим уже другому, враждебному дереву. И если он, как это запланировано, рухнет, наконец, срезанный ударами десятков тысяч костяных топоров, польза от этого будет двойная — и чуждое влияние пресечется и неугомонные болотники получат сюрприз на голову. Будут знать, голозадые, как отрицать Письмена и насмехаться над Настоящим Языком. А поскольку в неугодную сторону направлен не только этот единственный ветвяк, вполне возможно, что в данный момент где-то над нашими головами кипит точно такая же упорная и бессмысленная работа.

Правильно, уж если рубить, так все сразу, чтоб и памяти не осталось.

Вот только неясно, что ожидает всех нас, когда огромная древесная масса треснет от края до края, надломится и низвергнется в бездонную пропасть. Мысль эта, похоже, беспокоит не одного меня. Служивые в последнее время стараются как можно реже спускаться в траншею. Кормильцы, прихватив свой скудный скарб, постепенно перебираются во внутренние области. Пограничный пост, по слухам, еще остался, но жизни солдата цена такая же, как и жизни колодника,— ноль.

Да, интересные открываются перспективы... Вот и попробуй тут сконцентрироваться на чем-то хорошем...

— Все на сегодня.— Яган ладонями разровнял щепу в последней корзине.— Можно отдыхать.

— Негоже предаваться праздности в столь нелегкое и достославное время,— с самым серьезным видом возразил ему Головастик.— Особенно тебе, Близкому Другу. Случалось мне лицезреть тебя в этой должности. И лицезреть и внимать. Так что не ленись, наруби еще хоть полкорзины.

— Молчал бы, калека несчастный. Работаешь хуже всех, а жрешь не меньше моего.

— Ты за свою жизнь столько сожрал, что мне бы на сто лет хватило. А все дела твои были — языком молоть да пальцем указывать. Так что сейчас тебе по всем статьям положено за меня вкалывать.

— Ноги скоро протянешь, а такие слова говоришь! Тебе не с людьми, а с гадами ядовитыми жить. За болтовню сюда попал, признавайся?

— Почти.

— К неповиновению призывал или Письмена хаял?

— Песни пел. Сначала сочинял, а потом на свадьбах и поминках пел.

— За песни наказывать не положено.

— Не положено, правильно. Так меня не за песни наказали, а за бродяжничество. Я по свадьбам и поминкам ходил, этим и кормился. А тут указ вышел, что по любой из дорог только один раз в год ходить можно. Куда мне было деваться? Скрываться стал, по бездорожью пробираться, в обход постов. Вот и попал в облаву.

— Указ правильный, клянусь Тимофеем. Нечего по дорогам впустую шляться. Много вас таких по ровнягам болтается — туда-сюда, туда-сюда! А они для войска проложены да для государственных гонцов. Надо тебе — иди, но прежде подумай, поскольку возврата не будет. Про крутопутье я уже и не говорю. Если ты наверх пойдешь, то там и останешься. Или в Прорву полетишь.

— Вот ты и полетел!

— Спой что-нибудь,— попросил я, чтобы прекратить спор.

— Свадебную или поминальную?

— Давай свадебную.

— Посвящается невесте.— Он откашлялся и запел высоким, неожиданно сильным голосом:

Радуйся, красавица, сегодня,
Песни пой, пляши и веселись,
Завтра ты проснешься на соломе,
И пойдет совсем другая жизнь.
Ты узнаешь горе, стыд и бедность,
Много слез прольешь в чужом краю,
Про печаль забудешь только ночью,
Как спасенью, рада будешь сну.
Нынче хохочи над каждой шуткой,
Прыгай и шали, пока резва,
Скоро труд иссушит твои груди,
Станет кровь холодной, как вода.
Наслаждайся молодой любовью,
Суженого крепче обнимай,
Счастья час всегда не очень долог,
Скоро скажешь ты ему «прощай».

Пусть его хранит судьба крутая,
От войны и Прорвы оградит,
А случится вдруг беда какая,
Вдовье сердце память сохранит.
Свет и тьма, надежды и печали,
Смерти серп и ласки сыновей,
В чаще жизни мед и желчь смешались,
Но об этом думать ты не смей.
Лишь исполнив жребий изначальный,
Ты поверишь в справедливость слов:
Ничего нет горше и печальней,
Чем на белый свет рожать рабов.

— Замолчи! — взорвался Яган.— За такие песни тебе смолы надо в глотку налить! Хулитель! Пустобрех!

В ответ Головастик затянул другую песню, посвященную непосредственно Ягану и почти сплошь состоящую из неприличных слов. Лишенному поэтического дара Ягану не осталось ничего другого, как швырнуть в певца пустой корзиной. Чтобы утихомирить обоих, я потребовал тишины и, отбивая такт рукояткой топора, грянул во всю силу легких:

Над страной весенний ветер веет.
С каждым днем все радостнее жить.
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.
Но сурово брови мы нахмурим,
Если враг захочет нас сломать,
Как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать.

— Вот это да! — Восхищению Ягана не было предела.— Вот это песня! Не хуже, чем марш гвардейской дружины! Неужели сам сочинил?

— А кто же еще,— скромно признался я.

— Вот если бы ее на Настоящем Языке можно было спеть! — мечтательно сказал Яган.— За такую песню никакой награды не жалко.

— Нет ничего проще! — опрометчиво согласился я (вот уж действительно — черт попутал!), и те же самые куплеты были исполнены на Настоящем — то есть на моем родном Языке.

Хотя у меня и создалось впечатление, что публика ровным счетом ничего не поняла, успех превзошел все ожидания. Даже в холодных, всегда равнодушных глазах болотника промелькнуло нечто похожее на интерес. А уж про Ягана и говорить нечего! Примерно такая же реакция должна сопровождать Второе Пришествие, если оно когда-нибудь состоится: пылкий энтузиазм верующих, прозрение колеблющихся, страх безбожников.

— Откуда тебе Настоящий Язык известен? — поинтересовался

Яган. Не знаю, чего в его вопросе было больше — восторга или подозрительности.

— Отец когда-то научил.

— А он, случайно, не Отступник?

— Не знаю.— Такой поворот беседы совсем не устраивал меня.— По крайней мере, он про это ничего не рассказывал.

— А сейчас он где? — не отставал Яган.

— Пропал,— соврал я.— Может, в Прорве давно...

С великим сожалением Яган заметил, что нам здорово не повезло. Ах, почему мы не встретились раньше! Какая польза была бы обоим. Он с моей помощью мог бы стать Душевным Другом, поющим о трех вечных стихиях (как я догадываюсь, это что-то вроде должности придворного поэта или министра культуры). Да и я бы не прогадал. Не колодку бы сейчас таскал, а офицерские трусы, возможно, даже с орденами.

Я, в свою очередь, поинтересовался, отчего такая несправедливость: песни мои, а Душевным Другом будет он.

— Кто же тебя Душевным Другом назначит? — искренне удивился Яган.— Душевный Друг — должность, и немалая. Тут и происхождение соответствующее требуется, и связи, и заслуги, да и провинность на тебе немалая должна лежать!

— А провинность-то зачем? — настал мой черед удивиться.

— Ты меня когда-нибудь до смерти уморишь своими вопросами. Ну что тут непонятного? Кто же тебе доверять будет, если ты ни в чем не провинился? Кто начальником над тобой согласится быть? Попробуй найди на тебя управу, коль прошлой вины нет. А если, скажем, твой смертный приговор у начальника в мешке лежит, ты изо всех сил стараться будешь. Потому как знаешь — чуть что, тебя за ноги и в Прорву. И все по закону. Никто не придерется. Мне, считай, повезло, что я до того, как сюда попал, всего вечную каторгу имел. Еще только собирался большое злодейство учинить.

— А в колодники тебя за что упекли? — спросил Головастик.

— За ерунду. Я жабу съел.

— Не понял? — вырвалось у меня.

— Жабу съел! — прокричал Яган мне в ухо.— Ты что, глухой?

— Съел, а дальше?

— А дальше ерунда получилась. Сам ведь знаешь, что жаб есть строжайше запрещено. На это дело специальный указ имеется. Но на самом деле их все жрут, будь здоров! Главное, не попадаться. Вот собрались мы однажды с приятелями, поболтали. Потом гляжу, жабу несут. Да такую аппетитную! Ну, думаю, свои все кругом, чего бояться! Да и не в первый раз. Лапку даже не успел обглодать — стража вваливается. Все сразу на меня показали. Приятели, называется... Наверное, специально подстроили...

— Да, жаба — это вещь! — согласился Головастик, сглатывая слюну.

Сверху на веревке спустилась бадья с едой. Мы торопливо расхватали лепешки, которыми полагается черпать полужидкое варево. Как всегда, самая толстая лепешка досталась Ягану, но на этот раз возражений со стороны Головастика не последовало. Наконец-то у них нашлась общая тема для разговора. С упоением и сладострастием оба вспоминали, как и при каких обстоятельствах им приходилось лакомиться жабами. Слава Богу, мир в нашем маленьком коллективе восстановлен.

В траншее стало быстро темнеть, и мы, вымыв бадью, устроились на ночлег.

Ну вот, и еще одни сутки миновали. Последователи Лао-Цзы рекомендуют всегда благословлять день прошедший и радоваться дню наступающему. Я же, слабый и суетный человек, проклинаю прошедший день и страшусь дня наступающего. Что будет, если именно завтра рухнет этот треклятый ветвяк? А вдруг ночью меня зарежут упившиеся до безумия служивые, или склюет на рассвете косокрыл, или сволокут на свой шабаш Незримые? Тысячи коварных «если», от которых зависит моя жизнь. В такую ловушку не попадал еще никто из рожденных на Земле людей. Впрочем, нет! Тут я, как раз, ошибаюсь... По крайне мере, кто-то один уже побывал здесь... Рука его бесспорно ощущается в архитектурном замысле этой грандиозной мышеловки... Великий Зодчий... Прозорливый Зиждитель... Я должен пройти по твоему следу...

Проснулся я от раздавшегося прямо над моим ухом жуткого вибрирующего воя. Трудно было даже представить себе, какое существо могло его издавать,— столько первобытной тоски и тупой бессмысленной жестокости было в этом глухом, монотонном звуке. Спустя несколько секунд где-то в стороне раздался ответный вой. Над траншеей промелькнула темная фигура. Какой-то твердый предмет со стуком скатился вниз, и болотник быстро схватил его. И почти сразу слева и справа от нас засвистели, завыли сделанные из берцовых костей дудки. В лагере забегали и заголосили служивые.

Нечто похожее уже было однажды на моей памяти. Хорошо помню мутную туманную мглу, слегка подсвеченную блуждающими огоньками мотыльков-светоносцев. Это была одна из первых моих ночей здесь. Нестерпимо болели стертые в кровь ладони. Я не спал и чувствовал, что мои товарищи по несчастью тоже не спят. Тоска, неизвестность и тревожное предчувствие терзали душу. Шум, внезапно поднявшийся в лагере, не удивил меня — я тогда просто не знал, чему здесь удивляться, а чему — нет. Траншея в то время была еще совсем неглубокой, примерно в три-четыре моих роста.

Поэтому я сумел неплохо рассмотреть высокую зыбкую тень, бесшумно появившуюся со стороны лагеря. Казалось, она не шла, а медленно плыла в изменчивом, завораживающем сиянии ночи. Даже не замедлив мягких, скользящих шагов, призрак прыгнул прямо через наши головы, не долетев до края траншеи, завис в воздухе, немного потоптался в пустоте и затем канул во мрак. Как запоздалое эхо совсем с другой стороны донесся шорох осыпающегося в траншею мусора.

— Кто это был? — шепотом спросил я.

— Незримый,— так же шепотом ответил мне Головастик.

— Сказки это,— хоть Яган и старался говорить спокойно, страх отчетливо ощущался в его словах.— Нет на свете никаких Незримых.

— Это вы так решили? Только Незримые про то ничего не знают и ходят себе, где хотят! — Головастик презрительно сплюнул.— Они с человеком что хочешь могут сделать. А сами, как туман. Никаким оружием их не достать.

— Может, оно и так.— Яган был хоть и смущен, но не сдавался.— Да только вслух об этом говорить не полагается.

— Таким, как мы,— можно. Хуже, чем сейчас, нам только в Прорве будет...

...От воспоминаний меня отвлек близкий звук дудки. По-видимому, служивый порядочно трусил, иначе зачем трубить, спускаясь в траншею. В левой руке он держал ярко пылавший обрубок смоляной пальмы. Хочешь не хочешь, а нам пришлось стать перед ним во фрунт.

Служивый, сопя, как рассерженный носорог, посветил факелом во все углы, потом стал так, чтобы наши сложенные в кучу топоры оказались у него за спиной, и только тогда сказал:

— Ну, чего бельмы пялите? Отвечайте быстро: был здесь кто-нибудь чужой?

— Нет,— сказал болотник. Наверное, это было третье или четвертое слово, произнесенное им здесь.

— Тебя, голозадый, никто не спрашивает. Пусть он говорит,— служивый ткнул факелом в сторону Головастика.

— Спал я,— буркнул тот.— А если интересуешься, что во сне видел, могу рассказать...

Служивый резко выдохнул: «хак» — и безукоризненный по технике исполнения удар сшиб Головастика с ног. Прием против каторжан почти безотказный — все мы, увлекаемые колодкой, разом опрокинулись на спины, причем, я придавил болотника, а Яган меня.

— Не скажешь правду — убью! — пообещал служивый, наступив Головастику на грудь. В искренности его намерений сомневаться не приходилось.

Воткнув факел в какую-то щель, он обеими руками схватил один из наших топоров (собственное его оружие — тщательно смотанный боевой кнут-самобой — так и осталось висеть на поясе — видно, пачкать не хотел) и сноровисто размахнулся.

В этот же самый момент болотник, стряхнув нас с себя, приподнялся и резко взмахнул рукой. В свете факела что-то сверкнуло.

Казалось, бесшумный электрический разряд на мгновение соединил два человеческих существа: одно — полулежащее на дне траншеи, а другое — заносящее топор. Служивый снова шумно выдохнул, но уже не как боксер на ринге, а как бык на бойне. Руки его застыли над головой, а потом медленно опустились к груди — топор он держал перед собой торчком, как свечку. Затем служивый надломился в коленях, захрипел, забулькал горлом и, обильно разбрызгивая горячую, липкую кровь, рухнул поперек наших распластанных тел. Ниже левого уха у него торчал нож, железный нож диковинной формы, с двумя направленными в противоположные стороны лезвиями и с крепкой, чашеобразной гардой посередине. Вот что за штука, оказывается, упала этой ночью в нашу траншею.

Понятно, что время, оставшееся до рассвета, мы провели не самым лучшим образом. Никто не знал, как поступить с трупом, пока я не предложил план — очевидный для меня и весьма необычный для остальных — упрятать его в специально выдолбленной яме. Здесь не имеют понятия о могилах. Для покойников существует Прорва.

Об одном только я не подумал — как трудно будет вырубить в древесине достаточно просторное углубление. Мы трудились сначала стоя, потом на коленях, а под конец, при свете нарождающегося дня, даже лежа — но и после этого дно ямы можно было без труда достать рукой. Топорища были слишком коротки для этой работы, а спуститься вниз нам не позволяла колодка. От всего пережитого Яган, похоже, повредился умом. Он проклинал Головастика за дерзость, болотника за горячность, меня за то, что я не помешал болотнику. Несколько раз он бросал топор и вновь брался за него только после того, как Головастик весьма красочно и убедительно живописал, что ожидает нас, если служивые наутро обнаружат здесь труп своего дружка.

Когда мы закончили утрамбовывать щепу, которой была засыпана яма, уже окончательно рассвело.

К полудню стало ясно, что норму мы не выполним. Ночное происшествие до того вымотало нас, что топоры буквально вываливались из рук. Невыносимо хотелось спать, голова раскалывалась, а в глазах пылали радужные пятна. Но уж совсем худо мне становилось при мысли о том, что предстоит нам следующей ночью. Ведь

как ни вяло мы работали, но на четверть метра все же углубились. Значит, и могилу придется углублять. И так каждую ночь! Долго ли так может продолжаться? Ведь погода, между прочим, стоит теплая. А что, если разрубить труп на мелкие части и вместе со щепой отправить наверх? Нет, не выйдет. Не представляю даже, кто из нас за подобное дело способен взяться. Тем более, что содержимое корзин контролируется. Во избежание возможных побегов. Господи, как же быть?

За весь день мы с грехом пополам наполнили всего три корзины. Уж лучше бы вообще ничего не делать! Вместо еды нам бросили сверху кусок засохшего дерьма. Еще и издеваются, гады!

Яган обстукивал топором стенки траншеи в напрасной надежде обнаружить кротовую нору. Головастик сразу уснул, бессильно раскинув натруженные руки. Болотник словно оцепенел, вперив в пространство неподвижный взгляд, и нельзя было понять, что он видит сейчас — стенки траншеи или суровые пейзажи своей родины.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Какая тебе разница.— Он не шевельнулся и даже не посмотрел в мою сторону.— Мое настоящее имя, полученное мной при рождении, известно только женщинам моего Дома. Враги называли меня Душегубом. Друзья — Шатуном. Ты можешь звать меня как угодно: голозадый, вражья морда, падаль болотная.

— Поешь,— я протянул ему черствый кусок лепешки, который сберег со вчерашнего дня.

— Нет,— ответил болотник, и даже тени благодарности не было в его голосе.— Или завтра я буду есть самую лучшую на свете пищу, или сам стану едой для косокрылов.

...Краем глаза я внезапно уловил рядом какое-то движение. Глубокие черные тени мешали рассмотреть детали, но я мог поклясться — в траншее что-то изменилось.

Странная догадка сдавила мое сердце, парализовала волю. Я не хотел видеть ЭТО, но в то же время не мог отвести взгляд. Щепа, заполнявшая могилу, шевелилась и лезла прочь, как закипающая каша. Крикнуть я не мог — язык не слушался. Пошарив вокруг, чтобы разбудить Ягана и болотника, я изведал новый ужас: возле меня никого не было! А между тем могила разверзлась и мертвец медленно-медленно разогнулся, вставая в ней. Его неимоверно распухшая, покрытая засохшей кровью голова была похожа на черный лакированный шар. Из шеи по-прежнему торчал нож, хотя я прекрасно помнил, как болотник, прежде чем засыпать яму, извлек его из раны. Нет, нет, подумал я. Так быть не может. Это происходит не со мной. Это дурной сон. Мираж.

Служивый, тем временем, уже приближался. Широко расставив руки со скрюченными пальцами, он теснил меня к стене, отрезая

путь к бегству. Фиолетовые набрякшие веки прикрывали его глаза, оскаленная пасть была забита щепой. Неимоверное усилие понадобилось мне, чтобы заставить тело двигаться. Пятясь, я сделал шаг, потом еще и еще... Мертвец продолжал наступать, неодолимый и беспощадный, как злой рок,— и скоро я сам оказался на краю могилы. Теперь она была огромной — во всю ширину траншеи — и глубокой, как колодец. Все они были там, на дне: Яган, Головастик, болотник — холодные, незрячие, безгласые. И тут я понял наконец, что ожидает меня... Неживые, как будто каменные, пальцы сомкнулись на моем горле. Я закричал, рванулся, но пальцы давили все сильнее и сильнее, а я все кричал и бился в их тисках, кричал до тех пор, пока не проснулся, кричал и после, когда осознал, что все это в действительности было кошмарным сном...

Следующее, что я осознал,— меня грубо волокут вверх, подхватив с обеих сторон под руки. Волокут не одного меня, а скопом всю нашу неразлучную четверку. Яган попытался что-то возмущенно выкрикнуть, но тут же умолк, подавившись — судя по звуку удара, не только криком, но и осколками зубов. Что же это происходит? Неужели кто-то выдал? Тогда зачем тащить нас наверх — экзекуции всегда происходят прямо в траншее. В назидание массам, так сказать. И тут до меня дошло, что тащат нас не ко внутренней, а к внешней кромке рва — туда, куда служивые ночью предпочитают не забредать. Однако это открытие ничуть не приблизило меня к разгадке происходящего. Может, нас похитили пресловутые Незримые? Или шестирукие обезьянопауки, живущие, по слухам, в недоступных дебрях антиподных лесов?

Наконец нас вытащили наверх и поставили на ноги. Кольцо крепких, коренастых мужчин сомкнулось вокруг. Конечно же, это были не служивые — те непременно зажгли бы факелы. Тишина и мрак стояли окрест.

Мотыльки-светоносцы уже исчезли, значит, наступил самый темный предрассветный час.

— Привет, Шатун,— сказал кто-то сутулый и неимоверно широкоплечий, с руками, свисающими ниже колен.

На шее его, подвешенный на витом шнуре, болтался нож — точная копия того, каким был убит служивый.

— Привет, Змеиный Хвост,— спокойно ответил наш болотник.— Все ли хорошо в твоем Доме?

— Как всегда. Прости, что тебе пришлось так долго дожидаться нас.

— Ничего. Я не терпел здесь утеснений. Кто прислал тебя за мной?

— Прорицатели.

— Зачем я им понадобился?

— Там узнаешь. Это долгий разговор.

— Ты спешишь?

— Да, очень спешу. Скоро рассвет, и нас могут заметить. Бежать ты можешь?

— Не быстрее, чем дохлый крот.

— Хорошо, мы понесем тебя. Только сначала избавимся от этих слизней.

Не оборачиваясь, он сделал жест рукой, словно отгоняя назойливую муху. Трое молодцов, на ходу снимая ножи, двинулись к нам.

— Стойте! — Болотник тоже выхватил нож и приставил к собственному горлу.— Прежде чем причинить вред этим троим, вы справите поминки по мне.

— Выслушай меня.— Змеиный Хвост отступил на шаг и упер руки в бока.— В неволе мыкается немало наших братьев, но меня послали только за тобой. Ты думаешь, это ничего не стоило? Тридцать дней назад в путь тронулись пятьдесят самых лучших воинов. В Горелом Ходу у Вдовьей Развилки нас ждала засада, и дальше пришлось идти Старым ходом. А ведь ты знаешь, что такое Старый ход в эту пору года! Трое остались там, и твой племянник Харар Горлодер тоже. Мы дважды сражались с шестирукими, а всех стычек со служивыми я и не упомню. Грид Разумник сорвался в Прорву. Аргаса Силача унес косокрыл. Радан Безродный и три его сына не вернулись из дозора. Вчера погибли твои братья Краснослов и Точило. Сюда добралась только половина из нас. А ведь предстоит еще обратная дорога. И ты хочешь погубить все из-за этих сморчков! Посмотри на них, особенно на того, в портках! Это враги! Они недостойны твоего покровительства.

— Цена моих слов тебе известна. Поступай, как знаешь, но я от своего не отступлюсь. Лучше всего, если нас отнесут обратно.

— Хорошо,— после короткого раздумья вымолвил Змеиный Хвост.— Пусть будет по-твоему. Умных советов ты никогда не слушал.

Он снова взмахнул рукой, но уже по-другому, как будто ловил что-то невидимое в воздухе. Нас сразу свалили с ног и ловко запутали в прочную, не очень густую сеть. (Если ею и ловят рыбу, то весьма крупную, успел подумать я.) Десятки сильных рук со всех сторон ухватились за сеть и вместе с грузом наших тел проворно потащили куда-то.

— Хочешь, я спою тебе самую лучшую свою поминальную песню? — прошептал Головастик. Голова его находилась где-то у меня под мышкой.

— Чуть попозже,— ответил я.— Думаю, еще не время.

Судя по стуку пяток, звонкому и отчетливому, как барабанная дробь, наши спасители (или палачи) бежали по ровняге — удобному, хорошо ухоженному тракту, проложенному по сельге —

центральной и наиболее возвышенной части ветвяка. Однако вскоре темп движения изменился, шаги стали мягче и приглушенней, по моему лицу начала хлестать мокрая шершавая зелень. Наш паланкин (не могу подобрать иного названия для этого странного экипажа) свернул на бездорожье, густо поросшее всякой растительной дрянью, в основной своей массе колючей, жгучей и прилипчивой. Мрак мало-помалу сменился тусклой полутьмой. Стало понятным, почему тела болотников показались мне вначале такими массивными — за спиной у каждого был приторочен большой, плотно упакованный мешок. Я уже мог рассмотреть мелькающие мимо кусты иглицы, спутанные, высохшие шары бродяжьей травы, причудливое переплетение яблочной лианы, бледные конусы сумчатого гриба, наплывы смолы, похожие на каменные утесы. Носильщики наши не обнаруживали никаких признаков усталости. Наоборот — бег их становился все легче. Вскоре я понял причину этого: путь наш шел под уклон, и уклон этот постепенно становился все круче. Лес редел, все чаще нам попадались корявые, низкорослые деревца, похожие чем-то на карельскую березу, и хрупкие пористые столбы стосвечника. Потоки сизого тумана, обгоняя нас, скользили вниз по склону, который в скором времени грозил превратиться в обрыв. Болотники уже не бежали, а, цепляясь за кустарники, осторожно сползали по крутизне. Сейчас они не могли достаточно сильно растягивать сеть в стороны, и она (а главное — мы) волочилась по траве. Любой случайно оказавшийся на пути острый предмет мог распороть брюхо или выколоть глаз. Но еще более грозная опасность открывалась впереди — беспредельная мутная пустота, пропасть, дна которой достигают только мертвецы, чуждый и загадочный мир, имя которому — Прорва.

Перед нами в пелене тумана обозначилось что-то горизонтальное, массивное, далеко выступающее вперед.

Из дюжины служивых, охранявших это сооружение, лишь троечетверо успели проснуться и задать стрекача. Да и то спастись сумел только один — самый ушлый, а может, просто поднаторелый в таких передрягах. Проворно скинув форменные трусы, он ящерицей сиганул сквозь кусты в чащобу. Остальные застряли, зацепившись за колючки, и стали легкой добычей болотников.

По гладким, струганым доскам нас дотащили до края помоста и, не выпутывая из сети, оставили там. Я уже успел догадаться, для чего предназначена эта похожая на трамплин конструкция. Именно отсюда сбрасывали в Прорву мертвецов и преступников. Короче говоря, эшафот и некрополь одновременно. Невеселое местечко, что и говорить!

Болотники, между тем, занялись непонятным делом: быстро нарезав длинных тонких жердей, они связали их верхушками по три штуки и в том же месте крепили свои объемистые мешки.

Затем одновременно — р-раз — каждый ухватился за свою жердь, и с десяток высоких треножников выросло на помосте. Мешки развернулись и огромными чулками упали вниз. Каждый из них покрывала еще и сеть, точно такая же, в какой барахтались мы.

Жаркие смоляные факелы один за другим вспыхивали под горловинами чулков, и те понемногу зашевелились, стали пухнуть и округляться.

Вскоре жерди за ненадобностью были разобраны и отброшены прочь. На свежем ветру покачивалась целая эскадрилья тугих, крутобоких монгольфьеров, с трудом удерживаемых на месте их хозяевами. Но вот, повинуясь безмолвной команде Змеиного Хвоста, двое первых болотников, увлекая баллон, побежали к краю помоста и смело прыгнули в бездну. В последний момент оба они успели вскочить в широкие кожаные петли, прикрепленные к сетке.

— Всякое случалось в моей жизни,— сдавленно пробормотал Головастик.— Но вот в Прорве летать еще не приходилось.

— Ради такого случая ты просто обязан сочинить новую песню,— посоветовал я.

— Сочинить ее я, может, и сочиню,— вздохнул Головастик,— только кто ее, кроме косокрылов, слушать будет?

К нам уже подбегали четыре болотника, и каждый тащил с собой непослушный, рвущийся из рук баллон.

Наш кокон, подхваченный за края, заскользил по настилу, провалился вниз и плавно поплыл вдоль покатой, ощетинившейся тысячей веток, перевитой гирляндами цветов и увешанной лохмотьями мха, зеленой стены. Длинные, горизонтально торчащие побеги веретенника время от времени задевали оболочку шара. Постепенно ветер увлекал нас все дальше в сторону, но еще долго в белесой дымке угадывалось нечто неизмеримо огромное, заслоняющее чуть ли не половину видимого пространства.

Болотники снова зажгли факелы, и спуск замедлился. Слева и справа от нас бесшумно скользили другие шары. Все это походило на мирный воздушный праздник, и я мало-помалу стал успокаиваться.

Что бы ни ожидало нас впереди, хуже уже не будет. (Ох, как жестоко я ошибался!) Может, не все болотники такие отчаянные головорезы, как Змеиный Хвост и его команда? Жаль, что я так мало знаю об этом народе. Вот только штанов они зря не носят и очень уже все серьезные...

— Эй! — позвал я Шатуна.— Чем ты нас в гостях угощать будешь?

Болотник ответил что-то, но встречный поток воздуха отнес его слова.

— Не слышу,— настаивал я, но Шатун больше не реагировал на мои вопросы.

— Не дери зря глотку! — крикнул мне Яган.— Зачем ему теперь говорить с тобой? Кто мы для него такие? Сморчки! Видел, как его приятели резали наших служивых?

— А правда, что с нами будет?

— Откуда мне знать! Ни одно существо, в жилах которого течет кровь, не вернулось еще из Прорвы. Мимо Фениксов и косокрылов даже камень не пролетит. Но если мы и достигнем Иззыбья, ничего хорошего нас там не ждет. Болотники не щадят чужаков.

— Да-да! — подтвердил Головастик, и непонятно было, шутит он или говорит серьезно.— Людишек ничтожных, вроде меня, они просто топят в трясине. А кто чином повыше, да еще в портках, того сажают в яму с голодными пиявками.

Внезапно что-то изменилось вокруг нас. Шар резко ускорил падение. Болотники, потушив факелы, энергично переговаривались, больше жестами, чем словами. И хотя понять что-либо по их грубым, малоподвижным лицам было весьма непросто, где-то внутри меня зародился скверный холодок тревоги. Весьма и весьма неприятно, скажу я вам, если тот, в ком ты уверен больше, чем в себе самом, начинает проявлять признаки растерянности и беспокойства.

Болотники встали в своих хлипких седлах в полный рост и, вцепившись в сеть, принялись дружно раскачивать шары. Тем же самым, насколько я мог понять, были заняты и другие воздушные наездники. Шары, до этого двигавшиеся компактной группой, начали расходиться в стороны.

Какой-то новый звук исподволь вплелся в неутихающую песню ветра — тихий, скользящих шорох, негромкий посвист огромных невесомых крыльев. Впереди и много ниже нас из тумана неспешно выплыла сероватая треугольная тень, похожая на очень большой дельтаплан — тонкая, мохнатая перепонка, растянутая между хрупкими, давно утратившими первоначальное предназначение лапками (примерно десятиметровой длины каждая), четыре уродливых рудиментарных пальца, беспомощно свисающих по краям перепонки, пятый, развернутый вверх, кривой и острый, как петушиная шпора, длинная шея, увенчанная маленькой круглой головкой, черная оттопыренная губа, черные десны, две пары тускло-белых клыков.

Слегка кренясь и описывая концентрические, постепенно суживающиеся круги, косокрыл медленно приближался. Один из шаров пронесся прямо над ним, едва не задев хребет, однако это ничуть не заинтересовало летающую тварь. Она уже наметила себе цель, самую крупную из представленных здесь. Сначала косокрыл проплыл под нами, потом впереди, пересекая курс (нас при этом качнуло, как ялик на штормовой волне),— и вот, затмив белый свет, уже навис сверху. Шея его, до этого круто, как у лебедя, откинутая назад, стремительно развернулась, и клыки достали одного

из болотников. Каким-то чудом тот все же удержался в петле, хотя остался без факела и без левой руки. Обливаясь кровью, он зацепил нашу сетку за баллон и только после этого камнем рухнул вниз. Косокрыл, разворачивающийся для нового захода, нырнул вслед за ним и, подхватив поперек туловища, скрылся в тумане. Когда спустя несколько минут он вернулся уже совсем с другой стороны, горло его было непомерно раздуто и в нем медленно, толчками, передвигался какой-то ком.

Начинался второй тур смертельного танца.

— Пой! — крикнул я Головастику.— Пой свою любимую поминальную песню! Теперь уже можно!

— З-з-забыл! — едва выдохнул тот. Говорить Головастику мешали зубы, клацавшие прямо-таки в пулеметном темпе.— Все з-забыл. И слова забыл, и мотив.

Оставшиеся в живых болотники ножами кололи оболочку шаров. Теплый воздух шипя вырывался из отверстий — и мы падали все быстрее. Внизу потемнело — приближалось что-то гораздо более плотное, чем туман: может, слой облаков, а может, долгожданная твердь, но косокрыл, продолжающий неумолимое преследование, был уже совсем рядом.

Выше нас скользил одинокий шар, на котором гроздью висели сразу трое болотников. Наверное, это были последние, кто покинул помост. И вот, когда планирующий косокрыл оказался прямо под этим шаром, одна из фигурок солдатиком бросилась вниз.

Никогда в жизни я не видел больше воздушной акробатики такого класса! И нигде больше мне не встречались такие отчаянные храбрецы! Как он не промахнулся, как не расшибся о жесткий хребет, как удержался на гладкой, влажной от тумана шкуре? Сидя на спине косокрыла, у самого основания шеи, человек казался крошечным, как слепень на загривке быка. Чудовище, похоже, даже и не замечало его присутствия.

Но вот болотник, ловко орудуя ножом, принялся кромсать неподатливую плоть — и косокрыл вздрогнул, мотнул головой, заложил резкий вираж влево. Теперь он уже не выписывал плавные круги, а метался из стороны в сторону, то исчезая в тумане, то появляясь снова в самых неожиданных местах. Болотник словно прирос к своему гигантскому противнику и резал, рубил, долбил его шею, подбираясь к спинному мозгу.

Наконец косокрыл с резким хлопком сложил крылья и сорвался в штопор. Маленькая фигурка, словно подброшенная катапультой, взмыла вверх. Несколько баллонов устремились к смельчаку на выручку, но их перемещение было настолько же медлительным и неуклюжим, насколько грациозен и стремителен был свободный полет человеческого тела, увлекаемого к земле неумолимой силой тяготения.

Снизу быстро приближалось что-то темное, бугристое, колючее, как шкура дикобраза. Косокрыл, пытаясь набрать высоту, бился из последних сил и вдруг весь смялся, переломился, разрушился, как столкнувшаяся с препятствием хрупкая авиамодель. Острые вершины деревьев во многих местах пронзили его крылья.

Последний слой тумана исчез, и в десяти метрах под собой я увидел землю — черную, раскисшую, лишенную всякой травы, сплошь изрытую ямами, канавами и ржавыми озерцами.

Мы шлепнулись в густую мерзкую грязь, и она сразу накрыла нас с головой, залепила глаза и уши, хлынула в рот, нос, глотку, тисками сдавила тело, проникла в легкие...

Если когда-нибудь мне доведется стать здешним историографом, труд свой я начну примерно так:

«Мир сей состоит из враждебных друг другу, но неразделимых частей, трех вечных стихий — Вершени, Иззыбья и Прорвы. Таким он был создан изначально, таким он придет к своему концу.

Вершень, это всепланетный лес могучих и бессмертных занебников — гигантских деревьев-вседержателей, любое из которых высотой и массой не уступает Монблану. Соприкасаясь сучьями, они образуют целые континенты, высоко вознесенные над поверхностью планеты. Своими соками занебники питают несчетное количество живых тварей и растений-паразитов.

Занебник, давший мне приют, именуется Семиглавом. Странное, волнующее значение заключено в названиях тех мест, где ты страдал или был счастлив...

Вершень, если отвлечься от частностей (колодки, бадья с тошнотворной размазней, кровавые мозоли на ладонях), ассоциируется для меня с вечным шумом ветра, с туманами, расцвеченными тысячами радуг, с волшебной чистотой воздуха, а главное — с зеленью. Зеленью всех возможных колеров и оттенков.

Иззыбье — серая, топкая хлябь, лишенная всяких ярких красок. Здесь ни тепло, ни холодно, а ветер не приносит свежести. Сюда никогда не достигают солнечные лучи. Тут не знают смены времен года.

Но именно отсюда занебники сосут свои соки, в этой почве находят опору их исполинские корни, сюда роняют они все мертвое, ненужное, отслужившее свой срок. Иззыбье — колыбель жизни и прибежище смерти.

Между Вешенью и Иззыбьем только Прорва. Она объединяет, она же и разъединяет эти две стихии. Прорва есть напоминание о высших, запредельных силах. Символ ее — косокрыл, существо, никогда не искавшее себе иной опоры, кроме пустоты. Косокрылы рождаются, кормятся, спариваются и спят в полете. Даже мертвые,

они способны многие месяцы подряд парить в восходящих потоках воздуха, наводя страх на все живое...

Вершень, Иззыбье, Прорва — жуткая сказка, к которой я едва-едва прикоснулся...»

Встретили нас хоть и не особенно любезно, однако захлебнуться в трясине все-таки не дали. Из всего процесса реанимации самой неприятной оказалась процедура очищения от грязи. Очищали нас, главным образом, изнутри. На грязь наружную здесь внимания не обращают.

Едва только наша четверка немного отдышалась, обсохла и смогла самостоятельно глотать, наступило время трапезы. Проходила она примерно так: каждое новое блюдо, подносимое Шатуну, вызывало у него явно негативную реакцию. Он морщился, крутил носом и отдавал его Головастику. То же самое происходило и со вторым блюдом, доставшимся мне, и с третьим, которым завладел Яган. Лишь каждая четвертая порция казалась Шатуну приемлемой, и он неспешно, даже как-то снисходительно, отщипывал от нее несколько кусочков. Удивительная привередливость, особенно если учесть, что все мы не ели больше суток. Таким образом опостылевшая колодка теперь весьма выручала нас. Пока она соединяет нас с Шатуном, голодной смерти можно не бояться.

Наконец повара (угрюмые личности, по виду ничем не отличавшиеся от громил из банды Змеиного Хвоста), собрав опустошенную посуду, удалились. На смену им явилась целая делегация старцев весьма зловещего вида. Их растрепанные, уже даже не седые, а какие-то грязновато-зеленые ребра были покрыты паршой и струпьями, иссохшие члены тряслись, глаза светились безумным огнем. У одного веки были зашиты грубой нитью, у другого ухо оттягивал внушительный булыжник, третий на цепи волочил за собой полутораметровую чурку, тела остальных также носили следы самоистязаний и крайнего аскетизма.

Самый ветхий и уродливый из этих патриархов приставил ко рту Шатуна глиняную чашку, но тот крепко сжал губы и рукой указал на нас. Старик недовольно забормотал что-то, но был вынужден уступить. Все мы по очереди пригубили по глотку отвратительного, безнадежно прокисшего, пахнущего куриным пометом пойла. Едва оно успело достичь моего переполненного желудка, как в висках техонечко зазвенело, окружающий пейзаж утратил четкость, приятное тепло подобралось к сердцу, а мрачные мысли улетучились. Я радостно икнул и рассмеялся. Скрюченный в дугу, бельмастый старец с изуверской рожей вдруг стал казаться мне чуть ли ни отцом родным. Я доверчиво протянул к нему руки и напоролся ладонями на шипы какого-то растения, хотя никакой боли при

этом не почувствовал. Чтобы проверить ощущения, я ущипнул себя за плечо — с тем же результатом.

Вторую чашку — деревянную — я принял уже с восторгом и благодарностью, тем более, что новый напиток был прозрачен, душист и сладковат. Все мои мышцы сразу одеревенели, рука с растопыренными пальцами застыла в воздухе, восторженный возглас застрял в горле, вытянутый в трубочку язык так и остался за пределами рта. Не могу сказать, сколько времени я провел в таком состоянии — может, минуту, а может, час. Мыслей не было. Желаний тоже. Из человека я превратился в деревянную статую.

Наконец, внутри меня словно лопнула какая-то туго натянутая пружина. На мгновение полегчало. Потом жаром шибануло одновременно в голову и ноги. Железо мышц превратилось в студень, и я рухнул на спину, беспомощный до такой степени, словно кто-то острой бритвой перерезал мне все сухожилия.

Третью чашку, на этот раз железную, проклятый колдун выплеснул в мой широко разинутый рот. Были в ней кровь ехидны, яд змеи и молоко скорпиона. И стало мое тело воском, мысли черным вихрем, а душа бесполезным паром. Бездонный, призрачный тоннель разверзся передо мной, и я заранее знал, куда именно он ведет.

Я был теперь почти трупом, и, чтобы убедиться в этом, страховидный старик (нас, кажется, знакомили когда-то, имя его, если не ошибаюсь, Харон) легко выдернул из сустава большой палец моей левой ноги — при этом раздался сухой звучный щелчок — и поставил его перпендикулярно остальным. Результат, видимо, удовлетворил его. Вернув палец на место, он вплотную занялся моим голеностопом. Долго растирал и мял его, энергично вращал и встряхивал, потом последовал резкий, но совершенно безболезненный рывок. Стопа моя, ставшая вдруг похожей на уродливую короткопалую ладонь, вывернулась назад, а впереди оказалась пятка. Тут кто-то здоровенный грубо обхватил меня сзади. Старик потянул кольцо колодки на себя и оно легко соскользнуло с моей ноги.

Затем все суставы были возвращены на прежние места. Щиколотку покрыла шина из коры и плотная лубяная повязка.

Действие колдовских зелий постепенно проходило. Я почувствовал боль во всем теле, сплюнул горькую, тягучую слюну. Дурман постепенно выветривался из головы, мысли приходили в порядок, наваждение исчезло. Однако я был еще так слаб, что даже не мог сидеть. В таком же жалком положении пребывали и остальные мои сотоварищи, за исключением Шатуна — его уже унесли куда-то на крытых плетеных носилках. Нас же, беспомощных и покорных, поволокли совсем в другую сторону — к яме с черной, стоячей водой, такой грязной, как будто бы целый пехотный полк, только что

вброд преодолевший торфяное болото, обмыл здесь свои сапоги.

Меня первым швырнули в эту вонючую жижу — швырнули, даже не изволив предупредить. И хотя меня можно было считать живым всего на одну треть, не сомневаюсь, что сейчас, освобожденный от колодки, я сумел бы самостоятельно выбраться на поверхность. Но кто-то гораздо более сильный, а главное, имевший в легких гораздо больший запас воздуха, тащил меня все дальше по тесному, круто изгибающемуся тоннелю. Когда я перестал пускать пузыри и уже собрался отдать концы (последняя дикая мысль: жаль, что рядом нет Головастика и некому спеть поминальную песню), вода вокруг моей головы с шумом разверзлась. Мы всплыли в полнейшем мраке посреди какой-то замкнутой подземной полости. Мой буксировщик помог мне выбраться на относительно сухое место и, фыркнув, как ныряющий морж, ушел обратно в глубину.

Вскоре рядом оказался Головастик, а затем и Яган, от переживаний на время утративший дар речи. Здесь нас и оставили, мокрых, полузадохнувшихся, но свободных, если под свободой понимать отсутствие цепей и колодок.

Давно замечено, что изоляция от соблазнов и искусов суетного мира весьма благоприятно сказывается на мыслительной деятельности. Скольких великих творений ума человечество не досчиталось бы, если бы не тюрьмы, монастыри и карантины по случаю чумы.

В этом смысле я находился в идеальных условиях. Изоляцию усугубляла темнота. Единственные доступные развлечения: песни Головастика и жалобы Ягана — уже иссякли. Значит, плюсуем еще один положительный фактор — тишину. Тут хочешь не хочешь, а задумаешься. Тем более, что пора подвести некоторые итоги. Можете размышлять вместе со мной.

Вот я зачерпнул пригоршню грязи. Могу побиться на любой заклад, что кроме нее в моей ладони находится сейчас космическая пустота, кусок льда, кипящая магма, грудь красавицы, алмаз невиданной доселе чистоты, сердце свирепого зверя и еще многое-многое другое. В это трудно поверить. Еще труднее это объяснить. Но это действительно так.

Неисчислимые миры заполняют один объем абсолютного и всеединого пространства, ничуть не мешая при этом друг другу. Так в цилиндре фокусника самым загадочным образом умещаются: и живой кролик, и букет бумажных цветов, и стакан воды, и двенадцать дюжин разноцветных носовых платков.

Любой предмет можно представить как бесконечное количество плоскостей. Точно так же и вся наша Вселенная, вместе с Землей, Солнцем, Юпитером, Сириусом, Канопусом, Большим Магеллановым Облаком и миллиардом других галактик, по сути дела, и являет-

ся лишь тончайшим срезом другой, намного более высокоорганизованной структуры, некоей непознаваемой для человеческого сознания Супервселенной.

Все составляющие ее миры родились одновременно. Одни называют это актом божественного творения, другие — первичным толчком, третьи — моментом сингулярности. А что это такое на самом деле, не знает никто.

Все миры родились совершенно одинаковыми. Но уже в первые секунды начали появляться и различия. Сначала одна-единственная элементарная частица отклонилась от своего предопределенного пути. Потом пара атомов столкнулась в неположенном месте. Вследствие этого звезда родилась совсем не там, где надо. Планеты заняли другие орбиты. На них образовались иные минералы. Место суши заняли моря. Место морей — ледники. И любое такое отклонение было чревато бесчисленным количеством последствий. Разрастаясь, как снежный ком, любой аномальный фактор сам становился нормой. Как результат: в одном из миров разум стал достоянием приматов, в другом — сумчатых, в третьем — грызунов, а в остальных, скажем, ста миллионах миров разум вообще не возникает.

Все миры отделены друг от друга невидимыми, но непреодолимыми стенами. Мы не знаем, есть ли в этих стенах двери и какими ключами они открываются. Но в любых стенах есть слабые места: трещины, норы, выбоины. В принципе, их можно отыскать, вычислить, нащупать вслепую. Многие из них, кстати, давно известны.

Совершенно достоверным фактом можно считать существование межпространственного перехода где-то в глубинах озера Лох-Несс. Через него в наше измерение нередко проникают странные существа, якобы похожие на древних плезиозавров, а на самом деле похожие только на самих себя. Мутная и холодная вода шотландского озера не позволяет им ни долго жить, ни размножаться. Где-то в Гималаях существует место, в котором наш мир соприкасается с другим миром, населенным косматыми, неуклюжими гоминидами, прозванными шерпами «йети». Появление гиппогрифов, цилиней, сирен и морских змеев, страшные и загадочные эпидемии, время от времени обрушивающиеся на землян, феномен Бермудского треугольника, озеро Вражье в Тюменской области, башня Призраков в Тебризе, старомосковская богадельня на Кулишках, квартира харьковчанки Брыкиной, оазис Юм в Антарктиде, НЛО, загадочные исчезновения людей и всевозможные необъяснимые феномены, считавшиеся раньше колдовством и морокой,— все это следствие взаимодействия разных миров.

Не исключено, что некоторые личности, память о которых навечно сохранила история: Саргон Древний, Шакьямуни, Иосиф Флавий, йог Патанджали, Нострадамус, Калиостро, Гарри Гудини — были на нашей планете всего лишь случайными гостями.

Таких людей, как я, немного. По крайней мере, я знаком со всеми, а память у меня неважная. Несведущий народ зовет нас «контактерами», «рейнджерами» и даже «охотниками за привидениями». Все эти клички или приблизительны, или высокопарны. Нам они не нравятся. Сами себя мы называем пролазами (синоним здесь — проникать, а отнюдь не ловчить. Прошу не путать!)

Это не профессия, не увлечение, а, скорее, образ жизни. Ты должен быть пролазой не с девяти до восемнадцати, а все двадцать четыре часа в сутки. Вся наша жизнь посвящена одной цели. Каждый из нас обязан постоянно быть наготове.

Нас никто не принимает всерьез, но зато никто и не мешает. Фактор существования бесчисленного количества сопредельных пространств (ансамбля миров, как говорим мы) не занимает внимание широкой общественности. Мало ли кругом всяких чудаков! Если одни, рискуя жизнью, лазают по отвесным скалам, а другие в утлых лодочках сплавляются по горным рекам, почему бы третьим не заняться исследованием подступов к «тому свету»?

Главным критерием отбора для пролазы является не смелость, не бицепсы, и даже не ум, а неприметность. Да-да, именно неприметность. Ум можно обострить учением, бицепсы накачать тренингом и анаболиками, а особая смелость нам вообще ни к чему. Зато неприметность — редчайший дар. Примерно то же самое, что абсолютный музыкальный слух или способность к левитации. Его не купишь, не разовьешь и не воспитаешь.

Чтобы все это стало понятным, начну с антитезы. Вам, несомненно, приходилось встречать людей, на которых сразу обращаешь внимание, вне зависимости от того, красивы они или уродливы, молоды или стары, во что одеты и кем окружены. Именно из этой среды выходят политики, знаменитые актеры и брачные аферисты. Именно эти люди украшают обложки журналов, рекламные проспекты, предвыборные плакаты и картотеки Интерпола. Отношения с судьбой у этой публики всегда были сложными — головокружительные взлеты нередко сменялись не менее головокружительными падениями, а иногда и мертвыми петлями.

Гораздо менее известна другая категория людей, наделенная от природы диаметрально противоположными качествами. На них никогда не задерживается взгляд, негромкие слова их никому не интересны, даже если один из них случайно отдавит вам ногу, это не вызовет особой реакции. Из людей неприметных получаются добычливые охотники и первоклассные разведчики. Никогда не верьте, что гениями шпионажа были супермены типа Джеймса Бонда или Штирлица. Совсем наоборот. Все великое на этой хоть и малопочтенной, но весьма необходимой стезе совершено личностями тихими и незаметными. Такими тихими и такими незаметными, что даже имен их не сохранилось в архивах. Неумолимые Мойры

относятся к подобному люду снисходительно — мы одинаково защищены и от лукавых улыбок Фортуны и от пинков злого Рока.

Как я уже говорил, жизнь пролазы — это вечное ожидание. Кто-то другой корпит в архивах, опрашивает очевидцев, носится по городам и весям в погоне за слухами и небылицами, пытается установить с иными мирами телепатический контакт, проводит тончайшие инструментальные измерения.

И лишь когда все сомнения остаются позади, когда желанная цель достигнута, когда точно определено место межпространственного перехода — наступает наша очередь. Только мы одни имеем право покидать пределы родного мира.

Вот здесь-то и должна пригодиться наша неприметность — природный дар, без сомнения, универсальный для любых измерений. Никакая маскировка, никакая выучка ниндзя, никакие технические средства, вроде пресловутой шапки-невидимки, не смогут помочь в совершенно незнакомом мире, где аборигены, к примеру, способны видеть в тепловом диапазоне или обладают метапсихическим чутьем. Пролаза должен казаться своим и среди белых и среди черных, и среди троглодитов и среди современников Шекспира. Ничего страшного, если его примут за урода, безумца, изгоя. Главное, чтобы в нем не разглядели опасного чужака, коварного соглядатая.

Единственное наше снаряжение — плащ неопределенного цвета и покроя, которому при некотором умении можно придать почти любую форму. Обувь запрещена самым строгим образом. Босые ноги вызывают куда меньше подозрения, чем ботинки незнакомого покроя.

Отпечатки босых ступней на чистом ноябрьском снегу как раз и было то самое последнее, что я оставил после себя в нашем мире. Две полосатые вешки обозначали место предполагаемого межпространственного перехода, кроме того, я мог ориентироваться на телепатические сигналы Клопа, одиннадцатилетнего мальчишки, самого сильного экстрасенса нашей группы, уже второй час кряду державшего этот переход под контролем. («Кто-то живой там есть,— сказал он, облизывая измазанные шоколадом пальцы.— Может, люди, а может, и не люди... Дурдом какой-то. Я бы туда не пошел».)

У вешек меня поджидал Архимед, шеф наших технарей. В руках он с видимым напряжением держал короткое, метра два длиной, фиберглассовое удилище. Вокруг лежали раскрытые рюкзаки с приборами, мотки провода, всевозможный инструмент.

— Ну и как? — с любопытством спросил я.

— Лучше не бывает,— с натугой ответил он.

— Атмосфера?

— Адекватная.

— Радиация?

— В пределах нормы.

— Температура?

— Плюс шестнадцать.

(Но это я и сам ощущал. Откуда-то по босым ногам тянуло теплом, а между вешками снег осел и подтаял.)

— Что еще?

— Во-первых, следы технологической цивилизации отсутствуют. Никаких промышленных ядов, никакой пыли, никаких вредных газов. Воздух, как на горном курорте. Во-вторых, сейчас там очень темно. Как говорится, ноль целых, ноль десятых...

Или там всегда так, или это безлунная и беззвездная ночь. Не задерживайся долго. Межпространственный переход штука ненадежная, может в сторону уйти, может закрыться. Клоп все время будет держать тебя на поводке. По его команде сразу назад.

— Спасибо, инструкцию я помню.

— Тогда иди... Впрочем, подожди. Сейчас я закончу.

Он стал выбирать удилище на себя, и оно странным образом все удлинялось — вот уже и три метра вышло из пустоты, и пять, и все восемь. Я, как завороженный, смотрел на тонкий гибкий шест, только что побывавший за пределами пределов, в месте более далеком от Земли, чем Туманность Андромеды. Никаких отметин не было на его гладкой, полированной поверхности — ни пятен, ни свежих царапин, ни следов огня.

На самом конце удилища болтался прибор, фантастически сложный и чрезвычайно уродливый, как, впрочем, и все, что выходило из рук Архимеда.

Штука эта была его последним и любимейшим детищем. Называлась она танатоскоп, а проще говоря — счетчик смертей. Улавливая испускаемые гибнущим разумом особые сигналы, танатоскоп определял степень благополучия исследуемого мира. Само собой, что степень эта сильно снижалась в годы войн, эпидемий и катаклизмов.

Архимед взял прибор в руки и долго смотрел на него. Потом постучал пальцем по циферблату, покрутил какой-то лимб, пощелкал тумблерами.

— У меня такое впечатление,— сказал он наконец,— что в тех краях, куда ты отправляешься, человеческая жизнь абсолютно ничего не стоит. Там людей давят, как тараканов.

— Кто давит?

— Да те же самые люди. Братья по разуму. Может не пойдешь?

— Шутишь! Пугай кого-нибудь другого своим дурацким прибором!

— Тогда удачи тебе!

Он сделал движение, как будто хотел попрощаться, но тут же убрал руки за спину: меня только что обработали всякими дезинфицирующими составами. Отныне я был неприкасаем для земляков.

Милый, вечно чем-то озабоченный Архимед, он искренне пожелал мне удачи, хотя лучше, чем кто-либо другой, знал, как редко возвращаются пролазы. Конечно, я тоже был осведомлен о таком прискорбном факте. Но это не помешало сделать решительный шаг в неизвестность, в тайну, в непроницаемый мрак, насквозь пронизанный беззвучными сигналами смерти...

Удачи мне не было.

Темнота — это еще полбеды. Можно дождаться рассвета, можно двигаться на ощупь. То, что прямо впереди бездонная пропасть (а такие вещи я чую очень остро), тоже не страшно. Хуже, если твою щеку сразу обжигает что-то похожее на каплю расплавленного свинца. Тут хочешь, не хочешь, а подпрыгнешь. Следующая капля попала в макушку. Еще одна опалила шею. Прежде чем я догадался натянуть плащ на голову, не менее десятка огненных шмелей ужалило меня. Когда же верхняя часть тела оказалась в безопасности, стало припекать пятки. Я скакал и вертелся, как грешник на раскаленной сковородке, пока не сорвался вниз. Жесткая, изрезанная трещинами наклонная поверхность, по которой я скользил на животе, не могла быть ни камнем, ни землей. Цепляясь ногами и руками за ее неровности, я, как мог, тормозил падение. Наконец одна из трещин, просторная, как пещера, дала мне приют. Жгучий дождь не проникал сюда (как выяснилось впоследствии, это действительно был дождь, только извергали его не тучи, а растущие над моей головой корнями вверх антиподные леса), но я пять или шесть часов просидел без сна, дожидаясь рассвета.

Утро не внесло ясности в мое положение. Отвесная, уходящая в небо бурая стена никак не ассоциировалась в моем сознании с древесным стволом, а расстилавшееся внизу плодородное нагорье, сплошь покрытое рощами, плантациями и поселками — с веткой этого самого дерева. Прошло немало времени, прежде чем я стал немного разбираться в реалиях этого мира. Я скитался по тропам и дорогам, нередко в обществе воров и попрошаек, спал там, где заставала меня ночь, питался всем, чем придется, включая молодые побеги бамбука и личинок термитов, прислушивался к местному языку, вникал в обычаи и законы, старался понять, какие именно страсти движут здесь людьми и какие ценности тут в почете. С великим изумлением я услыхал первые слова Настоящего Языка, увидел казни и экзекуции, научился пользоваться боевым бичом, овладел искусством прятаться от служивых. Я пел вместе с бродя-

гами их печальные песни, пас обезьян, прислуживал странствующему костоправу и клялся именем Тимофея, не имея представления, кто это такой.

Однако очередная облава, на редкость внезапная и массовая, прервала мое вольное обучение и положила начало обучению принудительному.

Настоящий Язык — вернее, его функция в этом мире — до сих пор остается для меня загадкой. На Настоящем Языке отдаются приказы, вершится суд, осуществляются официальные церемонии. Причем, как я заметил, суть сказанного не всегда понятна говорящему, чаще всего это просто бездумное звукоподражание, высокопарная, но ничего не значащая белиберда, бессмысленный набор слов. Так могут болтать скворцы, попугаи, но отнюдь не разумные существа.

Простому люду Настоящий Язык понятен примерно так же, как боливийскому крестьянину классическая латынь, на которой служится католическая месса. Местное наречие отличается от него не только фонетически и лексически, но и фразеологически. Например, голодному человеку, заглянувшему в гости к приятелю, на Настоящем Языке достаточно сказать что-то вроде: «Я хочу есть». А мой друг Головастик в сходной ситуации выразился бы примерно так: «Привет тебе, хозяин этого просторного жилища, известный своей добротой и гостеприимством на всей Вершени, чьи предки именитые, чьи дети послушны, а все жены толщиной в два обхвата! Знай, что я пришел к тебе поговорить о достославных свершениях, великих победах и поучительных случаях, спеть с тобой немало веселых песен и поискать кусачих блох в твоих красивых и густых волосах, а отнюдь не с целью перекусить! Но если ты все же предложишь мне это, я не откажусь, а впрочем, там будет видно, но, на всякий случай, я заранее благодарю за угощение!»

Яган, до самого последнего времени отиравшийся на высоких государственных должностях, владеет Настоящим Языком примерно как ребенок трех-четырех лет от роду. Причем, как ребенок, воспитанный в казарме.

Словарный запас весьма однобок и специфичен, однако его вполне хватило бы для командира штрафной роты или тюремного надзирателя. Каждое новое слово, произнесенное мной на Настоящем Языке, Яган встречает с восторгом. Он часами может повторять «Кор-рыто! Р-ыло! Бар-ран!»

Все это было бы очень забавно, если бы не маракасы из человеческих черепов, дудки из берцовых костей, нищие калеки на каждом перекрестке, заставы на дорогах и повальные рекрутские наборы.

Я давно утратил бы счет дням, если бы не регулярное появление болотника, доставлявшего нам пищу. Со временем мое зрение кое-как адаптировалось к темноте, и я стал различать малейшие оттенки мрака. Высокий свод над головой казался мне чуть-чуть светлее, чем гнездившаяся по углам непроглядная темнота. В колодце, связывавшем нас с внешним миром, изредка мелькали какие-то смутные блики. Действуя на ощупь, мы обследовали пол и стены нашей тюрьмы. Как я и ожидал, других выходов, кроме уже известного, нигде не обнаружилось. Болотники — ребята основательные, все, сработанное ими, надежно и долговечно.

— Так и будем сидеть здесь, как тараканы в щели? — спросил я в один из первых дней нашего заключения. (Тараканы здесь, кстати, совершенно уникальные — кусачие, как тарантулы, и неистребимые, как человеческая глупость.)

— А что ты предлагаешь? — вяло осведомился Яган.

— Сбежать предлагаю.— Без колодки на ноге я ощущал себя чуть ли не птицей.

— Интересно, как?

— Если мы сюда приплыли, значит, и обратно выплыть можно.

— Ты же не сам плыл, тебя силой тащили. Думаешь, это тюрьма? У болотников все так устроено — и жилье, и кладовые, и кузницы. Подземная нора, а ход в нее водой залит. Только ход этот не прямой, а запутанный. Если правильного пути не знаешь, обязательно захлебнешься в каком-нибудь тупике. Поэтому болотники и охраны возле своих поселков не ставят.

— А ты все это откуда знаешь? — спросил Головастик.

— Откуда надо, оттуда и знаю,— недовольно буркнул Яган.

— Бывал, значит, в Иззыбе раньше?

— Бывал.

— Воевал, что ли?

— Воевал,— без особой гордости признался Яган.

— Что же вы столько лет воюете с болотниками и все без толку?

— Попробуй повоюй с ними! Спустимся сюда с Вершени — одна трясина кругом. Яма на яме. Угадай, в которой из них болотники затаились. Таскаешься целый день по топям и все впустую. Ни единой живой души. А только ночь настанет, заснешь где-нибудь на сухом месте, они тут как тут, изо всех щелей лезут и у каждого нож железный. Разве это война? Разве нормальные люди ночью воюют? Подлецы они и больше никто!

— А кто войну начал? — поинтересовался я.

— Они. Кто же еще? Мы им добром предлагали — Письмена чтите, Настоящий Язык уважайте, из своих нор на белый свет вылазьте, все железо нам отдайте, а они — ни в какую! Дикари голодные! Привыкли в дерьме ковыряться да червей жрать. К ним со всей душой — а они на тебя с ножами!

— Может, им нравится так жить?

— Что значит — нравится? Да разве они могут в этом что-то понимать? Надо жить, как положено, а не так, как нравится! В болотах змеи должны жить, а не люди. Мы бы их на какой-нибудь занебник переселили. Сейчас много занебников свободных — недавно мор был. Пусть живут себе, нам не жалко. Лишь бы железо делали. Железо штука нужная. На Вершени все есть, а вот железа нет.

— Да, неблагодарный они народ,— сочувственно вздохнул я, но Яган юмор понимал туго.

— Что неблагодарный, то неблагодарный! — подтвердил он. — Мы и ядами их сверху посыпали, и смолу горячую лили, и тухлятиной чумной забрасывали — все без толку.

— Вот они нам это и припомнят,— вздохнул Головастик.— И яд, и смолу, и тухлятину.

— А если подкоп сделать? Грунт здесь, вроде, не твердый? — не унимался я.

— Грунт мягкий, да весь корнями занебника перевит,— сказал Яган.— Думаешь, мы не пробовали копать? Кузницы их по дыму можно найти. Говорят, там, под землей, живые косокрылы сидят, в цепи закованные, и крыльями машут, чтобы огонь жарче пылал. Болотники их за это пленниками кормят. Так вот, целый день провозились, а толку почти никакого. У занебника корни тверже железа. Потом бросили это дело. Дымоход завалишь и все. Да только у них запасных дымоходов сколько угодно.

— Значит, самим нам отсюда не выбраться? — подвел я итог нашего совещания.— Если кто-то из местных не поможет, истлеют здесь наши косточки.

— Кто это, интересно, нам поможет? — хмыкнул Яган.

— Других знакомых, кроме Шатуна, у меня здесь нет.

— Как же, вспомнит он про нас! Когда шкуру с тебя сдирать станут, может, и придет поглазеть.

Однако Шатун явился значительно раньше — на десятый день нашего пребывания в подземелье. С собой он принес мешок вкусной еды и много всяких полезных вещей: глиняные миски, охапку смоляных факелов, кресало, свернутую трубкой плетеную циновку, а главное — нож. Но не тот тяжелый боевой нож, который все без исключения болотники таскают на шее, а коротенькое острое лезвие, сделанное из прекрасной, гибкой стали. Его можно было прятать в волосах, между пальцев рук, во рту.

Все подарки, включая содержимое мешка, были совершенно мокрыми, но вполне годными к употреблению. Факел — а по сути дела, это губка, пропитанная густой, горячей, как напалм, смолой,— вспыхнул от первой же искры. Наконец мы смогли обозреть свое узилище. Картина, надо сказать, оказалась безрадостной: с потол-

ка свешивались какие-то бледные заплесневелые мочала, грязь как будто шевелилась от бесчисленного количества жирных мокриц и слизней, в яме посередине пузырилась черная вода. Глаза бы мои на все это не смотрели.

— Как поживаешь, Шатун? — осведомился я по всем правилам местного этикета.— Все ли хорошо в твоем Доме?

— В моем Доме непорядок,— ответил наш бывший товарищ.— Я очень долго отсутствовал. Многое изменилось здесь с тех пор.

Из рассказов Ягана я уже знал, что для болотников «Дом» — понятие куда более широкое, чем просто жилище. Это нечто вроде клана — несколько десятков больших патриархальных семей, связанных кровным родством. Все, что происходит внутри Дома, вопрос довольно щекотливый, и чужакам его лучше не касаться.

— А на Вершени какие новости? — перевел я разговор на другую тему.— Наш ветвяк еще не срубили?

— Нет. Когда его срубят, вы это услышите. Все здесь содрогнется.

— Твои воины ходили в поход?

— Нет. Но ходили воины из Дома Тига Бешеного. Вернулись с большой добычей и пленниками.

— И где же эти пленники?

— Их, наверно, уже утопили.

— А нас когда утопят?

— Скоро.

— Уж поскорей бы. Ты там посодействуй.

— Сначала вас будут судить. А если вы вдруг вспомните что-нибудь, порочащее меня, то и моя очередь настанет.

— Что же про тебя вспомнить порочащее? Ты все время молодцом держался. Да если бы что-то и было, мы бы не сказали.

— Вы расскажете все, что было на самом деле. На суде прорицателей ничего нельзя утаить.

— А тебе какая казнь грозит? Тоже смерть?

— Нет. Суд не может наказать болотника смертью. Но я больше не увижу ни своего Дома, ни своих детей. Меня приговорят к изгнанию. А для нас это куда хуже смерти.

— Будем надеяться, что для тебя все кончится хорошо. Когда состоится суд?

— Через три дня, не считая этого.

— Ты еще придешь к нам?

— Да. Завтра.

— Теперь поняли, что нас ждет? — зловещим тоном изрек Яган, как только Шатун удалился.— Ох, чувствует мое сердце, ждет нас мука мученическая!

— Почему же? — возразил я.— Не вижу ничего страшного. Суд для того и существует, чтобы во всем разобраться. Мы ведь перед болотниками ничем особенным не провинились. Они нас сами сюда притащили.

— Да что ты понимаешь! — Яган в сердцах даже топнул ногой.— Сам подумай, если человека и без всякого суда можно утопить, что с нами тогда на суде могут сделать! Суд не для того существует, чтобы разбираться, а для того, чтобы из тебя последние жилы вытянуть. Чтобы всех сообщников выявить, все планы сокровенные вызнать, все подробности разнюхать! У нас на Вершени и то редкий суд без пыток бывает, а уж про Иззыбье дикое и говорить нечего. Для них это вроде как любимое развлечение. Целый день тебя судить будут, а уж как время придет приговор оглашать, тут даже палач не нужен — куском мяса станешь, без шкуры, без волос!

— Да, конечно, наш суд куда справедливее,— невесело усмехнулся Головастик.— Здесь тебя дикари замучают, а там — ученые люди.

— Выход у нас один! — Яган помахал ножом перед своим носом.— Я перережу вам обоим горло, а потом вскрою себе вены. Вот и все.

— Нет уж! — запротестовал Головастик.— У тебя сноровки нет. Ты уж лучше это дело мне доверь. Можно прямо сейчас и начать.

— Перестаньте! — вмешался я.— Даже слышать такое противно. У нас еще три дня в запасе. Давайте подумаем вместе, как спастись. Подкоп не годится. Корни занебника мешают, да и не справиться нам без инструментов. Остается один путь — лабиринт. Без чужой помощи нам его не пройти, захлебнемся. Значит, надо искать союзника. Про один такой случай я, между прочим, слышал.

И я поведал им свою собственную интерпретацию мифа о Тесее, Ариадне и Минотавре, старательно переиначив сюжет на местный лад. Тесей стал у меня смельчаком-служивым, спустившимся с Вершени в поисках своих друзей, похищенных злым болотником-каннибалом, а Ариадна — красивой и толстой болотницей, в глубине души уверовавшей в Письмена и Настоящий Язык.

Рассказ понравился моим слушателям и пробудил их фантазию, чего я, собственно, и добивался.

— А что! — сказал Головастик.— Неплохо придумано! Вот только где нам такую длинную веревку достать?

— А если и достанем, кто ее через лабиринт протянет,— рассудительно заметил Яган.— Хотя... надо подумать... вот если бы у нас трава-репьевка была...

— С репьевкой шутки плохи,— сказал Головастик.— Меня она однажды чуть не задушила.

— Быть такого не может. Она и ребенка не задушит.

— Я сильно пьяный был. С поминок шел. Зацепился за нее и волок, волок за собой. А потом споткнулся, упал и заснул. Проснулся, а у меня горло, как удавкой перехлестнуто. Едва выпутался.

— Надо траву уже подсохшую брать, без семян. Тогда она уже такой силы не имеет. Эй.— Яган толкнул меня в бок.— Попроси завтра у Шатуна, чтобы он принес репьевки.

— А сам ты почему не хочешь просить?

— Мне он отказать может, а тебе — нет.

— Я про репьевку мало что знаю. Даже в руках никогда не держал.

— И правильно, что не держал. Если руки свои жалеешь, никогда ее не трогай. Но я к ней давно привык. Там, где мы раньше жили, ею каждое жилище обсажено. Никакой вор через такую ограду не проберется. Наши старики из репьевки боевые кнуты плетут. Если хлестанешь кого хорошенько — голова долой... Ты, главное, попроси. А уж все остальное моя забота.

О траве-репьевке я действительно знал не много. На вид это безобидный клубок сухой жесткой травы, похожий на моток колючей проволоки. В таком состоянии она пребывает большую часть года, оживая только в период размножения. Едва только в сосудах занебников начинается бурный ход соков, тут уж надо смотреть в оба. Закрепившись в какой-нибудь щели цепкими корнями, репьевка отбрасывает далеко в сторону крепкий побег, сплошь покрытый мелкими кривыми колючками. Побег этот старается зацепиться за любой движущийся предмет — человека, зверя, ящерицу. Скрученная спиралью трава разматывается потом на многие сотни метров и укореняется по всей длине. Если попавшее в путы животное невелико, репьевка опутывает его целиком и душит, чтобы в дальнейшем использовать как дополнительный источник питания. Добравшись до живых соков занебника, трава сразу теряет свою агрессивность. Для взрослого человека она, в общем-то, не представляет опасности, но исцарапать и исколоть может. Бичи из нее действительно получаются хоть куда! Пару раз я этого удовольствия отведал. Даже после удара средней силы остается долго не заживающая рана, похожая на след циркулярной пилы.

Появившийся на следующий день Шатун был еще мрачнее, чем обычно. Молча отдав Головастику мешок с харчами, он присел на корточки у стены.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— Да. Я уже не хозяин в своем Доме. Вчера им стал мой двоюродный брат Ардан Полголовы.

— Скинули тебя, значит? — участливо поинтересовался Яган, великий дока по части интриг, закулисных сделок и дворцовых переворотов.

— Нет. Я сам отказался. Нельзя, чтобы весь Дом страдал из-за меня одного.

— Так в чем же твоя вина, объясни.— Я придвинулся поближе к Шатуну.— Может, все это из-за нас?

— Вы здесь ни при чем, успокойтесь. Прорицатели давно искали случай, чтобы поквитаться со мной. Я им всегда был хуже язвы. Да только пока на моей стороне была сила, побаивались. Думаете, для чего меня освободили? Для суда. Чтобы все мой позор видели. И чтоб другим неповадно было.

— Прорицатели — это кто?

— Те старики, которые снимали с нас колодку. Это они умеют — лечить, заговаривать, колдовать. Пусть бы и занимались своим делом, а не указывали всем, как жить. Сами ни есть, ни пить толком не могут, зато третью часть добычи забирают. Пленников топить приказывают. А ведь их обменять можно или к работе приставить. Зачем мне указывать, когда в поход идти? Я всю жизнь на войне провел, сам как-нибудь разберусь. Прорицатели! — Шатун даже зубами заскрипел от ненависти. Таким я его еще никогда не видел.

— Для любого суда нужен повод. В чем собираются обвинить тебя?

— Первая моя вина в том, что я пошел на Вершень, не спросив совета у Прорицателей. Вторая — что все мои воины погибли. Третья — что я сам остался жив.— Он замолчал, уставившись в пол пещеры.— Что я мог поделать? Когда враги со всех сторон набросились на меня, нож намертво застрял в чьем-то черепе, а перегрызть вены на руках мне не позволили... И последняя моя вина в том, что я взял вас под свою защиту. Прорицатели считают вас лазутчиками. А коль я вам покровительствую, следовательно, я изменник. Но, повторяю, эта вина не главная, дело совсем не в вас.

— Ты уже уходишь?

— Да. Мне нельзя задерживаться. За мной стали следить.

— А завтра придешь?

— Приду. Проститься.

— Ты траву-репьевку знаешь?

— Знаю. У нас ее называют цеплялкой. Ветер иногда заносит ее с Вершени.

— Если тебе не трудно, захвати завтра один клубок. Только бери сухую, без семян.

— Хорошо, постараюсь,— пообещал Шатун.

В чем болотники молодцы, так это в том, что никогда не задают лишних вопросов: зачем да почему...

Следующая ночь прошла особенно плохо. Просыпаясь в очередной раз от какого-то кошмара и смахивая с лица всякую пол-

зучую нечисть, я слышал, как вздыхает и чешется Яган, а Головастик бубнит что-то себе под нос.

— Вспоминаешь свою лучшую поминальную песню? — поинтересовался я, чувствуя, что уже не смогу уснуть.

— Нет, придумываю свадебную. Я почему-то верю, что еще спою ее когда-нибудь.

— Завтра и споешь,— пробормотал Яган.— Когда тебя со смертью женить будут.

— Можешь ныть сколько угодно, только я уверен, что мы спасемся. Мне только что сон приснился, что все мы живы и по крутопутью карабкаемся. На Вершень. И Шатун вместе с нами. Кругом радуги играют. Дождик идет теплый-теплый. И так на душе хорошо, так хорошо! Даже рожа твоя отвратительная мне не мешает.

— А ты сам, случаем, не Прорицатель?

— Все может быть.

— То-то и оно. Я давно замечаю, что у тебя мозги набекрень. Скажи, ты с рождения ушибленный или на свадьбах да на поминках умишко отпил?

— А ну-ка прекратите! — вмешался я.— Нашли время скандалить.

— Я здесь ни при чем. Он первый начал,— принялся оправдываться Яган.

Когда по нашим расчетам наверху наступил рассвет, мы зажгли последний факел и в ожидании Шатуна стали наводить в нашем жилище хоть какой-то порядок. На этот раз Шатун прибыл налегке, только под мышкой имел небольшой кожаный сверток, из которого тут же вытряхнул в грязь смятый и спутанный клубок сухой колючей травы.

— Вы поосторожнее с ней. Видите — семена. Другой не нашел. Все руки себе изрезал, пока от какой-то дохлятины оторвал.

Клубок между тем стал пухнуть и расправляться, пока не превратился в шар размером с баскетбольный мяч. Жирная грязь, покрывшая пол нашей пещеры, явно пришлась репьевке по вкусу.

— Есть какие-нибудь новости? — спросил я, когда Шатун уселся на свое привычное место у стены.

— Суд начнется завтра. Уже собираются гости со всех окрестных Домов. Прорицатели с утра варят судное зелье.

— А это что такое?

— Скоро узнаете.

— Мы тут все время будем?.. Я хотел сказать, нас после суда еще выведут на волю?

— Нет. После того, как будет вынесен приговор, землекопы обрушат свод и пещера станет вашей могилой.— Шатун поднялся.— Прощайте. Будьте мужчинами до конца.

— Уж постараемся.

Едва только Шатун успел скрыться в колодце, как Яган занялся травой-репьевкой. С видом знатока он старательно размачивал корни в воде, потом энергично встряхивал, снова совал в воду и вскоре стало заметно, как тонкие, прочные, словно проволоки, нити, начинают обвиваться вокруг его рук. С заметным трудом оторвав от себя разбухший, отяжелевший шар, Яган поместил его на край колодца, присыпав землей и обильно полив.

— Теперь отойдем подальше и посидим спокойно,— сказал он, явно удовлетворенный результатами своего труда.— Может, это и лучше, что трава с семенами. Надежней будет.

— А если наш кормилец не явится сегодня? — высказал опасение Головастик.

— И в этом случае трава пригодится. Сожрешь вот такой кусочек,— Яган широко раскинул руки,— и все! Можешь петь поминальную.

— Опять ты за свое! — Головастик с досады сплюнул.

— Явится он, явится,— успокоил я его.— Перед смертью всех узников положено до отвала кормить.

— Это у достойных людей положено,— возразил Яган.— А у дикарей все наоборот может быть. Пожалеют голозадые, лишний кусок.

Однако прав все-таки оказался я. Спустя некоторое время вода в колодце забурлила и из нее показалась голова болотника, вся облепленная длинными прядями никогда не стриженных волос. Щурясь от света факела, он сложил на край колодца предназначенную для нас грубую, малосъедобную пищу и, жадно хватанув ртом воздух, исчез в черном водовороте. Однако на мгновение раньше гибкая и стремительная плеть ожившей травы вцепилась в густую шерсть на загривке болотника. Теперь шар прыгал и вращался, с него быстро сбегала в воду упругая, вся ощетинившаяся колючками нить. Я принялся считать вслух и, прежде чем нить остановилась, дошел почти до сотни. С виду шар почти не уменьшился в размерах.

«Полторы минуты»,— прикинул я в уме. Метров двадцать-тридцать. Не так уж много, но и не мало, даже для такого пловца, как я. Что уж говорить про Ягана и Головастика, которые боятся воды, словно кошки. Тащить их на буксире дело непростое. Особенно Ягана, тушу этакую.

— А болотник не запутается под водой в репьевке? — встревожился Головастик.

— Не должен. Он даже и не почувствует ничего. А когда выберется наверх и увидит, что за ним тянется побег, просто оторвет его. Со мной такое сто раз было. Побег сразу укоренится. А когда репьевка обоими концами укоренится, она уже считается не опасной,— объяснил Яган.

Шар опять заплясал на месте, и натянутая, как струна, нить метр за метром заскользила в колодец. Дойдя до тысячи, я прекратил счет. От шара остался жалкий комок, величиной не больше кулака. Затем нить внезапно ослабла и начала петлями всплывать в колодце.

— Что бы это могло значить? — спросил я в полном недоумении.

— Откуда я знаю. Может, болотник пошел дальше, не отцепив траву. Может, ее подцепила какая-нибудь зверюга,— не очень уверенно ответил Яган.— Все может быть.

— Плавать никто из вас, конечно, не умеет?

— Разве мы жабы? Или болотники? Где это на Вершени мы могли плавать научиться?

— Ладно. Я пойду первым. Если все будет в порядке, подергаю за стебель. Потом немного отдохну и вернусь. Выведу вас по очереди. Можете пока бросить жребий.

Я со всех сторон затянул манжеты на запястьях, в большой карман на спине сунул последний факел, а в маленький, на боку, кресало. Кисти рук обернул тряпками. Яган подал мне стальное лезвие: «На, возьми на всякий случай».

Экипированный подобным образом, я встал на край колодца, несколькими глубокими вдохами прочистил легкие, потом набрал полную грудь воздуха и ухнул в стоячую прохладную воду. Время от времени касаясь рукой стебля цеплялки, я со всей возможной быстротой поплыл по узкому тоннелю, задевая головой, локтями и коленями его мягкие илистые стены. Порой тоннель расширялся, пересекался с другими подземными норами, и я попадал в холодные, почти ледяные потоки. Иногда я приоткрывал глаза, надеясь в черной, взболтанной мути разглядеть хоть какой-нибудь просвет. Я досчитал уже до ста, но ничто не говорило, что выход из тоннеля близок. Более того, сделав несколько крутых поворотов, тоннель пошел под уклон. Борясь с выталкивающей силой воды, я буквально полз вниз, перебирая руками колючий стебель. Возвращаться было уже поздно. Спасение могло ожидать только впереди. Спасение, а в равной степени и гибель. Воздух маленькими порциями покидал легкие и его становилось все меньше и меньше. В груди появилась резь, а в голове глухо зашумело.

Главное без паники, только без паники, заклинал я самого себя, чувствуя, что дыхания осталось всего секунд на пять-десять...

Тут меня резко увлекли вверх, и я, выпустив стебель, пробкой вылетел на поверхность. Кислая вонь спертого, застоявшегося воздуха показалась мне чуть ли не райским благоуханием. Совершенно обессилевший, я барахтался в воде и жадно, с хрипом и стонами, насыщался кислородом.

Сначала я не мог понять, почему так темно вокруг. Может, я

ослеп? Или это уже наступила ночь? Самые разные мысли крутились в моей голове, но специфический запах сырой земли и неподвижный, пропитанный тлением воздух свидетельствовали, что это место ничем не отличается от того, которое я совсем недавно покинул.

Попытки нащупать край колодца не увенчались успехом. Я плавал в центре довольно большого озера, и какой-то продолговатый, слегка притопленный предмет — не то гнилое бревно, не то оторвавшаяся от берега торфяная глыба — время от времени тыкался в меня. Опёршись о него локтем, я вытащил факел и щелкнул кресалом. Брызнули сине-фиолетовые искры, факел зашипел и занялся жарким, трескучим пламенем.

По низкому своду пещеры заметались огромные мрачные тени. Багровые отсветы задрожали на черной, как тушь, воде. То, что я сначала принял за бревно, выскользнуло из-под меня. Странный предмет напоминал собой огромную бобину, туго обмотанную чем-то вроде пенькового троса. На одном конце бобины торчали мучнисто-белые, чисто отмытые человеческие ступни со скрюченными пальцами, на другом разметались в воде длинные космы волос. Каждый квадратный сантиметр троса покрывало множество мелких кривых колючек. Несомненно, это было тело болотника, плотно обмотанное пробудившейся от спячки, набрякшей репьевкой. Превозмогая себя я ухватился за холодную, твердую, как дерево, щиколотку. Пульс в большеберцовой артерии отсутствовал. Даже когда я прижег пятку факелом, ни одна мышца не отреагировала на это.

Жизнь безвозвратно покинула тело болотника, и прямая вина за это лежала на мне.

Совершенно удрученный случившимся, я не сразу почувствовал, как шероховатые, эластические щупальца коснулись моих лодыжек, обвиваясь вокруг бедер, заползли под плащ. Опомнившись, я изо всей силы рванулся к берегу, но проклятое растение, успевшее повсюду разбросать корни, удержало меня на месте. Я нырнул, и вынырнул, опять нырнул, едва не захлебнувшись, и только тогда вспомнил о стальном лезвии. Побеги были прочными, как проволока, на смену каждому оборванному тут же приходило несколько новых, но я упорно рубил, резал, кромсал их, отвлекаясь лишь на то, чтобы хватануть очередную порцию воздуха. Почувствовав, наконец, свободу, я, не раздумывая, нырнул в глубину. В тесном горизонтальном тоннеле я вновь отыскал путеводную нить — тонкую, безобидную, еще не успевшую проснуться.

Обратный путь я преодолел единым махом, как заправский диверсант-подводник. Однако прошло немало времени, прежде чем Яган и Головастик вытянули из меня правду об этом недолгом путешествии.

Здравый смысл подсказывал, что последнюю ночь мы должны провести в тесном приятельском кругу, всячески поддерживая и утешая друг друга. Но все вышло совсем иначе. Удрученные крушением последней надежды и озлобленные взаимными упреками, мы разбрелись по разным углам пещеры, и каждый остался наедине с уже начавшим приобретать реальность призраком смерти. Не знаю, о чем думали Яган и Головастик, а мои мысли, сумбурные и неясные, вертелись вокруг вещей второстепенных и прозаических: как расценят мое столь долгое отсутствие сослуживцы, а главное, начальник, скрепя сердце давший мне две недели отпуска без содержания, кому достанется моя библиотека, а кому мой любимый кот Кузя. Мне казалось, что я бодрствую, но скорее всего это было какое-то среднее состояние — тупое оцепенение, тягучий бред на границе между сном и явью.

Даже клокотание воды в колодце и свет множества факелов не вывели меня из ступора. Незваные гости прибывали один за другим и рядами выстраивались вдоль стен. Все это были угрюмые, иссеченные шрамами мужчины с гроздьями ножей на шее. Змеиный Хвост на этот раз явился один, без телохранителей.

Никто не произнес ни единого слова. Каждый вновь прибывший болотник сразу занимал свое, как будто заранее определенное место и застывал наподобие статуи. Все совершалось в полной тишине, с мрачной размеренной торжественностью. Не было заметно никаких орудий пыток. Никто не разжигал жаровни, не устанавливал дыбы, не раскладывал клещи и пилки.

Впрочем, подумал я, это еще ни о чем не говорит. Факел в умелых руках тоже немало значит.

Последними явились Прорицатели. Каждого из них почтительно поддерживал под руку здоровенный мордоворот — не то ученик, не то лакей. Старик с зашитыми веками, тот самый, что освободил меня от колодки, имел при себе объемистую глиняную бутыль и стопку неглубоких плошек. Едва только подручные вытащили его из воды, как все болотники, до этого смотревшие в сторону колодца, дружно как по команде, повернули головы и уставились на нас троих. Старик дрожащими руками до краев наполнил одну из плошек и, держа ее перед собой, заковылял к Ягану. Для человека, лишенного зрения, двигался он весьма уверенно.

Яган, к губам которого была приставлена плошка, замотал головой и попытался зажать рот. Двое дюжих болотников осторожно развели руки строптивца в стороны, третий без труда, но довольно бесцеремонно заставил разинуть рот, а когда старик влил туда свое зелье, опять сжал и держал так до тех пор, пока кадык Ягана не задергался, совершая глотательные движения.

Пустая плошка была тут же разбита, и вся компания переместилась ко мне.

Плетью обуха не перешибешь, подумал я, с сократовским стоицизмом принимая предложенный мне сосуд. Напиток не имел ни вкуса, ни запаха, ни цвета, но это была определенно не вода. Головастик повел себя не менее кротко, чем я. Как только третья плошка разлетелась на осколки, все болотники зашевелились и принялись рассаживаться на полу пещеры, поближе к нам. Повинуясь знаку слепого, сели и мы. Прорицатели расположились напротив.

Несколько озадаченный, я стал прислушиваться к своим ощущениям. В животе что-то урчало, чесалась левая пятка, горели израненные колючками руки.

— Видите! — я показал старикам ладони.— Живого места нет. Все трава-репьевка виновата. Вчера мы хотели с ее помощью убежать отсюда. Да только стебель вывел меня не на волю, а в другую, почти такую же пещеру.

— Это Шатун принес нам репьевку,— добавил Яган.— Мы попросили, а он и принес, как будто не догадывался, для чего она понадобилась.

— А придумал все это ты,— внес окончательную ясность Головастик.

Старики, сидевшие перед нами, рассеянно улыбались и кивали, словно поощряя этот поток клеветы и саморазоблачений.

— Забыл сказать,— я придвинулся ближе к слепому.— Тот человек, который носил нам пищу,— погиб. Репьевка задушила его. Это наша вина!

— Его! — Яган показал на меня пальцем.— Только его!

— А ты, значит, ни при чем! Видел же, что трава с семенами! Сам говорил, что это опасно. Нет, все мы виноваты одинаково! — пришел мне на выручку Головастик.

— Мало ли что я говорил! А кому все это первому в голову пришло? Кто нам сказку рассказывал про ниточку? Кто подкоп предлагал сделать? Кто в колодец нырял? Кто он вообще такой? — палец Ягана снова уперся в меня.— Где плавать научился? Откуда Настоящий Язык знает? Почему шерсти на теле не имеет? Он во всем виноват, его казнить надо!

— Сначала тебя! — крикнул Головастик.— Кто на Вершени большой шишкой был? Кто до сих пор трусы носит? Кто с болотниками воевал? Кто нас судом да пытками пугал?

— Про суд вас Шатун предупредил. Если бы не его слова, разве я согласился бы бежать? Шатун с вами обоими давно снюхался, еще когда мы в одной колодке ходили. Слыхал я, как вы по ночам перешептывались. И здесь он вас выручает! Дружки-приятели,— не отставал Яган.

Слова так и перли из нас. Мы давились, захлебывались ими. Не существовало больше ни тайн, ни интимных секретов, ни элементарной порядочности. Даже секунда молчания была мукой. Хо-

телось говорить, говорить, говорить... И мы говорили, размахивая руками, брызгали слюной, стараясь перекричать друг друга. Знаменитая история с жабой, погубившая карьеру Ягана, выглядела теперь совсем по-другому: он сам придумал этот ход, чтобы поквитаться с одним из соперников, но тот оказался изворотливее и опередил незадачливого интригана. Головастик поведал о том, как ловко он умел воровать на поминках брагу, и как однажды на чужой свадьбе обесчестил невесту, воспользовавшись тем, что к тому времени остался единственным более или менее трезвым мужчиной в округе. Я тоже не отставал: плел что-то несуразное о позабытых друзьях и брошенных подругах, о невозвращенных книгах, просроченных долгах и неисполненных обещаниях.

Однако речи наши постепенно становились все более невнятными, языки начали заплетаться, ораторский пыл иссякал. Старик с зашитыми веками — самый внимательный наш слушатель — наполнил судным зельем новую плошку и протянул ее мне, только мне одному. Прохладный, совсем не противный напиток сразу взбодрил меня. В то время как Головастик осипшим голосом едва цедил отдельные слова, а Яган невразумительно мычал, я подробно и витиевато, с многочисленными художественными отступлениями и философскими экскурсами, изложил всю свою биографию, начиная с ясельного возраста, поведал историю упадка и разрушения Ассирийской державы (по этой теме я когда-то писал диссертацию), объяснил суть и значение основных физических законов, а также принцип действия двигателя внутреннего сгорания.

То, что произошло со мной после третьей чашки, можно определить так: словоизвержение. Послушали бы вы только эту ахинею, в которой Ветхий Завет смешался с квантовой механикой, декларация прав человека с анекдотами сомнительного свойства, инструкция по технике безопасности с популярными песнями, Борхес с Зощенко, география с кулинарией, явный вымысел с бесспорными фактами. Вряд ли кто-либо из присутствующих понимал хотя бы сотую долю из сказанного. Но слушали меня, надо заметить, не без внимания. Змеиный Хвост даже ладонь к уху приставил. И лишь когда я стал нараспев декламировать из «Илиады» песнь восемнадцатую «Изготовление оружия» (никогда даже не предполагал, что знаю наизусть столько громоздких гекзаметров), слепой старик, словно прося пощады, крестом поднял над головой руки. Тяжелая, пахнущая потом и железом ладонь зажала мне рот. Словесный фонтан сразу иссяк. Некоторое время, словно по инерции, я еще бормотал что-то, но вскоре смолкли и эти жалкие звуки.

Прорицатели, собравшись в кружок, совещались шепотом. Чужая лапа убралась с моего лица. Яган и Головастик выглядели стопроцентными покойниками — последние крупицы надежды оставили их. Да и неудивительно, приговор наш читался на лицах бо-

лотников яснее ясного. Я попытался ободрить своих друзей, но из этого ничего не вышло: весь мой голосовой, глотательный и даже мимический аппарат был совершенно парализован. Я не мог ни шевельнуть языком, ни откашляться, ни даже сглотнуть слюну. Голова моя беспомощно завалилась набок, челюсть отвисла, горло сипело, как проколотая резиновая камера. Оказывается, кроме пытки молчанием, существует еще и пытка неудержимой болтливостью.

Наконец Прорицатели закончили шушукаться, слепец припал на одно колено и вытянул вперед правую руку, словно для присяги. Все находившиеся в пещере болотники поспешно приняли ту же позицию. Нас троих подхватили под руки и силой поставили на ноги.

— Суд свершился! — объявил старик, не меняя позы. Со стороны могло показаться, что судьями как раз являемся мы, а он, преклонив колени, взывает к нашему милосердию.— Мера вины подсудимых ясна из их собственных слов, ибо ни одно существо, в жилах которого течет кровь, не может слукавить даже после одного-единственного глотка судного зелья. Эти двое, родившиеся на Вершени, совершили немало зла, раскаиваются в содеянном и заслуживают очистительного наказания — смерти.— Старик помолчал, и молчание это показалось мне зловещим.— Третий, урод с виду, трижды принимал судный напиток, но и после этого не сказал и слова правды. Речами своими он смущает людей. Никто из Прорицателей не упомнит подобного случая. Этот третий — не человек! Он не рожден ни на Вершени, ни в Иззыбье. Он исчадие тех сил, которые извечно пытаются извести род людской. Он или слуга Незримых, или демон Прорвы. Из древних пророчеств известно, что явление подобных тварей перед человеческими глазами не обещает ничего хорошего. Готовьтесь, братья, к великим бедствиям! Самой страшной и мучительной смерти заслуживает этот вестник горя, но никто не сможет прикоснуться к нему без того, чтобы не навлечь на себя и свой Дом страшное проклятие. Он останется здесь на веки вечные! Пусть ест землю, пусть точит клыки о камень, пусть копит черную злобу. Светлые духи выкуют против него всесильное оружие! Пусть истлевают рядом с ним и эти двое, по собственной воле ставшие прислужниками окаянного врага! Отныне это место проклято! Ни один болотник не появится больше здесь. Да свершится правосудие, братья!

— Да свершится! — хором подхватили болотники и, гася факелы, стали торопливо собираться восвояси.

Теперь все происходило в обратном порядке: сначала в колодце исчезли старики, вместе со служками, потом — праздные зеваки и, наконец, воины. Эти последние отступали сомкнутым строем, пятясь и выставив перед собой ножи. Так покидают клетку с дикими зверями. Последний факел зашипел в грязи, но прежде чем погасли его искры, я уже спал, рухнув туда, где только что стоял.

Все это было только началом конца, предвестником долгого и мучительного умирания, умирания в темноте и грязи, среди мокриц и тараканов. Не нужно даже особо напрягать воображение, чтобы предугадать ожидавшую нас участь: неотвязные, сводящие с ума мечты о пище, голодные кошмары, после которых мысль о каннибализме уже не кажется противоестественной; постепенно нарастающая слабость, с обмороками, с кровавым поносом; драки за горсть слизней; заунывные поминальные песни Головастика, вплоть до самой последней, давно обещанной; жалобы, обвинения, проклятия, а потом и утробный звериный рык Ягана, который обязательно сожрет кого-нибудь из нас, сожрет, не постесняется; безумные надежды при каждом случайном шорохе и мрак, мрак, мрак...

А если не ждать... если сразу?.. Кинуться вниз головой в колодец, пошире раскрыть рот, чтобы вода побыстрее заполнила легкие, за пару минут окончить то, что может растянуться на месяцы? Нет, не получится! Кишка тонка. Любая другая смерть, но только не эта. Совсем недавно я уже испытал все ее прелести. До сих пор не могу забыть, как я захлебывался водой, вдруг ставшей тяжелее свинца, как ногтями рвал свою собственную грудь, как извивался в последних судорогах, как глаза мои вылезли из орбит... Второй раз на такое трудно решиться.

Надо что-то делать. Найти какое-нибудь занятие, пусть даже совершенно бессмысленное. Только не поддаваться отчаянию, только не раскисать.

Подобрав оставшуюся от факела головешку, я стал ковырять стену пещеры, однако хрупкая, пористая древесина крошилась в моих руках, как мел. Грунт был не таким уж и мягким, как это казалось. Я совершенно выбился из сил, обломал все ногти, до крови стер подушечки пальцев, а в нише, пробитой мной, не уместился бы и ребенок.

При таких темпах на завершение подкопа понадобятся годы. Это даже в том случае, если я не наткнусь на корни занебника, которые, по словам Ягана, пронизывают всю почву вокруг.

Что остается делать? Думать о будущем, которого у меня нет? Утешаться прошлым? Но я не из тех, кого греют воспоминания. Молиться? Если бы я только умел...

— Слушай, а ты в самом деле имеешь отношение к Незримым? — осторожно спросил Головастик.

— Как тебе сказать...— замялся я.

— Скажи, как есть,— мольба слышалась в его голосе.— Не скрывай от нас ничего. Прорицатели болотников знают много такого, чего не дано знать людям Вершени. Они умеют читать знамения жизни и смерти, им открыто будущее. Они единственные, кто может на равных говорить с Фениксами. Их речи кажутся смутными и непонятными, но на самом деле там всегда есть смысл — другой,

высший, недоступный обыкновенным людям. И если они признали в тебе Незримого, так оно и должно быть.

— Ну, хорошо, можешь считать, что Прорицатели правы.

— Тогда спаси нас! Ведь тебе послушны все темные силы! Я знаю, что когда-то первые из вас, твои далекие предки, стояли рука об руку с демонами Прорвы. Они криком поворачивали армии, летали быстрее косокрылов, могли пребывать во многих местах сразу. Я сам видел однажды, правда издалека, как Незримый прошел сквозь стену неимоверной толщины.

— Пойми, Вершень и Иззыбье — разные вещи. То, что легко там, здесь нередко совершенно невыполнимо.

— Призови на помощь своих братьев! Возроди тайную силу праотцов! Придумай что-нибудь!

— Так и быть,— сказал я, чтобы только не губить его последнюю надежду.— Я постараюсь. Спи спокойно.

И он действительно уснул. Уснул быстро и легко, как могут засыпать только дети. Надежда, даже самая хрупкая — могучее лекарство. Жаль только, что действие его преходяще и обманчиво.

Нельзя сказать, что мой сон был так же сладок и покоен. Скорее это был даже не сон, а тревожная дрема, не приносящая ни отдыха, ни очищения. Чувство голода не только не притуплялось, оно стало еще острее. Мне грезилась пища: котлы горячей тюри, кислые лепешки, истекающие медом соты, горы сочных плодов. В конце концов мне привиделась аппетитная, хорошо прожаренная жаба с гарниром из личинок термитов. Однако стоило только мне поднести ко рту первый кусок, как сладостный мираж улетучился, а вместе с ним пропал и сон.

Когда желудок пуст, как кошелек пьяницы, хочется заполнить его хоть чем-нибудь. А поскольку ничего другого, кроме воды, в моем распоряжении не имелось, я на ощупь пробрался к колодцу. Однако сложенные горстью ладони зачерпнули пустоту.

Странно, подумал я. Что могло случиться — ведь вода всегда стояла почти вровень со стенками колодца.

По грудь свесившись вниз, я пошарил руками. Ничего — только илистые, уже успевшие подсохнуть стенки. Судя по всему, вода ушла уже несколько часов назад. Отыскав возле себя глиняный черепок, я уронил его в колодец, и звук, с которым тот покатился вниз по пологому склону, не оставил никаких сомнений в том, что подземный ход свободен от воды на всем протяжении. Резкими, давно забытыми запахами тянуло оттуда: речной тиной, тростником, рыбьей чешуей. Так я сидел у самого края колодца, пытаясь осмыслить значение происшедшего, когда донесшийся из его глубины приглушенный, едва слышный звук заставил меня вздрогнуть. Я мог поклясться, что уже слышал однажды этот заунывный вой, в котором плач перемешался с угрозой. Да, точно! Ошибки быть не могло.

Именно так кричал Шатун, подавая сигнал своим соплеменникам. Все сразу стало понятно мне — каким-то чудом наш друг сумел осушить лабиринт и теперь пробивается к нам на выручку.

Я принялся тормошить Головастика и Ягана.

— Вставайте скорее! Воды в колодце больше нет! Путь свободен! Надо спешить!

— Ты действительно всесильный демон! — воскликнул Головастик.— Я до конца жизни буду слагать в твою честь песни!

— Как это — нет воды? — удивился Яган.— Куда же она могла подеваться?

— Я ее выпил! Демону это ничего не стоит! А теперь за мной! Быстрее!

Скользя на задницах по влажному плотному илу, мы как по ледяному желобу съехали вниз до самого места, где наклонный колодец переходил в горизонтальный тоннель. Передвигаться в нем можно было только согнувшись в три погибели.

— Держитесь крепче друг за друга,— посоветовал я своим спутникам.— Кто отстанет, тому наверняка конец.

Ссутулившись и уцепившись друг за дружку, как процессия слепцов, мы двинулись вперед. Достигнув очередного разветвления, я всякий раз щелкал кресалом, чтобы при его краткой вспышке выбрать нору попросторнее. Кое-где было уже совсем сухо, а кое-где вода доходила до колен. Клич Шатуна звучал все явственнее — похоже, мы шли в верном направлении.

— Не нравится мне что-то этот голосок,— сказал Головастик.— Жутко, аж коленки дрожат.

— Не пугайся. Это Шатун подает о себе весть. Кому здесь еще быть,— успокаивал я его, хотя, если признаться, у меня самого поджилки тряслись — уж очень натуральным казался этот вой. Не верилось даже, что человек способен издавать столь дикие и могучие звуки.

В промежутках между отдельными завываниями слышались уже и шаги — шлеп, шлеп, шлеп,— как будто Шатун передвигался вприпрыжку, на манер огромной жабы. В одном из пересечений лабиринта мы разминулись. Вой стал глуше, шаги удалялись.

— Эй! — закричал я.— Эй! Мы здесь!

Шаги сразу замерли.

— Шатун, иди сюда,— снова позвал я.— Почему ты молчишь?

Ни слова не раздалось в ответ, однако шаги вновь стали приближаться, на этот раз медленно и осторожно: шлеп — пауза, шлеп — пауза, шлеп... Вскоре что-то более темное, чем мрак, шевельнулось впереди.

— Что это за шуточки, Шатун! Ты что, испугать нас хочешь? Перестань, мы тебя уже видим...— Я вытянул руку вперед и щелкнул кресалом.

Вспышка была чересчур неяркой и кратковременной, чтобы рассмотреть все детали.

Но еще прежде, чем погасла последняя искра, я понял, что передо мной стоит вовсе не Шатун.

Более того, это был даже и не человек.

Можете обвинить меня в чрезмерном воображении или, того хуже,— в трусости, но в тот момент я мог бы поклясться, что подкравшаяся к нам тварь вообще не принадлежит к сонму живых существ. Лишь тот, кому случалось поздней ночью в безлюдном месте столкнуться нос к носу с только что покинувшим могилу упырем, смог бы понять мое состояние.

И хотя в сознании запечатлелось немногое: припавшая на задние лапы туша, неимоверно грузная в ляжках и узкая в плечах, длинный хвост-руль, непропорционально короткие передние конечности, приплюснутая бугристая морда с далеко выдающейся нижней челюстью и четырьмя глубокими дырками (две пошире — для ноздрей, две поуже — для гляделок), зеленая, как у квакши, блестящая от обильной слизи кожа, костяные шипы, во множестве покрывавшие плечи и грудь,— всего этого оказалось вполне достаточно, чтобы сломя голову обратиться в бегство.

Вспышка света, по-видимому, на какое-то время ослепила чудовище, но оцепенение длилось недолго (о его окончании возвестил вой, такой раскатистый и злобный, что мои барабанные перепонки, а заодно и сердце, едва не лопнули) — и вслед нам раздалось быстрое: шлеп, шлеп, шлеп. Мы мчались, не разбирая дороги, натыкались на стены и друг на друга. Просто чудо, что в эти первые страшные минуты мы не потеряли друг друга. К счастью, преследователь наш не отличался проворством. Передвигаясь на задних лапах длинными пружинящими прыжками, он, несомненно, легко нагнал бы нас на открытом пространстве, но в узком и запутанном лабиринте преимущество в скорости сводилось к минимуму. Несколько раз, когда мы сворачивали в боковые ходы, зверь проносился мимо, однако всякий раз возвращался и возобновлял погоню. Нельзя было понять, каким образом он отыскивает нас; слухом, чутьем или интуицией, но как мы ни путали след, какие заячьи уловки ни применяли, зловещее шлепанье неотступно следовало за нами.

В горячке бегства мы не сразу заметили, что уровень воды в тоннеле стал прибывать. Вскоре навстречу нам устремились целые валы бурлящей пены, а грохот низвергающихся потоков заглушил все другие звуки, кроме ужасного звериного воя.

Хорошенькое дело, подумал я, с головой проваливаясь в какую-то яму. Не сожрут, так утопят!

Чудовище было где-то совсем рядом. Нарастающий напор воды, конечно, мешал и ему, но это только оттягивало неминуемую развязку.

Внезапно прямо на нашем пути бенгальским огнем полыхнуло кресало, от которого сразу занялся и стал быстро разгораться факел. Запахло смоляным чадом. Человек, спокойно стоящий по пояс в воде и размахивающий над головой факелом, мог быть только Шатуном. Уже на пределе сил одолев последние метры, мы, как испуганные малолетки, спрятались за его спиной. Чудовище взвыло особенно свирепо и раскрыло пасть, глубокую и клыкастую, как у аллигатора.

Шатун, даже не стронувшись с места, взмахнул факелом так резко, что горящие капли градом брызнули в зеленую морду. Заверещав, как ошпаренный подсвинок, зверюга отпрянула назад и лапами принялась смахивать с себя липкую, жгучую смолу. Шатун, шагнув следом, принялся беспощадно хлестать ее факелом куда ни попало. После каждого такого удара факел тускнел, но зато на шкуре хвостатого монстра появлялось новое огненное пятно, и вскоре весь он обратился в живой костер. Побоище завершилось тем, что Шатун загнал факел глубоко в глотку своему врагу. Последнее, что запомнилось мне в этой дикой сцене, была мотающаяся над черной водой оскаленная пасть, из которой, как изо рта уличного фокусника, извергался фонтан оранжевого пламени.

— Идите за мной,— сказал Шатун уже в темноте.— Выход совсем рядом.

Я подхватил под мышки уже начавшего пускать пузыри Головастика, сзади в меня вцепился Яган, и мы устремились вслед за своим спасителем. В некоторых местах, где свод тоннеля понижался, вода почти достигала потолка, и нам приходилось нырять. Единственное, что удерживало меня от паники,— это непоколебимое спокойствие Шатуна. Через полсотни шагов, каждый из которых мог стать последним в нашей жизни, тоннель резко пошел вверх, и вода, только что заливавшая ноздри, отступила.

Сияние дня пребольно резануло наши давно отвыкшие от света глаза. Свежий воздух опьянил головы. Впервые за столько дней мы оказались на свободе!

— Как тебе удалось спасти нас? — спросил я Шатуна, когда мы удалились на порядочное расстояние от ямы, служившей входом в лабиринт.

— Я не мог добраться к вам вплавь, потому что не знал точного расположения лабиринта. Служка, кормивший вас, всякий раз проводил меня другим путем. Поэтому мне пришлось спустить озеро, поддерживающее уровень воды в подземных ходах. Плотину когда-то строил мой дед, и только немногие знают, каким образом ее можно быстро разрушить. Когда вода ушла из тоннелей, все мужчины бросились защищать входы своих жилищ, чтобы в них не проник-

ли куцелапы. Так что никто не смог помешать мне вывести вас на волю.

— Значит, это куцелап гнался за нами?

— Да. Только убегать вам не надо было. Куцелапы твари хоть и коварные, но трусливые. Охотятся они чаще всего за детьми да за стариками. На спящего могут напасть. Но если получат отпор, предпочитают отступить. Он и орал потому, что сам боялся.

— Вот я и принял его вой за твой клич. Помнишь ту ночь в траншее, когда убили служивого? Ты кричал тогда очень похоже.

— Так болотники предупреждают друг друга об опасности. Но не здесь, а только на Вершени. Да и то в самом крайнем случае.

— Что же ты нас сразу не нашел? — обиженно спросил Яган.— Еще бы чуть-чуть, и конец нам!

— Когда я добрался до пещеры, вы уже покинули ее. Это просто удача, что я потом отыскал вас в лабиринте. К тому времени болотники успели восстановить плотину, и уровень воды стал подниматься. Я уже собрался уходить, когда услышал вой куцелапа. Вот и решил посмотреть, с чего это он так разорался.

— Почему ты говоришь: болотники? Раньше ты говорил — братья,— поинтересовался Яган.

— Потому что я сам уже не болотник. Прорицатели приговорили меня к изгнанию. Уже сутки я скитаюсь без крова и пищи.

— Да, неважные твои дела...

— А разве наши дела лучше? — вмешался я.— Где искать спасение? Если останемся здесь, опять в яму попадем! На Вершени нас тоже ничего хорошего не ждет. Что остается? Прорва?

— Да. Отрастим крылышки и будем летать наперегонки с косокрылами,— невесело пошутил Головастик.

— В Прорве хватает тварей и похуже косокрылов,— буркнул Яган.— Не забывайте, что среди нас демон. Таким как он, Прорва — дом родной.

— Зачем говорить пустое. Сами же прекрасно понимаете, что никакой я не демон. Сейчас не самое лучшее время для болтовни. Надо решать — или здесь оставаться, или на Вершень идти. Высказывайтесь. Начинай, Яган.

— У нас так говорят: легче из Прорвы вернуться, чем из Иззыбья. Тут только мертвецам место да пиявкам. А на Вершени мы не пропадем. Приятелей у меня там немало осталось. На всех заставах меня служивые знают. Как-нибудь перебьемся первое время. А там видно будет. Главное, чтобы приговор мне отменили. Тогда я опять в силу войду. И вас, конечно, не забуду.

— Ясно. Говори, Головастик...

— На Вершени я знаю все тайные тропки, все укрытия, где можно переждать облаву. В следующий раз я так глупо не попадусь. А кормиться будем моими песнями. Свадеб и поминок на наш век

хватит. А тут кому петь — комарам? Да и не поется мне здесь совсем.

— Присоединяюсь к мнению Ягана и Головастика,— сказал я.— На Вершени, конечно, нам несладко придется, но в Иззыбье куда хуже... Теперь ты, Шатун. Мы внимательно слушаем.

— Говорить мне нелегко. Иззыбье моя родина. Но теперь я изгой, и все здесь об этом знают. На Вершени я тоже останусь изгоем. Но там легче выжить, легче затеряться. Кроме того, мне не хотелось бы расставаться с вами. Сейчас вы единственные, кто не чурается меня. А в одиночку прожить я вряд ли смогу.— Он умолк, тяжело задумавшись.

— Значит, Вершень?

— Вершень, а там посмотрим...

— Тогда веди нас к ближайшему занебнику.

Первым делом Шатун приказал всем нам раздеться и перемазаться грязью. Для маскировки, как он объяснил. Яган, недовольно ворча, скинул свои трусы и, аккуратно свернув, зажал под мышкой. Я не мешкая сбросил плащ, но Шатун, узрев мое бледное, худосочное, по местным меркам, тело, немедленно отменил свое распоряжение. Затем мы, не мешкая, выступили в путь.

Трудности начались буквально сразу. Даже я, как выяснилось, не умел ходить по топям и торфяникам. А уж про Ягана и Головастика, вся сознательная жизнь которых прошла на Вершени, и говорить нечего. Гладкая, как обструганная доска, ровняга — это вам не зыбучее болото. Через каждые пять шагов кого-то из нас приходилось вытаскивать из трясины.

— Если вы и дальше будете идти в таком темпе, то никогда не доберетесь до занебника,— сказал Шатун.— Ступайте только в мои следы. Ни единого шага в сторону. Вперед смотреть не обязательно, лучше смотрите себе под ноги.

Постепенно характер местности стал меняться. Редкие пологие холмы, мутные речушки и заросли хилого кустарника, до этого хоть как-то разнообразившего пейзаж, исчезли окончательно, уступив место плоской и безрадостной, залитой стоячей водой пустоши. Из ржавой, воняющей сероводородом жижи торчали только голые, черные кочки да стреловидные стебли какой-то травы. Огромные пузыри вспухали то здесь, то там и, лопаясь, обдавали нас брызгами грязи. Пласты тумана, колыхаясь, плыли слева и справа от нас. Туманом было небо над головой, туман был впереди и сзади, туманом была наша судьба.

В стороне показалась стая куцелапов — пять или шесть особей, каждая размером не меньше той, что увязалась за нами в лабиринте. Вот кто был здесь в своей родной стихии: грациозно взлетая вверх,

каждый из куцелапов находил свою кочку и, казалось, едва коснувшись ее задними лапами, вновь совершал плавный и легкий десятиметровый прыжок.

Появляясь то с одной, то с другой стороны, они явно стягивали вокруг нас кольцо. Время было раннее, и, судя по всему, тварям не терпелось позавтракать. А у нас с собой не было никакого оружия — ни ножа, ни даже палки.

— Что-то не нравится мне, как они кружат вокруг,— сказал Головастик.— Ведь ты, Шатун, говорил, что куцелапы существа трусливые. Так чего же они к нам лезут?

— Это они в одиночку трусливые,— меланхолически ответил Шатун.— А кучей смелые.

— Значит, они нападут на нас?

— Обязательно.

— Как же нам поступить?

— Идти, как шли.— Шатун все время озирался по сторонам, словно высматривая что-то, хотя, на мой взгляд, кроме воды и кочек, вокруг ничего не было.— Вся моя жизнь прошла в этих краях, и я знаю о них немало. Здесь мне не страшен ни зверь, ни человек. Даже ребенком я умел спасаться от куцелапов. Одинокого куцелапа губит трусость, а стаю — наглость. Скоро вы в этом убедитесь.

От куцелапов нас отделяло теперь каких-нибудь полсотни метров. С такого расстояния их можно было рассмотреть во всех подробностях, и, надо признаться, эта помесь кенгуру и крокодила своим видом отнюдь не ласкала наши взоры.

— Все! — крикнул нам Шатун.— Стойте, где стоите!

— А сесть можно? — спросил я.

— Можно,— разрешил Шатун.— Ты у нас, вроде, самый сообразительный... Чем отличается кочка, на которой я стою, от, скажем, вон той?

— Чем отличается? — я посмотрел в указанном направлении.— Та, вроде, размером побольше.

— Гляди лучше.

— Подожди, подожди,— я напряг зрение.— Кажется, она движется.

И действительно, кочка, на которую обратил мое внимание Шатун, вела себя довольно странно: медленно, очень медленно, она перемещалась в нашу сторону. Чтобы окончательно убедиться в этом, я засек ее местоположение относительно других кочек и вскоре обнаружил, что не одна она здесь такая. Двигались многие кочки, некоторые к нам, некоторые от нас. Иногда какая-нибудь слегка приподнималась из воды, сразу вырастая в размерах вдвое, а то и втрое.

— Сейчас начнется,— сказал Шатун.— Будьте готовы ко всему, но панике не поддавайтесь.

Куцелапы, до этого будто и не замечавшие нас, вдруг совершили резкий поворот на девяносто градусов и, легко перелетая с кочки на кочку, перешли в наступление. Одна пара атаковала с фронта, две другие заходили с флангов.

Понимая, что слова Шатуна имеют какой-то пока непонятный мне смысл, я внимательно наблюдал за странной кочкой, которая непременно должна была оказаться на пути одного из куцелапов. Однако крик Ягана отвлек меня. Оба нападавших справа зверя исчезли, а на том месте, где им положено было находиться, вода словно кипела. Затем вскрикнул и Головастик. Я перевел взгляд в его сторону и успел увидеть, как кочка, которой только что коснулся самый крупный из куцелапов,— возможно, вожак,— словно всосала его в себя, всосала целиком, по самую макушку, и тут же сама канула в болото. Не прошло и минуты, как в поле нашего зрения не осталось ни одиной зеленой гадины. Да и кочек заметно поубавилось. Зато в глубине болота шла какая-то бурная деятельность — на поверхности воды крутились воронки и взлетали гейзеры, туда-сюда перекатывались волны, кочка подо мной (надо надеяться, кочка обыкновенная, без всяких сюрпризов) содрогалась.

Спустя некоторое время раздался мощный чмокающий звук, и трясина извергла плотный зеленоватый ком, размером с человеческую голову — перемолотые кости, клыки, куски шкуры. Так повторилось еще пять раз, и болото успокоилось.

— Я никуда не пойду,— решительно заявил Головастик.— Буду сидеть здесь, пока не подохну.

— Нам бояться нечего. Морду жерновника от обыкновенной кочки разве что дурак не отличит. Я нарочно завел вас в самую середину стада. Тут нас и тысяче куцелапов не достать.

— А жерновник — это что такое? Живой он или неживой?

— А занебник живой?

— Живой, но не в такой степени, как мы с тобой.

— Ну вот, а жерновник нечто среднее между зверем и растением. Ни глаз, ни лап у него нет, но жрать и двигаться может.

— Слыхал я про таких тварей,— буркнул Яган.— Не один наш полк они сожрали в свое время.

— Идем дальше,— Шатун легко перепрыгнул на ближайшую кочку.— Скоро мы выберемся на твердое место. Будет полегче.

То, что Шатун называл твердым местом, оказалось мертвым, засохшим на корню лесом, затянутым пологом густой паутины и загроможденным гниющими древесными стволами. Но идти действительно стало легче. Какие-то насекомые погубили здесь всю растительность, пощадив только розовые, как свежее мясо, отталкивающего вида грибы. Под ногами потрескивал плотный ковер хрупких сероватых коконов. Еще больше таких коконов было на голых

ветках деревьев и в тенетах паутины. В воздухе витал запах тления гнили, запустения. Я тронул рукой ближайший пень, и мой палец легко вошел в трухлявую древесину.

— Поосторожней,— сказал Шатун.— Здесь все отравлено. С занебников на нас долго сыпали всякую дрянь. От нее все живое передохло: птицы, белки, ящерицы. А вот древоточцы, наоборот, расплодились.

— А что с вами еще делать? — огрызнулся Яган.— Вы нас в болотах топили, на жерновников выводили, резали сонных! Сколько наших здесь полегло!

— Сидели бы у себя на Вершени, были бы все живы и здоровы.

— О чем нам говорить, дикий ты человек! Мы же вам добра желали! Хотели, чтобы как люди жили.

— Нам и в болоте неплохо. Откуда вам известно, что для нас лучше, а что хуже?

— Потому что мы знаем Письмена, а вы нет! — заявил Яган с таким видом, словно в этих словах содержался неоспоримый довод.— Потому, что так Тимофей велел!

Шатун только рукой махнул на это.

— Друзья,— вмешался я.— Может быть, поговорим обо всем этом потом? В более спокойном месте.

Сквозь редкий частокол голых ободранных сухостоин на горизонте, чуть скрытый дымкой, уже виднелся серый, громадный, теряющийся в низких облаках ствол занебника. Меня мороз по коже пробрал, когда я представил себе, как нам придется карабкаться по этой почти отвесной стене.

Из-за разлапистого выворотня, в ста шагах от нас, стремительно выскочила человеческая фигура и скрылась в гуще леса.

— Шатун,— сказал я растерянно.— Кажется, там кто-то есть.

— Болотники,— спокойно объяснил наш проводник.— Они опередили нас. Там, за деревьями, их не меньше десятка. Остальные идут сзади, по нашему следу.

— И что же будет?

— Впереди простые загонщики. Они только делают вид, что прячутся. Если болотник прячется всерьез, ни один чужак его не заметит. Им поручено повернуть нас назад, под удар главных сил.

— Тогда пойдем вперед. Попробуем пробиться.

— Но они понимают, что я без труда разгадаю эту уловку, и наверняка придумали какую-нибудь хитрость.

— Тогда идем назад.

— Только этого они и хотят!

— Так где же выход?

— Выхода нет.

— Хорошо тебе рассуждать! — взъярился Яган.— Тебя они не убьют! Завел нас в ловушку, а еще издевается!

— В одиночку я легко ушел бы от любой погони. Но куда денешься с вами? Скажи,— Шатун обратился к Ягану,— ты сможешь незаметно проползти между двумя болотниками, стоящими в десяти шагах друг от друга?

— Нет,— буркнул тот.— Меня этому не учили.

— А ты сможешь добраться до края леса, прыгая с дерева на дерево, как белка? — вопрос был обращен уже к Головастику.

— Я и на дерево вряд ли залезу.

— Вот так! Я с вами, как с детьми. Мы снова в одной колодке. Поэтому я не брошу вас. Будем бежать, пока нас не догонят. Потом будем драться, пока хватит сил. А уж в самом конце постараемся умереть достойно.

— Нет ничего приятнее, чем умереть в такой компании! — воскликнул Головастик.— Всю жизнь только и мечтал об этом! Вот и дождался. Привалило счастье!

— Если желаете спастись, беспрекословно подчиняйтесь мне,— сказал Шатун.— Сейчас вам понадобится вся ваша сила, все терпение, вся выдержка. Возможно, уцелеют не все, но сие от меня уже не зависит. Устраивают вас такие условия?

— Устраивают,— сказал я.

— Других все равно нет,— вздохнул Яган.

— Вот только откуда этой силе и выдержке взяться? — пробормотал Головастик.

— Тогда начнем. Ветер нам благоприятствует.— Шатун нагнулся и чиркнул кресалом.

Сухие коконы воспламенились легко, сразу дав много белесого, едкого дыма. Вскоре занялись огнем трава и валежник. Хватая горящие головешки, Шатун швырял их далеко вперед. Пожар постепенно ширился, набирал силу. Густая ядовитая мгла наполнила лес. В воздухе закружились хлопья пепла. Полотнища паутины вспыхивали, как порох, и подгоняемое ветром пламя стремительно перелетало с одного дерева на другое.

Держась от огня на безопасном расстоянии, мы побежали вслед за Шатуном куда-то вправо и вскоре оказались в глубоком темном овраге, по дну которого текла речка, шоколадная от торфяной взвеси. Дышать здесь было легче — ветер относил дым и горячий воздух вверх. Увязая в зыбком илистом грунте, мы двинулись против течения и вскоре вступили в тоннель из огня. По обеим сторонам оврага, треща, пылали деревья. В воду сыпались искры и обугленные ветки. Нестерпимый жар опалил наши лица, затрещали волосы на голове, перехватило дыхание.

Бежавший впереди Шатун плашмя бросился в воду, и все мы тотчас последовали его примеру. Купание принесло сладостное, но чересчур краткое облегчение. Постепенно русло реки становилось глубже, мы погрузились по грудь и уже не бежали, а брели,

поминутно окунаясь с головой. От воды поднимался обильный пар. Шатун все время оглядывался, следя, чтобы никто из нас не отстал. Огромное дерево, превратившись в огненный столб, упало поперек потока позади нас, и обжигающий туман скрыл все вокруг.

Сваримся, подумал я. Сваримся, как караси в ухе.

Не хватало кислорода. На щеках и лбу вздувались волдыри. Уши мои, предварительно посолив и поперчив, уже можно было подавать на стол. Я нырял через каждый шаг, но это уже не спасало от мук. Обваренный, полуослепший, я брел, не соображая куда, утратив последнюю надежду на спасение. Смерть в пасти куцелапа или утробе жерновника уже не казалась мне чем-то ужасным. Сознание быстро меркло, угасало, растворяясь в боли и отчаянии, как сахар растворяется в кипятке.

Кто-то толкал меня в спину, кто-то тянул за рукав, кто-то орал в самое ухо. Затем вода и пар куда-то исчезли, меня волокли по твердой земле. Несколько раз мы падали, и всякий раз нестерпимая боль пронизывала тело. Жара спала, только дым, низко стелющийся вокруг, ел глаза и пощипывал в горле. С ходу мы влетели еще в одну речку — холодную, быструю,— выбрались на пологий топкий берег и здесь разлеглись в прохладной грязи, похожие на осмоленные свиные туши. Позади нас вздымалась белая непроницаемая стена дыма. Впереди уходила в небо темно-серая, изъязвленная дуплами и изрытая трещинами громада занебника. А чуть повыше нас, на сухом голом холме, стояла толпа болотников, и у каждого болталась на шее парочка остро отточенных железных клинков.

— Привет тебе, брат мой Шатун! — сказал один из них, чье лицо, обезображенное старыми синеватыми шрамами, напоминало неумело и наспех склеенный горшок, когда-то вдребезги расколотый неумолимым ударом.

— И тебе привет, брат мой Полголовы! — как ни в чем не бывало ответил Шатун.— Все ли в порядке в твоем Доме?

— В нашем Доме все в порядке,— с ударением на первом слоге сказал Полголовы.— Твои дети живы и здоровы. Твоим женам мы нашли достойных супругов.

— Благодарю вас за заботу. Что ты делаешь здесь в столь неурочное время? Все добрые люди сейчас или обедают, или предаются отдыху.

— Я поджидаю тебя и твоих спутников. Такова воля Прорицателей.

— Кому еще поручено столь важное дело?

— Многим. Там,— он махнул рукой в сторону ширящегося пожара,— воины из Домов Гудра Колючки и Гваста Щербатого. Немало воинов из соседних Домов прикрывают пути к другим занебникам. Но старшим над всеми поставлен твой приятель Змеиный Хвост.

— Передай ему привет, когда встретишь.

— Обязательно.

— А почему такой опытный воин, как ты, оказался в месте, приличном только для кашеваров и носильщиков?

— Змеиный Хвост не доверяет мне, потому и назначил в запас. Но я рад этому. Иначе мы бы не встретились. Я знал, что ты обманешь погоню. Вспомни, детьми мы часто играли в этих краях. И ты не раз ускользал от меня в водах речки.

— К счастью, Змеиный Хвост не знает об этом. Тогда он уже был служкой у Прорицателей. Носил за ними горшки, наушничал.

— Ты нуждаешься в чем-нибудь?

— Я — нет. Но моим спутникам нужна помощь. В таком состоянии они не смогут уйти далеко.

— Мы сделаем все, что в наших силах.

Несколько немолодых болотников спустились вниз и занялись врачеванием. Ловко очистив обожженные места от грязи, они смазали их густым, холодным жиром и присыпали коричневым, пахнущим тмином порошком. Боль при этом, конечно, мы испытывали адскую, однако травяной отвар, которым нас напоили в конце процедуры, быстро унял ее.

— В этих мешках лекарство и пища,— сказал Полголовы.— На первое время хватит. Идите Арочным ходом. Его пока охраняют мои люди. Ведь, как я понимаю, вы отправляетесь на Вершень.

— Ты угадал. Кстати, у тебя на шее я вижу мои ножи.

— Прими их. Я сам наточил и выправил клинки.

Полголовы снял оба ножа и некоторое время держал их на ладонях, словно взвешивая. Шатун, заподозрив неладное, подался назад, но стремительный выпад брата опередил его. Молнией сверкнувшее лезвие полоснуло по горлу. Из длинной, но неглубокой царапины выкатилась капля крови и затерялась в буйной растительности на груди Шатуна.

— Прощай,— сказал Полголовы, отдавая ножи.

— Прощай,— эхом отозвался Шатун.

Они обнялись, тесно прильнув лицами, потом резко оттолкнули друг друга и, не оборачиваясь, разошлись в противоположные стороны. За Полголовы потянулись его воины. Мы же, подхватив мешки, двинулись за Шатуном.

— За что он тебя так? — спросил я, с содроганием рассматривая рану, свидетельствующую о необычайно твердой руке Полголовы. Нож обнажил гортань и яремную вену, но не повредил ни один жизненно важный орган.

— Это метка изгнанника,— ответил Шатун, заматывая шею листьями перечника.— Предупреждение. Если я вернусь, а что еще хуже, стану мстить, следующий удар будет нанесен в то же самое место, но уже всерьез.

Дальше мы шли уже без всяких опасений — догнать нас теперь могли разве что на ковре-самолете или на дрессированном косокрыле. Местность постепенно становилась все суше. На ходу перекусив лепешками и напившись из родника, мы перебрались через последнее болотце. Дальше, до самого подножия занебника, расстилалось пустынное, лишенное всякой растительности плато. Кое-где виднелись остатки укрепленных лагерей, рвы и насыпи — память о военной экспедиции служивых.

Единственное яркое пятно оживляло этот невзрачный, однообразный пейзаж. На развалинах сторожевой башни в десятке шагов от нас сидело необычайно крупное крылатое существо, ни дать ни взять — птица Рух из арабских сказок. Оперение ее (а может быть, чешуя) имело тускло-красный цвет с золотистым отливом на голове и груди. Тяжелый клюв был способен расколоть череп носорога. Но самое удивительное — глаза птицы были прикрыты тяжелыми складчатыми веками.

— Про это я как-то не подумал,— сказал Шатун, остановившись.— Прорицатели послали вдогонку за нами Феникса. Сильно же они боятся нас.

— Не нас, а его,— буркнул Яган, покосившись на меня.— Может, обойдем Феникса стороной? Так ли он опасен, как говорят...

— Обойдем стороной... А смерть свою ты не пробовал стороной обойти? — рука Шатуна сомкнулась на рукоятке ножа.— Вперед! Чему быть, того не миновать!..

Признаться, я не разделял опасений Шатуна. Подумаешь, Феникс! Видали мы здесь и не такое. Птицы в этом мире отсутствуют, поэтому не удивительно, что Шатун испугался такой твари. Хотя напугать Шатуна еще нужно уметь... Неужели четверо здоровых мужиков не отобьются от одной-единственной, пусть даже исполинской птицы. Кругом валяется немало жердей и палок. Да и про ножи забывать не надо. Впрочем, Феникс пока никак не проявляет своих агрессивных намерений. Дремлет себе в тенечке, и все...

Внезапно глаза птицы широко раскрылись. Жуткий, скажу я вам, это был взгляд. Так может смотреть на человека только дьявол — но не дьявол-искуситель, а дьявол-истребитель. Яган и Головастик оцепенели в самых причудливых позах. Лишь Шатун, с усилием шагнув вперед, медленно занес свой нож.

— Пойди прочь! — глухо произнес он.— Никогда прежде Фениксы не причиняли вред человеку моего Дома. Мои предки всегда верно служили вам. Неужели слово Прорицателей стало законом для бессмертного существа? Зачем тебе наши ничтожные жизни? Пощади!

Однако птица по-прежнему не сводила с нас своего ледяного взора. Я видел, какие муки испытывают мои товарищи. Судороги, сотрясавшие и корчившие нас троих, должны были давно опроки-

нуть их тела навзничь, однако некая другая, неведомая сила препятствовала этому. Неужели легенды о Медузе-Горгоне не вымысел, подумал я, чувствуя, как каменеют мои мышцы.

— Ах так! — пробормотал Шатун.— Тогда не взыщи. Этим ножом я убивал кротодавов и шестируких. Посмотрим, опасно ли для тебя железо... Проклятие...

Рука Шатуна дрогнула, и нож выпал из нее. Он попытался подхватить его другой рукой, но тут странные метаморфозы начали происходить с его ногтями. Они стали вытягиваться, темнеть, загибаться и вскоре превратились в огромные, черные, как головешки, бугристые когти. Руки, отягощенные столь жутким украшением, не способны были даже утереть нос, а не то что держать оружие.

Да что же это происходит, подумал я. С какой стати я торчу здесь столбом? Мне ли бояться птицы?

Схватив увесистую дубинку, я бросился к Фениксу. Меня сразу повело совсем в другую сторону, а затем несколько раз крутануло на одном месте. Когда способность ориентироваться вновь возвратилась ко мне, огромной птицы уже не было и в помине.

— Вот это да! — сказал тяжело дыша Головастик.— Выходит, есть еще люди, способные устоять перед Фениксами.

— Похоже, он испугался тебя,— с уважением произнес Яган.

Только Шатун ничего не сказал. Зажав коленями нож, он обрубал о его лезвие свои тяжеленные, кривые когти, мало чем уступающие когтям косокрыла.

Спустя пару часов мы оказались у самого подножия занебника. Теперь его ствол казался уже не огромной стеной, а беспорядочным нагромождением бесчисленных утесов. В трещинах коры росли рощи смоляной пальмы и мшанника, в многочисленных дуплах, похожих на вырубленные в скалах пещерные города, гнездились дикие пчелы, сверкая множеством как бы нанизанных на него радуг, сверху низвергался водопад, медленно-медленно, как застывающая лава, стекала смола, неся смерть всему живому, оказавшемуся на пути. Далеко слева виднелось заброшенное, заросшее мхом и папоротником крутопутье. Как объяснил Шатун, оно охраняется служивыми, засевшими на недоступной для глаза высоте, и уже давно не использовалось по назначению. Наверх нам придется пробираться по норам, проложенным в толще занебника древесными кротами, а впоследствии приспособленным для передвижения людей. Таких ходов в каждом занебнике сотни, если не тысячи. Переплетаясь, сходясь и расходясь, они пронизывают весь его объем до самой макушки. Кроме кротов и кротодавов в норах находят приют немало других живых существ как совершенно безобидных для человека, так и смертельно опасных. Разбойники хранят здесь

добычу, а шестирукие нянчат своих младенцев, не менее злобных и кровожадных, чем они сами. Некоторые ходы известны служивым, а другие — нет, но, во всяком случае, контролировать их все сразу абсолютно невозможно. Для передвижения в них нужна определенная сноровка — сноровка двигаться вслепую, на ощупь находя нужные приметы и указатели. Двое-трое опытных бойцов могут остановить здесь целый полк врага. Война в этих норах — совсем особенная война, требующая и специальной тактики, и специальной сноровки, и специального оружия. Ни один добрый человек по своей воле не сунется сюда.

У входа в нору — черной овальной дыры, едва заметной среди изломов и нагромождений коры,— нас поджидали двое подростков, возможно, дети или племянники Шатуна. От них мы получили вязанку факелов и крошечного, премилого зверька — детеныша древесного крота, который сразу был поручен опеке Головастика. При нас он будет исполнять роль живого индикатора, предупреждающего о приближении кротодава. Все другие опасности, а количество их несчетно, Шатун всерьез не принимает. В лабиринте ходов он привык чувствовать себя как дома. Здесь тлеют кости его соратников. Здесь он добыл себе славу и заработал немало ран. Путь с Вершени в Иззыбье занял у нас считанные минуты, обратный путь может растянуться на многие сутки.

Яган идет вымаливать прощение. Головастик не может жить без свадеб и поминок. Шатуну абсолютно безразлично, куда идти,— он изгой. А вот куда, спрашивается, иду я? Где сейчас мой дом? Где моя родная планета?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На Вершени бывают две поры года, причем ни на средней температуре воздуха, ни на соотношении дневных и ночных часов это никак не сказывается.

Голодное и скучное Сухотье длится примерно полтораста суток. В самом его начале сосуды занебников пересыхают, движение соков прекращается, и вся вскормленная этими соками флора мертвеет. Многие виды животных впадают в спячку, те же, кто остался бодрствовать, вынуждены промышлять беспощадным разбоем. Жизнь замирает даже в пышных антиподных лесах, покрывающих нижнюю, обращенную к земле поверхность ветвяков. Люди существуют за счет заранее заготовленных запасов пищи и охоты на случайную дичь. До нового урожая доживает едва ли половина из них.

Мочило почти наполовину короче Сухотья, но и этого времени вполне достаточно, чтобы вся природа бурно расцвела и дала обильные плоды. Напор сока быстро достигает максимальной силы. Обычные для Вершени туманы превращаются в непроницаемую завесу, которую не в состоянии рассеять даже самый сильный ветер. Лишь радуги, сияющие в серой мути, не дают путнику сбиться с дороги. Каждую ночь антиподные леса покрываются жгучей, как муравьиная кислота, росой. В каждой норе, в каждом кустике, в каждой луже кипит жизнь. Обожравшиеся кротодавы становятся мирными, как овечки. Даже беспощадные и ненасытные Фениксы довольствуются только сердцем и печенью своих жертв.

О причинах смены сезонов ни Яган, ни Головастик ничего определенного сказать не могут. Об астрономии этот народ имеет такое же представление, как эскимосы о поливном земледелии. Мироздание их ограничено рамками реального бытия, и никакие необъяснимые природные явления не позволяют эти рамки расширить. Вершень — это жизнь. Прорва — смерть. Иззыбье вещь малоприятная, но без него не обойтись. Больше во вселенной ничего нет, да и быть не может. Звезды здесь никогда не наблюдаются, а наступление света и тьмы никоим образом не связывается с движением невидимого светила.

Однако кое-какие знания и элементарный здравый смысл подсказывают мне, что причиной годовых изменений является, в первую

очередь, космический фактор. Одних нагнетающих сил корневого давления и присасывающих сил транспирации вряд ли хватило бы на то, чтобы поднять столь огромную массу воды на такую высоту. Точно так же, как на моей родной планете океанские приливы зависят от притяжения Луны и Солнца, так и здесь какое-то достаточно массивное небесное тело периодически превращает ксилему занебников в мощнейший насос.

Путешествие в недрах занебника в принципе возможно в любую пору года. Но есть, конечно, и кое-какие нюансы. В Сухотье главную опасность представляют кротодавы. В Мочило стенки сосудов нередко лопаются, и сок, под немалым давлением врывающийся в лабиринт ходов, губит все живое.

Мы начали свой путь на переломе сезонов, когда напор сока еще не иссяк, а кротодавы уже успели оголодать.

Коридор, прогрызенный в толще огромного дерева бесчисленными поколениями кротов, а потом расширенный и обустроенный людьми, полого поднимался вверх. В наиболее крутых местах были вырублены ступенчатые дорожки. Единственное неудобство — кромешная темнота — с лихвой компенсировалось опытом и интуицией Шатуна, тем более, что на особо сложных, по его мнению, участках пути: в обширных, как карстовые пещеры, маточных камерах термитов и в запутанных многоярусных разветвлениях — он все же зажигал факел.

Идти все время в гору занятие не из легких (особенно отвыкшему от долгой ходьбы колоднику), и когда мы, наконец, разместились на ночлег в неглубоком, но удобном для обороны тупичке, я твердо решил, что завтра даже не стронусь с этого места — пусть делают со мной, что хотят.

Тупорылый ласковый зверек слопал кусок черствой лепешки и мирно уснул на коленях Головастика. Шатун, не снимая ножей, улегся поперек входа. Яган занялся инвентаризацией наших припасов.

— Долго нам еще идти? — осведомился я у Шатуна.

— Если ничего не случится, завтра доберемся до первого ветвяка. Дальше третьего я обычно не поднимался. Там ходов мало, и в каждом застава. Если надо еще выше, на четвертый или пятый ветвяк, лучше идти крутопутьем.

— Разве на крутопутье нет застав? — удивился Яган.

— Эти можно и обойти. Ничего сложного.

— Сколько же раз, интересно, ты ходил крутопутьем?

— Не считал. Много.

— И никогда не попадался?

— Попадался.

— Удирал, значит?

— Случалось, удирал. А случалось, служивые удирали.

— Да, трудно тебе у нас будет. Врагов ты много на Вершени нажил. Придется за тебя словечко замолвить.

— Ты сначала за себя замолви. А обо мне не беспокойся. На Вершени есть места, куда служивые никогда не сунутся.

Продолжения разговора не последовало: Яган уже спал, положив под голову мешок с провизией.

Прежде чем покинуть место ночевки, Шатун тщательно уничтожил все следы нашего пребывания здесь. Вопреки ожиданиям, ноги мои сгибались и разгибались вполне прилично. Коридор постепенно становился все круче и постоянно забирал вправо. Мы взбирались как бы по огромной спирали. Шатун уже не гасил факел: по его словам, в эти места нередко наведывались служивые. И хотя постоянных застав они тут не держали, зато свободно могли оставить какой-нибудь сюрприз — ловчую яму, петлю-удавку, ядовитую колючку. Гладкие, словно отполированные стены тоннеля были испещрены какими-то непонятными знаками, пятнами копоти, примитивными, но предельно достоверными рисунками. Попадались и грозные предупреждения: насаженные на колья высохшие головы, опутанные лианой-змеевкой скелеты.

Время от времени Шатун, как заправский гид, давал нам краткие пояснения: «Кривая развилка. Если повернуть влево, попадешь в Окаянный лабиринт... Тройня. Каким ходом ни пойдешь, все равно окажешься в Гиблой яме... Безодница. Ее надо обходить только слева. Здесь когда-то пропал мой брат... Кружель. Тут меня в первый раз ранили... Погребище. Однажды нас там ловко прижали служивые. Десять дней пришлось новый ход прорубать. Еле спаслись... Горелая лестница...»

Иногда на нашем пути попадались массивные наплывы смолы, отмечавшие те места, где когда-то в тоннель прорывался сок. Стоило только приложить ухо к этой куда более твердой, чем стекло, янтарного цвета пробке, как слышался глухой могучий звук, похожий на рокот далекого водопада,— сосуды занебника гнали вверх кубометры жидкости.

Проходили мы и через огромные, вырубленные в древесине залы. Вершины многогранных колонн терялись во мраке. Между колонн торчали изуродованные, беспощадно изрубленные топорами фигуры не то богов, не то вождей давно исчезнувшего народа. Был момент, когда мне показалось, будто одна из наиболее сохранившихся фигур изображает ни что иное, как нашего мрачного знакомца — Феникса. Шатун о происхождении этих заброшенных храмов ничего не знал, Яган отмалчивался, Головастик выражался

смутно и осторожно. Жили, дескать, здесь люди в стародавние времена, а куда девались — неизвестно. Только поминать их всуе нельзя — плохая примета. Говорят, с Незримыми дружили, а еще говорят — наоборот, враждовали с ними. Может, их эти самые Незримые и вывели. Но лучше про то молчать.

К исходу дня мы достигли уровня первого, самого нижнего ветвяка. Шатун поднес факел к потолку тоннеля и показал, как меняется здесь рисунок годовых колец — четкие вертикальные линии изгибались, петляли и превращались в изысканный, запутанный узор.

Поскольку все мы порядочно вымотались, Шатун принялся подыскивать пристанище на ночь. Раньше он в подобных местах старался не задерживаться. Ветвяк есть ветвяк — будь он хоть первый, хоть седьмой. Занебник здесь изрыт ходами особенно густо, и встретить в них можно кого угодно. Разбойники выслеживают контрабандистов, меняющих железо Иззыбья на драгоценные смолы Вершени. Служивые охотятся как на контрабандистов, так и на разбойников. Шестирукие при случае не прочь слопать как первых, так и вторых, и третьих. А за всеми ими разом, как за своей законной добычей, присматривают истинные хозяева лабиринта — кротодавы.

Долгие поиски, однако, не увенчались успехом, и нам пришлось расположиться прямо на пересечении двух ходов, весьма запущенных и, судя по всему, давно никем не посещавшихся. Тонкая древесная труха и хрупкая плесень покрывали пол тоннеля мягким ковром, на котором не было заметно ни единого свежего следа. Кротовый детеныш вел себя спокойно, лизал Головастику руки и тихим попискиванием выпрашивал еду. Понизу ощутимо тянуло сквозняком — где-то недалеко находился выход наружу. Это подтверждало и колеблющееся пламя факела.

— Чувствуете? — Головастик глубоко втянул воздух.— Какая свежесть! Что за аромат! Так дивно пахнуть может только на Вершени! Это вам не гнилые болота Иззыбья! Ты уж не обижайся, Шатун.

Шатун не обижался, но выразился в том смысле, что каждая жаба свою кочку хвалит. Упоминание о жабе дало мыслям Ягана соответствующее направление.

— Эх, съел бы я сейчас дюжину отборнейших жаб, выпил бы браги да хорошенько отоспался! — мечтательно вымолвил он.— Надоели мне эти странствия. Скорее бы на место прийти.

— Знать бы только, где это место...— проворчал Головастик.

— Узнаем. Это уж мое дело.

— Ты действительно веришь, что добьешься прощения? — поинтересовался я.

— Конечно. Чего ради я сюда вернулся. Головастику на поминках подпевать? Нет, я к другой жизни привык.

— И с чего ты думаешь начать?

— Вначале разобраться надо, что к чему. Узнать, кто нынче в силе. Кто — в немилости. Времени ведь много прошло. Может, все мои враги давно в Прорве. Тут дело тонкое: сегодня ты, завтра — тебя. Потом старые связи нужно наладить. Да и новыми обзавестись не помешает. Но спешить нельзя. Действовать только наверняка. Главное, чтобы меня сразу не прикончили. Чтобы выслушали. А уж мне есть что сказать. Я такое скажу...— он поперхнулся словами, как будто спохватившись, что может сболтнуть лишнее.— ...Я такое скажу, что вся Вершень ахнет.

Что это такое случилось с ним сегодня, подумал я. Не часто Яган шел со мной на откровенность. Может, это как раз тот момент, когда его можно разговорить? Ну, бывает — нашел на человека стих. Когда еще такой шанс представится. Очень многое в устройстве этого мира остается для меня загадкой. Особенно то, что касается институтов власти. Никаких аналогов в земной истории не просматривается. Ни с империей инков, ни с Поднебесной, ни с другими более поздними формациями. Стоит только мне воздвигнуть в уме какую-нибудь стройную теорию, объясняющую особенности местного социального устройства, как появляются новые факторы, вдребезги разрушающие ее. Чего ради идет война не только между Иззыбьем и Вершенью, но и между разными занебниками? Что это за Письмена, из-за которых весь сыр-бор разгорелся? Откуда появился Настоящий Язык? Кто такой Тимофей? Реальная личность или легенда? Как он оказался здесь и куда сгинул? Почему лишь одно упоминание о нем повергает людей в трепет? Какая сила гонит по дорогам толпы кормильцев? Из какого центра управляется это эфирное государство? Кто назначает судей, губернаторов, генералов? Кто такие Друзья? Вожди, министры, парламентарии? И почему именно — Друзья? Друзья — чьи? Народа? Ясно, что нет. К народу здесь отношение — растереть и плюнуть! Друзья между собой? Куда там! Пример Ягана о многом говорит. Может, все же расспросить его поподробней? До сих пор я старался быть в разговорах предельно осторожным. Избегал прямых вопросов. Больше слушал, чем говорил. Представьте себе на минутку такую картину.

Средневековая Европа. Какой-то тип бродит по городам и весям и пристает ко всем встречным-поперечным с такими примерно вопросиками: а кто этот дистрофик на кресте, которому вы бьете поклоны? А на кой ляд нужны фимиам и молитвы? А что такое «король»? А кто такой «папа»? А почему вы сжигаете на костре этих симпатичных дамочек? А чего ради штурмовать этот замок, там ведь точно такие же люди, как и вы? Ну, и так далее. Думаю, результаты столь опрометчивого любопытства могли быть весьма и весьма плачевными. Следовательно, не будем торопить события. Осторожность — вот моя тактика и стратегия.

— Если у тебя все получится, ты уж и про нас не забудь,— сказал я, прикинувшись дурачком.

— Не забуду,— очень серьезным тоном заверил меня Яган.— По крайней мере, тебя.

Сон мой был так краток, что я не то что отдохнуть не успел, но даже и первого сновидения не дождался. Все уже стояли на ногах: Шатун с ножами в руках, Яган с мешком за спиной, Головастик со зверенышем под мышкой. Тот жалобно пищал, и Головастику все время приходилось прикрывать ладонью его мордочку.

Мне сунули в руки горящий факел. Все молчали, только напряженно вглядывались в черную, полого уходящую вниз дыру поперечного тоннеля.

— Да придуши ты его! — прошипел Яган.— Он же всех нас выдаст!

— Не сметь! — В колеблющемся свете факела глаза Шатуна сверкнули, как кровавые рубины.— Без него мы погибнем... Теперь тихо-тихо идите за мной.

— Может, погасить факел? — так же шепотом спросил я.

— Не надо. Кротодав дальше своего рыла не видит. Зато уж слух у него... Стук сердца за сто шагов слышит.

Мы на цыпочках двинулись вверх по тому самому ходу, из которого тянуло свежестью, миновали две или три развилки, пересекли обжитый термитами круглый зал и ступили под своды нового тоннеля — высокого и узкого. «Арочный ход»,— не оборачиваясь пояснил Шатун. Возле каждого поворота он на секунду задерживался и внимательно осматривал стены. Зверек верещал не переставая и бился в руках Головастика.

Внезапно Шатун подал нам знак остановиться. Пальцем он подцепил со стены комок розоватой, жирно отсвечивающей слизи и понюхал ее. Зверек при этом взвизгнул, словно его кольнули шилом.

— Кротодав,— констатировал Шатун, вытирая пальцы о шерсть на груди.— Недавно прошел здесь. В ту сторону.— Он указал в направлении нашего движения.— Поворачиваем!

Уже не заботясь о соблюдении тишины, мы побежали по своим следам обратно. Спустя минут десять плотный и горячий поток воздуха, похожий на тот, что гонит перед собой по тоннелю вагон электрички, догнал нас.

— Бежим быстрее,— крикнул Шатун.— Он возвращается. Возле первой развилки остановитесь!

Едва только мы успели достичь ближайшего разветвления, как Шатун опустился на колени и по самую гарду загнал в пол один из ножей, острием вперед. «Вот он»,— взвизгнул Головастик, и я

увидел, что прямо на нас по тоннелю, целиком заполняя его, надвигается розовая масса, похожая на ком сырого, только-только ободранного мяса.

— Стойте на месте и кричите! — приказал Шатун.— Кротодав должен услышать нас. Только когда до него останется три шага, бросайтесь в боковой ход. Он не успеет повернуть за нами.

Розовая гладкая плоть раскрылась трубой, по всей окружности которой сверкнул тройной частокол острейших серповидных клыков. Каждый из них мог стать лезвием отличнейшего топора.

Нож в единый миг исчез под тушей кротодава. Раздался омерзительный звук, похожий одновременно и на скрежет тормозящего локомотива и на треск разрываемого брезента. Мы кучей свалились в боковой коридор, факел все еще продолжал гореть, и я, словно зачарованный, наблюдал, как в метре от моего лица проносится лоснящийся, тугой бог чудовища.

— Бежим! — Шатун рывком поставил меня на ноги.— В этом ходу кротодаву не развернуться. Он будет пятиться и снова располосует кишки. Жаль только, что клинок пропал.

Сделав по лабиринту порядочный крюк, мы снова проскочили хорошо запомнившийся мне крутой зал и влетели в тот самый тоннель, где накануне собирались переночевать. Стены его блестели, словно смазанные салом.

Тяжело дыша, мы остановились. Яган беспомощно оглядывался по сторонам. Головастик машинально поглаживал окоченевший труп несчастного зверька.

— Здесь их без счета,— сказал Шатун.— Такого я еще не видел. Кто-то специально всполошил кротодавов... А у меня остался всего один нож.— Впервые я почувствовал в его тоне усталость и тревогу.— Сейчас они всем скопом накинутся на подранка. Значит, у нас есть немного времени. Надо выбираться наружу. Бросайте все: еду, факелы.

Мы бежали, а вернее — из последних сил ковыляли навстречу слабому потоку свежего воздуха, и спустя некоторое время мне стало казаться, что темнота в тоннеле как будто начала редеть.

— Я, кажется, вижу свет,— прохрипел Головастик.— Уже немного осталось...

— Это свет из отвесного лаза в потолке,— объяснил Шатун.— Через него мы не выберемся. А до выхода еще не одна тысяча шагов.

— Я и сотни не сделаю,— пробормотал Яган.— Еще чуть-чуть, и сердце разорвется! Давай отдохнем немного.

— Нельзя. Не хочу вас пугать, но, кажется, один из кротодавов уже гонится за нами.

Слова Шатуна подхлестнули нас, но ненадолго. Всему есть пре-

дел. Как говаривал Головастик, без головы не споешь, без ног не спляшешь.

— Нож,— задыхаясь крикнул Яган.— Зачем ты его бережешь? Втыкай скорее! Мертвому он уже не пригодится!

— Нож здесь не поможет. В этом ходу до самого конца нет ни единой развилки. Кротодав даже с распоротым брюхом легко настигнет нас.

— Выручи! — взмолился Яган.— Только один этот раз. Самый последний! Выведи наружу. А там я уже сам обо всем позабочусь.

Мы миновали луч света, вертикально падавший из отверстия в потолке. Тоннель в этом месте сужался горбатым наплывом смолы. Шатун остановился и прижался к нему ухом.

— Я постараюсь сделать все, что смогу,— сказал он.— Только вы не останавливайтесь... Бегите... Идите... Ползите... Но только вперед! Все время вперед!

Он принялся долбить ножом этот твердый, но достаточно хрупкий струп, едва-едва успевший затянуть одну из многочисленных ран на теле занебника. Я понял план Шатуна и ужаснулся — на погибель одному чудовищу он вызывал другое, еще более беспощадное и разрушительное.

Пошатываясь и цепляясь за стены, мы втроем брели вверх по крутой лестнице, стертой многими тысячами босых ног. В тоннеле становилось все светлее. Его стены и пол покрывали растения — не бледные, рахитичные порождения мрака, а вполне обычные для нижних ветвяков мхи и стосвечники. Настойчивый, частый стук ножа был уже едва слышен. Наконец впереди обозначилось яркое жемчужно-серое пятно. И почти в тот же момент нас толкнул в спину горячий вихрь, пахнущий мускусом, звериным потом и падалью. Позади что-то грохнуло и заревело. Ступени под ногами завибрировали. Нас догоняли.

Однако это был не кротодав, а уже почти потерявший силу поток холодного, сладковатого сока. Дотянув нас до конца тоннеля, он перехлестнул через его край и иссяк.

А затем наступило затишье.

Сок, негромко бурля, уходил вниз, и это означало, что тоннель свободен, что туша кротодава выбита из него, как пробка из бутылки с шампанским.

— А где же Шатун? — растерянно спросил Головастик.

Он опередил меня совсем ненамного. Точно такой же риторический вопрос готов был сорваться и из моих уст.

Три радуги — одна ярче другой — зажглись в мутной пустоте, и туман вдруг стал прозрачен на многие километры вокруг. Словно серые бумажные самолетики, скользили вдали силуэты косокрылов.

На пределе зрения обозначился ствол ближайшего занебника, похожий на мрачный узкий утес, у которого неизвестно от чего выросли длинные, растопыренные во все стороны руки. Небо над нами застилал ветвяк, другой торчал метров на пятьсот ниже. Волшебные блики света высветили ниточки ровняг, лоскутки плантаций, пятнышки поселков.

Время шло, а мы, словно куры на насесте, все еще сидели на узеньком карнизе рядом с круглой дыркой тоннеля. Казалось, еще немного — и оттуда выйдет Шатун, как всегда сдержанный, как всегда невозмутимый. Радуги, постепенно тускнея, поднимались ввысь и вот — разом погасли. Серая тень словно покрыла Вершень.

— Пошли,— сказал Головастик.— Не сидеть же здесь всю жизнь. Я эти места знаю. Ночью тут добрым людям делать нечего. Надо пробираться на крутопутье.

Узкая, едва намеченная тропа — путь разбойников и контрабандистов — зигзагами уходила вверх. На Земле за преодоление таких маршрутов сразу присваивают звание кандидата в мастера спорта по скалолазанью. На каждом метре имелись только одна-две точки, куда можно было поставить ногу. Нередко тропу пересекали глубокие вертикальные трещины, через которые нам приходилось прыгать, как горным козлам. На душе было тоскливо и муторно. Пройдена едва ли десятая часть пути, а мы уже потеряли одного из товарищей. Да еще какого!

За спиной выл ветер. Мир вокруг то вспыхивал тысячами ярчайших водяных капель, то снова погружался в полумрак, а мы, как гусеницы, упорно и медленно карабкались по отвесной сырой стене, отыскивая каждую мельчайшую щель, каждый кустик — любую, даже самую хлипкую опору для рук. Одна из трещин на нашем пути была так широка, что двухметровые стволы стосвечника, покрывавшие ее противоположный склон, казались отсюда хрупкими былинками. Сплетенный из хвороста и лиан мостик, шириною в три моих пяди, мотался над пропастью. Невозможно было даже представить, чтобы кто-либо другой, кроме змеи или крысы, мог перебраться по нему на ту сторону. Очевидно, люди, соорудившие его, знали секреты невесомости.

Не помню, сколько времени я провел на этом хлипком сооружении — пять минут или пять часов. Меня трясло и раскачивало, словно корабль, не успевший в бурю убрать паруса. Под собой я видел только застывший поток смолы, могучий, как глетчер, да стаю пятнистых трупоедов, теребивших какую-то бесформенную розоватую массу. С такой высоты невозможно было рассмотреть, чьи это останки — человека или животного.

Кое-как мы добрались до конца лестницы, но и там нас не ждало ничего хорошего: тропа почти исчезла. Вновь началось мучительное восхождение — три шага в минуту, два шага в минуту, один шаг...

И ни разу на всем протяжении пути нам не встретилось ни единого грота, где можно было бы заночевать, ни единого выступа, на котором можно было бы отдохнуть. Те, кто проложил эту тропу, умели преодолевать ее за один прием.

На очередном повороте карабкавшийся первым Головастик нос к носу столкнулся с коренастым, косоротым детиной, больше похожим на матерого самца гориллы, чем на человека.

— Доброго вам здоровьица, братцы,— пробасил тот.— Куда это вы торопитесь?

Сказав так, косоротый гнусно оскалился, изображая некое подобие улыбки, и многозначительно поправил на брюхе свернутый в кольцо бич-самобой. Был он не один — еще четверо косматых головорезов цепочкой спускались по тропе вслед за главарем. Двое тащили на спинах объемистые мешки.

— В Кудыкино, куда же еще,— солидно ответил Головастик, видимо, привычный к таким встречам.

— В какое такое Кудыкино? — удивился косоротый.— Этой тропой только к Лямошному крутопутью выйти можно.

— А раз знаешь, зачем спрашиваешь?

— Вы часом не служивые? — подозрительно прищурился косоротый.

— Что — похожи?

— Да вроде нет... Хотя, кто вас знает. Мы служивых не любим. Мы служивых сразу в Прорву спихиваем.

— Можете так и дальше поступать. Мы не возражаем.

— Вот это другой разговор! Сразу видно, свои люди. Грабить идете?

— Там видно будет.

— А мы вот пограбили,— похвалился косоротый.— Возвращаемся с добычей.

— Счастливой дороги.

— Какая же она счастливая, если ты на ней стоишь. Нам ведь вниз надо.

— А нам вверх.

— Ай-я-яй, горе какое! Вам вверх, нам вниз, а разминуться здесь никак нельзя. Придется всем одной дорогой идти.

— Если вверх, мы согласны.

— Вверху нам делать нечего, мы же с грабежа возвращаемся. Наверху нас ох как сильно ждут!

— Так что же ты предлагаешь?

— Для таких хороших людей мне ничего не жалко. Выбирайте! Хочешь, вместе с нами вниз иди, а хочешь — в Прорву прыгай. Что хочешь, братец, то и делай.— Не спеша косоротый принялся сматывать с пояса бич.

В предстоящей схватке наши шансы на успех были ничтожны.

Нас было почти вдвое меньше, чем разбойников, и стояли мы намного ниже их на тропе. Но и это было не главное. Бич в опытных руках — страшное оружие. Весь он покрыт жесткими чешуйками, которые при достаточно резком взмахе встопорщиваются множеством бритвенных лезвий. Парой хороших ударов косоротый без труда сбросит нас в пропасть. Единственная защита от бича — это маневр, ловкие прыжки, увертки, а здесь особо не попрыгаешь. Возвращаться назад? Об этом не могло быть и речи. Жаль, что с нами нет Шатуна. Он уж обязательно придумал бы что-нибудь. А сейчас на кого надеяться? На Ягана? Да у него самого поджилки трясутся. Кроме того, он стоит позади всех и поэтому совершенно беспомощен. Может быть, Головастик себя покажет? Весьма сомнительно. Языком у него получается лучше, чем руками. Хотя Орфей, кажется, умел очаровывать разбойников своими песнопениями. Ну, Головастик, миленький, выручай!

Словно прочитав мои мысли, Головастик стремительно прыгнул вперед, вцепился в густую шерсть косоротого.

— Уж если в Прорву, то вместе! — крикнул он при этом.

— Правильно! — раздался откуда-то сверху так хорошо знакомый мне голос.— Держись за него крепче.

Кустарник и выступы коры мешали мне рассмотреть, что же именно происходит на тропе. Один из разбойников сорвался вниз и повис, вцепившись обеими руками за стебли иглицы. Второй взвыл: «Ой, не надо! Ой, сдаюсь!» Те двое, что выполняли роль носильщиков, оказать сопротивление не могли — для этого требовалось сначала хотя бы избавиться от мешков, а Шатун, грозный и беспощадный, уже нависал над ними. Заставив разбойников присесть (для чего пришлось слегка расписать ножом их рожи), он дотянулся до косоротого, всеми способами в этот момент пытавшегося избавиться от Головастика.

— Что с ним сделать? — спросил Шатун.— Заколоть?

— Надо бы,— ответил Головастик.— Да только он, бурдюк дырявый, меня не отпустит. Вместе полетим.

— Не беда.— Шатун приставил лезвие ножа к горлу разбойника.— Сейчас я его к дереву приколю. Пусть висит себе.

— Зачем же, братец, меня приколачивать? Я твоего дружка не трогал. Он на меня первый полез.— Косоротый бережно поставил Головастика на тропу рядом с собой.— Сам пристал, а я, значит, виноват!

— Ты мне, падаль вонючая, чуть глаз не выдавил.— Головастик кулаком врезал разбойнику по скуле, крепкой и широкой, как булыжник.

— Подумаешь, глаз.— Тот даже не поморщился.— Если желание есть, можешь мой выдавить. И будем квиты.

— Бросай бич,— приказал Шатун.— И вперед.

— Вперед, так вперед,— охотно согласился косоротый.— Разве я, братцы, спорю. А вот бича жалко. Этим бичом я немало служивых побил.

— Бросай, он тебе не скоро пригодится.

После этого вся кавалькада тронулась вверх. Разбойники, охая, впереди, мы — ликуя, сзади.

— Вовремя ты успел,— сказал я, хлопнув Шатуна по спине.

— Я давно за вами сверху наблюдал. Видел, как вы по мосту карабкались. А уж когда разбойников приметил, сразу начал спускаться.

— Как же тебе удалось спастись?

— Спастись? Я не собирался помирать. Помнишь ту дырку в потолке, из которой свет падал? Я недаром под ней встал. Туда меня поток и забросил. Правда, где-то на середине норы я застрял, но сок скоро схлынул. Видишь, до сих пор ко мне мухи липнут. Потом принялся вверх карабкаться. Ничего сложного: в одну стенку спиной упираешься, в другую ногами. Кое-где упоры для рук пришлось нарезать. Так и выбрался. Не в первый раз.

— По такому случаю не мешало бы и по глотку браги пропустить,— высказался Головастик.

— Я бы и от сухой корки не отказался,— буркнул Яган.

— Действительно, поесть надо бы,— согласился я, вспомнив, что уже почти сутки даже маковой росинки во рту не держал.

— Эй,— крикнул Шатун разбойникам,— у вас жратва найдется?

— Откуда? Мы сами голодные. Разве у кормильцев что-нибудь хорошего награбишь?

— А в мешках у вас что?

— Девки.

— Зачем они вам?

— Так, на всякий случай прихватили. Может, сменяем на что-нибудь путное. Говорят, девки сейчас в цене. Хотите, одну вам уступим.

— Ты шагай пока. После разберемся.

Так мало-помалу, где опираясь только на кончики пальцев, где ступая на всю подошву, а где карабкаясь по-обезьяньи, мы приближались к крутопутью, характерный шум которого — брань мужчин, причитания женщин, визг детей, команды служивых — уже доносился до нашего слуха. Разбойники беспокойно оглядывались на нас и перекидывались между собой короткими, малопонятными для непосвященных словечками. При всем моем презрении к этим людям, нельзя было не восхищаться легкостью и целесообразностью их движений. Даже тяжелые мешки ничуть не мешали разбойникам.

Наконец мы все выбрались на довольно широкий карниз. Здесь можно было не только передохнуть, но даже и вздремнуть, не опасаясь, что первый же порыв ветра сбросит тебя в пропасть.

— Тут, значит, и разойдемся? — не совсем уверенно спросил атаман, исподлобья глядя на нас.

— Как хотите,— ответил Шатун.— Мы вас не держим.

— Ежели желаете, могу вас всех к себе взять. Ты после меня самым главным будешь. При дележке лишнюю долю получишь. Не пожалеешь.

— Когда в другой раз встретимся, подумаю.

— Другой раз ты у меня и пикнуть не успеешь.— Атаман убедился в наших мирных намерениях, и это добавило ему смелости.

— Ну, тогда до встречи. Счастливо грабить.

— И вам того же, братцы. Встретимся...

— Мешки оставьте.

— Что — оба?

— Оба.

— Мы, вроде, про один договаривались.

Шатун только кивнул Головастику, и бич оглушительно щелкнул возле головы ближайшего из носильщиков, едва не задев висок.

Второй оказался более упрямым — свой мешок он выпустил только после того, как лишился мочки уха. Скрылись разбойники быстро, без пререканий и напрасных угроз. Только атаман, уходивший последним, оглянулся через плечо, и не было в этом взгляде ни страха, ни злобы, а только снисходительное презрение. Точно так же, наверное, он смотрел бы на наши агонизирующие трупы.

— Как думаешь, вернутся они? — спросил Яган.

— Вполне возможно,— сказал Головастик.— Народ это такой, что обид не прощает. И долги старается сразу отдавать. А троп тут разбойничьих немало. Боюсь, как бы не обошли они нас. Слышишь, Шатун, что я говорю?

— Слышу. Нам главное до крутопутья добраться. Там затеряемся. Да и не сунутся сейчас разбойники к крутопутью.

— А с мешками что делать?

— Развяжи.

Головастик распустил горловины мешков, и из них, недовольно щурясь, показались заспанные, чумазые мордашки. Оказывается, на протяжении всего этого опасного пути пленницы преспокойно дрыхли.

— Это вы нас, что ли, украли? — сказала одна из девиц, протирая глаза.— Тогда есть давайте.

— И браги,— захныкала другая.

— Откуда мы вам еду возьмем, не видите разве, дуры, что у нас руки пустые.

— Сам дурак! Зачем тогда крал? Если крадут, значит, на продажу. А кому мы нужны худые?

— Вот что, вылазьте из мешков и чешите на крутопутье. Еще успеете своих догнать.

— Ишь ты какой — бегите! — Первая из девиц показала нам язык.— Что мы забыли на крутопутье? Нашу деревню на Голодрань переселяют. Там недавно мор был. Значит, ни еды, ни женихов там нет. Не хотим мы туда. В хорошее место нас несите.

— Найдете вы себе еще женихов,— примирительно сказал Головастик.— Молодые. Гладкие. Нас на свадьбу позовете.

— Как же,— крикнула та из девиц, что просила браги.— Наших женихов давно в войско позабирали! А тебе, жаба, не о свадьбе надо думать, а о Прорве.

— Ну все! — сказал Головастик, бесцеремонно вытряхивая ее из мешка.— Пока бича не попробовали, улепетывайте!

— Дураки вы, дядечки,— захохотали они, убегая не в сторону крутопутья, а совсем в другом направлении.— Ох, дураки!

— Действительно, дураки,— задумчиво сказал Яган, глядя вслед их легким, стройным фигуркам.

— Пойдем или вначале отдохнем немного? — спросил я у Шатуна, который не участвовал в пререканиях с девицами, а все время внимательно к чему-то прислушивался.

— Надо идти,— ответил он.— Слышите?

Мне и в самом деле показалось, что с той стороны, куда ушли разбойники, донесся едва различимый вскрик. Потом какой-то невидимый для нас предмет, ударяясь о выступы коры, полетел вниз.

— Разбойники возвращаются,— высказался Яган.

— Ну, это вряд ли. Разбойников нам бояться нечего. По крайней мере, тех, с которыми разминулись. Но кто-то идет за нами.

— А кто именно?

— Пока не знаю. Думаю, что через день-два это выяснится.

К крутопутью мы подобрались под вечер, когда бдительность служивых должна была притупиться от усталости и обильных возлияний.

Крутопутье — достаточно сложное инженерное сооружение, состоящее из целой системы вырубленных в дереве лестниц, крытых галерей и наклонных тоннелей. Крутопутье серпантином обвивает каждый занебник от корней до вершины, на каждом из ветвяков соединяясь с ровнягой. В отличие от разбойничьих троп, по крутопутью можно без труда двигаться во встречных направлениях.

В случае войны такую дорогу несложно разрушить, что нередко и проделывается как защищающейся, так и нападающей сторонами. Вообще-то я сочувствую местным Ганнибалам. Для того, чтобы воевать на Вершени, необходимо совершенно особое стратегическое чутье. Атаки здесь можно ожидать не только с фронта, флангов и тыла, но также сверху и даже снизу. Для того, чтобы окружить противника, его следует брать не в «кольцо», а в «шар».

Крутопутье пустует редко. Местное население чрезвычайно мобильно. В этом качестве они не уступают даже саранче. Что гонит их с занебника на занебник, с ветвяка на ветвяк? Война, мор, голод, привычка к кочевой жизни? Урожай собирает совсем не тот, кто его сажал. Названия деревушек меняются несколько раз в году. Никто не помнит место своего рождения. Никто не знает, где испустит последний вздох.

Нынешний день не составлял исключения. Насколько хватало взгляда, по крутопутью цепочками карабкались мужики со скарбом и бабы с детьми. Среди кормильцев, как всегда, хватало и бродяг, и контрабандистов, и дезертиров, которых должны были переловить на первой же заставе, но почему-то так никогда и не могли выловить до конца. Все это напоминало упорную, бессмысленную суету муравьев-листорезов.

Мешки, плотно набитые травой, мы взвалили на Шатуна. Его нож я спрятал под плащом. Головастик прикинулся дурачком, Яган — отставным служивым-инвалидом. Довольно бесцеремонно вклинившись в колонну кормильцев, мы вначале посеяли среди них если не панику, то сильное беспокойство. Однако убедившись, что на разбойников наша компания не похожа, те сразу успокоились и даже коситься перестали. Идут люди куда-то и пусть себе идут. Значит, надо им. Если что, мы их на посту служивым сдадим. А может, и не сдадим. Там видно будет. Лишнее любопытство оно, как известно, сильно жизнь укорачивает.

Головастик попытался было завести с попутчиками разговор, но отвечали ему неохотно, а кто-то даже сквернными словами обложил. Дескать, влез нахально, так молчи, пока цел, видали мы таких, чуть что, и в Прорву загремишь.

Между тем огромная масса ветвяка медленно надвигалась на нас сверху, заслоняя, как необъятная крыша, все небо. До пересечения с ровнягой оставалось всего несколько тысяч ступеней, а там нас ждала весьма неприятная процедура — нечто среднее между таможенным досмотром и тюремным шмоном. Заставы отсюда еще не было видно, но монотонные, сиплые крики служивых уже доносились до нас: «Сбавь шаг! Не напирай! Разбейся по парам! Какая деревня? Где староста? А ну-ка, живо его сюда!»

Кормильцы, ворча и толкаясь, стали перестраиваться в колонну по два. Шатун, как бы придавленный мешками, склонился так низко, что и лица его нельзя было рассмотреть. Головастик подхватил под руки чье-то орущее дитя. Яган, как за талисман, ухватился за свои трусы.

— Что делать будем? — шепотом осведомился я у друзей.— Выдадут нас, душой чую. Смотрите, косятся как.

— Надо бы со старостой столковаться,— сказал Головастик.— Если он за нас поручится, тогда проскочим.

— Ну, так зови его.

— Как же, послушает он меня. Пусть Яган позовет. Его голос больше подходит.

— Старосту ко мне! — с готовностью гаркнул Яган. И действительно — получилось это у него весьма убедительно.

Тощий мужик с вдавленной грудью протолкался сквозь плотно сбившиеся ряды и окинул нашу четверку оценивающим взглядом.

— Ну, чего орете? Что надо?

— Как только служивые начнут твою деревню пропускать, скажешь, что мы с вами идем.

— И не собираюсь даже,— ухмыльнулся староста.— С какой стати мне врать?

— Скажешь,— пригрозил Яган.— Иначе кишки из тебя выпустим. Видишь, у нас нож имеется. Железный. Учти, нам терять нечего.

— Мне мои кишки давно уже без надобности. Ты меня кишками не пугай, пуганый я.

— Я тебя не собираюсь пугать, братец,— сменил тактику Яган.— Выручи! А мы за это тебе добром заплатим.— Он выразительно похлопал рукой по мешку.

— И что там такое у вас?

— Говорить боюсь, чтобы не услышал кто чужой. Но тебе, братец, до конца жизни хватит. Лишь бы служивые не отобрали.

— Это другой разговор,— буркнул староста.— Через заставу идите, так и быть. Препятствовать не буду. Ну, а дальше нам не по дороге. Немедля отваливайте куда-нибудь. Народ вы лихой, сразу видно. Мне такие в деревне не нужны.

Застава была, как застава, я таких уже немало повидал: узкий проход в заграждениях из колючего кустарника, жидкий строй уже порядочно осоловевших служивых, мимо которого все мы должны проследовать, небольшая кучка реквизированного барахла, запах пота, браги, прокисшей каши. Новобранцы обшаривали поклажу, старослужащие принимали у них добычу, десятники высматривали в толпе всяких подозрительных личностей. Полусотенный с тусклыми знаками различия на истрепанных трусах проводил окончательную сортировку кормильцев. Наш староста не без достоинства, но с должным почтением приблизился к нему.

— Твои? — полусотенный указал на первую пару в нашей колонне.

— Мои.

И пошло-поехало: «Твои? — Мои. Твои? — Мои».

В пятом ряду шагал здоровенный мужик, почти на голову выше любого из служивых.

— Твой? — деланно удивился полусотенный.

— Мой.

— Какой же он твой? Это дезертир! В сторону его, ребята!

— Какой же он дезертир! Хоть у кого спросите! Племянник он мне! — Староста с досады даже сплюнул, но верзилу уже втащили в толпу служивых.

— И этот не твой! — Палец полусотенного указал на молодца в следующем ряду, хотя и не вышедшего ростом, но отменно кряжистого.— Да и вон та баба тоже не твоя! Спорить будешь?

— Буду! Замужняя она! Мужик ее рядом идет. И дети при них!

— Ты с кем пререкаешься? Давно бича не пробовал?

— Давно. Со вчерашнего дня! На нижней заставе всыпал такой же начальник, как ты.

— Значит, мало всыпал!

Бабу, упитанную и довольно миловидную, между тем повели под руки в сторону, и она визжала, призывая на помощь супруга. Тот, однако, равнодушно отмахивался: не ори, дескать, коли забрали, значит, так оно и надо, чего впустую верещать, и так башка раскалывается.

Дети их, целый выводок сопливых, нечесанных карапузов, каждый со своим отдельным мешком на спине, с явным интересом наблюдали за происходящим. Когда мать взвыла особенно сильно, они даже запрыгали от восторга и запели хором: «Плакса-клякса, плакса-клякса!»

И вот наступил наш черед. Меня и Головастика пропустили беспрепятственно. Взгляд полусотенного не выразил при этом никакого интереса, хотя за исконных кормильцев принять нас было довольно трудно. Следующими шли Яган и Шатун.

— Твои?

— Мои,— скривился староста, уже прощаясь в душе с вожделенными мешками.

— Какие же они твои, доходяга проклятый! Твои все вшивые да дохлые! А это смотри какие удальцы! Особенно тот, с мешками!

— Да он же болотник! — обернувшись, крикнул Головастик.— Его мальчонкой в плен взяли. Грыжа у него. Он и говорить по-нашему не умеет. Эй, голозадый, скажи что-нибудь!

— Гы-ы-ы! — промычал Шатун, не поднимая головы.

— Сам вижу теперь, что болотник,— полусотенный почесал за ухом.— Жаль, конечно, скотина здоровая. Но раз грыжа, пусть себе идет. А этого дядьку в портках попридержим.

— Попрошу не хамить! — взвился Яган. Клеймо на спине могло выдать его, и он старался все время держаться к полусотенному грудью, ну, в крайнем случае, боком.— Я на войне с младенчества! Тысячами таких, как ты, командовал! Многократно награжден. По причине тяжелых ранений списан в отставку! Вот так!

— Тысяч я тебе не обещаю,— полусотенный зевнул.— Но в носильщики еще сгодишься. Указ такой вышел, носильщиков в войско

набирать. Чтоб на каждого служивого по два носильщика было. Без учета возраста, пола, здоровья и прошлых заслуг. Понял?

— А ты про генерала Бахардока слышал? — грозно осведомился Яган. Это был отчаянный ход. Генерал сей давно мог числиться среди государственных злодеев. Однако в данной ситуации приходилось идти на любой риск.

— Ну и что?

— Я спрашиваю, слышал или не слышал?

— Ну, слышал...

— Так вот, одно мое слово — и он с тебя шкуру сдерет! Я к нему через три дня обещал в гости зайти! Он ждет меня, запомни!

— Передо мной здесь, случалось, и генералы валялись,— сказал полусотенный, но уже не так уверенно, как прежде.— Ты не очень-то... Раскричался... Если такой грозный, то чего с кормильцами ходишь?

— На исцелении он был,— глядя в небо, сказал Головастик.— Жила у нас старушка одна. Травами и мочой шестируких лечила. Любую хворь как рукой снимало.

— Любую? — поинтересовался полусотенный.— И прострел?

— И прострел.

— А где же она сейчас?

— Шестирукий задавил. Пожалел мочи, гадина!

— Вот именно! — подтвердил Яган.— Скончалась старушка. Но меня еще успела исцелить. И сейчас я, исцеленный, за новой должностью следую.

— Ну, следуй, коли так. Бывают и ошибочки в нашем деле. Ты не серчай.

Полусотенный, хоть и старался виду не подавать, заметно увял. Все кормильцы нашей деревни и даже несколько затесавшихся в их ряды бродяг проследовали мимо него без всякого урона. Десятника, осмелившегося полапать мешки на спине Шатуна, Яган отшил одним только гневным взглядом.

Пройдя заставу, колонна завернула на ровнягу. Навстречу ей брела другая точно такая же колонна.

— Вы откуда, братцы? — донеслось из ее рядов.

— Из Быструхи,— степенно ответил староста.

— А куда идете?

— Не знаем пока.

— Если попадете в деревню Ковыряловку, занимай четвертые хоромы от дороги. Там у меня в подполе брага осталась. Не успел забрать.

— Надо запомнить,— сказал Головастик самому себе.

— Ну все, ребята, шабаш,— староста преградил нам путь.— Дальше сами по себе идите. Я свой уговор выполнил.

— И мы свой выполним. Забирай мешки.

— Благодарствую... Что-то не больно они тяжелые?

— Не тяжелые, зато дорогие. Только откроешь их, когда рядом никого не будет. А то растащат добро.

Свет дня угасал равномерно по всему пространству, словно это не светило уходило за горизонт, а кто-то постепенно убавлял яркость невидимого небесного свода. Ни один отсвет заката не заиграл на мрачных стенах занебника. Изумрудное сияние сменилось мутной желтизной, а потом и мутными сумерками. Тени не удлинялись ни на сантиметр, а просто стали гуще.

Шлепая по теплой, гладкой ровняге, мы вскоре добрались до плантации дынного дерева. Однако низенькие корявые деревца были полностью очищены от плодов, а то, что осталось под кронами, гнилье и паданцы, кто-то старательно растоптал, размазал, перемешал с мхом и травою. Только сверхстарательному Ягану удалось отыскать одну-единственную уцелевшую дыньку, уже размякшую и заплесневелую. «Совсем маленькая,— вздохнул он при этом.— Тут и делить-то нечего».

— Недалеко отсюда должна быть деревня,— сказал Головастик.— Вот только названия ее не помню. Пошли, пока там еще не уснули. Может, и выпросим что-нибудь.

Мы снова двинулись вперед по самой середине ровняги. Яган, в которого голод вселил необыкновенную энергию, то и дело сбегал с дороги и, как гончая собака, петлял в окрестных кустах. Кормильцы, вынужденные предоставлять гостеприимство то служивым, то странствующим по государственным делам чиновникам, то разбойникам, имели привычку припрятывать на ночь свои запасы, и Яган надеялся выследить хотя бы одного такого хитреца.

— Точно,— сказал Головастик, останавливаясь возле крайней постройки.— Был я здесь.

— Напакостил небось? — проворчал Яган.

— Нет, в тот раз все вроде обошлось.

Головастик подергал дверь, без всякого, впрочем, успеха. Жилища здесь на ночь запирают редко — власти это не приветствуют, однако если кто-то на такое все же решился, то уже держится до конца. Будь Головастик один, он скорее всего отступил бы, но наше присутствие, а особенно ехидные подначки Ягана, побуждали его к решительным действиям. Сначала он стучал кулаками, потом пяткой, а уж потом — с разгона — плечом. После пятого или шестого удара что-то хрустнуло (надеюсь, не кости Головастика) и дверь распахнулась. За ней стоял всклокоченный мужичок, ростом мне под мышку. Держа в руках топор с костяным лезвием, он прикидывал, кому из нас первому засветить между глаз. За его спиной маячила плечистая дородная баба, составлявшая как бы вторую линию обороны.

— Привет, братец,— несколько растерянно сказал Головастик.— Почему сразу не открываешь?

Мужичок промолчал, только поудобнее перехватил топор.

— Ты разве не помнишь меня? — Головастик предусмотрительно отступил на пару шагов.

— С чего это я тебя должен помнить? — грубым голосом рявкнул мужик.

— Забыл, как я у тебя на свадьбе пел?

— На моей свадьбе двадцать лет назад пели. И не такие хмыри, как ты.

— Ну, если не у тебя, так, может, у родни твоей. Помню только, что в этом доме.

— Я здесь и года не живу. Ты мне голову не морочь. Если что надо, скажи. А нет, так иди себе ровненько, куда шел.

— Дал бы ты нам поесть, братец. Да и выпить не помешает.

— С какой стати! Где я жратвы и выпивки на всех бродяг напасусь?

— Мы отработаем. Будь уверен. Хочешь, свадьбу сыграем. Я петь буду. Заслушаешься.

— Свадьба это хорошо,— хозяин задумался.— Песни я люблю... Может, и в самом деле свадьбу сыграть? Эй! — Он обернулся к бабе: — Возьму-ка я Раззяву в жены. У нее муженек вчера загнулся. Все веселее будет. Да и тебе помощь.

— Я тебе возьму! — отозвалась баба.— Только посмей мне! У нее детей пять ртов. Чем их кормить будешь, лежебока!

— Нда-а,— мужичок растерянно поскреб живот. Топор он уже давно опустил.

— Тогда давай поминки справим,— нашелся Головастик.— Мне все равно, где петь.

— Поминки, это тоже хорошо... Поминки у нас вчера и позавчера были. А сегодня, кажется, еще никто не помер. Может, эту тварь прибить.— Он вновь оглянулся на бабу.

— Я тебя самого сейчас прибью! Сухотье скоро, а у тебя закрома пустые. О себе не радеешь, так хоть о детях подумай.

— Ходить научились, пусть теперь сами кормятся. Не собираюсь я о всяких подкидышах заботиться.

— О твоих же кто-то заботится!

— Может, заботится, а может, и нет. Откуда я знаю... Да и замолкнуть тебе давно пора. Надоела! Заходите, братцы, не слушайте эту дуру.

Мы не заставили упрашивать себя дважды и гурьбой ввалились в жилище. Воняло там не меньше, чем в подземной тюрьме болотников. При каждом шаге что-то похрустывало под ногами, словно подсолнечные семечки лопались. Хозяин засветил огарок факела, и нашим взорам предстали тараканьи армии, поспешно расползаю-

щиеся в разные стороны. Там, где пола коснулись наши подошвы, остались мокрые, расплющенные, еще шевелящиеся рыжие лепешки.

Всю обстановку хижины составляли несколько драных рогож, пара выдолбленных изнутри чурбаков, наполненных непонятно чем: не то помоями, не то похлебкой, и уже упоминавшийся мной топор. Однако вскоре неведомо откуда появились и лепешки, и сушеные фрукты, и бадья браги.

— Значит так, братцы,— решительно сказал хозяин.— Справляем поминки. По мне. Чем с такой змеей под одной крышей жить, лучше в Прорву броситься.

Двумя руками приподняв бадью и сделав парочку хороших глотков, он, как эстафету, передал ее Головастику. Тот пил брагу, как гусар шампанское — не спеша, манерно, с каким-то особым шиком. Ягану не повезло: при первом же глотке он подавился чем-то, скорее всего трупом усопшего таракана. Пока он перхал и откашливался, бадьей завладел Шатун. Ему-то, судя по всему, было совершенно безразлично, что пить: брагу, нектар или отраву. Ко мне бадья попала уже порядочно облегченной. Бултыхавшуюся в ней тошнотворно пахнущую, мутную и непроцеженную жижу употреблять было совершенно невозможно, но и отказаться я не мог — для всех присутствующих это было бы смертельным оскорблением.

Эх, была не была, подумал я. Чего не сделаешь ради компании! Брага вышибала слезу и обжигала горло. В желудке она была так же неуместна, как раствор каустической соды. Бр-р-р!

Кстати говоря, никакая это не брага, а просто-напросто настой ядовитого гриба, похожего на наш мухомор.

— Ну что, братцы? — поинтересовался хозяин.— Что не закусываете? Или не пробрало?

— Слабовато,— ответил за всех Головастик.— Надо бы повторить. Тогда и закусим.

— А петь когда будешь?

— Успею. Ты когда в Прорву собираешься?

— Как выпьем все. Под утро, наверное.

— Тогда времени хватит. Пей, не задерживай.

Брага забулькала, обильным потоком вливаясь в глотку хозяина. Головастик, выцедив свою порцию, принялся закусывать прямо с обеих рук. Яган, сославшись на предыдущую осечку, прикладывался дважды подряд: выпил, передохнул, добавил — а уже только потом навалился на еду, добрую кучу которой подгреб под себя заранее. Челюсти его, обретя привычное поле деятельности, работали не хуже, чем у древесного крота. Шатун опять выпил безо всякого удовольствия. Какая-то мысль явно беспокоила его. Подошла баба, тоже глотнула — не пропадать же добру — и сунула бадью мне.

Вторая порция пошла намного лучше. Не такая это уж и гадость, если привыкнуть, подумал я, запихивая в рот кусок лепешки. Ум просветляет. Усталость снимает. От нее, наверное, и боль проходит. Нечто подобное, кажется, употребляли древние арии. У них такой напиток именовался сомой. А взять опять же фиджийскую янгону (она же — кава), приготовляемую из корней дикого перца. Вещь, стало быть, полезная. Как там сказано у классика... «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно...» Не сблевать бы только!

Шатун потрогал свой нож, все еще спрятанный под моей одеждой, и сделал предупредительный знак: не расслабляйся, дескать. Милый ты мой, кого нам здесь бояться? Кругом все свои. Ночь. Тихая ночь, святая ночь...

— Я только две вещи в жизни уважаю,— говорил мужичок.— Брагу пить да спать. Но только чтобы всего вдоволь. Недоспать или недопить — нет ничего хуже. И чтобы ночью обязательно сны, а за выпивкой песни.

— Хорошо тебе, значит, живется,— констатировал Яган, подбирая с рогожи самые аппетитные куски.

— Не жалуюсь,— согласился мужичок.— Все у меня есть, что человеку положено. Дом есть, баба есть, ребятни хватает. Эти разбегутся — других подкинут. Мор мне не страшен, еще мальчонкой переболел. В войско не берут, отвоевался. А возьмут, тоже ладно. Не подкачаю, хоть и рука сухая.

— Все есть, только ума нет,— проворчала в темноте баба.

— Ничего, ничего,— мстительно пообещал мужичок.— Посмотрим, что ты завтра скажешь, когда вдовой окажешься.

— Испугал, шелудивый...

— Не могу эту язву спокойно слушать.— Он взболтнул брагу в бадье.— Ты спой лучше, порадуй душу.

— Споем,— пообещал Головастик.— Вот только в горле что-то пересохло. Промочить надо...

Промочить так промочить. Своевременное предложение. Только вот браги что-то маловато, на самом донышке плескается. Ну и выпивохи у меня в друзьях. Ну, ладно, за ваше здоровье!

На этот раз бадья повела себя весьма странно. Как живая, она ходуном ходила в моих руках, уворачивалась от губ, а потом пребольно стукнула по зубам. Брага выплеснулась мне на грудь.

— Не хочешь пить, другим отдай,— недовольно проворчал Яган.

— Где пьют, там и льют! — жизнерадостно заорал мужичок, хватаясь за топор.

Сейчас порубает нас, подумал я. Интересно только, с кого он начнет? Пили мы по кругу, значит, и головы по кругу полетят. Прекрасно, я последний. Успею еще закусить... Да нет, это он пол в своей хижине рубит, да еще просит, чтобы посветили. С ума сошел, что ли?

В сторону полетели щепки, доски, брусья, какая-то труха, и вскоре на белый свет была извлечена еще одна бадья. Не стоит даже объяснять, что последовало за этим: ликование Головастика, одобрение Ягана, брань бабы, мои аплодисменты. Только Шатун никак не отреагировал на это событие.

Бадья снова пошла по рукам. Буль-буль-буль. Мужичок уже обнимался с Яганом, как с родным братом.

— Верно говоришь! Правильно говоришь! — Он согласно кивал лохматой головой.— Ну что раньше за жизнь была! Никакого порядка! Каждый сам по себе. Жили, где придется. Бродили, где придется. Ели, что придется. А теперь по-о-о-рядок! Живем, где положено. Идем, куда пошлют. Едим, что разрешают. Никаких забот. А когда голова от забот свободна, руки сами в дело просятся. Разве не так?

— Так,— подтвердил Яган,— клянусь Тимофеем!

— Тогда пой. Удачи тебе!

— И тебе...— (Буль-буль-буль).

— Мне не надо. Мне в Прорву утром.

— Запамятовал, прости.

— Прощаю. Тебе все прощаю.— (Буль-буль-буль).— Опять же, как со стариками хорошо стало. Пользы ведь от них никакой, только болтают много. То не так, это не так. Корми их, лечи. А теперь все по справедливости. Не можешь дело делать, значит, прочь. Не мешай людям. Сам в Прорву прыгай, пока не спихнули. Нечего народ глупыми речами смущать.

— И не жалко тебе их? — встрял в разговор я.

— Чего засохшее дерево беречь!

— Даже отца с матерью не жалко?

— Какой отец? Какая мать? Ты ошалел, что ли, братец? Баба дите родит, покормит немного и сразу другой отдает. А ей потом взамен другого. И так все время. Спра-а-а-ведливо! А то раньше как — нянчишь его нянчишь, холишь его холишь! Все для него. Себе даже в ущерб. А сколько с соседями ссор из-за детей было? А толку-то: ни любви, ни благодарности.

— Завидую я тебе.— Яган облобызал мужичка.— От всей души завидую. Ну какие у тебя заботы могут быть?

— Никаких.— (Буль-буль-буль).

— А я, когда в Друзьях состоял, хлебнул горя. Побольше, чем ты браги. То скажешь не к месту, то промолчишь не вовремя. Знать надо, когда лизнуть, а когда куснуть. Спать ложишься генералом, просыпаешься колодником. Вот ответь мне на простой вопрос, только честно. Жаб кушать любишь?

— Люблю, если угостят. Скрывать не буду.

— Молодец! А я вот не могу. Боюсь. Скажи, это справедливо? Кому лучше живется, тебе или мне?

— Мне, само собой.

— Тебе, тебе,— подтвердил Головастик с самым серьезным видом.— Таким, как ты, все завидуют. Особенно генералы. Им же, беднягам, все за тебя делать приходится. И думать, и командовать, и даже жрать. Это же непосильный труд! А тебе что — вкалывай да воюй. Воюй да вкалывай.

— Посмотри на него,— свистящим шепотом произнес Яган, прижимая голову мужичка к своей груди.— Ты думаешь, он простой пустобрех? Нет, он опасный лжец, он хитрый пакостник. Вот из-за таких, как он, все наши беды. Пока не истребим их, не будет порядка.

— Сразу начнем истреблять или погодим?

— Сразу. Сейчас! Только выпьем! — (Буль-буль-буль).— Истреблять, так истреблять. Вставай! — (Буль-буль-буль).

— Ноги не держат.

— И меня.

— Тогда отложим это дело до завтра. Никуда он не денется.

— Отложим. Правильно. Не денется никуда.— Яган тупо уставился на то место, где только что сидел Головастик.— Хотя уже делся...

— Ну и плюнь. Не расстраивайся. Лучше выпей.

— Давай.— (Буль-буль-буль).— Молодчина! Хвалю! Да на таких, как ты, вся Вершень держится. Не зря вас кормильцами зовут. Хвалю! Завидую!

— Так оставайся с нами жить. Хором пустых хватает. В жены можешь Раззяву взять. А хочешь, мою бабу бери. Она все равно завтра вдовой станет.

— А ты сам кого посоветуешь?

— Лучше Раззяву. С моей жить, что навоз жрать. На любителя вещь.

— Хорошо. Я подумаю. Хотя нет. Легкой жизни мне не надо. Меня дела ждут. Неотложные. Хочешь со мной идти?

— А Прорва?

— Ах, да! Опять забыл!

В это время в глубине хижины раздался грохот. Из темноты вывалился Головастик. Его по пятам преследовала хозяйка и колотила каким-то кухонным инструментом: не то ухватом, не то ручкой метлы. Попутно отвесив несколько тумаков и супругу, она хлобыснула браги, пожелала всем нам вскорости подохнуть и снова скрылась в своем углу.

— Правильно ты говоришь, братец. Дура твоя жена,— сказал Головастик как ни в чем не бывало, затем сплюнул себе на ладонь и стал внимательно рассматривать плевок.— Ничего в хороших песнях не понимает.

— А зачем ты к ней петь полез? — хохотнул мужичок.— Нам пой. Мы понимаем.

— Подожди, зуб шатается. Оставь глоток.

Лично я пить уже больше не мог. Хотя и желал. Мне мешал смех. От смеха тряслись руки и щелкали зубы. Все смешило меня: и разбитая губа Головастика, и невразумительные тирады Ягана, и брань хозяйки, и мрачная физиономия Шатуна, и шустрая беготня вконец осмелевших тараканов. Вскоре веселье стало общим. Головастик, шутки ради, надел Ягану на голову бадью (не ту, из которой только что отпил, а первую, уже пустую). Но, как выяснилось, это только казалось, что она пустая. Кое-как отплевавшись и осушив руками волосы, Яган хладнокровно собрал с рогожи все объедки и размазал их по роже хохочущего Головастика. Внезапно толпой явились дети, нагруженные добычей — дынями, сладкой редкой, какими-то грибами. Все это пришлось как нельзя кстати. Бадья быстро пустела. Факел несколько раз падал, но, по счастливой случайности, хижина все никак не загоралась. Трогательное братание между Яганом и говорливым мужичком закончилось дракой. Противники, не вставая на ноги, пихали друг друга руками и, как бараны, бодались лбами. «Дерьмо ты,— мычал Яган,— а не кормилец!» — «А ты дармоед,— отвечал мужичок.— Стервятник!» — «Вот погоди, стану опять Другом, доберусь до тебя!» — «А мне плевать! Я одной ногой уже в Прорве!»

Все дальнейшие события совершенно перемешались в моем сознании. Помню, как общими усилиями доламывали пол в тщетных поисках браги. Помню, как отправляли экспедицию к соседям. «Спалю, если не дадут! — орал мужичок.— Всех спалю!» Помню, как принесли взятую с боем брагу и снова сели пить. Помню Головастика, вместе с детьми исполнявшего посреди хижины какой-то дикий, совершенно неритмичный танец. Помню пьяную хозяйку, страстно обнимавшую еще более пьяного Ягана. Помню вонючую струю, вливающуюся в мое горло. Помню вопли, толчки, боль, рвоту, вспышки факелов...

Очнулся я от беспощадного удара под селезенку, и, судя по моим ощущениям, это был далеко не первый такой удар. Кто-то размеренно, без особой злобы, лупил меня ногой под ребра, словно я был не самоценной человеческой личностью, а подыхающей клячей или разлегшимся посреди дороги упрямым ослом. Я дергался, тупо мычал, хлопал глазами, но все никак не мог сообразить, где же это я и что со мной происходит. Жуткая головная боль мешала сосредоточиться, организму срочно требовалось не меньше полведра холодной воды, а еще лучше — огуречного рассола, руки и ноги совершенно онемели.

Думаю, прошло немало времени, прежде чем я осознал свое положение в пространстве. Было оно, скажем прямо, незавидное.

Спина моя опиралась о стенку хижины, коленки были прижаты к груди, а щиколотки связаны. Вытянутые вперед руки охватывали колени и тоже были скручены в запястьях. Длинная палка, вставленная в подколенные сгибы поверх рук, не позволяла конечностям шевелиться. Единственное, что я мог,— это крутить головой и раскачиваться на ягодицах туда-сюда. Напротив меня в аналогичных позах сидели Яган и Головастик, рядом — Шатун и мужичок-кормилец. Хозяйка и дети в хижине отсутствовали, зато в избытке хватало служивых.

— Очухался! — объявил тот стервец, который колотил меня в бок.

Двое служивых, по виду офицеры, подошли ко мне. Один из них (тот самый полусотенный, которого мы одурачили вчера на заставе) за волосы приподнял мне голову.

— Ну и страшилище,— сказал он брезгливо.— И уродится же такой! Белый, как глист! Не знаешь его случайно?

— Нет,— ответил второй офицер, плешивый и плюгавенький, но явно себе на уме.— Больной, наверное. Видишь, облез весь. Не трогай, еще заразишься.

С Шатуном они обращались куда как уважительнее. Плюгавенький даже на корточки возле него присел и веревки подергал, не слабо ли затянуты.

— А ты, значит, пленный болотник,— не без ехидства сказал полусотенный.— Да к тому же еще и немой. Так или не так? Что молчишь? Может, и в самом деле разговаривать не умеешь?..

— Все он умеет. Эй! — крикнул через плечо плюгавый.— Приведите старосту.

Двое служивых втолкнули в хижину давешнего костлявого старосту. Был он хоть и не связан, но руки держал за спиной и всем своим видом изображал кающегося грешника.

— Вот он! Тот самый! — закричал он, увидев Шатуна.— Самый главный у них. Меня обманул и вас хочет! Мешки всучил, а там одна трава...

— Так как тебя все же зовут? — ласково спросил полусотенный, наклоняясь к Шатуну.— Скажи, не стесняйся.

— А зовут его Душегуб,— захихикал плюгавый. Чувствовалось, что он весьма доволен собой.— И награда за него, живого или мертвого, объявлена немалая. Смертнику — жизнь, колоднику — воля, служивому — чин, кормильцу — освобождение от податей, всем иным — орден.

— Не ошибаешься? — осторожно спросил полусотенный.

— Как можно. Свою работу досконально знаю. Все приметы сходятся. Давно доносили, что он где-то по Вершени бродит. И пальца на левой руке нет, и шрам на виске, и ухо изуродовано.

— А это что за людишки с ним?

— Те трое — беглые колодники. Видишь, у каждого голень стерта. Тот, мордатый, еще и государственный преступник. Клеймо на спине имеет. Но в розыске ни один не числится. Ну, а этот,— плюгавый кивнул на мужичка,— приют им дал. Напоил, накормил, зловредные речи вместе с ними говорил.

— Ага, накормил,— согласно затряс головой мужичок.— Да кто же знал, что они злодеи! С виду люди как люди. Знал бы, так на порог даже не пустил.

— Знал не знал, а пустил. Закон нарушил. Выходит, подлежишь казни, как и все они.

— Ой! — заорал мужичок.— Пощадите, люди добрые! Без умысла я. Обманулся! Не буду больше!..

Умолк он только после того, как ему забили в рот скомканную рогожу.

— Обед скоро,— зевнул полусотенный.— Казни их скорее да пойдем.

— Сначала следует допрос учинить.

— Ну, так учиняй.

— Допросные орудия еще не прибыли.

— Что же нам, без обеда оставаться?

— Запри их пока хорошенько да охрану надежную выставь. Старосту тоже сюда. Будет знать, как обманывать.

— За что? — пал на колени староста.— Меня угрозами принудили. Да я же вам все добровольно открыл! Сам!

Урок, только что преподанный хозяину хижины, не пошел старосте впрок, и вскоре он, жуя рогожу, уже сидел под стенкой рядом с Головастиком. Теперь нас было четное число — шесть. Служивые вышли, плотно притворив за собой дверь, и стало слышно, как они подпирают ее бревнами.

— Доволен, гадина? — спросил Головастик у старосты.— Мешки наши, ему, видите ли, не понравились! Разбогатеть на дармовщинку захотел? Вспомнишь эти мешки, когда на тебя удавку накинут.

Староста только замычал и с ненавистью выпучил на него глаза.

— Чтоб я хоть раз в жизни этой дряни попробовал! — Шатун сплюнул через всю хижину.— Ну кто в Иззыбье поверит, что меня сонного взяли!

— Действительно, дрянь,— подтвердил Головастик.— Я тоже ее больше пить не буду. Только похмелюсь один разочек.

— Ни выпить, ни похмелиться нам уже больше не придется,— мрачно изрек Яган.— Все! Куда шли, туда и пришли!

— Сами виноваты,— вздохнул Головастик.

— А ты больше всех.

— Если тебе от этого легче, считай, что так.

Затем наступила тягостная тишина. Было слышно, как за стеной

прохаживался часовой, а где-то невдалеке, скорее всего на заставе, костяная дудка созывала служивых на обед.

— Нож,— прошептал Шатун мне на ухо.— Нож у тебя?

Тут только я догадался, что это за железка царапает мне живот при самом легком движении. Конечно, нож был при мне. Куда ему еще деваться? Не в обычаях служивых обыскивать пленников, все имущество здесь носят на виду — вокруг пояса, на шее, в крайнем случае, в заплечном мешке. Мой плащ люди Вершени воспринимают не как одежду, а, скорее, как огромный бинт, скрывающий от посторонних глаз хилое, изуродованное неведомой болезнью тело.

— У меня,— тоже шепотом ответил я.— Вот только не представляю, как мы сумеем его достать.

— Придется постараться, если жизнь дорога.

Отталкиваясь одними только ягодицами, мы кое-как выбрались на середину хижины. Там Шатун опрокинулся на спину и попробовал зубами вытащить палку, сковывающую мои движения. Однако ничего из этого не вышло, очень уж плотно та сидела. Опять приняв сидячую позу и расположившись справа от меня, Шатун принялся дергать проклятую палку пальцами (руки наши были связаны только в запястьях, поэтому кисти имели кое-какую свободу), но снова безуспешно. Тогда по совету Головастика мы легли на спину валетом, так что голова Шатуна оказалась на моем плече. До хруста вывернув шею, он с третьей или с четвертой попытки все же сумел ухватить губами шнурок от ножа. Я помогал ему, как мог: крутил головой, дергал плечом, даже подталкивал нож мышцами живота. Не знаю, на что именно были похожи наши конвульсии со стороны, однако с их помощью мы добились своего — вскоре нож, матово отсвечивая, уже лежал на полу хижины. Немного передохнув, Шатун взял его зубами за рукоятку, а я подставил связанные запястья под лезвие. Трудно сказать, что пострадало в большей степени, веревки или моя кожа. К счастью, вены и сухожилия остались целы. Едва только мои освободившиеся руки упали вдоль тела, как палка сама вывалилась из подколенных сгибов. Какое это, оказывается, счастье — возможность вытянуть ноги! Через полчаса все узники, кроме старосты, были освобождены от пут.

Остовом нашей хижины служили четыре живых дерева, расположенных квадратом. К их стволам были привязаны щиты из толстых жердей, а сверху прилажена плетеная конусообразная крыша. Все сооружение было густо обмазано смолой, давно отвердевшей и прочной, как эпоксидный клей. Однако кое-где между жердями имелись щели, и к одной из них приник сейчас Шатун.

— Деревня пуста,— сообщил он.— На ровняге тоже никого не видно. У дверей сидит служивый, похоже, дремлет. Второй разгуливает вокруг... Ну, как будем отсюда выбираться?

— Разберем крышу,— недолго думая, предложил Яган.

— Заметят. Тот, второй, все время сюда поглядывает.

— Давай орать, как будто у нас что-то случилось,— сказал Головастик.— Служивый придет посмотреть, в чем тут дело, а мы его и сцапаем. А уж потом и со вторым как-нибудь разберемся.

— Вряд ли. Зачем ему сюда соваться. За нашу жизнь он не отвечает. Ему главное, чтобы потом счет сошелся. Шесть голов принял, шесть сдал.

— Вот если бы темно было...— вздохнул я.

— До темноты нам не дожить. Уж если они собираются допрос по всей строгости учинять, значит, все жилы вытянут... А кто это там, интересно, идет? — Шатун весь напрягся, как перед схваткой.— Кажется, нам повезло. Воду сюда тащат. Боятся, как бы мы не подохли до допроса.

Я тоже заглянул в щель и увидел, что к жилищу неторопливо приближается пожилой колченогий кормилец с бадьей на плече. Конечно же, вода предназначалась нам — из такой грязной посудины служивых поить не будут.

Прогуливающийся в отдалении часовой перекинулся с вновь прибывшим парой слов, заглянул в бадью и рукояткой бича указал в нашу сторону. Затем кормилец исчез из поля моего зрения, но вскоре раздались его приближающиеся шаги. Второй часовой, сбросив дрему, зло заорал:

— Куда прешь, рухлядь хромая?

— Воду вот принес. Велено напоить их.

— Дождика напьются, когда в Прорву полетят.

— Начальству виднее.

— Обед не кончился еще?

— Уже кончается. Кашу съели, теперь дыни едят.

— Сменять нас не собираются?

— Чего не знаю, того не знаю. Мне велено воду отнести. И сразу назад.

— Ну ладно... Сейчас открою. Помоги бревно убрать.

Едва только дверь, скрипнув, приоткрылась на палец, как Шатун толчком распахнул ее настежь, сшиб с ног слабо вякнувшего кормильца и за волосы втащил служивого в хижину. С такой же легкостью опытный огородник выдергивает морковку из грядки. Несколько секунд все мы скопом (кроме хранившего нейтралитет хозяина) возились на полу, затем Шатун со словами: «Проклятье! Бича у него нет!» — бросился наружу.

Служивый оказался крепким орешком. Я получил кулаком по скуле, Яган ногой в живот, и если бы Головастик не изловчился набросить ему на шею петлю, исход борьбы мог бы сложиться далеко не в нашу сторону.

Связанного по всем правилам служивого усадили рядом со старостой, а мы сунулись к дверям.

Шатун и часовой топтались друг против друга на полянке перед хижиной. Позиция, в которой они оказались, в шахматах называется патовой. Шатун, как пращу, вращал над головой привязанный на шнурке нож. Служивый хладнокровно помахивал бичом, кончик которого извивался и плясал наподобие ленты в руках гимнасткихудожницы. Стоило Шатуну сделать хотя бы шаг вперед, как бич взвивался вверх и наносил хлесткий удар, вздымавший кучу праха у ног болотника. Сам служивый в атаку не лез, надеясь, очевидно, на скорую подмогу. Заметив в дверях хижины подозрительную суету, он одним ударом загнал всех нас обратно. На стенке остались глубокие царапины, словно следы медвежьих когтей.

Воспользовавшись краткой заминкой противника, Шатун сунулся было вперед, но бич уже со свистом несся ему навстречу. От первого удара Шатун ловко увернулся, второй заставил его высоко подпрыгнуть, третий — броситься ничком.

Служивый стегал и стегал, то сверху вниз, то справа налево. Шатун крутился, как змея на горячей сковородке. Бич еще ни разу не задел его, но так долго продолжаться не могло.

Между тем в хижине, за нашими спинами, происходили события, вольно или невольно определившие в конце концов исход поединка. Хозяин, побуждаемый к деятельности энергичной мимикой старосты, развязал его, и тот сразу бросился к двери. Что он хотел: помочь служивому или просто спасти свою жизнь — так и осталось неизвестным. Бич обвился вокруг его шеи уже на третьем шаге. Такой удар всегда считается смертельным. Падая, староста руками вцепился в бич, а затем, катаясь в агонии у порога хижины, еще и намотал его на себя.

Ставший безоружным, служивый пустился наутек, однако успел добежать только до ровняги. Всего один раз нож описал сверкающую дугу, и всего один раз вскрикнул служивый.

— Где кормилец? — спросил Шатун, пучком травы вытирая лезвие.— Тот, что воду приносил?

— Сбежал,— Головастик растерянно оглянулся по сторонам.— Вон бадья валяется.

— Плохо дело. Надо удирать.

Как бы подтверждая его слова, на заставе завыла дудка — ди-ди-ду, ди-ди-ду! Сигнал тревоги повторился еще три раза, и вскоре на него откликнулась другая дудка, как раз в той стороне, куда мы собирались бежать.

— Хорошо сигналят,— сказал мужичок.— Заслушаешься.

— А ты разве не идешь с нами? — удивился Головастик.

— Куда же мне с вами идти? Вы злодеи. А я человек тихий, простой. Опять же, Сухотье скоро. Едой запасаться надо, брагу варить.

— Прибьют ведь тебя.

— Может, прибьют, а может, и не прибьют... Виноват я, конечно. Отвечать придется. Да, может, помилуют...

— Ну и оставайся, дурак!

От крутопутья мы отрезаны, это было понятно всем. Слева и справа простиралась Прорва. Оставался единственный путь — по ровняге вперед. Но ведь и там тоже воет военная дудка.

— А тебя действительно Душегубом зовут? — спросил Яган, исподлобья глядя на Шатуна.

— На Вершени — да.

— Много раз я про Душегуба слышал, только вот не думал, не гадал, что придется встретиться.

— Жалеешь?

— Нет,— ответил Яган.— Нет.

То, с какой интонацией это было сказано, в других, менее нервных обстоятельствах, несомненно заставило бы меня призадуматься. Но в тот момент, каюсь, я прохлопал ушами.

С тревогой в душе и с мрачными предчувствиями мы выбрались на ровнягу. Особенно торопиться было некуда. Только что отобедавшие служивые особой прытью не отличаются. Да и впереди нас никто, кроме служивых, не ожидал. Я прикинул в голове некоторые варианты спасения. Если застава на ровняге немногочисленная, можно пробиться — служивые вступают в бой только когда пьяны, когда загнаны в угол или когда имеют подавляющее преимущество в силах. Можно до ночи схорониться в каком-нибудь укромном убежище, но места здесь чересчур людные, десятки глаз наблюдают за нами с плантаций. Лучше всего, конечно, было бы перебраться на ветвяк соседнего занебника, если бы таковой встретился на нашем пути. На Вершени это обычное дело — направленные во все стороны ветвяки соприкасаются, переплетаются и даже срастаются между собой. Но Головастик ничего определенного по этому поводу сказать не мог (у меня вообще создалось впечатление, что он здесь впервые в жизни), а рассмотреть что-либо в тумане, сегодня как назло особенно густом, было совершенно невозможно. Расспрашивать встречных кормильцев тоже не имело смысла. Завидев нашу компанию, они шарахались в сторону. Лишь какой-то нищий калека, не убоявшийся ни ножа Шатуна, ни бича Головастика, увязался за нами. Милостыню он не просил, а требовал. Причем в противном случае обещал нам все мыслимые и немыслимые кары. На добрые слова он не реагировал, на недобрые — тоже. В конце концов нищий отстал, но еще долго раздавались его замысловатые проклятия. Лучшего способа демаскировки нельзя было и придумать.

Время близилось к полудню, и слева потянуло свежим ветерком, проредившим кое-где завесу тумана. Мы видели кормильцев, копо-

шившихся среди молодых побегов масличной пальмы, пустые деревушки и узкие силуэты наблюдательных мачт, установленных вдоль ровняг в черт знает какие времена. Головастик, изо всех сил старавшийся замолить свои вчерашние грехи, согласился залезть на одну из них. Рисковал он, учитывая верхость мачты, весьма сильно.

— По ровняге за нами следом идет целая толпа, человек с полсотни,— проорал он сверху.— Отсюда толком не разглядеть, но, по-моему, это служивые.

— Далеко?

— Далековато.

— А впереди что?

— Трудно сказать... Очень плохо видно... Кажется, служивые поперек ветвяка расставляют цепь из кормильцев.

— Густая цепь?

— Да уж... человек от человека в трех шагах. Отсюда похоже на частокол.

— Больше ничего не видно?

— Вижу Феникса. Сидит на мачте, как и я. В тысяче шагов от этого места.

— Плохая примета,— буркнул Яган.

— Может, это тот самый? — предположил я.— И чего он к нам привязался?

— Фениксы не всегда приносят одну только беду,— сказал Шатун.— Не раз бывало, как они спасали людей. Правда, никто из спасенных не был потом этому рад.

— Странная тварь...

— Говорят, на всем свете их всего несколько дюжин. Прорицатели знают всех их по именам. Они появились здесь раньше людей, раньше всего живого. Наверное, они бессмертные. Бывает, что кто-то из них начинает стариться — облезает, плохо видит, теряет силу. Тогда этот Феникс исчезает на какой-то срок, а появляется уже помолодевшим.

— Может, это не он появляется, а его сынок?

— Нет, в том-то и дело, что именно он. Прорицатели в этом уверены. Да и откуда у них могут быть дети? Каждый Феникс сам по себе. Никто никогда не видел даже двух штук вместе.

— А косокрылы им, случайно, не родственники? — поинтересовался Яган.— Уж больно дружно они в Прорве живут.

— Разве набитое соломой чучело родственник человеку? Возможно, когда-то Фениксы и сотворили косокрылов. Ходят такие слухи. Да только никто не знает, для какой надобности. Может, и сами Фениксы про то давно забыли.

— Сотворить можно вещь,— с сомнением сказал Яган.— А разве возможно сотворить живую тварь?

— Нам невозможно. А для Феникса возможно. Он из тебя может и жабу сделать, и кротодава.

Наш столь интересный разговор прервал Головастик.

— Куда теперь? — спросил он, спустившись.— Вперед или назад?

— А ты бы сам куда пошел?

— Вниз.

— Вниз? — удивился Яган.— В Прорву, что ли?

— Нет, в антиподные леса. Разве никто из вас там не бывал?

Выяснилось, что Яган не бывал и бывать не собирается. Шатун слыхать про такое слыхал, но бывать не бывал. Я не слыхал, не бывал и даже мысль о такой возможности не приходила мне в голову.

Головастик горячо заверил нас, что ничего сложного в этом нет, способ проверенный. Главное — не торопиться, не трусить и слушаться его советов. А навык скоро придет. Если антиподный лес здесь густой, то и сложностей особых не будет. Ползи себе, как блоха в шевелюре, не забывай только за ветви цепляться, да смотри, куда ноги ставишь. Ну, а если вдруг лес редкий, что бывает не часто, придется попрыгать, но тут уж понадобятся страховочные веревки. Впрочем, тот, кто считает антиподные леса большим злом, чем допрос с пристрастием и последующую казнь, может остаться, силой его вниз никто не потянет. Сам он лично идет.

— Я тоже,— сообщил Шатун.

— Согласен,— вздохнул я.— Деваться-то все равно больше некуда.

— Лучше бы я в колодке остался,— вырвалось у Ягана.— Рубил бы себе потихонечку ветвяк. И выспаться успеешь, и пожрать дадут. А тут каждый день что-то новое. Я за всю жизнь столько страху не натерпелся, как за последние десять дней.

Что верно, то верно, подумал я. Мне все эти приключения тоже во где! Хорошо меряться силами с судьбой где-то раз в году, устав от рутины и обыденности, но когда вся твоя жизнь превращается в цепь жутких происшествий — это уже слишком.

— Оставайся,— посоветовал Ягану Головастик.— Дождешься служивых. Привет им передавай. О том, в какую сторону мы подались, расскажешь.

— Нет, нет, я о вас и слова не скажу.

— Скажешь, еще как скажешь,— усмехнулся Шатун.— Сначала тебя подвесят за ноги, потом за волосы, а напоследок — за ребро. И пока ты будешь болтаться так, на тебе испробуют все допросные орудия.

— Уж этого не миновать,— подтвердил Головастик.— Имеется там набор специальных клиньев. Всех размеров. Сперва их забивают тебе в ноздри и уши, потом во все остальные отверстия в теле. А уж напоследок в глотку.

— Ладно,— Яган осторожно потрогал свое ухо.— Пошли. Была не была. Я уже и как косокрыл в Прорве летал, и как кротодав в ходах рыскал, остается уподобиться шестирукому.

Сойдя с дороги, мы прямиком через плантации двинулись к ближайшему леску, отмечавшему границу между центральной, наиболее пологой и потому удобной для растениеводства частью ветвяка и крутым склоном, обрывавшимся в Прорву.

Путешествие в антиподных лесах трудно и опасно, но еще труднее и опаснее спуск в этот перевернутый вверх тормашками мир, где небо и твердь поменялись местами, где листья проливают дождь на облака, а корни растений располагаются там, где положено быть макушке. К счастью, местная флора не ориентируется на солнце. Главный источник ее питания не фотосинтез, а живые соки занебника. Поэтому и растет она как придется, то есть чаще всего перпендикулярно поверхности ветвяка. Чем ближе к Прорве, тем больше угол наклона деревьев. Постепенно их стволы принимают горизонтальное положение, затем угол становится уже отрицательным и верхушки все больше склоняются вниз, к далекой, невидимой отсюда поверхности земли. Пользуясь этим обстоятельством (а также своей собственной смелостью и ловкостью), ветвяк можно обойти по окружности, было бы только желание. Наша задача выглядела попроще — пройти антиподными лесами несколько тысяч метров, чтобы оказаться в конце концов далеко за спинами заградительной цепи.

Слова Головастика сбывались: нам действительно пришлось уподобиться блохам, копошащимся в густой и буйной зеленой шевелюре. Жаль только, что мы не обладали ни цепкостью, ни врожденной сноровкой этих малопочтенных паразитов. Сначала, хватаясь за все, что придется, мы прыгали со ствола на ствол, все ниже и ниже, а потом, когда серая пустота уже разверзлась под нашими ногами, двинулись вперед по переплетению ветвей. Выглядело это так: Головастик высматривал самый крепкий из направленных в нужном направлении суков, долго и тщательно проверял его на прочность, после чего, придерживаясь за лианы, в изобилии свисавшие вокруг, перебирался на такой же сук соседнего дерева. За ним по очереди следовали мы. Короткий отдых и снова рывок на десять-пятнадцать шагов. Иногда прямой дороги не было и приходилось искать обходные пути. Таким образом за час преодолевали около сотни метров. Раньше во всех наших предприятиях, кроме разве что попоек и горлодрания, я обычно делил с Головастиком последние места. Теперь же самым слабым в четверке оказался я. От постоянного напряжения немели руки, тряслись ноги, кружилась голова.

Неужели это когда-нибудь кончится, в отчаянии думал я, глядя на проплывающие внизу смутные тени косокрылов. Сейчас, кажется, меня устроил бы любой конец. Мгновенная смерть представлялась желанным избавлением от бесконечной муки.

Время от времени Головастик напоминал, чтобы мы повнимательнее присматривались к лианам. Среди них есть и такие, которые выделяют чрезвычайно липкий сок. Самые опасные хищники антиподных лесов — шестирукие — нередко используют их как ловчие сети. И действительно — несколько раз я замечал, что обычная с виду лиана облеплена всякой дохлой и полудохлой живностью, нередко довольно крупной.

Уже в сумерках, когда каждый неосторожный шаг мог обернуться суицидальным актом, Головастик подал команду остановиться.

— Выбирайте себе место поудобнее,— сказал он, усевшись верхом на толстой ветви, спиной к древесному стволу.— Только обязательно привяжитесь. Шатун, отрежь каждому по куску лианы. Вот только боюсь, долго спать не придется. После полуночи может выпасть жгучая роса. Сейчас, правда, она уже не такая обильная, как в середине Мочила. Хоть и не вредно, но неприятно.

Хорошо хоть, спать придется не на пустой желудок. На всем нашем пути не ощущалось недостатка в дарах природы, тем более, что дикорастущие фрукты на Вершени превосходили культурные как размерами, так и вкусом.

Обильная еда несколько приободрила меня, свежий ветер прочистил головушку, а с потом вышли остатки той гадости, которой я так неосмотрительно накачался накануне. Несмотря на усталость, чувствовал себя я довольно прилично.

— Служивые, верно, обыскались нас,— сказал Головастик.

— Должно быть, совсем с ног сбились,— согласился Яган.— Полусотенному за наш побег большие неприятности грозят. Тут хочешь-не хочешь, а каждый куст обшаришь.

— А не догадаются они, что мы здесь? — спросил я.

— Догадаться, может, и догадаются, да спуститься не посмеют. Особенно ночью. Попробуй отыщи нас в такой чащобе.

— Ну, а если, предположим, они нас наверху будут ждать? Выставят по всему ветвяку оцепление дней на десять.

— Значит, нам придется здесь одиннадцать дней просидеть.

— Откуда же мы про это будем знать?

— А это уж как повезет,— зевнул Головастик.— Кто кого перетерпит. Но чем позже мы отсюда уйдем, тем лучше.

— Слушайте,— я оглянулся по сторонам.— Да ведь здесь жить можно. Проложить подвесные дороги. Вместо хижин пещеры в дереве вырубить. Еды хватает. Растения тут куда урожайнее, чем наверху. Многих я раньше даже не встречал. Роса, правда, хлопот прибавляет, но и это не страшно. Может, вы шестируких боитесь?

— Еще чего! — фыркнул Яган.— Шестируких! Если понадобится, мы их быстро изведем. Просто ни к чему это. На Вершени свободного места вдоволь. Сколько ветвяков пустует. Война ведь идет. Людей и так не хватает.

— Когда вы с нами воюете, это понятно,— вступил в разговор Шатун.— Мы Настоящий Язык не знаем, Письмена не чтим, живем, как привыкли, а не так, как вам хочется. А между собой вы чего не поделили? Один день с нами бьетесь, другой — с соседями.

— Если ты Письмена не чтишь, то и не поймешь ничего. Как я тебе это объясню, дикарю?

— Зато на Вершени их все народы чтят. А как сойдетесь где-нибудь на порубежном ветвяке, то в Прорву, как из дырявого мешка, сыплетесь.

— В Письменах каждое слово значение имеет. Великое значение! Ничего мудрее их нет на свете. У нас Письмена настоящие. А у других ненастоящие. Хотя, бывает, одинаковые слова и попадаются. Но толкуют их Отступники совсем иначе.

— Ну и что из того?

— Что из того? — Яган готов был взорваться.— Это, по-твоему, что такое? — он протянул вперед руку.

— Рука.

— А я скажу, что не рука это, а нога. Прав я буду или нет?

— Да говори, что хочешь. Народ из-за этого зачем губить?

— Один раз можно стерпеть! Ну два! Но не двести двадцать два. Если они наши Письмена настоящими не признают, выходит, мы лжецы?

— А вы возьмите да признайте их Письмена. Вот и помиритесь.

— Подделку признать! — чуть не взвыл Яган.— Мой дед за это жизнь положил, отец калекой стал, а я признаю! Как только язык у тебя поворачивается такое говорить! Пожалеешь ты когда-нибудь о своих словах, ох, пожалеешь!

— Ладно, не ори на всю Прорву! — оборвал его Шатун.— Всех зверей, наверное, распугал. Спи. А кто из нас о чем пожалеет, время покажет.

— Я замечаю, мы перенимаем друг у друга вредные привычки,— рассудительно сказал Головастик.— Шатун стал разговорчив, как Яган, а Яган, вспыльчив, как я. Успокойтесь, друзья. Не забывайте, что сегодня нас едва-едва не казнили. Но мы живы, и это уже приятно.

Сон, конечно, штука хорошая, но попробуй засни спокойно, если тебя в любой момент могут окатить чем-нибудь похуже кипятка. Промучившись в ожидании неприятностей первую половину ночи, я задремал только после того, как в листве зашуршали мелкие зве-

рюшки. Их появление означало, что жгучей росы сегодня можно не опасаться. Хотя наверху не было заметно никаких сезонных изменений, антиподные леса уже перерождались в преддверии приближающегося Сухотья.

Разбудил меня жуткий, пронзительный вопль — голос охотящегося куцелапа. Если бы не лиановая лонжа, я наверняка не удержался бы на своем хлипком ложе. Впрочем, треск ломающихся веток и быстро удаляющийся человеческий вскрик означали, что кому-то повезло значительно меньше.

Шатун вновь испустил свой пугающий клич. Возможно, именно такими звуками некогда поднимали мертвых и разрушали стены.

— Нас окружают! — кричал он.— Трясите ветки! Трясите! Ни в коем случае не отвязывайтесь!

Как будто буря обрушилась на приютившие нас деревья. Еще не осознав до конца, что же это такое опять случилось, мы принялись изо всех сил трясти и раскачивать ветки — те, на которых сидели, и те, до которых могли дотянуться. Еще два или три тела, словно перезревшие плоды, сорвались в Прорву. В предрассветном сумраке я уже различал фигуры служивых, подбирающиеся к нам со всех сторон. И хотя числом они значительно превосходили наш отряд, положение их было незавидно. Сражение в нависшей над бездной гуще антиподных лесов имеет свою логику, согласно которой положение защищающихся куда предпочтительнее положения нападающих. Мы надежно привязаны, а они вынуждены карабкаться по шатким веткам. Наши руки свободны, их — заняты поисками опоры. Да и бичи-самобои совершенно бесполезны в этом переплетении веток и лиан. Первого из подобравшихся к нам служивого Шатун без труда спихнул в пустоту, второго ткнул ножом, третий, не удержав равновесия, сорвался сам.

— Прочь, безумцы! — крикнул Головастик, прикрывавший нас с тыла.— Прочь, если жить хотите!

— Как бы не так! — подал голос полусотенный, державшийся, впрочем, от нас подальше.— Без вас нам не с руки возвращаться. Казнят. Драться будем до последнего, будьте уверены. Если не одолеем вас сразу, то и уйти не дадим. Сколько вы так продержитесь — день, два? А жратва кончится, что делать будете? Спать мы вам тоже не дадим. Измором возьмем.

— Это мы еще посмотрим,— огрызнулся Головастик.

— Посмотрим,— согласился полусотенный.— Если только гляделки ваши при вас останутся. Да ведь только мы и договориться можем... По-хорошему.

— Ну-ну, интересно!

— Вы, трое, нам без нужды. Можете своей дорогой идти. А вот болотника отдайте. Сами свяжите и отдайте. В крайнем случае оглушите.

— Шатун, тебе как лучше? — прикинулся дурачком Головастик.— Связать или оглушить?

— Все едино,— отозвался Шатун.

— Договорились! — объявил Головастик полусотенному.— Иди сюда! Подержишь его, пока я вязать буду.

— Значит, добром не хотите... Тогда можете с жизнью прощаться. Вперед, братцы! Всем отличившимся по бадье браги!

Повинуясь приказу (правда, не весьма охотно), служивые сунулись в новую атаку, которая сошла на нет уже через несколько минут, когда выяснилось, что по крайней мере двоим из них уже никогда в жизни не побаловаться брагой. Урон, нанесенный нам, ограничивался подбитым глазом Ягана и моим вывихнутым мизинцем.

— Что же вы, подлецы, делаете! — плаксивым голосом сказал полусотенный, видя позор своего войска.— Из-за какого-то паршивого болотника своих братьев убиваете!

— Вчера утром ты нас своими братьями почему-то не считал.

— Подумайте хорошенько! Зачем нам из-за чужака ссориться! Я вам за него целую деревню отдам. Можете хоть три дня ее грабить. Ну, договорились?

— Надоел ты, заткнись!

— Ну хорошо же! Попомните вы меня,— прошипел полусотенный и действительно заткнулся, скрывшись в листве.

Отступили и его подчиненные, хотя их близкое присутствие ощущалось по треску ветвей и шороху листьев. На военном языке это называется перегруппировкой сил. Нам явно готовили какую-то каверзу.

— Теперь надо ждать атаки сверху или снизу,— предположил Головастик.

— Снизу они не сунутся. Там ветки тоньше,— сказал Шатун.— А сверху навалятся. Видишь, уже кора сыплется.

Однако время шло, а нападение откладывалось. Служивые лазали над нашими головами, таскали туда-сюда что-то, перекликались между собой и теми, кто остался в карауле. Их целеустремленная, упорная деятельность начала не на шутку тревожить меня. Похожее чувство испытываешь в стоматологическом кресле, когда врач перебирает десятки зловещего вида инструментов, а ты не знаешь, который из них он собирается вонзить в тебя — вон тот ножичек с серповидным лезвием или ту спицу с крючком.

— Может, попробуем прорваться? — предложил Головастик.

— Прямо под бичи служивых? — с сомнением сказал Шатун.— Они, наверное, только этого и ждут.

Верхушки деревьев шумели на ветру, а здесь, в лесной чащобе, воздух был горяч, духовит и неподвижен. Зудела мошкара, равномерно гукала какая-то тварь. Суета служивых постепенно угасала, голоса стихали, нас неудержимо клонило ко сну.

Густая прохладная струйка пролилась мне прямо на макушку — как будто кто-то кринку сметаны опрокинул. Только уж больно запах у этой сметаны странный — так в оранжереях пахнут орхидеи. Я машинально коснулся головы, и рука моя сразу прилипла к волосам. С великим трудом оторвав ее, я принялся разнимать склеившиеся пальцы. Белую и тягучую, как латекс, массу, невозможно было ни оторвать, ни соскоблить.

— Паучья кровь! — первым догадался Головастик. Точно таким же тоном, наверное, он возвестил бы о появлении косокрыла или шестирукого.

Ужас случившегося еще не дошел до меня, и, глянув на Головастика, я едва не рассмеялся: больше всего сейчас он напоминал ромовую бабу, облитую сливочным кремом.

— Прикрывайтесь хоть чем-нибудь! — приказал Шатун.— Ломайте ветки, отдирайте кору.

Однако было уже поздно. «Паучья кровь» — млечный сок лианы-тенетника уже обильно пометил каждого из нас. Еще чуть ли не ведро этой пахучей гадости обрушилось на меня. Глянув вверх, в прогалину между листвой, я увидел двух служивых, как жгут мокрого белья, перекручивавших толстый стебель тенетника. Уже невозможно было разнять ладони и оторвать спину от древесного ствола. Ресницы слиплись, уши заложило, рот был словно забит крутым кисло-сладким тестом. Не в лучшем положении находились и мои товарищи. В одну минуту дерево превратилось в огромную липучку, а мы — в беспомощно бьющихся на ней мух.

Все, подумал я. На этот раз действительно все. Не представляю даже, что нас может спасти.

И действительно, мы были побеждены, обречены на неподвижность, распяты без гвоздей и веревок. Но что, спрашивается, выиграли от этого служивые? Ведь им позарез нужно вещественное доказательство победы — Шатун, если не живой, то хотя бы мертвый. Но приблизиться к нам, не рискуя жизнью, по-прежнему невозможно. Раньше этому препятствовали мы сами, а теперь — покрывающая все вокруг «паучья кровь». Только шестирукие не боятся ее. Любого сунувшегося сюда служивого ожидает участь неосторожной щуки, решившей полакомиться попавшим в сеть карасем. Впрочем, нам от этого не легче.

Однако я снова не оценил степень сообразительности полусотенного. Оставив часть служивых для охраны (дабы мелкие лесные падальщики преждевременно не попортили наш товарный вид), он повел остальных на заставу. Замысел его был прост и отталкивался от известной истины о Магомете и несговорчивой горе. Уж если нас нельзя доставить на допрос, придется следователя доставить к нам. Пусть без помех исполняет свой долг.

Напоследок полусотенный не преминул попрекнуть нас за глу-

пость и пообещал вскорости вернуться. «А уж тогда, братцы, скучать вам не придется!»

Сон обуреваемого тоской и страхом пленника совсем не то, что сон уверенного в своей безопасности победителя, и поэтому, в отличие от служивых, я стал свидетелем того, как из серого рассветного тумана бесшумно возникли три плоские длинные тени. В неверном мутном свете едва нарождающегося дня трудно было оценить истинные размеры пришельцев, но стремительная, жутковато-точная грация движений не оставляла сомнений, что это хищники.

Убийство было их стихией. Они убивали небрежно, как бы мимоходом — легким ударом лапы раскалывали черепа, откусывали головы, разрывали тела. Не прошло и десяти минут, как все, что осталось от служивых, было нанизано на острые сучья. Впрок, так сказать. Двух уцелевших, предварительно изваляв в липком соке, швырнули в нашу кучу. Шестирукие были предусмотрительны — теперь, кроме свежего мяса, у них имелся еще и солидный запас живых консервов. Более того, их беспокоила даже степень нашей упитанности.

Толстым, как кукурузный початок, пальцем шестирукий очистил мой рот от застывшей «паучьей крови» (не знаю, как при этом уцелели зубы) и, болтаясь на одной лапе, тремя остальными поочередно принялся запихивать в него сочные плоды дынного дерева. Я даже не мог крикнуть — ужас парализовал мои голосовые связки. От шестирукого несло невыносимым смрадом. В складках кожи на голом животе копошились насекомые. Мешками болтались сморщенные пустые груди. Но страшнее всего было лицо: черное, расплющенное, с почти человеческими, но невероятно гипертрофированными чертами. Между верхними и нижними конечностями расположилась еще и пара могучих ласт, издали действительно похожих на руки. С их помощью эти звери, как самки, так и самцы, удерживают своих детенышей, еще не набравших силенок. Захват этих ласт, как говорят, может расплющить даже кротодава.

Нажравшись до отвала и силком накормив нас, шестирукие ушли, чтобы после полудня явиться уже впятером. Искалеченные трупы служивых уже почернели, вокруг них вились мухи, но это не только не охладило, а наоборот, разожгло аппетит хищников. Они буквально слюнки пускали. При таком количестве едоков и при таком их усердии наша очередь должна была наступить денька через два-три, не позже. Если, конечно, к тому времени не вернется полусотенный со своей камарильей. Интересно, кому мы все же достанемся — людоедам двуногим или людоедам шестируким?

— Давайте подумаем сообща, как нам быть,— предложил Головастик некоторое время спустя.

— Прежде всего надо бы прикинуть, на что мы вообще способны сейчас,— сказал Шатун.

Вскоре выяснилось, что все мы можем говорить и слушать. Шатун мог двигать левой рукой и левой ногой, Головастик только руками, мы с Яганом умудрились приклеиться к дереву всеми конечностями сразу. Беспрерывные попытки освободиться обессилили всех нас, и решено было на время прекратить их. Еще у нас имелся нож. Им можно было во-первых: зарезаться (предложение единогласно отвергнуто), во-вторых: выколоть глаза шестирукому, когда он сунется к нам в следующий раз (предложение принято тремя голосами при одном воздержавшемся). Неясным оставалось — отпугнет это хищника или, наоборот, разъярит. Головастик, наиболее авторитетный знаток антиподных лесов, рассказал все, что знал о шестируких. Зверь этот, хоть и чрезвычайно опасен, но вполне уязвим. В редкой хижине не найдешь его шкуры. Открытых схваток с людьми он избегает, предпочитая нападать на сонных или ослабевших. Охотятся шестирукие только там, где произрастает лиана-тенетник. Более того, ходят слухи, что эту лиану они разводят специально. Шестирукие умнее всех остальных зверей, вроде бы даже говорить умеют. Были случаи, когда одни шестирукие спасали людей от других шестируких. В их стаях нередко воспитываются человеческие детеныши. В недрах занебников у них устроены целые города, где живут беременные самки, малыши и хранятся запасы вяленого мяса на время Сухотья. Шестирукие плодовиты и живучи. Если бы не кротодавы, не люди да не косокрылы, они, вполне возможно, давно заселили бы всю Вершень.

Да, милые создания, подумал я и содрогнулся, вспомнив желтые, глубоко упрятанные под надбровными дугами глаза.

Шестирукие всегда передвигаются бесшумно. Людей же выдает треск веток и шорох раздвигаемой листвы. Поэтому мы заранее знали, кто именно к нам приближается.

Как я и ожидал, первым шествовал полусотенный. Хотя, судя по всему, встреча с нами на этот раз не доставила ему никакого удовольствия. Выглядел он скорбным и изрядно помятым. Эту минорную картину прекрасно дополняла веревочная удавка на его шее, свободный конец которой сжимал в руке... кто бы вы подумали? — наш давний знакомец Змеиный Хвост. Следом двигался слепой Прорицатель (вот уж не ожидал от старика такой прыти!). А уж дальше цепочкой пробирались мрачные косматые головорезы — все с ножами на груди и мешками за спиной.

Полусотенный, до этого исправно служивший проводником, сразу стал не нужен. Я даже не успел заметить, что произошло, как он, рассекая листву, уже летел в Прорву.

Никто не произнес ни единого слова, только Шатун и Змеиный Хвост обменялись взглядами — словно два ножа скрестились, высекая искры. Затем Змеиный Хвост кончиком ветки тронул лужу липкого сока (ветка так и осталась торчать в ней) и зашептал на ухо старику. Тот кивнул, щепнул что-то в ответ, и весь отряд, развернувшись, быстро удалился. Куда? Зачем?

— Ну и дела! — только и сказал Головастик.— Вот не думал, что еще раз встречусь с твоими земляками.

— Они все время шли вслед за нами,— внес ясность Шатун.— Думаете, кто тогда взбудоражил кротодавов? И разбойников они перебили, тех, что разминулись с нами. На ветвяке они отстали, зато уж в антиподных лесах наверстали упущенное.

— Что они хотят? — спросил я.— Отомстить?

— Вряд ли. Тогда они просто убили бы нас. Возможностей у них хватало. Но с ними пришел Всевидящий Отче. Я даже не припомню случая, чтобы Прорицатели покидали Иззыбье. Что его сюда погнало? Не могу представить.

— Они еще вернутся?

— Разумеется. Когда найдут способ освободить нас от «паучьей крови». Всевидящий Отче знает то, чего никогда не узнаем мы. Он умеет пользоваться чужим умом и чужим знанием. Только этот ум и эти знания не человеческие.

— А чьи же?

— Откуда мне знать. Я не Прорицатель и никогда им не стану. Я не так устроен. Ты часто задаешь странные вопросы. Тебе ли не знать на них ответ. Ведь ты тоже не человек.— Он в упор посмотрел на меня.

— Я человек... только не такой, как вы,— пробормотал я, смущенный его прозорливостью.

— Вот и я про это. А за кем именно пришли болотники, скоро станет известно.

— Думаешь, за мной?

— Может быть. Вспомни Феникса. Ведь он заклевал бы нас, если бы не ты. Тебя он не посмел тронуть. Он отступил. Про такое мне еще не приходилось слышать. Только Незримые имеют силу, равную силе Фениксов.

Странно все это, подумал я. Незримые... Фениксы... Ну, допустим, Незримых можно отнести к сказочным существам, типа леших или троллей. Но ведь Феникса я видел собственными глазами. Его можно было принять за птицу, если бы только я не знал, что никаких птиц в этом мире нет. Косокрыл не птица, это скорее зверь, огромная летучая мышь. Можно без труда проследить его морфологическое сходство с многими другими существами, населяющими Вершень. А Фениксы не похожи ни на кого. Это существа без родни. Может быть, они реликты давно прошедших времен? Откуда тогда у них

такая власть над всеми другими существами, в том числе и разумными? Может, Фениксы такие же чужаки здесь, как и я... Да, что-то уж очень много получается чужаков. Не мир, а проходной двор какой-то.

Размышления мои были прерваны приходом болотников. Было их сейчас заметно меньше, зато те, кто уцелел, гнали перед собой живого шестирукого. Каждое движение зверя ограничивали веревки, привязанные ко всем его конечностям. Стоило ему сделать хоть один опрометчивый шаг, как болотники дружно натягивали путы, лишая пленника опоры. Был этот шестирукий не из самых крупных. Левую переднюю лапу, перебитую в плече, он поджимал под грудь. По черной его морде слезы проложили две мокрые дорожки. Время от времени зверь тяжело, со всхлипом вздыхал, и это были первые звуки, которые я слышал от шестируких (за исключением чавканья во время трапезы).

Шестирукого тащили к нам, тащили медленно и упорно, как муравьи тащат дохлую гусеницу, тащили до тех пор, пока он не уперся мордой в брюхо Ягана. Всевидящий Отче наклонился над зверем и что-то приказал ему на непонятном языке — но тот даже не пошевельнулся. Змеиный Хвост несколько раз пырнул шестирукого ножом — тот же результат. Принесли горящий факел и сунули зверю под брюхо. Он протяжно застонал и только тогда занялся тем, к чему его так настойчиво принуждали,— принялся лизать сок тенетника, толстым слоем покрывавший наши тела. Успевшая потемнеть от покрывавших ее мошек неуничтожимая и несмываемая, бесконечно тягучая масса таяла на языке шестирукого, как сливочное мороженое. Не стану описывать свои ощущения, когда его шершавый, как акулья кожа, горячий и быстрый язык коснулся моего лица. Случалось раньше, что меня лизали собаки, а один раз даже корова, но дьявол во плоти, дьявол свирепый и кровожадный, пахнущий всеми зловониями ада,— никогда! Так не торопясь, по очереди, шестирукий обработал каждого из нас. Тому, кто уже освобождался от «паучьей крови», болотники набрасывали на шею веревочную петлю и отводили в сторону.

Исключение было сделано только для меня — Всевидящий Отче позаботился об этом.

— Смертен ли ты, Нездешний? — неожиданно спросил он после долгого молчания.

— Да,— поколебавшись немного, ответил я.

— Смертен только здесь или везде?

— Думаю, что везде.— Я не улавливал пока, к чему клонит старик.

— Один раз мы уже похоронили тебя, но ты сумел вырваться из могилы. Ты избежал смерти от воды и огня. Посланный в погоню Феникс не тронул тебя. Ты счастливо избежал многочисленных

опасностей Вершени. Не сомневаюсь, что и шестирукие не причинили бы тебе вреда. Как же справиться с тобой?

— Зачем это нужно? Разве я причинил вам вред? Разве я убил или обидел кого-нибудь? Я не демон и не злой дух! Я обыкновенный человек.

— У человека сердце здесь.— Он ткнул пальцем в правую половину своей груди.— А у тебя где?

Действительно, как это я раньше не заметил: куриные, обтянутые иссохшей кожей ребра старика подрагивали с правой стороны.

— Разве у человека бывают железные зубы? — продолжал Всевидящий Отче.

Насчет зубов он, безусловно, прав. Действительно, во рту у меня имеются сразу четыре металлические коронки. Но как он сумел это рассмотреть?

— Человек не может лгать, приняв судного зелья. Человек не может противиться Фениксам! Так кто же ты такой?

— Вы вряд ли поймете мои объяснения.— Отпираться дальше не имело смысла.— Повторяю, я не дьявол и не бог. Я человек, но немного другой, чем вы. Не по своей воле я оказался здесь. Я сбился с пути. Сейчас ищу обратную дорогу. Зла я вам не причиню. Даже если бы и захотел.

— *Ты причинишь нам зло!* — *сказал Всевидящий* так убежденно, что даже я ему поверил.— Ты сам есть воплощенное зло. В ином обличьи ты уже являлся в этом мире. Не хочется вспоминать, что из этого вышло. Второе твое пришествие предсказано давно. Ты пробудишь новые беды и заставишь народы умыться кровью. Слова твои сладкий обман, а мысли — черное лукавство. Чтобы жили наши внуки, чтобы покой вернулся на Вершень и Иззыбье, мы умертвим тебя. Испробуем все: железо, петлю, огонь, собственные зубы — пока не найдем то, чего ты боишься. Нет неуязвимых существ. Даже Незримые погибнут в свой срок. Тело твое мы уничтожим, дабы ни одна частица его не оскверняла воздух и землю. Не пытайся бежать, вокруг мои люди, а в Прорве тебя караулит могучий Феникс. Ты умрешь, чего бы это нам ни стоило.

— Зачем же тогда нужно было освобождать меня. Прирезали бы без долгих разговоров, и все!

— В твоих словах слышна насмешка. Ведь ты прекрасно знаешь, что на все потомство того, кто тебя убьет, ляжет вечное проклятие. Так говорится в предсказании. Не всякий решится на такое. Но среди нас есть пришлый человек без рода и племени, который в благодарность за гостеприимство болотников согласен принять на себя вечный грех. Где Вуквур Немой? Приведите его сюда!

— Нету Вуквура,— вздохнул Змеиный Хвост.— Не уберегли... Неловкий он какой-то оказался... Ступил на сломанную ветку. Только его и видели.

— Тогда ты заменишь его!

— Прикажи мне сейчас умереть — и я не задумываясь располосую себе горло. Но обрекать на страдания и муки всех своих детей и внуков, всех братьев и племянников я не могу. И ты прекрасно понимаешь это, Всевидящий.

Все болотники вокруг одобрительно загудели. На лице старика впервые отобразилась тень смятения. Но он быстро овладел собой и принял новое решение.

— Вы, двое чужаков, уже однажды приговоренные к смерти,— обратился он к Ягану и Головастику.— Если вы хотите спасти свои ничтожные жизни, убейте его!

— Как же я его убью! — рассудительно сказал Головастик.— Это же не слепой крот. Мужик он здоровый, легко не поддастся. К тому же, он мой друг. Не нужна мне ваша милость. Уж если помирать, так вместе.

— А что скажет другой?

— Если ты, старик, прав,— Яган искоса взглянул на меня,— то это именно тот, кого мы ожидаем на Вершени уже много лет. Он наш свет и наша надежда. Он предвестник новой эпохи. Кто из нас осмелится поднять на него руку?

— Он мертвец! Если с ним не смеют сразиться люди, с ним сразится Феникс. Все время он незримо присутствовал здесь. Фениксы редко вмешиваются в дела смертных, но как раз сейчас такой случай настал. Расступитесь и дайте место тому, кто видел рождение первых занебников, чья мудрость равна силе и кому открыты тайны времен.

Болотники поспешно отпрянули, словно боясь заразы, и расселились на ветвях вокруг нас — выше, ниже, справа, слева, за спиной. Ни убежать, ни спрятаться. Стало тихо-тихо, только шестирукий глухо вздыхал, зализывая раны. Мутные слезы, не переставая, катились из его глаз.

— Отпустите зверя,— сказал я деревянным голосом.— Зачем его мучить.

— Подумай лучше о себе,— старик презрительно поджал губы.— Феникс выдолбит твой мозг и вырвет сердце, хоть оно и находится не там, где у людей.

— Как сражаться с Фениксом? — тихо спросил я у Шатуна.

— Не знаю... А как сражаться с молнией или бурей?

— В том мире, откуда я пришел, есть управа и на молнию, и на бурю.

— Ну, тогда тебе и Феникс не страшен. Жаль только, что ни когтей, ни клыков у тебя нет. Кулаком Феникса не убьешь.

— А твой нож?

— Его у меня отняли.

Не знаю, сколько у меня в запасе осталось времени — минута,

две, час. Гамлетовский вопрос — сражаться или принять смерть. Но как сражаться с тем, о ком ничего толком не знаешь? Чтобы победить молнию, потребовались века, да и сейчас она собирает с человека обильную дань. Насчет бури я, конечно, перегнул. В борьбе с бурей у нас пока успехи чисто теоретические. Что я знаю о Фениксе? Да, практически, ничего. Если бы это была обыкновенная хищная птица, пусть и очень большая, я бы как-нибудь отбился, тем более здесь, в переплетении растений. Но сила Феникса не в клюве и не в когтях. Сила его в другом — в каком-то непонятном, жутком воздействии на человека. Наши тела для него, как воск. Я помню, что Феникс сделал с Шатуном. Но со мной его штуки тогда не прошли. Может, я действительно сделан из другого теста? Ну что ж, скоро это станет известным...

Листва вокруг затрепетала и посыпалась, словно на нее действительно обрушилась буря. Воздух как бы помутнел и сгустился — вихрь принес с собой холод и темноту. Со свистом раздвинулись ветви — и Феникс оказался прямо передо мной.

Он хорошо подготовился к этой встрече и сейчас в упор смотрел на меня огромными, кровянистыми, совсем не птичьими, очень печальными глазами. Вид Феникс имел древний, но отнюдь не дряхлый. В то же время ясно ощущалось, что он бесконечно утомлен жизнью, долгим, скучным и бессмысленным прозябанием в этом чужом и немилом ему мире. Он был брат мне — такой же неприкаянный странник, случайный гость, так и не свыкшийся с законами чужбины... И вот именно от него я должен был сейчас принять смерть.

Во взгляде Феникса не было ненависти. Он просто знал обо мне нечто такое, чего не знал и я сам. Мое присутствие здесь могло сломать какой-то хрупкий баланс, нарушить неустойчивое равновесие, послужить тем безобидным с виду камешком, который инициирует лавину, несущую беду, печаль и разрушение всему живому. Феникс видел будущее, и это будущее было страшным. Он пытался изменить его, хотя и понимал, что такое вряд ли возможно. Моя душа была перед ним, как на ладони. Он не желал мне зла, он признавал меня равным себе, он хотел, чтобы я сам понял все и сам сделал этот последний шаг... Жгучий, мучительный восторг овладел мной — краткий, сладостный экстаз, который испытывают только эпилептики за секунду до начала припадка, за миг до мрака, распада, бездны...

Зажмурившись и застонав, я шагнул навстречу смерти...

Крики и толчки привели меня в чувство. Шатун и Головастик держали меня за руки, а поперек груди обнимал Яган. Феникс пребывал в той же позе, так же устало помаргивали его мудрые, безжалостные, почти мертвые глаза, но между ними кто-то стоял. Голова моя, как ни странно, была удивительно ясной, но я никак не мог

взять в толк, что же это такое на самом деле: бестелесный призрак, мое бредовое видение, отражение чего-то ирреального, странным образом запечатлевшееся в пустоте, или живое существо из плоти и крови. Неестественно узкий и высокий, весь какой-то скособоченный, силуэт казался плоским, двумерным, словно вырезанным из картона. Временами он бледнел и сквозь него, как сквозь туман, проступали очертания людей и деревьев. Затем волны густого, насыщенного цвета пробегали по этому телу с ног до головы, то наполняя его ртутным блеском, то обволакивая почти фиолетовым мраком.

— Незримый! — прошептал Головастик.— Незримый спас тебя!

Змеиный Хвост схватился за клинок, и его примеру последовали еще несколько болотников. Однако все они тут же выронили оружие и скорчились, словно осыпаемые градом невидимых ударов. Силуэт мгновенно переместился метров на тридцать в сторону, замер в пустоте, задрожал, исчез — и вновь возник на прежнем месте, между мной и Фениксом, только уже расплющенный, укороченный, переливающийся всеми оттенками синего и голубого цветов. Страх поразил не только видавших виды болотников, но и шестирукого. Только двое оставались невозмутимыми — Всевидящий Отче и Феникс.

Где-то в стороне раздался монотонный, почти немодулированный гул — так гудит рой пчел или мощный трансформатор. Помимо воли я вздрогнул.

— Это голос Незримого,— все так же шепотом объяснил мне Головастик.

— Нездешний, к тебе обращается тот, кого на Вершени зовут Незримым. Он просит, чтобы я говорил с тобой его словами,— сказал старик устало.— Ему многое о тебе известно. Он уверен в твоих добрых намерениях. Народ Вершени не знает свой путь. Он на краю гибели. Ты можешь его спасти. Или же погубить окончательно. Иди и выполни свое предназначение. Ты понял?

— Понял,— ответил я машинально, хотя, если честно сказать, не понял абсолютно ничего.

— Я передал тебе слова Незримого. А теперь выслушай мои. Могущество Незримых велико, но они ничего не смыслят в нашей жизни. Боюсь, как бы им не пришлось пожалеть о содеянном. Наступают смутные годы. Фениксы покидают наш мир. Но они вернутся после того, как напьются силы из чаши Времени. Мы еще сразимся. Мир содрогнется от новых бедствий, и тогда Незримые, возможно, ужаснутся своим поступкам. Еще неизвестно, на чьей стороне они окажутся в конце концов. Хотел бы я, чтобы эти пророчества не сбылись, но, видимо, нам ничего уже не изменить.

Наступило молчание, какое бывает возле постели умирающего, когда все способы спасения исчерпаны, а на слезы и причитания уже не хватает сил. Первым исчез шестирукий, о котором все забы-

ли. Глаза Феникса подернулись мутными бельмами, и он, сложив крылья, рухнул вниз. Тронулись в обратный путь болотники. Силуэт Незримого потускнел, затрепетал, исчез, снова появился и, словно влекомое ветром облако, поплыл сквозь стволы и кроны перевернутых деревьев.

Лишь мы вчетвером, измотанные и опустошенные, не двигались с места. На душе моей было пусто и тяжело, словно только что действительно умер близкий мне человек или рухнула светлая надежда. Впереди меня ждал долгий и трудный путь, а в его конце — и я был совершенно в этом уверен — не отдых и покой, а новые бедствия, новые страдания, новые витки зла...

К концу дня мы выбрались из антиподных лесов, в сумерках отыскали ровнягу и шагали по ней всю ночь, стараясь подальше уйти от этих мест. Некоторое время деревья, растущие верхушками вверх, казались мне какой-то нелепицей, как, впрочем, и отсутствие пустоты под ногами. Ночные добытчики в темноте принимали нас за своих и даже предупреждали о местонахождении ближайших постов. Вынужденные действовать по принципу «грабь награбленное», мы несколько раз довольно плотно перекусили. Дневка, проведенная в тихом и укромном месте, окончательно восстановила утраченные силы.

Везение не оставляло нас и на следующие сутки. Без всяких происшествий мы миновали три заставы подряд (гарнизон первой был вповалку пьян, гарнизон второй накануне вырезали разбойники, гарнизон третьей разбежался, прослышав о печальной судьбе сослуживцев) и по короткому крутопутью, частично вырубленному в древесине, частично составленному из подвесных мостов и веревочных лестниц, перебрались на соседний занебник.

От встречных бродяг мы узнали все последние новости: война в Заморочье уже заканчивается, зато война в Качановке должна вот-вот начаться, ветвяки на границах рубят повсеместно, но ни один еще не рухнул, поэтому велика потребность в колодниках; вышел новый указ о кормильцах, впредь каждая их семья обязана иметь по крайней мере семь детей, из них не менее пяти мужского пола; урожай удался неплохой, но его до следующего года не хватит, потому что служивым велено срочно создать трехлетний запас продовольствия; запас этот, конечно, сгноят или разворуют, но приказ есть приказ, против власти не попрешь; в Сычужье бадью браги отдают почти задаром, за мешок орехов или дюжину дынь; кто-то видел, как все Фениксы подались в дальние края, а это, вроде, хорошая примета; пару дней назад отряд болотников перебил в антиподных лесах чуть ли не сотню служивых, охотившихся там не то за шпионами, не то за шестирукими; где сейчас Ставка, никто толком

не знает, скорее всего там, где самый богатый урожай, пока все не сожрут, с места не тронутся...

Все это время Яган трогательно заботился обо мне, хотя это и не было заботой друга или почитателя, примерно так рачительная хозяйка заботится о редкой и хрупкой вещи, с которой связывает какие-то свои планы на будущее: не то продать подороже, не то подарить с выгодой.

Чувствовалось, что у него есть ко мне какой-то важный разговор, но он не решается начать его — то ли свидетелей опасается, то ли слов нужных не находит, то ли еще что. Наконец, в одну из ночей, когда Головастик и Шатун отправились на поиски провианта, Яган как бы невзначай спросил:

— Так, значит, это Тимофей тебя сюда прислал?

В ответ я промычал нечто невразумительное, что с одинаковым успехом могло означать и «да» и «нет». Тимофеев в своей земной жизни я знал нескольких. Не буду скрывать, случалось, что кто-то из них посылал меня куда-нибудь. Но уж во всяком случае не сюда, смею вас заверить.

— Вот только не очень ты на него похож,— с легким сожалением продолжал Яган, очевидно приняв мое мычание за «да».

— А ты сам его хорошо знал? — осторожно спросил я.

— Откуда? Я тогда еще совсем мальчонкой был. Но Друзья его, пока еще живы были, рассказывали.

Ага, подумал я. Уже горячо! Значит, у этого неизвестного мне Тимофея были Друзья. Скорее всего, из местных. Апостолы, соратники, адепты, ученики — ловкие, сметливые ребята. Слово это стало нарицательным. Тимофея уже нет, а Друзья остались. Яган никогда не видел Тимофея, но тоже назывался его Другом. До тех пор, пока не проштрафился. Теперь эту должность занимает кто-то другой. Надо проверить свои умозаключения.

— А кто у вас сейчас вместо Тимофея?

— Да разве может кто-то быть вместо Тимофея? — Яган даже слегка опешил.— Ты говори, да не заговаривайся!

— Прости, я не так выразился. Кто сейчас его местоблюститель? Кто указы издает, армией командует?

— Друзья.

— Все вместе? Или есть кто-то старший?

— Ну...— он заколебался.— Это как когда. Но вообще-то, есть Лучший Друг. Но все это до поры до времени, пока не придет тот, кого обещал прислать Тимофей.— Яган внимательно посмотрел на меня.

— А как вы узнаете, что это пришел именно он?

— Есть такой способ.

— Расскажи.

— Да если бы я знал, так давно бы сам Тимофеем стал. Никто

здесь этого не знает. А тот, кто придет, должен знать. Или догадаться. Многие уже пробовали Тимофеем прикинуться, да ни у кого не вышло. А по указу — самозванцу казнь на месте. Так что уже давно никто не рискует.

Я на минуту задумался. Замысел Ягана был более или менее ясен, по крайней мере на первом этапе: меня пропихнуть в Тимофеи (диктаторы-протекторы-императоры) и на моем же горбу самому въехать в рай. Жаль только, что я совершенно лишен честолюбия. Всякая власть мне противопоказана, особенно власть абсолютная. Пыльное это дело, ненадежное. Не хочу я быть Тимофеем. Это с одной стороны. А с другой — каким еще способом я смогу проследить его путь, добраться до этих записей, если таковые имеются? Быть может, он нашел ту калитку, которая соединяет наши миры. Если я хочу вырваться отсюда, то мой единственный шанс — стать Тимофеем.

— А какая казнь, ты говорил, положена самозванцам? — спросил я весело.

— Лишение кожи. Очень медленное лишение кожи.

— Хочешь, чтобы я рискнул?

— Конечно. Я давно догадался, кто ты такой на самом деле.

— Если я стану Тимофеем, кем же тогда ты будешь?

— Лучшим Другом. Самым Лучшим Другом.

— А вдруг не подойдешь?

— Подойду,— снисходительная уверенность звучала в его словах.— Что ты без меня делать будешь? Ты же про нас ничего не знаешь. Тебя первый встречный обманет. Тимофей, когда к нам пришел, тоже был как глупое дитя. Вслух про это не говорят, но я от верных людей слышал. Он и говорить даже не умел. Не знал, где еду найти. Плакал все время. Это уже потом каждое его слово законом стало. Тебе еще учиться и учиться. А я на Вершени все знаю. Любой совет могу дать. Любое поручение выполню.

— Не буду тебя обманывать. Того Тимофея, о котором ты говорил, я никогда не видел. Но мы с ним одной крови. Я мало знаю о нем, но вы знаете еще меньше. Ладно, пусть меня подвергнут испытанию. Думаю, я его выдержу. Но до этого ты должен рассказать мне все, что знаешь сам.

— Я расскажу все!

— Что случилось с Тимофеем? Как закончилось его правление?

— Он ушел.

— Куда ушел? В Прорву или туда, откуда появился?

— Этого никто не знает точно. Сказал однажды, что уходит, и больше его не видели.

— Ни живым, ни мертвым?

— Ни живым, ни мертвым.

— Давно это было?

— Я же говорил. Очень давно. Я тогда мальчонкой был. Только-только грудь перестал сосать.

— Какое наследство он оставил?

— Письмена, само собой, и это...— Яган осторожно дотронулся до моего плаща.

Одежду, догадался я и продолжил допрос:

— Что такое Письмена?

— Ну...— он опять задумался.— Письмена есть Письмена. Как тебе это объяснить...

— На что они похожи? Покажи хотя бы размер.

— Вот такой.— Руками он изобразил предмет не больше кирпича.

Значит, не газета, подумал я. Книга или тетрадь.

— Внутри там, наверное, белые листы со знаками?

— Много-много. Только листы скорее желтые, чем белые.

— О чем говорится в Письменах?

— Обо всем. Там есть советы для любого случая. Мудрость, содержащаяся в Письменах, беспредельна. Ни одно дело нельзя начать, не сверившись с Письменами... Только учти, у Отступников тоже есть свои Письмена. И внешне они очень похожи на истинные. Но на самом деле это подделка и гнусная ложь.

— Ладно, с Отступниками мы после разберемся. Объясни лучше, как мне сейчас действовать. Идти в ближайший поселок и орать, что я Тимофей?

— Да ты что! За такое дело сразу могут голову оторвать. Сначала надо до Ставки добраться.

— А далеко она?

— Где Друзья, там и Ставка. А они на одном месте долго не сидят. Надо искать.

— Мы всего два занебника прошли, а сколько всего перетерпели. Чудом живы остались. Сомневаюсь, что нам и дальше будет так везти.

— А я не сомневаюсь. И десять дней не пройдет, как мы в Ставке окажемся.

По тону Ягана чувствовалось, что это не пустые слова. По крайней мере, сам он был абсолютно уверен в осуществлении своего замысла.

Одно только мне не нравилось — почему этот разговор должен был остаться тайной для Головастика и Шатуна.

Проснулись мы от мощного глухого гула, состоящего из топота тысяч ног, приглушенных человеческих голосов, скрипа волокуш и начальственных окриков. Сначала я решил, что это очередная партия кормильцев перебирается на новое место жительства. Од-

нако кормильцы по ночам не ходят, тем более в таком количестве.

— Войско! — прошептал Головастик.— Ну и угораздило нас.

Действительно, это были служивые. Полк, а быть может, даже и не один. Куда их гонят в такое время? Что это — война, маневры, грандиозная облава? Кусты слева и справа от нас затрещали. Служивых было так много, что, не вмещаясь на ровняге, они сплошной массой перли по всей ширине ветвяка. Чтобы не оказаться раздавленными, мы вскочили. Людская лавина подхватила нас, всосала и понесла дальше вместе с собой. Оставалось надеяться, что в темноте никто не распознает в нас бывших колодников.

Так шли мы много часов, зарабатывая толчки и сами толкаясь в ответ, наступая кому-то на пятки и щедро получая по своим собственным. Шли неизвестно куда и неизвестно зачем. Зайцы, затесавшиеся в волчью стаю. Ни один факел не горел над марширующими колоннами, и это уже говорило о многом.

Наконец впереди раздалась короткая команда, не менее дюжины луженых глоток мигом донесли ее от авангарда до арьергарда, и служивые стали как снопы валиться на истоптанный мох. Иные сразу засыпали, иные принимались шуршать в котомках, копаться в коробах, чавкать и булькать. Возникло несколько коротких потасовок, кто-то слезно просил вернуть сумку с сухарями, кто-то менял лепешки на брагу, кому-то прокусили ладонь, кто-то неосторожно помочился на соседа. Вконец обнаглевший Головастик исхитрился вырвать из чьих-то рук ком сушеного мяса, за что сидевший с ним рядом служивый получил из темноты по зубам. Спустя некоторое время вся армия уже почивала, оглашая окрестности храпом и сонным бормотанием. Человеческие тела сбились так плотно, как будто это были вовсе не люди, а стая перелетной саранчи. Едва кто-либо начинал ворочаться, или — еще хуже — пытался встать, это вызывало бурную и весьма негативную реакцию окружающих. О побеге сейчас не могло быть и речи. Оставалось одно: положиться на волю случая и дожидаться рассвета.

Едва только забрезжило утро, как повсюду раздались новые команды. Служивые поднимались, зевали, чесались, затягивали мешки, разбирали волокуши, подвязывали на животах распущенные на ночь бичи. Никто пока не обращал на нас внимания, да и не удивительно — мы мало чем отличались от основной массы этих неумытых, лохматых оборванцев. Хватало тут и клейменных, а по крайней мере каждый пятый был безоружен. Я уже почти успокоился, когда к нам, расталкивая служивых, вразвалочку подошел некий добрый молодец, явно начальственного вида — тысяцкий, не меньше. Подошел и мрачно так на нас уставился. На нем было столько мышц, сала и волоса, что невольно напрашивалось сравнение с медведем-гризли. (Боюсь только, что такое сравнение может смертельно обидеть всех медведей-гризли.)

— Кто такие? — рявкнул он, оскалив желтые клыки и не отводя тяжелого, пронизывающего взгляда.— Какой сотни? Кто командир?

— Мы отстали... А как сотника зовут, запамятовали...— начал было оправдываться Яган, но тут же был бесцеремонно оборван:

— Молчать! Все ясно. Дезертиры. Беглые колодники! — Он медленно обошел вокруг нас.— Да еще и государственные преступники! Попались голубчики! Таких, как вы, положено на месте казнить.

— Мы искупим...— Яган выпучил глаза и стукнул себя кулаком в грудь.— Кровью искупим! Жизнью!

Неизвестно, чего больше было в его словах — притворства или истинного чувства. Скорее всего, Яган каялся потому, что от него требовалось раскаяние, пусть даже формальное. Он, и сам прирожденный лицемер, сразу уловил, что человек-медведь не зря разводит эту бодягу. Хотел бы — мигом прикончил, мы бы даже пикнуть не успели.

— Это уж как полагается,— тысяцкий (а это действительно был тысяцкий, только теперь я разглядел знаки различия на его трусах) впервые с начала разговора сморгнул.— Искупите, само собой. Некуда вам деться. И чтоб запомнили: за трусость — смерть, за неповиновение — мучительная смерть, за дезертирство — жуткая смерть. Ты,— он поднес внушительный кулак к носу Ягана,— будешь десятником. За всех отвечаешь собственной шкурой. Если что, с тебя первого спрошу!

Так наша четверка превратилась в десятку. Впрочем, как я скоро убедился, ничего странного в этом не было, и в других десятках нашего войска редко набиралось больше пяти-шести человек.

Войско катилось вперед, с каждым днем разрастаясь, как снежный ком. Оно вбирало в себя всех, кто имел неосторожность оказаться на его пути: бродяг, разбойников, контрабандистов, гарнизоны мелких застав, всех без исключения кормильцев, включая стариков, подростков и калек. Гнали нас, как скот на убой, не заботясь ни о пище, ни об отдыхе. Многие служивые мучались поносом и рвотой, опухали, слабели, покрывались язвами — но по-настоящему мор еще не начался. Мы шли по своей территории, а за нами оставались разоренные поселки, опустошенные поля, загаженные дороги, изнасилованные бабы, трупы казненных дезертиров.

В середине пятого дня войско достигло рубежа, обозначенного неглубоким, недавно начатым рвом. Колодников нигде не было видно.

Или перебиты, или разбежались, подумал я.

На этой стороне за отвалами свежей щепы, виднелись передовые отряды вражеского войска. О их боевом настроении свидетельствовали венки из листьев папоротника.

Нам велено было отдыхать, готовиться к сражению и плести

венки из белых мелких цветов, имевшихся здесь в изобилии. Венкам этим предназначалась в бою роль едва ли не единственного отличительного знака. А как, спрашивается, еще распознать в многотысячной свалке своих и чужих, если все они почти голые?

После полуночи, когда всем, кроме дозорных, было положено спать, в лагере началась какая-то подозрительная суета. К нам подползли два веселых, пахнущих брагой мужика — как ни странно, коробейники из вражеского войска. Один менял бичи (их у него на поясе имелось сразу пять штук) на еду, второй — еду на любое оружие. Узнав, что у нас нет ни того, ни другого, коварный враг двинулся дальше. Следующий визитер — трезвый и лукавый красно-бай — тоже оказался чужаком. За бадью каши и дюжину сладких лепешек в день он склонял всех желающих к измене. Таких, надо сказать, оказалось немало. Однако факт массового дезертирства почти не отразился на численности нашей армии — под утро из-за рва поперли перебежчики. Они тоже хотели дармовой каши, а вместо этого получили венки из веселеньких цветочков (особо недовольные — еще и по шее), после чего были распределены по наиболее малочисленным десяткам.

Любое серьезное сражение начинается со светом, но поскольку спор между тысяцкими о том, кому стоять в первом эшелоне, затянулся, атаку пришлось отложить до полудня. Обезумевшие от голода и усталости служивые и так рвались в бой, вполне справедливо ожидая скорого избавления от мук (кто останется жив, тот уж точно нажрется до отвала, а мервым все равно), но командиры решили вдобавок еще и вдохновить нас. Один из тысяцких (не наш громила, у которого был явный недобор с интеллектом, а другой, мозглявый, лицом схожий с крысой) взобрался на высокий пень и произнес речь — краткую, внятную и не допускающую двояких толкований.

— Бабе от природы предназначено рожать, а мужчине сражаться. Мирная жизнь скучна и лжива, война справедлива и отрадна. Мужчина должен жаждать опасности, а что бывает опаснее смерти? Ищите смерть, желайте смерти! Глупец тот, кто привязан к жизни. Наша жизнь — постоянные страдания. Тот, кто умирает слишком поздно, тяжко от этого мучится! Смело идите навстречу смерти! Только на пороге смерти вам откроется истина! Укрепляйте свой дух и пренебрегайте телом! Будьте твердыми, как железо. Сразить как можно больше врагов и умереть — вот высшее блаженство! Не жалейте врага, жалость унижает воина! Не жалейте себя — иначе прослывете трусами! Помните, высшая добродетель — это исполнение приказов! Вперед!

— Все вперед, да вперед,— с досадой вымолвил Головастик, правда, не очень громко.— Хоть бы покормили сначала.

— Ишь, чего захотел! — ухмыльнулся один из служивых, по

виду ветеран.— Попробуй заставь тебя сытого да всем довольного в бой идти.

— Ну хоть бы оружие какое дали! Куда же лезть с голыми руками!

— Оружия скоро будет сколько угодно. Только успевай подбирать.

Тысяцкие и сотенные тем временем кое-как стронули войско. Пока передовые шеренги, собираясь с духом, топтались на месте, задние бодро поперли вперед, смяв свой собственный центр. Всех нас сжало, закрутило и понесло, как щепки в Мальстреме.

Как же они думают сражаться, удивился я. Тут не то что бичом махнуть, руку не поднять!

Два войска столкнулись посреди рва, и сила этого удара передалась мне через сотни рядов. Множество бичей с той и с другой стороны разом взлетело в воздух и разом обрушилось на украшенные белыми и зелеными венками головы — словно винтовочный залп грянул. Каждый удар находил себе жертву. Вверх летели клочья волос и кровавые ошметки кожи. Первые шеренги полегли в течение нескольких секунд. Вновь слитно щелкнули бичи — и не стало вторых шеренг. Ров уже доверху был завален мертвыми и ранеными, а две человеческие лавины, давя своих и чужих, все перли и перли друг на друга. Хлопанье бичей превратилось в слитный трескучий грохот. В этой тесноте можно было драться только сложенными вдвое бичами. Такие удары хоть и не были смертельными, но почти всегда валили с ног, а упавших сразу затаптывали. Армии перемешались. В ход пошли деревянные кинжалы, зубы, ногти. Меня медленно, но неудержимо несло в самый центр схватки. Оглядевшись по сторонам, я не заметил ни одного знакомого лица, только откуда-то сзади раздавался рев человека-медведя, подгонявшего нерадивых и слабых духом.

Вдруг, перекрывая шум сражения, на той стороне, где находились вражеские тылы, раздался вой дудок. Не знаю, что обозначал этот сигнал, скорее всего команду к отступлению, потому что противник моментально повернулся к нам спиной и бросился наутек. Наша армия, словно прервавшая плотину река, устремилась вослед.

Однако сразу за рвом нас ожидали неприятные сюрпризы: замаскированные ловчие ямы, клубки травы-цеплялки, баррикады из колючих веток.

Враг быстро уходил по заранее приготовленным проходам, убирая за собой переносные мостки. Это походило на что угодно, но только не на паническое бегство. Смутная тревога зародилась в моей душе. Вновь раздались вдали энергичные и бодрые звуки невидимых дудок, и это только усилило мою тревогу.

Однако наши славные вояки, подгоняемые отцами-командирами, преодолели краткое замешательство и вновь ринулись вперед,

заполняя своими телами ямы и голыми руками растаскивая заграждения.

Кто-то ухватил меня за плечо. Это был Яган, живой и здоровый, хоть и изрядно помятый. Вслед за ним, поддерживая друг друга, ковыляли Шатун и Головастик.

— Победа! — кричал Яган.— Видал, какие храбрецы! С таким войском мы всю Вершень покорим!

— Подождем,— охладил я его боевой пыл.— Бой вроде еще не окончен... Что-то здесь не так...

И действительно, я как будто в воду глядел. Едва только разрозненные и смешавшиеся толпы служивых, преодолев заграждения, вырвались на оперативный простор, как навстречу им выступили свежие силы противника. Построенный клином отборный отряд без всякого труда разрезал нашу армию пополам, и все дальнейшее для меня было только бегом, бегом, бегом — мучительным, позорным и безумным бегом побежденного...

Спаслось нас немного. Думаю, не больше десяти из каждой сотни. Кстати, почти все начальники уцелели, и это было единственное, что внушало надежду — ведь, как известно, сила армии определяется не ее числом и выучкой, а мудростью и прозорливостью полководцев.

Никто не утешал нас, не перевязывал ран, не позаботился о пище и отдыхе. Беглецов поворачивали назад, строили, считали и коротко, с пристрастием допрашивали. Как я понял, причина поражения приписывалась нестойкости отдельных лиц, вопреки твердому и разумному приказу покинувших поле боя.

Срочно требовались козлы отпущения. Одной из первых жертв оказался Яган. Вина его состояла в том, что, во-первых, он сам оказался жив, во-вторых, странным образом уцелела вся вверенная ему боевая единица, в-третьих — памятливый человек-медведь видел его в первых рядах бегущих. За все это в совокупности полагалось наказание в виде мучительной смерти. Однако, учитывая недостаток времени, чрезмерно большое число наказуемых и неопределенность общей ситуации, смерть мучительная была заменена ему смертью обыкновенной. Заточенный кол в брюхо, и все дела!

Четыре добровольных палача уже волокли Ягана туда, где дымилась куча вывороченных кишок и слабо трепыхались агонизирующие тела, когда он, словно выйдя из ступора, истошно заорал:

— Дайте сказать! Последнее слово! Имею важное сообщение!

Руководящий экзекуцией сотник нетерпеливо взмахнул рукой: дескать, кончайте побыстрее, мало ли что болтают перед смертью всякие трусы! Однако рядом оказался некий чин, по роду своей

службы обязанный интересоваться всякими сообщениями, как важными, так и не важными. Полномочия этого невзрачного человечка явно превышали полномочия не только сотника, но и тысяцкого, и посему мокрый от крови кол только слегка ткнул Ягана в пупок. Его поставили на ноги, хоть и продолжали крепко держать.

— Докладываю, что в ряды нашего славного войска затесался болотник, известный под кличкой Душегуб. За его поимку обещана награда. Я наблюдаю за ним с того самого момента, как он ступил на Вершень. Кроме того, имею другие, чрезвычайно важные и секретные сведения,— клацая зубами от пережитого ужаса, но довольно бойко отрапортовал Яган.

Бежать было бессмысленно — каре служивых глубиной в несколько десятков человек окружало нас. Попытка прикончить Ягана вырванным у палача колом тоже ни к чему не привела — навалившаяся на Шатуна банда могла подмять под себя даже гиппопотама.

Экзекуция на время приостановилась. Палача отливали водой. Плотно увязанного сыромятными веревками Шатуна положили в сторонке на траву. Яган куда-то исчез.

Спустя полчаса внутри каре вновь появилась незаметная, но всесильная личность в скромных, без всяких знаков различия, портах и пальцем поманила сначала меня, а потом Головастика.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Стороны света на Вершени определяются совсем не так, как у нас. Это и не удивительно для мира, в котором отсутствует понятие горизонта и никто никогда не видел восход и заход светила.

Любой ярус занебника составляют шесть ветвяков, расположенных под углом шестьдесят градусов относительно друг друга. Каждая из этих огромных спиц, посаженных на не менее огромную ось — ствол занебника, чем-то отличается от всех остальных и, как пальцы на руке, имеет свое собственное имя: великодрев, неболом, гулявник, дерть, сучава, игольник. Я слишком мало времени провел на Вершени, чтобы с первого взгляда определять название ветвяков (с ярусами легче — чем он ниже, тем гуще и пышнее покрывающая его растительность), но для коренных жителей это не составляет никакого труда.

Поскольку одноименные ветвяки всех занебников направлены строго в одном и том же направлении, человек, отправляющийся в дальний путь, ориентируется здесь не на юг или север, а на неболом или игольник.

В настоящее время мы двигались по гулявнику третьего яруса, двигались быстро и даже с некоторым комфортом — просторные плетеные корзины, в которых нас разместили поодиночке сразу после ареста, волокли на плечах служивые-носильщики. В дороге нас кормили, как на убой, но особой воли не давали. Если и выпускали из корзины, то исключительно по большой нужде и обязательно под усиленным конвоем. Посторонние разговоры не поощрялись. Правда, однажды на привале Яган беспрепятственно приблизился ко мне. Он хоть и старался держаться независимо, но, видно, даже его подлая душонка знала, что такое стыд. Стараясь не смотреть на меня, Яган заговорил о каких-то мелочах, но, натолкнувшись на мое демонстративное молчание, смешался, забормотал что-то невразумительное и поспешно ретировался. От него сильно пахло паленой шерстью и горелым мясом. Можно было подумать, что из моего бывшего сотоварища недавно пытались приготовить жаркое на вертеле. Причина этого смрада стала ясна, когда Яган повернулся ко мне спиной — к корявому и маловразумительному клейму, обозначавшему не то «вор», не то «враг», добавилась свежень-

кая приставка «не». Каллиграфическая точность и предельная аккуратность этого нового клейма исключали всякую возможность подделки. Значит, Яган кое-чего уже добился — обвинение в государственном преступлении с него снято. Думаю, на этом он не остановится. Великие дела ожидают его впереди, да только я ему в тех делах не помощник. Уж лучше со змеей подколодной дружбу водить.

И все же интересно — какая судьба уготовлена мне. С обыкновенными пленниками так не обращаются. Но и почестей, положенных потенциальному мессии, что-то не заметно. Конечно, Яган стукнул кому надо, кто я такой, но личность моя еще требует уточнения. Для этого нас и волокут в Ставку, то бишь в местную столицу. Там, наверху, все и решится. Как говорил мой дедушка, или грудь в крестах, или голова в кустах. Игра начинается нешуточная, и проигравший не может рассчитывать на снисхождение. Лжедмитрий в Москву на белом коне въехал, а обратно улетел прахом из пушечного жерла. Хотя, говорят, мужик был совсем не глупый.

Больше всего, конечно, меня угнетала судьба Шатуна. Как унесли его тогда, всего опутанного ремнями, так я его больше и не видел. Как ни верти, а выходит, что наше спасение куплено ценой его свободы, а может быть,— и жизни.

Команды носильщиков сменялись через каждые тридцать-сорок минут, и уже на следующий день отряд достиг крутопутья. На ночлег нас поместили в большой, тщательно укрепленный лагерь. Здесь я впервые смог переговорить с Головастиком. Наши корзины вопреки правилам оказались почти рядом. Возможно, это было сделано с умыслом, и среди развалившихся на траве служивых был кто-то, внимательно прислушивающийся к нашим словам.

Вид Головастик имел неважный. Пораненная в бою щека воспалилась, перекосив все лицо. Нельзя сказать, что Головастик обрадовался мне. Кусок лепешки, который он осторожно жевал, занимал его гораздо больше, чем моя личность.

— Ну и подлецом же оказался Яган,— сказал я.

Головастик на это никак не отреагировал.

— Ты случайно не знаешь, что с Шатуном?— продолжал я, несколько озадаченный холодностью друга.

— Вам виднее,— буркнул он.

— Кому это — нам?— опешил я.

— Тебе да Ягану.

— При чем здесь я?

— Хочешь сказать, что вы с ним не заодно?

— Конечно же, нет!

— Хватит притворяться! — Головастик отшвырнул недоеденную лепешку.— Что я, слепой? О чем вы с ним шептались все время? Только мы отойдем, сразу шу-шу-шу! В Тимофеи лезешь?

— Был у нас такой разговор,— признался я.— Только Шатуна он никак не касался. Не собирались мы его выдавать. Яган, наверное со страху это сделал.

— А он говорит, что это ты ему велел.

— Ну, тварь! — я едва не задохнулся от ярости.— Попадется он мне!

— Попадется— криво усмехнулся Головастик.— Обязательно попадется. Править же вместе собираетесь!

И вновь мрачно-серая, уходящая в тучи, обвитая жгутами крутопутья отвесная стена заслонила передо мной полмира. Сколько же это времени нам придется карабкаться по ней до пятого яруса — а именно там, как я понял из разговоров служивых, расположена сейчас кочующая столица. Ну и народ! И как им не надоест по таким кручам карабкаться. Хоть бы канатную дорогу изобрели или лифт какой! В тот момент я еще не предполагал, что для особых случаев на Вершени существует весьма быстрый, хоть и довольно экзотичный способ передвижения.

Нас троих снова усадили в корзины и понесли куда-то в противоположный конец лагеря. Привычные безобразия творились вокруг: служивые дрались, играли в свои дикие игры, делили награбленное, из офицерских хоромов доносились пьяный гогот и бабий визг, у повара украли самый лучший котел, и он истошно вопил об этом, караульные нахально дрыхли на постах, а посреди этой кутерьмы рыскала парочка огромных, кровожадных зверюг. Их бешено горящие глаза и оскаленные пасти были хорошо знакомы мне. Шестирукие! Откуда они взялись здесь, за высоким частоколом? Не очередная ли это проделка болотников? Хотя нет, не похоже. Служивые хоть и сторонятся шестируких, но ни страха, ни удивления не выказывают.

Однако самое интересное было то, что шестирукие, похоже, разыскивали именно нас. Я даже и пикнуть не успел, как был выдернут из корзины и прижат огромными ластами к твердому колючему животу. Другой жертвой шестирукого оказался Головастик.

Словно волк ягнят, шестирукий поволок нас к лагерным воротам, створки которых услужливо распахнулись перед ним. Да что же это такое! Неужели нас пичкали пышными лепешками и сладчайшими дынями только ради того, чтобы скормить этим чудовищам?

Шестирукий выскочил на ровнягу и сразу прибавил ходу. Меня трясло и колотило, как куклу, которую невоспитанные мальчики решили использовать вместо футбольного мяча. В те моменты, когда мои ноги взмывали вверх, а голова, естественно, опускалась вниз, я мог видеть второго шестирукого, следовавшего за нами в кильва-

тере. Этот тащил Ягана и старшего из сопровождающих нас в дороге служивых. Лица обоих были спокойны, они о чем-то беседовали между собой.

Что-то густое и сладковатое полилось мне на затылок — молоко, не иначе. Выходит, мой похититель оказался самкой, да к тому же еще и кормящей.

— Эй! — крикнул я Головастику.— Объясни, что все это значит! Куда нас волокут?

— Твой дружок спешит в Ставку. А по крутопутью дорога долгая, да к тому же еще и опасная. Поэтому ему и предоставили шестируких. Быстрее их на Вершени никто не бегает.

— Они что — ручные?

— Скажешь тоже... Попробуй приручи таких. Сразу без башки останешься. Им человечинка самое лакомство.

— Так они же нас сожрут по дороге!

— Не сожрут. Это ведь самки, разве не видишь. Их вместе с детенышами отловили. Детенышей теперь в клетке держат. А шестирукие скорее сдохнут, чем свое потомство бросят. Вот и мотаются на посылках ради того, чтобы щенков сберечь.

— Хитро придумано. А как проверить, что мы доставлены на место в целости и сохранности? У шестируких спросить?

— Один из нас вернется вместе с ними обратно. Он и подтвердит.

— А что будет, когда детеныши вырастут?

— Как же они вырастут? В клетке? Там же ни сесть, ни встать. Околеют через полгода. А самок прибьют или отравят. Без детенышей их бегать не заставишь.

Вот точно так же и мы, люди, подумал я. Вечно тешим себя несбыточными надеждами.

Шестирукие уже давно покинули торную дорогу и сейчас проворно карабкались по обильно поросшему папоротниками крутому склону, постепенно переходящему в вертикальную стену. При этом они почти не сбавили скорости — ветер свистел в моих ушах. Лапы их вытягивались на неимоверную длину, изгибались и переламывались в самых неожиданных местах. Всего в полуметре от моего лица пронеслась шершавая, испещренная трещинами и пятнами мха кора. Широкие ласты надежно защищали от толчков и царапин. Равномерный стук могучего сердца, исходящее от зверя тепло и постоянная тряска мало-помалу сморили меня. Просыпался я только в моменты резких ускорений, когда шестирукий, наподобие горного козла, сигал с уступа на уступ или смело перемахивал через пропасти. Иногда мы пересекали крутопутье — и тогда кормильцы с визгом бросались в стороны, иногда окунались в прохладные струи водопадов. Лишь однажды за все время пути шестирукие сделали остановку. Рассадив всех на узком уступе, они умча-

лись куда-то в сторону, но вскоре вернулись, облизывая перепачканные кровью морды и выплевывая раздробленные кости. Интересно, кто же это достался им на обед? Нет, лучше об этом не думать. Слабое утешение, что несчастному не пришлось мучиться долго.

Сумасшедшая гонка закончилась глубокой ночью на первой же заставе пятого яруса. Сопровождавший нас служивый что-то долго объяснял на ухо заспанному и не вполне трезвому десятнику. Шестирукие при этом метались вокруг и всем своим видом выказывали крайнее нетерпение. После окончания переговоров нас троих, забыв накормить, заперли в солдатском шалаше, а шестирукие, прихватив с собой служивого, устремились обратно. На истоптанном плацу остались две молочные дорожки. Если детенышей не кормить больше суток, они обязательно подохнут, объяснил Головастик. От этого и спешка.

— Ну, может быть, нам пора поговорить всерьез,— сказал Яган, когда мы остались в шалаше одни.

Держался он так, словно это мы были перед ним виноваты, а не наоборот. Хотя и уселся подальше от нас, у самых дверей.

— Лично я с тобой ни всерьез, ни в шутку говорить не собираюсь,— ответил я.

— А ты, Головастик?

— Надоели вы мне оба! Ни одному вашему слову не хочу верить! Шатун, дурак, поверил — и вон где оказался!

— Хорошо, а Другом, Поющим О Трех Стихиях, ты согласился бы стать?

— Нет, не согласился бы.

— Это ты раньше не соглашался, когда тебе не предлагали. А если на самом деле предложат?

— Да пошел ты...

— Ладно, с тобой пока все. Но запомни, мы сейчас не в подземной тюрьме болотников и не в каторжном рву. Мы на пятом ярусе Вершени, в двух шагах от Ставки! И мое слово здесь много значит.

— Значило!..

— Значит! — с ударением сказал Яган.— И твоя дальнейшая судьба будет зависеть от тебя самого. Ну и, конечно, от Порченного... Как себя поведете, так и заживете.

— Послушай, ты, наверное, любую бабу мог уговорить?

— Мог, если нужно было. И не только бабу. Но вас я не уговариваю. Я хочу, чтобы вы поняли очевидное. Ты можешь не говорить со мной, Порченный, но выслушать тебе меня все же придется. Главное, в чем вы меня обвиняете, это выдача Шатуна. Но если бы я смолчал, меня тут же казнили бы. Под горячую руку прикончили

бы и кого-нибудь из вас. Всех оставшихся погнали бы в бой. Без оружия, в самую свалку. По-вашему, это был бы лучший выход? Так, Головастик?

— Не знаю. Отстань.

— А ты, Порченный?

Я продолжал молчать, однако слушал внимательно. Вся моя душа кипела от презрения к Ягану, но, надо признать, некоторая логика в его словах присутствовала.

— Молчишь, ну и молчи,— продолжал он.— Дальше. С чего вы взяли, что Шатуну грозит опасность? Конечно, его будут допрашивать. Спросят, какими путями болотники проникают на Вершень. Каковы их ближайшие планы. Есть ли у них здесь помощники. И многое другое. Шатун, понятно, ничего не скажет. Его, понятно, помучают немного. Не без этого. Да только Шатуну к этому не привыкать. В худшем случае ему сломают пару ребер и маленько подпортят шкуру. Но это, повторяю, в худшем случае. Без особого распоряжения из Ставки казнить его не посмеют. Об этом я позаботился.

Врет, подумал я. А может, и не врет. Как проверить?

— И последнее. Завтра нас доставят в Ставку. Я на допросе намекнул, что мне известна некая важная тайна. Настолько важная, что доверить ее можно только двум-трем высшим чинам. При этом я назвал кое-какие имена и, кажется, угадал. Откуда, спрашивается, эти имена могут быть известны простому служивому? Ведь никто не догадался, что я бывший Друг. На самом деле никаких тайн я не знаю. И это может очень скоро выясниться. Ведь не скажу же я, что со мной прибыл наследник Тимофея. Нас всех тогда, скорее всего, потихонечку задушат. Наследника ждут многие, но отнюдь не все. Тем, кто сейчас в Друзьях, кто в силе, кто при власти, он не нужен. Появление Наследника грозит большими переменами, а этим людям перемены как раз и ни к чему. Значит, нужно искать недовольных, собирать сторонников, следить за врагами. Слух о появлении Наследника должен распространиться по Вершени. Пусть об этом узнают и служивые, и кормильцы. О себе мы заявим только тогда, когда накопим достаточно сил. А когда станешь Тимофеем — делай, что хочешь. Слышишь, Порченный! Спасай Шатуна, назначай Друзей, освобождай колодников, распускай армию. Но сперва надо спасти себя, меня, его! Надо забыть обиды; научиться слушать и понимать; доверять друг другу.

— Кто поручится, что Шатун еще жив? — спросил я ледяным голосом.

— Давай сбежим отсюда, спустимся на второй ярус, отыщем нужный занебник, нужный ветвяк и проверим! Согласен? Нет? Тогда тебе придется поверить мне на слово. Другого выхода у нас все равно нет.

— А если я не верю тебе?— Все же он, подлец, сумел разговорить меня.

— Разве я обманул тебя хоть в чем-то? Обещал, что через десять дней ты будешь в Ставке? Вот мы и здесь. Обещал сделать Тимофеем — и сделаю! Можешь прогнать меня после этого! Так в чем же я солгал?

Я задумался. Действительно, доводы его выглядят складно. Теперь все якобы зависит от меня. Буду паинькой — спасу Шатуна и всех нас троих. Буду бякой — погублю всех.. Это называется: свалить с больной головы на здоровую. Ловкий ход, ничего не скажешь. Что же мне делать? Сохранить гордое молчание и стоически принять смерть. Так ведь и других сгублю, тут Яган абсолютно прав. Еще раз пойти с ним на компромисс? Обманет. Переиграет. Сделает Тимофеем, а потом отравит, задушит, будет рыдать над моим трупом, превратит меня в божество и на правах Лучшего Друга сам станет полубогом. Ну, а если попробовать побороться? Думаю, и я не лыком шит. Буду осторожным, заранее просчитаю каждый шаг, найду силу, способную нейтрализовать Ягана, и, допустим, добьюсь своего. Какая от этого выгода? Во-первых, лично для меня относительная безопасность, некоторый личный жизненный комфорт, а главное, доступ ко всему, что касается настоящего Тимофея. Возможно, в его вещах и бумагах отыщется нечто такое, что укажет мне обратную дорогу в свой мир. Во-вторых, выгода общая: появится возможность прекратить бессмысленные войны, отменить дурацкие указы, как-то облегчить жизнь этого несчастного народа. Игра, по-моему, стоит свеч.

— Ладно,— сказал я.— Давайте лучше спать. Утром поговорим.

Засыпая, я еще думал: а как поступит Тимофей с Незримыми? А что делать с Фениксами? А куда девать шестируких? А что могут означать пророчества Всевидящего Отче?..

Однако разговор этот на следующий день не получил продолжения — ни утром, ни во время скудного завтрака, ни позже, когда мы дожидались конвоя. Как будто бы его и вообще не было!

А потом стало и вовсе не до разговоров. Принявший нас десятник, никому ничего не сказав, куда-то исчез. Несмотря на энергичные протесты Ягана, нас загнали в общий строй служивых, потом вернули в шалаш, потом немного побили, потом долго допрашивали, задавая бессмысленные, совершенно нас не касающиеся вопросы. Был момент, когда все висело на волоске и нас собирались казнить за шпионаж, дезертирство и контрабанду, но логика Ягана, помноженная на многозначительные, хоть и туманные намеки Головастика, сделали в конце концов свое дело — куда-то послали гонца, что-то уточнили, и спустя пару часов мы тронулись к Ставке. Пешком, под надзором дюжины свирепых ветеранов.

Из этого эпизода я вынес следующую мораль: если тебя не убили сразу, это хорошая примета.

Очень скоро мы убедились, что на ровняге здесь царит настоящее столпотворение. Кормильцы если и попадались, то только запряженные в волокуши. Зато кишмя кишел народ, причастный к власти. От всех остальных людишек, включая служивых, они отличались упитанностью и оптимизмом. Через каждые две-три тысячи шагов располагались заставы. Окрестные поля были беспощадно потравлены, а кусты вдоль ровняги загажены — верные признаки близости Ставки. Я уже знал, что прибыла она сюда недавно и пробудет недолго — пока не сожрет окрест все, что можно сожрать. После этого тут нельзя будет жить лет пять-шесть. Если этот край, к примеру, раньше назывался Приветьем или Сытью, то будет называться Запустьем, а может, и Сломищем. Встречал я уже такие места на своем пути.

Но сейчас жизнь здесь кипела. Люди пели, плакали, отдавали команды, хохотали, обжирались, просили милостыню, оглашали указы и меняли все, что придется, начиная от железных ножей и стеклянных кубков и кончая гнилой тыквой и человеческими черепами. Кого-то подсаживали в роскошные носилки, кого-то ловили всем миром, кого-то лечили раскаленными углями, кого-то публично уличали в прелюбодеянии. Почти все прохожие имели при себе бичи, и по крайней мере каждый второй этим бичом размахивал. Несмотря на ясный день, везде чадили факелы.

Сама по себе Ставка представляла собой некое беспорядочное нагромождение бревен, досок, балок, лиан, дерюг и всякого другого подобного материала. Это было не здание, а скорее намек на него. Для жизни оно было приспособлено не больше, чем пирамида Хеопса. Грубой и бездарной пародией на некогда существовавший прообраз, символом, утратившим первоначальный смысл, Вавилонской башней в одну сотую натуральной величины — вот чем предстало перед нами главное (и наиболее почитаемое) сооружение столицы.

Ставку окружало пустое и сравнительно чистое пространство — не то площадь, не то плац. Резко контрастируя со всеобщей суматохой, здесь неторопливо прогуливались парами или в одиночестве, задумчиво созерцали окрестности какие-то трезвые, степенные люди, не похожие ни на служивых, ни на чиновников, ни на кормильцев. Наверное, философы или поэты, подумал я.

Судя по всему, наш путь лежал прямо вперед, но что-то определенно смущало конвоиров и не позволяло им пересечь площадь. Держась в тени кривобоких хибар, скользя в лужах прокисших помоев, спотыкаясь о тщательно обглоданные костяки каких-то не известных мне животных, мы двинулись в обход.

Возвышавшийся в центре площади уродливый и мрачный обелиск Хаоса невольно притягивал наше внимание. В полной абсурдности и нелепости его конструкции было что-то зловеще-тревожное. В местах, положенных для окон, криво висели наспех сколоченные двери. Башни перекосились и были готовы в любой момент рухнуть. Ступени многочисленных лестниц были такой высоты, что по ним мог взбираться только великан. Толстые, неотесанные бревна, предназначенные изображать колонны, расщепились и осели под тяжестью безобразного фронтона. Даже Яган, который, надо думать, созерцал подобное сооружение не в первый раз, вылупил свои гляделки. Конвоиры, старавшиеся глядеть только себе под ноги, заметили нашу вольность слишком поздно.

— Не сметь! — набросились они на нас.— А ну, морды отверните!

Но на нас уже обратили внимание. С людьми, находившимися на площади, произошла мгновенная метаморфоза. Одни устремились к Ставке и быстро заняли все входы в нее, другие с разных сторон бросились к нам. Не было задано ни одного вопроса, не прозвучало ни одного слова. Всех нас решительно и умело сбили в плотную кучу и проворно погнали прочь, предварительно обезоружив конвойных.

Лишь когда Ставка исчезла из поля нашего зрения, последовала команда остановиться. Старший конвоя принялся сбивчиво объяснять, кто он такой и куда его послали, кто мы такие и куда нас ведут. Люди, обступившие нас со всех сторон, внимательно слушали, но при этом не прекращали размеренно, без особой злобы бить его по морде.

— Отребье! Требух вонючий! — проникновенно говорили они.— Да как ты посмел осквернить своим подлым взглядом святое место! Да как ты ослепнуть не побоялся! Как ты дышать отважился? Уж если тебе, гад, другой дороги нет, ползи на карачках и глаз не поднимай!

Суровые ветераны падали на колени, катались в нечистотах, рыдали, как дети, проклинали нас последними словами и молили о пощаде. В конце концов мольбы эти возымели действие, и конвойные были отпущены восвояси, избитые, но живые. Нас же троих ожидала совсем другая участь.

Думаю, что институт секретной службы зародился одновременно с человеческой цивилизацией. Древнейшие государства еще не успели окончательно оформиться, а уже стало ясно, что для их благоденствия и безопасности мало иметь преданную армию, ревностное чиновничество и прозорливое духовенство. Нужна еще одна сила, способная в случае необходимости поставить на место

и вояк, и чиновников, и священнослужителей. Упоминание о первых рыцарях плаща и кинжала можно найти в Ригведе, Книге Мертвых, Ветхом Завете и Законах Хаммурапи. Ахейцы чтили не только бога воров и торговцев Гермеса, но и суровую Дикэ — покровительницу судей, доносчиков и полицейских. Уже в деятельности славного Одиссея просматриваются основные приемы этой до сих пор процветающей касты: слежка, провокация, наушничество, дезинформация, беспощадная расправа со всеми неугодными. Все это, правда, было еще по-детски наивно, хотя и не по-детски жестоко. Впоследствии наивности поубавилось, а жестокости прибавилось. Владыки, манкировавшие шпиками и сикофантами, теряли власть, а зачастую и жизнь. Цезарь, доверявший больше своей божественной проницательности, чем вполне конкретным доносам, был зарезан, как ягненок. Царь Иван Васильевич, окруживший себя опричниками, счастливо правил полсотни лет.

Здесь, на Вершени, нам пришлось иметь дело с довольно эффективной и вполне созревшей службой безопасности. Созревшей в том смысле, что собственное благо и процветание она ставила намного выше блага и процветания государства, не говоря уже о благе и процветании народа. У нормального человека вид преступника вызывает печаль и брезгливость, у филера же — удовлетворение и радость. («Посмотрите, люди добрые, какого мы орла повязали! Не зря, значит, свой хлеб едим!») Если предатели и шпионы вдруг исчезнут, их придется придумать, ведь иначе автоматически должно исчезнуть и тайное воинство сыска.

Отсутствие общедоступной письменности, дактилоскопии, компьютерной техники и паспортного режима, конечно, затрудняло точную идентификацию наших личностей. Картотек и информационных банков здесь нет, зато есть очень много специально натасканных людей, чье основное занятие — глядеть и запоминать. Одни глазеют в войске, другие в тюрьмах, третьи в деревнях, четвертые на крутопутье. Долгой и упорной тренировкой можно развить в себе почти любую способность. Есть люди, мышцей века поднимающие гантели или наизусть цитирующие телефонные справочники многомиллионных городов. Профессиональный соглядатай, один раз в жизни увидевший человека, должен всегда помнить, где, когда и при каких обстоятельствах это произошло.

После недолгой отсидки в глубокой, квадратного сечения яме (представляете, какая начиналась давка, когда все заточенные в ней бедолаги бросались в тот из углов, куда охранники раз в день сваливали скудную и протухшую жратву), нас троих вновь извлекли на свет божий и рассадили на бревнышках спиной к частоколу. Мимо медленно двинулась процессия людей, чьи лица были скрыты под масками. Лишь один из дюжины мог сказать о нас что-то определенное, но этих дюжин было столько, что к концу дня я узнал о

своих спутниках едва ли не больше, чем за весь предыдущий срок нашего знакомства. Свои замечания соглядатаи высказывали вслух, ничуть не стесняясь и не заботясь особо о секретности. Для них эта процедура была обыденным, успевшим наскучить делом.

О Ягане говорили подробно, но довольно осторожно. Как-никак Друг, хоть и бывший, шишка немалая. Еще неизвестно, как его судьба дальше повернется. В общих чертах сведения были такие: осужден за злостное нарушение указов, отправлен колодником на великодрев второго яруса занебника под названием Семиглав, исчез при неясных обстоятельствах, возможно, похищен болотниками. Впоследствии появлялся в целом ряде мест, и это появление всякий раз сопровождалось нежелательными инцидентами. Головастик был охарактеризован как бродяга, лжепророк и хулитель, к тому же склонный к воровству и прелюбодеянию, впоследствии — колодник. География его скитаний была весьма обширна: где только его ни видели и где только ни разыскивали. Песни Головастика свободно цитировались многими соглядатаями, что свидетельствовало не только об их изощренной зрительной памяти, но и хорошем слухе. Наименее полными и наиболее путанными были сведения, касавшиеся меня: кличка — Порченный, появился недавно, откуда — неизвестно, ведет себя странно, скорее всего, идиот, но не исключено, что ловкий шпион, задержан за бродяжничество при облаве, разделил судьбу двух предыдущих лиц, по неподтвержденным данным, знает Настоящий Язык и понимает Письмена, но тщательно это скрывает.

Выслушивая эти откровения, я с ужасом старался подсчитать, сколько же стукачей за столь короткий срок успели преломить со мной хлеб и разделить ночлег, скольким доносчикам раскрыл я душу, сколько испытующих взглядов скрещивалось на мне ежечасно. А ведь мимо нас проследовало всего лишь несколько тысяч соглядатаев, тех, кого удалось в спешке собрать. Никто не упомянул о нашем побеге из хижины гостеприимного кормильца, о скитаниях в антиподных лесах, о Незримых, о Фениксах и, наконец, о наших ратных подвигах. Но и сказанного было более чем достаточно.

Едва процедура опознания закончилась, началось следствие. Нас опрашивали всех вместе и каждого в отдельности, при этом старательно путали, по десять раз подряд задавая одни и те же, по разному сформулированные вопросы. Случалось, что дежурные палачи выносили на наше обозрение допросной инструмент. Выглядел он, честно признаться, весьма убедительно.

Еще накануне ночью, сидя в общей яме, мы сговорились не отрицать ничего, кроме моего загадочного происхождения и видов на место Тимофея. Да, Настоящий Язык и Письмена я немного знаю. *Откуда знаю?* Учился. Где и у кого, не помню. *Почему не пом-*

ню? Заболел дурной болезнью, побелел и облез, о том, что было до болезни, ничего толком не знаю. На каторге и в Иззыбье были все вместе. Убежали из плена с помощью одного из болотников. Он сейчас на Вершени и мог бы наши слова подтвердить.

Удовлетворила ли такая версия наших следователей — не знаю. Скорее всего — нет, поскольку после долгих часов бессмысленных словесных баталий допрос был прерван. Не окончен, а именно прерван. Нам дали понять, что спешить, собственно, некуда. Времени и терпения у них достаточно. А мы должны подумать. Крепко подумать. Авось что-то важное и вспомним. Не сейчас, так через пару дней. Или через год. Или через десять. А чтобы вам думалось лучше, жрать получите не скоро. Если вообще получите. Ведь всем известно, что жратва от мыслей отвлекает. Вот так. Отдыхайте пока. Беспокоить вас никто не будет. А припомните что-нибудь — позовете.

Представленная в наше распоряжение яма была поглубже и поуже первой. А компанию нам на этот раз составили всего несколько человеческих костяков.

— Что они от нас хотят?— спросил я, едва только длинная жердь с зарубками, по которым мы спустились вниз, была убрана из ямы.

— Хотят, чтобы мы сказали правду,— объяснил Яган.

— Или хотя бы признались в каком-нибудь преступлении,— добавил Головастик.

— А что лучше?

— Если уж мы попали сюда, ничего хорошего ждать не приходится. Скажешь правду — подохнешь, соврешь — тоже подохнешь,— вздохнул Головастик.— Это ведь Стража Площади, известные кровопийцы.

— Как же так! — вскипел я.— Ведь ты, Яган, клялся, что в Ставке у тебя друзья, что нас там ждут, что ты легко составишь заговор. Значит, опять врал?

— Потише,— сказал Яган.— Здесь в стенах бывают специальные слуховые отверстия. Теперь объясняю тебе то, что известно у нас каждому сосунку. Если мне не веришь, спроси у Головастика. Есть Стража Хоромов и Стража Площади. Обе они озабочены безопасностью государства, но по-разному. Нас препровождали в Стражу Хоромов, где меня действительно ждали. А попали мы к Страже Площади.

— Тогда скажи, чтобы нас передали куда следует.

— Ты в своем уме! Стража Площади терпеть не может Стражу Хоромов и всячески ей вредит. Если бы ты только знал, между какими мы жерновами оказались.

— Зачем же вам две Стражи, скажи, пожалуйста? Это, наверное, то же самое, что два кротодава в одной берлоге!

— Ты в этом ничего не смыслишь. Враг неисчислим и многолик. Даже среди Друзей попадаются предатели. А что будет, если враг проберется в Стражу? Разве такое невозможно? Значит, это дело нельзя поручить кому-то одному. Так повелел Тимофей. Он учредил две разные Стражи, которые внимательно присматривают друг за другом. А если за каждым твоим шагом следят, тут уж не до измены. Нет, придумано все правильно.

— Так как же нам быть?

— Ни в коем случае не менять показания. Стоять на своем. Стража Хоромов давно уже, наверное, ищет нас. И двух дней не пройдет, как нас освободят. В крайнем случае Стража Площади обменяет нас на своих людей, которые схвачены Стражей Хоромов. Потому-то нас ни разу серьезно не пытали.

— Молодец ты, Яган,— сказал Головастик.— Всякую беду можешь объяснить. Вот если бы ты еще ее и предусмотреть умел.

Однако проходили день за днем, а о нас никто не вспоминал, ни друзья, ни враги. Лишь однажды в наше узилище высыпали бадью каких-то очисток,— видно, спутали его с помойкой. Хорошо хоть питья хватало, для этого достаточно было расковырять древесину обломком кости. Соки в тканях занебника еще не остановились. Посмотрим, что будет, когда наступит Сухотье. Посмотрим, если доживем.

На четвертый день заключения Яган стал рваться на допрос. «Не подыхать же нам здесь, братцы! Пустите! А я уж что-нибудь придумаю! Если на месте не договорюсь, то на волю весточку подам!» Вполне резонно расценивая эту инициативу, как попытку купить себе свободу за наш счет, мы всячески ему препятствовали.

Однако Яган не оставил попыток перехитрить нас. В одну из ночей мы проснулись от пронзительного крика: «Требую срочно доставить меня на допрос! Имею важные сведения!» При этом он швырял вверх части скелетов, за это время успевших стать нам чуть ли не родными. Едва только нашими совместными усилиями Яган был обездвижен и временно лишен дара речи, как вставший над ямой охранник недовольно поинтересовался: «Ну, кому там на допрос приспичило? Утра не можете дождаться, паразиты!»

— Мне, мне! — заорал Головастик, зажимая рот Ягану. Мне же в ухо шепнул: «Держи его покрепче. Не давай раскрывать пасть хотя бы минут пять!»

Сверху опустили жердь-лестницу, и Головастик проворно вскарабкался по ней, оставив нас с Яганом барахтаться на дне ямы.

— Дурак! — обиженно сказал Яган, когда я отпустил его.— Не верите мне, потому и подохнете. Нашли, кого на допрос послать. Ведь он же все провалит!

Вернулся Головастик только под утро, сытый и даже слегка выпивший. Нам в подарок он приволок полкотомки еще вполне съедобных объедков.

— Что ты там делал всю ночь?— поинтересовался я.

— Песни пел,— гордо объяснил Головастик.

По его словам, разбудить дежурного следователя так и не удалось. Того, что еще оставалось на рогожах в его хижине, вполне хватило двум охранникам и Головастику. Весь остаток ночи он пел песни, вначале приветственные и величальные, а потом похабные и хулительные (последние, кстати, имели наибольший успех). Проспавшийся в конце концов следователь тоже не стал уклоняться от нечаянного праздника.

С тех пор Головастика стали частенько выводить наверх, особенно в те дни, когда начальство отсутствовало. Дары, регулярно доставляемые им с воли, позволяли нам существовать вполне сносно. Для охранников он стал источником немалого дохода. Исполняя в наиболее людных местах столицы свои самые забойные зонги, Головастик собирал обильную дань натурой — едой и брагой. Хотя от этой добычи ему перепадала едва ли десятая доля, жизнью своей Головастик был доволен. В отличие от нас, он и думать забыл о побеге. Все инструкции Ягана о том, как связаться со Стражей Хоромов, Головастик игнорировал. «Да ну их! — говорил он.— Наверное, такая же сволочь! А эти хоть кормят!» Никто не вспоминал о нас. Должно быть, мы давно были списаны с тюремного учета по статье естественной убыли.

Спасла нас и, соответственно, погубила тюремщиков их непомерная жадность, да еще нахальство Головастика. Постепенно расширяя сферу своих гастролей, они в один прекрасный день оказались в непосредственной близости от Ставки, где и были услышаны кем-то из Друзей, инкогнито находившихся среди толпы на площади. Само по себе публичное исполнение песен на Вершени хоть и не поощрялось, но и не преследовалось. Но похабнейшие частушки, исполненные Головастиком с вдохновением и задором (причиной чего была крайняя степень подпития), заслуживали самой строгой кары.

За певцом и его спутниками тут же было установлено наблюдение. Очень скоро выяснилось, кто они такие. Ночью в Ставке состоялось экстренное совещание, на котором высшие иерархи Стражей Площади были обвинены в заговоре, преступном умысле, надругательстве над всеми существующими святынями, расхищении казенного имущества и жабоедстве. Приговор был справедлив, строг и, согласно обычаю, приведен в исполнение немедленно. Затем, не дожидаясь рассвета, объединенные силы армии, Стражей Хоромов и гвардии окружили все районы столицы, где могли находиться сторонники казненных.

Сытая и спокойная жизнь располагает к глубокому сну, поэтому нет ничего удивительного в том, что мы не сразу прореагировали на грохот рушащегося частокола и вопли избиваемых стражников. Схватка еще не завершилась, а заключенных уже вытаскивали из ям и представляли на опознание. Все соглядатаи, бывшие накануне на площади, дружно указали на Головастика. Дабы окончательно в этом убедиться, ему было предложено спеть что-либо на собственное усмотрение. Не успевший протрезветь, ошалевший от всего происходящего вокруг, Головастик послушно затянул первую пришедшую на ум песню из свадебного репертуара. Группа весьма влиятельных на вид особ внимательно слушала его. Впрочем, старался Головастик зря. Вместо аплодисментов он заработал целый град зуботычин. Нам, как друзьям и пособникам, тоже слегка перепало. Экзекуция прекратилась так же внезапно, как и началась.

— Яган! — удивленно воскликнул один из наших мучителей, отнимая кулак от скулы бывшего Друга.— А мы-то думали, ты умер давно!

— Жив, как видишь.

— Говорят, ты меня недавно искал?

— Искал, да вот эти мерзавцы помешали.— Он махнул рукой в ту сторону, где из трупов стражников воздвигался аккуратный штабель.

— И ты действительно имеешь какие-то важные сведения?

— Сверхважные!

— Скажи пожалуйста! А как насчет твоих прежних преступлений?

— Полностью оправдан.— Яган повернулся спиной к своему вельможному собеседнику.

— Ладно, пойдешь со мной.

— Рагнор, этого человека надо обязательно захватить с собой.— Яган схватил меня за руку.

— Ты в этом уверен?— Человек, которого назвали Рагнором, брезгливо глянул на меня.

— Абсолютно!

— Хорошо, захватим и его.

— Без Головастика я и шага не сделаю,— заявил я.

— Относительно этого хулителя можешь не беспокоиться. Кого-кого, а его-то мы не забудем. Посмотрим, как он запоет, когда в пасть горячей смолы нальем.

Вот так из застенков Стражей Площади мы угодили в застенки Стражей Хоромов. Впрочем, именно туда мы с самого начала и стремились.

Сразу же за воротами Ставки нас разлучили. Однако в одиночестве я пребывал недолго — до сумерек. Меня не забыли покор-

мить обедом, но предупредили, что ужин будет поздно, намного позднее, чем обычно.

Значит, намечается попойка, понял я. Уж такой на Вершени обычай: чем богаче и разнузданней пир, тем позже он начинается.

Комната, в которую меня привели с повязкой на глазах, могла считаться просторной даже на Земле. Не комната, а целые палаты. Центр был застлан толстыми рогожами, на которых лежали груды фруктов, стопки лепешек, мед в лубяных коробах и печеные личинки термитов. Хватало и браги — от одного ее запаха у меня закружилась голова. Вот только света было маловато. Всего один факел чадил на стене, и меня посадили как раз под ним. Своих сотрапезников я не мог различить в полумраке, да и располагались они странно — подальше друг от друга, поближе к темным углам. Нет, на Тайную Вечерю это сборище не походило. Не единомышленники здесь собрались, а соперники и недруги, волею неизвестных мне обстоятельств принужденные этой ночью оставить распри.

Ужин начался в гробовом молчании. Какой-то косматый человечишко, ступая неверно, враскорячку, обносил гостей брагой. Одни пили прямо из бадьи, другие пользовались собственными стеклянными бокалами — величайшей ценностью на Вершени, трофеями войны с болотниками. На закуску никто не набрасывался — верно, не жрать сюда собрались.

Прислужник, держа на вытянутых руках бадью, вступил в окружавшее меня освещенное пространство, и я невольно вздрогнул: его ушные раковины были срезаны напрочь, а сморщенные воспаленные веки прикрывали пустые глазницы. Машинально приняв бадью, я только сунул в нее нос, даже губ не омочил. Прислужник, хромая на левую ногу и подтягивая правую, двинулся дальше, а я, подняв взор, убедился, что поступок мой, хоть и не прокомментирован, но не оставлен без внимания. Я чувствовал, что все присутствующие таращатся на меня, как на диковинное животное. Сидевший напротив меня старец (борода его напоминала веник не только размерами и формой, но и степенью замусоренности); так тот вообще буквально ел меня глазами.

Ну и глядите, черт с вами, подумал я, пододвигая к себе деревянный поднос со сладкими корнями. Наемся от пуза, раз уж такая удача выпала. Неизвестно еще, что меня завтра ждет.

Без стеснения выбирая куски поаппетитней, я случайно наткнулся на странный предмет, с большим тщанием вырезанный из дерева. Формой он несколько напоминал большую трехзубую вилку, но по прямому назначению мог быть использован с таким же успехом, как серп и молот знаменитого монумента. Это был муляж, сделанный по памяти или по описаниям, причем сделанный человеком, никогда в жизни настоящей вилкой не пользовавшимся.

Цель, с которой этот уродливый трезубец подсунули мне, была достаточно прозрачной, и я решил подыграть своим визави. Уж если устроили смотрины, то получите все удовольствия сполна. Очередной кусок дыни я поднес ко рту уже при помощи этой самой вилки.

Что-то похожее на глубокий вздох пронеслось по залу. Где-то в углу зашептались. Мне даже показалось, что я различаю голос Ягана. Старик пододвинулся еще ближе ко мне.

В это время было подано главное блюдо — жареные, вернее, слегка подпаленные на огне жабы. Появление запретного кушания, должно было, видимо, означать особо интимный, доверительный характер встречи.

Одну из жаб сразу же пододвинули ко мне. В зале установилась напряженная тишина, которая бывает только в судах при оглашении приговора, да в казино, за секунду до остановки рулетки. Какого поступка ждали от меня? Съем — не съем? Да или нет? Чет — нечет? Тимофей я — или наглый самозванец.

Нет, есть это нельзя даже под страхом смерти, подумал я, с отвращением глядя на зеленый, обгоревший трупик, из лопнувшего брюха которого торчали бледные, испачканные золой кишки. Отрицательно помотав головой, я снова нацепил на вилку кусок дыни. Впрочем, даже она не лезла сейчас мне в горло.

Общество вновь дружно вздохнуло — на этот раз тяжко, сглатывая слюну. Все страстно вожделели жабьей плоти, но не смели прикоснуться к ней без особого сигнала, а его как раз и не последовало. Руки, уже протянувшиеся к деликатесу, отдернулись, какой-то шустряк, успевший ухватить заднюю ножку, поспешно швырнул ее обратно.

Словно желая загладить неловкость, старик широко улыбнулся и, ткнув корявым пальцем в угощение, старательно выговорил: «Ж-жаба!» Сказано это было на Настоящем Языке (народ Вершени привык выражаться куда как более витиевато: «Жирная красавица, поющая о любви на исходе дня»), сказано скорее вопросительно, чем утвердительно. Меня явно приглашали принять участие в неком подобии лингвистического диспута.

— Жаба,— подтвердил я.

— А это?— старик тронул трехзубого уродца.

— Вилка.

— Это, это, это?— он коснулся своего лица.

— Ухо, рот, нос.

Пока речь шла о частях тела и других элементарных понятиях, я отвечал бодро и без запинки. Трудности начались, когда мы взялись за вещи, не имевшие аналогов в покинутом мной мире. Ну как, скажите, назвать сочный, хотя и несколько безвкусный плод, похожий одновременно и на банан, и на баклажан, и на грушу? А каким

именем наречь кушанье, приготовленное из диких пчел, цветочных лепестков и змеиной крови?

Еда и питье были забыты. Все присутствующие с напряжением следили за словесным поединком. Только какой-то толстяк, сидевший по левую руку от меня, пьяно икал и клевал носом. Вскоре, однако, словарный запас моего оппонента поисчерпался. Пытаясь поддержать свое реноме, он обратился к предметам, о которых сам не имел ни малейшего понятия. Со стороны все это должно было выглядеть довольно смешно — как будто бы кукушка экзаменует соловья по пению.

— Ну все! — резко оборвал старика кто-то невидимый, скрывавшийся в самом дальнем углу.— Достаточно, братец Вукан. Ты единственный на Вершени, кто еще помнит Тимофея. Что ты можешь сказать об этом человеке? Кто он — сумасшедший, самозванец, лжепророк, шпион или действительно наследник Тимофея? Прежде чем сказать, подумай. Не спеши. Мы знаем, что ты хитер и ловок. Ты пережил многих Друзей. Всю жизнь притворялся дурачком, потому и уцелел. Твой язык проворнее твоих мыслей. Ты всегда говорил только то, что следовало говорить. Ты забыл, что такое правда. Сунь тебе сейчас под нос кусок дерьма, и ты объявишь, что это благоуханная смола. Но нынче тебе придется быть искренним до конца. Уж очень велика ставка в игре, которая начинается этой ночью. Так велика, что твоя жизнь в сравнении с ней — ничто. Если ты правильно понял меня, если еще не скучаешь по Прорве, если дороги тебе твои близкие, говори только правду.

— Как тебе угодно, братец Гердан.— На мгновение какое-то сильное чувство, не то страх, не то ненависть, исказили лицо старика, но он тут же овладел собой.— Конечно, здесь не принято называть имен, но кто же не узнает твой могучий гордый голос. Другие при разговоре зажимают нос или катают во рту сливовую косточку, но ты не такой! Действительно, чего бояться тебе, могущественному Другу! Если ты настаиваешь, я скажу правду, какой бы горькой она ни была...

— Не тебе судить о правде и лжи,— снова прервал его человек по имени Гердан.— Говори, не виляй!

— Человек этот не похож на Тимофея. Тот не имел волос на голове, а у этого шевелюра пышностью не уступает твоей. Он намного выше Тимофея, зато куда уже его. Тимофей действительно терпеть не мог жаб, но очень любил брагу, к которой наш гость даже не притронулся...

— У тебя все?— раздался из темноты властный голос.

— Нет, не все.— Вукан обеими руками разгладил свою бороду.— Он правильно пользовался вилкой, однако это еще ничего не значит. О назначении этого предмета знают не так уж мало людей. Ему известен Настоящий Язык, но говорит он совсем не так, как

Тимофей. Вы спросите, где он мог научиться Настоящему Языку? Но и тут нет загадки... Не все мятежные Друзья погибли тогда...

— Помалкивай о том, что тебя не касается! — оборвал его Гердан.

— Прости старика, оговорился... Так вот, вполне возможно, что один из уцелевших Друзей сумел передать свои знания этому человеку. Он знает много слов, но большинство из них не верны. Вместо «башка» он сказал «голова». Вместо «морда»—«лицо». Эти слова похожи на слова Настоящего Языка, но от Тимофея я их *никогда не слышал.*

— Подождите! — чувствуя, что меня вот-вот признают шпионом или самозванцем, вмешался я.— У нас одна и та же вещь может называться разными именами. «Морда» и «лицо»— это почти одно и то же. Добавьте сюда: физиономия, рыло, моська, харя, мурло, ряжка!

— Действительно,— старик задумался.— Когда я иногда приходил к Тимофею не вовремя, он говорил: «Убери свою харю!»

— Дождемся мы ответа на свой вопрос или нет? — терпение Гердана, судя по всему, иссякало.— Человек этот может иметь какое-либо отношение к Тимофею?

— Я уже сказал. Он мало похож на Тимофея. Но все же он похож на Тимофея куда больше, чем любой житель Вершени. Он говорит по-другому, чем Тимофей, но куда лучше, чем любой знаток Настоящего Языка. Больше мне добавить нечего.

— Хорошо, братец. Мы узнали немало важного. Можешь идти. Там, куда тебя отведут, много браги и хорошей еды. Постарайся напиться так, чтобы забыть все, что здесь было сказано. Забудешь — и проживешь еще очень долго.

— От всего сердца благодарю,— сказал старик, вставая.— Тешу себя надеждой, что когда-нибудь смогу отплатить за все добро, сделанное тобой для меня.

— А что скажете вы, братцы?— обратился Гердан к присутствующим, когда Вукан удалился.— В особенности ты, Кварт. Не стоит прикидываться пьяным. Нас ты не обманешь.

— Разве?— вскинул голову толстяк, еще секунду назад казавшийся бесчувственным бревном.— С чего это ты здесь распоряжаешься? Коль я захочу высказаться, то выскажусь и без твоего приглашения!

— Как хочешь...— Гердан покинул, наконец, свой угол и вышел к свету.— Повод, по которому мы сегодня собрались, не совсем обычный. И совсем небезопасный. Речи, говоренные здесь, если и не преступны, то, во всяком случае, сомнительны. Каждый из нас рискует жизнью, даже я, Близкий Друг...

— Пока еще Близкий Друг...— словно про себя пробормотал толстяк.

— Правильно. В самое ближайшее время меня ожидает опала. Но я мог бы легко вернуть себе доверие, если бы донес куда следует о нашей встрече...

— Не донесешь,— ухмыльнулся толстяк.— Сам же знаешь, что не донесешь. Не успеешь.

— Дело не в этом. Все мы пришли сюда добровольно. Одних не устраивает чин, других тяготит служба, третьи, как и я, опасаются опалы. Этот человек — наш последний шанс. Никогда еще на Вершени не появлялся более достойный претендент на место Тимофея. Его права признали и Фениксы, и Незримые. Так, братец Яган?

— Так,— подтвердил Яган, мой ангел-хранитель и мой дьявол-искуситель в одном лице. Оказывается, он все это время присутствовал здесь.

— Не исключено, что он действительно потомок Тимофея. В этом мы очень скоро убедимся.

— Значит, вы все согласны помочь нам?— спросил Яган.

— Нет. Не в наших правилах примыкать к слабой стороне. Но мы обещаем, что не станем вам мешать. Как только успех придет к тебе и твоему приятелю, мы незамедлительно начнем действовать на ваше благо.

Едва Гердан произнес эти слова, как гости словно по команде дружно встали и устремились к выходам, которых в этой комнате было более чем достаточно. Когда мы остались втроем, Гердан протянул Ягану железный нож.

— Теперь моя жизнь в твоих руках. Будь осторожен, братец. Если он,— это относилось, конечно же, ко мне,— станет опасен, убей его незамедлительно. Иначе убьют тебя. С этого момента за вами будут внимательно следить днем и ночью. Я ухожу. Вам придется еще немного задержаться здесь. Ешьте и пейте в свое удовольствие. Уйдете, когда сочтете нужным. Никто не станет вам препятствовать.

— Давай выпьем и успокоимся,— предложил Яган.— Завтра с утра мы будем допущены на Большой Сбор. Там ты увидишь всех людей, причастных к власти. Всех тех, кого потом тебе придется уничтожить или возвысить. Ты увидишь, правда, издали, Письмена. Может быть, завтра даже выставят на обозрение оставшиеся от Тимофея реликвии. Смотри и запоминай. Помни об осторожности, но не упускай удачу. Если вдруг предоставится случай, постарайся использовать его. Среди служивых и чиновников уже ходят слухи о возвращении Тимофея. Народ взбудоражен. У нас немало сторонников.

— А где ты будешь в это время?

— Рядом.

— Рядом или за спиной?

— Рядом. Справа от тебя, как и полагается Лучшему Другу. А про это забудь.— Он всадил лезвие ножа в щель между двумя бревнами и переломил его пополам.

Искренне он это сделал или опять притворяется? Впрочем, такой жест еще ничего не значит. Человека можно запросто зарезать и половинкой ножа. Было бы желание.

Как я позже узнал, Большой Сбор раньше назывался Планеркой. Но слово это, на местном языке почти непроизносимое, впоследствии было заменено простым и удобным термином. На Большой Сбор обязаны являться все лица, имеющие хоть какое-то отношение к Ставке, начиная от десятников, охранявших ворота, и кончая самыми влиятельными Друзьями. Здесь решаются любые вопросы как государственного, так и частного порядка, назначаются и смещаются чиновники, творится суд и расправа, оглашаются новые и подтверждаются старые указы, объявляются войны и заключаются перемирия, делится добыча и устраиваются парады. Тот, кто желает хоть чего-то добиться в этой жизни, обязан регулярно посещать Большой Сбор. Пропустил его пару раз — и можешь поставить на своей судьбе крест. Допущенные на Большой Сбор допущены к власти, вернее, к возможности домогаться этой власти.

Поливаемые прямо-таки шквальным дождем — наверное, последним в этом году — мы спешили на звуки дудок и маракас, возвещавших о начале церемонии. Помня мрачное напутствие Гердана, я все время озирался по сторонам, но так и не смог определить, кто именно из великого множества людей, идущих в сторону площади, приставлен следить за нами.

Как это нередко случается на Вершени, ливень, только что хлеставший город тысячами стеклянных бичей, мгновенно иссяк, и в тусклом небе вспыхнула асимметричная, незамкнутая в верхней части радуга — словно два громадных, багрово мерцающих рога возникли из бездны. Тревожный кровавый отсвет лег на лужи, на мокрые крыши домишек, на кособокие стены Ставки.

Озноб пробрал меня, как будто откуда-то вдруг дохнуло ледяным холодом. Казалось, я уже все это видел однажды: и эту огромную, заполненную недобро молчащим народом площадь, и этот мрачный, ирреальный свет, и это несуразное сооружение, как будто рожденное фантазией безумца — не то эшафорт, не то трибуна.

— Это Престол,— объяснил Яган. Зажатые толпой, мы уже не могли продвигаться вперед.— Когда-то на нем стоял Тимофей.

— Что — на этом самом?— удивился я.

— Нет, на другом, конечно, но похожем. Не станешь же каж-

дый раз таскать этакую кучу бревен с ветвяка на ветвяк. Чтобы он олицетворял волю и слово Тимофея, достаточно реликвий, оставленных им на Вершени.

— А что это за люди, стоящие слева от Престола? Гвардия?

— Нет, Гвардия выйдет вместе с Друзьями. Это указы... Что тут странного?

— Так это люди или это указы?

— Это люди, которые наизусть знают указы. Каждый помнит только один-единственный указ и при необходимости объявляет его. А как же иначе блюсти закон?

— Ты ведь говорил, что закон — это Письмена.

— Верно. Но Письмена будут существовать вечно. В них ничего нельзя изменить. А указы объявляются и изменяются каждый день.

— Если указ это одновременно и человек, что с таким человеком случается, когда указ отменят?

— Отменяют указ, значит, и человека отменяют.

— Убивают?— уточнил я.

— Нет, зачем же. Просто перестают кормить. А сам себе он еду добыть не может. У всех указов пальцы на руках раздроблены. Ничего тяжелее плошки с кашей они поднять не могут.

— А если указ вдруг умрет?

— У каждого из них не менее трех учеников, которые никогда не бывают в одних и тех же местах одновременно. Все предусмотрено.

В это время дудки на мгновение замолкли, затем коротко, истошно завыли. Послышался характерный свист боевых бичей, и толпа на площади раздалась. По крутой высокой лестнице на Престол стали цепочкой подниматься люди, чьи портки, куда более длинные, чем у обыкновенных смертных, были сплошь обвешаны жестяными, деревянными и стеклянными наградами. По мере того, как, взойдя на самый верх Престола, они выстраивались у его дальнего края, Яган комментировал:

— Добрый Друг, Близкий Друг, Ближайший Друг, Душевный Друг, Закадычный Друг, Лучший Друг...

— Все, что ли?

— Да нет. Есть еще с полсотни просто Друзей. Но они обычно не поднимаются на Престол. Их место ниже, у его подножия.

Вновь взвыла одинокая дудка — звук был настолько высок, что у меня заломило в висках. Еще трое людей поднялись на Престол и установили что-то похожее на пюпитр и положили на него довольно объемистый сверток.

— Письмена вынесли! — Яган заметно волновался. Все происходящее явно бередило его душу. Это был уже не колодник, гнивший вместе со мной в проклятом рву, и не узник подземной тюрьмы, втихомолку пожиравший мокриц. Сейчас это был совсем дру-

гой человек, и место его было на самой вершине Престола, никак не иначе.

А ведь он добьется своего, вдруг подумал я, глядя на искаженное вожделением и ненавистью лицо Ягана. Непременно добьется,— а значит, и мне стоять на этой шаткой, наспех и неумело сляпанной пирамиде.

Если сейчас последует какое-нибудь знамение, быть мне владыкой Вершени, с отчаянной решимостью загадал я.

Толпа, до этого молчавшая, взорвалась торжествующим воплем, заглушившим даже варварскую какофонию дудок. Четверо из Друзей спустились вниз и с видимым напряжением поволокли на Престол внушительных размеров короб, обтянутый коричневой кожей.

— Реликвии! — вскрикнул Яган.— Реликвии Тимофея! Такое не каждый день увидишь!

На узкой, лишенной перил лестнице тем временем произошла непредвиденная заминка. Один из Друзей, поддерживавший короб сзади, оступился. Его напарник предпринял отчаянную попытку в одиночку удержать груз, но ему не за что было уцепиться, кроме воздуха. Гвардейцы, построенные в каре вокруг Престола, хладнокровно наблюдали за всем происходящим, точно так же, как и стоящие внутри этого каре второстепенные Друзья. Короб скользнул по лестнице вниз, и спустя секунду до нашего слуха донесся глухой удар. Толпа ахнула.

— Растяпы! — злорадно сказал Яган.— На кол надо сажать за такие дела!

У подножия Престола происходила какая-то суета. Главные Друзья, сбившись в кучу, совещались. По толпе волнами распространялись противоречивые слухи: «Лестница была подпилена злоумышленниками!»—«Да нет, просто Друзья оказались пьяными!»—«Плохая примета, такой случай был накануне Великого Мора!»

Лучший Друг, отличавшийся от своих соратников только чрезвычайной худобою, подошел к краю Престола и объявил:

— Ничего страшного не случилось, братцы. Реликвии не пострадали. Добрый Друг, да будет с ним благосклонность Тимофея, подставил под них свое собственное тело. Прорву он предпочел бесчестью.

— Одним меньше! — сквозь зубы процедил Яган.

— Однако все мы считаем, что столь зловещее событие не может быть простой случайностью,— продолжал вещать с Престола Лучший Друг.— Здесь чувствуются чьи-то злые козни. В ряды добрых друзей и верных слуг Тимофея затесался лютый враг. Уверен, он присутствует здесь. Уверен также, что Письмена без труда изобличат его. Заодно и проверим, кто из нас чего стоит. Отделим достойных от недостойных, преданных от предателей, зерна от шелухи, правду от лжи.

— Что-то не нравится мне все это,— сказал Яган.— Здесь попахивает ловушкой. Давай лучше уйдем.

Он двинул плечом влево, вправо, напрягся изо всех сил, но никто из окружавших нас людей не стронулся ни на миллиметр. Более того, казалось, они даже не заметили попыток Ягана вырваться из толпы. Мы были прочно замкнуты в живое кольцо. На Престоле между тем началась мрачная мистерия, похожая одновременно и на средневековый «божий суд», и на воровскую «правилку». Служивых и чиновников, вне зависимости от их рангов, по одному вызывали на Престол и ставили перед пюпитром. Затем Лучший Друг ласковым и прочувственным голосом начинал задавать простые и ясные вопросы. Иногда в этом ему помогали и другие Друзья. Вот как это выглядело:

— Тебя, кажется, зовут Верк?— спрашивал Лучший Друг.— Ты старший над гонцами?

— Неужели это неизвестно тебе, угодный Тимофею?— отвечал допрашиваемый.— Не ранее, как вчера, ты соизволил распить со мной бадью браги.

— Много чего изменилось со вчерашнего дня, братец Верк,— скорбно изрекал Лучший Друг.— Доволен ли ты своей службой?

— Доволен.

— Блюдешь ли ты верность законам? Чтишь ли Письмена? Исполняешь ли указы?

— Блюду. Чту. Исполняю. А как же еще?.

— Вот и проверим. Раскрой Письмена там, где тебе подсказывает судьба.

— Раскрыл.— Старший над гонцами Верк полистал что-то разложенное на пюпитре (очевидно, те самые знаменитые Письмена).

— Бросай Дырявое Железо. Когда-то его держал в руках сам Тимофей.

— Хвала ему! — Верк принял из рук Лучшего Друга и осторожно бросил на пюпитр какой-то мелкий предмет, не то монету, не то пуговицу.

Затем оба они склонились над Письменами.

— Ты выбрал слово УКСУС. Тут следует понимать нечто едкое, опасное для здоровья, особенно в больших дозах, Ты, конечно, еще не злоумышленник, но со временем можешь принести вред. В сердце твоем кроется сомнение. Изведи его и можешь приходить сюда снова. Пока же послужи простым гонцом. Твой преемник будет объявлен позднее.

— Благодарю тебя, угодный Тимофею.

— И я благодарю тебя, братец... Позовите следующего!

Следующим оказался некто Лога, сотник Стражей Площади. Службой он был доволен, все, что положено, исполнял, чтил и со-

блюдал. В последних ошибках, совершенных его Стражей, полностью раскаивался, хотя никакого отношения к ним не имел. Слово, выпавшее ему в Письменах, было КИЛЬКА. Лучший Друг прокомментировал это следующим образом: «Ты, Лога, человек мелкий и заурядный, зато верный и бескорыстный. Пора воздать должное и таким людям, ведь их большинство на Вершени. Быть тебе отныне Главным Стражем Площади и Другом, Допущенным к Столу. Служи на совесть!»

Подобным образом решалась судьба каждого, кто поднимался на Престол: Повар назначался губернатором, губернатор — сборщиком нечистот, правда, не простым, а первостепенным. Лекаря отправляли в глашатаи, глашатая производили в тысяцкие и направляли в действующую армию. Место погибшего геройской смерсмертью Доброго Друга занял рядовой соглядатай, неизвестно чем приглянувшийся Лучшему Другу (выбранное им слово КОСТЬ было определено, как высшая степень преданности, деловитости и компетентности). Несколько человек было осуждено на смерть, но не за покушение на реликвии Тимофея, а за куда более мелкие проступки, якобы случайно всплывшие по ходу дела. Все это напоминало хорошо подготовленный, заранее отрепетированный спектакль.

Лишь однажды Лучший Друг оказался в затруднительном положении. Взобравшийся на Престол звероватого вида гигант оказался не Свиром, смотрителем крутопутья, а Троилом, знаменитым разбойником.

— Здоровья тебе и долголетия, угодный Тимофею! — рявкнул он.— Есть у меня намерение разграбить завтра этот вонючий город. Что скажут об этом Письмена?

— Открой их и сам выбери вещее слово,— не растерялся Лучший Друг.

— Это мы запросто. Давай свое железо. Только чтоб без обмана!

— ФРИТЮР! — объявил Лучший Друг, в очередной раз склонившись над Письменами.— Смысл этого слова скрыт от нашего понимания. Это нечто такое, чему еще не пришел черед. Выходит, и замысел твой преждевременный.

— Неужели ты собираешься отпустить этого невежду с миром? — возмутился тот из Друзей, который, по словам Ягана, командовал Гвардией.

— Почему бы и нет, если так определено в Письменах. Но если ты настаиваешь, я гляну еще разок.— Лучший Друг, как дятел, ткнулся носом в пюпитр.— После слова ФРИТЮР здесь стоит запятая. А запятая — это знак ограничения, усеченья. Раз так, значит, ты можешь укоротить нашего гостя Троила с любого конца, хоть сверху, хоть снизу.

— Слышишь, разбойник?— Друг-гвардеец шагнул вперед.

— Слышу, кровопийца,— тяжко вздохнул Троил.— Велика премудрость Слова.

— Тогда топай к плахе.

— Придется, пожалуй.

Уже давно перевалило за полдень, но никто не покидал площадь, кроме осужденных на казнь да свежеиспеченных губернаторов, немедленно выбывавших к новому месту службы. Тысячи человек прошли проверку на лояльность, возвысились или получили отставку, а преступники все еще не были обнаружены. Голод и жажда мучили меня, нестерпимо ныли ноги, разламывалась голова. То, что происходило на Престоле, совершенно перестало занимать меня. Неожиданно мое внимание привлекло знакомое имя, произнесенное громко и не без издевки:

— Яган, Бывший Друг, клейменный преступник и беглый колодник. Здесь ли ты? Не хочешь ли поведать нам о своих злоключениях? Поднимись сюда, сделай одолжение.

— Нас выдали! — с трудом выговорил Яган. Голос его неузнаваемо изменился, как будто кляп мешал внятной речи.— Ну что ж, я не буду виноват в том, что сейчас случится...

— Иди, тебя зовут! — зловеще сказал один из окружавших нас молодцов. Все они сейчас в упор глядели на нас.— А ты,— на плечо мне легла тяжелая лапа,— подожди.

Как ни велика была скученность людей на площади, но Ягана к Престолу пропустили беспрепятственно. Единым духом одолев лестницу, он встал у пюпитра с Письменами, спиной к Друзьям, лицом к народу. Всяким мне доводилось видеть его: перепуганным, отчаявшимся, лгущим, юродствующим — но таким, как сейчас — никогда! Злое вдохновение совершенно изменило его лицо. Он выглядел библейским пророком, попавшим в общество тупоумных пастухов.

— Вот он я! — крикнул Яган на всю площадь.— Смотрите, люди! Многие еще помнят, как меня, подло оклеветав, изгнали из столицы! Вы,— его указующий перст нацелился в кучу Друзей,— надеялись, что я сгнию в колодках! Но мне суждено было уцелеть! Я познал каторгу, плен болотников и мрак лабиринта! Я сражался с кротодавами и шестирукими! Фениксы и Незримые не посмели причинить мне вред! Судьба хранила меня! Ибо я шел к вам с благой вестью!

— Какой же, скажи на милость?— деланно удивился Лучший Друг. Рядом с Яганом он выглядел форменным недомерком.

— Я вернул на Вершень Тимофея!

Толпа, до этого настроенная довольно скептически, онемела на секунду, а потом разразилась криками — протестующими, восторженными, издевательскими, ликующими, недоумевающими.

Вскинув над головой руки, Лучший Друг потребовал тишины.

— И ты уверен, что это именно Тимофей? — елейным голосом спросил он.

— Да! — отрезал Яган.

— А тебе известно, что будет, если он окажется самозванцем?

— Известно!

— Но ведь казнят не только самозванца, но и всех его приспешников.

— Я не боюсь! Он истинный Тимофей. Его признали вожди болотников, Фениксы, Незримые. Многие из тех, кто находится на этой площади, уже беседовали с ним. Не пройдет и дня, как он воцарится на Вершени. И тогда все хулившие его жестоко поплатятся.

Захваченный происходившей на Престоле сценой, я совершенно забыл о собственной безопасности. К действительности меня вернул резкий толчок. Один из типов, только что с ненавистью дышавший мне в затылок, рухнул с проломленным черепом. Его рука, сжимавшая нож, все еще тянулась ко мне. Человеческое кольцо, окружавшее меня, распалось. Никто из наших недоброжелателей не ушел живым, да в такой тесноте это было бы невозможно. Их вопли и предсмертный хрип растворились в новом взрыве приветствий и проклятий.

— Где же он, твой Тимофей?— с притворной лаской спросил Лучший Друг.— Мы так давно ожидаем его. Пусть явит нам свой светлый лик.

— Иду! — крикнул я изо всех сил.— Иду!

Лучший Друг дернулся, как от удара, и, обернувшись на мой голос, стал шарить взглядом по толпе. Он явно не ожидал такого поворота событий. Какая-то ошибка вкралась в его расчеты.

— Не сметь! — взвизнул он.— Не сметь подпускать к Престолу самозванца!

— Не тебе судить, самозванец он или нет! — возразил Яган.— Любой человек имеет право на испытание.

— Он осквернит Реликвии! Он испоганит Письмена! Он не достоин коснуться даже того места, где стоял Тимофей!

— Нам следует поступить по закону,— сказал один из Друзей, и по голосу я узнал Гердана.— Заветы Тимофея требуют, чтобы испытанию был подвергнут каждый желающий, пусть даже он выглядит сумасшедшим. Не так ли, братцы?

Никто из братцев, топтавшихся на Престоле, открыто не выразил согласия с Герданом, но никто и не возразил ему.

Я был уже совсем рядом с лестницей. Дурманящий, ослепительный восторг, знакомый всем тем, кто под барабанную дробь шел в сомкнутом строю на неприятельские редуты, кому случалось рисковать жизнью на войне или охоте, кто пил вино среди чумного

города, гнал меня сквозь бушующую толпу. Тело мое словно утратило болевую чувствительность — я не ощущал ни щипков, ни ударов. Многое из происшедшего в те минуты начисто стерлось из памяти, но я помню руки, протянутые ко мне со всех сторон, помню перекошенные лица, оскаленные рты, выпученные глаза, помню гвардейцев, застывших, как статуи, у подножия Престола (ни единый мускул на лицах, ни единый взгляд не выдал их отношения к происходящему), помню шершавые, грубо обтесанные лестничные ступеньки, по которым я взбирался на четвереньках, помню Друзей, которых впервые увидел так близко — сначала их ноги, потом животы, потом растерянные рожи. Лучший Друг предпринял попытку сбросить меня вниз, но Яган встал между нами.

Замешательство готово было перейти в свалку, и еще неизвестно, кому это могло бы пойти на пользу. Надо отдать должное Лучшему Другу. Он опомнился первым. Сокрушительный удар, которым должен был завершиться бой, пришелся в пустоту, и он сразу ушел в глухую защиту, намереваясь измотать нас финтами и ложными выпадами.

— Кто ты, братец?— как ни в чем не бывало спросил он.— И что привело тебя сюда?

— Я человек из рода Тимофея. А пришел я сюда, чтобы занять его место.— Едва эти слова были произнесены, как сотни глоток подхватили их и разнесли в разные концы площади.

— Ты хочешь сказать, что тебя прислал Тимофей?— в вопросе Лучшего Друга был какой-то подвох. Он явно знал нечто такое, чего не знали другие. И я решил не кривить душой.

— Нет. Я даже никогда не видел его. Но он был уверен, что я должен прийти. И его надежды сбылись.

Наши глаза встретились, и я невольно содрогнулся. В этом тщедушном теле жила могучая, но увечная душа, все помыслы и устремления которой были сконцентрированы только на себе самой. Мир существовал для него только в том смысле, что он сам существовал в этом мире. Он единственный был наделен свободой воли, лишь он один мог испытывать боль, голод, страх и радость. Все остальные люди вокруг были ни чем иным, как иллюзией. Они мешали ему, суетились где-то под ногами, путали планы, отвлекали от вечных истин. Их можно было без труда извести, уничтожить, а можно было оставить в том виде, как они есть. Нетрудно представить, что ощутил этот чистой воды эгоцентрик, когда события внезапно перестали подчиняться его воле и неодушевленный манекен, марионетка, лишь по нелепой случайности схожая обликом с человеком, вдруг встала вровень с ним.

И тем не менее он сумел овладеть собой, здраво оценил обстановку, изменил тактику. Он не стал экзаменовать меня в знании Настоящего Языка — был, видимо, уже наслышан о моих способ-

ностях. Не рискнул он также прибегнуть к гаданию на Письменах — любая осечка тут могла погубить его. Поэтому Лучший Друг решил сразу использовать свой главный шанс — Испытание.

Никто еще не сумел пройти его, и я не должен был стать исключением. Дьявольская проницательность подсказывала ему — нельзя решить задачу, условия которой неизвестны. Что же такое необыкновенное должен был совершить преемник Тимофея, дабы все сразу уверовали в его подлинность? Все! Сразу! И без колебаний!

— Итак, приступим! — сказал Лучший Друг голосом сухим и деловитым.— Смотрите, Друзья! Смотрите, Судьи! Смотрите, Знающие Письмена! Смотри, народ! Испытание начинается!

С предельной осторожностью короб был подан наверх и после пышных, мало понятных для меня церемоний — вскрыт. Но еще раньше короба на Престоле появился палач и его ассистенты с полным набором допросных орудий. Гердан, занявший стратегически важную позицию в центре Престола, присматривал одновременно и за мной, и за Лучшим Другом — ждал, чья возьмет. Не хочу винить его в двурушничестве, такие уж тут бытовали нравы. Он и так сделал для меня более чем достаточно — и от наемных убийц спас, и доброе слово замолвил, когда все висело на волоске.

— Иди! Иди же! Подойди к реликвиям! — крикнул мне Яган.

Несколько дюжих приспешников палача тут же оттерли его в сторону.

Я приблизился к коробу. На его дне лежала засаленная телогрейка, давно утратившая свой первоначальный цвет. Нечто подобное я и ожидал. Обувка здесь долго не выдержит, штаны и исподнее давным-давно превратились в лохмотья, сохраниться могли только пальто или бушлат, редко надеваемые по причине мягкого климата Вершени.

— Испытание началось! — звенящим голосом напомнил мне Лучший Друг.— Действуй. Мы ждем.

Я взял телогрейку в руки и встряхнул ее. В нос ударил затхлый, тлетворный запах, столбом взметнулась пыль. Что делать дальше? Элементарная логика подсказывает, что я должен надеть телогрейку на себя. Но неужели никто раньше не додумался до этого? Вряд ли — руки сами тянутся в рукава. Тут и дурак догадается. В чем же загадка? Я еще раз внимательно осмотрел телогрейку. Два кармана, в левом дырка. В подкладке нет ничего, кроме крошек. Никаких штампов, никаких подписей. Если что-то и было, то давным-давно стерлось. От вешалки и следа не осталось. Пять пуговиц, пять петель для них, нижняя пуговица висит на ниточке. Все.

— Не надейся, что Испытание может продолжаться до бесконечности,— сказал Лучший Друг. Скрытое торжество ощущалось в его голосе.— Время твое истекает.

Все во мне словно выгорело — и злой восторг, и жажда борьбы,

и жертвенное вдохновение. Я ощущал себя маленьким, опустошенным, постаревшим на много-много лет. Ничего не хотелось мне, даже жить. Уж скорей бы наступил конец этого жуткого спектакля.

Действуя совершенно машинально, я натянул телогрейку. Полы ее едва прикрывали мой пуп, зато в плечах оставался приличный запас. Пятьдесят четвертый размер, второй рост, подумал я. И еще я подумал: неужели эта дурацкая мысль будет последней мыслью в моей жизни?

Тысячи глаз напряженно следили за мной. Толпа ждала. Ждали Друзья, ждал палач. Тишина установилась такая, что было слышно, как на досках помоста слабо трепыхается сбитый кем-то мотылек.

Каждую секунду ожидая сзади удар топора, я тяжело, со всхлипом вздохнул и опять же — совершенно машинально — застегнул телогрейку на все пуговицы.

И удар не заставил себя ждать. Воздух содрогнулся от ликующего вопля. Ветвяк затрясся от топота людей, бросившихся к Престолу.

— Тимофей! — возопил Яган.— Тимофей с нами!

— Тимофей! — еще громче заорал Лучший Друг.— Тимофей вернулся!

Ну и реакция у этого лицемера, подумал я, одергивая полы телогрейки. Такой нигде не пропадет. Мысли по-прежнему едва ворочались в моей голове. Все тело покрывала испарина, коленки тряслись. Я спасся. Я победил. Но в душе не было ни радости, ни облегчения — одна пустота, как и прежде.

Господи, как все просто, как примитивно. Человек, никогда не носивший одежду, может при желании кое-как напялить ее на себя. Но уж пуговицы застегнуть — это выше его разумения. Такой акт для него сродни божественному откровению. Интересно, что бы здесь творилось, если мне пришлось бы еще и тесемочки на кальсонах завязать?

— Тимофей! Тимофей! Тимофей! — ревело все вокруг.

С трудом, как будто все мои члены одеревенели, я повернулся к Друзьям. Пора было отдать кое-какие распоряжения, а главное — прекратить этот шабаш.

Помост был залит чем-то красным, густым, остро и неприятно пахнущим. Я не сразу догадался, что это свежая кровь. От человека, по жилам которого она еще совсем недавно разносила жизнь, не осталось уже почти ничего. И все, кто в этот момент находился на Престоле: Яган, палач, прислужники палача, Гердан, Друзья, судьи — все старательно рвали, топтали, растирали по доскам кровавые ошметки. Предпринимать какие-либо меры спасения было уже поздно.

— Ты оскорблял Тимофея! Ты хотел извести его! Все беды из-

за тебя! Ты во всем виноват! — орали они, с собачьей преданностью оглядываясь на меня.

Вот так началось мое царствование на Вершени!

— Кровь, пролитая сегодня, будет последней невинной кровью,— сказал я, когда все посторонние, кроме Друзей, удалились.

С таким же успехом я мог проповедовать вегетарианство среди волков. Никто, похоже, не воспринял мои слова всерьез, только Яган огрызнулся:

— Это кто же невинный! Лучший Друг? Ты разве забыл, что он с тобой хотел сделать?

— Вину его должен был определить суд,— попытался я разъяснить им эту элементарную истину.— В строгом соответствии с законами.

— Для тебя же старались,— буркнул кто-то.— А ты про закон... Люди законы придумывают.

— Ладно, отложим этот разговор... Я устал. Соберемся вечером.

— Никаких указов не будет?— разочарованно спросил Яган.

— Будут. Указ первый — пусть мне принесут поесть. Указ второй — немедленно освободите Головастика. Указ третий — разыщите Шатуна. Я хочу его видеть.

— Надо бы назначить Лучшего Друга,— посоветовал Яган.— Кто-то ведь должен бдеть, пока ты спишь.

— Надо, надо! — загалдели остальные. Чувствовалось, что любой из них не прочь стать Лучшим Другом.

— Хорошо. Какие будут предложения?

— Какие тут могут быть предложения! — обиделся Яган.— Я же для тебя столько всего сделал!

— А я, по-вашему, в кустах сидел?— возмутился Гердан.— Если бы не мои люди, вас обоих давно прирезали бы. Мне быть Лучшим Другом.

— Нет, мне! — подал голос очередной претендент.— Ведь я Близкий Друг. По закону, в случае смерти Лучшего Друга я заменяю его.

— Утрись ты своими законами! Где ты был, когда мы заговор готовили!

— Я-то был там, где надо. А вот ты все время пьяный валялся.

— Зато я Лучшего Друга первым ударил! Значит, мне вместо него быть!

— Ударил ты его за то, что он твою жену увел!

— Врешь, гад!

— А в морду за гада не хочешь?

— Ну, дай, попробуй!

Еще минута — и началась бы общая потасовка. Припоминались старые обиды. Развернулись бурные дискуссии относительно умст-

венных способностей и мужских достоинств соперников. Кое у кого в руках уже блеснули ножи.

— Прекратим спор! — в голову мне вдруг пришла гениальная мысль.— Пусть все решат Письмена!

— Верно! Правильно! Так тому и быть! — загалдели все.— Чтоб без обиды!

— Но этим мы займемся позже, после того, как я отдохну. А сейчас оставьте меня наедине с реликвиями.

Ватник я сразу засунул в короб — с глаз подальше. Зато Письменами занялся всерьез. Как я и предполагал, это была книга — основательно затертая и замусоленная. Обложка и добрая половина страниц отсутствовали. Зато на титульном листе имелась выцветшая надпись чернилами: «Дорогому Тимофею Петровичу в день рождения от сотрудников столовой № 1».

Сама книга называлась довольно витиевато: «Сборник рецептур и кулинарных изделий для предприятий общественного питания». Еще я узнал, что издана она Госторгиздатом в 1955 году. Из краткой вступительной статьи я почерпнул сведения о том, что в своей практической работе повара должны руководствоваться исключительно данным справочником. Те же блюда, рецептур которых в сборнике нет, можно вводить в практику работы столовых и ресторанов только после одобрения кулинарными советами трестов столовых и ресторанов и утверждения руководителями вышестоящих организаций, заведующими городскими и областными отделами торговли.

Поля великой книги были сплошь исписаны корявым неровным почерком. С трудом разобрав первые строчки, я едва не подпрыгнул от радости. Через пропасть лет землянин по имени Тимофей передавал мне весточку.

«Если ты читаешь эти слова, значит, ты свой человек. Дикари написанное от руки не понимают.

Не знаю, как ты попал сюда, но, скорее всего, ты мой земляк. Дырка, через которую я сюда провалился, находится в Ребровском районе. Точное место указать не могу, поскольку дело случилось ночью, а я был слегка выпивши. Пару лет назад недалеко отсюда поймали курицу — зверя в этих краях невиданного. Я как глянул, сразу определил: наша, ребровская. Впоследствии, правда, она занемогла, и пришлось сварить из нее суп, согласно имеющейся рецептуры. Правда, без лапши и соли.

Книгу эту береги, она единственная память о нашем родном доме. В трудные минуты я читаю ее и нахожу ответы на все вопросы. Дикари чтят эту книгу, как нечто святое. Некоторых я учу по ней чтению.

До моего появления здесь был бардак и неразбериха. Можешь убедиться, какой я навел порядок. Хотя пришлось мне несладко. Особенно в первое время.

Чтобы тебе было проще управлять этим народом, запомни следующие правила.

Никогда ничего никому не давай. Твою доброту сочтут за слабость. Впрочем, в хорошем государстве и давать-то нечего. Поступи по-другому. Сначала отбери что-то. Древнюю привилегию, праздник, традицию. Потом верни. Прослывешь справедливым и добрым повелителем.

В одиночку управлять нельзя. Каждую щель не заткнешь. Передавай власть на местах особо доверенным людям. Этим можешь дать вдвое против обычного. Но не больше. Остальное они все равно украдут. Будь с ними строг, но справедлив. Они за тебя любому глотку перегрызут. Но к себе никого не приближай. Особенно людей способных. Если поднял кого-то, то вскоре и опусти. Но сделай это чужими руками. Чем выше птичка залетела, тем больше у нее врагов.

Наибольший вред государству доставляют умники, много о себе возомнившие. Это лишние рты, будь с ними беспощаден. Хотя бывают исключения. Одного-двух можно приблизить. Кто-то же должен рисовать гербы и придумывать для народа сказки.

У государства должен быть враг. Это один из залогов его существования. Враг может быть как внешний, так и внутренний. Внутренний даже еще лучше. Если нет врага — придумай. Наличие врага будет держать народ в повиновении и оправдает всякие чрезвычайные меры. На врага можно многое списать. К врагам могут быть причислены сверхъестественные силы и явления природы.

Ни один человек, в идеале, не должен оставаться без внимания государства. Отбившаяся овца становится добычей волка. Или просто бесполезной овцой, от которой ни шкуры, ни мяса. Чем больше люди работают, тем меньше остается у них времени для излишних размышлений. Ничего страшного, если работа эта будет бесполезной. Главное, чтобы она утомляла.

Государство не может существовать без законов. Поставь дело так, чтобы все законы свято соблюдались. Закон не обязательно должен быть понятным, но он всегда должен быть строг. Неплохо, если законы допускают различные толкования. Ведь толковать их все равно будешь ты или назначенные тобой судьи. Постарайся, чтобы за один и тот же поступок человека можно было и наказать и наградить. Казней не бойся. Бабы тут рожают, как кошки. Будь тверд. Но не уничтожай всех виновных подряд. Прощенный смертник может стать преданным помощником.

Людей, а следовательно, и государство губит корысть. Человек, обремененный скарбом, неохотно идет в военный поход и плохо

работает. Домом для человека должно быть все государство, а не конкретная берлога. Поэтому постоянно тасуй людей, не давай им засиживаться на месте. Если мне не удастся до конца извести корыстолюбие и скаредность, заверши это дело. Для воина достаточно боевого бича, для кормильца — рабочего топора. Не поощряй торговлю, она развращает народ. Военная добыча и урожай — достояние государства. Каждый пусть получит столько, сколько ему надо, то есть, чтобы только не умереть с голода.

Еще в большей мере государству мешает семья. Человек всегда будет любить своих детей больше, чем начальников. Чадолюбие является причиной воровства, служебных злоупотреблений и даже измены. Понятно, что искоренить деторождение невозможно, да это и повредит интересам государства. Установи такой порядок, чтобы люди растили не своих, а чужих детей. А дабы у них не возникла привязанность к чужим детям, пусть все время этими детьми обмениваются.

Ходить без штанов неприлично. Сделай так, чтобы штаны стали предметом зависти. Пусть люди стремятся к обладению ими. Отучи их жрать разную гадость, особенно жаб. Мало ли что им нравится!

Мозги у этих людишек еще не забиты всякой ерундой. Веди их в будущее прямым путем, не позволяй плутать. Не бойся трудностей. Любое дело доводи до конца. Пусть даже сейчас погибнет каждый второй, неминуемо наступит такое время, когда счастливы будут девяносто девять из ста. Так что пусть потерпят.

Помни о том...»

На этом месте записи обрывались. Поскольку рецепты вторых блюд и напитков отсутствовали, можно было предположить, что в книге недостает почти половины листов. Какие еще откровения Тимофея остались для меня тайной, можно было только догадываться. Самое печальное, что никаких указаний относительно местоположения пресловутой «дыры» я не обнаружил. Да и попал я сюда не из Ребровского района. Про такой я даже и не слышал. Надо обязательно выяснить судьбу второй половины книги. С минуту я внимательно рассматривал Дырявое Железо — до блеска истертую шайбу миллиметров двенадцати в диаметре. В этот мир она попала скорее всего в кармане Тимофея. Трудно было даже представить, сколько человеческих судеб определила она, скольких сделала счастливыми, а скольких погубила. Вот уж воистину реликвия так реликвия!

Размышления мои как-то сами собой перешли в дремоту. Это был мой последний спокойный сон на Вершени.

Не имея никакого представления о порядке ведения государственных советов, я все же не стал перекладывать эту обязанность

на чужие плечи — такой знак внимания мог быть истолкован присутствующими превратно. Не составив себе хотя бы минимального представления о будущих соратниках, я никого не хотел раньше времени выделять.

— Где остальные Письмена?— спросил я, положив руку на книгу.— Тут нет и половины страниц.

Реакция на мои слова была странной: кто-то вздрогнул, как от удара, кто-то удивленно выпучил глаза, кто-то, наоборот, опустил их. В задних рядах послышался возмущенный шепот. Яган разинул было рот, но так и не решился ничего сказать.

— Может быть, я допустил какое-то кощунство?— снова спросил я.— Если так, то поправьте меня. Но ответ на свой вопрос я все же хотел бы получить. Кто тут самый смелый?

— Разве Письмена можно делить на части?— откашлявшись, осторожно сказал человек, в котором я узнал Логу, вновь назначенного Главного Стражника Площади. То ли он был смелее других, то ли просто еще не поднаторел в дворцовом этикете.— К Письменам ничего нельзя прибавить, так же как и отнять. Если человека разъять на половины, он уже не будет человеком... Возможно, ты оговорился?

— Возможно,— я уже хотел оставить эту явно шокирующую тему, но, вспомнив наставления Тимофея, решил проявить твердость.— Однако, я хотел бы выслушать все, даже самые невероятные сведения о Письменах. Тот, кто захочет завоевать мое расположение, найдет, что сказать.

— Рассказывают...— не очень уверенно произнес Гердан.— Что после того, как Тимофей покинул нас, между Друзьями произошел разлад. Вот тогда-то Вершень и разделилась на две враждующие силы. Отступники утверждают, что истинные Письмена у них, но это, конечно, ложь. Тимофей принес только одни Письмена, те, которые ты созерцаешь. Все остальное подделка и ересь. Когда мы победим Отступников, это будет окончательно доказано.

Так, подумал я. Скорее всего, книгу разорвали в потасовке, и теперь ее вторая часть находится у Отступников, злейших наших врагов. И точно так же, как здесь, там ищут в поварском справочнике ответы на все загадки бесконечного мироздания. Научи дурака Богу молиться...

— Что известно об Отступниках? Где их армия?

По этому вопросу докладывал Душевный Друг, нечто среднее между министром связи и шефом разведывательного ведомства. Доклад был составлен в таких уклончивых и обтекаемых выражениях, что толком из него ничего нельзя было узнать. То ли Отступники окончательно разгромлены, то ли вот-вот ворвутся в Ставку. То ли наша армия умножается и крепнет, то ли от нее остались рожки да ножки.

Выступивший следом Закадычный Друг сообщил, что, пока я почивал, против меня составлен заговор, главные роли в котором играют Близкий Друг, Душевный Друг, Главный Страж Хоромов и еще несколько присутствующих здесь лиц. Заявление это, впрочем, довольно слабо аргументированное, было выслушано с большим вниманием, точно так же, как и скупая, лишенная патетики и эмоций информация Главного Стража Хоромов, обвинявшего в заговоре и попытке узурпации власти Закадычного Друга, Ближайшего Друга, его тестя и шестерых тысяцких, в настоящий момент выводящих свои войска из казарм. Окончательную ясность внес Лога, Главный Страж Площади. По его словам, тысяцкие поспешили в казармы не для того, чтобы побудить служивых к мятежу, а единственно с целью испробовать сваренную накануне брагу. Однако, прежде чем это обстоятельство уточнилось, тысяцкие для верности были казнены. Впрочем, туда им и дорога, закончил он.

Так и не выяснив до конца, кто же конкретно хочет меня свергнуть (обвинения в злом умысле были выдвинуты против всех присутствующих, не исключая Ягана и Гердана), я распустил Совет, так и не назначив Лучшего Друга.

— Где же твоя охрана?— спросил Головастик, как будто мы с ним только вчера расстались.

— Откуда я знаю... А разве меня должны охранять?

— Когда мы скитались с тобой по Вершени и ночевали под первым попавшимся кустом, за твою жизнь никто не дал бы и драной рогожи. Зато сейчас, думаю, найдется немало людей, которые не пожалеют за это и тысячу железных ножей.

— Где ты был все это время?

— Сидел вместе с разбойниками и ворами.

— Может, ты голоден?

— Если угостишь, не откажусь.

— Интересно, где здесь может быть еда?— я прошелся из угла в угол мрачного огромного зала, выглянул в пустой темный коридор.

— А где твои слуги? Друзья?— спросил Головастик.

— Наверное, сбежали. Может, ты видел кого-нибудь, когда шел сюда?

— На площади валялось несколько трупов, а в покоях негде ступить из-за свежей крови.

— Не думал я, что так получится...

— А что же ты думал? Что тебя цветами забросают? Большая власть — это всегда большая кровь. Привыкай.

— Жаль, что с нами нет Шатуна. С ним я чувствовал бы себя куда спокойнее.

— Шатуна нет. Зато есть Яган. Я видел, как он с кучкой каких-то молодцов вдребезги разносил дом Главного Стража Хоромов.

— Может, бросим все и опять уйдем бродяжничать?— вполне искренне предложил я.

— Нет, нельзя. Теперь ты Тимофей. Тебя ждали столько лет. Люди верят, что все хорошее на Вершени от Тимофея, а все плохое — от Друзей, презревших его заветы и извративших Письмена. С твоим возвращением должны начаться новые времена. Великие и славные.

— Ты это серьезно?

— Если ты в самом деле Тимофей, то вполне серьезно.

— Кто-то, кажется, идет сюда.

— Да. Но я слышу шаги только одного человека. Убийцы приходят толпой.

— Ну, привет! — раздался из темноты голос Ягана.— Ты уже здесь, братец.

— Я-то здесь,— ответил Головастик.— А вот твой братец вроде еще не приходил.

— Все шуточки шутишь. Ну-ну...

Яган без приглашения уселся на рогожи. Держал он себя весьма независимо, по-хозяйски. Видно, уже заранее ощущал себя Лучшим Другом.

— Ты хочешь сказать мне что-то?— как можно более сурово спросил я.

— Хочу.— Только тут стало заметно, как он пьян.— Я хочу спросить, почему ты так относишься ко мне? Разве мы чужие? Сколько раз смерть шла с нами рядом! Сколько раз мы выручали друг друга? Какие планы строили вместе? Неужели ты все забыл?

— Я ничего не забыл. Но на твоих руках кровь. О чем нам говорить?

— Это моя кровь! Я пролил ее, защищая тебя! Вот этими руками я душил твоих врагов! Этими зубами разрывал их поганые глотки! Неужели я не заслужил даже слова благодарности?

— Где все остальные?

— Нет. Никого нет.— Яган обхватил руками голову и принялся раскачиваться из стороны в сторону.— В живых остались только я да Лога. Сейчас он гонит к Прорве последних приспешников Гердана. За доблесть и верность я обещал назначить его Душевным Другом.

Ну и Лога, подумал я. Способный парень! Такую карьеру за день сделать! Вот только за что они Гердана прикончили? Мне он казался человеком надежным.

— Разве Близкий Друг оказался предателем?

— Не напоминай мне про эту ядовитую гадину! Как я обманулся в нем, как обманулся! — Яган довольно натурально принялся рвать

на себе волосы.— Подлый интриган! Клятвопреступник! Если бы не преданный и стойкий Лога, нам бы не сдобровать!

Мрачная догадка вдруг пришла мне в голову. Чтобы проверить ее, я сказал:

— Тогда позови Логу сюда. Я хочу поблагодарить его.

— Ты же слышал, Лога добивает последних врагов! — Яган уставился на меня сквозь переплетенные пальцы.

— Я думаю, он уже покончил с ними. Иди и не возвращайся без Логи.

— Как тебе будет угодно.— Он встал и ухмыльнулся.— Твое слово для меня закон. Хочешь — Логу приведу. Хочешь — Незримого. Кого захочешь, того и приведу.

Яган вышел, ударившись лбом о низкую притолоку. Вскоре стало слышно, как он отдает на площади какие-то распоряжения.

— Что ты думаешь про этого мясника?— спросил я.

— Сейчас он вернется с этим самым Логой и выпустит из нас потроха.

— Не думаю. Если он и вернется, то один. Могу побиться об заклад.

Спустя минут двадцать в коридоре вновь раздались шаги. Вид у Ягана был ужасен — или он добавил где-то браги, или действительно находился в крайней степени скорби.

— Плохие новости,— пробормотал он и рухнул на свое прежнее место.— Мы победили, но за эту победу Лога заплатил жизнью.

— Я и не сомневался в этом.

— Народ обезглавлен.— Яган словно не слышал моих слов.— Нужно немедленно назначать новых Друзей.

— Где же их найти?

— Поручи это дело мне.

Я уже слышал, что соседние покои наполняются людьми. Где-то в дальнем конце зала трещали выламываемые двери. В покои заглядывали распаленные брагой служивые. С площади донесся пронзительный заячий вскрик.

— Открывай Письмена,— не повышая голоса, но явно с угрозой сказал Яган.— Люди ждут.

— Может, отложим до утра,— я попытался выиграть время.— Пусть протрезвеют за ночь, тогда и поговорим.

— Нет, сейчас! — Яган вперил в меня тяжелый мутный взор.

— А ты уверен, что Письмена благорасположены к тебе?

— Не морочь мне голову. Все будет так, как ты скажешь. А скажешь ты так, как нужно мне. Любое слово можно толковать и так и этак. Ткни пальцем в Письмена... Ткнул?.. Ну и что там?

— Точка,— ответил я.— Знак препинания.

— Пусть будет точка,— согласился Яган.— Если хочешь человека возвысить, скажи: знак препинания указывает на привержен-

ность к законам и правилам, а также на способность противостоять ударам судьбы. А захочешь погубить...

— Скажу, что знак препинания требует немедленного расчленения этого человека,— докончил я за него.

— И правильно скажешь,— Яган по-прежнему не спускал с меня взгляда, который никак нельзя было назвать доброжелательным.

— А не проще нам тогда обойтись без условностей? Я объявлю тебя Лучшим Другом... Подожди! — Я знаком заставил его вновь принять прежнюю позу.— Но при одном условии. Добрым Другом станет Головастик. Вас при мне будет только двое. Других друзей мне не надо.

— Эту мелочь!.. Это ничтожество — в Добрые Друзья!..— Яган наморщил лоб, мучительно соображая.

— Никто не виноват, что ты всех гигантов перебил,— с деланой веселостью сказал я.— Ну, так как же? Принимаешь мое условие?

— Интересно... Очень интересно... А впрочем, так тому и быть! — решился он наконец.— Только ты сам объявишь свою волю народу на площади. Но сначала мы это дело узаконим.

Шестерым спешно вызванным, полуживым от страха чиновникам-рекрутам были продиктованы два указа. Первый — о сокращении числа Друзей. Второй — о персональных назначениях на оставшиеся должности. На запоминание текста хватило несколько минут, и, разбившись на тройки, чиновники удалились, гордые собой и оказанным им доверием. Отныне и до самой смерти они сами становились указами — указами первой, второй и третьей очереди. Даже отсечение пальцев их не пугало.

По взаимной договоренности с Яганом наутро был назначен Большой Сбор. Требовалось довести до сведения народа (кормившихся от щедрот Ставки служивых и чиновников) последние указы и восполнить потери, понесенные минувшей ночью командным составом армии, обеих Страж и многих других ведомств, не исключая мусорщиков, тюремщиков и гонцов.

Публики на этот раз собралось куда меньше, да и выглядела она слегка напуганной. Люди перешептывались, косясь на едва отмытый от крови Престол. Жидкое и нестройное пение дудок только усугубило общую печальную картину (музыканты, поздней ночью возвращавшиеся с попойки, были по ошибке приняты за диверсионную группу со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями).

Полной информации о событиях, развернувшихся вчера вечером в Ставке, я так и не получил. Кто начал побоище, кто пал его жерт-

вой, почему старые приятели пошли друг на друга, а бывшие враги вдруг объединились, откуда взялось столько оружия и браги, как получилось, что из высших чинов Вершени уцелел один только Яган, куда подевались свидетели — на все эти вопросы так и не нашлось ответов.

Все шло гладко, пока громогласно славили Тимофея, тягали туда-сюда короб с реликвиями и объявляли указы. Недоразумения начались, когда на Престол полезли соискатели чинов и званий. «Этого назначь тысяцким,— шептал за моей спиной Яган.— Мужик достойный, да и слово ему выпало соответствующее — ФИЛЕ!»

А я, притворившись глухим, объявлял ФИЛЕ признаком тупости, лени, бесхребетности и отправлял «достойного мужика» на кухню учеником повара. В тех же случаях, когда Яган стремился всячески опорочить человека, дескать, этого болвана даже к нашей помойке нельзя подпускать — решение мое чаще всего было позитивным. Именно так я назначил главного хранителя общественных закромов и командующего Гвардией. Яган, конечно, вскоре разгадал мою тактику и стал выдавать информацию обратного свойства: друзей объявлял врагами, а недругов — расчудесными ребятами. Тут уж пошла игра на психологию «веришь — не веришь». Главным Стражем Хоромов я назначил того самого толстяка, что притворялся пьяным на пиру, устроенном в мою честь покойным Герданом. Затем, окончательно запутавшись, я объявил Большой Сбор закрытым. Возражений не последовало.

Сразу после обеда на меня навалились государственные заботы. Военачальники смутно намекали на возможность военной катастрофы и требовали срочно собрать армию численностью втрое больше, чем нынешняя. Вновь назначенные Главные Стражи указывали на то, что в разложении армии виноваты сами военачальники, торгующие амуницией и военнопленными (откуда только они смогли узнать все это за неполный час, прошедший с момента их определения на должность?) Кроме того, согласно обычаю, последовали взаимные обвинения в измене. Поварам не хватало продуктов, гонцы ходатайствовали о дополнительном пайке, комендант Ставки напоминал, что пора бросить все и перебраться в более сытные и неизгаженные места. Немедленного решения требовали также и другие, не менее важные вопросы: ослабление на местах борьбы с дезертирами и бродягами, неудовлетворительное состояние ровняг, надвигающаяся опасность повального мора, участившиеся случаи проникновения на Вершень болотников, заметный рост симпатий определенных слоев населения к Отступникам, недобрые знамения, выразившиеся в участившемся появлении Незримых, и так далее.

От Головастика помощи было немного — на государственного мужа он явно не тянул. Яган или демонстративно молчал, или давал

совершенно провокационные советы, явно стараясь отыграться за свою неудачу на Большом Сборе. Скоро голова моя пошла кругом.

Погодите, сказал я. Разве Тимофей обязан вникать в каждую мелочь? О том, что приготовить на ужин, пусть думает повар. А о том, как извести дезертиров, соответственно — губернатор. Кстати, о дезертирах. Кому они костью в горле застряли? Не хотят люди в служивые идти, к дому их тянет, разве виноваты они в этом? Здесь еще разобраться надо! И зачем нам такое большое войско? Одни убытки от него.

А кто же будет с Отступниками воевать, от болотников отбиваться, отвечали мне. Что это за государство без войска? Ты хоть и Тимофей, но говори, да не заговаривайся.

Болотники от нас сразу отстанут, если мы их в покое оставим. Вершень им без нужды. Сюда они приходят только выручить из плена своих товарищей да на разведку. Не могли сразу Иззыбье покорить, значит, пора и успокоиться. С болотниками торговать надо, а не драться. У нас смола, у них железо. У нас топоры, у них стекло. Да и с Отступниками пора войну кончать. Пусть они свои Письмена предъявят, а мы свои. Вместе и решим, какие из них подлинные. Ведь они братья нам.

Чего решать, все давно решено! Как же их Письмена могут быть подлинными, если подлинные наши! Пока хоть один из нас жив, не будет пощады Отступникам! Братья, скажешь тоже! Стервятники они! Трупоеды! Смерть Отступникам! Смерть болотникам!

Дальше все стали орать что-то насчет Тимофея. Не то «Слава Тимофею!», не то «Смерть Тимофею!». Вот так и закончилась наша конструктивная беседа. К вечеру я был как выжатый лимон. А впереди ожидала ночь — самая благодатная пора для цареубийств и дворцовых переворотов.

Выставив вокруг дворца оцепление из гвардейцев и стражей Хоромов, я уединился в маленьком угловом покое.

Интересно, что там сейчас поделывает Яган, мой Лучший Друг, подумал я, тщетно дожидаясь сна. Какие новые ловушки готовит, какие нити заговора плетет, каких союзников вербует в трущобах столицы?

Кстати, а куда это смылся Головастик? Исчез и слова не сказал. Может, опасность учуял, за свою голову испугался? Выходит, все меня бросили... Нехорошо, ох как нехорошо...

...Какая-то сила подняла меня и погнала прочь из покоев. Я шел, как сомнамбула, переставляя ноги против своей воли... Хотя нет — никакого намека на волю не было в моем отстраненном затуманенном сознании. Все мои действия, реакции и побуждения были вне сферы реальности. Так ведут себя не люди, а зомби.

Ни один факел не горел в коридорах. Не слышно было ни мерных шагов внутренних караулов, ни сонной переклички внешних. Только в глубине дворца что-то негромко булькало, словно вода сочилась из неплотно закрытого крана. Держась за стену, я пошел в ту сторону и вскоре наткнулся на какую-то преграду, кулем лежащую поперек коридора. Заранее догадываясь, что это такое может быть, я нагнулся и протянул вперед руку. Пальцы мои коснулись холодного, покрытого смертным потом лба, широко раскрытых, уже остекленевших глаз, оскаленных зубов и отдернулись, угодив в глубокую рану, рассекавшую горло ниже адамова яблока. Кровь закапала чаще. Вновь, как бы уступая чужому влиянию, я пошарил по стене, сначала справа, потом слева от себя, пока не наткнулся на огарок факела. Неизвестно откуда взялось кресало, во все стороны брызнули синие искры, факел вспыхнул — и в его коптящем, колеблющемся свете я разглядел, что стою над своим собственным телом — это не был мой двойник или просто очень похожий на меня человек — это был именно я, моя копия, зеркальное отображение. Все было знакомо до мельчайших черт, исключая лишь одну малозначительную деталь — черную косую щель поперек шеи. Рот мой наполнила густая горькая слюна. Я попытался сглотнуть ее и не смог. Язык и гортань не подчинялись мне, а слюны становилось все больше и больше. Ощущая бездонный, всепоглощающий ужас, я поднес обе руки к собственному горлу — и не нашел его. Пальцы провалились в пустоту, коснулись рассеченных хрящей, сомкнулись вокруг оголенных шейных позвонков. Вопль ужаса вырвался из моих губ, но это был безгласый, обращенный в свое собственное нутро, пронзительный, как ультразвук, вопль агонизирующего, расстающегося с душой тела...

Я все еще продолжал немо кричать, захлебываясь обильной слюной, а твердая, словно откованная из железа рука зажимала мой рот.

— Молчи! — раздался над моей головой голос Шатуна.— Молчи, а не то я придушу тебя.

— Ох, напугал!.. Дай отдышаться...

— Подыши. Не забывай только, что мой нож быстрее твоего крика.

— Я очень рад видеть тебя, Шатун. На самом деле.

— Зачем же ты тогда всю ладонь мне искусал?

— Да так... Приснилась ерунда. Кошмар какой-то!

— Некоторые кошмары имеют свойство сбываться. Особенно у людей с нечистой совестью.— Голос Шатуна был холодный и тусклый, словно он разговаривал с чужим, малоприятным ему человеком.

— Когда тебя освободили?

— Я освободился сам. Два дня назад пришел приказ убить

меня. Надежный человек из охраны предупредил об этом. Когда-то болотники подарили ему жизнь, и он решил вернуть долг. Ремни, которыми он связал меня перед казнью, оказались гнилыми. Все остальное было уже просто.

— Моей вины здесь нет! Я приказал освободить тебя.

— Когда весь день отдаёшь приказы, можно ошибиться разок.

— Не издевайся! Увидеть тебя было мое самое первое желание. Яган извратил все.

— Хорошо, когда есть кто-то, на кого можно свалить вину.

— Ты мне не веришь?

— Верю. Но только это ничего не меняет. Ты не злой человек. Но сейчас от тебя уже ничего не зависит. Зло будет твориться от твоего имени, и вскоре ты сам погрязнешь в нем. Не думай, что мир можно переменить к лучшему только одним благим желанием. Скоро ты убедишься в этом. Знаешь сказку про дурачка, который пожалел цветок, иссеченный дождем и примятый ветром? Он сорвал его и спрятал под дерюгу. Ведь там сухо и тепло. Только не подумал, пойдет ли это цветку на пользу.

— Какое отношение эта сказка имеет ко мне?

— Прежде чем творить добро, стоит подумать о последствиях.

— Сейчас мы с тобой ни о чем не договоримся. Оставайся, будешь моим советником.

— У тебя уже есть советник. Яган.

— Тут я пока ничего не могу поделать. До определенного времени мне без него не обойтись, так же как и ему без меня.

— Змея, у которой не вырван ядовитый зуб, рано или поздно укусит. Ты заблуждаешься относительно Ягана. Его предупредили о моем побеге, и он успел приготовиться. Ему ли не знать, куда и зачем я направлюсь первым делом. Все, кого я только спрашивал, говорили, что Яган ночует именно здесь. В этой комнате. И они не лгали, ведь трудно лгать под страхом смерти. Еще чуть-чуть, и я зарезал бы тебя. Понимаешь? Яган подставил тебя вместо себя. А сам сбежал и прячется где-то.

— Он мне за это ответит!

— Не будь ребенком. Где твои доказательства?

— Ты будешь моим доказательством.

— Не собираюсь даже. Я разделаюсь с Яганом сам. Без помощников.

— И мы больше не встретимся?

— Если мы оба уцелеем и ты безродным бродягой опять будешь странствовать по тайным тропам Вершени, мы обязательно встретимся... Тише! Прислушайся!

Я напряг слух и уловил, как в дальних покоях едва слышно скрипнули половицы, хлопнула где-то дверь, кто-то сквозь зубы чертыхнулся в коридоре.

— По расчетам Ягана, я уже убил тебя,— сказал Шатун.— Значит, пора покончить и со мной. Да только ловить меня здесь все равно, что гоняться за кротодавом в лабиринте. Прощай!

Он бесшумно исчез в темноте — не ушел, не отступил, а именно исчез, растворился без следа, как будто был не человеком из плоти и крови, а лишь порождением одного из моих снов.

Рано-рано поутру, задолго до того, когда положено просыпаться нормальным людям, ко мне явились оба моих официальных Друга — смущенный Головастик и мрачный Яган.

— Вот, принимай,— сказал Яган.— Удрать хотел. Аж на нижнем крутопутье поймали. Это подумать только — Добрый Друг и пустился в бега! Дожили!

Честно говоря, я понимал Головастика.

Не знаю, как кому, но мне лучше спалось в шалашах бродяг, чем в хоромах Ставки.

— И только по этой причине ты прервал мой сон?— спросил я, изображая царственное негодование.

— Не только. Оба мы с тобой наделали немало ошибок. Самомнение оказалось выше рассудка. Каждый слушал только себя и оставался глух к доводам другого. Пора забыть о распрях. В последний раз предлагаю тебе дружбу.

— Ты мне Друг по закону.

— Пока ты не прекратишь самовольничать, пока не станешь слушать мои советы, тебя будут преследовать неудачи. Только с моей помощью ты отвратишь все нависшие над Вершенью беды, победишь Отступников, умиротворишь болотников, предотвратишь мор, накормишь голодных и успокоишь недовольных.

— А что ты хочешь за свою помощь взамен?

— Взамен...— Яган усмехнулся.— Совсем немного. Ты объявишь меня пожизненным Лучшим Другом. Кроме того, это звание сможет унаследовать только назначенный мной человек. Ну и еще некоторые мелочи, о которых поговорим позже.

— А если я откажусь от твоей помощи?

— Последствия не заставят себя долго ждать. Но я не хочу заранее раскрывать свои планы.

— Это ты приказал убить Шатуна?

— Да! — Голос Ягана не дрогнул.

— Почему, хотелось бы знать?

— Ты обязательно приблизил бы его к себе. Представляешь, болотник среди Друзей на Престоле! Это отвратило бы от тебя служивых. Я думал только об интересах государства.

— Ты подстроил так, чтобы он убил меня?

— А вот это ложь!

— Ну хорошо... Я согласен выслушать твои советы. Посмотрим, приемлемы ли они.

— Как можно быстрее собери новую армию. Обрати в служивые всех кормильцев, способных держать оружие. Все равно большинство из них не переживет Сухотья. Во главе армии поставь тех военачальников, на которых я укажу. Свали все ветвяки на Порубежье. Оставь только несколько. На них мы и сразимся с Отступниками. Пошли к врагам шпионов. Пусть сеют слухи о появлении на Вершени нового Тимофея. Если надо, сам выйди на поле боя. Твой вид и голос смутят противника. К побежденному будь беспощаден. Забери все их припасы. Поголовно уничтожай мужчин, вплоть до грудных младенцев. Сожги подложные Письмена. После этого займись своим народом. Дай новые законы, прежние устарели. Введи смертную казнь за любое ослушание. Искорени всех праздношатающихся. Установи круговую поруку: пусть вся деревня отвечает головой за дезертира или бродягу. Чтобы впредь не допустить голодных бунтов, наладь строгий учет урожая. Едоков на время Сухотья должно остаться ровно столько, сколько запасено еды. От лишних ртов избавляйся следующим образом: мужиков посылай в Иззыбье, баб и детей на пораженные мором занебники. Заботься о войске, запасай оружие. Когда соберешь достаточно сил, нападай на болотников. Пока не изведешь их, не будет нам покоя. Но всех не уничтожай. Кузнецов и стеклодувов можно пощадить. Без устали искореняй измену и крамолу. Учреди еще две или три тайных Стражи. Пусть следят за народом и друг за другом. Каждое неосторожно сказанное слово должно доходить до тебя. Исполнишь все это — в покое и благоденствии доживешь до старости.

Да он прямо Соломон, подумал я. Государственная голова. Зря я его дураком считал. Не оскудела Вершень талантами. Дело лишь в том, что таких доморощенных законодателей и близко нельзя подпускать к власти. Правитель из него выйдет такой же, как из волка овечий пастух. Правильно говорил Тимофей, никого не приближай к себе, особенно людей способных. А приблизил — опусти... В изгнание, в Прорву, куда угодно...

— Советы твои дельные, прямо скажем.— Похвала моя, впрочем, ничуть не обрадовала Ягана, плевать он на нее хотел.— Надо бы поскорее их узаконить. Пусть пришлют кого-нибудь из приказных.

— Давно бы так,— сказал Яган.— Честно сказать, не ожидал я, что ты так легко согласишься.

— Ну что, братцы,— обратился я к чиновникам, единым духом явившимся на мой зов.— Есть у вас в памяти свободное место?

— Есть, владыка!

— Тогда внемлите. Войско немедленно отвести от Порубежья.

Всех старослужащих, подростков и увечных отпустить по домам. С так называемыми Отступниками начать переговоры. Вести их буду я сам. Рубку ветвяков прекратить. Всех колодников, кроме убийц и насильников, помиловать. Запретить клеймение людей. Все клейма выбросить в Прорву. Пусть любая деревня сама выбирает, сидеть ей на месте или перебираться с занебника на занебник. Каждый кормилец впредь оставляет себе столько еды, сколько нужно на прокорм его семьи. Все, что остается сверх этого, сдается в государственные закрома. Пусть за этим проследит Яган, мой Лучший Друг. Ежели по его вине случится голод, ответит самым строгим образом. Стражу Площади и Стражу Хоромов объединить и числом уменьшить наполовину. Всех соглядатаев приставить к делу, пусть ремонтируют дороги или добывают целебные смолы. На сегодня все. Повторите указ слово в слово и можете удалиться.

Пока они вразнобой барабанили текст, путаясь и запинаясь в неясных местах, Яган молча встал и вышел ни с кем не попрощавшись. Спина его была прямая, да и голову он держал высоко. Побежденные так не уходят.

— Головастик,— позвал я.— Эй, Головастик!

— Ну, что тебе,— отозвался тот из своего угла.

— Почему ты хотел убежать?

— Страшно мне.

— Ведь ты же раньше ничего не боялся. Вспомни, как ты высмеивал Ягана, как бился с разбойниками, как спасал мою жизнь.

— То раньше было. Здесь я чужой.

— Властелин всегда должен быть чужим. Чужому и далекому всегда верят охотней, чем близкому и родному. Я сделаю тебя Лучшим Другом и наделю огромной властью. Если вдруг меня не станет, все здесь будет твоим. Но ради этого ты выполнишь одно мое поручение. Детали меня не интересуют. Важен результат. И быстрота, конечно.

— Что это за поручение?

— Ты должен убить Ягана.

— Подумать можно?

— Нет. Если ты не согласишься сейчас же, я найду другого исполнителя. Власть над Вершенью за жизнь одного-единственного подлеца — разве это не выгодный обмен?

— Ладно... я попробую.

Не знаю, кому было муторней на душе, мне или Головастику. Неужели так мучаются все тираны, вынося первый в своей жизни смертный приговор?

Три беды, три свирепых чудовища, навалились на Вершень и жадно рвали друг у друга лакомую добычу — души сынов челове-

ческих. Пока самую обильную жатву собирал его величество Мор — раздувшийся, покрытый язвами мертвец. Но к середине Сухотья инициативу обязательно должен был перехватить Голод — обтянутый серой кожей скелет. А все оставшееся достанется Войне — бессмертной старухе с кровавым мечом в руке.

Чем я мог помочь своему народу? У меня не было ни лекарств, ни еды, ни сокровищ, которыми можно откупиться от врага. Ничего, кроме дурацкой книги да рваной телогрейки. Впрочем, никто и не ожидал от меня помощи. Тот, кто взобрался на Престол, никому ничего не дает. Его дело брать. Он не менее страшен, чем три предыдущих чудовища. Вместе мы составляем великолепный квартет — четыре всадника Апокалипсиса.

Мой Лучший Друг Головастик, как всегда, явился без доклада. Был он хмур и всклокочен. У него вошло в дурную привычку ежедневно приносить мне плохие новости. Хотя винить его в этом было нельзя. Где их взять — хорошие новости?

— Рассказывай, только покороче.— День только что начался, а я уже чувствовал бесконечную, отупляющую усталость.

— Отступники целиком захватили два занебника и вот-вот должны перебраться на третий.

— Ты отрядил к ним послов?

— Отрядил. Ни один пока не вернулся.

— А как наше войско?

— Бежит. Ты же сам объявил указ об отходе.

— Мор не стихает?

— Кто его знает. Ты ведь распорядился установить этот... как его... тьфу, запамятовал!

— Карантин!

— Вот-вот! Никого, даже гонцов не пропускаем.

— А предохранительные прививки пробовали делать?

— Пробовали. В точности, как ты велел. Несколько раз нагрели кровь умерших на огне, а потом помазали этой кровью царапины на телах живых.

— Надеюсь, эти живые были добровольцами?

— Да кто их знает. Сейчас за пару лепешек люди и не на такое согласны.

— Ладно. Каковы результаты?

— Очень хорошие. Это ты верно заметил, что кровь всему причиной. Больше суток никто из помазанных не прожил. А те, которые мазали, целых три дня протянули.

— Прикажи немедленно прекратить...

— Воля твоя. Да ведь желающих много.

— Что слышно о Ягане?

— Как в Прорву канул. Всю Вершень, кажется, перетрясли и ничего.

— Приятели его где?

— В ямах сидят.

— Проследи, чтобы их вдоволь кормили и не обижали.

— Добрым людям жрать нечего, а ты о злодеях заботишься.

— Вина их не доказана.

— Был бы человек, а вина найдется.

— Чтоб я таких слов от тебя впредь не слышал! Ты же сам от беззакония немало пострадал. Забыл об этом?

— Если я пострадал, пусть и другие страдают.

— Ох, Головастик, ты неисправим. Пойми, пока люди не поверят в справедливость, мы ничего не добьемся. И пример в этом должны подать мы с тобой.

— Справедливость хороша, когда десять лепешек делят на десять человек. А если лепешка всего одна, она обязательно достанется самому сильному.

— С тобой сегодня не договоришься... Лучше посоветуй, как мне быть. За что браться в первую очередь? Откуда нам сейчас грозит самая большая опасность?

— Надо непременно отбить Отступников. Еще немного, и они отрежут Ставку от крутопутья.

— Наверное, ты прав. Придется самому заняться этим.

Упреждая коварство Отступников, гвардейская дружина еще в полночь перегородила ветвяк плетеными щитами. Чуть позже сюда же подтянулись несколько наспех доукомплектованных полков из стратегического резерва, созданного по моему прямому указанию три дня назад. Даже эти наиболее боеспособные наши части представляли собой жалкое зрелище. Указ мой, несомненно, дошел до служивых, но возымел прямо противоположное действие: разбежались молодые и проворные, а остались старые и немощные.

Исход предстоящего сражения без труда читался на скорбных физиономиях этих вояк.

На рассвете мы обошли все свое войско — много времени на это не понадобилось. Впереди шагал я, удрученный, как Наполеон перед Ватерлоо, вслед за мной хромающий на правую ногу Головастик (ночью его укусило в пятку какое-то ядовитое насекомое) и вновь назначенный главнокомандующий — пятый за последние тридцать дней. В подобных случаях полагается воодушевить войско зажигательными речами, но где, скажите, найти те слова, которые могут воодушевить на битву стадо овец? Кроме того, сегодня я надеялся закончить дело полюбовно. Два приказных, тщательно вызубривших мои мирные предложения, и приданный им в проводники пленный вражеский сотник еще накануне отправились в

лагерь Отступников, и сейчас, сквозь легкий туман, в той стороне можно было различить желтое пятно костра — сигнал о готовности начать переговоры.

— Все же пойдешь?— хмуро спросил Головастик.

Я покопался в памяти, отыскивая подходящую к случаю крылатую фразу, и патетически заявил:

— Жребий брошен!

— Обманут они тебя! Попомнишь мое слово — обязательно обманут!

— А ты сам как бы поступил?

— Конечно, обманул бы! Глупо упускать то, что само в руки идет.

— Короче, ждите меня до сумерек. Если до этого времени я не вернусь, а Отступники нападут на вас, отходите к крутопутью.

— Если ты не вернешься, то и не командуй заранее. Сами как-нибудь разберемся.

— А ты, я вижу, и рад.

— Чему радоваться. Без тебя меня в единый миг сожрут. Вон тысяцкие стоят, косятся. Я ведь для них, как бельмо на глазу.

— Не бойся. Пока я жив, тебя не тронут. Ты еще сочиняешь песни?

— Да как-то повода все не было... Да и времени.

— Повод, считаю, появился. И временем ты располагаешь. Хочу, чтобы к моему возвращению была готова новая песня. Но только не поминальная. Ну все, до встречи.

Провожаемый тысячами взоров, я пересек пустой, добросовестно вытоптанный в предыдущих сражениях участок земли, перелез через остатки колючей изгороди и двинулся на свет костра, то гаснущего, то разгорающегося вдали.

Искусному ремесленнику, стихийному еретику, а впоследствии — великому философу Мо-Цзы приписывается следующее высказывание: «Слепой знает, что кусок угля черный, а кусок мрамора белый. Но если перед ним положить два этих предмета, он не сможет указать, который из них белый, а который черный». Я думаю, то же самое касается и нравственных категорий. Практически любому нормальному человеку известно, что нужно следовать добру и противиться злу. Такую предпосылку можно считать бесспорной. Но вот как определить, что есть в данный момент добро, а что зло? Тут требуется совсем другое зрение — зрение души. В этом смысле почти все мы слепы. В погоне за добром попадаем в тенеты зла. Благими намерениями мостим дорогу в ад. Губим любовью, возвышаем ненавистью. Не щадя жизни, отстаиваем собственное рабство. Проклинаем провидцев и славим лжепророков.

Гордимся причастностью к сокровищам премудрости и никогда не следуем ее советам.

Как мне быть, заблудившемуся в чужом мире ничтожному слепцу? На кого уповать, на что надеяться? Где моя путеводная звезда? Как найти эту звезду и как не спутать ее лучи с отблеском геенны огненной?

Разум подсказывает, что единственный источник, из которого я могу черпать свет истины, это моя собственная душа. Иной вопрос — достаточно ли чист и глубок этот источник? А попросту говоря, в свое ли дело я ввязался, по плечу ли мне эта ноша?

То, что возле костра ошивалась целая толпа, сразу не понравилось мне. В моем послании было сказано: встреча должна состояться с глазу на глаз. Еще мне не понравился человек, представлявший как бы центр этой толпы. Был он очень стар, но еще крепок, как мореное дерево. Лицо его, несомненно, хранило отпечаток величия, но это было не величие мудрости, а самомнение фанатика. Его нельзя было убедить или переспорить, все для себя он решил давным-давно — раз и навсегда. Это была та порода людей, которым факты заменяет их собственное представление о том, какими эти факты обязаны быть. Он не был способен к компромиссу и не мог воспринимать ничего нового. Вести с ним мирные переговоры было то же самое, что проповедовать мартышкам учение стоиков. А окончательно меня сразило то, что за спиной старика — бесспорно, главного в этой шайке — маячила поганая рожа Ягана.

— Так это ты объявил себя преемником Тимофея? — без лишних околичностей спросил старик.

— Я и есть преемник Тимофея. Разве ты не видишь? Судя по твоим преклонным годам, ты мог знать его.

— Действительно, я знал его. Людей, вроде меня, уже почти не осталось.

— Здесь я встречал одного. Его зовут Вукан. Мы долго беседовали, и он при свидетелях подтвердил достоверность моих слов.

— Значит, этот лицемер еще жив? — задумчиво сказал старик, как бы не расслышав моих слов.— Хотя ему нет места среди живых... К несчастью, моя рука однажды дрогнула...

— Мне неведомы причины, сделавшие вас врагами, но теперь, когда явился преемник Тимофея, пора прекратить раздоры.

— Единственное, что еще как-то скрашивает мою жизнь, это надежда...— Он заскрежетал зубами.— Это надежда поставить свою ногу на остывающий труп Вукана.— Взгляд старика по-прежнему был устремлен мимо меня в пространство.

— Пришло время забыть старые ссоры,— как можно мягче сказал я.— Многое изменилось с тех пор.

— Ничего не изменилось,— сказал старик так, словно гвоздь забил в гроб.— Зачем ты искал встречи со мной, самозванец?

— В том, что я не самозванец, нетрудно убедиться. Можем побеседовать на Настоящем Языке. Можем обратиться за советом к Письменам.

— Не смей касаться своим лживым языком этих святых понятий. Еще хоть одно слово о Тимофее, Письменах, Настоящем Языке — и ты лишишься головы! Эй,— он обернулся к Ягану,— возьми нож поострее и стань рядом с ним. Понял, что от тебя требуется?

— Понял,— сверля меня взглядом, прорычал Яган.— Понял!

— А теперь говори то, что ты хотел сказать,— это относилось уже ко мне.

— Я пришел с предложениями о мире. Хватит проливать кровь. Хватит вытаптывать плантации. Предъявите свои требования. Если они окажутся разумными, мы согласны их удовлетворить.

— Требования у меня простые. Все, что у вас есть, должно стать нашим. Все мужчины, способные сражаться, подлежат уничтожению. Женщины, носящие в своем чреве будущих мстителей, тоже. Лживые Письмена будут сожжены вместе со всеми, кто хоть раз коснулся их. Похищенные реликвии возвращаются к нам. Вот и все, больше ничего.

— С такими требованиями трудно согласиться.— Между лопаток у меня пробежал холодок.

— Нас это нисколько не беспокоит. Примете вы их или нет, но мы добьемся своего. И пусть восславится имя Тимофея!

— Пусть! — хором подтвердили все присутствующие.— Пусть восславится!

— Подайте сигнал к началу боя. К вечеру на этом ветвяке не должно остаться ни единого живого врага.

Стоявшие вокруг нас люди бросились в разные стороны. Остались только мы втроем — два бывших друга и надменный старик, равно презирающий нас обоих.

— Как по вашим законам следует поступать с самозванцами?— спросил он у Ягана.

— Его ожидает неминуемая смерть.

— Разве это прегрешение так тяжко?

— Да. Но кроме того, на совести этого подлеца немало других преступлений. Он обманом захватил Престол и разрушил прежний порядок управления. Самые достойные из служивых и законников были низведены до положения простолюдинов. Он распустил армию, упразднил Стражу, следившую за соблюдением порядка, соглядатаев отправил ремонтировать дороги. Он запретил рубить ветвяки, по которым чужая армия беспрепятственно проникает на Вершень. Среди народа он посеял недоверие к власти. Он добывал кровь из пораженных моровой язвой трупов и мазал ею тела

живых, от чего болезнь неизмеримо распространялась. Мудрость, заключенную в Письменах, он поставил под сомнение. Он...

— Достаточно,— старик помолчал, прислушиваясь к звукам сигнальных дудок и мерному топоту двинувшихся в атаку боевых колонн.— Если он действительно совершил все это, то несомненно заслуживает нашей благосклонности. Такого урона его стране еще не нанес ни один из моих стратегов. Пусть невредимым возвращается назад и правит дальше. Каждый день, проведенный им на Престоле, приближает нашу победу.

Словно окутанный невидимым силовым полем, брел я через поле боя, и ряды сражающихся расступались вокруг меня как бы по мановению волшебной палочки. Ни один свистящий бич, ни один обоюдоострый нож, ни единая капля крови не коснулись меня. Даже трупы, казалось, падали так, чтобы не попасть мне под ноги. Трижды моя несчастная армия бросалась вперед и трижды откатывалась назад, обгоняя меня. Когда наступили сумерки, я был уже совершенно один. Живые давно добрались до крутопутья и сейчас, наверное, рушили за собой это хрупкое сооружение. А мертвые догнать меня не могли, если бы и захотели.

Черная огромная тень описала надо мной несколько кругов и медленно уплыла куда-то в сторону. Время косокрылов еще не наступило, значит, это был Феникс — первый после нашей встречи в антиподных лесах.

С этого дня великий страх поселился в моей душе. Он не покидал меня ни днем, ни ночью. Однажды, чтобы заснуть, я, по совету Головастика, выпил в одиночку полбадьи браги. И все равно сон-забытье не снизошел на меня. Зато в мерзком призрачном бреду меня вновь посетил старик с оскалом мертвеца и взглядом Сатаны.

Я отменил свои прежние указы. Я внимательно перечел оставленные Тимофеем заповеди. Я изучил все без исключения кулинарные рецепты, и в некоторых из них открылся тайный, ранее не доступный мне смысл. Вникая в секрет приготовления мясного салата, я нашел подтверждение своим мыслям о необходимости применения чрезвычайных мер. В последних строках раздела, посвященного окрошкам и рассольникам, содержалось прямое указание на главные причины наших поражений. Описание говяжьего студня окончательно укрепило мои помыслы.

На большом Сборе законники выказали открытое неповиновение, и я приказал казнить каждого десятого из них. Правда, немного позже я передумал, но было уже поздно — палач оказался слишком расторопным. Всех кормильцев, не успевших скрыться в недоступных местах, загнали в войско. На бродяг и дезертиров надели колодки. Головастику я популярно разъяснил ошибки предыдущей

администрации, так и не сумевшей свалить ни единого ветвяка. Основная масса колодников должна сосредоточиться на самом верхнем, пятом или шестом ветвяке и рубить его в две смены — днем и ночью непрерывно. Но рубить не в ста шагах от конца и даже не посередине, а у самого основания. Рычаг приложения сил при этом неимоверно возрастает, и ветвяк обломится под действием своего собственного веса. Достаточно будет рва глубиной в одну четверть его толщины. Нижние ветвяки следует лишь слегка подрезать — рухнувшая сверху масса будет иметь такую кинетическую энергию, что все они уподобятся поставленным на попа костяшкам домино. Перед этим желательно войско Отступников заманить на один из обреченных ветвяков. За сроки и качество работ отвечает непосредственно Головастик.

Служивых, сдерживавших все возрастающий напор Отступников, было велено строить в фаланги по типу македонских и соединять между собой лианой-змеевкой, то есть той же колодкой, только гораздо более длинной. Боевой дух войска от этого не вырос, зато дезертирство резко сократилось. Бывший Главный Страж Площади разработал проект указа о подрывных действиях во вражеском тылу, за что и был возвращен на прежнюю должность. Наиболее инициативные и преданные губернаторы приступили к формированию женских полков. Мор докатился до мест, где народ уже успел повымереть от голода, и сам собой затих. И все было бы хорошо, если бы не эта отупляющая, выматывающая силы бессонница.

— Только что прибыл гонец от тысяцкого, надзирающего за работами на указанном тобой ветвяке пятого яруса. Вчера ночью в недрах ветвяка раздался могучий продолжительный треск, никогда до сих пор не слышанный на Вершени. Люди, находящиеся с внешней стороны рва, ощутили сильный толчок. Многие даже не удержались на ногах. Перепуганные колодники прекратили работу, но вскоре под страхом смерти возобновили ее. С тех пор треск регулярно повторяется и, похоже, раз от разу становится сильнее. Наутро по всей протяженности ветвяка вскрылось множество нор, из которых, словно обезумев, полезли древесные кроты. Голодные люди обрадовались, стали убивать и пожирать их. Однако вскоре из нор появились кротодавы. Они долго вслепую носились по ветвяку, давя и калеча всех встречных, пока все до единого не сгинули в Прорве,— доложил Головастик.

— Это, наверное, первая хорошая новость, которую ты мне принес за последнее время,— сказал я.

— Не больно уж она хорошая.— Головастик был если не испуган, то встревожен.— Отродясь не слыхал, чтобы на Вершени бывало такое.

— Ты про многое еще не слыхал. Рано или поздно новое приходит на смену старому. И это новое нельзя винить в том, что кто-то о нем еще ничего не слыхал.

— Уж очень мудро ты стал выражаться. Лучше скажи: что нам делать?

— Пусть колодники продолжают свою работу. Но только на внутренней стороне рва. Всех служивых убрать с ветвяков на крутопутье. Кормильцы, надеюсь, уже давно отселились?

— Должны бы. Да только разве уследишь за всеми.

— Отступники где?

— Везде. Но главные силы на неболоме третьего яруса. Как раз на том, который тоже должен рухнуть.

— Отлично. Для Отступников это будет хороший урок. Пусть противостоящие им войска отходят к крутопутью. Но отходят медленно, без паники.

— Они тоже погибнут?

— Какая-то часть, вероятно, погибнет. Но здесь мы уже ничего не сможем поделать. Война без жертв не бывает.

— Что еще?

— Я хочу видеть все своими глазами. Мы сейчас же отправимся в место, удобное для наблюдения. Желательно поближе к пятому ярусу. Зрелище обещает быть незабываемым. Стражников возьми поменьше, но выбери самых надежных. Прихвати и парочку законников. Такое событие должно быть увековечено.

Свой наблюдательный пост мы развернули в небольшой, но достаточно глубокой пещере, где-то посередине между пятым и четвертым ярусами. Слева и справа от входа в пещеру торчали мощные наслоения коры. Сверху нависал козырек окаменевшей смолы. Благодаря этому естественному капониру мы рассчитывали остаться невредимыми, даже в том случае, если бы падающий ветвяк зацепил в этом месте ствол занебника. Иногда я прикладывал ухо к влажной стене пещеры и вслушивался в могучий глухой гул, сотрясавший ствол занебника, словно отзвук далекого землетрясения. Нож, который один из стражников вонзил в древесину, время от времени начинал сам собой вибрировать. Снаружи доносился шум, напоминавший перестук дождя, сверху сыпался всякий мусор и куски коры.

— Кому я не завидую, так это болотникам,— сказал Головастик.— И не догадываются, бедняги, какая штуковина сейчас им на головы свалится!

Тоненькая иголка кольнула меня в сердце. Ах ты черт! Как же я не подумал об этом! А впрочем, чем бы мы смогли болотникам помочь? Вряд ли они вняли бы нашим предупреждениям. Будем на-

деяться, что рухнувшие ветвяки не причинят им особого вреда. Их подземным норам даже атомная бомба, наверное, не страшна. Но мое нынешнее высокое положение не позволяло пропустить замечание Головастика мимо ушей.

— Все предусмотрено,— сказал я.— Небольшая встряска болотникам не повредит. Зато в следующий раз подумают, стоит ли лезть на Вершень.

— А раньше ты говорил по-другому.

— Прикуси язык, здесь мы не одни.

Мои слова оказались пророческими. Зубы Головастика лязгнули, он вскинул руки, стараясь ухватиться за что-нибудь, но стена, словно в кошмарном сне, проворно от него отодвинулась. Дно пещеры между тем превратилось в некое подобие батута. Одних из нас оно швырнуло в глубину пещеры, других, наоборот, к выходу. Я оказался в числе последних. Бездна, открывшаяся моему взору, была наполнена массой медленно оседающей пыли, листьев и хвои. Иногда вниз проносились предметы и покрупнее — какие именно, отсюда разобрать было невозможно. И весь этот сор сиял, переливался и вспыхивал в отсветах огромных многоцветных радуг, встающих из мрака Прорвы, как языки вселенского погребального костра.

Грохота я уже не слышал, он был так силен, что даже не воспринимался слухом. Занебник раскачивался, как травинка на ветру. Радуги затрепетали и разом погасли. Стало абсолютно темно, хотя до наступления ночи оставалось еще много часов. Свод обрушился на земную твердь — и это было началом конца света.

Внезапно резко посветлело — это падающий ветвяк миновал нашу пещеру. Странно было видеть, как куда-то вниз медленно уходят, растворяясь в тумане, дома, дороги, леса, плантации. Казалось, это не ветвяк падает, а совсем наоборот — я возношусь над ним. Спустя минуту занебник потряс новый удар. Устрашающий треск, сравнимый только с треском сталкивающихся болидов, подтвердил, что ветвяк четвертого яруса разделил судьбу своего верхнего соседа. Удары и треск повторялись еще трижды. Дальнейшего я почти не запомнил. Но если когда-нибудь мне случится присутствовать при давно предсказанном сражении Сыновей Света с Сыновьями Тьмы, после которого нашему привычному миру суждено полностью изменить свое обличье,— это событие не станет для меня откровением. Однажды я уже пережил его.

Остальное можно домыслить. Тучи грязи, достигшие едва ли не верхушек занебников. Исполинские корни, вывороченные из земли страшной тяжестью перекосившегося сверхдерева. Тысячи человеческих тел, низвергающихся в Прорву. Долины, вдруг превратившиеся в холмы. Реки, улетучившиеся в мгновение ока. И реки, разлившиеся наподобие морей...

Еще долго трещал, вздрагивал и клонился долу занебник, вдруг утративший свою, казалось, незыблемую устойчивость. Возможно, он и рухнул бы, вызвав на Вершени и в Иззыбье еще более мощные катаклизмы, однако соседние занебники, намертво сцепившиеся с ним десятками уцелевших ветвяков, воспрепятствовали этому. Впрочем, как выяснилось впоследствии, мой эксперимент не прошел бесследно и для них.

Пе́щера наша превратилась в перевернутый колодец, и мы постепенно сползали все ближе к обращенному в бездну отверстию. Стражники, балансируя на все более возрастающей крутизне пола, попробовали вырубить в стене горизонтальную нишу, но попытка эта стоила жизни двоим из них. Спасла нас длинная веревка, предусмотрительно прихваченная кем-то из десятников (за эту доблесть он тут же был произведен в сотники). Ловкий, как обезьяна, молодой законник без всякой страховки выбрался наружу и, чудом пробравшись по наклонной (со знаком минус) стене занебника, закрепил веревку у входа в другую пещеру, оказавшуюся, на наше счастье, ответвлением лабиринта.

Плутая в нем, мы прошли недра занебника насквозь и оказались в конце концов на крутопутье, соединявшем игольники третьего и четвертого ярусов. В пути мы встречали издыхающих кротодавов и перемолотых в фарш шестируких. Целые тупики были забиты трупами кротов. Смола, прорвавшаяся в лабиринт через лопнувшие стенки ходов, превращала в нетленные мумии и живых, и мертвых. Изгнанные из гнезд термиты обратились в подобие библейских скорпионов. Казалось, что это сам Аввадон-Губитель, ангел Бездны, послушный зову Пятой трубы, ведет на род человеческий свое неисчислимое воинство. Глубочайшие трещины рассекали нутро занебника — из них поднимался едкий, дурманящий пар. Нам случалось натыкаться на обломки хижин, огромные бадьи с засохшей солдатской кашей, целые звенья выдранных с крутопутья лестниц и другие предметы, оказавшиеся здесь совершенно необъяснимым образом. Из двух десятков наших спутников уцелели всего пятеро. Да и те покинули нас сразу же после выхода из лабиринта, устрашившись открывшейся перед нами картины. Ветвяки, торчавшие вверх под совершенно немыслимым углом, были девственно пусты. Рывок, опрокинувший занебник, был настолько силен, что все, кто не обладал разветвленной и цепкой корневой системой, уподобились брошенному из пращи камню.

Не узнавая знакомых мест, мы бродили с Головастиком по Вершени, лишь изредка натыкаясь на голодных, одичавших людей. Чудо, что в этом хаосе мы смогли отыскать Ставку, вернее, то место, на котором она когда-то располагалась. Исчезло все: нагромождение хижин, уродливый дворец, заляпанный кровью Престол, горы отбросов. Исчезли Письмена, исчезли реликвии. Остались толь-

ко ямы-остроги, но содержавшиеся в них узники тоже пропали. Мои контакты с Головастиком ограничивались самыми элементарными вещами — добыванием пищи, поисками ночлега, защитой от мелких банд бродяг-каннибалов. Лишь иногда, как будто бы ни к кому не обращаясь, он бормотал: «Зачем ты это сделал, ну зачем ты это сделал!»

Случайный попутчик, исчезнувший наутро вместе с последними крохами наших припасов, указал примерное направление на занебник, где, по его словам, собираются все те, кто остался верен Тимофею, кто не забыл своей принадлежности к служивому и приказному люду, кто собирается восстановить на Вершени порядок и законопочитание.

Катастрофа затронула не более двух десятков занебников, и степень разрушения уменьшалась по мере удаления от ее центра. Довольно скоро мы достигли мест, где ветвяки, как и прежде, торчали горизонтально, где дороги и плантации кишели кормильцами и где можно было, хоть и с трудом, выпросить или украсть что-либо съедобное. Нас никто не узнавал, да мы и не старались афишировать свое прошлое.

И наконец наступил день, когда сквозь пелену тумана мы различили некое нагромождение, похожее одновременно и на перевернутый вверх тормашками собор и на выброшенный на мель Ноев ковчег. То была Ставка, еще более уродливая, еще более абсурдная, чем прежде.

Уже в темноте в полусотне шагов от перекошенных, изломанных стен нас остановили стражники. На все их расспросы мы отвечали уклончиво. Головастик назвался советником одного из губернаторов, а я состоящим при его особе законником. Нас препроводили в какой-то душный, изрядно загаженный предыдущими посетителями чулан.

Спустя некоторое время принесли факелы. Стражники прошли вперед и выстроились за нашими спинами. Дверь осталась открытой настежь. Кто-то почти неразличимый в ночи стоял там за порогом и неотрывно смотрел на нас. Взгляд этот обжигал, давил, завораживал — и так продолжалось очень долго.

— С возвращением, братцы,— голос Ягана наконец нарушил тягостную тишину.— Давно вас ожидаю. Уже и надеяться перестал.

За время скитаний по Вершени и Иззыбью я повидал немало очень разных тюрем. О некоторых нельзя было вспомнить без содрогания, другие заслуживали вполне лестного отзыва. Короче говоря, я считал себя в этом вопросе докой, более того, первым претендентом на орден «Заслуженный узник», если таковой был бы вдруг учрежден. Однако метод ограничения свободы, придуманный

Яганом специально для меня, был до такой степени оригинален, что заслуживает особого упоминания.

Я был помещен в роскошных, по местным понятиям, конечно, чертогах. Мое тело до пояса прикрывало некое подобие стола или кафедры, а ноги до середины щиколоток были опущены в выдолбленное в полу углубление и залиты смолой — как объяснил Яган, самой прочной и самой быстрозастывающей. Уйти отсюда я мог, только волоча на себе весь дворец.

Со стороны все выглядит вполне пристойно — сидит Тимофей посреди просторного, богато убранного покоя и размышляет над государственными делами. Иногда изрекает свеженький указ, но всегда в присутствии Ягана, своего Лучшего Друга. Механизм нашего сотрудничества был весьма прост. Яган надиктовывал мне очередной плод своего законотворчества, чаще всего достаточно людоедский. Я, конечно, наотрез отказывался огласить подобный бред, и он уходил, нимало не расстроенный. Уходил и больше не появлялся. А поскольку Яган был единственным звеном, связывающим меня с внешним миром, его отсутствие весьма скоро начинало отрицательно сказываться на моем самочувствии. Если голод и жажду еще можно было как-то терпеть, то неудобства в плане отправления естественных надобностей донимали сверх всякой меры. Лишить человека возможности пользоваться обыкновенной парашей намного жестокосердней, чем лишить его чести и достоинства.

Дождавшись момента, когда мои страдания достигали апогея, Яган возвращался и обычно без труда добивался своих целей. Тут же приглашались приказные и законники, дабы удостоверить мое очередное гениальное прозрение. И попробовал бы хоть один из них при этом поморщиться или зажать нос! Наоборот, зловоние воспринималось этими лицемерами как некий признак высшей благодати, печать избранности. Не удивлюсь, если обычай портить воздух вскоре внедрится в самых изысканных кругах местного общества.

Как бы то ни было, но Яган добился своего — я стал марионеткой в его руках. Но оказалось, и этого было для него мало. Планы моего Лучшего Друга простирались намного дальше.

Однажды ни с того ни с сего Яган поведал мне историю своего спасения. Прознав о том, что я приказал рубить ветвяки, и уяснив для себя размеры и темп этой работы, он верно оценил опасность, грозящую войску Отступников. Однако все его предупреждения никак не повлияли на фанатиков, уже почуявших близкую победу. Даже грозные признаки надвигающейся катастрофы — треск и содрогания ветвяка — нисколько не смущали их стратегов. Обдумав все до мелочей и безукоризненно рассчитав время, Яган совершил

побег, прихватив при этом Письмена, вернее, их вторую часть. Сделал он это чисто интуитивно, без какой-то определенной цели. Уже потом Яган понял, что не прогадал. Письмена выручили бы его в любом случае: попадись он Отступникам, похищение можно было бы выдать за попытку спасти реликвию, для своих же годилась версия об успешно проведенном диверсионном акте, имевшем целью подрыв боевого духа противника.

Едва Яган успел перебраться на соседний занебник, как обреченный ветвяк рухнул, погубив посланную за ним погоню, а заодно и все войско Отступников. Ягану, конечно, тоже пришлось несладко. Несколько раз чудом избежав смерти, он добрался до мест, не тронутых бедствием, и, пользуясь прежним авторитетом, основал новую Ставку.

Своими основными планами на будущее он со мной делиться не стал, однако в один все же посвятил. До сих пор гибель судьбоносной книги тщательно скрывалась. Столь трагическое известие грозило непредсказуемыми последствиями. Да и в чисто практическом плане ее отсутствие причиняло массу неудобств — нельзя было созывать Большой Сбор, невозможно стало на якобы законных основаниях вершить человеческие судьбы. Заменить истинные Письмена можно было только Письменами Отступников. В данной ситуации не оставалось иного выхода, как поступиться принципами. Вот только содержание книги оставалось тайной за семью печатями. На Вершени давно уже никто не умел читать. Существовала узкая каста законников, знавшая весь текст наизусть. Знание это, передаваемое из поколения в поколение, было доведено до редкого совершенства. Определив по им одним известным приметам страницу, законник про себя проговаривал весь текст наизусть и, лишь дойдя до указанного слова, произносил его вслух. Непременным условием выдвижения в Друзья являлось умение «читать» и толковать Письмена. Само собой, теперь эти знания оказались бесполезными.

С моей помощью специально подобранная группа молодежи должна была в кратчайший срок задолбить новый текст. Впоследствии этим прозелитам предназначалось заменить старую администрацию. Дабы избежать раскола и смуты, все те, кто так или иначе был причастен к исчезнувшим Письменам, подлежали ликвидации.

За содействие в проведении этой акции Яган обещал мне — нет, не свободу,— а вполне сносное существование, покой, почитание, а в перспективе — тихую, естественную смерть. Тут он, думаю, кривил душой. Ноги мои, словно скованные льдом корни дерева, уже не принадлежали мне. Они не отзывались ни на боль, ни на приказы нервных центров. Некротические процессы уже достигли бедер и в скором времени грозили распространиться на брюшину.

И все же я согласился на предложение Ягана. Мне позарез нужна была вторая половина книги. Только получив к ней доступ, я мог завершить дело, ради которого терпел позорнейшее существование, недостойное не то что человека, но даже скота.

Яган не стал откладывать задуманное в долгий ящик — видимо, знал, что век мне отмерен короткий. Уже на следующий день он принес книгу, тщательно завернутую в несколько слоев рогожи. Конечно же, он не оставил нас с ней наедине — не доверял. Но и торопить не стал, понимая, что мне нужно какое-то время на предварительное ознакомление.

Я долго смотрел на стопку пожелтевших, искрошившихся по краям листков, не прикасаясь к ним, и старался хотя бы примерно прикинуть, сколько человеческой крови пролито за каждую из этих нечетко пропечатанных, затертых буковок. Неужели за рецепт холодника можно воевать столько лет? Разве противоречия в толковании загадочного слова «дуршлаг» обязательно должны разрешаться на поле брани? Почему на Вершени не нашлось светлых голов, способных усомниться в роковом значении знака «запятая»? Или все дело в том, что чужим умом (или чужим заблуждением) жить намного проще, чем своим собственным?

До сих пор я считал, что все великие книги, ставшие вехами на переломах человеческой истории, были лишь формальной фиксацией, графическим отображением идей, уже в достаточной мере завладевших сознанием масс. И законы Моисея, и Нагорная проповедь, и провозглашенный Конфуцием «Путь золотой середины» существовали задолго до того, как были записаны. Коран потому стал так популярен среди последователей Магомета, что не содержал для них ничего нового. Он лишь оформил закон изустный, оспариваемый, в закон божественный, неоспоримый.

На Вершени я столкнулся с явлением прямо противоположного характера. Бессмысленные и непонятные, ничего общего не имеющие с реальностью, чуждые слова стали высшим откровением, непреложной истиной, кладезем мудрости. Что это — всего лишь подсознательное стремление создать нового кумира, заполнить некий духовный вакуум? Или тонко рассчитанный ход, смысл которого — возложить на Слово все прошлые и будущие грехи, все свои просчеты и ошибки, попытка смыть с себя кровь, а грязь объявить самоцветами?

Если так, то Письмена не имеют права на существование. С детства мне внушали, что уничтожение книги — преступно. Но что, спрашивается, потеряло бы человечество, лишившись «Молота ведьм» или «Майн Кампф»? Сейчас это просто любопытное забористое чтиво, типичный образчик печатной продукции своей эпо-

хи, но ведь когда-то каждое слово отдавалось по всему свету воплями невинных жертв. Без всякого сомнения, эта книга должна быть истреблена. Конечно, свинья грязь найдет. Исчезнут Письмена — появится что-то другое. Но уж за это я буду не ответчик! Однако торопиться не стоит. Время еще есть. Заливные и отбивные меня не интересуют, а вот откровения Тимофея почитать стоит.

«я уже стар, и жить мне осталось недолго. Дело, которому я посвятил свою жизнь, осталось незавершенным. Народ этот глуп, ленив и неблагодарен. В глаза меня превозносят, а за спиной клянут. Меня обвиняют в голоде, ставшем в последнее время обычным явлением. Действительно, я запретил им, как раньше, собирать плоды там, где они растут, а повелел вертеть повсеместно дырки и в них упрятывать семена, дабы впоследствии те дали обильные всходы. Пусть урожай появится не сразу, важно терпеть и верить. Когда-нибудь они убедятся, что я прав. Только дикари кормятся случайными дарами природы, честной люд обязан добывать пропитание в поте лица своего. Кроме того, мне ставят в вину, будто бы вследствие постоянного перемещения народа сильно распространились болезни. Но это уже совершенная глупость. Болезни их происходят от безделья и похотливости. Нужен указ, ограничивающий контакты разных полов. Необходимо строить для мужчин и женщин раздельные дороги и раздельные поселки. А для продолжения рода пары пусть встречаются в специально отведенных местах в заранее оговоренные сроки. Порядок должен быть в любом деле. Обидно, что силы мои иссякают и я, возможно, не доведу свои начинания до конца.

Боюсь также, что, едва меня не станет, забудется и дело рук моих. Тот, кто окажется у власти, все внимание уделит обжорству и увеселениям. Знаю я этих людишек. Прогресс заглохнет. История повернет вспять. Чтобы не допустить подобного безобразия, я придумал одну хитрость. После себя я назначу сразу двоих преемников. В строжайшей тайне, конечно. Как доказательство моей последней воли, я вручу каждому из них по половинке книги. Естественно, и тот и другой примутся отстаивать свои права. А поскольку единственным подтверждением этих слов будет часть книги, они станут всячески возвеличивать ее, а следовательно — и меня. Ничего страшного, что начнутся смуты и войны. Только та истина чиста, которая омыта кровью. Желательно, кровью немалой. То одна, то другая сторона будут брать верх и каждый раз при этом возносить мне хвалу. А будет жить память обо мне, будет жить и мое дело. Кто бы ни победил, в конечном итоге выиграю я.

Немало времени я потратил на поиски выхода из этого мира. Не то чтобы я рвался назад, а просто из любознательности. Луч-

ше быть первым на Вершени, чем вторым в Ребровском районе. Прямо скажу, ничего у меня не вышло. На это одной жизни мало. Но кое-какие свои наблюдения я здесь все же изложу. Возможно, они будут полезны для тебя. Если это такой же мир, как и тот, в котором я родился, что-то здесь явно не так. У нас если черти или разные там драконы существуют, то только в бабушкиных сказках. А тут всякая нечисть так и кишит. Не планета, а какой-то проходной двор! Одни твари появляются и исчезают. Другие обретаются постоянно. Кажется мне, некоторые из них тоже ищут выход отсюда. На Земле люди живут, как в своей квартире. А здесь, как на вокзале. Выводы делай сам.

Никто не увидит моей смерти. Я уже приготовил убежище, о котором никому не известно. Там я дождусь конца. Пусть все считают, что я ушел только на время. В памяти народа Тимофей останется бессмертным. Верю, когда явишься сюда ты, тебя встретит благодать и процветание. Управляй от моего имени и неукоснительно соблюдай все мои заветы».

— Прочел? — спросил Яган, увидев, что я глубоко вздохнул и отодвинул от себя книгу.

— Прочел,— ответил я.

— Еду подавать?

— Сначала парашу.

— Как хочешь,— нагнувшись, он полез под кафедру, скрывавшую нижнюю половину моего тела от посторонних взглядов.

Всего на одно мгновение его крепкий, густо заросший курчавым волосом затылок оказался на расстоянии вытянутой руки от меня. Долбленый кубок для воды не очень грозное оружие, но если в удар вложить всю ненависть, всю ярость, копившуюся долгими неделями, весь остаток сил да при этом еще не промахнуться и угодить точно в цель — успех обеспечен... И что из того, что этот успех — последний успех в жизни.

— ..Где?— прохрипел Яган, садясь. Очнулся он куда быстрее, чем я ожидал.— Где они? Где Письмена?

Я молча указал на парашу, переполненную хлопьями размокшей, мелко изодранной бумаги. Яган опростал зловонный сосуд прямо на пол и принялся разгребать лапами его содержимое. Конечно, толковый эксперт-криминалист смог бы воссоздать какую-то часть текста, но даже в этом случае книга неизбежно утратила бы свое мистическое значение. Никто не согласился бы признать священной реликвией эту кучу бумажной каши.

Яган понял это достаточно скоро — минуты хватило. Однако на обдумывание ответного хода, вернее, многоходовой ответной комбинации, ушло значительно больше времени. Я ожидал побоев, му-

чений, смерти, чего угодно,— но он даже пальцем ко мне не притронулся. И не посмотрел в мою сторону ни разу. И не сказал ничего. Новая игра была просчитана и обмозгована, а я в ней оказался пешкой, которую без всякого сожаления отдают за качество.

Впрочем, вскоре выяснилось, что не мне одному отводилась роль жертвы. Яган куда-то ненадолго отлучился и вернулся, ведя за собой на веревке Головастика. Бедняга брел покорно, как предназначенный к закланию агнец. Не знаю, в каких жутких застенках провел все это время мой приятель, но видом он больше всего напоминал эксгумированного мертвеца. На нем, надо думать, успели перепробовать весь набор допросных орудий.

— Значит, так,— сказал Яган деловым тоном.— Времени у нас в обрез, поэтому обойдемся без сантиментов. Ты, Головастик, заслужил смерть. Еще десять дней тебя будут пытать, а потом лишат кожи, всей целиком, вместе с волосами. Однако сейчас у тебя появилась возможность спастись. Ты получишь нож, которым убьешь Порченного. После этого тебя схватят и доставят на суд. Там ты без утайки расскажешь, как замыслил это дело, как зарезал угодного Тимофею его же ножом, как затем уничтожил Письмена. Кстати, вот все, что от них осталось. Конечно, тебя приговорят к жуткой смерти, но в благодарность за оказанную услугу я тайно помилую тебя. Остаток жизни ты проведешь под чужим именем где-нибудь в укромном месте. Ты не будешь ни в чем нуждаться, это я тебе обещаю. Согласен?

— Ты опять обманешь...— Головастик с трудом разлепил запекшиеся губы. Голос его со времени нашей последней встречи неузнаваемо изменился, казалось, это не человек говорит, а мычит раненое животное.

— Не собираюсь тебя уговаривать. С этим делом я и сам управлюсь, а вину все равно свалю на тебя. Но тогда уже не жди пощады.

— Ладно... Я попробую... Но пусть меня больше не пытают сегодня...

«Ладно... Я попробую...»— точно такие же слова он произнес, когда я приказал ему убить Ягана. Вот так он и пробовал всю жизнь. Пробовал, да ничего не доводил до конца.

Конечно же, Яган не сдержит обещания. Зачем ему живые свидетели? А ведь придумано ловко — и все соперники устранены единым махом, и с Письменами полная ясность. Уничтожил, мол, коварный враг нашу святыню. Поэтому еще теснее сплотимся вокруг Ягана — Лучшего Друга, верного последователя и единственного законного наследника Тимофея. Слава Тимофею! И вечная память!

Нож перелетел через всю комнату и вонзился в пол у ног Головастика. Сам Яган, держа наготове другой нож, отошел подальше. Рисковать второй раз он не собирался.

— Ну, давай! Чего ты, канитель разводишь?— поторопил он Головастика.

— Сейчас... Трудно... Ребра болят.— Застонав, Головастик выдернул нож. Дышал он с трудом, на губах пузырилась розовая пена. Во рту не осталось ни одного целого зуба. Удавка по-прежнему болталась на его шее.

— Не мешкай,— сказал я.— Уж лучше ты, чем он. Только постарайся с первого удара...

Он ничего не ответил, только смотрел на меня безумным, подернутым слезой взглядом. Правая рука его, державшая нож, и левая, сжимавшая конец веревки, сошлись на уровне груди.

— Не трусь, дурак!— крикнул Яган у него за спиной.— Он же не может двинуться с места!

— Сейчас,— просипел Головастик. Его раздавленные, лишенные ногтей пальцы наконец кончили вязать узел на рукоятке ножа.

Неловко и медленно он повернулся и, снова застонав, как цепом взмахнул привязанным на веревке ножом. Похожим ударом Шатун когда-то сразил охранявшего нас служивого. Да только не Головастику с его нынешним здоровьем было браться за подобные трюки. Яган, выругавшись,— скорее удивленно, чем злобно — отскочил в сторону. Головастик заковылял вслед и снова крутанул в воздухе своим оружием, однако нож задел за потолочную балку. Яган хохотнул и отступил еще на шаг.

— Не надейся на легкую смерть,— сказал он.— Сколько бы ты ни прыгал, будет так, как решил я.

В ту же секунду нога его угодила в лужу бумажной каши. Пытаясь удержать равновесие, Яган резко взмахнул руками и грохнулся на левый бок. Головастик, не закончив начатого шага, упал на него сверху. На какое-то время кафедра скрыла от меня сцепившиеся тела. Встать я даже не пытался — знал, что не смогу. Судя по звукам, Яган боролся вяло, словно вполсилы. Головастик стонал и всхлипывал. Так они провозились минуты три. Потом наступила тишина. Струйка крови обогнула кафедру и устремилась к моим мертвым ногам.

— Он, гад, на свой собственный нож напоролся,— раздался слабый голос Головастика.— Мне даже дорезать его не пришлось...

— Все равно ты отомстил...

— Какая мне от этого радость?

— Мы стали свободными... Иди... Ползи... Позови людей... Пусть явятся знахари. Пусть принесут целебные травы... Пусть спасут нас...

— Мы никогда не выйдем отсюда. Ни одна душа не имеет права входить и выходить из этой комнаты без сопровождения Ягана. Таков указ, и его нарушение карается смертью. Меня заколют прямо на пороге, а ты умрешь голодной смертью.

— Что же нам делать?

— Неужели не догадываешься?.. Помнишь, я обещал спеть тебе поминальную песню. Несколько раз я уже собирался сделать это, но всегда что-то мешало. Теперь, чувствую, самое время. Будешь слушать?

— А это необходимо?

— Да. Это необходимо. Я должен попрощаться с тобой.

— Тогда пой.

И он запел — тихо, почти шепотом, с трудом выговаривая слова:

Когда ты в старости умрешь,
Судьбу благодари.
Удачной была твоя жизнь,
Ты выиграл пари.
Ты сладко ел, ты вдоволь пил,
И счастлив был в любви.
Теперь встречай свой смертный час
И тихо отдохни.

Он закашлялся, а прокашлявшись, долго молчал.

— Что с тобой?— спросил я.— Тебе нехорошо?

— Ничего... Горло... Если бы ты только знал, что со мной делали... Слушай дальше...

Когда в расцвете сил умрешь,
Судьбу благодари.
Не знал ты старческих забот,
Болезней и тоски.
Ты вовремя покинул мир,
Ушел в разгар утех.
Тебе не ведом срам детей
И внуков тяжкий грех.
Когда ты юношей умрешь,
Судьбу благодари.
Избег ты множества невзгод
И спасся от нужды.
Тебя не изведет жена,
Не предаст лучший друг.
Ушел в свой предрешенный срок
Цветок, не знавший мук.
Когда младенцем ты умрешь,
Судьбу благодари.
Ты выбрал самый лучший путь,
Что тут ни говори...
Такое гнусное житье
Достойно лишь скота.
И лучше смерти поцелуй,
Чем жизни блевота.

Звук, который раздался затем, нельзя было спутать ни с каким другим — так входит в человеческую плоть остро отточенный нож. Кровавая струйка у моих ног превратилась в кровавый ручей.

Прости меня, Головастик, подумал я. Прости, если сможешь. Зачем только я втравил тебя в это дело...

И еще я подумал о Ягане. В моих покоях от стенки до стенки метров двадцать — хоть танцуй. Он мог выбрать любой путь, ступить на любую половицу. Какая сила подтолкнула его к одной-единственной, роковой точке? Судьба, божий суд, собственная больная совесть?

Свет. Тьма... Вспышка. Мрак... День. Ночь... Жизнь. Смерть...

То ли это время повернуло вспять, то ли Великий Режиссер запустил пленку бытия задом наперед, то ли окончательно поехали набекрень мои мозги.

Как нестерпимо долог миг. Как безжалостно краток день.

Свет. Тьма... Вспышка. Мрак...

В такие минуты ангелы нисходят на землю и святые говорят с грешниками.

Пусть кто-нибудь снизойдет и ко мне. Светоносный Серафим или на худой конец смердящий дьявол. Лишь бы он был милостив. Лишь бы умел облегчить душу и умерять страдания. Где же вы, боги этого мира? Неужели и вы низвергнуты, осквернены, растоптаны? Тогда пусть придет Тимофей — пьяный демиург, всевышний в драной телогрейке. Кем ты, братец, был в той первой жизни? Пекарем, завхозом, инспектором районо, пенсионером-общественником, уполномоченным по заготовкам? Откуда столько жестокосердия, нетерпимости, самомнения и спеси? Кто дал тебе право думать и решать за всех? Как посмел ты распоряжаться чужой жизнью и смертью? Знакомы ли тебе муки стыда или укоры совести?

Что, что? А кто я сам такой, спрашиваешь ты. Сейчас никто. Засыхающее растение. Бесплодный камень. Бесплодный прах. А кем был раньше? Раньше я был Тимофеем. То есть тобой самим. Тимофеем Вторым. Тимофеем Дурачком. Тимофеем Лопоухим.

Вот не думал, что на смену мне явится такой размазня!

Не всем же дано быть Кровавыми и Грозными.

Твоя доброта хуже всякого зверства. Будь ты тверд и беспощаден с самого начала, не пришлось бы валить ветвяки. Такие, как ты, из сострадания к собаке рубят ей хвост по кусочкам. Слюнтяй! Сказано ведь было, следуй моим заветам и все будет нормально.

Нормально — для кого?

Для тебя, осел! Уж передо мной можешь не лицемерить. Разве

ты еще не распробовал сладость власти? Выше этого нет ничего на свете.

Власть превращает недоумка в мудреца, урода — в писаного красавца, косноязычного заику — в краснобая, негодяя — в святошу, труса — в героя.

Даже самая маленькая власть приятна, а уж что говорить о власти безграничной. Не голод правит миром, а жажда власти. Пусть даже это власть над толпой голых дикарей. Власть — вот главное, а всякие там разговоры о благе народа, справедливости и добродетелях — чепуха. Так было всегда, так есть и так будет! А впрочем, ты и сам это знаешь...

Свет. Тьма... Вспышка. Мрак...

...Когда толстенные бревенчатые стены истаяли, как дым, и моему взгляду стали доступны неизведанные дали, населенные призрачными астральными созданиями, я понял, что смерть не заставит себя долго ждать. Тени давно умерших людей приблизились ко мне, как к равному, и исходившее от них участие смиряло мою душу. Лишь призрак Шатуна, как всегда, был хмур и настороженн.

— Разве ты погиб? — удивился я.

— Нет, я жив.

— Странно... Ты очень изменился.

— Я стал иным. Даже имя у меня теперь совсем другое.

— Ты как будто доволен этим.

— Нет. Разве бабочка, покинувшая оболочку гусеницы, радуется? Я стал тем, кем и должен был стать с самого начала. Теперь я — Всевидящий Отче!

— Ты? Вот не ожидал! Как же это случилось?

— Едва только ветвяки рухнули, я спустился в Иззыбье. Не хочу смущать твое сердце рассказами о том, что я там увидел. Из моего Дома не уцелел ни один человек.

Трое суток я бродил в одиночестве и встречал только куцелапов, пожиравших изуродованные трупы. Однажды поутру я наткнулся на Феникса. Думаю, он специально подстерегал меня. Противиться его воле я не смог. Феникс привел меня к телу умирающего старика. Не знаю, каким образом жизнь еще держалась в нем. Грудь и живот его были пробиты насквозь, все кости раздроблены, из ушей вытекал мозг. Говорить Отче не мог, но я прекрасно понимал его и без слов. Он очень мучился, страстно желал смерти, но не мог умереть, не дождавшись Продолжателя. Быть может, он мог лежать так, не живой и не мертвый, еще очень долго.

Все случилось быстро и помимо моей воли. Наши руки, взгляды и души соединились всего на мгновение — и я превратился во Все-

видящего. Я узнал все, что знал он, его мысли стали моими мыслями, его сила — моей силой. Теперь я могу на равных беседовать с Фениксами, мне понятен язык Незримых. Да и о тебе самом я теперь знаю куда больше, чем раньше.

— Всевидящим открыто будущее?

— В какой-то мере. Мы умеем предвидеть и догадываться, ведь с нами память сотен поколений, а все в этом мире повторяется вновь и вновь.

— Выходит, Всевидящие знали, что ветвяки рухнут?

— Предполагали, скажем так. Однако в их понимании будущее предопределено, и пытаться изменить его — значит, накликать новые, куда более ужасные беды. Точно так же полагают и Фениксы.

— Не думал, что ты когда-нибудь сойдешься с ними.

— Фениксов и Всевидящих связывает древняя, почти забытая тайна. Люди во многом обязаны им и своим нынешним обликом и своим разумом. Если мы можем только догадываться о будущем, Фениксам оно известно досконально. Скитáться из начала времен в их конец им так же естественно, как людям перебираться с занебника на занебник. Они обречены на вечную жизнь. Никто не знает предела их силы. Но здесь Фениксы случайные гости, как и ты. Над этим миром они не имеют власти. Бессчетное количество лет они ищут способ вырваться назад — и все тщетно.

— Так кто же тогда настоящий хозяин здесь — может быть, Незримые?

— Нет. Их могущество также имеет границы. Даже ты обладаешь качествами, которыми не обладают они.

— Что же это за качества, интересно?

— Это мне неведомо. Меня послали за тобой, и я явился. Пойдем.

— Увы. Ты пришел слишком поздно. Я уже наполовину обратился в труп.

— Не беспокойся. Делай все так, как я скажу. Верь мне. Ведь я здесь не один. Со мной таинственная сила Фениксов и запредельный разум Незримых.

— Тогда приказывай.

— Встань!

Без всякого труда я приподнялся и даже смог отодвинуть от себя тяжеленную кафедру.

Кровь Головастика, перемешавшаяся с кровью Ягана, нестерпимо жгла мои еще совсем недавно совершенно лишенные чувствительности ноги.

— Напрягись! — приказал Шатун.— Напрягись так, как будто хочешь взлететь. Рванись изо всех сил!

Я рванулся — и во все стороны брызнули осколки твердой, как гранит, смолы.

Ничто больше не удерживало меня на одном месте. Небывалая мощь ломала и коробила тело. Сейчас я мог голыми руками разметать всю Ставку, но в этом не было нужды — вокруг меня громоздились одни руины.

— А теперь следуй за мной,— Шатун взял меня за руку.— Ничего не бойся и ничему не удивляйся.

Неизвестно откуда налетевший вихрь взметнул кучу праха. Что-то прошелестело над головой, закрыв на секунду свет,— и кроваво-золотистая, невыразимо древняя и вечно юная птица возникла перед нами среди запустения и скверны.

Смутно помню, как мимо меня медленно поплыли вниз ветвяки — четвертый, пятый, шестой и, наконец, седьмой, самый короткий и тонкий, на котором никто никогда не селился.

За все это время Феникс ни разу не взмахнул крыльями. Он не летел, а возносился — строго по вертикали, равномерно и плавно, как будто увлекаемый вверх невидимыми канатами. Шатун по-прежнему сжимал мою руку, словно стараясь удержать чужую, демоническую силу, все еще переполнявшую мою бренную оболочку.

Вновь я ощутил себя человеком — слабым, уязвимым, запуганным, но все же человеком — только на макушке занебника. Расстилавшееся вокруг мрачное, однообразное пространство было крышей этого мира, местом столь же непригодным для жизни, как внутренние области Антарктиды.

Ледяной ветер свистел в переплетении голых сухих ветвей. Эта серая, хрупкая, равномерно всхолмленная твердь смыкалась на горизонте с непроницаемо-тусклой полусферой, ничем не напоминавшей купол небес.

Три живых существа окружали меня — человек, наделенный нечеловеческими свойствами, бессмертная птица и мерцающий волшебным светом призрак. Птица владела тайнами времени, призрак — тайнами пространства, но оба они, как и я, были здесь чужаками. Шатун, хозяин этого мира, связывал нас троих в единое целое.

Он сказал:

— Не все слова, которые я сейчас произнесу, будут понятны тебе. Это слова Незримого. То, что ты сейчас видишь перед собой, лишь искаженное отражение его сущности. Вселенная, которую он покинул, устроена совсем по другим законам, чем наша. Теперь он

одновременно находится сразу в нескольких пространствах. Приготовься. Ты увидишь мир его глазами.

Голова моя закружилась, и я едва устоял на ногах. Серое замкнутое пространство истаяло, словно туман под напором могучего вихря.

Удивительные виды открылись моему взору. В фиолетовом небе горела косматая звезда, и свет ее отражался на глыбах чистейшего бирюзового льда.

Но этот голубой мир был словно картина, написанная на прозрачной кисее,— сквозь него просвечивало иное небо, багровое, бушующее, наискосок прочерченное серебристым следом кольца-спутника.

Пространства сменяли друг друга, как театральные декорации, и не было им ни числа, ни счета. Я видел горы, лазурные, как небеса, и небеса, тяжелые и темные, как гранит.

Желтые водопады низвергались в дымящиеся пропасти, вулканы изрыгали огонь и дым, на черепичных крышах замковых башен играли отсветы полярного сияния, пыльные бури заметали древние руины.

Однако не было ничего, даже отдаленно похожего на Землю.

— Все эти миры существуют один подле другого, но никогда не пересекаются,— продолжал Шатун.— Но есть один мир, под названием Тропа, который развернут поперек всех остальных. Неизвестно, кто, когда и зачем сделал это.

На Тропе есть частица Вершени, частица мира Незримых, мира Фениксов, твоего мира и великого множества других миров. Это мост через все сущее. Но Тропа закрыта для меня и почти всех других существ, включая Незримых. Только такие, как ты, смогут ступить на нее. Так говорит Незримый, и с этим согласен Феникс.

Ты пойдешь по Тропе от пространства к пространству, пока не достигнешь Изначального мира. Все остальные миры есть лишь его порченная, искаженная копия. Там тебе откроется истина. Ты спасешься сам и спасешь нас. Тебя ждут тяжелые испытания. Не все миры пригодны для жизни. Но никогда не поворачивай обратно, ибо обратного пути на Тропе нет. Сопровождать тебя мы не сможем. Но наша сила будет всегда рядом. Пройдет немало лет, разных лет, в разных мирах, и мы снова соберемся вместе. Феникс в далеком будущем уже встречал тебя, завершающего свой путь. Незримый видел твою могилу. Тропа коварна. Она способна петлять и разветвляться. На ней ты вполне сможешь встретить себя самого. Каждое новое пространство, каждое новое испытание, каждая новая встреча изменит что-то в тебе. В Изначальный мир ты придешь уже совсем другим человеком. Там произойдет твое окончательное перевоплощение. Не спрашивай, как это будет. Иди, вре-

мени в запасе у тебя более чем достаточно — идущему по Тропе не грозит старость.

— Как я узнаю, что пришел в Изначальный мир?

— Узнаешь. Почти каждый человек хранит память о нем, хотя даже и не подозревает об этом.

Луч далекой желтой звезды уколол мой зрачок. Ее оболочка сжалась и тут же распухла до неимоверных размеров. Испепеляющее небесное пламя обрушилось на зеленые леса и голубые океаны. Еще один мир умер, так и не дождавшись меня.

— Тогда я пойду. Не люблю долгих прощаний. До встречи!

И с этими словами я вступил на Тропу.

КЛИНКИ МАКСАРОВ

Роман

Художник **Д. АЛЕКСЕЕВ**

...лабиринт не стоит воздвигать, потому что Вселенная — лабиринт уже существующий.

Х. Л. Борхес

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Словно лавовый поток размером с океан, словно цунами из горящей нефти, словно протуберанец, родившийся в недрах преисподней, на Страну Забвения надвигалось Лето и вместе с ним надвигалась смерть.

Первыми, как всегда, умерли нежные цветы, покрывавшие черепашьи пастбища.

Дети собирали опавшие лепестки и охапками носили их в дом судьи Марвина.

Тот сидел в пустой светлой комнате, стены и потолок которой хранили неистребимые следы предыдущего Лета, и рассеянно составлял из этих лепестков картину. По замыслу судьи ее гамма должна была как-то контрастировать с его собственными невеселыми мыслями.

Однако на этот раз у Марвина ничего не получалось. Как он ни компановал оттенки, к каким только ухищрениям ни прибегал — мертвые, иссушенные неведомой силой лепестки могли выразить только то, что выражали: тоску, тлен и печаль небытия. Дети тихо стояли вокруг и наблюдали за его кропотливой работой. Большинству из них предстояло умереть в самое ближайшее время, и они знали об этом.

Хотя Лето, как это ему и положено, пришло совершенно неожиданно, все необходимые приготовления были уже сделаны, последние распоряжения отданы и каждый знал свою дальнейшую судьбу.

Судья лично попрощался со всеми, кому на этот раз не хватило места в Убежище — со стариками и калеками, которые и так не протянули бы долго, с чужеродцами, имевшими здесь лишь временный приют, и детьми, слишком взрослыми, чтобы разделить саркофаг с кем-либо из родителей и в то же время слишком юными, чтобы самостоятельно пережить в нем страшную летнюю пору.

За стеной заскрипел песок, послышалась простенькая, еще далекая от совершенства мелодия, и в пустом проеме дверей появился младший брат судьи — Тарвад, на попечении которого находились

машины холода. Все свое свободное время он посвящал музицированию и никогда не расставался с оправленной в серебро свирелью.

Марвин отодвинул незаконченную картину и ласковым, но решительным жестом отослал детей прочь. Возле судьи осталась только его дочь. Голову девочки украшал венец смертницы и поэтому ей было позволено многое из того, что не позволялось раньше.

— Какие новости, брат?— спросил судья.

— Черепахи уже перестали пастись и тронулись восвояси,— сказал Тарвад и легонько дунул в свирель.

— Глупые создания.— Судья пожал плечами.— Их путь мучителен и не ведет к спасению. Не лучше ли до самого последнего вздоха наслаждаться пищей, покоем и любовью... Но ведь тебя привели ко мне совсем другие дела. Не так ли, брат?

— Да.— Тарвад был явно смущен.— Я пришел к тебе не как к брату, а как к судье. Всем известна твоя справедливость и рассудительность. Но я пришел не один. Со мной странный человек, чужеродец. Его речи иногда трудно понять, но ты будь терпелив и выслушай до конца. Если он о чем-нибудь попросит тебя, постарайся помочь. Поверь, так будет лучше для всех нас.

Пока изрядно озадаченный Марвин размышлял над этими словами, мелодия свирели постепенно обретала стройность и полнозвучность.

— Признаться, я впервые слышу такое с тех пор, как научился понимать человеческую речь.— Марвин разжал кулак, выпуская на волю пригоршню пестрых лепестков.— В такую пору ты беспокоишься о судьбе какого-то чужеродца!

— Уж если говорить откровенно, его благорасположение уже само по себе стоит немало. Он восстановил три саркофага, на которые мои помощники уже махнули рукой. Его заботами машины холода стали работать намного лучше... Но дело совсем не в этом. Поговори с ним сам, и ты все поймешь.

— Он здесь?

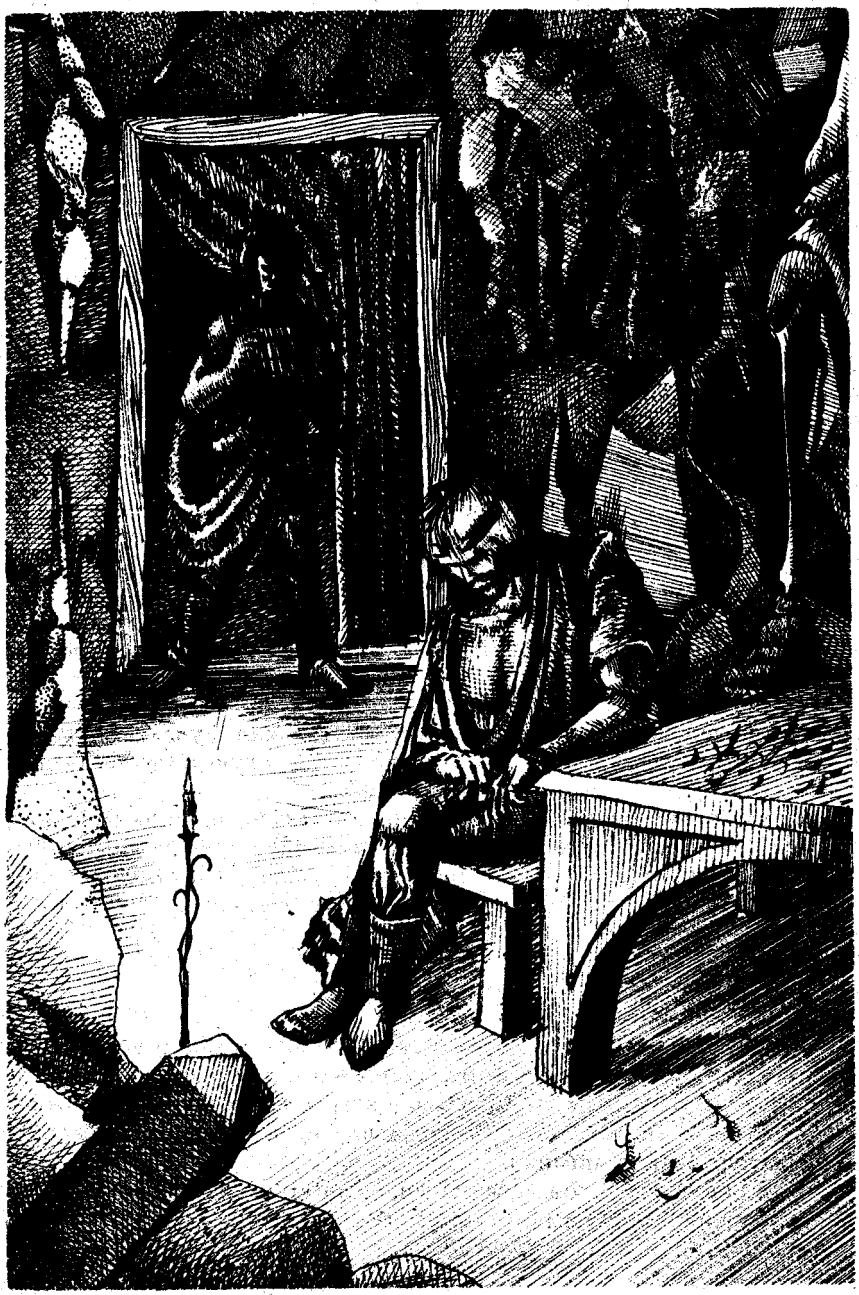
— Да. Ожидает за порогом.

— Тогда пусть войдет.

Чужеродец кивком головы поприветствовал судью и внимательным взглядом обвел помещение, стены которого наподобие изысканной лепнины украшали застывшие каменные потеки. От уроженца Страны Забвения его отличали разве что неуклюжие движения, да чересчур резкая мимика.

— Я рад видеть тебя, чужеродец,— мягко сказал судья.— Хотя мы встретились не в самую лучшую пору. Знаешь ли ты, что очень скоро сюда придет Лето?

— Знаю.

— А тебе известно, что это такое?

— Известно.— Голос гостя был хрипловат, а из всех подходящих для этого случая слов он выбирал самые простые.

— Когда ты явился сюда, тебя предупредили, что нашим гостеприимством можно пользоваться только до наступления Лета.

— Кажется, мне говорили что-то такое. Но тогда я не придал этим словам особого значения.

— А надо было. Ведь для тебя начало Лета означает конец жизни.

— Никто не волен распоряжаться моей жизнью, судья. Даже я сам.

— Никто и не пытается распоряжаться твоей жизнью. Но ты сам вскоре попросишь о смерти. Поверь, в этом нет ничего противоестественного. Если бы не обязанности судьи, я сам давно бы уже распрощался с жизнью. Для этого существует немало безболезненных способов. Ты сможешь выбирать любой.

— Увы, судья. Моя жизнь еще может мне пригодиться.

— Но тогда тебе придется взять взамен чужую жизнь. Уцелеть ты сможешь только лишив кого-нибудь из нас саркофага.

— И этого я не собираюсь делать.

— Тогда я не понимаю тебя. Возможно, твой ум повредился от страха?

— Все очень просто, судья. Я не стану дожидаться Лета. Я уйду отсюда. Как уходят вон те твари.— Он указал в окно на бесчисленные стада черепах, медленно-медленно ползущих в одном направлении.

— Когда Лето вновь отступит и мы покинем Убежище, выжженная земля вокруг будет усыпана их пустыми панцирями.

— Это твоя дочь, судья?— казалось, чужеродец не обратил никакого внимания на последние слова Марвина.

— Да.

— Красивая... Она тоже умрет?

— Это не должно тебя беспокоить.— Марвин едва сдержал вспышку гнева. Речи чужеродца были настолько бестактны, что даже бесконечному терпению судьи подошел конец.

— Ты хочешь жить, малышка?— словно не замечая состояния Марвина, спросил у девочки чужеродец.

— Нет,— она беззаботно покачала головой.

— Так вот,— докучливый гость снова обратился к судье.— Я постараюсь спасти самого себя и всех тех, кто мне поверит.

— Каким образом, хотелось бы знать? — Судья прикрыл глаза, чтобы не видеть лицо собеседника.

— Сейчас я отвечу. Но сначала сам задам несколько вопросов.— Он прошелся по комнате, разглядывая кое-какие сохранившиеся вещи: причудливые комки оплавленного металла, радужные хрус-

тальные слитки, прекрасную керамику, почти не тронутую огнем.— Ты случайно не знаешь предназначенье этого предмета, судья?— Он указал на прихотливую сосульку, в которой слились воедино медь, стекло и железо.

— По-твоему, каждый предмет должен иметь какое-нибудь предназначенье?— Марвин устало погладил дочку по щеке.— Он просто красив, вот и все. Присмотрись, как играют на нем отблески света. Он украшает нашу жизнь так же, как цветы, музыка, дети...

— А я уверен, что этот предмет был создан с совершенно определенной целью. Он предназначен для измерения... как бы это лучше выразиться... в вашем языке нет близкого понятия... Ну, скажем так: для измерения длительности таких, например, явлений, как жизнь.

— Ты говоришь очень путано. Как можно измерить жизнь? Да и зачем? Детство обязательно сменится юностью, а зрелость старостью.

—Представь себе, все на свете имеет свое мерило. От этой стены до той двенадцать шагов. Точно так же можно измерить и жизнь. Но для этого нужно иметь какие-то отметки, вехи. Смену времени года, смену дня и ночи.

— Ночь может наступить еще до того, как ты сомкнешь губы, а может — только в следующем поколении.

— То-то и оно. Небесные явления утратили логику и порядок. Но когда ваши предки создавали эту штуку,— он снова коснулся странной сосульки, в глубине которой поблескивали деформированные зубчатые колесики,— они умели измерять длительность любых событий. Стало быть, когда-то здесь случилось нечто такое, после чего подобные измерения утратили смысл. Кроме того, с той поры сохранилось множество других предметов, назначение которых вами забыто.

— Он говорит о восьминогих машинах, которые хранятся в тупиковом тоннеле Убежища.— Тарвад на мгновение оторвался от свирели.— Одну из них он заставил двигаться. Я видел это своими глазами.

— Такие машины могут двигаться в десятки раз быстрее человека. На одной из них я собираюсь убежать от Лета.— В словах чужеродца судье почудился оттенок гордости.

— Куда? В какие края?

— Вот об этом я и собираюсь поговорить с тобой.— Чужеродец опять уставился на черепах.— Значит, все эти твари должны погибнуть?

— Да. Им не уйти от Лета.

— Но когда Лето отступит, здесь появятся другие такие же?

— После того, как пройдут дожди и взойдет трава, их припол-

зет видимо-невидимо. Иначе чем бы мы тогда питались? Ведь о всех других животных мы знаем только из древних преданий.

— И какого размера будут эти черепахи?

— Раз в пять-шесть меньше тех, которые ты видишь. Здесь они будут отъедаться вплоть до прихода нового Лета.

— Следовательно, должно существовать такое место, где эти твари могут жить и размножаться, пока земля тут превращается в камень, а камень в песок.

— Если такое место и существует, до него не так-то легко добраться. Да и человеку там придется совсем несладко. Черепахи съедобны, но они совершенно чужды нам. У них нет ни ног, ни мозга, ни внутренностей. Неизвестно даже, способны ли они видеть и слышать. Трудно себе представить, какой мир мог породить столь странных существ. Кроме того, там, где бродит столько мяса, должны бродить и его пожиратели. В наши края они, к счастью, не забредают. Но панцири некоторых черепах носят страшные шрамы. В рост человека длиной и глубиной по локоть.

— Неужели никто из вас не добирался до тех мест?

— Плести небылицы — любимое занятие стариков. Спроси лучше у них. Я и так рассказал тебе слишком много. Ты же знаешь, что у нас не принято откровенничать с чужеродцами. Если не хочешь умереть как человек, поступай, как знаешь. Можешь взять себе машину, о которой ты говорил. Нам она не нужна. Поезжай на ней куда угодно.

— Но этому мешает одно обстоятельство.

— Какое же? — Судья уже понял, что от чужеродца не так-то легко отвязаться, но решил терпеть до конца.

— Черепахи едят траву, а вы — черепах. Машине тоже нужна пища.

— Что ты имеешь в виду?

— Она движется с помощью жидкого воздуха, который производят ваши машины холода.

— Вот его ты никогда не получишь! — голос судьи зазвенел.— Холод нужен тем, кто скоро ляжет в саркофаг. Если он окончится раньше, чем температура в Убежище упадет до приемлемого предела, мы все просто изжаримся. Холод для нас — это жизнь! Нам дорог каждый сосуд!

— Мне нужно всего десять-двенадцать штук. Для вас такое количество ничего не значит.

— Десять сосудов — это минимальная норма для одного саркофага. У кого именно ты предлагаешь отобрать их?

— А ведь я мог бы спасти твою дочь. И не ее одну. Отдай свои собственные сосуды и поезжай вместе с нами. Если мы доберемся до страны, которую не сжигает Лето, впоследствии туда сможет перебраться весь ваш народ.

— Ты безумец! Ты ровным счетом ничего не знаешь о нас. Мы здесь родились и здесь умрем. Нам не позволено уйти.

— Кем не позволено?

— Нашими отцами. Нашим опытом. Нашей жизнью. Впрочем, и сам ты далеко не уйдешь. Твоя машина не пройдет и несколько тысяч шагов, можешь мне поверить...

— Все ее механизмы вполне надежны.

— Не в механизмах дело. В них ты, возможно, и разбираешься, а вот во всем остальном — нет. Ты слишком мало прожил в этой стране и ничему не научился. Даже из нашего разговора ты ровным счетом ничего не понял. Прощай, чужеродец!

— Надеюсь, мы еще встретимся, судья. Подумай над моими словами. Подумай и о своей дочери.— Он протянул руку, словно собираясь снять с девочки венец смертницы, но так и не дотронулся до него.— Только думай не очень долго.

После того, как чужеродец ушел, в комнате еще долго стояла тишина.

— И все-таки, я на твоем месте сделал бы все, чтобы он ушел как можно быстрее,— словно самому себе сказал Тарвад.— Боюсь, как бы его присутствие не накликало на нас беду.

— Худшей беды, чем та, которая скоро обрушится на нас, не бывает.

— Кто знает, кто знает...— Тарвад задумчиво вертел в руках свирель.

— Что ты хочешь этим сказать? Чужеродцу не удалось вывести меня из себя, но боюсь, что у тебя это получится.

— Умерь гнев, брат. Он редкая дичь. И, наверное, ценная. За ним могут явиться такие охотники, что и нам всем здесь не поздоровится.

— Ничто уже не явится сюда, кроме всепожирающего пламени. А теперь оставь меня одного, брат. Я очень устал и хочу побыть в одиночестве. Иди и ты, дочка...

— Боюсь, как бы тебе не пришлось пожалеть об этом решении. Не забывай о тех, милостью которых существует наш народ. Не забывай о том, чем мы должны платить за эту милость. Если чужеродец не сможет убраться подобру-поздорову, он кинется на поиски другого пути спасения. И кто знает, не обнаружит ли он его... Вот тогда уж каждый из нас возжелает смерти в геенне огненной, как избавленья.— Тихо наигрывая на свирели, Тарвад вышел.

Отойдя на порядочное расстояние от дома судьи, Артем повалился на мягкую траву под стеной какого-то полуразрушенного здания. Разговор с Марвином опрокинул все его планы, и теперь надо было искать какой-то другой выход. С жизнью расставаться

он не собирался, даже самым безболезненным способом. Проще всего было бы украсть нужное количество никем не охраняемого жидкого воздуха, но это было бы то же самое, что надругаться над младенцем или убить старика. Хотя машины холода и работали сейчас на треть продуктивнее, чем раньше, но все сосуды высокого давления были наперечет.

Небо мерцало и переливалось всеми оттенками синего цвета и было больше похоже не на небо, а на океан, если смотреть на него с большой высоты. Какие-то тени двигались в его глубине, заслоняя одна другую, кое-где темнели бездонные фиолетовые провалы, а кое-где среди белесой голубизны величаво текли бирюзовые реки. Впрочем, на своем, не таком уж долгом веку, Артем видел немало всяких чужих небес, и это было еще не самое странное. Даже не верилось, что очень скоро дыхание неба испепелит здесь все живое.

«А жалко,— подумал Артем, глядя на отцветающую, но все еще пеструю и благоухающую равнину.— Очень жалко... Зеленая трава, чистая вода, тишина, не нарушаемая ни бурями, ни грозами. Здесь не бывает холодов, а солнце не слепит глаза. Да и вообще, этого солнца никто никогда не видел, по крайней мере, на жизни последних десяти поколений. В общем — почти «джанна», мусульманский рай. Разве что чернооких гурий не хватает. Впрочем, зеленоглазые женщины Страны Забвения отменно красивы, добры и знают толк в любви».

Если что-то и напоминало тут Артему о его родном, уже почти забытом мире, то только здешние люди. Люди, да еще, пожалуй, руины...

Зато все остальное было какое-то чужое, ни на что не похожее. Эти лишенные головы и лап, огромные, как стога сена, черепахи... Трава, чей густой и горячий, как кровь, сок во тьме вызывает ожоги, которые сам же излечивает при свете дня... Цветы, в чашечках которых копошится серая, клейкая мошкара, рождающаяся и умирающая вместе с этими цветками... И вообще, зачем здесь нужны такие яркие и пахучие цветы, если птицы и летающие насекомые напрочь отсутствуют?

Внезапно по всему небу стремительно побежали темные пятна-кляксы, которые все множились и росли в размерах, сливаясь между собой. Прошло еще одно мгновение — и небо оцепенело, приобретя равномерный чернильный цвет. Так бывает, когда кристаллизируется перенасыщенный раствор какой-нибудь соли. Сумрак разом погасил все краски дня. Наступила Синяя ночь — уже пятая подряд, если память не подводила Артема. Впрочем, подобные события давно уже перестали занимать его. Он утратил всякое представление о времени и жил так же, как и все в этой стране — спал, когда уставал, работал, если имел желание, ел, когда чувствовал

голод. Никто здесь не строил никаких планов на будущее и не считал ничего, что количеством превышало число пальцев на руках и ногах. От прошлого остались только смутные воспоминания и сказки, но нельзя же в сказках искать ответ на то, почему в этом мире спутались все концы и начала, почему исчезло солнце, хотя не исчез свет, и откуда появляется всегда нежданное Лето.

Скоро мысли в голове Артема стали путаться и он уснул, но внезапно проснулся, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. Накрепко въевшееся в кровь и плоть чувство самосохранения заставило его мгновенно сгруппироваться, приготовившись к схватке.

Однако это была всего лишь дочь судьи. В полумраке Синей ночи лицо ее казалось неестественно бледным, и только сейчас, лежа у ее ног, Артем разглядел, что это вовсе не ребенок, а девушка-подросток в пору раннего расцвета. Изысканная печаль, так свойственная людям Страны Забвения, уже наложила свой отпечаток на ее черты, однако во взгляде читалась непривычная твердость.

— Я не хотела приходить к тебе по свету,— сказала она так, как будто бы они были давно знакомы.

— Темнота наступила совсем недавно,— Артем мысленно прикинул, сколько времени ей понадобилось, чтобы дойти сюда от дома судьи.— Разве ты умеешь предугадывать наступление ночи?

— Только Синей. Иногда. Но только не Черной.

— Тебя послал отец?— Артем поднялся.

— Нет. Я пришла сама.— Она помолчала немного, по-прежнему пристально рассматривая Артема.— То, что ты говорил... правда?

— По крайней мере, сам я верю в это.

— На сумасшедшего ты не похож.

— А тебе часто приходилось встречать сумасшедших?

— Здесь каждый второй сумасшедший... Если ты так уверен в удаче, я хочу попытать счастья вместе с тобой.

— Значит, ты все же не хочешь умирать?

— Не хочу.

— Но еще недавно ты говорила совсем другое.

— Говорила. А что мне еще оставалось делать? Рыдать? Биться головой о стенку? Уж если ты обречен, зачем предаваться напрасному горю? Лучше прожить оставшийся срок в свое удовольствие. Сейчас я вольна делать все, что захочу — веселиться до упаду, есть самую вкусную еду, расстаться с девственностью, колотить младших, дерзить взрослым. Ведь я не имела никакой надежды! Я смирилась. Я была спокойна. А потом пришел ты. И появилась надежда.

— А отец отпустит тебя?

— Повторяю: никто не смеет сейчас мне указывать. Я невеста смерти.

— Но остается все та же проблема. Пища для моей машины. Холод.

— Если я попрошу, отец отдаст мне свой запас холода.

— И будет вынужден волей-неволей сопровождать нас?

— Нет. Будет вынужден умереть. Он никогда не покинет это место — ни живым, ни мертвым.

— Неужели тебе его не жалко?

— Жалко. Но жалость мы понимаем совсем не так, как ты. Уж если жалеть, то нужно жалеть всех нас, от стариков до грудных младенцев. Кроме того, еще неизвестно, что хуже — легкая смерть от кубка пьянящего напитка или заточение в тесном и вонючем саркофаге. Ведь ты действительно ничего не знаешь о нас! Попробовал бы ты пережить в Убежище хотя бы одно Лето! А я однажды уже испытала такое. Я лежала в саркофаге вместе с матерью — долго, очень долго. Я была уже большая, и мы едва могли повернуться в этом гробу. Все в саркофаге нужно делать на ощупь, в полной темноте. Ты же знаешь, там десятки всяких рычагов и кнопок. Напиться — пытка, сменить воздух — пытка. Про все остальное я уже и не говорю. А клопы! Видимо, это единственные живые существа, которые уцелели вместе с нами. В саркофагах их кишмя кишит. От них нет никакого спасения. Вот уж пытка так пытка! Не знаю, что случилось с моей матерью. Наверное, она и до этого страдала какой-то неизлечимой болезнью, которая обострилась в саркофаге. В конце концов даже я поняла, что мать медленно умирает. Чем я могла ей помочь? Она то плакала навзрыд, то стонала, то хохотала. Потом она принялась рассказывать мне всю свою жизнь — во всех деталях, от начала до самого конца. Если бы ты только знал, что она мне наговорила! Лежа в саркофаге я как бы пережила жизнь взрослой женщины и невольно сама стала гораздо старше. А потом мать умерла. В агонии она чуть не задушила меня. Представляешь, каково было мне, глупому ребенку, находиться рядом с ее телом, сначала холодным, как камень, а потом разлагающимся. Я хотела есть и грызла семена тех растений, которые в летнюю пору мы сберегаем в саркофагах. Я умирала от жажды, но не могла найти нужный рычаг. По ошибке я открыла заслонку сосуда с холодом. Смотри! — она оттянула ворот рубашки и между левой ключицей и маленьким темно-коричневым соском открылся глубокий звездообразный шрам.— Спаслась я чудом. Лето было уже на исходе, и отец по обязанности судьи первым покинул свой саркофаг. Он сразу догадался, что с нами неладно, и открыл крышку снаружи.

С тех пор я больше ни разу не заходила в Убежище. Я отказалась изучать устройство саркофага. Даже если бы сейчас мне представилась такая возможность, я не согласилась бы снова лечь в него. Уж лучше умереть на свежем воздухе.

— Невеселый у нас получился разговор. Признаться, о многом я даже не догадывался, хотя и не раз бывал в Убежище... Скажи, а что имел в виду твой отец, когда говорил: твоя машина не пройдет и тысячи шагов?

— Не знаю точно. Отец давно чем-то напуган. Мне кажется, дело тут вот в чем. Случается, что кто-то хочет усовершенствовать машину холода, построить более надежный саркофаг или воспользоваться каким-нибудь древним знанием. Никто из этих людей не сумел довести свое дело до конца. Все они нашли преждевременную смерть. Как будто над ними тяготел злой рок. Поэтому отец, да и многие другие считают: если хочешь уцелеть — ничего не меняй в заведенном порядке вещей. Пожелаешь чего-то нового и обязательно погибнешь.

— Понятно...— сказал Артем, хотя на самом деле ему до сих пор почти ничего не было понятно.

Молчание затягивалось, и первым его нарушила девочка:

— У тебя есть какое-нибудь имя, чужеродец?

— Представь себе, есть. Если хочешь, можешь звать меня...

— Нет! — она вскинула руку в предостерегающем жесте.— Твое имя может мне не понравиться. Когда-нибудь я дам тебе другое имя, настоящее.

— Именно ты? — Что-то не устраивало Артема в чересчур безапелляционных высказываниях девочки.

«Интересно, сколько ей лет по нашему счету,— подумал он.— Четырнадцать? Шестнадцать? Девочки в ее возрасте не говорят так. Неужели она действительно прожила во мраке и ужасе саркофага жизнь взрослого человека? Любопытно, как поведет себя дальше эта юная смертница?»

— Именно я,— сказала девочка, глядя на него спокойно и ясно...— И, кажется, я даже знаю, при каких обстоятельствах это случится.

— Ты ясновидящая?— спросил Артем, а сам подумал: «Уж не помешанная ли она? Вот будет мне подарочек в дорогу!»

— Нет. Но иногда мне снятся очень странные сны. Бывает, что я вижу их даже наяву. Как только ты ушел, меня посетило одно такое наваждение. Я ясно поняла, что на следующий день мы обязательно отправимся в путь, но...— голос ее дрогнул впервые за время разговора.— Но перед этим случится что-то страшное.

— С нами?

— Нет... По крайней мере, не с тобой. Лучше расскажи, из каких мест ты пришел?

— Моя родина так далеко, что я уже потерял надежду туда вернуться. Поверь, это совершенно другой мир. И главное его отличие вот в чем...— Артем на мгновение задумался.— Как бы тебе получше объяснить... Кусок мяса, вырванный из тела черепахи,

продолжает жить своей жизнью, ползает и даже питается. Но это лишь видимость жизни. Мой мир отличается от вашего так же, как живая, полноценная черепаха от куска ее плоти. Страна Забвения лишь клочок того необъятного мира, в котором когда-то жили ваши предки.

— В каком направлении нужно идти, чтобы попасть в твой мир? — Девочка никак не выразила своего отношения к последним словам Артема.

— Такого направления просто не существует. По крайней мере, сейчас. Я в ловушке. И ты тоже в ловушке. В ловушке весь ваш народ и, наверное, множество других народов. Только вы попали в этот капкан случайно, а я влез в него по собственной воле. Сейчас ты наверняка ничего не поймешь. Пора для этого еще не настала. Подожди немного.

— Я подожду. Чему-чему, а терпению меня научили... Скажи, а откуда тебе известно устройство всяких машин?

— В моем родном мире машины встречаются чуть ли не на каждом шагу.

— И машины холода тоже?

— Маленькие машины холода есть почти в каждом доме. Но больше всего строится машин для передвижения. На одних ездят, на других летают, на третьих ныряют под воду. В некоторых машинах я неплохо разбирался. Они совсем другие, чем ваши, но что-то общее все же есть. Твой дядя Тарвад объяснил мне общие принципы их работы, а до остального я дошел своим умом.

— Ты молодой или старый?

— Не знаю. А твой отец какой?

— У него есть дети. Значит, он старый.

— Выходит, что и я старый. Хотя детей у меня нет.

— В той стране, где ты родился, у всех серые глаза?

— Нет. Бывают и черные, и синие, и даже коричневые.

— Это хорошо,— задумчиво сказала девочка.— Наверное, это очень скучно, когда у всех серые глаза. Ну ладно, я пойду.

Однако она не сдвинулась с места и продолжала стоять напротив Артема, слегка покачиваясь и обхватив себя руками за плечи.

— Ты не сказала, как тебя зовут? — мягко спросил Артем.

— Разве? Ты просто забыл мое имя.— Она рассмеялась и, резко повернувшись, бросилась бежать, но не к дому, а совсем в другую сторону.— Мое имя давно известно тебе! Ты слышал его во сне или в какой-то иной жизни! Ты должен обязательно его вспомнить! Это очень важно!

«Надежда,— почему-то подумал Артем.— Я буду звать ее Надеждой».

Сон быстро пришел к Артему, и вместе с ним пришли воспоминания, давно уже не посещавшие бодрствующий трезвый мозг, занятый каждодневными заботами о пропитании, крове и безопасности.

Снова он увидел тех, кто послал его в этот удивительный, неизвестно какими силами природы созданный мир: не имеющее ни формы, ни облика существо, живущее одновременно в нескольких измерениях, бессмертную птицу в кроваво-красном оперении и сурового воина по кличке Душегуб — человека, волею случая принявшего на себя нечеловеческие обязанности.

Снова они молча глядели на него через беспредельное пространство, словно вопрошая о чем-то, и снова он не получил от них ничего — ни приказа, ни совета, ни хотя бы ободряющего знака. Он не был забыт, но и помочь ему не могли.

Если мир, в котором он оказался, действительно тот загадочный мир-Тропа, соединяющий все сущие во Вселенной пространства, то ему неизвестно даже верное направление, которое суждено выбрать на этой тропе. Куда идти? С одной стороны раскаленный ад, время от времени выплевывающий в сопредельные пространства страшное губительное Лето. С другой — заповедник огромных травоядных тварей, непробиваемые панцири которых тем не менее носят глубокие отметки чьих-то исполинских клыков или когтей. Слева и справа — полная неизвестность: может быть, какие-то другие страны, с совершенно непредсказуемыми природными условиями, а скорее всего, невидимые, но непроницаемые стены, раз и навсегда отделившие эти клочки пространства от материнских миров, частью которых они когда-то являлись.

Какой путь выбрать ему в этом вселенском лабиринте? И существует ли здесь вообще какой-то верный путь? Как добраться до того самого Изначального мира, на поиски которого он послан? Как уцелеть среди этого водоворота опасностей, как прорваться через миры, искони не предназначенные для существования живых существ? Нужно иметь броню вместо кожи и атомный реактор вместо сердца, чтобы пройти невредимым эту Тропу от начала до конца. Ведь такое не под силу ни Фениксам, постигшим тайны времени, ни властелинам пространства — Незримым. Почему же в такой путь послали его — слабого и смертного человека?

Разные люди и нелюди приходили к Артему во сне, но никто не сказал ему доброго слова. Последнее, что он запомнил из этих сумбурных видений, была девочка в венце смертницы. «Никому не дано заранее знать свое предназначенье»,— говорила она.— Люди, рожденные царствовать, весь свой век трудятся носильщиками, а пастух становится потрясателем Вселенной. Не стремись избежать неизбежного, не изнуряй себя напрасными упованиями. Будь стоек и терпелив, и судьба сама укажет тебе верный путь».

Когда Артем проснулся, было уже светло, хотя это вовсе не значило, что наступил день. Вслед за Синей ночью могла, например, следовать Желтая, отличающаяся от дня только цветом и фактурой неба — постоянно меняющиеся оттенки синевы уступали место тускло-лимонному глухому занавесу.

Росы на траве не было, а из-за далеких холмов явственно тянуло теплом. Черепахи с прежней тупой настойчивостью ползли куда-то, словно подгоняемые этим, пока еще приятным ветерком, однако их стало значительно меньше и среди них попадались настоящие гиганты.

Пройдя через все еще настежь открытые ворота Убежища, Артем спустился в одну из подсобных галерей и стал готовить свою машину к дороге.

Трудно было сказать, как давно она изготовлена. Судя по всему, в прошлом ей почти не пользовались, а в сухом, бедном кислородом воздухе Страны Забвения сталь почти не подвергалась коррозии. Но скорее всего подобные машины стали строить уже после катастрофы, вырвавшей из неведомого измерения этот лоскут обитаемой суши. В ней не было ничего, способного гореть — ни пластмассы, ни резины, ни дерева, а только металлы, керамика и жаропрочное стекло. Даже смазку заменял тонкий серовато-синий порошок. Какое-то время, очевидно, она могла идти даже сквозь огонь, тем более, что ее двигатель не нуждался в доступе воздуха, а экипаж мог дышать парами отработанного горючего — обыкновенной азотно-кислородной смесью.

Издали машина (которую можно было назвать вездеходом: пятиметровые рвы и трехметровые стены не являлись для нее препятствием) напоминала огромного таракана. Из продолговатой стальной коробки, лишенной каких-либо признаков дизайна, торчали четыре пары голенастых лап, казавшихся неправдоподобно тонкими по сравнению с массивным корпусом, увенчанным сверху круглым стеклянным колпаком. Впечатление дополняли два длинных гибких щупа, торчавшие далеко вперед. Любые признаки электрооборудования, а тем более электроники, напрочь отсутствовали. Самое сложное устройство — блок синхронизации движения лап, было похоже на внутренности концертного рояля. Множество рычажков, клапанов и противовесов управляли целой паутиной струн разной длины и толщины. В целом конструкция вездехода была проста и надежна, как у паровоза Стефенсона. Все узлы, кроме корпуса, лап и маховика-гироскопа были сдублированы. На немногочисленных рычагах управления имелись незамысловатые и понятные пиктограммы: «Вперед», «Назад», «Влево», «Вправо», «Быстрее», «Медленнее», «Остановка».

Топливный бак был почти полностью заправлен жидким воздухом, которого по расчетам Артема должно было хватить километров

на сто. Установив рычаги в положение «Вперед-медленно» он вывел вездеход на поверхность. Впервые за долгое время механический экипаж топтал траву и цветы Страны Забвения.

Через стекло кабины Артем мог видеть, как, переламываясь сразу в двух сочленениях, семенят могучие лапы вездехода. Первая левая, вторая правая, третья левая, четвертая правая — вперед, остальные на месте. Затем все наоборот. Даже на минимальной скорости не так-то легко было уследить за их мельканием. Машина шла плавно, слегка покачиваясь. Едва только щупы обнаруживали впереди какое-нибудь препятствие, как ломаные тараканьи лапы мигом вытягивались, превращаясь в трехметровые столбы, а корпус резко взмывал вверх. Однако, несмотря на эту несложную автоматику, безопасность машины во многом зависела от внимания и сноровки водителя.

Остановив вездеход в таком месте, где он был бы заметен из дома судьи, Артем принялся ждать. О том, что будет, если Надежда (так он окрестил про себя странную девчонку) не достанет нужного количества жидкого воздуха, он старался не думать. То, что он привык называть временем и что не имело никакого названия в Стране Забвения, тянулось невыносимо медленно. Он тряпкой протер пыль во всех местах, где она могла собраться, подтянул все гайки, которые можно было подтянуть, и тщательно проверил весь взятый в дорогу инструмент. Девчонка все не появлялась.

Рядом с машиной прошли несколько женщин, и Артем поймал себя на мысли, что это уже не первые люди, которые проследовали мимо него в одном и том же направлении — к дому судьи.

— Что случилось?— крикнул он им вслед.

Одна из женщин на миг обернулась. Хотя она и ничего не ответила, было что-то такое в выражении ее лица, что заставило Артема спешно покинуть вездеход. Чувствуя в душе смутную тревогу, он пошел вслед за женщинами.

«На следующий день мы обязательно отправимся в путь... но перед этим случится что-то страшное»,— так, кажется, сказала девчонка.

На некотором расстоянии от дома судьи стояла небольшая молчаливая толпа, что уже само по себе выглядело странно — люди Страны Забвения не были подвержены стадному инстинкту и редко сбивались в кучи. Время от времени кто-нибудь отделялся от этой толпы и входил в дом, но долго там не задерживался. Лица собравшихся не выражали ни любопытства, ни печали. Просто в жизни судьи Марвина случилось какое-то неординарное событие, и все, кто узнал об этом, пришли засвидетельствовать ему свое почтение. Странно выглядели только окна дома, занавешенные изнутри тяжелой мягкой тканью, той самой, что в саркофагах служит одновременно и подстилкой и одеялом.

Чужеродцу было вряд ли прилично заходить в дом судьи без приглашения, однако сейчас заботиться об этикете не приходилось. Предчувствие беды томило Артема. Пройдя сквозь толпу, он вступил в комнату, где еще совсем недавно вел с Марвином бесплодную и неприятную беседу.

Сейчас незаконченная картина была повернута к стене, а посреди комнаты на широкой каменной скамье лежал судья, весь засыпанный лепестками цветов, сквозь которые обильно проступила кровь. С первого взгляда было ясно, что умер он не по своей воле, и смерть эту вряд ли можно было отнести к разряду легких. Сидевшая у изголовья отца Надежда мельком взглянула на Артема сухими, лихорадочно горящими глазами и вновь принялась машинально обрывать лепестки увядших цветов, которые охапками подавал ей Тарвад.

— Кто...— начал было Артем и осекся, люди Страны Забвения не знали слова «убийство». Долгожданная смерть могла являться в разнообразных обликах, ее дарили друзьям и близким, ее берегли для себя.— Кто... принес ему смерть?— наконец выдавил он из себя.

Вопрос прозвучал грубо и неуместно — это было то же самое, что у постели роженицы выяснять подлинное имя отца ребенка. Тарвад знаком поманил Артема к дверям и вместе с ним вышел из дома.

— Ты что-то хотел спросить, чужеродец?

— Смерть не имеет ног и не приходит сама по себе,— Артем старался говорить образным, витиеватым языком, близким и понятным этим людям.— Ее приносит или Лето, или глубокая вода, или случайно взорвавшийся сосуд с холодом. Кто принес смерть судье Марвину?

— К чему это сейчас выяснять, чужеродец? То, что случилось, уже случилось. Не в наших силах поправить что-нибудь.

— Кто теперь будет судьей?

— Сейчас поздно выбирать нового. Об этом мы подумаем после окончания Лета. А пока я принял на себя его обязанности.

Не похоже, чтобы он был очень огорчен смертью брата, подумал Артем. Или здесь вообще не принято горевать о близких?

На пороге дома появилась Надежда. Прикрывая глаза от дневного света тыльной стороной ладони, она сказала:

— Дядя, побудь там немного. Я устала.

Провожаемая безмятежными взглядами толпы, она спустилась с холма и уселась среди высокой травы. Артем последовал за ней, но остановился немного в стороне, как бы не решаясь к ней приблизиться.

— Все случилось именно так, как я и предсказывала,— бесцветным голосом сказала она, не оборачиваясь.— Скоро мы отпра-

вимся в путь. Отцовский саркофаг и весь запас холода теперь принадлежит мне.

— Ты говорила с отцом после того, как мы расстались?

— Да.

— И что же?

— Он отказал м

— Значит...

— Значит, если бы он не умер, мы никуда бы не поехали. Тут ты прав, чужеродец.

Молчание надолго повисло в воздухе. Артем переминался с ноги на ногу, не зная даже, что и сказать. Уж очень странными и зловещими выглядели последние события.

— Я буду ждать тебя возле машины,— сказал он наконец.— Взгляни, она видна отсюда... Ты, наверное, будешь участвовать в похоронах отца?

— Нет. Я уже простилась с ним. Но мне еще нужно закончить кое-какие дела.

— Постарайся не задерживаться. Нам еще предстоит запастись водой и пищей.

— Все это можно сделать по дороге.— Она встала и сделала несколько шагов по направлению к дому.— Постарайся найти попутчиков. Вдвоем нам придется трудно.

Артем проводил Надежду до вершины холма, но в дом не вошел. На пороге его ожидал Тарвад, уже облаченный в одежду судьи.

— Итак, ничто теперь не мешает тебе пуститься в дорогу, чужеродец.— Казалось, что вместе с новой одеждой он надел на себя и новую личину, бесстрастную и высокомерную.

— Похоже на это.

— Тогда не задерживайся.

— Не надо меня гнать. Я и сам тороплюсь. Но уйду отсюда, только завершив все приготовления.

— Несчастья наши проистекают от нашей же доброты. — Глаза Тарвада сузились.— Вместо того, чтобы гнать чужеродцев прочь, мы даем им приют. И наше добро потом оборачивается горем. Пойми, нам от вас ничего не нужно — ни вашей помощи, ни ваших невразумительных знаний. Никто не покидает свой дом по собственной воле. Одних из вас гонит враг. Других — нечистая совесть. Третьих — алчность или гордыня. А вслед за вами всегда приходит беда... Не знаю, что гонит тебя, но за твоими плечами стоит неведомое зло. Жаль, что я не сразу это понял. Все, к чему прикасались твои руки, осквернено. Эти вещи будут притягивать к себе несчастья даже после того, как исчезнет память о тебе... Не знаю, кому ты служишь или кому ты не угодил... Кроме нашего народа, кроме всяких чужеродцев, кроме черепах и зверей, живущих в дальних странах, в мире существуют также великие и страшные силы,

от которых ничего нельзя скрыть. Спастись можно только непротивлением и смирением. До сих пор нам удавалось не навлекать на себя их гнев. До сих пор... С виду ты почти не отличаешься от нас, но внутри совсем другой. И враги у тебя другие. К своим мы уже привыкли. Судья Марвин сделал ошибку, не отпустив тебя раньше, не отмежевавшись от тебя. Зло, направленное совсем в другую цель, задело и его. Чует моя душа, что к смерти брата причастен и ты.

— С каких это пор в Стране Забвения чья-либо смерть стала поводом к поискам виновного? — Неприкрытая враждебность Тарвада не на шутку уязвила Артема.

— Умер судья. Он последний ложится в саркофаг и первым встает из него. Он поддерживает твердость духа. Он обязан дать ответ на любой вопрос. Все верят в его справедливость и искушенность. В преддверьи Лета его смерть — плохое предзнаменование.

— Повторяю, я не собираюсь задерживаться здесь. Но разреши мне обратиться к этим людям. Возможно, кто-то из тех, кому не хватило места в саркофаге, согласится стать моим спутником.

— Можешь говорить. Я не имею права запретить тебе это.

Сдержанно кивнув в знак благодарности, Артем повернулся лицом к толпе и заговорил, невольно разрушая торжественную печаль момента.

— Люди Страны Забвения! Многие из вас знают меня. В Убежище я ремонтировал саркофаги и следил за работой машин холода. Я делал это прилежно, что может подтвердить стоящий рядом Тарвад, новый судья. Обреченный, как и все чужеродцы, на смерть, я отправляюсь нынче в дальний путь на машине, построенной вашими предками. Она движется во много раз быстрее человека. На ней я собираюсь достичь таких мест, где Лето теряет свою испепеляющую силу. Дочь покойного судьи Марвина согласилась сопровождать меня. Но в машине еще достаточно места. Я могу взять с собой любого желающего — старика, ребенку, калеку. Решайте быстрее.

Никто не прервал его речь. Никто не возмутился и даже не поморщился, хотя говорить такое — а тем более, говорить громко — рядом с домом, который посетила смерть, было почти кощунством. Все, сказанное Артемом, оказалось пустопорожней болтовней, напрасным сотрясением воздуха — и это ясно читалось на лицах присутствующих. Зачем смущать душу, внимая безрассудным речам какого-то чужеродца? Мало ли всяких безумцев и сумасбродов шатается в преддверии Лета по этой обреченной земле!

Сжав зубы, Артем ждал. Он уже потерял всякую надежду найти спутника, когда из толпы выступила вперед седая женщина, почти старуха. Люди Страны Забвения редко доживали до таких лет. Предстоящее Лето, судя по всему, должно было стать последним

в ее жизни. Она тащила за руку верзилу, ростом и шириной плеч резко отличавшегося от всех здесь присутствующих. Было что-то неестественное в облике этого великана — казалось, его наспех сшили из членов и органов, принадлежавших совсем другим существам. Лишь голова, да, пожалуй, еще ноги, несколько коротковатые для такого могучего торса, безусловно являлись его собственностью с момента рождения. Бочкообразная грудь была скорее грудью гориллы, а не человека. Узловатые руки напоминали древесные корневища. Смотрел гигант хмуро, исподлобья, как ребенок, которого принуждают сделать что-то помимо его воли.

— Иди! — сказала старуха, выталкивая его вперед.— Ну иди же! Иди к этому человеку!

— Вот и нашелся спутник для тебя,— в голосе Тарвада послышалась плохо скрываемая издевка.— Кому, как не калеке, искать спасение в неведомых землях.

— Ничего себе калека! — невольно вырвалось у Артема.

— Любой, кто не может спастись в саркофаге, считается калекой. А он в саркофаге просто не поместится.

— Как же он тогда пережил прошлое Лето?

— Он пропал еще ребенком. А вернулся совсем недавно. Уже вот в таком обличье. Мать узнала его по родинке на шее. Говорить он не может или не хочет, но, кажется, все понимает.

— Интересно...— задумчиво сказал Артем.— Где же он мог отсидеться?

— Вот и спроси его об этом.— Тарвад круто повернулся и, не прощаясь, двинулся к дому.

— Ты пойдешь со мной?— спросил Артем у калеки.

Тот подумал немного, оглянулся на седую женщину и кивнул головой.

— И будешь выполнять все, что я прикажу?

На этот раз он думал куда дольше, но все же опять кивнул.

— Тогда попрощайся с родными, возьми все необходимое и приходи вон туда.— Артем указал на едва заметного отсюда железного таракана, притаившегося среди пышной степной зелени.— Если найдешь какое-нибудь оружие: лом, длинный нож, кувалду — обязательно возьми с собой. Договорились?

На этот раз кивок последовал незамедлительно.

Прежде чем вернуться к вездеходу, Артем заскочил на минуту в хибарку, служившую ему приютом в последнее время, и собрал свое скудное имущество: кое-что из одежды, нож местной работы, несколько глиняных плошек и баклагу для воды. Неприхотливости он научился у жителей Страны Забвенья — зачем копить то, что в любой момент может обратиться в золу?

Забросив за спину тощий мешок, он зашагал к вездеходу и уже издали заметил, что возле его правой передней лапы кто-то сидит. Это не мог быть калека, а тем более Надежда. На всякий случай Артем переложил нож из мешка в рукав. Люди Страны Забвения от природы были неспособны к насилию, но ведь кто-то уже убил судью.

Существо, сидевшее возле вездехода, можно было отнести к роду человеческому, рассеянному по бесчисленным мирам Тропы, хотя и с некоторой натяжкой. Чем-то он напоминал злого колдуна арабских сказок — выдубленная, смуглая до черноты кожа, кривой, да вдобавок еще крючковатый нос, резкие глубокие морщины вдоль и поперек лица. Но самыми приметными, чтобы не сказать больше, были его глаза. В зависимости от того, чем был занят их владелец, они странным образом меняли свой вид — то буквально загораясь огнем, то превращаясь в мутные, ничего не отражающие бельма. По крайней мере, зеркалом души назвать их было нельзя.

Человек этот (несомненно, чужеродец) был демонстративно, вызывающе уродлив, но при более внимательном рассмотрении его уродство казалось величественным и притягательным — так, должно быть, выглядели когда-то каменные изваяния древних кровожадных богов.

— Приветствую тебя, приятель,— проникновенно сказал он.

— Никогда не имел здесь приятелей,— не очень дружелюбно ответил Артем.— Но все равно: привет тебе.

— Я назвал тебя так потому, что мы оба здесь чужие. А это нас больше соединяет, чем разъединяет.

— Пусть будет так. Но что ты здесь делаешь, приятель?— Артем подозрительно покосился на кабину вездехода.— Вокруг есть куда более приятные места для отдыха.

— Я ждал тебя.— Чужеродец встал. Под его просторной одеждой, похожей одновременно и на рубище нищего и на плащ бродячего рыцаря, могло скрываться любое оружие.— Ведь ты, кажется, собираешься пуститься в опасное путешествие и нуждаешься в попутчиках?

— И откуда тебе это стало известно?

— Слухи дошли.

— Слухи?— Артем взглядом измерил расстояние от дома судьи до вездехода. В толпе чужеродца не было, это он помнил точно.— Не думал, что слухи здесь распространяются с такой быстротой. Я едва рот успел закрыть, а слухи о сказанном мной уже дошли до тебя.

— Накануне я случайно услышал рассказ брата судьи о твоем разговоре с Марвином. Он отказал тебе, не так ли? А сегодня на рассвете я заметил это странное устройство,— он похлопал ладонью по лапе вездехода,— и подумал: может быть, что-то изменилось?

— Тебе известно, что судья умер?

— Известно.

— Откуда?

— Об этом говорили проходившие мимо люди. Очевидно, они спешили проститься с судьей.

— Допустим, я возьму тебя с собой. А что ты умеешь делать?— Артем не спускал глаз с длинной и узкой, хорошо ухоженной ладони незнакомца, на которой отсутствовали всякие признаки мозолей.

— Ничего,— спокойно ответил тот.

— Вообще ничего?

— Я умею есть, пить, размышлять, развлекаться, вести умные беседы.

— И это все?— изумился Артем.

— В среде моих соплеменников не принято заниматься чем-то более утомительным, нежели пиры и беседы. Конечно, мы знаем толк в воинском искусстве и неплохо разбираемся во всем, что касается врачевания человеческого тела. Все соседние народы закармливают и задаривают нас из одного только чувства суеверного страха.

— А не проще было бы вас всех уничтожить? Зачем зря кормить трутней?

— Нет, не проще,— задумчиво сказал чужеродец.— Совсем не проще.

— Но такая жизнь может в конце концов опротиветь.

— *Это одна из причин, по которой я оказался здесь.*

— Значит, ты полагаешь, что в дороге я тоже буду кормить, развлекать и задаривать тебя?

— Кое на что я могу сгодиться. Не испытывая особых склонностей ни к труду, ни к торговле, мои родичи, тем не менее, очень быстро приобретают любые навыки. Насколько я понимаю, нам придется очень долго ехать без остановки. Когда ты будешь отдыхать, я заменю тебя. Кроме того, ты всегда можешь получить от меня дельный совет. В жизни я успел немало побродить по свету.

— В каком же направлении ты предлагаешь ехать? Предупреждаю, у меня самого еще нет определенного плана.

— Простейшая логика подсказывает, что надо ехать вслед за черепахами. Только во много раз быстрее их.

— Совет неглупый. И я придерживаюсь того же мнения. Тебе что-нибудь известно о стране, из которой приходят черепахи?

— Абсолютно ничего.

— Разве ты пришел не с той стороны?— Артем деланно удивился.

— Совсем не оттуда.

— Значит, с той? — Артем указал в направлении холмов, из-за которых надвигалось огнедышащее Лето.

— И не с той. Что ты вообще имеешь в виду, приятель, тыкая руками в разные стороны? Здесь нет никаких раз и навсегда определенных направлений. Только очень немногие из известных мне людей, к числу которых ты, безусловно, не относишься, способны отыскать нужный путь. Ты можешь прямо сейчас двинуться навстречу Лету, а оказаться в конце концов на берегу замерзающего океана или в благоухающем саду. Ты полагаешься на логику, а здесь важнее интуиция...

— Которой ты, несомненно, наделен?

— Не в меньшей мере, чем все мои сородичи.

— Хорошо. Я беру тебя с собой. Только дождемся, пока соберутся все остальные.

Калека прибежал бегом. Был он почему-то бос, при себе не имел даже плошки, зато под мышкой держал что-то длинное и узкое, завернутое в рогожу.

— Что это? Оружие?— с интересом спросил Артем.— Дай-ка посмотреть.

Калека доверчиво протянул ему сверток, и Артем осторожно развернул пахнущую плесенью рогожу. Перед его глазами во всей красе предстал метровой длины клинок — обоюдоострый и прекрасно уравновешенный. Синюю сталь сплошь покрывали травленые узоры — не то фантастические цветы, не то неведомые письмена. Кованая гарда полностью прикрывала кисть руки и была снабжена гребенкой острых шипов. Ничего подобного в Стране Забвения Артему раньше не приходилось видеть. Этот клинок представлял собой конечную стадию эволюции холодного оружия.

Однако было в нем и что-то такое, что привело Артема в некоторое недоумение. Клинок был совершенно лишен гибкости, на лезвии отсутствовали какие-либо следы точила, да и весил он чересчур много для обычной стали. Однако это был не муляж и не парадное, церемониальное оружие. Чувствовалось, что на такой клинок можно положиться в самом жарком бою.

К такому бы оружию да еще умелую руку, подумал Артем. Зачем такая вещь калеке? Как она ему досталась? А впрочем?.. Надо проверить... Что-то здесь, чувствую, не так...

Без всякого предупреждения Артем швырнул клинок калеке — швырнул сильно и намеренно неловко, так, что тот сверкающим колесом закувыркался в воздухе. Любой здравомыслящий человек попытался бы увернуться от этой летящей смерти. Калека же сделал несколько быстрых шагов навстречу клинку, молниеносно выбросил вперед правую руку, и его пальцы точно вошли в полушарие гарды, сомкнувшись на рукоятке. Тут же, без всякого промедления, последовал стремительный выпад — взвизгнул распарываемый сталью воздух, обильно брызнул зеленый сок, и добрая охапка травы с тихим шорохом легла на землю. У Артема создалось впе-

чатление, что этот лихой удар не имел целью испытать качество клинка или свою собственную сноровку, а был предназначен конкретному врагу, пусть и возникшему только в сознании калеки.

— Я бы не рискнул стоять так близко от этого рубаки,— сказал чужеродец, помаргивая своими бельмами.— Иначе наше путешествие может закончиться, еще не начавшись.

Однако калека с растерянным видом уже протягивал клинок Артему.

— Оставь его у себя,— махнул тот рукой.— Только вытри лезвие. Оно всегда должно быть сухим.

Калека кивнул и, оставляя на одежде зеленый след, вытер клинок о собственную грудь.

— Нельзя доверять оружие детям, а тем более блаженным,— глубокомысленно заметил чужеродец.

— Что именно делать нельзя, я и сам могу догадаться. Вот если бы кто-то подсказал, что делать нужно.

— Нужно как можно быстрее отправляться в путь. Видишь, как посветлело небо в той стороне. Это верный признак скорого наступления Лета.

Действительно, небо над холмами как бы выцвело, и огромное — во весь горизонт — белесое пятно резко выделялось среди густой лазури.

— Нам нужно дождаться еще одного человека,— чувствуя неприятный холодок в груди, сказал Артем.

— Дочку судьи?

— Ее.

— А если она не придет?

— Тогда эта суета теряет всякий смысл...

Надежда явилась не одна. Десять мужчин — ее дядья и двоюродные братья — гуськом следовали за ней, и каждый нес на плече сосуд высокого давления, формой и размером напоминавший авиационную бомбу средней мощности. Не дойдя до вездехода несколько сотен шагов, они сложили свой груз в штабель и торопливо тронулись восвояси. Причину такой спешки понять было нетрудно: накатившийся огненный смерч уже пожирал небосвод, и отцы семейств торопились позаботиться о своих близких — тех, на кого пал счастливый жребий, разместить в саркофагах Убежища, а для остальных обеспечить в эти последние дни покойную безмятежную жизнь.

— Все здесь?— спросила Надежда, глянув на своих будущих спутников, и ее голос едва заметно дрогнул, что, тем не менее, не осталось без внимания Артема.— Ничего себе компания подобралась: чужеродец, калека...

«И сумасшедшая девчонка»,— мысленно закончил ее фразу Артем. Вслух он сказал:

— Залезайте в машину. Вот в эту дверь. Потом я объясню, как она закрывается и открывается. Занимайте любые места, которые вам понравятся.

Все кресла в вездеходе представляли собой некое подобие гамаков, сплетенных из стальных пружин. Особого комфорта они не обещали, но прямое назначение выполняли вполне успешно. Кресла могли регулироваться по объему, и два из них пришлось подгонять — для Надежды сжимать, а для калеки растягивать.

Когда все, наконец, заняли свои места, Артем запустил двигатель и машина на самой малой скорости поползла вперед. Зашумел, набирая обороты, гироскоп, заскрипели сочленения лап. Надежда охнула, калека что-то промычал. Чужеродец сидел за спиной Артема, довольно рассеянно наблюдая за его манипуляциями с рычагами управления. Если его деревянное лицо и могло что-то выражать, то скорее всего оно выражало скуку.

Разрезая носом буйный травостой, вездеход добрался до штабеля сосудов высокого давления.

— Сейчас будем загружать эти штуки,— сказал Артем, дернув рычаг «остановка».— Ты вылезай наружу.— Он ткнул пальцем в калеку.— А ты,— это относилось уже к чужеродцу,— будешь принимать у него сосуды и передавать мне. Моя забота — таскать их в багажный отсек.

— У тебя неважная память, приятель,— спокойно возразил чужеродец.— Ты забыл, что убеждения и воспитание не позволяют мне выполнять какую-либо работу. Я не пошевелю пальцем, даже если от этого будет зависеть моя жизнь.

— Ну и черт с тобой! — вырвалось у Артема. Затем он опомнился.— Работать ты не хочешь. Но ведь ты же обещал вести машину. Разве это не работа?

— Это совсем другое дело. Мои сородичи, как правило, не передвигаются пешком. Поэтому управлять тем, на чем ты едешь — горячим скакуном, крылатым ящером, парусной лодкой, слугами, несущими паланкин, машинами куда более совершенными, чем эта — не только наше право, но и обязанность.

Артем только махнул рукой и, открыв люк, выпустил Калеку наружу (имя это, конечно, было не совсем благозвучно, но надо же как-то называть своего молчаливого спутника). Каждый сосуд, прошедший через его руки, он тщательно осмотрел.

Все печати, наложенные в свое время Тарвадом, оказались в полной сохранности, да и вес сосудов свидетельствовал о том, что они полностью заправлены.

— Все,— сказал Артем, когда последний сосуд лег в специальные держатели багажного отсека.— Мы покидаем этот край. Не знаю, вернется ли кто-нибудь из нас сюда снова. Но все равно, спасибо ему за приют. Вперед!

— Посмотри,— сказала вдруг Надежда.— Вокруг нас нет ни одной черепахи.

— Это лишний раз доказывает, что нам следует поторапливаться.— Артем через плечо оглянулся на белесое пятно над горизонтом.

Вне всякого сомнения, оно сильно вытянулось, особенно в своей средней части, и сейчас напоминало силуэт человеческого торса с тупой короткой головой и покатыми плечами.

Однако уже довольно скоро они нагнали арьергард черепашьего воинства. Все особи здесь были такого огромного размера, что не имело никакого смысла пытаться добыть хотя бы одно из них на мясо. Вездеход против них был как муха против чайного блюдца. Эти монстры первыми явились в Страну Забвения после того, как здесь выросла трава, и успели отожраться лучше других своих собратьев.

Вездеход легко и стремительно бежал по степи, то высоко вздымая корпус над преградами, то опуская его к самой земле.

— Ты когда-нибудь заготовлял мясо черепах?— спросил Артем у Калеки.

Тот промычал что-то утвердительное.

— Тогда будешь нашим главным мясником. Как только увидишь что-нибудь подходящее, подай знак.

Прошло довольно много времени, прежде чем из дальнего угла кабины послышалось требовательное бормотание. Впрочем, Артем уже и сам заметил цель — черепаху, в которой веса было не больше полутонны. Обогнав ее, вездеход остановился, и все пассажиры покинули кабину. Артем и Калека, вооружившись специальными мясницкими топорами, больше похожими на алебарды, подошли к черепахе. Всадив их длинные стальные рукоятки под брюхо животного, они изо всей силы нажали снизу на эти рычаги. Раздался чавкающий звук, и мягкая овальная присоска, служившая черепахе одновременно и ртом и ногами, оторвалась от земли.

— Еще,— прохрипел Артем, и они перевернули травоядного броненосца на спину.

Розовато-фиолетовая, вкусом напоминавшая мякоть гриба, нежная плоть черепахи еще тряслась, как желе, когда в нее вонзились остро отточенные лезвия топоров. Мясо это не портилось в самую жаркую погоду, только немного темнело и усыхало. Его можно было варить, жарить и даже есть сырым. Для людей Страны Забвения, выращивавших только те культуры, которые годились для выделки тканей, это была практически единственная пища.

Надрубленные куски Артем и Калека выдирали из черепашьего тела крючьями, имевшимися на рукоятках топоров. В глубоких ра-

нах не обнаруживалось ничего, даже отдаленно похожего на кровь, потроха или хрящи. Они рубили и рвали, рвали и рубили, а искромсанная плоть черепахи, вспучиваясь, постепенно протекала к дальнему краю панциря. Наконец вся эта трепещущая розовато-фиолетовая масса вздулась бугром и, как ваньку-встаньку, перевернула черепаху в прежнее положение. Вскоре она, как ни в чем не бывало, уже ползла вслед за своими сородичами. Оставшиеся возле вездехода куски мяса шевелились, наползали друг на друга и даже пробовали кормиться травой.

— Иногда внутри этих тварей находят довольно любопытные вещи,— сказал чужеродец.— Ведь они засасывают все, что встречают на пути: железо, стекло, камень. Для этого обычно выбирают самую крупную черепаху и целиком вырубают ее тело из панциря.

— Ну и ну! — усмехнулся Артем.— Вот только стекло и камень нам сейчас без нужды. Ты мне зубы не заговаривай. Полакомиться этим мясом тебе не придется. Ты к нему и пальца не приложил.

— Не подумайте, что я напрашиваюсь на дармовое угощение. В случае необходимости я могу прокормиться и сам.— Шагнув к проползающей мимо горообразной твари, он сунул руку ей под панцирь, без заметного напряжения вырвал приличный кусок мяса и, брезгливо поморщившись, откусил от него.

— Еда эта не такая уж отвратительная, но чересчур пресная. Она не возбуждает мой аппетит.

Да-а-а, подумал Артем. Слабаком его не назовешь. Такими пальцами только подковы гнуть.

Восьминогая машина резво неслась в неизвестность, на каждом очередном километре обгоняя тысячи бесчувственных и безмозглых тварей, которые тем не менее каким-то непостижимым способом узнали о надвигающейся беде раньше людей.

Время от времени на пути вездехода попадались опустевшие селения, по улицам которых ветер гонял всякое ветхое тряпье, брошенное за ненадобностью хозяевами. Двери Убежищ еще не были наглухо закрыты, и возле них маячили фигурки наблюдателей, которые должны были в нужный момент подать своим землякам сигнал о включении систем жизнеобеспечения саркофагов.

Несколько раз Артем останавливал вездеход и, высунувшись из верхнего люка, подставлял лицо ветерку, устойчиво дувшему им в спину. Нельзя было сказать, что он стал более прохладным. Устрашающее пятно на горизонте не уменьшалось, но и не увеличивалось. Короткая Желтая ночь не заставила Артема сбавить скорость. Уже на ее исходе он подключил к опустевшему топливному баку первый сосуд высокого давления и уступил место за рычагами уп-

равления чужеродцу. Калека спал, уронив голову на плечо. Надежда, забившись в глубину кресла, невидящими глазами смотрела куда-то вдаль. За все время пути она не проронила еще ни одного слова.

Глаза Артема слипались от усталости, но он изо всех сил боролся со сном. Он еще не определил окончательно своего отношения к чужеродцу и теперь внимательно наблюдал за ним сквозь полуприкрытые ресницы. Тот управлял вездеходом довольно небрежно, но в общем уверенно и без суеты.

Дремота то отступала, то вновь накатывалась на Артема. В один из таких моментов ему показалось, что Надежда что-то негромко сказала чужеродцу, а тот не менее тихо ответил ей.

Артем сразу насторожился. Померещилось это ему или нет? Неужели эти двое знакомы? Что их может связывать? Неужели... смерть судьи? Уж очень быстро чужеродец узнал о ней.

Судья... Артем снова вспомнил его усталое лицо и погасший взор. Кому он мешал? Кто мог его убить? Например, дочка. Для чего? Чтобы спастись, заполучив жидкий воздух. Маловероятно. Затем Тарвад. Смерть брата автоматически выдвигала его в судьи. Тоже маловероятно. Человек, родившийся в Стране Забвения, скорее сам лишит себя жизни, чем станет покушаться на чужую. Значит, остается кто-то третий. Скорее всего пришелец, чужак, существо, воспитанное совсем в других нравственных традициях...

«Вот беда,— подумал он,— оказывается, я ничего не знаю о своих спутниках. Даже Калека — загадка для меня. Кто он такой на самом деле? Где скитался столько времени? Как сумел без помощи саркофага пережить не одно Лето? Где он раздобыл этот странный клинок? Кто научил его управляться с ним?»

Артем ногой пододвинул к себе продолговатый сверток и, развернув рогожу, стал рассматривать клинок со всех сторон. Лезвие, безусловно, было выполнено из металла, но на щелчок ногтем этот металл отзывался не звоном, а тупым деревянным звуком. Лезвие сейчас выглядело почему-то куда более темным, чем в первый раз. Конструкция гарды казалась неоправданно усложненной. Едва заметные стыки указывали на то, что она собрана из нескольких частей. Шипы кастета, при сильном нажатии углублялись в свои гнезда — каждый на разную глубину.

Еще раз внимательно осмотрев клинок, Артем попытался повернуть гарду по часовой стрелке, и ему показалось, что та еле заметно поддалась.

В тот же момент за бортом вездехода что-то оглушительно треснуло, машина клюнула носом и, резко кренясь, пошла в сторону. Артем, словно выбитый из седла кавалерист, размахивая клинком, полетел влево. Вместе с ним летело все, что не было надежно закреплено: инструмент, черепашье мясо в мешках и без оных, пус-

тые баклаги для воды, посуда, а также не успевший еще проснуться многопудовый Калека.

Очнулся Артем быстро и без посторонней помощи. В открытую с левого борта дверь лезла высокая трава. Калека, зажимая двумя пальцами разбитый нос, помогал Надежде разбирать груду перемешавшихся вещей. Сквозь стекло было видно, как чужеродец расхаживает возле неестественно вывернутой левой передней лапы.

— Что произошло?— выбравшись наружу, резко спросил Артем.

— А я откуда знаю?— беззаботно ответил тот.— Это ведь твоя машина. Берись за работу. Ремонтировать ее я не собираюсь.

Шарнир одного из двух сочленений лапы был безнадежно обломан, и Артем, как ни старался, не смог определить причину этого происшествия. Осталось только предположить, что лапа провалилась в оставшуюся где-то позади глубокую нору (вопрос лишь в том, кто мог ее вырыть?). Впрочем, при определенной сноровке, такую аварию мог устроить и водитель.

Очень скоро Артем убедился, что вездеход передвигается на семи лапах почти с таким же успехом, как и на восьми — хотя резвости это ему не добавило, а, скорее, наоборот. Чужеродец был отстранен от управления, что его, кстати, ничуть не расстроило.

За всеми этими хлопотами Артем совершенно забыл про клинок, а когда вспомнил, было уже поздно — обе его руки были прикованы к рычагам управления.

День тянулся бесконечно долго. Уже заканчивался жидкий воздух во втором сосуде, а окружающий пейзаж стал постепенно меняться: степь больше не казалась такой ровной, ее все чаще пересекали овраги и русла высохших речушек, что вынуждало вездеход отклоняться от прямого пути. Силы Артема были уже на исходе, но он твердо решил продержаться до наступления ночи. Зловещая тень за спиной съежилась, как будто громадный призрак, еще недавно затмевавший полнеба, стал отставать.

Калека безмятежно храпел, Надежда не подавала никаких признаков жизни, чужеродец несколько раз вставал и расхаживал по кабине — пять шагов вперед, пять шагов назад. Это почему-то раздражало Артема.

— Тебе что, спать не хочется?— спросил он.

— Не хочется.

— Может, тебе вообще сон не нужен?

— Это одно из удовольствий жизни. Если вдруг мне захочется такое удовольствие испытать, я усну. Беда лишь в том, что спящий беззащитен. В его сны легко проникает враг, а телом может завладеть злой дух, до поры до времени таящийся в закоулках души каждого человека. Поэтому я предпочитаю бодрствовать.

— А я вот без сна не могу...— Артем резко тряхнул головой, прогоняя дремоту.— Помнишь, ты хвастался, что умеешь вести умные беседы. Давай поболтаем. Это меня отвлечет немного.

— И о чем бы ты хотел поболтать?

— Если ты действительно много странствовал, ты должен немало знать. Расскажи, как устроен этот мир?

— Страна Забвения?

— Нет, весь мир. В котором рядом со Страной Забвения может находиться страна Черепах, страна испепеляющего Лета и многие другие, так непохожие друг на друга страны.

— Этот мир — бессмертная вселенская рыба, каждая из неисчислимых чешуек которой и есть отдельная страна со своим собственным микроустройством. Когда рыба шевелится, шевелятся и все ее чешуйки. Это, естественно, вызывает всякие бедствия и катаклизмы. Сейчас рыба отдыхает и набирается сил перед тем, как вернуться в некогда породившую ее стихию — вечное пламя. Там она в очередной раз сменит свою чешую, и это будет гибелью всего нашего мира. Все говорит за то, что пора эта приближается.

— Чепуха какая-то. Это ты всерьез?

— Почему бы и нет?

— Но тебе известны и другие версии?

— Их не счесть.

— Тогда расскажи самую убедительную.

— Ничего этого не существует и никогда не существовало. Просто мгновение назад где-то в другом месте тебе на голову обрушилась каменная глыба, и в раздавленном мозгу возник короткий, как вспышка, бред, который и кажется тебе долгой жизнью.

— Действительно, это бред. Но только не мой, а твой. В бреду не испытываешь ни горя, ни счастья. В бреду нет памяти. А я... столько всего помню. Хочешь послушать, как все это себе представляю я?

— Не думаю, что это будет интересно, но постараюсь внимательно выслушать.

— Во Вселенной, если это понятие толковать широко, существует множество обособленных миров, никак не влияющих друг на друга. Их изначально разделяют невидимые, но непреодолимые стены. И хоть все миры родились одинаковыми, сейчас между любыми двумя из них существует громадная разница. Однако среди всех этих бесчисленных параллельных миров существует один-единственный, развернутый перпендикулярно ко всем остальным. Условно его можно назвать Тропой, потому что он соединяет все другие пространства, вырывая из каждого по клочку. К сожалению, сойти с Тропы, то есть вернуться в первозданный мир, невозможно. Я, по крайней мере, такого способа не знаю.

— Слыхал я нечто похожее. Но это объяснение ничем не лучше всех остальных. Его нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

— А я и не собираюсь ничего доказывать. Не забывай, мы просто болтаем, чтобы я не заснул на ходу.

— Тогда ты выбрал не самую интересную тему для разговора.

«Открыть ему, кто я такой? — подумал Артем.— Рассказать, что я родился в полноценном, неусеченном мире, видел солнце и звезды, прошел однажды сквозь стену, разделяющую сопредельные пространства и теперь блуждаю в закоулках Тропы, даже не зная нужного направления? Сказать или нет... Есть в словах и поступках этого загадочного человека какая-то фальшь. Не могу до сих пор понять, говорит он серьезно, врет или просто издевается надо мной. Зачем открывать душу перед этим странным типом, безусловно знающим куда больше, чем кажется с первого взгляда? Умные люди больше слушают, чем говорят. Осторожность еще никому не повредила».

— Кстати, а как тебя зовут? — спросил Артем, смутно надеясь, что имя чужеродца даст ему какую-нибудь зацепку.

— Меня зовут Адракс,— с готовностью сообщил чужеродец.— Это очень древнее имя. Вряд ли ты слышал его когда-нибудь раньше.

— Ты прав,— немного подумав, согласился Артем.— Это имя я никогда раньше не слышал.

Впереди, посреди бескрайнего монотонно-зеленого океана что-то блеснуло серебром. Артем очень давно не видел большого водного пространства и потому не сразу понял, что это река.

Вездеход выполз на ее пологий илистый берег и сам собой остановился, уткнувшись щупами в урез воды. Видимо, в его конструкции была предусмотрена вероятность встречи с подобными препятствиями.

Ширина речного русла составляла здесь метров сто-сто двадцать. Противоположный берег выглядел точно таким же топким и низким. Сила Кориолиса, заставляющая земные реки подмывать один из берегов, в этом мире явно отсутствовала.

— Что это такое? — шепотом спросила Надежда.

В ее глазах отражался совершенно детский страх, смешанный с любопытством. Только теперь Артем понял состояние девчонки, никогда раньше не отходившей от родного дома дальше, чем на тысячу шагов. Вся ее напускная бравада напрочь исчезла, сметенная шквалом свежих впечатлений.

— Это вода,— объяснил Артем.— Такая же, как и в ваших колодцах. Иногда она сама пробивается на поверхность и заливает низкие места.

— Я хочу посмотреть на нее поближе.

Артем первым вылез из вездехода и помог спуститься Надежде. За ними последовал Адракс, и даже Калека по такому случаю прервал свой богатырский сон.

Вода была теплая, мутноватая и слегка пахла гнилью. Никаких признаков жизни не было заметно в ее глубине — ни водорослей, ни рыбешек, ни мелких рачков, которыми так богаты земные водоемы. Если эта река и текла куда-то, то ее течение было совершенно не заметно для глаз — волны не лизали берег, а пучок травы, брошенный Артемом, так и остался неподвижно лежать на поверхности воды.

Справа от них показалась гигантская черепаха и безо всякого промедления сползла в реку. Вскоре вода сомкнулась над ее панцирем, и лишь постепенно уменьшающийся бурун отмечал теперь путь черепахи по дну, но затем исчез и он. В напряженном ожидании прошло не менее четверти часа, и все увидели, как у противоположного берега забурлил водоворот, из которого стал медленно вырастать серый бугристый купол.

— А мы так не сможем? — спросила Надежда.

— Нет,— Артем отрицательно покачал головой.— Наверное, черепахам вообще не нужен воздух для дыхания или они могут очень долго без него обходиться. А мы сразу захлебнемся. Эта машина не приспособлена ни к плаванию, ни к передвижению по дну.

— Тогда что же делать? — она беспомощно оглянулась на белесое пятно, словно выжженное на небесной глубине.

— К счастью, среди нас есть тот, кто умеет давать толковые советы.— Артем усмехнулся, хотя на сердце у него было ох как неспокойно.— Как нам следует сейчас поступить, Адракс?

— Я вижу три выхода. Выход простой и легкий — немедленно утопиться. Выход простой, но не легкий — вернуться назад и, воспользовавшись мастерскими Убежища, сделать машину водонепроницаемой. Выход не простой и не легкий — искать брод или переправу. Каменные мосты должны сохраниться, если они, конечно, имелись здесь раньше.

— У тебя удивительная способность давать банальные советы.

— Чаще всего банальные советы и бывают самыми верными.

— Собственно говоря, ничего другого придумать мы просто не успеем.— Помимо воли Артем глянул через плечо назад.— Утопиться никогда не поздно, вернуться к Убежищу мы уже не сможем, так что придется искать переправу. Но сначала я должен хоть немного поспать.

— Разве ты не доверяешь мне? — спросил Адракс.— Пока ты будешь отдыхать, мы сможем пройти немалое расстояние. Поверь, та поломка случилась не по моей вине.

Надо рискнуть, подумал Артем, глаза которого уже закрывались сами собой. Неужели ему собственная шкура не дорога? Ведь должен же он понимать, что все мы связаны одной ниточкой.

— Хорошо,— устало сказал он.— Но только будь осторожен. Берега здесь ненадежные.

Сон был как бесконечное падение в черный бездонный колодец, и, проснувшись, он не мог даже приблизительно представить, сколько времени проспал.

Разбудил его Калека. Вездеход снова стоял, и вначале Артему пришла мысль, что, пока он спал, они вообще не сдвинулись с места. Однако река была сейчас с правой стороны от них, и ее русло стало заметно шире. Сотни черепах самого разнообразного размера плюхались в воду и выбирались на противоположный берег, а еще больше их подползало из степи. Калека, указывая на них, что-то тревожно бормотал и тыкал одной ладонью в другую. Артему не понадобилось много времени, чтобы понять причину его беспокойства.

Черепахи, направление движения которых заменяло путешественникам стрелку компаса, пересекали реку не напрямик, как раньше, а под острым углом. Неимоверно выросший в небе страшный знак Лета, находился уже не сзади, и даже не сбоку, а почти прямо по курсу вездехода.

Экспедиция возвращалась назад! И возвращаться ее заставляла река — это Артем понял сразу.

— Поворачивайте скорее! — почти закричал он.— Нельзя было так долго ехать в эту сторону!

— В другой стороне мы уже были,— бесстрастно ответил Адракс.— Там то же самое. Река описывает крутую дугу. Мы в западне.

— Реки, особенно текущие по равнине, нередко петляют. Надо набраться терпения и следовать за всеми ее изгибами. Рано или поздно она повернет в нужном для нас направлении.

— Боюсь, что это случится не рано, а как раз — поздно. Река не петляет. Ее дуга словно вычерчена циркулем. Сейчас мы даже ближе к стране Лета, чем в самом начале пути.

Наступила тишина, прерываемая только шуршанием проползающих мимо черепах. Их становилось все больше и больше.

— Я не хочу сгореть живьем,— сказала Надежда без всякого выражения.— Я не хочу задохнуться в огне. Не хочу видеть, как лопается моя кожа и тлеют волосы. Пусть кто-нибудь из вас убьет меня. Но только сразу. Одним ударом.

— Неужели вы так и не смогли найти брод? — Артем встал и распахнул дверь, желая повнимательней осмотреть реку.

В лицо его, как из печки, дохнуло сухим зноем. Только теперь Артем заметил, что по полу кабины ползет легкий дымок от горловины сосуда высокого давления.

Стравливают жидкий воздух, подумал он. Спасаются от жары. Боже мой, сколько времени я проспал?

— Везде одно и то же,— сказал Адракс.— Самые крупные черепахи целиком исчезают в воде. Это значит, что глубина на середине реки не меньше трех-четырех человеческих ростов.

Внезапно вездеход качнуло и боком сдвинуло с места. За разговором никто из его пассажиров не заметил, как в машину слепо уткнулась панцирем одна из черепах — к счастью, не самая крупная.

— Этого только не хватало! — Артем ухватился за рукоятки управления.— Надо убираться отсюда, иначе эти твари нас просто раздавят.

Зеленая степь превратилась в серую, бугристую, шевелящуюся пустыню. Черепахи двигались сплошным потоком — сталкиваясь, образуя заторы и наползая друг на друга. Похоже, эти вечно бесстрастные существа были объяты сейчас отчаянной паникой. Неужели и они боятся смерти?

Вездеход ожил и завертелся на месте, уворачиваясь от стремящихся к реке монстров. Уже почти невозможно было найти безопасное место для лап. Скрежещущие удары следовали то слева, то справа. Был момент, когда гибель казалась неминуемой — одна из лап оказалась плотно зажатой между двумя панцирями. Черепахи несли могучую машину к реке, как снежная лавина несет к пропасти незадачливого лыжника.

Спасло их то, что в самом ближайшем будущем обещало погубить — чрезмерная хрупкость сочленений лапы. При первом же достаточно сильном рывке шарнир с пушечным треском разорвался, освободив машину. Но на нее уже надвигались новые серые громадины.

«Сейчас нас или раздавят, или сбросят в реку,— подумал он.— Деваться некуда, да и лапы вряд ли выдержат долго».

Вездеход резко развернуло носом к воде, и еще одна лапа, хрустнув на прощание, улетела куда-то прочь. И тут Артем увидел единственный путь спасения — путь опасный и трудный, словно мост над адской пропастью, но обещавший хоть какой-то призрачный шанс.

Еще недавно спокойная гладь воды буквально кипела от черепашьих тел, пробиравшихся не только по дну, но и друг по другу. То здесь, то там из мутной пены вздымались округлые холмы их панцирей. По ним-то и можно было добраться до спасительного берега — так на Земле в ледоход смельчаки преодолевают реки, перепрыгивая с одной льдины на другую. Главное здесь — и это Артем понял сразу — быстрота, ну и, конечно, удача.

Стремительный рывок по плоским макушкам черепашьих панцирей напоминал сумасшедший слалом — вперед, влево, вправо, опять вперед — и вездеход оказался уже на середине реки. Брызги хлестали по стеклу, мешая обзору. «Ну еще секунд двадцать,— взмолился Артем.— Ну еще! Вынеси!»

Влажный купол, чересчур большой, чтобы на его круглых боках можно было найти опору, словно горб вздымающегося из глубин Левиафана, возник прямо перед носом вездехода. Артем успел увер-

нуться, но в следующее мгновение передние лапы провалились куда-то. Снизу в кабину хлынула вода. Вездеход тонул, но и продолжал странным образом медленно продвигаться к берегу, хотя его лапы впустую молотили пену.

Под крышей кабины образовалась воздушная прослойка, позволявшая людям как-то дышать. Из воды, бурлившей от пузырьков поступающего снизу сжатого воздуха, торчали головы Адракса и Калеки. Встретив отчаянный взгляд Артема, Калека нырнул и выудил наверх Надежду, которая, судя по выражению лица, уже распрощалась с жизнью. Глаза нестерпимо жгло. Машинально облизав губы, Артем почувствовал на языке едкую горечь. В этой проклятой реке вместо воды текла щелочь!

Однако вскоре стало очевидным, что вездеход не тонет, а, наоборот, понемногу всплывает. До берега оставалось не более двух десятков метров. Едкий раствор уходил в щели пола. Из кабины открывалось все более широкое поле обзора. Вскоре вездеход уже вознесся над поверхностью реки. Лапы его колотили уже не мутную пену, а воздух.

Артем высунул голову в боковую дверь и понял, что было причиной их чудесного спасения. Тонущий вездеход лег брюхом прямо на панцирь уже почти добравшейся до берега черепахи, бесподобные тягловые качества которой не шли ни в какое сравнение ни с першероном, ни даже с трактором «катерпиллер». Едва только нос вездехода врезался в высокую траву, покрывавшую берег, машина соскользнула со своего могучего, но медлительного избавителя и на пяти лапах устремилась вперед. Теперь она бежала уже не ровной рысью, а тяжелым вихляющим галопом.

— Смотрите, смотрите! — Надежда указала назад. Мокрые волосы облепили ее бледное лицо, на прокушенной нижней губе выступила капелька крови.

Белесое пятно уже исчезло, как исчезла и половина неба, потому что нельзя было назвать небом эту разверзнувшуюся на его месте адскую топку. Но скорее всего Надежду поразило даже не это — горизонт застилала стена дыма, подсвеченная снизу языками пламени. Степь пылала, и даже трудно было себе представить, какая температура понадобилась, чтобы высушить и поджечь ее травостой, куда более влажный, чем джунгли Амазонки.

Температура в кабине заметно поднялась, хотя Калека и добавил подачу жидкого воздуха. Лица всех пассажиров, за исключением Адракса, блестели от пота. Вездеходу приходилось все время вилять между черепашьими тушами, и это наполовину замедляло его ход.

«А что, если впереди мы наткнемся еще на одну реку,— подумал Артем.— Чуда два раза подряд не бывает. Вряд ли на этот раз нам так повезет».

Горизонт теперь закрывал уже не дым, а пар. Река, которую они пересекли не больше двух часов назад, испарялась. Раскаленный вихрь, как огромная невидимая косилка, укладывал траву на землю. Все чаще на пути вездехода попадались неподвижные, низко осевшие купола черепашьих панцирей — скорее всего, их обладатели были уже мертвы.

Артем гнал машину на максимально возможной скорости. Сейчас каждая задержка, любая, даже самая мелкая поломка, грозила неминуемой гибелью. Слышно было, как в двигательном отсеке Калека звякает инструментом, меняя очередной сосуд высокого давления.

— Сколько штук осталось? — крикнул Артем.

— Пять,— зевнул Адракс.— Всего пять. Не надолго их нам хватит.

— А ты сам разве не боишься смерти?

— Вот это действительно занятная тема для беседы. Но только ее хорошо вести на пирах, за неприступными стенами, под защитой надежной стражи. А сейчас, когда вы сами вот-вот станете жареным мясом на чьем-то роскошном пиру, такие разговоры несвоевременны.

«Вы станете!» — отметил про себя Артем.— Не «мы», а «вы». Себя он кандидатом в жареное мясо не считает. Запомним это на всякий случай».

Следующие несколько часов прошли без особых происшествий, если только не считать происшествием гнавшуюся за ними по пятам испепеляющую стихию. Если бы не постоянная подача в кабину жидкого воздуха, все они, наверное, давно бы задохнулись. Дымная мгла затянула степь, привычные зеленые краски исчезли, трава на глазах обращалась в рыжую труху.

И тут внезапно последовал предательский удар. На них обрушилась ночь — редкая в Стране Забвения Черная ночь. В единый миг все вокруг погрузилось в абсолютную тьму, только позади четко обозначалась шевелящаяся линия огня. Никто не произнес ни единого слова, только Надежда едва слышно вскрикнула.

Ночь могла изменить в этом мире очень многое, но она не могла остановить Лето. В такой темноте вездеход мог двигаться только с черепашьей скоростью, тщательно проверяя дорогу перед собой щупами — а это только оттягивало неизбежную развязку.

Наступившая ночь перечеркнула все их планы, и Артем впервые по-настоящему растерялся. Последствия этого сказались почти незамедлительно — он не успел сбросить скорость, одна из левых лап споткнулась обо что-то, раздался уже ставший привычным треск обрываемого шарнира и вездеход, рухнув на бок, стал описывать концентрические круги, словно судно с поврежденным рулем. Все это происходило в полном мраке, и Артему понадобилось немало

времени, чтобы на ощупь отключить двигатель. Наступила тишина, которую вполне можно было назвать трагической.

— А я уже стала надеяться на спасение,— сказала Надежда.

— Какой-то злой рок преследует нас.— Артем ощупал здоровенную шишку, за считанные секунды выросшую на его лбу.— Сначала эта окаянная река, потом Черная ночь. Я и не припомню, когда она была в последний раз...

— Злой рок не может преследовать всех четверых сразу,— как всегда невозмутимо высказался Адракс.— Обычно он выбирает кого-нибудь одного. Но из-за этого горемыки страдают и те, кто волею случая связал с ним свою судьбу. Один из нас несет на себе печать великого греха.

— Не болтай лишнего! — вспылил Артем.— Не хватало еще, чтобы мы принялись искать виновного. Можешь все свалить на меня, если тебе от этого станет легче.

— Да перестаньте же вы! — взмолилась Надежда, а затем уже совсем другим голосом добавила: — Значит... это все же конец?

Слова эти обожгли Артема. Будь он сейчас совершенно один — можно было бы со спокойной совестью махнуть рукой на собственную жизнь, но рядом находились и другие люди, поверившие ему.

«Пусть мы и не спасемся,— подумал он,— но я буду бороться до конца. С левой стороны уцелела одна-единственная лапа, но зато с правой исправны сразу три. Значит, из этого железного калеки еще можно было сделать четвероногого скакуна. Правда, работать придется почти на ощупь, в темноте и жаре, под вой раскаленного вихря и грохот приближающегося пожара. Хватит ли у меня силы и выдержки?»

— Не надо паниковать. Еще не все потеряно. Сейчас мужчины вслед за мной выйдут из вездехода. Нужно как можно быстрее переставить одну из правых лап на левую сторону.

— Вы же там все изжаритесь,— хмыкнул Адракс, и Артем снова отметил про себя это «вы».

— Да пошел ты!..— схватив мешок с инструментами, он полез наружу.

Почему-то Артему казалось, что, покинув кабину, он ощутит примерно то же самое, что ощущает одетый человек в парной бане. Но это была вовсе не баня! То, что он почувствовал всей своей кожей, мог почувствовать, наверное, слесарь, вынужденный ремонтировать изнутри еще не остывшую топку парового котла. Но слесарю положен асбестовый костюм и респиратор, а у Артема не было даже завалящих рукавиц. За металл нельзя было ухватиться, и ему пришлось обернуть ладони клочьями собственной рубашки. Калека пыхтел где-то рядом, помогая чем только можно, но больше мешал. Время от времени из темноты раздавался скучающий голос Адракса: «Не сюда. Левее», «нужный инструмент лежит справа от тебя на

расстоянии вытянутой руки», «отверстие, которое ты ищешь, на четыре пальца выше...» Было ли это очередным издевательством, или чужеродец действительно мог видеть в темноте, Артем так до конца и не понял, но советы были в основном дельные. Немного помогал и накатившийся пожар — его отсветы уже поблескивали на бортах вездехода. Когда стало совсем уж невмоготу, Артем попросил Надежду сбросить вниз баллон с жидким воздухом. Рискуя уже не изжариться, а обморозиться, они работали теперь в облаке сырого, быстро тающего снега, хлопья которого уносил прочь горячий ветер. Как бы то ни было, но спустя полчаса лапа уже стояла на новом месте.

Артем еще помнил, как его втащили внутрь вездехода и окатили водой. Сознание поплыло, в ушах раздался звон. Сердце, сжавшись, дало долгий перебой, а затем затрепыхалось, как попавшая в силок птица. Последнее, что он слышал, теряя сознание, был тяжелый мерный топот железных лап.

Адракс сидел за рычагами управления и, казалось, что мрак, окутавший Страну Забвения, был для него тоже самое, что ясный день.

Артем очнулся, лежа под брюхом вездехода на холодной и сырой земле. Вокруг стояли промозглые туманные сумерки, какие бывают поздним осенним вечером.

Невдалеке, подобно статуе командора, скрестив руки и уронив голову на грудь, стоял Адракс. Глаза его были закрыты. Казалось, он спал.

— Ночь кончилась? — спросил Артем первое, что пришло на ум.

Не дождавшись ответа, он с трудом сел. При этом все внутри Артема, от мозга до желудка, болезненно содрогнулось, словно его тело превратилось в сосуд, переполненный страданием.

— Ночь? — выйдя из оцепенения, переспросил Адракс.— Ночь кончилась. Можешь быть спокоен.

— А что с остальными?

— Они там.— Адракс указал на кабину вездехода.— Спят.

— Где мы сейчас?

— Не берусь судить об этом достаточно точно. Но с тех пор, как машина остановилась, сверху все время что-то каплет. Не похоже, чтобы нам угрожала смерть в пламени.

— А где черепахи?

— Проползают мимо время от времени. Одна недавно чуть на нас не напоролась.

— Наверное, это действительно их страна.

— Все может быть. Но место довольно странное.

Он наклонился и растер между пальцами щепотку грунта. Артем

машинально последовал его примеру. Почва действительно была какая-то диковинная — не то древесная труха, не то грубо перемолотая костная мука. Запах ее не вызвал в памяти Артема никаких определенных ассоциаций.

— Каким бы этот мир ни был, он наверняка лучше того, который мы покинули.

— Будем надеяться.

— Значит, ты привел сюда вездеход ночью... на четырех лапах... Ты спас нас всех. Спасибо.

— Не стоит благодарности. Говоря откровенно, ваша жизнь меня совсем не интересует. Более того, кое-кто из вас даже может представлять для меня опасность — чисто условную, но все же опасность. Так что спасать вас я совсем не собирался.

— Спасая себя, ты спас и нас.

— Опасность, угрожающая мне, куда серьезнее, чем так напугавшее вас Лето. От него я мог бы спастись в любой момент. Для этого достаточно было только подать знак...

— Почему же ты его не подал? Твои друзья, должно быть, обеспокоены твоей судьбой.

— Друзей у меня никогда не было и быть не может. А сигнал этот предназначается моему самому опасному врагу. Будь спокоен, он мигом вытащит меня из переделки. Ты, кажется, назвал наш мир Тропой. Так вот, знай — меня подкарауливают на каждом повороте этой Тропы.

— И здесь тоже? — Артем встал, держась за лапу вездехода. Внезапная откровенность Адракса растрогала его.

— Скоро я это узнаю.

Оставив Адракса, вновь принявшего прежнюю позу, снаружи, Артем вернулся в кабину вездехода. Напряжение последних часов спало, уступив место чувству бесконечной усталости.

К его удивлению, Надежды в кабине не было. Калека ползал по полу, среди пустых сосудов выского давления и в беспорядке разбросанного инструмента.

— Ты потерял что-нибудь? — спросил Артем, уже догадываясь о цели поисков Калеки.

Тот быстро закивал и изобразил руками что-то длинное и узкое. Вид при этом у него был весьма озабоченный.

«Действительно, куда мог подеваться клинок? — подумал Артем.— Жаль терять такую красивую вещь. Тем более, что это наше единственное приличное оружие».

Вдвоем они облазили всю кабину, но клинка так и не обнаружили. Осталось предположить, что он был утерян во время ночного марша, скорее всего, при аварии. Впрочем, было еще одно место, в котором

можно было бы поискать пропажу — просторные одежды Адракса. Но еще неизвестно, как тот отнесется к личному обыску.

Надежду Артем обнаружил в двигательном отсеке. Бледная и растрепанная, она выглядела очень неважно. Полные слез глаза казались озерами скорби.

— Тебя обидел кто-нибудь? — спросил Артем.

— Нет,— она всхлипнула.

— Тогда почему ты здесь?

— Он! — девчонка указала в сторону кабины.— Он! Он там! Калека! Я не могу находиться рядом с ним!

— Да что же случилось? Что он тебе сделал?

— Сон! — Надежда затряслась, как в лихорадке.— Сон! Я видела страшный сон!

— Опять наваждение?

— Нет! Нет! Нет! — Она встала и, двигаясь, как сомнамбула, прошла в кабину.

Калека, видимо, смирившийся с потерей клинка, мирно спал прямо на полу. Наклонившись, Надежда долго всматривалась в его лицо, а затем схватила молоток и прежде, чем Артем успел остановить ее, ударила спящего куда-то между ухом и виском. Удар вышел слабый, неловкий, и Калека вскочил, как ошпаренный.

— Дерьмо! Грязь! — прохрипела Надежда, протягивая ему молоток.— Клоп вонючий! Бей себя по башке!

Изумленно хлопая глазами, Калека изо всей силы заехал себя молотком по лбу. Потом еще раз и еще. На стенку кабины брызнула кровь. Артем кинулся к Калеке, стараясь вырвать молоток, но это было тоже самое, что бороться с каменной глыбой.

— Еще! Еще! — кричала Надежда. Ее глаза подернулись мутью, точь-в-точь, как это иногда случалось с Адраксом.— А теперь по зубам! По зубам!

Сцена была жуткая и отвратительная. Истерический визг девчонки не мог заглушить тупые удары молотка. Кровь заливала лицо Калеки. Его губы превратились в багровое месиво, но зубы продолжали прочно держаться на своих местах.

— Сильнее! — бесновалась Надежда.— Сильнее! Помнишь, чудовище, что ты сделал?

— Не надо так поступать, дочь судьи! — раздался от дверей голос Адракса.— Прекрати. Даже если он что-то и сделал во вред тебе, то сейчас ничего не вспомнит.

Надежда повалилась в кресло и зарыдала. Калека аккуратно очистил молоток от крови и клочьев волос, положил на прежнее место и жалко улыбнулся разбитым ртом.

— Что он все-таки тебе сделал? — Артем наклонился над Надеждой.— Скажи?

— Я не знаю,— простонала она.— Я не помню!

Когда Надежда немного успокоилась, Артем вывел ее из вездехода на свежий воздух. Туман стал, пожалуй, еще гуще, с неба по-прежнему сыпал мелкий дождь. Громадная куполообразная тень проползла мимо — это возвращались в родные края последние уцелевшие черепахи.

Как странно устроена человеческая память, подумал Артем. Прошло совсем немного времени, а кажется, что ровным счетом ничего и не было — ни опаленного страшным жаром неба, ни пылающей степи, ни поломанных лап машины, ни этой отчаянной переправы через мертвую реку, ни безумной гонки во мраке Черной ночи. Все осталось позади — все, кроме усталости и боли.

Он поднес к лицу красную ошпаренную ладонь с сожженными подушечками пальцев.

Надежда шла рядом, вцепившись в его рукав. Адракс стоял на прежнем месте, оскалившись и слепо глядя вдаль. Его обычно бесстрастное лицо искажала гримаса отвращения.

— Мы прогуляемся немного,— сказал ему Артем.

Когда слова эти дошли до затуманенного сознания Адракса, он равнодушно пожал плечами.

— Это не опасно? — Что-то мешало Артему просто пройти мимо.

Тот же безучастный жест.

— Сам бы ты рискнул отойти от машины? — настаивал Артем.

— Я и вы — совсем не одно и то же,— глухо вымолвил Адракс.

— Значит, нам ты не советуешь отходить далеко? — подала голос Надежда.

В пустых глазах Адракса что-то сверкнуло. Казалось, он только сейчас заметил девчонку. Внезапно он молниеносно схватил Надежду за плечи, встряхнул и почти прорычал прямо ей в лицо.

— Зачем тебе мои советы, дочь судьи? Ты сама знаешь ответ на любой вопрос! Обрати свой взор внутрь! Не ищи ничего, что изначально не существовало бы в тебе самой! Никогда не верь мне, а тем более никому другому. Ты...

Внезапно земля под их ногами дрогнула. Раздался протяжный скрипучий стон. Людей мигом расшвыряло в разные стороны. Почва под ними ходила ходуном, а жуткий вой выворачивал душу.

Длилось это недолго, но оглушенный и не на шутку перепуганный Артем не сразу решился встать на ноги. Что это могло быть — землетрясение, топот ног великана, отзвуки близкого боя? Представляет ли подобное явление опасность для человека, или оно так же безвредно, как этот непрерывно сеящий, нудный дождик? Пока ответов на эти вопросы нет, лучше всего держаться вблизи вездехода. Его стальные стены дадут людям хоть какую-то (пусть даже моральную) защиту от всяких ожидаемых и неожиданных напастей.

Оглядываясь по сторонам, Артем тихонько позвал:

— Эй, куда вы все подевались?

— Я здесь.— Из тумана на четвереньках выбралась Надежда. Адракса нигде не было видно. Перехватив встревоженный взгляд Артема, девчонка указала в том направлении, куда недавно проследовала черепаха.— *Он пошел туда...*

— Оставайся здесь. Я догоню его.

— Может, лучше подождем...

— Нет. Он не в себе. Нельзя оставлять его одного. Он же не бросил нас ночью.

— Тогда и я с тобой.— Надежде явно не хотелось оставаться одной.

Буквально через сотню шагов они наткнулись на неподвижно стоящего Адракса. Он рассматривал что-то огромное, формой похожее на осколок яичной скорлупы. Приглядевшись повнимательнее, Артем понял, что это часть черепашьего панциря, словно разрубленного пополам секирой великана. На его внутренней поверхности кое-где виднелись все еще дергающиеся клочья розовой плоти.

Услышав сзади шаги, Адракс не обернулся, но предостерегающе поднял руку.

— Не ходите дальше,— сказал он прежним спокойным голосом.— Там все завалено такими обломками. Здесь, под нашими ногами,— он подбросил носком сапога серую труху,— прах тысяч и тысяч черепах.

Спустя полчаса в кабине вездехода состоялся совет. Начал его Артем.

— Бесспорно, мы достигли того места, где живут черепахи. Или вернее — где их убивают. Что будем делать дальше?

Поскольку вопрос этот относился в основном к Адраксу, тот не замедлил с ответом:

— Делайте, что хотите. Я не связан с вами никакими обязательствами.

— Но ведь вчетвером уцелеть легче, чем одному,— возразила Надежда.— Разве не так?

— Совсем не так! — отрезал Адракс.— И скоро вы в этом сможете убедиться. До поры, до времени я останусь с вами, но, как только это станет опасным для меня, уйду.

Калека между тем резал маленьким ножиком черепашье мясо и раскладывал его по плошкам. Говорить он, конечно, ничего не говорил, но к каждому слову прислушивался внимательно.

— Ну ладно,— примирительно сказал Артем.— Уйдешь, так уйдешь, силой держать тебя никто не будет. Вопрос в другом: дви-

гаться ли нам дальше в глубь страны или оставаться на месте.

— Может, переждем здесь Лето и вернемся в Страну Забвения? — неуверенно предложила Надежда.

— Наши запасы на исходе. А на свежее мясо трудно рассчитывать. Здесь на него и без нас достаточно любителей. Я предлагаю...

Артем не успел закончить фразу. Вездеход тряхнуло, и вновь раздался тот протяжный рев-стон, похожий одновременно и на предсмертный хрип живого существа и на скрип медленно падающего дерева.

— Еще один...— задумчиво сказала Надежда и перевела взгляд на Артема.— Ты что-то хотел сказать?

— Нет, ничего...

— Тот, кто пожирает черепах, легко сожрет и нас,— голос девчонки дрогнул.

— Ты думаешь, это он кричит?

— А кто же еще? Какая-нибудь мелюзга так реветь не сможет.

— Хватает на свете и безголосых хищников. А что касается нас...— Артем попытался успокоить девчонку,— вряд ли железная машина придется этому обжоре по вкусу.

Сам же он подумал: «Акула жрет рыбу, но при случае и банку рыбных консервов заглотнет за милую душу. Все дело в аппетите».

— Но не можем же мы спорить без конца! — девчонка начала терять терпение.— Давайте что-то решать. Я есть хочу.

— Решайте, как хотите,— буркнул Адракс.— Мне все равно.

— А я предлагаю вот что: дождемся черепаху покрупнее и осторожно тронемся вслед за ней. Надо же разузнать, какие сюрпризы нас здесь могут ожидать.— Не дожидаясь возражений, Артем встал и тут же встретился взглядом с Калекой.

В его глазах была мольба, а изуродованный рот открывался и закрывался, не в состоянии издать хотя бы одно связное слово. И вдруг он весь напрягся, взвыл и заскрежетал зубами. Все вздрогнули — так похож был этот звук на вопль неведомого пожирателя черепах.

— Не понимаю, что ты хочешь? — обратился к нему Артем.

Однако Калека вдруг обмяк, опустил глаза и безучастно махнул рукой.

«Или мои спутники сумасшедшие, или все происходящее выше моего понимания,— думал Артем, на самой малой скорости двигаясь вслед за черепахой, волею случая предназначенной быть для них чем-то вроде подсадной утки.

— За что Надежда так жестоко наказала Калеку? Что ей такое необыкновенное могло присниться? И почему тот покорно стерпел все издевательства? Да ведь он мог эту пигалицу в порошок растереть. И Адракса в последнее время как подменили. Что его мучает?

Страх, угрызения совести, тоска? Нашел я себе попутчиков! Один к одному».

Силуэт черепахи был едва заметен в сизом тумане. Ползла она куда медленнее, чем обычно — как будто чувствовала опасность. Под лапами вездехода негромко похрустывал серый тлен, в который обратились панцири бесчисленного количества ее предшественниц. Все чаще попадались крупные осколки, некоторые из них размером превышали машину. И больше вокруг не было ничего — ни травинки, ни деревца. Где же могло таиться то неведомое, что так легко губило этих громадных, чрезвычайно живучих и хорошо защищенных от врага тварей?

Как ни внимателен был Артем, а момент нападения он прозевал.

Тело черепахи резко рванулось вверх, возносимое чем-то похожим на внезапно выперший из-под земли циклопический палец. Черепаха, не по своей воле оказавшаяся на конце этого пальца, выглядела точь-в-точь как его ноготь. Гася содрогание почвы, вездеход затрясся на всех своих четырех лапах. Но прежде, чем неведомо откуда взявшаяся пыль затмила все вокруг, Артем успел заметить, как вокруг черепахи расцвел серый цветок, длинные и гибкие лепестки которого отдаленно напоминали щупальца спрута. Когда лепестки эти сомкнулись в плотный бутон, во все стороны брызнули осколки панциря, и вот тут-то раздался тот протяжный душераздирающий стон, от которого дыбом встают волосы и мурашки бегут по коже.

— Ну и что это было? — скорее у самого себя, чем у окружающих, спросил Артем, едва только почва перестала трястись, а воздух немного очистился от пыли. На том месте, где только что торчал убийственный палец-стебель, ровным счетом ничего не осталось.

— Когда-то и я любил лакомиться моллюсками,— мечтательно сказал Адракс.— Но, скажу без хвастовства, манеры у меня всегда были получше. Раковину я вскрывал только специальным ножом.

— Чем бы это ни было, но я дальше ехать отказываюсь.— Надежда нервно поежилась.

— Тогда возвращаемся? — такое предложение, честно говоря, устраивало и Артема.

— Возвращаемся. Медленно и по старому следу,— охотно согласился Адракс, что было для него в общем-то несвойственно.

Однако уже спустя несколько минут Артем убедился, что след исчез, засыпанный черепашьим прахом. Вокруг, полускрытая туманом, расстилалась свинцово-серая однообразная равнина, совершенно лишенная каких-нибудь ориентиров.

Они заблудились. Заблудились на минном поле.

После долгих споров решено было ждать «попутную» черепаху, следовать за ней вплоть до момента гибели, затем, не сходя с места,

дожидаться следующую и так далее. Как ни прожорлив был подземный хищник, он рано или поздно должен был насытиться черепашьим мясом, а значит — стать безвредным.

Что из всего этого должно было в конце концов получиться, не знал даже Адракс.

Но вместо черепахи они дождались совсем другого гостя.

Первым его сквозь стекло кабины заметила Надежда и, сдавленно вскрикнув, метнулась в дальний угол машины.

Кто-то стоял в тумане прямо на их пути почти на пределе видимости. У незнакомца вроде бы имелись руки, ноги, голова, но, безусловно, это был не человек. Трудно описать словами то, что не имеет абсолютно никаких аналогий в людской памяти. Это примерно то же самое, что сравнивать слона с лошадью, у которой на морде вырос длинный нос.

При первом же взгляде на это существо у Артема навсегда осталось впечатление своего собственного бессилия, парализующего ужаса и глубокого отвращения. Смотреть на него было то же самое, что смотреть на медузу-горгону, с той только разницей, что человек превращался не в камень, а в комок безвольной слизи. Тварь, стоявшая на пути вездехода, была зримым олицетворением кошмара в самом чистом его виде.

Слева и справа смутно виднелись еще два точно таких же создания, но в отличие от первого, они стремительно передвигались, обходя машину с разных сторон.

— Что-то поздновато они появились,— сказал Адракс.— Я их куда раньше ждал.

— Неужели они ищут тебя? — еле выдавил Артем.

— Вряд ли. Это не ищейки, а сторожевые псы. Черепах они трогать не будут, а всякого чужака придержат. Чтоб не болтался, значит, попусту в неположенном месте... Чаще всего их называют мрызлами.

— Идут они смело,— заметил Артем, вспомнив о подземных хищниках.— Ничего не боятся.

— Бояться они просто не способны. Так уж они задуманы.

— Кем задуманы? — удивленно переспросил Артем.

— Потом узнаешь. А сейчас надо уходить. Куда глаза глядят и на самой полной скорости. Уж если умирать, то только не в их лапах.

Долго уговаривать Артема не пришлось. Вездеход резво побежал сквозь серую мглу, почти сразу оторвавшись от преследователей.

Но уйти далеко им было не дано: удар снизу был так силен и стремителен, что сорвавшийся с креплений двигатель пробил переборку. Кабина вмиг наполнилась ледяным туманом.

Вездеход словно на лифте возносился вверх. Затем по корпусу

хлестанули смыкающиеся щупальца и стекла залила какая-то бурая жижа. Раздался скрежет, и по металлу побежали трещины. Сталь обшивки сминалась, как бумага, стеклянный колпак разлетелся вдребезги, засыпав людей дождем осколков. В следующий момент разорванный на части вездеход был отброшен прочь, а его пассажиры и весь груз оказались на влажной и упругой, как резина, поверхности, цветом и структурой весьма напоминавший мясо черепахи. Ее края загибались кверху, образуя подобие чаши, в которой могло свободно уместиться небольшое озеро.

Внезапно стенки этой живой ловушки завибрировали и раздался громоподобный рев — торжествующий рев хищника, овладевшего добычей, рев, который внутри источника его возникновения казался уже не ревом животного, а грохотом стартующего реактивного самолета. Быстро достигнув предела болевого ощущения, этот звук хлестал и давил, рвал на части воздух и барабанные перепонки. К счастью, до слуха Артема дошли только первые такты этой ужасающей мелодии — рев, действуя как акустическое оружие, быстро ввергал человека в беспамятство.

Очнулся Артем, весь перепачканный липкой жижей, которую обильно выделяли стенки ловушки. Сейчас чаша с добычей вроде бы опускалась вниз, а ее края продолжали вытягиваться и загибаться вовнутрь.

«Если она утащит нас под землю, это конец»,— подумал Артем.

Дно ловушки было усыпано всяким барахлом, некогда составлявшим груз вездехода. Артем принялся расшвыривать его, надеясь найти хоть какое-нибудь оружие, и наткнулся на неиспользованный сосуд высокого давления. Открыв вентиль на полоборота, он ударил струей жидкого воздуха в розовую трепещущую плоть. На внутренней стенке ловушки сразу же появилось обширное матово поблескивающее пятно, вокруг которого волнами собрались морщины.

Артем, интуитивно сообразив, что неведомый хищник может утащить их под землю только после того, как стенки ловушки сомкнутся, стал поливать переохлажденным газом верхний край чаши, где движение плоти было наиболее активным.

Очень скоро стало ясно, что его старания не были напрасны. В тех местах, где жидкий воздух коснулся живой ткани, ее рост сразу прекращался. Края ловушки, до этого идеально ровные, стали похожи на чашечку тюльпана — хотя большая часть ее окружности была уже заморожена, кое-где вверх еще лезли розовые остроконечные языки. Но тут возникла новая опасность. Клейкая бурая жидкость уже поднялась до уровня щиколоток. Босоногий Калека подпрыгивал, словно под ним оказалась раскаленная сковородка. Надежда догадалась взобраться на двигатель, тоже оказавшийся в чаше. Обувь на Артеме разваливалась, пятки невыносимо зудели. Один Адракс пока никак не реагировал на едкий сок.

«Эта дрянь сейчас переварит нас живьем»,— подумал Артем и направил струю жидкого воздуха вниз. Вскоре на дне ловушки образовалась небольшая ледяная площадка, на которой и собрались все пассажиры погибшего вездехода.

Чаша по-прежнему опускалась, но уже совсем медленно. Время от времени ее края еще пытались сомкнуться, но Артем легко пресекал все эти попытки очередной порцией жидкого воздуха, более разрушительного, чем пламя газовой горелки. Если это существо могло испытывать боль, то сейчас оно, должно быть, терпело ужасные муки. Кое-где ее нежная розовая плоть уже отваливалась клочьями, оставляя глубокие язвы.

Плавный спуск внезапно прекратился. Ловушку сильно тряхнуло несколько раз подряд. Стенки чаши стали оседать и бессильно выворачиваться наружу. До земли теперь оставалось всего метра три-четыре.

Бочкообразный стебель, торчавший из развороченной почвы, дружно штурмовали три мрызла, скорее всего те самые, что преследовали вездеход. Действовали они преимущественно руками (или передними лапами), сплошь покрытыми безобразными костяными наростами самой невероятной конфигурации. Судя по тому, что от могучего стебля только клочья во все стороны летели, были эти резцы невероятно острыми и прочными.

Усердная работа мрызлов не замедлила принести плоды. Сначала в стебле стали появляться прорехи, а затем он лопнул снизу доверху. Ловушка развалилась на две части, и все ее содержимое рухнуло во внутреннее пространство стебля — в смрадную духоту и мрак. Под собой Артем ощущал какую-то шевелящуюся массу, но не однородную, а состоящую из множества отдельных элементов. Можно было подумать, что он оказался внутри термитника, только каждый термит был величиной с суповую тарелку.

В следующий момент стебель разрушился окончательно, выбросив наружу всех четырех пленников вместе с бесчисленным количеством крошечных, еще лишенных панциря черепашек. Мрызлы, припав на четвереньки, жадно глотали их.

«Вот оно что,— подумал Артем, скатываясь вниз с шевеляшейся пирамиды.— Страшный подземный хищник — это ни что иное, как мать-черепаха, пожирающая своих детей, дабы дать жизнь новым поколениям».

Впрочем, это был не самый лучший момент для отвлеченных размышлений. Мрызлы прекратили истреблять черепашек и явно собирались заняться более крупной дичью. Один устремился к Артему, другой к Адраксу, третий к Калеке. Надежду они до поры до времени оставили без внимания.

Далее события развивались так: Адракс вырвал у Артема сосуд высокого давления, который тот все время не выпускал из рук и,

окатив своего соперника струей жидкого воздуха, исчез в клубах изморози. Вечно сонный и малоподвижный Калека вдруг проявил исключительную прыть. Как ни точны и стремительны были движения мрызла, Калека всякий раз на долю секунды опережал его. После целой серии хитроумных маневров эта парочка умчалась куда-то во мглу. Зато Артем был повержен в самом начале схватки. Тяжелая, покрытая редкой рыжей шерстью лапа-клешня наступила ему на грудь. Такого жуткого смрада Артем не ощущал еще никогда в жизни.

Что-то омерзительное капало на него сверху — не то слюна, не то пот чудовища. С трудом сдерживая позывы к рвоте, Артем отвернул лицо в сторону, дабы не смотреть на мрызла и тем не усугублять свое и без того плачевное состояние.

Мрызл, ошпаренный жидким воздухом, все еще не мог очухаться. Тот, который погнался за Калекой, вернулся с пустыми руками и выместил свое неудовольствие на Надежде, как куклу швырнув ее поближе к Артему. Затем он тонко, по-щенячьи взвизгнул и на разные лады повизгивал еще с минуту.

Тот мрызл, который поверг Артема — видимо, главный из этой тройки — коротко взвизгнул в ответ и, вскинув лапу, со страшной силой ударил своего приятеля пилообразным наростом в грудь, впрочем, без особого ущерба для его гиппопотамовой шкуры, от которой только засохшая грязь да короста во все стороны полетели.

Затем все трое собрались в кружок и, сблизив головы (если *это* можно было назвать головами), долго визжали — и все вместе и каждый в отдельности. Эти твари разговаривали! Значит, и кое-какой разум у них имелся!

Переговоры кончились тем, что один из мрызлов прямиком устремился к пленникам. В его лапах блеснуло что-то длинное и тонкое, похожее на стилет.

«К чему такие сложности,— подумал Артем (в ожидании неминуемой смерти он вдруг совершенно успокоился).— Да эта тварь нас обоих одной лапой может прихлопнуть! Как мух!»

Он оглянулся на Надежду. Девчонка лежала на спине, раскинув руки и не подавая никаких признаков жизни.

Мрызл уже черной тенью навис над ним. Перед глазами Артема сверху вниз косо сверкнуло разящее лезвие. Помимо воли он зажмурился, но удар оказался неожиданно слабым и лишь слегка задел плечо.

Промахнулся, тупо подумал Артем и снова приоткрыл глаза. Однако мрызл уже оставил его и склонился к Надежде. Над ней он задержался чуточку подольше, шумно дыша и как-то манипулируя своим оружием. Затем последовал укол — такой же несильный, как первый, и опять в плечо.

После этого все трое мрызлов одновременно взвизгнули, как

семечками набили пасти черепашками и стремительно канули в туман.

Полежав немного, Артем сел. Плечо немного саднило, но эта боль не шла ни в какое сравнение с болью в голове, груди, руках и ногах. Его тело словно побывало в камнедробилке.

По Надежде ползали маленькие черепашки, а в глазных впадинах стала собираться дождевая влага. Артем сунул ладонь ей за пазуху. Кожа была теплая, сердце билось.

— Убери руку,— не открывая глаз, внятно сказала Надежда.— Ушли они?

— Ушли.

— Я притворялась.— Надежда резко села.— Думала, они мертвецов не трогают.

— Ты испугалась?

— Мне испугаться не стыдно! Стыдно должно быть вам! Мужчинами называетесь! Двое сбежали, а третий даже сопротивляться не стал.— Она поплотнее запахнула ворот.

— Ты считаешь, что я этих уродов голыми руками должен был уложить?

— Не надо оправдываться. Уведи меня отсюда куда-нибудь.

— А не боишься, что на нас опять такая тварь нападет? — Артем указал на останки поверженной матери-черепахи, из развороченного чрева которой все еще продолжали вылезать детеныши, некоторые из них размером не превышали мухи.

— Не боюсь. Ведь мрызлы здесь без всяких помех бегают. Да и те двое... чужеродец и Калека... тоже сбежали... И все тихо пока...

«Действительно,— подумал Артем.— Как это я сразу не догадался. Мать-черепаха пожирает своих детей, но только самых крупных, успевших отъесться в Стране Забвения до определенного веса. Вездеход вполне мог сойти за одну из них. А люди и мрызлы для нее чересчур мелкая добыча».

Собрав то немногое, что они могли унести с собой, Артем и Надежда двинулись в сторону противоположную той, куда подались мрызлы. Не переставая сеял дождь. Сизыми волнами плыл холодный туман. Надежда шагала впереди, и не похоже было, что она идет наугад.

— Куда ты меня ведешь? — осведомился Артем некоторое время спустя.

— Надо найти тех двоих. Хоть они и негодяи, но в их компании все же как-то спокойнее.

— И как ты их думаешь найти?

— Это уж мое дело.

Местность, по которой они шли, была удручающе однообразной. Трижды они ощущали сотрясение почвы и слышали вдалеке зловещий вопль черепахи-матери. Ни разу им не встретились следы людей

или мрызлов, однако Надежда уверенно прокладывала путь среди холмов серого праха.

Своих бывших спутников они застали в неглубокой котловине, дававшей хоть какое-то укрытие от промозглого ветра. Артем и Надежда явились как нельзя кстати — в этот самый момент Адракс, сидя верхом на Калеке, усердно душил его, а Калека не менее усердно выворачивался. Судя по тому, что почва вокруг них была как катком укатана, такое выяснение отношений длилось уже довольно давно. Невдалеке лежал клинок — тот самый, который принес с собой Калека.

Сразу поняв, что слова здесь не помогут, Артем вцепился в Адракса, однако оторвать его от жертвы было не легче, чем свернуть с постамента памятник. Неизвестно, чем бы закончилась эта свалка, если бы Артем не догадался швырнуть в лицо чужеродца добрую горсть мелкого праха. Это ему особо не повредило, но заставило волей-неволей переместить руки с горла Калеки в сторону нового противника.

Калеке вполне хватило этой секундной передышки, чтобы сбросить Адракса. Однако далее он повел себя весьма странно — отряхнулся и смиренно отошел в сторону (даже не в ту, где лежал клинок). Теперь уже Артем оказался лицом к лицу с совершенно озверевшим старцем. Они схватились, и Артем сразу понял, что именно ощущает человек, попавший в лапы разъяренной гориллы. Еще он понял, что конец его близок. Не обидно ли — уцелеть в схватке с черепахой-матерью и мрызлами и принять смерть от рук собственного спутника? Еще смутно надеясь на спасение, он захрипел:

— Помогите! Помогите!..

Помощь пришла, но совсем не оттуда, откуда ожидал Артем. Спасенный им Калека как ни в чем не бывало наблюдал за схваткой со стороны, зато Надежда, схватив клинок, изо всех своих силенок огрела им Адракса по голове.

Гул пошел, как от удара в колокол. Чужеродец выпустил совершенно растерзанного Артема, сделал несколько нетвердых шагов назад и сел на землю. Он был жив и даже не потерял сознание, ни единой капли крови не появилось на его черепе, но что-то резко и удивительно переменилось в лице: ярость уступила место усталости, суровые складки у рта разгладились, взгляд погас.

— Может, свяжем его? — предложил Артем.

— Не надо... Иди сюда! — Надежда пальцем поманила Калеку.— На, возьми, и чтоб из рук не выпускал!

Калека кивнул и с благодарной улыбкой принял клинок.

— Убьешь его, если я прикажу! — Надежда указала на Адракса.— Знаешь, куда бить? И этого тоже! — Девчонка смерила Артема с ног до головы презрительным взглядом. Калека послушно, как кукла, склонил взъерошенную голову.

— Я никому не причинил вреда? — глухо спросил Адракс.

— Нет,— ответил за всех Артем.— Но еще бы чуть-чуть...

— Со мной иногда бывает такое... Накатывается... В следующий раз будьте поосторожней...

— В следующий раз тебе просто снесут башку,— пообещала Надежда.— Почему ты бросил нас?

— Я никогда не обещал идти с вами до конца... Более того... Оставаться с вами для меня опасно... Двое из вас троих — мои смертельные враги. Если я не смогу переломить судьбу, мне суждено умереть от руки одного из вас...

— Что за вздор ты несешь! — не выдержал Артем.— Вечно ты что-то выдумываешь, вечно врешь. Никому из нас твоя жизнь не нужна. Можешь хоть сейчас убираться. Но это позор — бросать спутников в беде!

— Вас мрызлы скорее всего не тронули бы... Они черепашек нажрались... Но если бы им попался я... или даже вот он,— последовал кивок в сторону Калеки,— результат мог быть куда более плачевным.

— Как это — не тронули? А вот! — Артем распахнул рубашку.— Укололи какой-то штуковиной. А может, она отравленная?

— И ее тоже? — Адракс перевел взгляд на Надежду.

— И ее, конечно.

— Тогда наши дела действительно плохи.— Чужеродец постепенно возвращался в свое обычное состояние.— Не знаю, сколько мрызлов рыскают в этом мире, но скоро все они будут здесь. Сейчас нам действительно лучше всего держаться вместе. Спасти нас может только быстрота. Со следа мрызлов уже не собешь. Но в погоню они бросятся не сразу. Нужно немедленно уходить отсюда.

— Ты пойдешь первым,— сказала Надежда.— Калека с клинком в руке будет идти сразу за тобой. Знай, что по первому же моему знаку он сделает все возможное, чтобы убить тебя.

— Я не сомневаюсь в этом, дочь судьи.— Адракс криво усмехнулся.— Да только клинок этот туповат для меня.

Они шли и бежали, бежали и шли сквозь промозглый туман и нескончаемый моросящий дождь. Они научились спать сидя, сбившись в тесную кучу, потому что на мокрую землю нельзя было лечь. Они приспособились питаться мелкими черепашками, смело прорубая тело их матери (та совершенно не реагировала на приближение человека, а сытая не реагировала ни на что на свете), потому что другой пищи у них не было. Тусклый бесконечный день (или светлая бесконечная ночь) висел над этой унылой страной, и ничто не нарушало его вековечную тишину, кроме шороха дождя, да редких воплей подземных хищниц, пожиравших своих возмужавших потомков.

На отдых они останавливались только тогда, когда Надежда валилась с ног от усталости. Но на немые предложения Калеки и горячие уговоры Артема нести ее на руках, она всегда отвечала категорическим отказом.

Однажды, голодные и усталые, они нашли приют под огромным обломком черепашьего панциря. Надежда тряслась, как в лихорадке. Несмотря на холод ее лицо покрывала испарина. Артем, завернув ее во все тряпки, которые у них еще оставались, крепко прижал к себе. И тут впервые за все время пути девчонка разрыдалась.

— Не плачь,— он погладил ее по мокрым волосам.— Хочешь, я расскажу тебе сказку о бедной девочке, которую злая мачеха заставляла делать всю грязную работу в доме? За кротость и терпение добрая волшебница подарила ей хрустальные туфельки и разные другие необыкновенные вещи. На балу в королевском дворце в нее влюбился принц, но время волшебства уже кончилось и ей пришлось убежать. Спускаясь по лестнице, она потеряла одну туфельку, по которой ее потом и нашел принц. Он взял ее себе в жены. Так бедная девочка стала принцессой. Жили они долго и счастливо, а умерли в один день.

— Добрых волшебниц давно нет,— сказала Надежда сквозь слезы.— А принцессой я и так стану, можешь не сомневаться... Если только останусь в живых. А плачу я не от горя и не от усталости. Женщины должны плакать перед боем. Я плачу по всем вам и по себе самой... Мрызлы только что получили приказ напасть на нас. Их очень много, и скоро все они будут здесь...

Бессмысленно было бежать, растрачивая последние силы.

Артем нисколько не сомневался в прозорливости Надежды, да и Адракс воспринял ее сообщение как нечто неоспоримое. Калека, положив клинок на колени, тупо смотрел в землю. Туман как назло рассеялся, открыв взору серую безжизненную равнину.

Первый мрызл появился даже раньше, чем они этого ожидали. Однако он не ринулся вперед, а снова скрылся во мгле. Скорее всего, это был только разведчик. Затем послышалось далекое многоголосое повизгивание, и со всех сторон выступили густые цепи мрызлов. Шли они осторожно и расчетливо, словно собираясь сразиться с целой армией равных себе по силе и ловкости богатырей, а не с четверкой еле живых от усталости людишек.

— Ну ладно,— Адракс встал с таким видом, словно ему предстояла неприятная и тяжелая, но вполне привычная работа.— Зря они так. Ведь знают, что врага нельзя загонять в угол. Зарвались... Дай! — повелительно сказал он, протягивая к Калеке раскрытую ладонь.

И столько силы и уверенности было в его голосе, что Артем немедленно поверил в скорое спасение. Калека с подобострастным

видом вложил клинок в руку Адракса, и тот, несколько раз резко крутнув гарду, глубоко загнал лезвие в землю.

Сейчас сутулый и кривоносый чужеродец выглядел величаво и страшно, как бог-громовержец в последние минуты перед гибелью мира. Его изодранные и грязные одежды колыхались на ветру, как крылья демона. Зубы скрежетали, а глаза буквально метали молнии.

Когда до ближайшего мрызла осталось не более полусотни шагов, он наклонился и вырвал клинок из земли.

Его лезвие утратило блеск и четкую форму. Казалось, что оно вибрирует с огромной, неподдающейся воображению частотой. Адракс еще раз повернул гарду и нажал что-то на рукоятке. Клинок стал медленно, но неотвратимо удлиняться, принимая все более призрачный вид. Когда он вытянулся на несколько десятков метров, Адракс нанес первый удар. Ноги мрызла еще бежали, а верхняя часть туловища уже катилась вслед за ним по земле. Пять или шесть чудовищ полегло в течение нескольких секунд, изрубленные на куски.

Держа клинок горизонтально перед собой, Адракс сделал полный поворот (Артем, Надежда и Калека догадались броситься на землю), и вокруг него образовалось кольцо из кровоточащего мяса, дергающихся конечностей, вывороченных внутренностей и разбрызганных мозгов. Удлинив клинок вдвое, чужеродец еще раз крутнулся на месте. Узкое, уже почти невидимое лезвие рассекало все подряд — куски черепашьих панцирей, верхушки холмов, живых и мертвых мрызлов.

Последнего из нападавших, уже догадавшегося о своей участи, но не смирившегося с ней, Адракс убивал долго, с палаческим вдохновением, постепенно кроша, как кочан капусты. Убедившись, что с мрызлами покончено, он снова крутнул гарду влево-вправо, и клинок сразу принял прежний вид.

Тяжелый запах крови мутил душу, вокруг истошно повизгивали умирающие мрызлы, багровые ручьи собирались в лужи, пластами оседал туман, словно стараясь скрыть от человеческих глаз это побоище.

— Обошелся ты с ними жестоко,— пробормотал потрясенный Артем.— Может, сначала только пугнуть стоило?

— Мои сородичи максары используют подобные клинки для смертного боя, а не для запугивания всяких тварей,— гордо заявил Адракс.

— Страшное у вас оружие...

— Самое страшное оружие максаров — это они сами... Впрочем, и клинки немало значат. Помнишь, я говорил тебе о сигнале, который обязательно дойдет до моего самого страшного врага?

— Помню.

— Так вот, этот сигнал уже подан...

Казалось, кровавая баня, которую Адракс устроил мрызлам, привела в действие некий неведомый механизм, управлявший в этом краю сменой дня и ночи, а заодно погодой. Промозглый ветер превратился в ледяной вихрь, туман изморозью осел на землю, и на Страну Черепах пала непроглядная тьма.

Если бы вокруг не валялись в изобилии еще теплые тела мрызлов, наступившая ночь могла стать последней в жизни всех четырех путников. Даже на морозе эти огромные туши должны были остывать много часов. Отыскав наименее искромсанного, но безусловно мертвого мрызла, люди прижались к его брюху, в котором время от времени что-то булькало. Перспектива замерзнуть оказалась сильнее отвращения.

Какие-то пятна мутно светились в небе, надрывно выл ветер, а в темноте, постепенно затихая, визжали издыхающие мрызлы. Скоро почти все они умолкли, и лишь один продолжал тонко и жалобно стонать на одной ноте.

Артем уже собрался было попросить Адракса добить умирающую тварь (что ни говори, а все же живое существо), но его язык почему-то онемел, словно налившись свинцом. Никогда еще раньше Артему не приходилось ощущать такой тяжелой, прямо-таки убийственной усталости. Он полулежал, одним плечом касаясь Надежды, а другим Калеки, и не мог даже пошевелить пальцем. Спутники его уже крепко спали. Неутомимый Адракс и тот, кажется, смежил глаза.

«Наступит ли когда-нибудь утро,— тупо думал Артем, из последних сил стараясь побороть изнеможение.— Или ночь будет такой же нескончаемой, как и день? Тогда мы все просто окоченеем, не дождавшись рассвета. Господи, да что это со мной такое? Как будто дурманом опоили. Ни рук, ни ног не чувствую...»

Однако утро наступило в свой черед, и Артем проснулся с первым светом студеной зари — проснулся, словно очнувшись от болезненного забытья. Одного-единственного взгляда было достаточно, чтобы понять — в Стране Черепах наступила зима. Лужи замерзли, земля покрылась инеем, ветер уносил последние остатки тумана, и широко открывающийся вокруг мертвый пейзаж не вселял никаких надежд на спасение.

Еще менее приятной была вторая новость — Адракс исчез, не забыв, конечно, прихватить с собой клинок. Артем оказался посреди чужой холодной страны — без еды, без оружия, без теплой одежды, в одной компании со свихнувшейся девчонкой и немым придурком.

Надежда, отломив кусочек льда, как в стеклышко глядела сквозь него на тусклое небо.

— Наверное, в первый раз такое чудо в руках держишь? — спросил Артем.

— В руках держу в первый раз. А видеть уже видела. Только не помню где. Может, во сне, а может, в детстве.

— А Адракса ты во сне, случайно, не видела?

— Я и сейчас его могу видеть.— Надежда отложила ледышку в сторону и прикрыла глаза.— Он уже далеко отсюда. Идет по белой-белой земле. Говорит, чтобы мы даже и не смели пускаться за ним вдогонку. Те, кто охотится за нами, обязательно бросятся по его следу, а мы получим передышку.

— Так ты и разговаривать с ним можешь? — Артем даже и не знал: верить ей или нет.

— Могу. Если он сам этого хочет.

— Больше он ничего не сказал тебе?

— Больше ничего... Но мне показалось, что в наш разговор вмешался кто-то третий.

— Кто именно? Ты встречала его раньше?

— Нет. Кажется, нет...— не очень уверенно ответила Надежда.

— И что же говорил этот третий?

— Он ничего не говорил. Он смеялся. Он издевался над Адраксом, а тот, вроде бы, и не замечал этого.

— Прошу тебя, попытайся опять переговорить с Адраксом! Спроси его, как нам быть дальше? Как спастись?

— Он не ответит.— Надежда покачала головой и снова занялась своей ледышкой.

Артем встал и, оставляя на свежем инее четкие следы, обошел поле недавнего боя. Мертвые, окоченевшие мрызлы уже не выглядели такими омерзительными, как при жизни. Некоторые превратились просто в кучи мяса. Если бы в этой стране существовало воронье, все оно в полном составе давно явилось бы сюда.

Превозмогая гадливость, он принялся тщательно осматривать каждое тело. Если эти твари и были разумны, они не обременяли себя ни оружием, ни снаряжением. Впрочем, особой нужды в этом и не имелось — вряд ли еще какое-нибудь живое существо, включая тиранозавра, было снабжено от природы такими мощными орудиями убийства.

Прошло немало времени, прежде чем Артем нашел то, что искал: вмерзшая в кровавую лужу отрубленная по локоть лапа сжимала стальной, тускло поблескивающий стержень. С великим трудом он разогнул толстенные черные пальцы, которые не сжимались в кулак, как у людей, а смыкались наподобие рачьей клешни.

Сейчас стержень выглядел куда более коротким и толстым, чем в момент первой памятной схватки с мрызлами. Однако, приложив совсем небольшое усилие, Артем растянул его в длину, как телескопическую антенну. В сечении стержень был идеально круглым, имел

совершенно тупой конец и состоял из дюжины тесно пригнанных между собой сегментов. Оставалось непонятным, как таким предметом вообще можно было нанести укол. Скорее всего, это было какое-то сложное, предназначенное для вполне определенных целей устройство, но Артем имел о нем такое же представление, как неандерталец о логарифмической линейке.

В любом случае, оружием эта штуковина служить не могла. Тут внимание Артема переключилось на отрубленную лапу. Чуть ниже запястья из нее косо торчало вниз довольно широкое костяное лезвие — ну прямо топор или мотыга, а предплечье вплоть до самого локтя покрывал ряд кривых крючьев, похожих на зубья пилы. Артем тронул кончик одного из них и сразу порезал палец, как будто бы это был осколок стекла. Конечно, обрубок лапы мрызла не мог заменить ампутировавший ее клинок, но при определенной сноровке им можно было разрыть землю, срубить не очень толстое дерево и даже отбиться от средней величины хищника.

Плохое оружие все же лучше, чем никакое, и поэтому Артем, прежде чем вернуться к своим спутникам, взвалил окоченевшую лапу на плечо (и снова порезался при этом). Стальной стержень он тоже прихватил с собой — металл есть металл, на что-нибудь да сгодится.

— Представь себе! — сказала Надежда, глядя на него снизу вверх.— Калека заговорил.

— С чего бы это он вдруг? — новость не особенно заинтересовала Артема. Он не представлял себе, какую пользу можно было извлечь из такого события.

— И знаешь, что он спросил у меня первым делом?

— Что?

— Кто я такая. Каково, а?

— Любопытно.— Артем присел на корточки рядом с Калекой.

Лицо здоровяка утратило свое прежнее благодушное выражение и походило сейчас на маску, воплощающую замешательство и растерянность.

— Ты помнишь что-нибудь? — поинтересовался Артем.

— Где мое оружие? — затравленно спросил Калека.

— Его забрал Адракс.

— Кто такой Адракс? — Калека в возбуждении вскочил.

— Ты и в самом деле все забыл? Адракс пришел сюда вместе с нами из Страны Забвения. Когда на нас напали вот эти чудовища,— Артем указал на туши мрызлов,— ты сам отдал ему клинок. Уничтожив их, он заявил, что это оружие раньше принадлежало его сородичам. Ты тогда возражать не стал.

— Никто, кроме меня, не должен касаться клинка! Меня покарают за его потерю!

— Кто покарает? — насторожился Артем.

— Куда ушел Адракс? — Казалось, Калека не обратил никакого внимания на последние слова Артема.— В какую сторону? Когда это случилось?

— Успокойся. Сечас тебе его все равно не догнать. Лучше ответь мне на пару вопросов.

Калека тоскливо осмотрелся по сторонам и снова сел, уронив голову. Его могучие ладони судорожно сжимались и разжимались, словно нащупывая глотку невидимого врага.

— Это правда, что еще ребенком ты пропал из родного дома? — спросил Артем.— Где ты находился до недавних пор?

— Не знаю... Далеко... Это место не имеет названия.

— Тебе там было хорошо или плохо?

— Я помню только боль...

— Для чего ты прибыл в Страну Забвения?

— Меня послали... Так было надо.

— Значит, тебя послали.— Артем задумался.— Ну а что конкретно ты должен был делать?

— Ждать... А потом действовать.

— Действовать клинком?

— Да.

— Тогда почему ты согласился уйти вместе с нами из Страны Забвения? Приказ действовать уже поступил?

— Не знаю.— Калека выглядел совершенно растерянным.— Не знаю.

— Меня ты помнишь?

— Теперь помню.

— А ее?

— Помню.— Калека покосился на Надежду.

— Тогда ты должен помнить и Адракса.

— Нет. Его я не помню. Не помню, но найду обязательно! — дикое возбуждение опять овладело Калекой.— От меня ему не скрыться!

«Что-то уж очень много народа ищет Адракса,— подумал Артем.— Способность у него что ли такая — наживать себе врагов?» Вслух же он сказал следующее:

— Надо идти. А то замерзнем здесь.

Однако Калека, казалось, не замечал холода. Давя босыми ногами лед в лужах, он рыскал вокруг словно гончий пес, отыскивающий след зверя. Внезапно он замер, как будто прислушиваясь к чему-то. Лицо Калеки приобрело сосредоточенное выражение, и он решительно зашагал прочь от места побоища. Артему и Надежде не осталось ничего другого, как последовать за ним.

— Что ты обо всем этом думаешь? — спросил Артем.

— Раньше он рассуждал как ребенок. Как совсем маленький.

ребенок. Хотя в голове его и не было пусто, как у ребенка. Но его сознание было закрыто для всех. Даже для него самого. Оно было чем-то вроде бесполезного груза. А после того, как ушел Адракс, в голове Калеки как будто какая дверь открылась. Но там такое... такое... У людей таких мыслей не бывает.

— А не за Адраксом ли он сейчас гонится?

— Не похоже. Адракс туда ушел.— Надежда махнула рукой куда-то в сторону.

— Попробуй остановить Калеку. Раньше ведь он тебя слушался.

— Попробую,— она оперлась на руку Артема, прикрыла глаза и наморщила лоб.— Нет, не получается. Раньше он был немым, а теперь как будто оглох.

Дальше они шли в молчании. Быстрая ходьба немного согрела их, но Артем с тревогой думал о предстоящем ночлеге. Ведь идти бесконечно нельзя, а присесть даже на пару часов равносильно самоубийству. Однако эта проблема разрешилась сама собой. Отмерив несколько десятков километров, Калека, видимо, решивший, что на сегодня пройдено достаточно, остановился у характерного пологого холмика, обозначавшего гнездо черепахи-матери. Раньше для того, чтобы добыть пищу, они пользовались клинком. Теперь же Калека выхватил у Артема лапу мрызла, уже начавшую сочиться черной кровью, и принялся долбить костяным лезвием землю, успевшую слегка примерзнуть сверху.

Сначала обнажились аккуратно свернутые в спирали, похожие на оцепеневших питонов могучие щупальцы, совершенно не прореагировавшие на столь бесцеремонное обращение с ними, и розовая плоть чаши-ловушки, а затем уже стенка маточной камеры. Калека сделал в ней два длинных разреза, под острым углом сходящихся книзу. Образовавшийся клапан сразу вывернулся наружу, и из него, как горох из дырявого мешка, потоком поперло черепашье потомство. Калека обеими руками выгребал эту мелочь, пока внутри маточной камеры не образовалось довольно приличное свободное пространство. Все это он проделал быстро и сноровисто, без лишней суеты — примерно так опытный патологоанатом проводит вскрытие свеженького трупа.

— А это он неплохо придумал,— сказал Артем.— Там и от холода спастись можно, и еда прямо в рот лезет.

Он приподнял треугольный клапан и помог Надежде забраться в душную, но уютную берлогу. Черепашки шевелились под ними, издавая едва слышное звенящее гудение, похожее на писк комариной стаи. Снизу тянуло теплом разлагающейся навозной кучи, а сверху капала густая и сладкая, как мед, жидкость, которой, видимо, и питались черепашки.

«А мы-то еще гадали, каким образом можно узнать, что в Стране Забвения кончилось Лето,— подумал Артем.— Как только чрево ма-

тери-черепахи прорвется и все это подросшее воинство двинется на поиски своей привычной пищи, можно смело возвращаться обратно. Значит, над голой сожженной землей уже прошли дожди, ветер неизвестно откуда принес семена трав, из глубины почвы на поверхность пробились источники, многострадальная степь зазеленела и двери Убежищ, успевшие заплавиться, взрезаны изнутри. Вернусь ли я когда-нибудь в те края? Вряд ли. А впрочем — кто знает. Ведь на Тропе нет ничего невозможного».

Калека уже старательно чавкал, восстанавливая истраченную за долгий переход энергию. Все он теперь делал целеустремленно и расчетливо, как хорошо налаженный механизм. Артем перевернулся на другой бок и в темноте нащупал его ногу.

— А ты, похоже, в этих краях уже бывал? — спросил он.

— Бывал когда-то,— буркнул Калека, но больше от него Артем ничего не добился.

К концу следующего перехода пошел сырой снег и немного потеплело. Белая муть стерла грань между землей и небом и, словно саваном, прикрыла холмы серого праха. Вначале это встревожило Артема, решившего, что снег скроет от глаз черепашьи гнезда, однако его беспокойство оказалось напрасным — столбы пара, вздымавшиеся над сугробами, безошибочно указывали их местонахождение.

Калека с истовостью паломника, стремящегося к святым местам, неутомимо шагал впереди. Его глубокие следы на свежем снегу были окрашены кровью, однако, казалось, он совсем не замечал этого, как не замечал собачьего холода, пронизывающего ветра и летящего в лицо снега. Он стремился к какой-то, только ему одному известной цели, и не было на свете другой силы, кроме смерти, которая могла бы его остановить. На все расспросы он отвечал неохотно и односложно, а на стоянках сразу засыпал, едва успев утолить голод. Однако если Артем и Надежда начинали вдруг отставать, он всякий раз с раздосадованным видом возвращался обратно. С лапы мрызла он умудрился ободрать мышечные ткани вместе со шкурой и при случае весьма ловко пользовался этой пилой-мотыгой.

— Как ты считаешь, он действует сейчас по своей воле? Или его направляет кто-то другой? — спросил однажды Артем.

— Не знаю,— Надежда задумалась.— Возможно, сила, ведущая его теперь, скрыто присутствовала в нем с самого начала, а потом вдруг проснулась... Недаром он стал совсем другим.

— А что нового известно об Адраксе?

— Я уже почти не могу следить за ним. Наши пути расходятся все дальше.

— Какой нам смысл идти вслед за Калекой? Что, если он ведет нас в ловушку?

— Куда-то ведь все равно надо идти. В Страну Забвения я возвращаться не собираюсь, здесь оставаться не хочу. Надоели мне черепахи и мрызлы. Быть может, в других краях нам повезет больше.— Горстью снега она вытерла разгоряченное от ходьбы лицо.

Покосившись на девчонку, Артем внезапно вспомнил, каким теплым было всегда ее хрупкое тело. Получалось так, что во время коротких стоянок, когда они, спасаясь от мороза и ветра, тесно прижимались друг к другу, именно Надежда согревала его, а не наоборот.

— Похоже, ты совсем не боишься холода?

— Он мне не мешает.

— Но ведь люди Страны Забвения терпеть его не могут. При малейшем прохладном ветерке завешивают в домах все окна и двери.

— В этом они похожи на клопов, обитающих в щелях. Пусть душно, тесно, грязно, зато спокойно. А я люблю простор и свежий воздух.

— Ты совсем не похожа на свой народ.

— Разве ты только сейчас заметил это?

— Нет, конечно... Скажи, а кем была твоя мать?

— Обыкновенной женщиной. Как все. Пока не сошла с ума в саркофаге.

«Вот, значит, как,— подумал Артем.— У обыкновенной женщины родилась необыкновенная дочка. Что ж, бывает и такое». Почему-то он вспомнил женщин Страны Забвения — вялых, податливых, сонно-похотливых. Вспомнил их неторопливые плавные движения, легкую склонность к мазохизму, непоколебимую веру в предопределенность всего сущего, приверженность к оседлой жизни, апатичный, неразвитый ум. В кого же тогда могла уродиться эта отчаянная девчонка? В судью Марвина? Тоже вряд ли. Что она могла унаследовать от такого отца — фатализм, косность, отвращение к жизни? А может, она вовсе и не его дочь. В Стране Забвения это не такое уж редкое событие. Но не спрашивать же об этом девчонку. Да она и сама, возможно, не знает тайны своего рождения. Если только мать перед смертью не раскрыла ей все свои секреты.

Для следующей ночевки им даже не пришлось раскапывать нору черепахи-матери. Совсем недавно это сделал за них голодный мрызл, следы которого еще виднелись на снегу.

— Значит, мы не всех перебили,— Артем поежился, вспомнив апокалиптический облик этих тварей.— Не нас ли он ищет?

Однако Надежда не разделяла его опасений.

— Если бы он нас искал, или нам вообще хоть что-нибудь сейчас угрожало, я бы это уже почувствовала. Скорее всего, он такой же бродяга, как и мы.

Калека также не придал следам мрызла никакого значения, как будто их вообще не существовало. Когда Артем впервые встретил его, он не был способен ни на что, кроме простейших, почти рефлекторных действий — есть и пить, спать и подчиняться приказам, бездумно (хотя и ловко) размахивать клинком, скрести пятерней давно не мытую шевелюру и слюняво улыбаться. Теперь же он твердо знал, куда идти и как спастись в этом суровом мире, кого нужно бояться здесь и на кого не обращать внимания.

Они успели сделать двенадцать переходов, каждый из которых был немного короче прежнего из-за постоянно увеличивающейся глубины снежного покрова, когда Надежда сказала:

— Я больше не чувствую Адракса. Он пропал. Между нами как-будто стена выросла. Да,— она помолчала, словно вслушиваясь во что-то.— Именно стена.

— Даже если нам никогда больше не придется встретиться, я не очень опечалюсь,— беззаботно заметил Артем.

Однако скоро стало ясно, что девчонка не на шутку удручена. Весь остаток пути она упорно молчала, что ей было вовсе не свойственно. Артем отнес ее сдержанность и дурное настроение на счет усталости, становившейся к концу перехода почти нестерпимой. Но когда все трое устроились на ночлег в чреве очередной матери-черепахи, он почувствовал, что Надежда лихорадочно дрожит — почти так же, как и перед схваткой с мрызлами.

— Что с тобой? — спросил он, поглаживая девочку по волосам.

— Перед тем, как Адракс исчез, мне было видение... Нет, нет, я ничего не скажу тебе! Не спрашивай!

Ее голова, как всегда, лежала на плече Артема и, разговаривая, они дышали друг другу почти в лицо. Внезапно горячие мягкие губы коснулись рта Артема и застыли в таком положении. Это не был поцелуй. Надежда как бы пыталась вдохнуть в себя его силу или что-то другое, что должно было поддержать ее. Артем осторожно прижимал к себе ломкое, исхудалое тело, и скоро губы медленно отодвинулись, а девчонка спокойно и ровно задышала.

Весь следующий день Артем ощущал какое-то странное беспокойство. Как всегда, Калека молча вышагивал впереди, словно таран пробивая тропу в снегу, уже достигавшему его колен, как всегда, метрах в десяти за ним следовал Артем, за плечо или пояс которого держалась Надежда, но, тем не менее, что-то неуловимо изменилось в окружающем мире. Он все чаще без всякой необходимости оборачивался назад и каждый раз встречал загадочный взгляд девчонки. Только теперь он заметил, что глаза у нее не блекло-зеленые, как

у большинства женщин Страны Забвения, а туманно-малахитовые, с карими точками вокруг зрачков.

«Странно,— подумал Артем.— Почему я не обратил на это внимание раньше?»

Впервые глядя на Надежду как мужчина на женщину, он с непонятным волнением осознал, что с тех пор, как они встретились в доме судьи, девчонка очень изменилась. Она заметно подросла, грудь ее округлилась, а с лица исчезла детская припухлость.

Чтобы проверить это наблюдение, Артем приостановился и прижал Надежду к себе. Он точно помнил, что раньше ее макушка едва достигала его подмышки, теперь же она легко касалась щекой его плеча.

— Ты стала совсем другой.— Что-то мешало Артему выпустить ее из рук.

— И ты тоже.— Она протянула руку и вырвала из его шевелюры несколько седых волосков.— Раньше я думала, что причиной этому снег.

«Интересное дело,— подумал Артем.— Откуда вдруг у меня появилась седина? Ведь идущему по Тропе не грозит старость. Так говорили мне те, кто понимает в этом толк. Может, причиной тому невзгоды и лишения последних лет, а вовсе не возраст?» Вслух же он сказал:

— Седина действительно в чем-то сродни снегу. Она приходит тогда, когда минует жаркое лето жизни, когда остывают страсти человеческие. Это признак холодного сердца и ясного ума.

— Не хочу, чтобы у тебя было холодное сердце! — Она опять осторожно коснулась губами его лица.

Но на сей раз это был настоящий поцелуй.

Что за чудные незабываемые ночи проводили они в душной утробе подземной хищницы, на постели из шевелящихся черепашек, под медовым дождем, рядом с гулко храпящим Калекой. Их мрачная берлога превращалась во вмещающую целый мир волшебную Черную Дыру, в которой исчезало пространство и истаивало время, а оставалось только безграничное и вечное: поцелуи, то быстрые и звонкие, как весенняя капель, то мучительные и долгие, как агония; объятья до хруста в костях; сладкий вкус волос и кожи любимой; ее захлебывающийся шепот; радостный крик и томительный стон. Их тела и души были раскрыты навстречу друг другу, не существовало больше никаких тайн и запретов, но каждое случайное прикосновение, каждая новая ласка могла довести до экстатической дрожи.

Кубок любви бездонен, особенно когда оба пьют из него с одинаковым рвением.

— Мы будем спать когда-нибудь?
— Ни-ко-гда! А разве ты хочешь?
— Чуть-чуть. Мы уже третью ночь не спим.
— Если я не хочу, значит, и ты не хочешь.
— А если я хочу, значит, и ты хочешь.
— Я хочу, хочу! Как ты догадался!..

Не удивительно, что вскоре они уже едва могли держаться на ногах. Упав в снег в середине или конце очередного перехода, они опять целовались до обморока и хохотали до изнеможения, а Калека стоял над ними и тоскливо смотрел куда-то в сторону.

Но вскоре влюбленным повезло — их мрачный цербер умудрился подвернуть ногу. Вначале он еще пытался ковылять, а потом и ползти вперед, однако в конце концов был вынужден уступить уговорам Артема расположиться на отдых до полного восстановления сил и здоровья. Когда Надежде и Артему надоедало отлеживаться в черепашьем нутре, они отправлялись гулять по окрестностям, развлекаясь чем только можно, но главным образом друг другом.

Совершенно случайно они набрели однажды на незамерзающий ручей, тихое журчание которого так славно контрастировало с мертвым молчанием Страны Черепах. Он напоил ее водой из своих ладоней, а она его той же водой из своих губ. Затем Надежде вдруг пришло в голову шальное желание искупаться в ручье. Как ни далек был сейчас Артем от реальности, он все же честно попытался воспротивиться этому капризу. Но все уговоры и увещевания («Ты замерзнешь!», «Ты заболеешь!», «Ты в ледышку превратишься!») не возымели успеха, и он остался на берегу с ворохом ее одежды в руках.

Впервые он видел свою любимую обнаженной — худенькую Афродиту пустынного заснеженного мира, беззаботно плескавшуюся в чистейшей ледяной воде, едва доходившей ей до лодыжек. Огромные пушистые снежинки словно белые бабочки медленно опускались на ее волосы, плечи и юные остроконечные груди, а когда она, встав на колени, наклоняла лицо к воде — на узкую, нежную спину.

К горлу Артема подступил мягкий комок. С беспощадной ясностью он ощутил, что никогда не сможет забыть этот прозрачный ручей, этот тихий снег, эти колокольчиками позвякивающие в воде льдинки и это удивительное, божественное создание (в том, что Надежда не принадлежит к скучному и отвратному роду человеческому, он уже давно не сомневался), находящее наслаждение там, где другие нашли бы погибель.

Взметнув напоследок фонтаны брызг, Надежда вылетела из воды

прямо в его объятия. Она была мокрая и скользкая, как русалка, но все такая же теплая.

Артем осушил ее тело — где ладонями, а где губами, быстро одел и, вскинув на руки, бегом понес к самому большому в окрестностях сугробу, из центра которого вздымался столб прозрачного пара, уносившего к небу дыхание мириада черепашек и натужный храп Калеки.

Человек может захиреть в раю от скуки, а в аду сойти с ума от счастья.

Для Артема счастье теперь навсегда было связано с этим постылым, безрадостным краем — и он прекрасно понимал это. Еще он понимал, что настоящее счастье недолговечно и тем интенсивнее бывает накал страсти, чем быстрее сгорают обманутые его светом души.

Но иногда среди ночи, когда сон почему-то не шел, наступало муторное, тревожное отрезвление.

«Что это — бесценный дар, нелепый случай или коварная ловушка,— думал Артем, лежа в темноте рядом с тихо посапывающей Надеждой.— Будем рассуждать здраво. С некоторых пор мне кажется, что все мы лишь послушные фигуры в какой-то хитроумной шахматной партии. Адракс скорее всего ладья, фигура страшная на любой дистанции, если, конечно, ее на простор выпустить. Еще неясно, что означает его дальний рейд — попытку спасти себя самого или отвести беду от других. Кто такой Калека, сразу и не скажешь. Его и так и этак можно назвать. Ну пусть будет конем — самой непредсказуемой фигурой на доске. Мне, по крайней мере, смысл его последних ходов абсолютно неясен. Я — безусловно пешка. Хотя бывает и так, что именно пешка решает исход поединка. За нее иногда и ферзя отдают.

Ферзем, а попросту — королевой, у нас будет Надежда. Королева легкого веса, так сказать. Ферзь в юности. Вот только хотелось бы знать, какого цвета эта королева — черного или белого. И на какой стороне она играет — за меня или против. Быть может, все происходящее сейчас между нами как раз и есть та самая каверзная жертва ферзя, которая в итоге губит прорывающуюся на последнюю горизонталь пешку? Но ведь ни ферзям, ни пешкам не дано знать замысел шахматного стратега. Их удел молча гибнуть или молча побеждать во славу того, кто двигает фигуры. Кто же он, этот неизвестный гроссмейстер? Где то высшее существо, которое после окончания партии небрежно смахнет всех нас в черную, как гроб, шашечницу? А может, все это мне действительно только кажется и на многоклеточной доске жизни мы вольны сами выбирать лучшие ходы?

— Конечно, кажется,— сонно пробормотала Надежда.— Спи, а я постараюсь прийти в твой сон.

Ее последние слова навели Артема на одну занятную мысль.

— Адракс говорил мне однажды, что душа спящего человека совершенно беззащитна и каждый, кто умеет это делать, может без труда проникнуть в нее.

— Ну, а дальше что? — Надежда зевнула и перекатилась со спины на бок.

— Попробуй заглянуть в душу Калеки. Узнай хотя бы, куда он нас ведет.

— Ты думаешь, это будет честно?

— А честно будет, если он заведет нас в западню?

— Хорошо, я попробую,— с сомнением сказала Надежда и на некоторое время умолкла.

Калека заворочался и что-то промычал. Надежда чуть-чуть приподнялась, опираясь на локоть. Пальцы Артема машинально перебирали ее локоны, и вдруг он ощутил, как девчонка напряглась.

— Он действительно уже был здесь,— сдавленным шепотом произнесла она.— Тогда тоже было холодно и шел снег.

— Он был один?

— Один. Не мешай мне... Я хочу пройти по следу его памяти назад, к началу пути... Кругом снег, снег... Ветер... Холодно... Из снега торчат огромные острые камни... Теперь это настоящие скалы... Идти тяжело... Я уже вижу горы... Ноги скользят по каменной осыпи... Я забираюсь все выше и выше... Здесь снега нет, но все равно холодно... Огромное синее небо открывается передо мной, а далеко внизу видна бескрайняя равнина... Я медленно опускаюсь к ней... Земля все ближе, ближе... Уже видна трава... С виду она мягкая и нежная, совсем не такая, как в Стране Забвения... Цветы... Деревья... Их ветки усыпаны плодами, красными, лиловыми, золотистыми...

— Почему ты решила, что это деревья? Ведь ты никогда раньше их не видела.

— Прошу тебя, не мешай... С дерева на дерево порхают птицы... Если бы ты только видел, как сверкает их оперение... В глубине леса гуляют олени... Как здесь красиво... А дальше, дальше...

— Что — дальше?

— Все! Мрак... Провал... Больше я ничего не вижу! — Она повалилась навзничь и тяжело выдохнула, словно сбросив с плеч непосильную тяжесть.

— Ты хоть понимаешь сама, о чем говоришь? — Артем повернул ее лицо к себе.— Что ты можешь знать о птицах, а тем более об оленях! Где ты могла их видеть?

— Оказывается, могла. И даже не во сне. Правда, это было давным-давно, когда я еще и ходить не умела.

— Попробуй проследить путь Калеки дальше.

— Не могу. Это единственная дорожка его памяти, по которой можно пройти. А вокруг словно непроницаемые стены. Или даже не стены, а густая мгла... Я больше ничего не могу узнать.

— Ты и так узнала немало,— вздохнул Артем.— По крайней мере стало ясно, куда мы держим путь. И место это выглядит довольно привлекательно.

— Даже чересчур,— с расстановкой сказала Надежда.

Едва только Калека смог более или менее уверенно ступать на поврежденную ногу, как они снова пустились в дорогу. Черепашьи норы встречались теперь крайне редко, и длина переходов стала зависеть от того, как скоро они могли обнаружить следующую из них. Заслышав вопль хищницы, пусть даже очень далекий, они спешили на него, как цыплята спешат на призывное кудахтанье наседки.

Прошло немало времени, прежде чем видения, извлеченные Надеждой из затуманенного сном сознания Калеки, стали обретать реальность. Однажды они вышли к огромному валуну, увенчанному роскошной снежной шапкой — первому признаку близких гор. Понемногу местность повышалась, и пологие холмы сменились нагромождениями грубых камней. Здесь почти не было ветра, а среди скал нередко встречались неглубокие гроты, на стенах и потолках которых росла какая-то губчатая зелень — не то мох, не то лишайник.

Все чаще дорогу им преграждали каменные осыпи и длинные языки глетчеров. Во время последней стоянки путники набили свои мешки черепашками, и сейчас те мирно гудели у них за спиной. Калека кратко пояснил, что воды с собой брать не надо, в горах ее предостаточно.

С левой стороны постепенно открывалось глубокое ущелье, по дну которого петляла быстрая река. Подъем можно было бы назвать достаточно легким, если бы только им не мешали бесконечные поля мелкого сыпучего щебня, покрывавшего горные откосы. Любой неверный шаг здесь мог вызвать сход лавины, хотя и не грозившей крупными неприятностями, однако способный вернуть всех троих в предстартовую позицию. Поскольку перспектива съехать к подножию горы на собственном заду не устраивала ни одного из них, идти приходилось огромными зигзагами, отыскивая достаточно безопасный путь.

Вскоре они достигли уровня облаков и долго брели в сыром клубящемся тумане, мало-помалу забираясь все выше и выше. Калека уверенно шел впереди, опираясь на свою костяную дубину. На гребне было ветрено и ясно. Оставшуюся позади Страну Черепах до самого горизонта скрывало серое ватное покрывало туч, а впереди уже брезжила синева. Начался пологий спуск, и через несколько

тысяч шагов путники достигли края обрыва, за которым перед ними распахнулось безбрежное пространство чистого и ясного света. Далеко-далеко внизу, на дне этого необъятного голубого аквариума угадывалась сквозь легкую дымку обширная равнина, украшенная по краю нежной зеленью леса, расцвеченная лазоревыми бусинками озер и сверкающими ниточками рек.

И все было бы хорошо, если бы только эту землю не отделяло от них несколько километров сияющей бездны. Каменная стена круто уходила вниз, и лишь где-то на ее середине едва виднелся узкий карниз. Спуститься по этой круче не смог бы ни скалолаз, ни горный баран. Они почти пришли туда, куда стремились, но это «почти» было равносильно полному краху.

На лице Калеки сменилась целая гамма чувств, начиная от недоумения и кончая почти комической растерянностью. Он бродил по краю обрыва, похожий на голодного кота, от которого в самый последний момент ускользнула вожделенная мышка.

— Ты пришел оттуда? — Артем указал вниз.

— Да,— Калека кивнул.

— Ну что ж, тогда вспоминай, как ты сюда взобрался.

— Не помню...

— Может, хоть ты нам чем-то поможешь? — Артем обратился к Надежде.— Припомни, что ты прочла в его памяти?

— Я же видела его путь задом наперед. От конца к началу. То есть вместо подъема я ощутила спуск. Это было как полет — плавный, стремительный и очень недолгий.

— Выходит, он вверх летел? — Артем обошел вокруг Калеки, словно ожидая обнаружить за его плечами крылья.

— Выходит... Я и сама тогда этому удивилась.

— Давай сбросим его вниз и посмотрим, куда он полетит,— мрачно пошутил Артем и, ногой столкнув увесистый булыжник, наклонился над пропастью.

Камню полагалось долго лететь вниз, отскакивая от скальных выступов и увлекая за собой другие такие же камни, чтобы в конце концов без звука кануть в этой беспредельной глубине. Однако все произошло совсем по-другому: камень, стремительно уменьшаясь, понесся с такой скоростью, словно был выброшен из катапульты, и уже через две-три секунды раздался звонкий удар, возвещающий о его встрече с горизонтальной поверхностью.

— Не понял! — вырвалось у озадаченного Артема, и он повторил свой эксперимент, закончившийся точно таким же результатом.

С минуту он подобно Калеке пребывал в полной растерянности, хотя в отличие от того был похож не на подло обманутого кота, а скорее на убежденного солнцепоклонника, увидевшего в подзорную трубу пятна на предмете своего обожания. Артему, немало побродившему по разным мирам, не привыкать было ко всяким чу-

десам, но здесь он столкнулся с совершенно необъяснимым явлением.

Он лег на край обрыва, свесил вниз руку и долго рассматривал пальцы. Затем, отобрав у своих спутников все, что хоть отдаленно напоминало веревку, Артем рыбацкими узлами соединил эти предметы между собой. Тщательно испытав импровизированный канат на прочность, он привязал к нему свой заплечный мешок.

— Что ты задумал? — встревожилась Надежда.

— Хочу выяснить, какое из чувств обманывает меня, слух или зрение,— сказал Артем, медленно опуская мешок в пропасть.

Уже на третьем метре спуска мешок стал величиной с горошину, а большая часть каната вообще исчезла из вида. Спустя еще пару метров натяжение каната ослабло и мешок — черное маковое зернышко на фоне серого камня — лег почти посреди карниза, действительная ширина которого, судя по всему, позволяла разминуться двум пароконным повозкам. В голове Артема стало понемногу проясняться.

— Это не более чем иллюзия,— сказал он.— Все расстояния здесь искажены. Вон до того уступа — всего три моих роста, а кажется, что он в тысячу раз дальше.

— Бррр,— Надежда заглянула вниз.— Голова кружится.

— Держи крепче.— Артем протянул свободный конец веревки Калеке.— Я спущусь первым. Потом она.— Как бы невзначай, он ласково провел рукой по щеке Надежды.— Тебе самому придется прыгать, потому что веревка еще может нам пригодиться. Ничего не бойся. Здесь совсем не высоко. А я постараюсь тебя подхватить.

Не ввязываясь в бесполезную дискуссию, которую уже собиралась начать Надежда, он заскользил по веревке вниз, время от времени отталкиваясь ногами от шершавой поверхности скалы. Опустившись рядом со своим мешком на карниз (действительно, весьма просторный), Артем услышал наверху сдавленный крик и, подняв голову, увидел над собой бледные лица Надежды и Калеки.

— Ну что, убедились? — гордо спросил он.— Делов-то всего — раз плюнуть!

— Ты такой крошечный, такой крошечный...— всхлипывала Надежда.— Ну почти как клоп. Я тебя едва вижу.

— Зато я вас вижу прекрасно. Спускайся ко мне. Только старайся не смотреть вниз.

Через несколько минут Надежда оказалась в его объятиях, а вслед за ней, поджимая больную ногу, на карниз приземлился Калека. Как и предполагал Артем, с ним все обошлось благополучно — прыжок с пяти метров нельзя считать серьезным испытанием для воина.

Равнина приблизилась, но ненамного — сплошная полоска леса распалась на отдельные деревья, каждое из которых было величиной

со спичечную головку, блестящие ниточки рек превратились в блестящие ленточки, горизонт приблизился и утонул в дрожащем мареве.

Метра на четыре ниже уступа, на котором они стояли (Артем тщательно проверил это с помощью своей веревки), находился другой, точно такой же уступ, сейчас отброшенный загадочной фатаморганой в неимоверную даль, а за ним скорее угадывался, чем виднелся, еще один.

Перебираясь с помощью веревки с карниза на карниз, они без особых приключений достигли подошвы каменной стены, которая снизу казалась до смешного низкой. Мираж давал о себе знать только в одном направлении — с гор на равнину.

От ближайших деревьев их отделял широкий, но неглубокий ров, дно которого устилала галька и крупный песок. Отсюда люди могли видеть только зеленый частокол лесной опушки, да жаркую голубизну неба над ним. Калека и Надежда с нетерпением рвались под тенистый полог леса, но Артем, авторитет которого заметно вырос после успешного спуска, настоял на том, чтобы они сначала отдохнули и перекусили.

В углублениях среди россыпей гальки хватало чистой и холодной воды — похоже, совсем недавно здесь прокатился горный поток.

Закончив трапезу, Калека собрался было вытряхнуть из своего мешка оставшихся черепашек, однако Артем категорически воспротивился этому.

Лишней еды не бывает, объяснил он. Неизвестно еще, съедобны ли эти, столь привлекательные на вид плоды. Кроме того, так опротивевшие им черепашки здесь могут оказаться деликатесом.

Какое-то необъяснимое предчувствие беспокоило Артема. Его почему-то совсем не тянуло в тень деревьев, хотя он даже не мог вспомнить, когда в последний раз бывал в настоящем лесу. Понаслышке, да и по собственному опыту он знал, что среди бесчисленных миров Тропы нет ни единого, хотя бы отдаленно напоминающего райский сад. В пышной зелени могли таиться ядовитые змеи, в цветах — насекомые-кровососы, а в самых восхитительных на вид озерах — болезнетворные бактерии. Однако ни Надежда, способность которой предчувствовать беду не вызывала сомнений, ни Калека, уже побывавший однажды в этих краях, не выказывали никаких признаков тревоги, что отчасти успокаивало Артема. Впрочем, вступая в новую страну, он всякий раз чувствовал себя не совсем уверенно.

Собрав свои пожитки, они в обычном походном порядке двинулись к лесу — впереди припадающий на левую ногу Калека, чуть поодаль Артем, крепко сжимающий в своей руке ладошку Надежды. От деревьев уже тянуло дурманящим ароматом сочных плодов и разогретой смолы. Усыпанное галькой пространство обрывалось

ровной, как по линейке проведенной чертой, за которой начинался густой и — на взгляд упругий газон. Из него почти на равном расстоянии друг от друга торчали головки бледно-голубых цветов, как будто высаженных квадратно-гнездовым способом.

Похоже на английский парк, подумал Артем. Совсем недавно травку подстригали.

Деревья были как деревья — стволы, ветви, пушистая крона (что-то среднее между листвой и хвоей). Птицы как птицы — крылья, клюв, яркое оперение (что-то среднее между убором павлина и пухом гагары). Мелькнувший в глубине леса олень был неким усредненным оленем, помесью лани, лося и марала. Голубенькие цветочки с одинаковым успехом могли произрастать и в тундре, и в тропиках, и в горшках на подоконнике.

У черты, разделяющей траву и камень, Калека ненадолго задержался и на зеленый газон все трое вступили почти одновременно. В следующую секунду раздался слитный крик — Калека рявкнул, распоров о траву босые ступни, Надежда взвизгнула, ошпарив руку соком сорванного цветка, Артем застонал, оставив кожу ладони на скорлупе приглянувшегося ему ореха. Крик этот как бы послужил сигналом к всеобщей атаке — с деревьев сорвалась стая птиц, принявшихся беспощадно долбить путников клювами, острыми и твердыми, как долото: из лесной чащи со свирепым ревом ринулись олени, жадно разевая клыкастые, совсем не оленьи пасти; вода в ближайшем ручье забурлила, заполнив все вокруг едким паром и удушливым запахом кипящего олеума.

Спасло всех троих только то, что они не успели сделать по траве и нескольких шагов. Едва лишь полуослепшие и полузадохнувшиеся путники вновь оказались на теплом, отшлифованном быстрой водой галечнике, вспышка агрессии, потрясшая лес и его обитателей, мгновенно прекратилась.

Они долго отмывали кровь и бинтовали свои раны. Больше всех пострадал Калека, едва не потерявший глаз — неимоверно распухшая переносица делала его похожим на двурогого носорога. Плечи и шею Надежды покрывали багровые кровоподтеки. Артем кроме куска кожи с ладони потерял приличный клок волос и верхнюю четверть правого уха. Кроме того на вражеской территории остались дубинка Калеки и заплечный мешок Надежды. Поражение было полным.

— Как же ты раньше сумел здесь пройти? — тряся окровавленной кистью руки, Артем наседал на Калеку.

— Не знаю... Не помню...— Было заметно, что неведомая сила продолжает гнать Калеку вперед и он изо всех сил сдерживает себя.

— Все здесь какое-то неестественное... Я хочу сказать — рукотворное... специально предназначенное для тех, кто этим путем

хочет уйти из Страны Черепах.— Надежда задумчиво почесала кончик оцарапанного носа.— Сначала иллюзорная пропасть, способная отпугнуть кого угодно. Потом ядовитые цветы и колючая трава. Это направление закрыто для всех или почти для всех. Зато обратный путь, наверное, свободен. Калека мог пройти им без всяких помех. Недаром, едва только мы побежали назад, птицы оставили нас в покое.

— Может быть, ты и права. Вероятно, те, кто живет в этом мире,— Артем махнул рукой в сторону леса,— терпеть не могут гостей. Но мне вот что кажется странным. Ты способна предвидеть опасность задолго до ее приближения. Почему же тогда ты не разгадала подвох ни здесь, ни на краю обрыва?

— Я уже и сама думала над этим.— Было заметно, что Надежде не очень нравится такая тема разговора.— Здесь могут быть два ответа. Или тот, кто сотворил все это, настолько сильно отличается от меня, что я не могу уловить даже отзвук его мысли, или он в душе точно такой же, как я, но только намного опытней и изощренней. Сам понимаешь, нет ничего проще, чем обмануть близкого человека.

Однако Артем проигнорировал ехидство, скрытое в ее последней фразе.

— Какой из двух ответов ближе к истине?

— Что я тебе, гадалка? — Надежда демонстративно уставилась в небо.— Когда могла, я выручала вас. Нельзя требовать от меня чего-то сверхъестественного.

— Если бы я на тебя не полагался, мы бы здесь не оказались. Вспомни, я предупреждал тебя о ловушке.— Артем уже начал ощущать раздражение.

— Значит, я виновата! — глаза Надежды сверкнули.— А сам ты кто такой? С мрызлом справиться не смог!

— Перестань!

— Не пе-рес-та-ну!

— Я с тобой серьезно говорю. Успокойся. Нет ли каких новостей от Адракса? — спросил Артем так, как будто обращался не к ней, своей любимой, а к Калеке или вообще к кому-нибудь постороннему.

— Ни-ка-ких!

— А он такой же, как ты? Отвечай, не юли.

— Ну что ты ко мне привязался? Зануда! Да, мы чем-то похожи! Ты это хотел узнать? Но все, что ты здесь видишь,— она сделала рукой широкий жест, охватывающий сразу и каменную стену, и коварный лес,— совсем не его работа. Можешь мне поверить.

— Хорошо, я верю тебе,— примирительно сказал Артем.

— Можешь верить, можешь нет,— она повернулась к нему спиной.— Пойду прогуляюсь. Не ходи за мной.

«Пусть проветрится немного, психопатка,— подумал Артем.—

Прибежит назад, как миленькая, едва только на что-нибудь страшное напорется».

В полном соответствии с ходом его мыслей, Надежда нагнулась и подняла булыжник — покрупнее и посветлее прочих. Артем не сразу разглядел, что это человеческий череп, омытый водой почти до снежной белизны. Повертев находку в руках, Надежда приставила ее к макушке, словно примеряя на место своей головы, потом отбросила в сторону и преспокойно двинулась дальше.

— Ах ты, чертовка! — только и смог сказать Артем.

Немного подремав на теплых камнях, он не стал дожидаться возвращения Надежды и отправился в другую сторону, намереваясь повнимательнее изучить окрестности. С собой Артем на всякий случай захватил раздвижной металлический стержень, оставшийся у него на память о бесславно погибших мрызлах.

Слева неприступным бастионом возвышалась серая отвесная стена, справа тянулся лес, враз утративший свою притягательность. Влезть на тридцатиметровую каменную стену, пусть даже уступчатую, не имея специального снаряжения и достаточной сноровки представлялось делом маловероятным. Еще раз пытать счастья в лесу тоже не улыбалось Артему. Время от времени он топал ногой в край газона, надеясь случайно отыскать безопасный проход, но всякий раз на подметке оставались глубокие царапины, похожие на следы пилы. Сотни шагов по этой траве было бы достаточно, чтобы превратить в опилки самую крепкую обувь.

В распоряжении людей оставалась только усыпанная галечником ложбина, где можно было добыть воду (и то неизвестно, до каких пор), но совершенно отсутствовала пища. О том, что здесь уже неоднократно пытались найти приют различные живые существа, свидетельствовали многочисленные фрагменты их скелетов. Попадались во рву и голые древесные стволы, высохшие до костяной твердости и легкие, как пробки. Хотя Артем еще не знал, как их можно будет использовать в будущем, но на всякий случай решил запомнить место, где те лежали.

«Интересно, как далеко тянется это высохшее русло,— подумал Артем.— Далеко ли по нему можно дойти? Если Надежда права и этот лес, вместе со всей населяющей его шушерой, есть сооружение чисто фортификационное, строители должны были позаботиться об отсутствии в нем уязвимых мест. И тогда, сделав огромный круг, мы вернемся на прежнее место. Если, конечно, сто раз не погибнем до этого. Или упремся во что-то непроходимое — болото, пустыню, еще одну каменную стену. Короче, ни вправо, ни влево дороги нет. Значит, или назад — на скалу, или вперед — в лес». (Неумолимая мерзавка-логика ехидно подсказывала еще один путь, наиболее вероятный из всех возможных — сюда, на камушки, кучкой белых костей.)

Одна такая кучка как раз виднелась впереди — приплюснутый с боков шар черепа, до половины ушедший в песок, и остатки костяка, очень похожего на человеческий. Подойдя поближе, Артем подцепил череп концом стержня. Что-то едва слышно щелкнуло, раздалось короткое гудение, похожее на то, которое издает электрический ток, проходя по обмотке трансформатора, и в височной кости образовалось круглое аккуратное углубление.

Артем чуть не сел от неожиданности.

Затем он опустился на корточки и, низко наклонившись над черепом, принялся тыкать в него концом стержня с разной силой и под разными углами. Довольно скоро выяснилось, что круглую отметку оставляет тонкий, полый изнутри буравчик, появляющийся из стержня в момент касания с костью. Вспомнив легкую боль от укола, который нанес ему когда-то мрызл, Артем приставил палец к тому месту, откуда выскакивал режущий инструмент.

Все случилось так, как он и предполагал — щелчок, гудение, укус боли, круглая, быстро заполнившаяся кровью рана.

В следующей серии экспериментов Артем выяснил, что стержень-стилет реагирует только на органическую материю, пусть даже и мертвую. Обрацы ткани объемом примерно в два кубических миллиметра бесследно исчезают внутри этого загадочного прибора. Срезы кости и кожи берутся инструментами разного типа. Откуда поступает энергия, питающая стержень, неизвестно — по крайней мере сотый укол он произвел так же безотказно, как и первый.

«Значит, так,— подумал Артем.— Мрызлы взяли у меня и Надежды пробы ткани. Скорее всего, на предмет анализа генетического кода. Произошло это совершенно случайно. Наверное, они тычут этой штукой в каждое попавшееся им неизвестное живое существо. Действительно, не спрашивать же документы у каждого встречного-поперечного. Затем анализы попали куда следует, но, правда, не сразу. Иначе и охота за нами началась бы без промедления. Адракс, старая лиса, узнав о случившемся, весьма огорчился. Уж он-то сразу понял, что к чему. Неясным остается вопрос, кто именно был объявлен в розыск, я или Надежда. А может, мы оба? В комплекте, так сказать. Тогда почему после сражения с мрызлами нас вроде бы оставили в покое? Испугались клинка? Ну, это вряд ли. Тем более, что Адракс, присвоив оружие, быстренько смылся. Решили без хлопот и пролития крови заманить нас в ловушку? Если так, то этот план полностью удался».

Еще раз глянув по сторонам, Артем двинулся в обратный путь. Углубившись в размышления, он не обратил внимания на то, что зной спал, а вокруг быстро темнеет. Небо над кромкой леса еще оставалось ослепительно голубым, а из-за каменной стены уже наползало одетое в фиолетово-серые лохмотья ненастье. Забарабанили редкие крупные капли. Артем прибавил шаг. Дождь то усиливался,

то ослабевал, как будто кто-то неумело регулировал краны небесного душа — и вдруг полил, как из ведра. Догоняя Артема, по дну рва хлынул бушующий поток. Мимо проплыло бревно, похожее на дохлого осетра. Река, возникшая как по мановению волшебной палочки, набирала силу.

Внезапно с горных карнизов обвалом рухнули массы воды. Река взревела, как слон-самец, прищемивший интимное место. Накатившаяся волна сбила Артема с ног и поволокла вслед за собой.

Воды он не боялся — ни глубокой, ни мелкой, ни тихой, ни бурной, но сейчас, когда все его мысли были заняты судьбой Надежды, едва не захлебнулся. К счастью, дождь кончился так же внезапно, как и начался. Река, быстро мелея, протащила Артема еще с сотню метров и, иссякнув, оставила лежать на мокрой гальке.

Растерянно озираясь, он вскочил. Такое развитие событий никак не входило в его планы. Только теперь он окончательно осознал, как дорога ему Надежда и как неотвратимы бывают удары судьбы. Надрываясь, Артем закричал: «Эй! Эй! Где вы?..» Поднимая фонтаны брызг и оскальзываясь, он побежал вперед, заглядывая во все встречные промоины.

Вот-вот ожидая наткнуться на посиневшее, бездыханное тело Надежды, прибившееся к какому-нибудь валуну, он был несказанно, почти обморочно поражен, увидев ее живой и здоровой, бодро шагающей навстречу ему в сопровождении Калеки.

— А ты знаешь,— сказала она, лизнув Артема в щеку,— Калека мне жизнь спас. Чуть только начался дождь, он взвалил меня себе на плечо и словно бешеный кинулся на скалу. Как он туда забрался, до сих пор не могу понять.— Она указала на каменный выступ, расположенный чуть повыше отметки, оставленной на стене волнами разбушевавшейся реки.

— Ну, спасибо! — Артем в порыве благодарности попытался обнять Калеку, но после нескольких безуспешных попыток ограничился тем, что похлопал его по плечу.— Молодец! Век тебя не забуду!

Кто объяснит, почему так сладострастна и неутолима любовь в обстоятельствах, совершенно к любви не располагающих — любовь с оглядкой, любовь в двух шагах от опасности, любовь с горчинкой смерти? Что это: способ отрешиться от жестокой реальности и хотя бы на краткий миг забыться, растворившись в любимом существе, или инстинктивная попытка смертника дать начало новой жизни, продлив через нее свое существование на этом свете? Жизнь, любовь и вино по-настоящему начинаешь ценить лишь тогда, когда всего этого остается на донышке.

Забыв о голоде и угрозе нового наводнения, они целовались

на виду у злобно затаившегося леса, среди бесплодного камня и мертвых костей. Они то ласкали, то терзали друг друга — и ласки эти доставляли им сладкую боль, а муки — острое, волнующее наслаждение. Артем сам поражался — откуда только у него берутся силы — наверное, неистовая энергия, всегда овладевавшая Надеждой в такие минуты, передавалась и ему. Страсть несовместима с рассудком, но какой-то незамутненной частицей разума, в краткие моменты передышки он сознавал — что-то здесь не ладно, люди не могут так любить, так могут любить только дикие кошки, в порыве нежности буквально грызущие друг друга, да еще демонические существа инкубы и суккубы, спаривающиеся с людьми ради торжества дьявола.

А Надежда действительно была похожа на маленького демона. Кости Артема хрустели в ее объятиях, а поцелуи жгли, как раскаленные угли. Она то валялась у него в ногах, то вскакивала на него верхом. Она могла быть шелком и железом, отравой и сахаром. Совсем недавно став женщиной, она, казалось, знала о любви все на свете.

Она сжигала себя и заставляла гореть возлюбленного. Добром все это кончиться не могло.

Однако последняя черепашка, справедливо разделенная на три части, заставила их опомниться.

— Надо идти,— тупо сказал Калека, глядя в сторону леса.— Туда идти.

— Как идти, скажи, пожалуйста? — Артем машинально глянул на свою только что начавшую заживать ладонь.— На голове, на руках?

— Не знаю как, знаю, что надо...

— Это я и без тебя знаю,— Артем задумался.— Если лес предназначен для того, чтобы убивать или отпугивать всех, идущих через него со стороны гор, он не должен быть чересчур широким. Что за смысл строить забор высотой до неба или рыть бездонный ров?

— Какая разница? — вступила в разговор Надежда.— Пусть он будет шириной не в тысячу, а всего в сто шагов, разве нам от этого легче? Ведь по нему и шага не ступишь.

— Шага не ступишь, а плыть можно,— загадочно заметил Артем.— Есть у меня одна мысль.

План его, родившийся, кстати сказать, всего минуту назад, выглядел примерно так. Лес опасен травой, зверями, птицами, ручьями и, возможно, деревьями. Если из камней соорудить достаточно высокую и надежную плотину, река повернет в сторону леса. Трава скроется под водой, зверям придется заняться собственным

спасением, а от ручьев останутся одни воспоминания. Что касается птиц, то в сильный дождь они вряд ли смогут подняться в воздух. Отправившись в путь на заранее приготовленном плоту, можно добраться до безопасного места. А в случае неудачи всегда можно вернуться назад — тех, кто идет в сторону гор, лес не трогает. Будем и дальше загорать на камушках.

Поскольку другого плана все равно не было, а предугадать приближение дождя не могла даже Надежда, они незамедлительно принялись за сооружение плотины. Поначалу, пока камни не приходилось таскать издалека, работа шла довольно споро. Но по мере того, как плотина росла в высоту, а по обе стороны от нее все шире обнажалось чистое песчаное дно, темпы строительства падали. Тем не менее, к тому времени, когда Артем подал команду на отдых, каменный вал поднялся на высоту человеческого роста.

В этом узком пространстве, зажатом между скалой и лесом, как и почти во всех мирах Тропы, со сменой дня и ночи творилась полная неразбериха. За все время их пребывания здесь настоящая темнота не наступала ни разу. Трижды, с неравными промежутками, голубое небо гасло, приобретая фиолетовый цвет, и тогда воздух становился свежее, а камни прохладнее. Артем по давней привычке считал за ночь время сна, а за день — время бодрствования.

На следующий «день», позавтракав несколькими горстями воды, он с помощью Надежды приступил к сооружению плота, а Калека, энергия которого наконец нашла применение, принялся с остервенением таскать к плотине камни. На плот ушли три самых длинных древесных ствола и вся веревка, с помощью которой они спустились на равнину. Для того, чтобы отталкиваться от встречных деревьев, были заготовлены прочные шесты. До наступления «ночи» плотина выросла еще на метр и слегка углубилась на территорию леса — ни птицы, ни звери не реагировали на падающие в траву камни.

«Еще пять дней такой работы, и мы протянем ноги от голода и переутомления,— подумал Артем, лежа на песке у самого подножия плотины.— Наверное, еще ни один человек на Земле, за исключением, пожалуй, египетских фараонов, не возводил себе надгробный памятник с таким усердием. Если через пять дней не пойдет дождь, все наши усилия окажутся напрасными».

Однако непогода разразилась уже на третий день.

Артем крепко спал, когда первая увесистая капля дождя щелкнула его по лбу. Вторая залепила правый (едва успевший открыться) глаз, а уж затем с неба хлынуло, как из тысячи пожарных брандспойтов.

— Скорее! — заорал он, вскакивая.— Скорее тащите плот наверх!

Вдвоем с Калекой они втащили свое утлое плавсредство на гребень плотины. Надежда, быстро собрав скудные пожитки, последовала за ними.

Низко над их головами неслись тучи, похожие на табуны диких серовато-лиловых коней. Скалы и лес исчезли за пеленой шумно падающего дождя. Вода, наткнувшись на преграду, быстро прибывала и уже подтапливала газон.

Однако все это были еще цветочки. Ягодки начались, когда с гор на равнину обрушились водопады. По вздувшейся реке прокатился пенистый вал и с грохотом разбился о плотину, оставив торчать в ее теле длинное бревно. Река напирала, бросая на штурм все новые массы воды. Плотина стала оседать и рассыпаться.

— Пора! — крикнул Артем, сталкивая плот в воду.— Прыгайте все за мной!

Поток, устремившийся в обход преграды, подхватил три связанные между собой бревна. Как и было условлено заранее, они легли ничком — впереди Артем, за ним Надежда, последним Калека. Мужчины сжимали в руках шесты. В сумраке дождя обрисовывались первые деревья, затопленные почти до половины своей высоты. Плот несло через лес, ударяя то одним, то другим бортом о древесные стволы. Из кипящего водоворота показалась морда оленя-волка. Выпучив глаза и захлебываясь, зверь поплыл им наперерез, однако Артем успел глубоко всадить свой шест ему в пасть. Спустя секунду плот врезался в дерево. Веревка, скреплявшая его переднюю часть, лопнула, и бревна разошлись веером, сбросив людей в воду.

— Держитесь! — прохрипел Артем.

Сквозь дождь и брызги он видел мелькавшие в волнах головы Надежды и Калеки, все же успевших ухватиться за бревна. Поврежденный плот развернуло задом наперед и понесло дальше в глубь леса. Обгоняя их, плыли ветки деревьев, трупы оленей, плоды и орехи.

Дождь не ослабевал, но вода заметно спадала — то ли сказывалось расстояние, отделявшее их от реки, то ли плотина рухнула, не выдержав напора волн. Кое-как Артем свел воедино все три бревна, уселся на них верхом и помог выбраться на плот Надежде. Калека плыл рядом, держась одной рукой за веревку. В воде он чувствовал себя так же уверенно, как в снегах и горах. Вокруг по-прежнему почти ничего не было видно, однако деревья на их пути уже не попадались.

Поток разливался все шире и замедлял свое движение. Плот чиркнул дном по земле — раз, другой, третий и остановился. Людям пришлось встать на ноги. Вода едва доставала им до щиколоток. Калека осторожно сделал несколько шагов и кивнул — все, дескать, нормально, идти можно. Невдалеке покачивалась на мелководье туша оленя с вываленным на сторону языком и остекленевшими

глазами. Не обращая внимания на дождь, Артем коротким ножом, своим единственным оружием, быстро освежевал животное и, забыв об осторожности, жадно вцепился зубами в еще теплое жестковатое мясо. Конечно, это было далеко не черепашье филе, но после трех дней голодовки привередничать не приходилось.

Шум дождя утихал, вокруг посветлело и метрах в пятидесяти позади обозначилась опушка леса. Немного перекусив и заготовив впрок мяса, они тронулись было дальше, вслед за умчавшимися к горизонту тучами, но Калека бегом вернулся назад и смотал с бревна остатки веревки.

— Правильно,— похвалил его Артем.— Она нам еще может пригодиться.

Здесь он попал в самую точку!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Стеклянное небо очистилось, и перед путниками открылся суровый безрадостный пейзаж. Нигде не было заметно и следа какой-либо растительности. Там, где каменистая равнина смыкалась с небосводом, торчало какое-то странное сооружение. Скоро стало ясно, что это нечто вроде обелиска, вырубленного из цельного куска серого гранита. Торс и конечности многометрового истукана были нарочито огрублены, зато непропорционально крупная голова представляла собой шедевр камнерезного искусства. Не вызывало сомнения, что жутко ухмыляющаяся, безгубая рожа с глубокими провалами глазниц и курносым огрызком между ними принадлежит мертвецу, но мертвецу сумевшему сохранить не только вертикальное положение, но и некую гипнотическую власть над живыми существами.

В одной руке истукан сжимал молот, а в другой — длинные клещи. Его широко расставленные ноги-обрубки образовывали как бы арку, под которой мог свободно проехать всадник на лошади. Далеко слева и справа, на одинаковом удалении от статуи виднелись ее точные копии, как бы составляющие опорные точки некой невидимой цепи, отгораживающей эту страну от всего остального мира.

Надежда подобрала с земли замысловатый обломок металла, охристый от ржавчины, и швырнула его в пустое пространство между двумя истуканами. Пролетев по дуге несколько метров, обломок исчез — не вспыхнул, не превратился в пыль, не срикошетил, а просто исчез, как будто канул в иное измерение.

— Сюда лучше не соваться,— сказала она.— Эта преграда пострашнее, чем лес со всеми его обитателями. Пройти можно только под аркой.

— Откуда ты это знаешь? — вяло спросил Артем.

Он чувствовал себя совершенно разбитым. Все, на чем он останавливал взгляд, почему-то теряло четкость, двоилось и расплывалось.

— Я родилась где-то в этих краях. Через точно такие же ворота меня когда-то увезли отсюда. Помню, что я сидела в корзине за плечами человека, одетого в черное. Всякие чудовища гнались за нами, но тогда нам удалось спастись.

— Тогда пойдем скорее,— пробормотал Артем.— Что-то со мной неладное творится... Засыпаю стоя... Как в ту ночь, когда Адракс ушел от нас...

— Стойте! — раздался сзади голос Калеки.— Для того, чтобы войти под эти своды, надо сначала испросить разрешения.

Артем растерянно оглянулся. Отрешенное лицо Калеки было устремлено на истукана. Свернутая в кольцо веревка висела у него на плече, зато мешок, в который они перед этим сложили мясо оленя, отсутствовал.

— Ты почему бросил мешок? — еле ворочая языком, спросил Артем.— Вы что, все с ума посходили?

Калека медленно перевел на него мутный тяжелый взгляд и сказал с расстановкой:

— Еда нам больше не понадобится.

Необоримая апатия овладела Артемом. Болезненный гул наполнил его голову. Как бы со стороны он видел, как Калека, низко наклонившись, вяжет веревкой его руки. Мир вокруг стал хрустальным, распался на множество по-разному отливающих граней. В воздухе сгустились какие-то сумеречные тени. Казалось, души бессчетного количества воинов, навечно брошенных здесь без погребения, снова поднялись для штурма невидимого и непреодолимого рубежа. Все здесь: и земля, и камень, было круто замешано на крови. Каждый шаг грозил смертью, в вдох — безумием.

В глубине арки обозначилась вдруг неизвестно откуда взявшаяся фигура всадника. Почва содрогнулась от тяжелого мерного топота.

Узкое, бледное, как мрамор, лицо всадника можно было бы назвать прекрасным, если бы только не эти жуткие, ничего не выражающие глаза, похожие на тускло поблескивающие бронестекла боевой машины. Роскошные одежды, в которые он был облачен, когда-то, очевидно, предназначались для сражения, но теперь имели скорее церемониальный характер. На боку висел клинок, точно такой же, каким Адракс кромсал мрызлов.

Его рослый, пятнистый, как леопард, скакун выглядел не менее примечательно. Лошадь он напоминал разве что круглыми копытами, высокими ногами да жесткой короткой гривой. Все остальное: тяжелая клиновидная голова, заканчивающаяся свиным (или сатанинским) рылом, свирепые красные глаза, клыки, похожие на две пары кинжалов, могучий загривок, прикрывающий седока не хуже любого щита — могли принадлежать только матерому кабану-секачу, вепрю размером с жеребца.

— Приветствую тебя, дочь моя,— глухо и невыразительно произнес всадник, тесня Надежду своим страховидным скакуном.— Твое возвращение в страну предков затянулось. Ради встречи с тобой я надел древние доспехи и оскорбил седлом и сбруей это

благородное существо. Однако все мои старания угодить тебе едва не оказались напрасными. Черепаха добралась бы сюда быстрее, чем ты. Тебя способно было задержать самое ничтожное препятствие. Там, где следовало идти напролом, ты искала обходные пути. Ты бесчестишь род максаров.

— Значит, это ты — мой отец.— Надежда отступила всего на шаг.— Давненько мы не виделись. Но ответ перед тобой я буду держать только после того, как получу все то, что по праву рождения принадлежит максару, в том числе и его оружие.

— Твое родовое оружие было доверено вот этому ничтожеству.— Всадник направил скакуна на Калеку.— Где оно, подлый пес?

— Прости меня.— Калека низко опустил голову, словно подставляя шею под удар клинка.— Его похитил человек по имени Адракс.

— А известно тебе, кто он такой на самом деле?

— Нет.

— Именно Адракса ты должен был убить этим клинком, поскольку другим оружием его убить почти невозможно. Он мой родной отец и злейший враг. Я был ненамного старше ее,— всадник указал на Надежду,— когда впервые сразился с ним. Наши схватки и наши раны невозможно сосчитать, точно так же, как и число воинов, погибших в этой распре. Лишившись клинка и всех своих сторонников, он бежал в неизвестном направлении, прихватив мою дочь, из которой со временем собирался воспитать мстителя. Ты, лучшее создание моих рук, мой самый верный слуга и самый умелый воин, должен был найти и убить Адракса. И что же из этого вышло?

— Я не смею оправдываться. Адракс победил меня не силой, а хитростью. Максар, даже лишенный своего оружия, неуязвим перед любым врагом. Победить максара может только максар,— смиренно ответил Калека.

— Молчи! — впервые всадник повысил голос.— Ты опозорил меня. Ты не исполнил мою волю. Знаешь, какая кара тебя ждет за это?

— Я готов принять смерть.

— Смерть? — Всадник глумливо расхохотался.— Сейчас ты попираешь ногами кости великих воинов, без числа полегших здесь в самые разные эпохи. Весь этот край дышит смертью. Одной больше, одной меньше — какая разница. Ничего не изменится. Не надейся на мое снисхождение, подлая тварь. Не смерть тебя ждет, а перевоплощение. И я сам позабочусь, чтобы ты обрел тот облик, которого заслуживаешь.

Калека покорно кивнул, а всадник уже подъезжал к связанному по рукам и ногам Артему.

— А это что еще за чудо? — процедил он сквозь зубы.— Откуда

могло взяться в наших краях такое существо? Я повидал немало самых разных стран, но никогда не встречал ничего подобного. С виду он самый обычный человек, но меня не обманешь... Издалека к нам залетела эта птичка. Мне не терпится поглубже проникнуть в его мозг. На частички разобрать тело. Давно мне не попадал в руки свеженький материал.

— Отец! — крикнула Надежда.— Не смей его трогать! Я люблю этого человека!

— Ты ошибаешься, дочка. Максар никого не способен любить, кроме себя самого. Ты слишком долго жила среди чужих людей. Они испортили тебя. Теперь всему придется учиться сызнова. Сейчас ты сырая глина, и еще неизвестно, что из нее получится. Максар рождается дважды. Сначала из чресел матери, а потом под ножом великого, разбирающегося в своем деле потрошителя. Поэтому молчи и не смей возражать мне... Впрочем, возможно, я отдам тебе этого человека. Но не сразу. Прежде ты должна стать другой. Совсем другой...

Калека легко взвалил на плечо одервеневшее тело Артема, в котором продолжало биться сердце, но уже угасла гордая человеческая душа, бледный всадник одним рывком забросил Надежду на загривок вепря — и они двинулись в глубь Страны Максаров.

Никогда до этого — ни в колодках каторжника, ни в тюремной камере, ни в солдатском строю — Артем не ощущал себя рабом и не знал, каким сладостным может быть это чувство. Отродясь еще он не испытывал такого покоя и умиротворения. Сейчас он думал как раб, дышал как раб, глядел на мир глазами раба и не стыдился своей участи. Да, велика была власть максаров над всеми разумными и неразумными тварями — даже не прикоснувшись пальцем к оружию, они легко валили любого из них к своим ногам.

Раскинувшаяся кругом равнина уже не казалась Артему такой унылой и однообразной. Окружающий пейзаж он воспринимал чужим зрением, через чужую память. Каждый камень, каждый холм, каждая рытвина имели здесь свою историю. Вот эта ржавая труха была когда-то могучей боевой машиной, вот этот ров некогда переполняла кровь, а вот здесь долго шевелилась земля над могилой, в которой были заживо погребены тысячи пленников. С торжеством он взирал на кости врагов и без сожаления — на надгробья соратников. На этой равнине никогда не росли злаки и не паслись стада — испокон веков ее засевали только костями и топтали копытами бешеных скакунов.

Узкая тропа петляла между тщательно замаскированными ловчими ямами, все выше, выше и выше — прямо к черной, словно обугленной скале, которая и была жилищем максара по имени Стардах, а именно так звали сына Адракса и отца Надежды.

Однако Артему так и не удалось вволю налюбоваться этой (как

вскоре выяснилось) рукотворной скалой, представлявшей собой нечто вроде пирамиды из хаотически и бессистемно надстроенных друг над другом каменных фундаментов. Как видно, враги не раз осаждали эту цитадель, но на месте одного разрушенного бастиона строился другой, на месте другого — третий и так далее, от эпохи к эпохе, от войны к войне. Словно обреченного на заклание барана, его сволокли железными крючьями в мрачное подземелье, служившее не только тюрьмой, но и дьявольской кузницей, где из податливого человеческого материала создавались всевозможные монстры, предназначенные для выполнения злых замыслов Стардаха.

В тесном каменном мешке, вырубленном намного ниже самой глубокой галереи, единственным входом в которую служил узкий лаз в потолке, Артем снова встретил Адракса. Шею старика отягощал внушительных размеров мельничный жернов, вначале разрезанный пополам, а затем стянутый по окружности намертво заклепанным стальным ободом. Это сомнительное украшение не позволяло Адраксу ни есть, ни пить, ни даже чесать нос, поскольку шириной своей превосходило размах его рук. Все эти услуги побежденному максару теперь должен был оказывать Артем, за жалкую жизнь которого в верхних помещениях цитадели шла невидимая, но отчаянная борьба между суровым отцом и блудной дочерью.

Оцепенение, ниспосланное Стардахом на тело и душу Артема, постепенно проходило. Возможно, этому в немалой степени способствовал Адракс, сам большой дока по части подобных штучек. Первое время он почти не сводил с полупарализованного Артема своих бельм. Жернов стоял на торце, что вынуждало старика постоянно находиться на четвереньках. Даже при очевидной незавидности их нынешнего положения выглядело это довольно комично.

— Шею не ломит? — спросил Артем, когда к нему вернулась способность реально оценивать действительность.

— Я бы не сказал.— Адракс поерзал, устраиваясь поудобнее.— С некоторых пор у меня побаливала поясница, а эта поза весьма благоприятно действует на позвоночник.

— И какая же, интересно, судьба тебя ожидает? — не без доли сарказма поинтересовался Артем.— Нельзя сказать, чтобы родной сынок встретил папочку с распростертыми объятиями.

— Об этом можно только догадываться. Но уже если меня оставили в живых, следует ожидать чего-то более страшного, чем банальная смерть. Максары великие мастера по части всяких пыток. Никто лучше их не знает строение человеческого тела... А почему ты разговариваешь со мной таким тоном, приятель? Разве я в чем-то виноват перед тобой?

— Интересно получается! — Артем даже стукнул себя кулаком по колену.— Каким же еще тоном мне говорить, если ты сбежал, бросив нас безоружными среди стольких опасностей?

— Покидая вас, я давал тебе и девчонке хоть какой-то шанс на спасение. Но вы им не воспользовались.

— Да и тебе не очень повезло.

— Совсем не повезло,— Адракс криво усмехнулся.

— А как же знаменитый клинок максаров? Почему он не выручил тебя на этот раз?

— Стардах обманул меня. Перед тем, как вручить клинок Калеке, он сделал так, чтобы им можно было воспользоваться только один-единственный раз. После схватки с мрызлами он превратился в обыкновенный кусок металла.

— И ты об этом не догадывался?

— Я был уверен в силе клинка. Потому-то слугам Стардаха и удалось окружить меня. Я выпустил кишки у дюжины этих гадов, но они навалились на меня всем скопом. На каждой моей руке повисло по два-три мрызла, да столько же уцепились за ноги. Так я и попал сюда.

— Но ведь ты же знал, что Калека — слуга Стардаха. Почему ты оставил нас на его попечение? Чтобы он привел нас прямо в логово твоего сыночка?

— К тому времени Стардах уже утратил власть над ним, хотя сам об этом и не догадывался. Без моего ведома Калека и шагу ступить не мог. Но как только клинок был приведен в действие, воля Стардаха сразу устремилась на поиски слуги, которому он был доверен. А я, к несчастью, был уже далеко... Впрочем, это долгая история и ее надо рассказывать с самого начала.

— Тогда начинай. Как я понимаю, единственное, что у нас сейчас имеется в избытке, это время. Первым делом я хочу узнать, что ты не поделил со Стардахом?

— Запомни, максары никогда ничего ни с кем не делят. Даже с собственными детьми, которые всегда являются незаконнорожденными, поскольку мы не живем семьями.

— Откуда же они тогда у вас появляются?

— Дети максаров зачаты в прелюбодеянии, при насилии, во всяких оргиях. Но они всегда знают о своем происхождении и, подрастая, начинают претендовать на родовые владения предков... Кстати, тут есть одна тонкость. Мы можем жить очень долго, хотя вовсе не бессмертны. Поэтому каждый максар, хочет он этого или не хочет, обязан иметь наследника, поскольку его род не должен пресечься. Это один из немногих законов, которые свято соблюдаются нашим народом. Даже заклятый враг сделает все, чтобы воспитать из твоего волчонка волка. И тогда начинается обычная для нашей страны кровавая свара. Сын охотится за отцом, а отец за сыном. Конечно, разумнее всего сразу убить женщину, которая понесла от тебя. Но не всегда это удается. Такую оплошность однажды допустил и я. Стардах вырос вдали от этих мест. Его вос-

питатели славились жестокостью даже среди максаров. Каждый максар враг другому максару, но это были мои самые непримиримые противники. С давних времен мы умеем из людей разных рас создавать себе слуг — воинов, строителей, оружейников, лекарей. В этом искусстве Стардах превзошел всех, даже меня. Исчадия, сражавшиеся на его стороне, до сих пор не имеют себе равных. Непрерывная борьба измотала меня. Я был вынужден бежать, утратив все, что у меня было, в том числе и оружие.

— Но прихватив внучку,— вставил Артем.

— Да. Я был побежден и изгнан, но не смирился с поражением. Ведь я максар, а максары не способны прощать и забывать. Оставить свой позор неотомщенным я не мог. Всех своих детей Стардах уничтожил еще во чревах их матерей, и эта девчонка, случайно оставшаяся в живых, была его единственной наследницей. Из нее я и хотел воспитать мстителя.

— А как она оказалась в доме судьи?

— Стардах послал на мои поиски сотни слуг. Они рыскали во всех окрестных мирах. Выродок, которого ты знаешь под именем Калеки, отыскал мой след. Он был самым ярым из преследователей, и именно ему Стардах доверил мой клинок. Это были тяжелые времена. Меня гнали, как бешеного зверя, не давая даже краткой передышки. Не очень-то удобно прятаться в болоте или пробираться подземельями, имея за плечами корзину с беспомощным ребенком. Пробираясь через Страну Забвения, я выбрал дом самого влиятельного в тех местах человека, и оставил девочку у его порога. Внушить судье и его жене, что это их ребенок, не представляло для меня особого труда.— Адракс умолк, задумавшись.

— А что было потом?

— В углу стоит кувшин с водой. Дай мне напиться. От долгих речей пересыхает горло... А потом было много схваток, много неудач и много побед. Кое-кого из врагов я уничтожил, а других направил по ложному следу. Сумел я одолеть и Калеку. Одолеть, даже ни разу не встретившись с ним лицом к лицу. Он был созданием Стардаха, а тот, что ни говори, в свою очередь, был моим созданием. В наших жилах текла одна кровь, и силы наши были примерно равны. Очень осторожно, исподволь, я проник в сознание Калеки. Нащупал слабые места, разузнал все планы, а затем волю Стардаха заменил своей собственной волей. Ведь в то время мой сынок находился довольно далеко от нас, да и, кроме того, был по горло занят очередной войной. Меня он считал фигурой второстепенной. Когда Калека полностью подчинился моей воле, мы вместе вернулись в Страну Забвения.

— А не проще было бы прикончить его?

— Стардах непременно узнал бы о его смерти и послал другого прислужника, еще более могучего и упорного. К тому же он был

нужен мне как оруженосец. Наши клинки устроены хитро. При определенных условиях они способны уничтожить себя вместе с хозяином. Одной старухе я внушил, что Калека — это ее пропавший в детстве сын.

— Зачем?

— Не мог же я сам готовить ему пищу и чинить одежду.

— Девчонка догадывалась о своем происхождении?

— Смутно. Ее посещали странные сны, всякие необъяснимые видения... Ведь как-никак, она родилась максаром. Я уже собрался открыть ей всю правду, но Лето спутало мои планы.

— Значит, все, что случилось потом, тоже подстроил ты? Я имею в виду мой визит к судье, встречу с Калекой...

— Лишь отчасти. Успех чаще всего достается не тому, кто все старается спланировать заранее, а тому, кто умеет использовать каждый удобный случай.

— Под удобным случаем ты подразумеваешь мою восьминогую машину?

— И ее тоже.

— А кто убил судью? — вопрос этот давно мучил Артема.

— Если нож, которым нанесен смертельный удар, можно считать убийцей, тогда судью убил Калека.

— Ты хочешь сказать, что он был только слепым орудием? Бессловесным исполнителем? Кто же тогда отдал ему приказ? — заранее ощущая холодок в душе, спросил Артем.

— Ты угадал, приятель... Приказ он получил от моей внучки.

— Как же так...— пробормотал Артем.— Как же она могла... Ведь он был для нее как отец.

— Успокойся. Все было не совсем так, как ты себе представляешь. Отказ судьи привел ее в ярость. Ведь для нее это было равносильно смертному приговору. Может быть, в кратком безрассудном порыве она и пожелала ему смерти. Но ведь это была воля максара, а тем более воля дочери Стардаха. Калека воспринял ее бурные эмоции как приказ к действию. Точно так же он поступил бы, если смерти судьи пожелал бы я... Хочешь знать, что было дальше?

— Нет. Пока нет. Мне нужно подумать над тем, что ты сказал...

Косой луч холодного искусственного света тусклым столбом упирался в середину камеры. Когда он начинал дрожать, а затем и вовсе пропадал, заслоненный фигурой тюремщика, это означало, что наступило время кормежки. Сверху на веревке опускался кувшин с водой и что-либо из еды, чаще всего то, на что не позарились слуги, убиравшие с господского стола — объедки объедков.

В первое время Артем добросовестно пытался накормить Адракса, но тот всякий раз отказывался от предложенной еды. Ста-

рик вовсе не пытался уморить себя голодом (максары без всякого вреда для себя могли питаться как змеи, от случая к случаю) и не опасался отравы. Просто он считал постыдным принимать пищу от врага. Адракс знал, что его смерть неизбежна и что она будет нелегкой, но не выказывал никаких признаков уныния. Наоборот, в неволе он стал гораздо словоохотливее. Впрочем, это было нетрудно объяснить — скрывать стало нечего, а беседы являлись единственным развлечением для обоих узников.

— Немало темниц я повидал за свою жизнь,— сказал однажды Артем, прохаживаясь от стены к стене.— Но никогда долго в них не задерживался. Может, и на этот раз удастся вырваться.

— Будь спокоен, обязательно вырвешься,— поддакнул ему Адракс.— Вырвешься, когда тюремщики поведут тебя туда, где из людей делают мрызлов, а из оленей волков. А сбежать отсюда и не надейся. Тут даже клинок максара не поможет. Я говорю так потому, что когда-то сам строил это подземелье. Здесь мне знаком каждый коридор, каждый кирпич, каждая щелка...

— А это ожерелье случайно не ты придумал? — Артем постучал костяшками пальцев по жернову.

— Нет. Такие камни у нас издавна надевают на шею самым буйным и упрямым узникам. С такой штукой далеко не убежишь, хотя она и не такая тяжелая, как кажется.— Старик поднатужился и встал, обеими руками поддерживая жернов. Его водило из стороны в сторону, как штангиста, пытающегося зафиксировать рекордный вес.— Видишь, я еще способен унести такой груз. Беда только, что он не пройдет в потолочный лаз. Сыночек знал, что делал, когда одаривал меня такой игрушкой.

— Интересно, а как ты обошелся с собственным отцом?

— Это было так давно, что сейчас даже вспомнить не хочется... Кажется, я просто-напросто задушил его. Хотя на это и ушло немало времени. Глотка у него была как из дерева, трещит, а не поддается. Он тогда еще все руки мне изгрыз...

— Ну и негодяй ты все же! — сказано это, впрочем, было спокойно. Читать Адраксу мораль было столь же бессмысленно, как обучать бальным танцам фанатика-дарвита.— Задушить отца... Другой бы каялся всю жизнь, а ты как будто даже гордишься этим.

— По-твоему, пусть бы лучше он задушил меня? Разве волк, убивший оленя, совершил преступление? В чем виноват тот, кто ценой чужой жизни спасает собственную? Так велит нам природа. Так устроен этот мир.

— Сын убивает отца, отец сына, сосед непрерывно враждует с соседом. Просто удивительно, что ваш народ до сих пор не исчез.

— Ничего удивительного здесь нет. Из всех зачатых мной детей выжил только Стардах. Самый сильный, самый изворотливый, самый лютый. Он превзошел меня по всем статьям, но тот, кто

придет ему на смену, превзойдет и его. Максары совершенствуются из поколения к поколению. В этом залог их могущества и преуспевания.

— Вы не совершенствуетесь! Вы вырождаетесь! Тот, кто умножает зло в мире, тем самым губит и себя самого. Примеров тому не счесть. Когда-нибудь вы захлебнетесь в пролитой крови.

— Все это пустые слова. Слыхал я эти разговоры о добре и зле. Так вот, запомни, добро — это выдумка слабых. Религия рабов. Ни разу я не видел, чтобы добро побеждало зло. Зло может победить только другое, еще более изощренное зло, иногда весьма успешно рядящееся в одежды добра. Давай не будем лицемерить хотя бы здесь, на краю могилы. Зло извечно, неодолимо, всепроникающе и притягательно. Так не лучше ли жить по его законам открыто, как это делаем мы? Я никогда никому не делал добра и не требую, чтобы добро делали мне. Поэтому я могу считать себя абсолютно свободным. Начни творить это самое добро и скоро погрязнешь в нем, как в болоте. Привязанности, обязательства, условности свяжут тебя по рукам и ногам. Друзья и родственники не дадут тебе вздохнуть. Ты уподобишься вьючному скоту и дойной корове одновременно. Разве такая жизнь достойна настоящего человека? Я враждую со всем светом, и это сильно упрощает мне жизнь.

— Не только упрощает, но и укорачивает,— съязвил Артем.

— Кроме того,— невозмутимо продолжал Адракс.— Для всех вас, червей и устриц в человеческом облике, так даже лучше. Вы должны ликовать, что мы такие, какие есть. Если максары однажды прекратят распри, мало кто уцелеет в ближайших мирах.

— Неужели нет ничего, что было бы свято для вас? Ведь все народы пытались создать себе какие-то, пусть даже и призрачные идеалы.

— Если под идеалом ты понимаешь какое-то божество, то оно у нас имеется. Это бог-плут, бог-обманщик, бог-каннибал, рожденный от кровосмесительной связи и пожравший своих родителей. Служа этому богу, мы плюем ему в лицо, приносим ложные клятвы, сквернословим, предаемся всяческим извращениям. Он не только позволяет все это, он принуждает нас поступать подобным образом. Таково его естество, таковы его заповеди...

«Где-то я уже нечто подобное слышал,— подумал Артем.— Было уже такое. Или нет — такое будет. Будет, когда на земле воцарится Антихрист — человек греха, неблагодарный себялюбец, чуждый добру лицемер, кровожадный нечестивец, деспот, чародей и лжепророк. Заповеди его будут заповедями истинного бога, вывернутые наизнанку, а законом — беззаконие. Огонь станет дымом, белое —

черным, свет — мраком, знание — заблуждением. С амвонов осквернённых храмов слуги Антихриста будут проповедовать нелюбовь, гордыню и злонравие. И тогда люди отшатнутся от подлинной веры и станут истово служить этому обманщику, творя во имя его зло и насилие. Лишь немногое число праведников устоит перед соблазном. Кратким будет царствование Антихриста, но с его падением падет и весь сущий мир. Козлища попадут в преисподнюю, а агнцы прошествуют на небо.

Финал этот, явно притянутый за уши, можно отнести на счет наивной и неистребимой веры людей в счастливый или хотя бы справедливый конец. Зато все остальное — гениальное предвиденье. Много раз и под разными именами Антихрист пробовал свои силы на Земле, и всегда успех его был потрясающим. Ложь действительно превращалась в истину, правое в левое, дерьмо в золото, а кто был никем, становился всем. Брат шел на брата, сын судил отца и сосед вешал соседа на перекладине ворот. Может быть, зло действительно непобедимо и извечно? Неужели зло и человек — неразделимы?»

— Почему ты молчишь? — ухмыльнулся Адракс.— Значит, тебе нечего возразить.

— Вот что я скажу,— Артем немного помедлил.— Люди рождаются зверями. Искра человечности едва тлеет в них. Под человечностью я как раз и понимаю тягу к добру. Нужно приложить немалое старание и нам самим и окружающим, чтобы эта искра не погасла, а разгорелась. В противном случае человек будет жить по законам зверя, то есть по законам зла. Естественно, второй путь привлекательнее. Зло соблазнительно своей доступностью. Следовать ему неизмеримо легче, да и прибыльней. Ты считаешь зло добродетелью, а на самом деле это постыдный порок. Его порождают отнюдь не мудрость и не стремление к свободе, а глупость, неразвитость духа и извращенность

— Ну и что же, по-твоему, в конце концов восторжествует?

— Поскольку я уверен, что разум рано или поздно победит глупость, значит, я уверен в торжестве добра.

— Несчастный слепец! Даже если это и так, то прежде, чем добро восторжествует, ты обратишься в исчадье зла и будешь верно служить ему. Хотелось бы мне послушать, как ты заговоришь тогда.

Было слышно, как к отверстию лаза подошли сразу несколько человек. Глухо, словно в печной трубе, загудели голоса. Конус света исчез, словно его смахнуло крыло мрака, и в лазе раздалось шуршание. Когда тускло сияющий столб возник снова, в нем уже стояла Надежда, отвязывающая от своего пояса конец веревки. Волосы ее были коротко острижены и плотно стянуты посверкивающей драгоценными камнями сеткой-диадемой, а одежда больше напоминала оперенье волшебной птицы.

— Ну вот и я,— сказала она как ни в чем не бывало.— Темновато тут у вас. И воздух затхлый.

— Зато ты, как видно, живешь неплохо,— едва сдерживая дрожь, произнес Артем.— Все максары одеваются так, как ты?

— Не думаю. Тот, кто волен менять облик по собственному усмотрению, вряд ли придает большое значение нарядам. Эти одежды я нашла в одной из кладовых. Там такого добра целые горы. Слуги отца говорят, что это добыча максаров. Все это я надела для тебя.— Надежда тряхнула головой, и ее лицо, до того находившееся в полумраке, на мгновение высветилось. Слезы тающими льдинками стояли в ее глазах.

— Тебе плохо там? — Артем указал в потолок.

— Я максар по рождению. Но не по воспитанию. Вот меня и воспитывают. А потом... я слыхала... меня переделают. Это правда? — она перевела взгляд на Адракса.

— Непременно,— охотно подтвердил старик.— Для максара у тебя слишком тонкая кожа, слишком слабые руки и чересчур много лишнего в утробе. Зато в голове кое-чего не хватает. Тебя разъединят на части, а когда соберут снова, ты станешь уже совсем другой. Все живое будет деревенеть при одном твоем появлении, ты забудешь о страхе и жалости, одного единственного удара хватит тебе, чтобы оглушить мрызла, а человеческие души затрепыхаются на твоей ладони, как угодившие в сеть рыбешки.

— Замолчи! — в голосе Надежды зазвенела угроза.— Замолчи, старый шут! Это ты во всем виноват! Для чего ты взвалил на меня свои собственные беды? Для чего похитил из дома, где я росла в покое и безопасности? Ты хотел сделать из меня кровожадного хищника! А сейчас недоволен тем, что кровожадного хищника из меня делает твой враг! Разве не так? Лучше бы я заживо сгорела в Стране Забвения! Я не хочу, не хочу быть максаром!

— А разве едва только вылупившийся из яйца птенец хочет стать коршуном? — спокойно возразил Адракс.— Но он обязательно станет им. Если, конечно, его до этого не склюют вороны. Тебе не переломить судьбу. У Стардаха на тебя свои планы, у меня — свои. Но если я всего лишь наставляю тебя на путь, предназначенный от рождения всем максарам, он хочет превратить тебя в свирепое чудовище, в гения разрушения, целиком послушного его воле. За твою душу идет невидимая схватка, и исход ее во многом будет зависеть от тебя самой.

— Хватит ли у меня сил...— Надежда поднесла руку ко лбу, как будто у нее внезапно закружилась голова.

— Хватит. Ты еще сама не знаешь, как велика сила, дарованная тебе природой.

Вверху снова загудели голоса, и конец веревки запрыгал змеей, извиваясь в воздухе.

— Прощай! Мне пора! — Надежда, словно очнувшись, прижалась к Артему, и он вдохнул свежий запах ее волос.— Когда мы встретимся в следующий раз, я уже буду другой. Не отворачивайся от меня. И запомни, я всегда думаю о тебе.

Их губы встретились, но вместо томительной сладости поцелуя, Артем ощутил резкую боль укуса.

Не прошло, наверное, и часа после ухода (вернее, вознесения) Надежды, как в камеру спустились несколько тюремщиков. По причине того, что руки и ноги росли у них почти из одного и того же места, а торс шириной превосходил длину, они походили на огромных пауков, копошащихся в своих тенетах. Все приметы выдавали в них мрызлов, но только мрызлов укороченных, которым после изъятия средней трети тела две оставшиеся сшили между собой. Сделано это было из чисто практических побуждений — мрызлу обычного размера пришлось бы передвигаться в катакомбах подземной тюрьмы только на четвереньках.

Очистив пол камеры от давнего мусора и свежих нечистот, они аккуратно посыпали его свежим песочком. Поданная чуть позже пища была совсем другого качества, чем прежде, а в кувшине вместо воды плескался кисло-сладкий бодрящий напиток. Из происшедшего можно было сделать вывод, что Надежда уже пользуется в этом змеином гнезде определенным авторитетом.

— А как это выглядит...— неуверенно начал Артем.— Когда человека переделывают?

— Сам скоро все узнаешь. Тебе тоже придется пройти через это. Мясник так не потрошит предназначенную на жаркое тушу, как это делают с живыми людьми максары.

— И что же именно из меня сотворят?

— Это уж как решит Стардах. Ты человек весьма редкой, ранее не известной нам породы. Нет смысла делать из тебя что-нибудь заурядное, вроде мрызла. Хорошим материалом нельзя пренебрегать. К примеру, существо, которое ты знаешь под именем Калеки, некогда выглядело совсем иначе. Он был великим вождем великого народа. Когда его войско потерпело окончательное поражение, всех уцелевших превратили в рудокопов — слепых монстров, похожих на огромных кротов. Не зная покоя, они грызут землю, которая в их организмах разделяется на чистые металлы и пустую породу. А из их главаря Стардах сотворил своего самого верного прислужника. Если бы только Калека мог вспомнить свое прошлое...

— Но ведь вы переделываете не только пленников, но и самих себя. Зачем это нужно?

— Максар должен быть неуязвим, силен и вынослив, как никто другой. Природа обделила нас этими качествами. В обычном теле немало всего лишнего, а вот кое-чего нужного как раз и не хватает. Взять, к примеру, зрение. Стоит мне захотеть, и я заставлю свои

глаза видеть вдаль на огромное расстояние. Но моему взору открыт и другой мир, недоступный обыкновенным людям. При желании я могу созерцать сотни крошечных существ, населяющих все вокруг. Даже не упомню, сколько раз я менял свой облик. У каждого максара собственные вкусы и пристрастия. Стардах одно время был занят тем, что создавал из себя некий образец абсолютной красоты. Другие предпочитают жить в образе животных. Конечно, даром все это не проходит. Если десять раз резать по одному и тому же месту, какой-то шрам обязательно останется. Да только это нас не беспокоит. Сила максаров всегда состояла в их врожденных способностях, огромном опыте и чудодейственных снадобьях. Кроме того, мы развили свой природный дар, позволяющий влиять на мысли и чувства других людей. Как клинок, проникающий в тело, губит плоть, так и наша воля, проникающая в чужое сознание, губит душу. Такого человека легко превратить в раба, в послушное орудие. Мы заставляем его забыть о действительности и внушаем ложную реальность. Ты сам уже мог в этом убедиться. Если хочешь, сейчас ты почувствуешь себя на вершине блаженства. Эта мрачная яма покажется тебе роскошным дворцом, а прокисшие помои — пищей богов. Хочешь?

— Нет, не хочу. Пусть будет все так, как есть. Скажи, а твоя внучка тоже умеет делать все эти штуки?

— Она наделена удивительными способностями. Но до настоящего мастерства ей еще далеко. Я прекрасно понимаю, что ты имел в виду, задавая свой вопрос. Успокойся. То, что было между вами, не наваждение. Все ее слова и поступки были искренними. Но скоро ее душа и тело пройдут через жестокое горнило, в котором рано или поздно оказывается каждый из нас. Подлинный максар не знает ни любви, ни жалости, ни снисхождения. Мы с тобой долго вели здесь беседы о добре и зле, о справедливости и беззаконии. Всей этой словесной чепухи я нахватался в чужих краях, у чужих мудрецов... Возможно,— он усмехнулся,— это меня и погубило... А попробуй заговори о добре и зле с моим сыном. Это то же самое, что убеждать волка в пользе вегетарианства. Для него любой человек это или кусок мяса, который надо немедленно растерзать, или ком глины, из которой можно слепить очередную игрушку. Поэтому будет лучше, если ты забудешь девчонку, вместе с которой шел через Страну Черепах. Как бы тебе не пришлось содрогнуться от ужаса, увидев ее в следующий раз.

— Ты сможешь почувствовать, когда с ней начнут делать это?..

— Смогу.

— А помочь, поддержать, проникнуть в ее сознание?

— Только до определенного предела. Превратившись в максара, она станет равной мне. А еще ни один максар не мог проникнуть в сознание другого.

Прошло еще какое-то время, и о них как будто забыли. Пища вовсе перестала поступать в камеру, а воду лишь изредка небрежно выплескивали в лаз. Первый раз Артем прозевал эту жалкую подачку, но затем научился более или менее ловко ловить падающую струю в кувшин с отбитым верхом.

— Не унывай,— сказал ему Адракс.— Пока я здесь, ты не будешь ощущать голода и жажды. Позволь мне об этом позаботиться. Дело идет к концу. Тебя заберут отсюда раньше, чем меня. Вряд ли нам еще удастся когда-нибудь встретиться.

— Разве ты не веришь в загробный мир? Говорят, там обитают души всех усопших,— попытался пошутить Артем.

— Наш придурок-бог не обещает никакой иной жизни, кроме той, которой мы владеем. Поэтому максары так цепляются за нее. В переселение души я тоже не верю. Слишком много известно мне об этой эфемерной субстанции, под которой разные народы подразумевают совершенно разные вещи. Впереди меня ожидают только муки и распад. Я мог бы передать тебе часть моих знаний, но ты человек совсем другой породы и не сможешь как следует воспринять их. Это то же самое, что пытаться рисовать на воде. Я немало блуждал в потемках твоего сознания, и оно всегда охотно отвечало мне на любой вопрос. Но всякий раз ответы эти звучали для меня абсолютной бессмыслицей. Мир, в котором ты родился, устроен совсем по другим законам, а твой жизненный опыт совершенно отличается от моего. Однако я понял, что ты ищешь некую истину, а на эту стезю тебя натолкнули могучие и загадочные силы. Я не собираюсь ни о чем выспрашивать тебя. Время утолять любопытство для меня уже минуло. Но если тебе самому требуется совет — спрашивай. Буду рад помочь тебе хотя бы этим.

— Даже и не знаю, с чего начать,— Артем задумался.— Однажды мы уже говорили на эту тему. Но ты тогда отделался шуткой. Что тебе известно об устройстве этого мира?

— Мне легче будет отвечать, если я сначала узнаю, что известно об этом тебе?

— Я все рассказал тебе тогда. Разве ты забыл?

— Нет. Но ты говорил одно, а представлял себе нечто совсем другое. Ты как будто смотрел в черную бездну, сквозь которую летели косматые огненные шары, а вокруг них вращались другие шары, куда более меньшего размера. Кстати, я ясно понял тогда, что сам ты этой картины никогда раньше не наблюдал, но тем не менее веришь в ее реальность. Затем один из маленьких шаров, словно раздувшись, заполнил все поле твоего зрения и превратился в зеленую страну, над которой в голубом небе сиял желтый диск. От этого нового видения ты даже вздрогнул, так оно тебя взволновало. Смысл всего этого остался для меня не совсем ясным.

«Оказывается, все то время, что мы были вместе, он как рентгеном

просвечивал меня,— подумал Артем.— Ничего себе положеньице! А я-то, дурак, еще хотел обвести его вокруг пальца».

— То был мой родной мир,— сказал он.— Желтый диск, это тот же самый косматый огненный шар, только видел ты его на этот раз из глубины воздушного пространства, окружающего твердь. Небесный огонь дает нам свет и тепло. Одно из главных отличий наших миров как раз в том и состоит, что звезды и светила никогда не появляются на вашем небосводе.

Подбирая понятные для Адракса слова, Артем, как мог, рассказал ему о строении известной человеку части Вселенной, о загадочном моменте Большого Взрыва, когда из ничего родились пространство, время и материя, о неподдающейся измерению, но тем не менее конечной космической пустоте, по которой в недоступном для человеческого понятия порядке разбросана серебряная звездная пыль, о бело-зелено-голубой планете Земля, такой крошечной в сравнении с непоколебимым и вечным мирозданием и такой беспредельно-огромной для человека, о ледяных шапках полюсов, об океане, грозном, тяжело ворочающемся на своем жестком каменном ложе, о теплых и холодных течениях, о пассатах и муссонах, об извечном пути Солнца по небесной сфере, об утренних и вечерних зорях, о затмениях и приливах, о смене времен года, о календарях и хронометрах. Еще он рассказал о бесчисленных параллельных мирах, некогда родившихся близнецами, но впоследствии утративших всякое сходство между собой, о непроницаемых, хотя и невидимых стенах, разделяющих их, и о существующих в этих стенах щелях, на поиски которых не жалко потратить всю человеческую жизнь. И, наконец, он поведал Адраксу о Тропе, странном мире, развернутом поперек всех остальных и вырывающем по частичке из каждого.

— Эти обособившиеся частички разных миров можно сравнить с бусинками, нанизанными на общую нить.— Рассказ Артема подошел к концу.— Но по воле случая бусинки здесь подобрались самые разные. Рядом с жемчужиной оказалась деревяшка, а рядом с золотым слитком — кусочек угля. Представь себе ожерелье, в котором без всякого порядка перемежаются медь и стекло, железо и магний, пропитанный кислотой, губка и семечко неизвестного растения. Несомненно, что каждый такой осколок мира влияет на соседние. Страна Лета регулярно испепеляет Страну Забвения, но Страна Черепах всякий раз снова возрождает там жизнь. Ночь не может наступить в Стране Максаров, если в соседних странах царит день. Оттого-то во всех мирах Тропы такая путаница со сменой света и тьмы. *Синяя ночь, Черная ночь, Желтая ночь...*

— Я понял тебя,— прервал его Адракс.— Рассказ твой весьма занятен, хотя мне доводилось слушать и куда более замысловатые истории. Проведя большую часть жизни в скитаниях, я и сам нередко поражался разнообразию стран, которые мне случилось посетить

или удалось обойти стороной. В некоторых из них человек от первого же глотка воздуха синеет и теряет сознание. В других на тебя наваливается какая-то незримая тяжесть, не позволяющая сделать даже шага. Третьи населены мерцающими существами, такими же бесплотными, как этот луч света. Поэтому, исходя из собственного опыта, я могу принять твою версию мира-Тропы. Но опять же, из собственного опыта заключаю, что она слишком проста и красива, чтобы быть верной. Неужели ты считаешь, что нам дано понять высший замысел Творца, кем бы он ни был на самом деле — сверхъестественным существом, мировым разумом или слепой природой? Истина похожа на мираж, который порождает раскаленная пустыня. За ней можно идти вечно и при этом никогда не настичь. Я могу представить себе ожерелье из осколков разных миров, а ты представь себе лягушку, сидящую на болотной кочке — лягушку, наделенную разумом. Несомненно, она составит себе некое представление об этой кочке и, в меньшей степени, о всем болоте. Но вот ветер развеял туман и взгляду лягушки предстали далекие горы, леса и пустыни. Лягушке не добраться до тех мест, и она строит свои предположения на уровне доступных понятий. Горы кажутся ей большими кочками, лес — разновидностью осоки, пустыня — засохшим илом. И пока она не взберется на вершину горы, пока не познакомится со всеми растениями и животными, населяющими лес, пока не пересечет пустыню от края до края, ей не удастся познать окружающий мир. О чем мы с тобой можем судить — о дюжине кочек, которые сумели облазить, о пламени костра, в котором едва не сгорели, о разных зверушках, встретившихся на нашем пути, о россказнях других умных лягушек, побывавших когда-то чуть дальше нас?

— По-твоему, мир непознаваем?

— И об этом я не могу судить. Мир неизмеримо сложнее, чем мы себе это представляем. Чем больше ты о нем узнаешь, тем больше появляется новых загадок. Максары давно поняли это и не стремятся овладеть новыми знаниями.

— Зато они стремятся овладеть новыми странами и рабами.

— Это не так. Новые страны нам не нужны. Просто мы не позволяем соседним народам стать сильнее нас. А наши слуги — вовсе не рабы. Большинство из них явилось сюда добровольно, предлагая свои тела и души. Мрызлы, к примеру, намного совершенней тех существ, из которых когда-то были сделаны. Их уже не заставить вернуться в прежнее состояние. Но мы с тобой уклонились от темы разговора. Ты спросил меня, как устроен этот мир. Та лягушка, о которой я говорил, несомненно, объяснила бы тебе все подробно. Что-нибудь такое о сверхлягушке, слепившей мир из своих испражнений. А я человек и не хочу множить чужие заблуждения.

— Пусть будет так. Тогда попытайся ответить мне на следующий вопрос: всегда ли ваша страна была такой, как сейчас. Я имею в виду отсутствие на небе светила, полный беспорядок в смене дня и ночи, ну и всякое такое...

— Дались тебе эти светила... Максары не ведут летописей, подобно другим народам. Но с тех пор, как мы осознали себя хозяевами этой страны, на небе ничего не изменилось. А это весьма долгий срок.

— А вот люди Страны Забвения помнят совсем другую жизнь. Не прошло и десяти поколений с тех пор, как какая-то катастрофа сократила их мир во много раз и спутала все небесные явления.

— Да, такое случается. Иногда две ранее соседствующие страны как бы раздвигаются, и между ними возникает третья, невесть откуда взявшаяся. Бывает так, что она разъединяет их навсегда.

— Думаю, это означает, что Тропа продолжает расти, втягивая в себя все новые миры.

— Думай себе на здоровье.

— Тебе не доводилось слышать что-нибудь о Изначальном Мире, мире-прообразе? Все остальные миры являются лишь его порченными копиями.

— Самый лучший мир тот, в котором живут максары. Можешь считать его изначальным,— усмехнулся Адракс.

— Ничего мрачнее и скучнее вашего мира я еще не видел. Даже Страна Черепах выглядит куда более привлекательной.

— У нас разные понятия о красоте. Все то, что тебе кажется красивым, а на самом деле только мешает нападать и обороняться, давным-давно уничтожено. Войны смели и испепелили все нецелесообразное.

— Во время путешествия через Страну Черепах я обратил внимание на одно странное явление,— продолжал Артем.— За очень короткий срок твоя внучка повзрослела, а я как будто постарел. Тебе не приходилось сталкиваться с чем-нибудь похожим?

— Максары постоянно обновляют свой организм, так что подобные вещи нас мало интересуют. Но разговоры такие я слыхал. Уж не помню, в какой стране и от кого. Возможно, это одна из причин, заставляющая людей сидеть на одном месте. В чужой стране можно заболеть неведомой болезнью, отравиться водой или воздухом, заживо изжариться или обратиться в ледяную статую. Но, наверное, хуже всего — внезапно одряхлеть, превратиться в живую развалину. Для юноши в расцвете лет лучше умереть, чем оказаться в обветшалом, немощном теле. Но случается и другое. Пройдя немало миров, смелый путник возвращается домой ничуть не изменившимся внешне, хотя все его ровесники уже давно сошли в могилу. Честно говоря, я не задумывался над причинами такого явления.

— Для идущего по Тропе от мира к миру существует только один верный путь. И на этом пути старость не грозит ему. Так было сказано теми, кто послал меня сюда. Значит, я до сих пор шел неверным путем.

— Если это действительно так, то верный путь приведет тебя через Страну Черепах и Страну Забвения в Страну Лета. А я не знаю еще никого, кто решился бы туда забрести.

— Над этим мне еще надо подумать... Скажи, а в какой мир можно попасть, если пересечь Страну Максаров?

— Ты попадешь в Страну Жестянщиков. Это искусные мастера, хотя и неважные воины. В обращении с металлами они достигли такого же совершенства, как мы в обращении с живыми организмами. Наверное, это единственные существа, которые некогда смогли оказать максарам достойное сопротивление. Много раз они терпели жестокие поражения, прежде чем покорились окончательно. Им было позволено жить на своей земле и в прежнем облике, поскольку, как их не переделывай, лучше они не станут. В благодарность за это Жестянщики должны изготовлять для нас клинки и всякие другие технические приспособления. В свое время лучшие из них создали невидимую стену, которая защищает наши границы. Взамен эти наглецы потребовали для себя сокровищ и почестей. В назидание другим они немедленно получили и первое и второе. В честь каждого мастера была воздвигнута громадная статуя. Затем глотки им залили расплавленным золотом, а в распоротые животы положили по пригоршне драгоценных камней. Ты должен был видеть эти каменные истуканы, смиряющие гордыню других народов.

— Только максары могут выразить признательность таким образом.

— Кто не наказывает негодного пса, тот сам достоин собачьей доли,— холодно сказал Адракс.— О чем ты еще хочешь спросить меня?

— Еще я хочу спросить, почему ты так добр ко мне? Жизнь, конечно, кое в чем изменила тебя, но ты по-прежнему остаешься максаром. А максары не способны творить добро.

— Вот здесь ты попал в точку, приятель! — Адракс внезапно расхохотался.— Максар не способен творить добро, но умеет прикидываться добряком. Ты нужен, очень нужен мне. Я умру спокойно лишь тогда, когда буду уверен, что за меня отомстят. И тебе суждено быть одним из орудий моего мщения...

Не очень-то приятное ощущение — заснув хотя и в довольно скверном, но привычном месте, проснуться среди слепящего света, распятым на медленно раскачивающейся металлической раме. Резкие, тошнотворные запахи били в нос, невдалеке что-то кипело

и булькало. Голова Артема была зафиксирована в таком положении, что он мог видеть только потолок, покрытый паутиной, копотью и брызгами засохшей крови.

Затем кто-то толкнул раму, и тело Артема приняло вертикальное положение. Огромный зал, своды которого поддерживали без всякой системы расставленные колонны, напоминал застенки средневековой инквизиции. В глубине его, в огромных открытых жаровнях пылал огонь. Железные столы, каменные полки вдоль стен и даже грязный пол были завалены грудами инструментов самого зловещего вида. Из зловонных чанов торчали искромсанные обрубки человеческих конечностей и свешивались синие кишки. Повсюду ползали какие-то жутковатые, фантастически уродливые твари: безногие карлики с клешнями вместо рук, люди-обрубки, состоявшие, казалось, из одного только торса или из одних только конечностей, многоголовые крысы и многохвостые ящерицы. В разных концах зала стояли рамы сложной конструкции, точно такие же, как и та, к которой был привязан Артем. Почти все они были пусты, только на двух, расположенных по соседству, висели тела, соединенные между собой множеством бледно-голубых пульсирующих трубок разного диаметра. Одно из тел, кровоточащее и выпотрошенное, принадлежало атлетически сложенному человеку, другое больше походило на безглазый, донельзя раздувшийся бурдюк, снабженный широкой, жадно распахнутой пастью.

Откуда-то из-за спины Артема появилось нелепое существо, чем-то напоминавшее неимоверно исхудалую, бесхвостую обезьяну. Поставив возле рамы прозрачный сосуд с розоватой дымящейся жидкостью, оно отошло к стене и замерло там, вытянув по швам руки с необычайно длинными, тонкими пальцами. Следующая облезлая мартышка принесла квадратный таз, в котором равномерно подрагивало серое комковатое желе. Нелепо ковыляя на кривых костлявых лапах, эти подручные неведомого палача один за другим занимали места в шеренге у стены. Каждый принес с собой что-то: горшок со снадобьями, живую змею, поднос с кучей ножиков и пилочек, пучок высушенной травы. Мерзкие рожи ничего не выражали, но вот прижмуренное веко одного из них дрогнуло, и в коротком ускользающем взгляде мелькнули садистское любопытство и каннибальская алчность.

Но более всего Артема поразило то, что низкие лбы всех этих уродин украшали какие-то тускло поблескивающие линзами оптические устройства, похожие одновременно и на гротескные монокли и на лупы часовщиков.

«Мартышка и очки,— подумал он.— Ну и везет же мне! Мартышки в очках, да еще с ножами».

Затем рама вновь шевельнулась, и Артем разглядел стоящую вполоборота к нему тонкую высокую фигуру. Копна светлых корот-

ких волос скрывала лицо, но в линиях спины и плеч, в очертаниях точеной шеи, в манере стоять, скрестив руки, было что-то мучительно знакомое. Сердце Артема дернулось, как от электрического разряда.

— Да, чужеродец, это я.— Голос Надежды был прежний, чистый и звонкий, но интонации стали совсем другими, холодными и жесткими.— Это я, и это уже не я. Совсем недавно меня превратили в максара.

Она резко повернулась и, закрыв глаза, шагнула к Артему. Лицо ее, покрытое едва заметной сеточкой шрамов, было прекрасно, но красота эта не была ни человеческой, ни ангельской. Так прекрасна бывает долгожданная смерть. Так прекрасен будет тот, кто в конце времен явится судить род человеческий.

— Я нравлюсь тебе такой? — вкрадчиво спросила она и вдруг широко раскрыла глаза.— А такой?

Артем помимо воли застонал.

Два черных бриллианта, сатанинским огнем сверкнувшие на него из-под тяжелых век, можно было назвать чем угодно, но только не глазами его любимой.

Не говоря ни слова, Надежда протянула руку в сторону, и одна из мартышек вложила в ее раскрытую ладонь тонкий и длинный, как жало, нож. Очень медленно она поднесла лезвие к своему лицу, немного покачала им из стороны в сторону, а затем вонзила в глаз — вернее, попыталась вонзить. Сталь отскочила от черного зрачка, как будто это и в самом деле был самый твердый в мире драгоценный камень. А Надежда уже кромсала ножом свои щеки и губы, однако ни царапинки, ни капельки крови не появилось на ее коже.

— Видишь, какая я стала? Теперь со мной будет нелегко справиться. Даже тебе.

— О чем ты говоришь! — прохрипел потрясенный Артем.

— Ведь ты уже считал меня своей собственностью, своей игрушкой. Не так ли?

— Я любил тебя!

— Любил? Почему ты говоришь «любил» вместо «люблю»? Неужели ты думаешь, что тебе удастся разлюбить меня? — Поигрывая ножом, она вплотную подошла к нему и поцеловала в губы, поцеловала со стратью и отчаянием, словно в последний раз.

Разноречивые чувства, обуревшие в тот момент Артема, были так сильны, что он почти не почувствовал боли от укола ножом в грудь. Выдавив себе на ладонь несколько капель крови, Надежда стала внимательно изучать их.

— Да,— сказала она как бы сама себе,— я все сделала правильно... Ошибки быть не может... Начинайте! — приказала она обезьяноподобным уродам.

Двое из них тут же подскочили к Артему и в единый миг сорвали

с него одежду, а третий, вцепившись в волосы, принялся острой бритвой срезать их прядь за прядью.

— Что вы делаете? — морщась от боли выкрикнул Артем.

— Ничего не бойся.— Надежда позвякивала пробками сосудов, проверяя их содержимое.— Сейчас тебя начнут переделывать. Но изменения коснутся только твоего тела, а отнюдь не души. Ты не станешь рабом максаров, хотя и будешь вынужден некоторое время прикидываться им. Сейчас отец очень занят Калекой. Он создает из него бойца еще невиданной ранее мощи. Поэтому мне удалось уговорить его не трогать тебя. Операция над тобой доверена мне. При нашей последней встрече я взяла у тебя немного крови. Помнишь тот поцелуй? Из нее я приготовила снадобье, которое не позволит никому из максаров подавить твою волю. Внешне ты останешься почти таким же, как прежде, но приобретешь новые качества. Думаю, тебе не надо объяснять, чем отличается закаленный меч от незакаленного.

— От кого ты только всему этому научилась? — Артем раскачивался вместе с рамой, беспомощный, как приготовленная к вивисекции лягушка.

— Ко мне вернулась наследственная память максаров. Да и отец успел кое-чему научить. Особенно тогда, когда кромсал мое тело. Но больше всего, конечно, я переняла от Адракса. До самого последнего момента, пока я не вышла из-под его контроля, он наяву и во сне вдалбливал мне свои поучения. Благодаря ему я знаю сейчас значительно больше, чем мне положено. Лишь бы отец не догадался об этом.

— Разве ты веришь Адраксу? Он ничуть не лучше твоего отца. Ты нужна им обоим только как ядовитая змея, способная нанести врагу смертельный укус.

— Но и змее не помешает иметь лишнее жало. Пока мы с Адраксом находимся во власти Стардаха, наши интересы совпадают. Это именно он научил меня тому, как сделать тебя неподвластным воле максаров. Если тебе и суждено пасть в грядущей схватке, то от клинка, а не мысли врага.

— Остается только надеяться, что это совсем разные вещи,— через силу пошутил Артем.

Мартышки, возбужденно вереща, покрывали его обнаженное тело сетью линий — очерчивали анатомические линии, обозначали расположение внутренних органов и крупных сосудов.

— Тебе будет очень больно, но ты должен терпеть.— Надежда перебирала разложенный на подносе инструмент.— Боль — великий воспитатель. Я сама прошла сквозь невыносимые муки и, как видишь, уцелела.

Внезапно среди обезьян произошло замешательство и все они поспешно отпрянули в дальний угол. Лязгнули тяжелые запоры.

и откуда-то слева пахнуло холодом, словно распахнули дверь в ледник. Затем раздались равномерные приближающиеся шаги, и за спиной Надежды возник Стардах. В руке он держал голову Калеки со вскрытой черепной крышкой и пустыми глазницами.

— Ты уже начала? Прекрасно! — На Артема он обратил внимания не больше, чем на самую жалкую из мартышек. Зато с Надежды внимательного взгляда не сводил.— Возьми! — Он бросил голову в один из тазов.— Неплохая работа. Один из первых моих шедевров. Этот череп не пробьешь и кувалдой, а зубы способны перегрызть железный прут. Возможно, тебе что-нибудь пригодится.

— Я же сказала, что хочу все сделать сама. Это будет мое первое создание.

— Первое редко бывает удачным. Но уж если ты так решила, дерзай. Я буду рядом,— он указал на раму с телом Калеки.— Если что-то у тебя не заладится, зови на помощь.

Однако он не ушел, а продолжал наблюдать, как Надежда готовится к операции. Мартышки снова приблизились к Артему. На этот раз они тащили горизонтальную раму, на которой было укреплено существо, лишенное глаз и конечностей. Размером оно превосходило моржа. Передняя его часть представляла бездонную пасть, а сзади волочился пучок хрящеватых трубок разной толщины.

Уродцы быстро расхватали эти трубки — каждому по одной,— а те, кому их не досталось, вооружились ножами, пилками и крючьями. Все уже успели сдвинуть увеличительные стекла со лба на морду. Чувствовалось, что им не терпится заняться своим гнусным делом. Особенно отвратительна была та мартышка, которая ковыляла прямо на Артема, выставив вперед конец самой толстой из трубок. Ему казалось, что именно она должна нанести первый удар. Но острая боль резанула откуда-то сзади, опоясав череп. Кровь залила глаза, и одна из мартышек тут же жадно слизала ее. Десятки ножей, иголок, острых клыков и когтей одновременно вонзились в тело Артема. Вместо вопля из его рассеченной гортани вырвался шипящий клекот. Затрещала сдираемая с черепа кожа. Обезьяньи зубы вгрызлись в пах, подбираясь к бедренной артерии.

Не прошло и пары минут, как Артем оказался распоротым вдоль и поперек. Сердце его, сделав последний судорожный скачок, остановилось, легкие опали, как проколотый воздушный шарик, а все основные сосуды через сеть бледно-голубых хрящеватых трубок оказались соединенными с мешкообразной тушей, мерно вздымавшей рядом свои лоснящиеся бока.

Человек не мог выдержать подобных страданий, однако Артем жил и даже не терял сознания. Каждая самая крохотная его мышца, трепетала, вот-вот готовая лопнуть. Он ощущал, как чужие руки копаются во внутренностях, и видел, как в сторону оттащили аккуратно опиленный черепной свод.

— Не забывай, для какой цели предназначен этот человечишка,— донесся голос Стардаха.— Очень скоро тебе понадобится надежный телохранитель. Слух ему пригодится, а вот речь и многое другое — вряд ли.

— Мне нужен верный спутник, а не бессловесная тварь...

Зрение то пропадало, то возвращалось. Артем не видел Надежду, но чувствовал, как что-то делает та с его обнаженным мозгом. Две или три обезьяны помогали ей. Остальные продолжали пилить кости, лоскутьями сдирать кожу, кромсать кишки. Боль утратила прежнюю интенсивность, но успела почти парализовать сознание. Он уже не ощущал ни рук, ни ног. Звуки тоже исчезли, и лишь тусклое пятно света как-то связывало Артема с окружающей действительностью.

Единственным чувством, которое жило в нем помимо физической боли, была бессильная ненависть — ненависть к Надежде. Отныне (так ему казалось) она могла олицетворять для него одно только страдание.

Артем не знал, сколько времени он провел распятым на этой проклятой раме.

Были такие моменты, когда он как будто умирал, хотя и продолжал сквозь багровый смертный туман наблюдать за тем, как из частей его тела и фрагментов других тел создавалось совершенно новое существо. Когда из случайно задетого сосуда начинала хлестать кровь, к этому месту прикладывали голову змеи, и одного-единственного укуса было достаточно, чтобы унять кровотечение. Его накачивали жидкими снадобьями и с ног до головы покрывали мазями. Череп и нутро Артема по-прежнему оставались вскрытыми, и предводительствуемая Надеждой шайка очкастых бесов продолжала ковыряться там, то добавляя, то убирая что-то. Его кожа лежала в чане с гниющими отбросами и уже успела почернеть, а печень, безжалостно вырванную из чрева, одна из обезьян сунула в беспрерывно жующую пасть существа-донора. (Незадолго до этого там оказался пробегавший мимо уродец-гидроцефал).

Проблемы антисептики для максаров, похоже, не существовало, (точно так же, как и проблемы несовместимости тканей) — нигде не было видно ничего, хотя бы отдаленно напоминающего умывальник, инструмент валялся прямо на полу, среди кровавой грязи и слизи, облезлые уроды-ассистенты не стеснялись гадить прямо под себя.

Соображал Артем, наверное, ничуть не лучше, чем дышавшая и питавшаяся за него туша. На происходящее вокруг он уже давно не обращал внимания, а только трясся и хрипел, когда боль внезапно превосходила тот предел, с которым он уже свыкся. Но однажды

тусклая и смазанная картина, в которой невозможно было различить никаких деталей, вдруг обрела необычайную яркость и четкость. Трубки, связывающие его с чужим телом, исчезли. А затем он почувствовал, что может говорить. Ни одной мартышки не было видно поблизости, но справа, вне поля его зрения, кто-то стоял — Артем отчетливо слышал человеческое дыхание.

— Когда же наступит конец? — пробормотал он.— Я больше не могу терпеть боль... Разве нельзя было обойтись без этого?.. Палачи...

— Я предупреждала тебя, что будет больно,— ответила Надежда.— Избавиться во время операции от всех неприятных ощущений нетрудно. Но по характеру твоей боли я определяю, все ли делается правильно. Человеческая боль имеет бесконечное количество оттенков. Поэтому для нас сложнее всего работать на мозге, который не способен ее испытывать.

— Значит, все это время ты чувствовала, тоже самое, что и я?

— Не в такой степени, конечно. Впрочем, для максара боль совсем не то же самое, что для обычного человека. В ней можно найти свою прелесть. Особенно, когда знаешь, что в любой момент эту боль можно унять.

Надежда обошла раму и стала так, чтобы он мог ее видеть. Пережив столько нечеловеческих мук, Артем был уверен, что на свете уже нет ничего, способного его испугать,— но сейчас один только вид этого прекрасного, словно изваянного божественным скульптором лица, заставил его содрогнуться. Даже свирепые мрызлы не вызывали в нем такого страха.

— Этого следовало ожидать,— Надежда едва заметно усмехнулась.— Благодарности я от тебя и не ожидала. Пока череп был вскрыт, я могла бы заставить тебя изменить отношение ко мне, но я не желаю насиловать твое сознание. Пусть все останется так, как есть.

— Если я правильно понимаю, ты теперь моя хозяйка?

— Разве тебя это не устраивает? Нам придется поладить. Отныне наши судьбы связаны даже прочнее, чем прежде. Если не хочешь превратиться во что-то еще более ужасное, чем это,— она указала на мартышку, проковылявшую мимо,— держись за меня. Моя жизнь будет зависеть от тебя, а твоя от меня.

— Когда меня снимут отсюда?

— Скоро. Тебе понадобится некоторое время, чтобы привыкнуть к новому телу. Внешне ты остался почти таким же, как прежде. Лицо я вообще не трогала. Оно меня пока устраивает. Но во многом другом ты изменился. У тебя теперь куда более надежное сердце. Все жизненно важные органы хорошо защищены. Ты стал проворней и сильнее. Твои кости приобрели прочность стали, а раны будут заживать намного быстрее, чем раньше. Зубы и пальцы

превратились в опасное оружие. В твоем мозгу я не убила ничего. Ты по-прежнему способен принимать самостоятельные решения. Тебе самому выбирать, кого любить, а кого ненавидеть.

— А сама ты способна любить?

— Мне еще не представилось случая проверить это. В ближайшее время мне понадобится только ненависть, вся ненависть, на которую только способно наделенное разумом существо... Но я не закончила свою мысль. Ничего не убрав из твоего мозга, я кое-что в него привнесла. Ведь тебе предназначен удел бойца, моего защитника. Ты станешь тверже, смелее, жестокосердней чем раньше.

— Как бы ты ни изменяла меня, я не стану при тебе ни придворным палачом, ни наемным убийцей.

— Этого от тебя и не требуется. Но ты всегда сможешь постоять за себя и близких тебе людей. В силе нет позора.

Вновь где-то грохнула тяжелая дверь и могильный холод пополз по полу. Было слышно, как Стардах, печатая шаги, прошел через зал к раме, на которой корчилось то, что когда-то было Калекой и что уже успело превратиться в нечто совсем иное, нечеловечески жуткое. Надежда сразу смолкла. Некоторое время было слышно негромкое позвякивание металла, треск вспарываемой плоти и тяжкие мучительные вздохи.

— Почему ты не заставишь его замолчать? — Лицо Надежды словно окаменело.

— Если тебя раздражают эти звуки, значит, как максар ты не состоялась,— с издевкой ответил Стардах.— Мне осталось нанести несколько завершающих штрихов, а потом, если желаешь, снова займемся тобой. Прежние твои склонности и пристрастия оказались намного прочнее, чем я предполагал. Но их можно устранить без особого труда.

Тяжелые шаги стали приближаться, и Стардах, похлопывая лезвием окровавленного ножа по ладони, появился в поле зрения Артема. Губы его кривила саркастическая усмешка. Даже здесь, в подземельях своей собственной цитадели, он не расставался с клинком.

— Вряд ли твое создание можно назвать удачным. В нем много лишних деталей.— Нож несильно чиркнул Артему по низу живота.— К чему все это? Другое дело, если бы он предназначался на роль шута или наложника. Но ведь тебе было велено создать воина. Неужели ты считаешь, что подобные уроды имеют право размножаться?

— Повторяю, мне нужен человек, а не холощенное животное.

— Нет, дочь моя. Тебе нужно именно животное. Неуязвимое и преданное. Относительно преданности сказать пока ничего не могу, а вот о неуязвимости и говорить нельзя.

Кончиком ножа он легонько ткнул Артема куда-то в подреберье.

и боль, не сравнимая ни с чем, что тому пришлось до этого испытать, сокрушительной молнией пробила сверху донизу и без того измученное тело. Артем кое-как сумел сдержать дикий вопль и только заскрежетал зубами.

— Видишь, я сразу обнаружил уязвимое место,— довольно хохотнул Стардах.

— Не смей больше так делать! — Надежда перехватила его руку, и несколько секунд они боролись, если можно назвать борьбой возню матерого волкодава со щенком-сеголетком.

Затем Надежда отлетела в сторону, однако нож перешел в ее руки.

— Ты неосмотрительна, дочь моя,— холодно сказал Стардах.— Максар может любить только самого себя. Перенеся на кого-то другого хотя бы частицу этой любви, он оставляет брешь в своей защите.

Его шаги стали удаляться. Надежда, вскочив на ноги, швырнула нож о каменные плиты пола, да так, что от него только осколки брызнули. После этого она рванулась было к выходу, но тут же возвратилась назад, к плавно раскачивающейся раме, на которой в бессильной злобе извивалось тело Артема.

— Тебе придется потерпеть еще немного,— тяжело дыша, сказала она.— В чем он прав, так это в том, что у тебя не должно быть уязвимых мест...

Физические силы постепенно возвращались к Артему, но это были уже совсем другие силы, незнакомые и пугающие его самого. Теперь, когда он напрягал мышцы, цельнокованая железная рама сотрясалась и скрипела, как расхлябанный дачный шезлонг. Однажды, сумев дотянуться кончиками пальцев до крайнего звена цепи, сковывавшей его руки, он расплющил его, из овала превратив в восьмерку.

Надежда почти не отходила от него. Не доверяя больше мартышкам-ассистентам, она сама пичкала его разными снадобьями и кормила из своих рук какой-то густой, сладковатой кашей.

Стардах закончил работу над новым телом Калеки и почти не появлялся в подземелье. Его создание — нечто постоянно извивающееся и меняющее форму, отдаленно похожее на гигантского осьминога, единственный круглый глаз которого прикрывали далеко выступающие вперед клювообразные костяные веки,— уже успело поймать и растерзать в клочья нескольких неосторожных мартышек.

Пару раз Артем пробовал завести с ним разговор, но все попытки закончились безуспешно. Операция, похоже, поубавила разума у их бывшего спутника или перевела его совсем в другую плоскость.

(Чего у Калеки добавилось, так это свирепости — способные удлиняться до неимоверных размеров щупальцы крушили все, до чего только могли дотянуться, и вскоре целой банде мрызлов пришлось взять их в оковы.)

— Почему его не убирают отсюда? — однажды спросил Артем.

— В цитадели пока еще нет помещения, где его можно было бы поселить. Ведь он способен разнести любую стену и пролезть в любую щель. Лишь воля Стардаха кое-как сковывает его ярость. Представь, что может случиться, если отец куда-нибудь отлучится.

— А ты не пробовала проникнуть в его сознание?

— Пробовала. Да где уж мне тягаться со Стардахом. Он не выпускает Калеку из-под своего контроля ни днем, ни ночью.

— Не хотелось бы мне находиться здесь, когда он вырвется на свободу.

— Тебе нечего опасаться. Я же всегда с тобой. А любое существо, созданное максарами, не в состоянии противостоять своим творцам.

— Когда-нибудь я создам существо, способное и на это.— Голос Стардаха заставил их обоих вздрогнуть. Оказывается, он умел красться бесшумно, как тень, а не только сотрясать своими шагами каменные своды.— Многие мои соседи чересчур возгордились. Ничтожные, они считают себя равными бессмертным богам. Пора проучить их.

— Создав такую тварь, ты станешь первой его жертвой,— возразила Надежда.

— Ни в коем случае. Я буду единственным, кому она будет беспрекословно подчиняться. Но для этого мне нужен не обыкновенный человеческий мозг, а мозг существа не менее могучего, чем максар. И тогда в мир явится гений уничтожения, Мировой Зверь. Для него не будет существовать непреодолимых препятствий, неуязвимых противников и опасного оружия.

— План твой безумен! Даже если он и удастся, ты тем самым погубишь род максаров!

— Нет. Ведь сам я останусь жить. И останется жить тот, другой — мой верный прислужник. Мир слишком мал, но для нас двоих в нем хватит места. Не хочешь ли ты стать этим вторым, дочь моя? — внезапно он грубо ухватил Надежду всей пятерней за лицо.

— Прочь! — Она наотмашь ударила отца по щеке.— Ни ты, ни я никогда не будем вторыми! Ведь ты же прекрасно знаешь — вместе нам в этом мире не ужиться! Рано или поздно останется только один — первый и единственный!

— Твой удар слишком слаб, чтобы причинить боль, но никто не смеет безнаказанно подымать на меня руку. Я могу убить тебя прямо на месте, но это сейчас не входит в мои планы. Тебе предназначена совсем другая судьба.— От резкого толчка Надежда по-

летела к дальней стенке, сбивая все, что встречалось ей на пути.

Исступленная ярость словно взорвала Артема изнутри, затмив все другие чувства, в том числе благоразумие и животный страх, который он всегда испытывал при виде Стардаха.

— Как ты смеешь, скотина, так обращаться с женщиной! — крикнул он.— Она же твоя дочь!

— Ах, ты еще и голос подаешь, жалкий пес? Ты разве не знаешь, что тебе запрещено тявкать в присутствии максара? — Стардах через плечо с презрением глянул на Артема.— За это я сейчас заставлю тебя откусить собственный язык.

Надежда налетела на него, как волна налетает на несокрушимый утес, и снова молниеносный удар отбросил ее прочь.

И тут рама, столько времени удерживавшая Артема, наконец разлетелась. Волоча на себе ее обломки, он шагнул вперед и обрушил на череп Стардаха продольную стойку, толстую, как рельс. Отдача от удара была такая, словно он угодил по многопудовой наковальне, а не по живой плоти.

— Неплохо! — Стардах расхохотался прямо ему в лицо.— Дочка, вижу, не зря старалась.

В следующее мгновение Артем почувствовал то, что должен чувствовать человек, которым в буквальном смысле выстрелили из пушки. Стены, пол и потолок завертелись перед его глазами, и он, взметнув столбы искр, рухнул прямо в жаровню. Пламя объяло Артема целиком, но он не ощутил ни его жара, ни боли от ожогов. Сорвав с места огромное железное корыто, полное углей и головешек, он, не помня себя, бросился обратно к Стардаху, уже вновь сцепившемуся с Надеждой. В последнюю секунду максар успел освободиться от дочки и метнул навстречу Артему взгляд, способный, наверное, превратить человека не то что в камень, а даже в порошок.

Однако это совсем не помешало Артему вместе со своим дымящимся грузом обрушиться на противника. Смрадный дым застлал все вокруг. Сбоку налетела Надежда и вцепилась в рукоятку клинка. Зубы Артема, который действовал уже не как человек, а как бешеный зверь, сомкнулись на правом запястье Стардаха. Казалось, еще немного — и они вырвут победу. Но уже через миг оба оказались в разных концах зала — Артем под грудой искореженной мебели и побитой посуды, а Надежда на ступеньках входной лестницы. Стардах, не глядя на них, небрежно стряхивал со своей одежды золу.

— На первый раз вполне достаточно, дети мои. Вижу, вы уже готовы к тому делу, на которое я вас предназначил. Твое творение не так уж и безнадежно, дочка. Хотя ретивости в нем пока еще больше, чем умения. И ты зря закрыла его сознание от воли максаров. Для меня это безразлично, но как бы тебе самой не пришлось

поплатиться. Не сочти мои слова за угрозу, но скоро вам двоим предстоят такие делишки, после которых поход через Страну Черепах покажется послеобеденным моционом.

— Куда меня определят теперь? — спросил Артем, когда они остались вдвоем (бессловесных тварей вроде Калеки и мартышек в расчет можно было не брать.) — Снова в тюрьму? Или стражем у дверей твоей спальни?

— Если Стардах ничего конкретного не сказал, значит, мы вольны поступать по своему усмотрению.

— Не опрометчиво оставлять у себя врагов без присмотра?

— Нас он не опасается. Единственный, кто еще может представлять для него угрозу, это Адракс.

— Даже в темнице? Даже с жерновом на шее?

— Такие как Адракс, опасны и в могиле.

— Проклятье! — поднатужившись, Артем сорвал с себя последние оковы.— А где я буду жить? Да и перекусить бы не мешало.

— В цитаделях максаров живут по своим законам. Если тебе понравятся какие-нибудь покои, просто выброси вон их хозяина. Захочешь есть, отбери пищу у первого, кто тебе подвернется. Здесь кроме Стардаха есть только одно привилегированное существо — это скакун Агбалар. Как ни малоправдоподобно это звучит, но говорят, что в ранней юности, когда Стардах был скорее гонимым и заброшенным зверенышем, чем настоящим максаром, они даже дружили. Не знаю, какой облик он носил тогда. Агбалар добровольно вызвался стать конем-вепрем Стардаха. Остальных можешь не опасаться. С мрызлами попусту старайся не связываться. Они сражаются стаями и тем сильны.

— А если я не стану ни у кого отбирать пищу?

— Значит, подохнешь с голоду! — Надежда рассвирепела.— Хватит голубка из себя строить! Всех слабых и обиженных здесь давно сожрали! Заботиться о тебе никто не будет! Хватай все, что сумеешь вырвать, и тогда проживешь. Не беспокойся, в цитадели всего достаточно: и еды, и вин, и всяких дурманящих снадобий и самок на любой вкус.

— Рай, да и только.

— Хватит болтать, пошли! — Надежда схватила его за руку.

— Подожди.— Что-то как будто кольнуло Артема в затылок, и он оглянулся.

Калека, прикованный к своему прокрустову ложу десятками железин самой разной формы, вытянулся в тонкую и длиннющую щупальцу, один конец которой вился у самых ног Артема, а на другом, в глубине широко раскрытого клюва, сурово и вопрошающе горел одинокий человеческий глаз.

— Ты узнал меня? — Щупальце было не толще детского запястья, и Артем смело шагнул вперед.

— Осторожней,— негромко сказала Надежда.

Мягкое и бархатистое на вид, лишенное когтей и присосок, щупальце быстро пробежало по лицу и груди Артема, после чего обвилось вокруг его талии.

— Почему ты молчишь? Скажи что-нибудь.— Артем помахал рукой.

— Боюсь, что говорить он уже не сможет никогда.— Надежда пристально смотрела в немигающее око Калеки.— Стардах изъял из этого тела все, что не соответствовало его замыслам.

— Но ведь всю память целиком нельзя изъять? Что-то же он должен помнить! Попробуй проникнуть в его сознание! Растормоши его!

— Сейчас его сознание находится как бы в полусне. Чего-чего, а оков для Калеки Стардах не пожалел. И самые прочные из них не эти, железные, а другие — невидимые, опутавшие мозг. Но что-то в сумраке его души все же шевелится. Не знаю, узнал ли он нас, но ненависти в нем нет.

Словно в подтверждение этих слов щупальце легко приподняло Артема, как игрушку переставив на другое место, дружески похлопало по плечу и уползало прочь, утолщаясь с каждым метром. Око погасло, прикрытое костяным веком.

— Мне кажется, Стардах совершил одну ошибку,— задумчиво сказала Надежда.

Сейчас, прикусив нижнюю губу и наморщив лоб, она была очень похожа на ту отчаянную и дурашливую девчонку, которую Артем знал прежде. Вот если бы только не эти глаза...

— Стараясь сделать нынешнего Калеку способным к любой метаморфозе, он разделил его мозг на части и рассеял по всему телу,— продолжала она.— Знаешь присказку о пальце и кулаке?

— Я знаю присказку о прутике и метле.

— Тебе это, конечно, ближе.— Надежда усмехнулась.— Часть всегда слабее целого, тем более, если это часть мозга. Обрублено слишком много связей. Думаю, я могла бы, не трогая весь мозг, проникнуть в тот его кусочек, который ведает движением или, например, памятью.

— Тогда чего же ты ждешь? Попробуй.

— Сейчас не время для этого. За нами могут следить. Давай уйдем отсюда.

— С удовольствием,— согласился Артем.— Не хотел бы я снова оказаться здесь.

Через тяжелую и плотно подогнанную дверь, которая открывалась не ключом, а серией нажатий на строго определенные точки, они вышли из зала-застенка и оказались в соседнем, точно таком

же. Однако, в отличие от первого, он был переполнен, как фондовая биржа накануне краха. Целые легионы мартышек усердно трудились здесь, превращая в мрызлов могучих сутулых мужиков, своим видом напоминавших чернокожих неандертальцев. Судя по бестолковой суете и постоянно вспыхивающим потасовкам, серийное производство было налажено неважно — то одной бригаде мартышек не хватало шкур нужного качества, то у второй кончалось необходимое снадобье. За этим залом открывалась целая анфилада других — наполненных зловонным паром, залитых кровью, сотрясаемых воплями жертв. Это был целый завод по переработке одних живых существ в другие. Как ни тесно было тут, при появлении Надежды мартышки бросались в стороны, расчищая ей путь.

Затем потянулись запутанные, как лабиринт, коридоры — освещенные, полуосвещенные и совсем темные. Все встретившиеся им лестницы вели вверх, но уже через несколько десятков ступеней каждая из них раздваивалась.

«И как она только здесь ориентируется,— подумал Артем.— Чутьем, что ли? Тут целой жизни не хватит, чтобы все закоулки обойти».

— Ну вот мы и прибыли.— Надежда остановилась перед сводчатой аркой, занавешенной черной, как муар, тканью.

— У тебя даже дверей нет,— удивился Артем.

— Что за толк от них. Один скрип. От Стардаха двери не защитят... Ты войдешь?

— Я же твой слуга,— пробормотал он.

Чувство, овладевшее Артемом после того, как он вслед за Надеждой вступил из мрака в просторный, ярко освещенный холл и увидел впереди что-то стрельчатое, занавешенное портьерой, похожее на балдахин кровати, нельзя было назвать страхом или робостью в чистом виде. Просто все изменилось. Душа его была как выжженное поле. Единственное, что ему хотелось сейчас — забиться в какую-нибудь темную нору, где его не смогут достать ни мрызлы, ни Стардах, ни даже Надежда. Где же ты, теплое и покойное чрево матери-черепахи?

— Почему ты дрожишь? — спросила Надежда.

— Разве? — Артем попытался изобразить удивление.— Впрочем, я и сам не знаю, что со мной. Наверное, устал... Так много всего случилось за последнее время.

— Ладно, заходи.— Надежда отвернулась.— Никто не съест тебя. Здесь достаточно места для того, чтобы спокойно жить и не сталкиваться на каждом шагу друг с другом... Вот только спокойно жить нам не дадут. Как только с Калеки снимут оковы, мы отправимся в путь. Ты станешь свидетелем редчайшего события — встречи всех живущих по-соседству максаров. Догадываюсь, что ее организовал именно Стардах. Знать бы, что он задумал...

— А что подсказывает тебе предчувствие? Опасность нарастает?

— Разве тому, кто сидит в кипятке по шею, станет хуже, если он окунется по уши? Ныне тебе грозила одна-единственная смерть, завтра будут грозить сразу десять. Меняет это что-нибудь?

— Нет, ничего,— сказал Артем.— Одна смерть или сразу десять, какая мне разница...

«Значит, первое пророчество уже сбылось,— думал Артем, лежа в полумраке на жестком, пахнущем тлением и сыростью ложе.— Я стал другим. Я изменился. Кто же я теперь? Еще человек или уже нет? Чье сердце бьется в моей груди, чья кровь течет в жилах? На кого я стал похож? Жаль, здесь нигде нет зеркал. Совсем недавно я ради пробы разломал руками литой медный кубок. Металл поддался, как картон. Острые обломки изгрызли мои пальцы, но раны уже почти исчезли. Наверное, я способен и на многое другое. Грызть железо, к примеру. Пить серную кислоту. Гнуть на шее двутавровые балки. Впору в цирке выступать. Что тут ни говори, а максары мастера... Хотя, думаю, если бы на Земле инквизиции дали волю еще на пару тысяч лет, и она бы наверняка не отстала. Ковала бы из людей мрызлов и не знала проблем.

Впрочем, как оказалось, максары мрызлами не занимаются. Это работа для подмастерьев. А у них товар штучный, на заказ. Один Калека чего стоит. В кошмарном сне такое не приснится. И как это все у них получается? Ну, допустим, заменить печень, ускорить прохождение импульсов по нервным волокнам, повысить тонус мышц и прочность костей в принципе не так уж и сложно. Но ведь этого мало! Надо изменить весь метаболизм организма, сшить сотни сосудов и тысячи нейронов, перестроить работу иммунной системы, добраться до генетического уровня. И все это без растровых микроскопов, лазерного инструмента, компьютерных томографов, ультрамикротонов. Чудеса!

Что же они знают такое, чего не знаем мы? Где источник этого знания? И почему оно приносит такие горестные плоды? Возможно, я мыслю наивно, но до сих пор мне казалось, что величина достижения в любой области человеческой деятельности, будь то мореплавание или книгопечатание, как-то корректируют и уровень нравственности. Египет является не только родиной архитектуры и геометрии, но также философии, а заодно изящных искусств. Кое о чем это говорит. Средний эллин был хотя бы на йоту нравственнее современного ему среднего варвара. Конечно, можно привести массу исключений, но я имею в виду общую тенденцию. Менгеле ничуть не лучше Влада Дракулы, но если первый все же был выродком, то второй — вполне обычным продуктом своей эпохи. Всякая новая крупица знания пусть незначительно, пусть не напрямую, пусть не сразу, но увеличивает капитал этических ценностей.

У максаров все наоборот. Достигнув почти божественной власти над живыми существами, в нравственном плане они деградировали до уровня каннибалов. Опровергает ли это мою теорию? Ни в коем разе. Объяснить столь печальный факт можно следующим образом. Предки нынешних максаров (еще в те времена, когда Тропа не втянула в себя этот клочок их мира) были великими естествоиспытателями, глубоко проникшими в тайны человеческого тела и человеческой психики. То, чем сейчас пользуются их постепенно дичающие пращуры, лишь отголосок древней мудрости. Огонь Прометея, ставший дымом Майданека. Голем, вырвавшийся на свободу.

Можно, конечно, горько сокрушаться по этому поводу, но лично для меня вывод однозначен — Страну Максаров преодолеть нельзя. Даже в нынешнем моем облике. Кролик, отправившийся на экскурсию по псарне, имеет больше шансов на успех, чем я. Значит, назад, к Стране Лета? О том, что меня там ждет, думать пока не хочется. Сначала надо отсюда выбраться».

Ни один максар не вошел бы в дом другого по доброй воле (кроме, конечно, того случая, когда с хозяином этого дома уже покончено), поэтому, если они вдруг и собирались на свои шабаши, то вне стен, в местах, где невозможно устроить ловушку.

Пегий конь-вепрь, до появления на свет Калеки-два считавшийся сильнейшим из телохранителей Стардаха, легко нес вперед своего угрюмого всадника, а за ними длинной лентой вилась свита: нелюди, бывшие когда-то людьми, и люди, сотворенные из всякой нечисти. Артема и Надежду разлучили — она шла рядом с отцом, в компании ближайших прислужников, а его толстой цепью приковали к носилкам, в которых четыре мрызла тащили Адракса вместе с его ярмом. Здесь же находился и Калека. Словно стараясь испытать все возможности нового тела, он то ковылял на своих щупальцах, то полз, извиваясь по-змеиному, то катился, сгруппировавшись в шар.

Адракс почти не изменился со времени их последней встречи, только одежда его окончательно обветшала и насквозь пропиталась характерным запахом тюрьмы, о котором Артем успел позабыть.

— Да ты жив, оказывается,— сказано это было так, что оставалось совершенно неясным, обрадовала ли эта новость старика или, наоборот, огорчила.

— На мертвеца вряд ли надели бы такие побрякушки.— Артем тряхнул цепями.

— После того, как нас разлучили, я ни на миг не терял контакта с тобой. Твоими глазами я видел Стардаха, внучку в новом ее обличье, эту тварь,— он махнул рукой в сторону Калеки.— Но едва только за тебя взялись всерьез, я утратил контроль над твоим сознанием. Мне почудилось, что ты умер.

— Твоя внучка позаботилась о том, чтобы впредь я был неподвластен воле максаров.

— Это я уже понял. Кстати, такой совет ей дал именно я. Но уж очень внезапно все случилось...

— Не напоминай мне об этом времени. Столько горя я за всю свою жизнь не натерпелся.

— Не зарекайся. Жизнь твоя не кончена. Все еще впереди.

— Типун тебе на язык! — Если бы не цепь, Артем больше и шагу не ступил бы рядом с Адраксом.

Пока они беседовали таким образом, старик глаз не спускал с Калеки, все время менявшего свою форму.

— Любопытное создание,— сказал он некоторое время спустя.— Значит, на сей раз мой сынок решил обойтись даже без костяка. Идея спорная. Она больше подходит к водной среде, чем к суше. Достаточно ли прочные у него мышцы?

— Более, чем достаточно,— успокоил его Артем.— Можешь не сомневаться.

— И на кого же мой сынок собирается натравить это чудо?

— Ты лучше у него сам спроси. Не у Стардаха, а у Калеки.

— У него не спросишь. Воля Стардаха цепко держит всех здесь присутствующих, кроме нас с тобой, да еще внучки. Без его согласия они и пикнуть не посмеют.

— Надежда говорила, что сознание Калеки сейчас подвержено внушению в гораздо большей степени, чем раньше. Ведь тело его способно превращаться и в блин и в веревку. Чтобы мозг своими размерами не препятствовал этому, Стардах разделил его на доли и рассеял по всему телу. Разобрал метлу на прутки.

— Пока над Калекой довлеет власть Стардаха, никто не сумеет проникнуть в его сознание. Могу дать вам один совет. Тебе даже в большей степени, чем внучке. Заставьте моего сынка хотя бы на несколько мгновений ослабить свою волю. Не знаю, как это сделать. Отвлеките его, отравите, оглушите в конце концов. И тогда я устрою так, что к Калеке вернется память. Память о тех временах, когда он был великим вождем гордого народа и смертельным врагом Стардаха.

— Хорошо. Память вернется к Калеке. А дальше?

— А дальше Стардаху придется туго. Прикончить его Калека, конечно, не прикончит, но бока намнет.

Отряд уже выбрался на голое, открытое всем ветрам плоскогорье. Здесь, на бесплодной каменистой земле, под куполом ярчайше-голубого неба уже разбили свои бивуаки все хозяева близлежащих цитаделей (кроме тех, кто на данный момент находился в осаде и тех, кто эту осаду проводил). Поскольку предстоящее сборище было затеяно по инициативе Стардаха, он явился последним. Сотни глаз, способных различить любое перышко у парящей

в зените птички, внимательно изучали его и всех прибывших с ним существ. Зловещее молчание висело в воздухе, буквально наэлектризованном опасностью. Один неосмотрительный жест, одно резкое слово могло в одно мгновение стронуть эту лавину взаимной ненависти.

Затем, словно повинуясь какому-то недоступному для чужого слуха приказу, максары выступили вперед. Топот ног, стук копыт, бряцание оружия, отрывистые слова команд, воинственные молитвы и грозное пение слились в нестройный гул, сразу разрядивший напряжение.

Здесь не было и двух, хотя бы отдаленно похожих друг на друга максаров. Если женщины еще кое-как сохраняли человеческий облик (в широком диапазоне от Елены Прекрасной до Бабы-Яги), то большинство мужчин напоминали порождения преисподней. Артем по рассказам Адракса уже знал, что каждый максар на протяжении жизни многократно меняет свою внешность, стремясь к некому недостижимому идеалу, мало соотносимому с человеческими канонами красоты. От монстров, составлявших свиту, они отличались разве что высокомерной осанкой, да еще своими знаменитыми клинками, в данный момент приведенными в боевую готовность.

— Давненько мы не виделись, соседи,— сказал Стардах, не утруждая себя долгими приветствиями.— Не надоело ли вам, словно трусливым крысам, сидеть по своим норам? Обычай требует, чтобы мы хоть иногда собирались вместе для совместных трапез и игрищ.

— На последних игрищах ты погубил моего родного брата! — сладчайшим голосом легендарной сирены пропела рыжеволосая женщина, очертания тела которой живо напоминали Артему изваяния пышногрудых красавиц-апсар, которыми он любовался некогда в индуистских храмах.— А ведь я уже приготовила для него зелье, превращающее кровь в камень. Сколько стараний зря потрачено!

— Насколько мне известно, даром твое зелье не пропало,— спокойно парировал Стардах.— Не им ли ты отравила моих слуг, следовавших через твои земли в Страну Жестянщиков?

— В следующий раз пусть выбирают другую дорогу. Мой дом не постоялый двор для всякой рвани,— заносчиво ответила красотка.

— Зелье и в самом деле замечательное,— подал писклявый голосок низкорослый максар, похожий на бескрылого, сплошь покрытого седой шерстью нетопыря. Он восседал на прекрасном снежно-белом жеребце, свирепый взгляд которого никак не соответствовал личине травоядного животного.— Твои слуги до сих пор стоят столбами посреди дороги, и даже стервятники отказываются клевать их.

— Пусть они останутся вам на память,— Стардах изобразил

на лице крайнюю степень великодушия.— Псы, берущие пищу из чужих рук, не заслуживают лучшей участи.

Беседа с каждой минутой оживлялась, однако ни один из максаров не сделал шага навстречу друг другу и не выпустил из рук оружия. Каждый из них находился как бы в центре пустого круга, радиусом примерно равного максимальной длине приведенного в боевое состояние клинка.

Прислужники подали своим хозяевам вино и пищу. Максары ели и пили только то, что привезли с собой (хотя и обменивались тостами типа: «За твою скорую кончину!», «Чтоб напиток в твоей чаше стал гноем!» и так далее). О том, что содержалось в кубках и чашах, Артем судить не мог, но еда была самого разного свойства, начиная от жалобно блеющих ягнят, которых перед тем, как сожрать, обдирали живьем, и кончая искусственными цветами из золотой фольги. Рыжеволосая сирена изящно обгладывала жареную ножку человеческого младенца, а седой нетопырь, отвратительно причмокивая, сосал кровь из яремной вены своего жеребца. Однако кое-кто, и в их числе Стардах, даже не притронулись к предложенной снеди.

— А это еще что такое? — один из максаров, расположившийся в дальней части площадки, отставил чашу в сторону и резко взмахнул клинком. Несколько горящих точек осталось висеть в воздухе.— Кто выпустил эту гадость? Твои проделки, Стардах?

— Ты должен знать, что подобной мелочью я не занимаюсь,— ответил Стардах.— Присмотрись к тем, кто обретается к тебе поближе, чем я.

— Это были мои мушки! — плаксиво заканючил сухопарый, еще сохранивший многие человеческие черты мальчишка-максар.— Зачем ты убил их, мешок с дерьмом? Они были почти безвредные. Я только попугать тебя хотел.

— Вот я тебя сейчас самого напугаю, звереныш!

— Напугай, дяденька, напугай.— Узкая мерцающая лента стремительно протянулась навстречу противнику.— Меня уже пугали. Сначала сестричка, потом братишка, а потом папочка. Рассказать, что с ними стало?

— Ну хватит! — крикнул огромного роста максар, голова которого напоминала замшелый камень, сплошь исполосованный трещинами. Понять, какая из этих трещин является ртом, а какая глазами, было совершенно невозможно.— Жрать и пьянствовать я могу и у себя дома. А здесь ваши постылые рожи портят мне аппетит. Мы собрались совсем не для этого. Чем ты хочешь развлечь нас, Стардах? Если какой-нибудь новой тварью, то я немедленно выставляю против нее свое собственное создание.

— Принимаю твой вызов, Карглак.— Стардах приложил ладонь левой руки к груди.— Но хочу предупредить, что мы собрались

здесь не только для этого. Главный сюрприз я приберег напоследок. Уверен, что он доставит вам всем истинное наслаждение.

— Ах! — капризно скривила губки рыжеволосая.— Какое наслаждение может сравниться с тем, которое я испытаю, вцепившись в твое горло.

— Когда-нибудь я предоставлю тебе такую возможность, трупоедка. Давно пора проверить, у кого из нас зубы поострее,— ласково ответил Стардах.

Максары уже расступились, освобождая место под ристалище. Из свиты Карглака выступило вперед двуногое существо, чем-то напоминавшее своего хозяина — такое же корявое, грубое, огромное. Ростом оно раза в два превосходило мрызла, зато не имело головы, а тем более шеи. Грудь его, подобно доспехам, прикрывали толстые костяные пластины, среди которых поблескивали два белых, как у вареной рыбы глаза, да сочилось слюной круглое безгубое отверстие. Могучие руки кулаками упирались в землю. Этой твари явно не хватало проворства, но нельзя же требовать проворства от гранитной скалы или крепостной башни.

Навстречу безголовому монстру медленно катился шар, размером не превышающий мяч для пушбола и на вид совсем мягкий. Великан осторожно ткнул его лапой и неуклюже отскочил, словно котенок, играющий с неизвестным ему насекомым. Внезапно шар, словно подброшенный катапультой, взлетел и, превратившись в воздухе в огромный звездообразный блин, почти целиком облепил тело противника. Раздался хруст, как будто мешок орехов попал под вальцы дорожного катка. Вверх на тонких вибрирующих щупальцах взметнулась осьминожья голова, а на земле между ними осталась лежать гора кровоточащего фарша, перемешанного с осколками костей. Седой нетопырь ловко, словно белка, перепрыгнул на плечи одного из своих слуг, а белый жеребец с места в карьер бросился на Калеку. Каменное плато дрогнуло под ударами его копыт. В высоком прыжке жеребец достал Калеку зубами, но этот выпад пришелся в пустоту — шар головы превратился в бублик, который незамедлительно сомкнулся на могучей крутой шее. Почти в то же мгновение щупальцы обвили ноги и грудь белого исполина. Жеребец с удивительной ловкостью совершил кувырок вперед и принялся как бешеный кататься по земле. Его туловище изгибалось так, что темя почти касалось крестца. Глаза жеребца вылезли из орбит, и лишь предельное напряжение мышц шеи не позволяло смертельной удавке затянуться до конца. Каким-то невероятным усилием он сумел всунуть копыто между своим горлом и телом осьминога, однако на большее уже не хватило сил. Сухо треснули позвонки, в последний раз клацнули зубы и взбрыкнули задние ноги. Тело Калеки чулком сползло с раздавленной шеи и вновь превратилось в шар.

Быстрота, с которой все это совершилось, ошеломила даже видавших виды максаров. Несколько чудищ, уже готовых было вступить в схватку, по знаку хозяев вернулись на прежние места (максаров беспокоила отнюдь не жалкая участь, ожидавшая их слуг, а лишь свой собственный престиж).

— На чем я вернусь назад?— вопил седой нетопырь, прыгая вокруг околевшего жеребца.— Кто отвезет меня домой?

— Дойдешь пешком, вонючий кровохлеб,— посоветовал Стардах.— Давно пора ссадить тебя на землю. И уйми свою глотку! Я хочу, чтобы меня слышали все здесь присутствующие... Эй! Есть ли еще желающие сразиться с моим новым прислужником?

— Его черед еще придет, точно так же, как и твой! — прогремел голос Карглака.— Не думай, что ты сумел запугать нас своим уродом. Это всего лишь кусок мяса, слепленный тобой из множества других кусков. Мой клинок в единый миг вернет его в прежнее состояние. Так что особо не заносись... Но ты, кажется, обещал какой-то сюрприз? Не испытывай наше терпение слишком долго.

— Тогда я попрошу вашего внимания! — Стардах вскинул над головой левую руку, а правой обнял за плечи Надежду. Тут же мрызлы подхватили носилки с Адраксом и, сквозь ряды расступившейся свиты, выволокли их на открытое место. Артем, как цепная собака бежал рядом.— Нет нужды представлять вам моего отца,— продолжал Стардах.— Он долго скитался по ближним и дальним странам, избегая встреч со мной, но недавно я все же уговорил его вернуться домой. Вместе с ним прибыла и моя дочь. Вот она, полюбуйтесь!

Впервые все без исключения максары проявили к происходящему неподдельный интерес. Даже седой нетопырь перестал поливать Стардаха бранью. Каждый посчитал за долг высказаться:

— Привет, Адракс, не забыл наши старые счеты?

— Да ты неплохо выглядишь, ублюдок!

— А кто же повесил тебе на шею это колечко, сынок или внучка?

— Похоже, недолго ему осталось топтать землю...

— Давно пора его удавить!

— А девчонка не такая уж и уродина, как это можно было ожидать.

— Совсем не уродина!

— Но, наверное, такая же падаль, как и ее папаша.

— Скоро все увидим.

— Кто-то в этой семейке явно лишний.

— Я рад, что вы так близко к сердцу принимаете мои личные дела.— Стардах знаком попросил тишины.— Я слегка покривил душой, представив этих двух максаров как своих гостей. Чтобы заполучить их, мне понадобилось приложить немало усилий. Сейчас оба они пленники, и я мог бы погубить каждого из них в отдельно-

сти. Спокойней, спокойней! Я чту закон и не собираюсь остаться без наследника... Вернее, соперника. Можете быть довольны, соседи. Более того, сегодня я решил проявить великодушие. Пусть эти двое сразятся между собой. Тот, кто победит, получит свободу, клинок максара и право претендовать на мои родовые владения.

— Ты привел клинок в негодность, мерзавец! — подал голос Адракс.

— Не я, а ты. Кто последним держал его в руках? Ты просто разучился обращаться с ним, старый трус. Максар, потерявший свое оружие, теряет и право на жизнь. Тебе давно пора умереть позорной смертью, а я еще продолжаю здесь с тобой няньчиться! Отвечай, ты согласен на поединок?

— А если я откажусь?

— Тогда я просто убью тебя. Без всяких церемоний. На глазах у всего этого сброда. Разрублю от макушки до седалища.

— Хорошо. Я согласен,— без тени волнения и даже как будто с улыбкой произнес старик.— Каковы же будут условия поединка? Надеюсь, эту штуку с меня снимут? — Он скосил глаза на каменное ярмо.

— Снимут, не беспокойся. А условия обычные. Вы будете сражаться как угодно и сколько угодно, пока один из вас не умрет и все мы не убедимся в этом. Каждый из вас волен привлечь на свою сторону любое количество сподвижников. Запрещается только одно — применять в схватке клинки.

— Тем более, что их у нас нет,— сквозь зубы процедила Надежда.

— Тем более... Сражайтесь кулаками, зубами, ногтями, камнями. Докажите свое право называться максарами. Схватка начнется по моему сигналу. А теперь можете звать себе подмогу...

Молотки вразнобой застучали по железному обручу, стягивающему каменное ярмо. Толпа слуг, явно повинуясь какому-то распоряжению, смешалась — одни устремились в первые ряды, другие, похватав посуду, ковры, подушки и всякий другой походный скарб, наоборот, отступили назад. На некоторое время Артем потерял из виду Надежду и Стардаха. Машинально подергивая цепь, он стоял, забытый всеми, у носилок, на которых, пыхтя от усердия, боролись с неподатливым железом не менее полдюжины мрызлов. Может статься, они были и неплохими воинами, но кузнецами — никудышными. Наконец лязг прекратился, и оба сегмента ярма вместе с обручем оттащили в сторонку. Артем обратил внимание, что их не бросили как попало, а аккуратно сложили половинку к половинке, как будто рассчитывали в скором времени вновь использовать.

Адракс, бесцеремонно растолкав мрызлов, встал. Артем попытался хотя бы на мгновение встретиться с ним взглядом, но старый максар даже не удосужился глянуть в его сторону. Словно разминая ноги, Адракс топтался на одном месте, и пространство вокруг него быстро пустело. У всех, кто стоял вблизи: воинов, носильщиков, поваров, танцовщиков и просто праздных зевак — появились вдруг какие-то неотложные заботы, и они, отводя глаза, быстро рассеялись. На другом конце очистившейся площадки остались стоять Стардах и Надежда.

— Пора бы уж и начинать! — крикнул кто-то из максаров.

— Пора бы уже и кончать! — Стардах нетерпеливо толкнул Надежду в спину.— Ну, выкликай себе подмогу.

Надежда по инерции сделала несколько шагов вперед и, остановившись, долгим взглядом обвела присутствующих. В ее наполненных мраком глазах было не больше эмоций, чем в поцелуе ангела смерти, но лицо выражало брезгливое презрение. Заговорила она очень внятно и медленно, делая после каждого слова паузу:

— Кто из вас желает в этой схватке принять мою сторону? Кто согласен сражаться до конца и, если понадобится, умереть за меня? Кто решится на это, не рассчитывая ни на почет, ни на награду? Если здесь есть такие, пусть подадут знак.

— Я согласен! — крикнул Артем прежде, чем умолкли звуки ее голоса.

— Других желающих нет?— мрачно усмехнулся Стардах.— Хорошо. Теперь твоя очередь, Адракс.

— Я унизил бы себя, бросив подобный клич,— ответил старик.— Мне слишком хорошо известна натура этих шкодливых псов, смелых только в своре своего хозяина. Терзать труп максара они еще могут, но по собственной воле сразиться с живым никогда не посмеют. Я всю жизнь бился с врагами в одиночку и на старости лет менять привычки не собираюсь.

— Тогда ничего не мешает вам начать схватку.

— Клинок! — Надежда не тронулась с места.

— Что — клинок?— переспросил Стардах.

— Я хочу видеть клинок, который достанется победителю. Вели своим прислужникам принести его и передать...— она на мгновение задумалась, а затем указала на Карглака,— ... передать ему. Пусть до окончания схватки клинок находится в руках этого достойнейшего из максаров. Ты согласен, любезный?

— Согласен.— Карглак был явно польщен. Оказывается, лесть могла растопить даже черное сердце максара.

— Мне нечего возразить,— Стардах кивнул.— Твоя просьба будет исполнена. А теперь начинайте и не забудьте, что согласно правилам каждый из здесь присутствующих может в любой момент ввязаться в схватку. Не используя клинок, конечно.

С Артема сняли цепь, и он, пройдя мимо Адракса, встал возле правого плеча Надежды. Никто, кажется, в том числе и она сама, не обратил на это особого внимания. Какая-то шавка прибежала на помощь хозяйке — ну и что с того?

Как всегда перед боем у Артема вспотели ладони и немного пересохло в горле. Однако ни страха, ни волнения он не ощущал — должно быть, Надежда не зря копалась в его мозгу. Сейчас он видел одного только Адракса, видел удивительно четко, во всех деталях, вплоть до биения пульса на шее. Все остальное как бы смазалось, на время перестав существовать. Глаза Артема превратились в чудодейственный прицел, способный не только фиксировать каждое движение врага, но и предугадывать его.

— Привет, внучка,— добродушно улыбнулся Адракс.— Как ты собираешься меня убить?

— Привет,— ответила Надежда.— Подскажи, где у тебя самое уязвимое место.

— В моем возрасте у человека все места уязвимые. Подходи и бей, куда тебе заблагорассудится.

— А сам ты не можешь подойти?

— Я думал, что в Стране Забвения приемные родители научили тебя уважать старших.

— Они-то научили, но родной папаша отучил.

Переговариваясь таким образом, они постепенно сближались. Артем ни на шаг не отставал от Надежды. Его сознание странным образом двоилось — в нем теперь жили как бы два разных существа, и если одно хладнокровно прикидывало, куда нанести первый удар, как увернуться от ответного и что делать потом, второе, замирая душой, заранее просило прощения у этого ничем ему не навредившего старика.

— Так что же нам делать?— спросила Надежда, когда они сошлись на расстояние вытянутой руки.

— Если ты спрашиваешь об этом, тебе еще далеко до настоящего максара,— ответил Адракс.— Постарайся убить меня. Я буду сопротивляться, но только для вида. Как бы ни повернулось дело, мне в любом случае грозит смерть. Стардах не выпустит меня из своих лап живым. У тебя же есть хоть какой-то шанс на спасение. Убей меня, но обещай отомстить.

— Обещаю.

Надежда сделала еще один шаг вперед и схватила старика за горло, а тот в свою очередь сомкнул свои клешни на ее шее. Некоторое время они стояли так, словно обнявшись. Артем видел, как белеют пальцы Надежды, все глубже вдавливаясь в грубую, как дубовая кора, кожу Адракса, как пухнет и наливается черной кровью лицо старика и как в его мутных бельмах начинает разгораться холодное пламя ненависти.

Внезапно Адракс смял Надежду, как соломенное чучело, и швырнул к своим ногам.

— Тебе и младенца не задавить, замухрышка! — прохрипел он.— Ползи прочь! Уж если я и приму от кого-то смерть, то только от противника, равного мне по силам.

Дальнейшие события разворачивались уже совсем в другом темпе.

Едва только Надежда, издав приглушенный стон, рухнула, Артема подхватила некая неведомая, похожая на ураган сила (правда, ураган этот родился не вне, а внутри его тела) и швырнула на ее обидчика. Возможно, Адракс и устоял бы под напором этой живой торпеды, но поверженная Надежда лишила его свободы маневра, крепко ухватив за щиколотки. Все трое, сплетясь, покатились по земле.

— Вот как ты, значит, только для вида сопротивляешься! — Надежда изо всех сил колотила Адракса.— Подлый лгун!

— Сама виновата! — сипел тот, подбираясь к ее горлу.— Не смогла сразу убить, теперь пеняй на себя!

Дикая, уже более не контролируемая разумом натура максаров не допускала в схватке ни благородства, ни милосердия. Ни одно живое существо не устояло бы долго под градом таких ударов, однако ни Адракс, ни Надежда не отступали. Они то валились в пыль, грызя и кусая друг друга, то снова вскакивали на ноги. Артем, весь измочаленный, как говяжий антрекот, раз за разом кидался в драку, стараясь хоть чем-то помочь Надежде, однако после очередной сокрушительной оплеухи снова оказывался в нокдауне.

Был момент, когда казалось, что Адракс больше не поднимется (уж очень натурально закатил он остекленевшие глаза и пустил ртом фонтан кровавой пены), но это оказалось всего лишь уловкой, на которую и попалась неискушенная в таких делах Надежда. Стоило ей только слегка замешкаться, склонившись над якобы умирающим стариком, как тот ужом вывернулся из ее рук, оказался за спиной и сгибом локтя крепко-накрепко прихватил шею.

Как ни извивалась, как ни дергалась Надежда, а положение ее с каждой секундой становилось все безнадежнее. Человек, попавший в такой захват, может терпеть удушье от силы пару минут, максар, наверное, в несколько раз дольше. Однако это обстоятельство не меняло сути дела. Адраксу спешить было некуда. Повиснув всей тяжестью тела на Надежде, он заставил ее присесть и сейчас хладнокровно сворачивал шейные позвонки. Едва очухавшийся Артем грыз, царапал и молотил Адракса, однако тот обращал на него внимания не больше, чем на назойливую муху.

Убедившись в тщетности всех своих попыток, Артем кинулся к толпе слуг, намереваясь отыскать хоть какое-нибудь оружие (в запале борьбы он как-то упустил из вида то обстоятельство, что

максарам нет разницы, чем в них тыкают — копьем, мечом или пальцем. Существовало только одно средство, способное уничтожить этих выродков, однако для Артема оно, увы, было недоступно). Здесь он столкнулся с Калекой, созерцавшим схватку своим единственным оком. Степень его внимания обычно характеризовалась тем, насколько широко раскрыты костяные веки. Сейчас Калека был похож на голодного неоперившегося птенца, жадно разинувшего клюв. (Правда, птенца довольно крупного.) Это было единственное, хоть как-то знакомое Артему существо.

— Помоги! — взмолился он.— Спаси ее! Вспомни, как мы шли через Страну Черепах! Вспомни, как сражались с мрызлами! Спаси ее, умоляю тебя!

Шарообразное тело шевельнулось, из него выползло одинокое щупальце и вновь осторожно похлопало Артема по плечу. Дескать, не волнуйся дружок, все в порядке.

— Если ты не вмешаешься, Адракс сейчас убьет ее! — Артем интуитивно изменил тактику.— Ты помнишь Адракса? Он был твоим врагом! Это он похитил у тебя клинок! Из-за Адракса тебя наказали таким обликом! Если сейчас мы не одолеем его, рано или поздно он доберется и до тебя!

Шар превратился в гриб, ножка которого стремительно подросла, а затем распалась на восемь змеевидных отростков, каждый из которых был способен удавить буйвола. Тело Калеки тряслось, щупальцы в ярости хлестали по сторонам, однако он, словно пригвожденный, не трогался с места. Клюв-веко было по-прежнему широко раскрыто, однако взгляд косил куда-то в сторону.

Нетрудно было догадаться, на кого именно направлен сейчас этот просяще-заискивающий взгляд.

Артем оглянулся. Адракс сидел, упираясь в землю подошвами широко расставленных ног. Голова Надежды была намертво зажата у него под мышкой. Руки ее безвольно раскинулись, и лишь ноги еще продолжали сучить по песку.

Реальную ценность сейчас имела только ее жизнь, все же остальное: гордость, страх, стыд, самолюбие — ничего не стоили. Артем, едва переступая на подламывающихся ногах, из последних сил устремился к Стардаху, единственному здесь, чье слово имело силу закона и без дозволения которого ни одно существо из свиты даже шага ступить не посмело бы.

Стардах, держа клинок (выглядевший сейчас как обыкновенное холодное оружие) лезвием вверх, стоял чуть впереди своих прислужников и наблюдал исподлобья, как его отец убивает его дочь. Исход поединка, судя по всему, не совсем устраивал его.

Заметив, что к нему кто-то приближается, Стардах чуть качнул клинком, и сверкающая сталь превратилась в устремленную к небу мерцающую бесплотную тень. Вот-вот должно было последовать

еще одно легкое стремительное движение — по широкой дуге сверху вниз — но, опережая его, опережая свою смерть, Артем, упав на колени, подполз к стопам властелина.

— Спаси ее! — жалко и униженно скулил он.— Не дай ей погибнуть! Позволь Калеке вмещаться! Умоляю, спаси ее!

— Замолчи! Не смей и дышать на меня. Ты даже не пес. Пес почтет честью умереть за хозяина. Ты ничтожный червь. Я разочарован в тебе.

Стардах брезгливо отпихнул его ногой и, едва заметно, повел взглядом в сторону Калеки.

Заслышав, как взвыли и охнули максары, Артем перевернулся на спину. На том самом месте, где только что находились Надежда и Адракс, крутился вихрь пыли, в котором ничего нельзя было разобрать кроме бешеного мелькания щупалец, рук и ног. Затем этот вихрь распался на три части. Калека снова выглядел как гриб, но гриб изрядно помятый. Адракс стоял как вкопанный, хотя местоположение его правого локтя никак не соответствовало анатомическим свойствам верхней конечности. Надежда, уронив голову на плечо, с трудом отползала в сторону.

— Наконец-то мне досталось хоть что-то стоящее,— сквозь зубы процедил Адракс.— Есть с кем силой померяться. Спасибо тебе за это, сынок. Вот только как справиться с этой бестией? Задушить ее нельзя, глотки нет. Придется разорвать на части.

— Зато у тебя есть глотка,— раздался скрипучий голос Стардаха,— и ей давно пора заткнуться навеки.

Словно повинуясь его словам, сразу два щупальца захлестнулись на шее Адракса. Левой рукой он отодрал одно, наступил на него ногой и принялся отдирать другое. Шляпка гриба осела на землю, обернулась шаром и подкатилась вплотную к старику. В единый миг он стал похож на Лаокоона, опутанного морскими змеями. Однако, как ни старался Калека, ему не удалось приподнять Адракса, зато тот умудрился здоровой рукой ухватить врага за клювообразное веко.

— Сейчас я выдерну твой поганый глаз,— тяжело дыша, бормотал Адракс.— Сейчас, сейчас...

Вокруг его запястья обвилось щупальце, а сверху легло еще несколько. Артем даже содрогнулся, представив, какая сила выламывает сейчас лучевую кость старика. Затем над затихшим ристалищем разнесся треск — долгий и натужный, как будто бы это обломалось подпиленное у комля дерево. Теперь обе руки Адракса повисли, и уже ничего не мешало щупальцам Калеки терзать его тело.

— Прекрати! — крикнул в ответ Стардах. Затем он указал на Надежду.— Поднимите ее! — Когда два мрызла исполнили приказ, он продолжал: — Я дозволяю тебе, дочь моя, добить этого пустобреха. Надеюсь, на этот раз ты справишься.

Не поднимая глаз, Надежда отрицательно помотала головой.

— Как?— деланно удивился Стардах.— Неужели зрение обманывает меня? Ты отказываешься отомстить своему обидчику? Не желаешь повиноваться мне? Забыла, что я ничего не повторяю дважды?

— Не спорь с ним,— устало сказал Адракс.— Прикончи меня. Пусть уж лучше это сделает максар, чем какая-нибудь одноглазая гадина.— Внезапно голос его окреп: — Я проиграл и скоро умру! Но не это для меня самое страшное! Самое страшное, что я умираю неотомщенным!

Взгляд старика встретился со взглядом Артема и через десятки метров пронзил его душу.

Схватка закончилась. Адракс был уже почти трупом. Надежда уцелела. Но на ее голову в любой момент мог опуститься не ведающий жалости клинок. Кругом по-прежнему были враги. Ничего не изменилось. Артем вспомнил свой последний разговор с Адраксом. «Заставь моего сынка хотя бы на несколько мгновений ослабить свою волю... Я устрою так, что к Калеке вернется память...»

Их взгляды встретились вновь, и Артем физически воспринял всю боль и ненависть, сжигавшую Адракса.

«Сделай это,— молили глаза старика.— Ведь вам все равно нечего терять. Из Надежды Стардах сделает гения уничтожения, а тебя сотрет в порошок. Рискни! Другого такого шанса уже не будет».

Артем валялся у самых ног Стардаха, который, похоже, окончательно поставил на нем крест. Такая позиция имела свои плюсы и минусы: до врага рукой подать, зато нельзя набрать разгон для хорошего удара.

«Он назвал меня червем,— вспомнил Артем.— Ну что же, пусть будет так. Не было еще на свете героя, который в конце концов не достался бы на поживу червям».

То, что он должен был сейчас сделать, выглядело до смешного просто. Нужно встать, перехватить кисть руки, сжимающей клинок, и рывком отклонить ее назад, к груди Стардаха. Достаточно будет даже одного легкого касания лезвием, чтобы надолго вывести максара из строя.

«Действительно, все очень просто,— подумал Артем.— Проще только умереть. Прежде, чем я встану, Стардах успеет десять раз зарубить меня».

— Я жду! — взревал над ним разъяренный максар.— Делай, как тебе сказано! Иначе я отсеку тебе башку! Это единственное, что меня в тебе интересует. Только башка! Глаза и мозг! Все остальное приложится!

— Не достанется тебе мой мозг,— мучительно сглатывая, прошептала Надежда.— Не достанется... Об этом я позабочусь.

Тянуть дальше было нельзя. Первую фазу движения Артем начал медленно и расслабленно, словно человек, целиком смирившийся со своей судьбой, зато дальше действовал со стремительностью разогнувшегося лука. Все произошло буквально за доли секунды — резкий рывок тела вверх (такой резкий, что кости едва не вылетели из суставов), твердый, холодный на ощупь кулак Стардаха и еще более холодная сталь гарды, на которой в железный замок сомкнулись пальцы Артема, жуткие глаза максара, в которых еще не родилось понимание происходящего, завораживающее мерцание смерти, узкой лентой истекающей из эфеса, хруст своих собственных мышц, едва не лопающихся от неимоверного, но плодотворного усилия, обильные брызги чужой, горячей крови...

Первая часть плана была выполнена. Оставалось надеяться, что Адракс не менее успешно выполнит вторую.

А пока Артему приходилось отмахиваться от наседающих мрызлов. Вокруг раненого Стардаха сомкнулись самые могучие и верные телохранители, и среди них конь-вепрь Агбалар. Впрочем, передышка (назвать мрызлов серьезными противниками язык не поворачивался) длилась недолго. Толпа слуг рассеялась, словно куча листьев, сметенных шквальным ветром, и Артем вновь увидел Стардаха. Его и без того бледное лицо сейчас казалось обсыпанным мукой. Левая рука зажимала глубокую рану под ключицей, из которой все еще продолжала струиться кровь, правая держала на отлете готовый к бою клинок.

Их разделяло метров семь-восемь, не более. Жить Артему оставалось считанные мгновения. Именно этих мгновений хватило ему, (рефлексы сработали быстрее, чем сознание), чтобы в три прыжка преодолеть расстояние, отделяющее его от Агбалара, по пути увернуться от разящих клыков и вцепиться в жесткую густую щетину на крутом загривке. Мерцающая дуга, сшибая с мрызлов головы, метнулась ему вслед, однако в последующий момент миновала скакуна, который крутился волчком, стараясь сбросить Артема. Тот только на это и рассчитывал. Уж если Стардах и мог кого-нибудь пощадить, то единственно Агбалара.

Впрочем, одну весьма существенную деталь Артем все же упустил из вида. Истинный максар никогда не прощает обидчика, и тут для него не существует ни преград, ни привязанностей, ни непомерной цены. Уже видя, что Калека, раскинув щупальцы, идет на него (и прекрасно понимая своим изощренным в подлости умом, почему и зачем тот идет сюда, оставив Адракса в живых), Стардах хладнокровно разрубил своего скакуна пополам. Клинок чудом не задел Артема, однако огромная агонизирующая туша надежно припечатала к земле. Следующий удар, без сомнения, должен был стать для Артема последним.

Однако Калека (уже совсем другой Калека, внезапно осознавший, кем он был раньше и во что превратился сейчас, до мельчайших деталей вспомнивший всю свою жизнь, все сражения с максарами, все бесплодные победы и все сокрушительные поражения, гибель своего народа, страшную участь уцелевших и свои собственные муки; Калека опознавший, наконец, самого ненавистного своего врага) упредил этот удар.

Вытянувшееся на десяток метров щупальце хлестнуло максара прямо по кровоточащей ране. Впервые из уст Стардаха вырвался звук, доказывающий, что и он тоже способен ощущать боль. Перехватив клинок левой рукой, он нанес рассекающий удар по горизонтали, но Калека успел тонким блином распластаться по земле. Прозрачное лезвие, взметнув столб пыли, упало вниз — упругий шар метнулся в сторону. Стремительный колющий выпад в буквальном смысле пришелся в дырку от бублика, а попытка перерубить этот бублик привела к тому, что тот, пропуская клинок, превратился в полумесяц. Зато единственный точный удар Калеки вновь вызвал сдавленный стон. Вся одежда Стардаха уже была пропитана кровью.

— Ну что, ликуешь, подлая тварь?! — прохрипел он.— Видишь, каким ловким и сильным я тебя сделал! А какова благодарность? Не мельтеши. Подойди ближе. Раньше ты не был таким трусом!

— Берегись! — крикнул Адракс, так до сих пор и не сдвинувшийся с места.— Не дай ему тебя заговорить.

С быстротой, удивительной для тяжелораненного, Стардах бросился в атаку. Клинок бешено метался у него в руках, сокрушая все, что попадалось на пути. Но Калека, мгновенно меняя облик, всякий раз оказывался вне зоны его досягаемости.

— Да тут целый заговор! — Стардах остановился.— Снюхались за моей спиной. Одурачить захотели. Не иначе как ты здесь главный зачинщик?— Клинок застыл над головой Адракса.

— А кто же еще?— ухмыльнулся старик.— Руби, чего ты тянешь. Сейчас я уверен, что буду отомщен, и поэтому умираю покойно.

— Так тому и быть! — мерцающий луч опустился на плечо Адракса и медленно-медленно двинулся через грудь к брюшине. Смотреть на это было невыносимо.

— Ну и каково тебе сейчас?— участливо поинтересовался Стардах, словно ставил отцу примочки, а не хладнокровно резал его на части.

— Стенаний ты от меня не дождешься,— глаза старика закатывались, а изо рта при каждом слове-толчками извергалась кровь,— такой радости напоследок я тебе не доставлю. Ты переживешь меня ненадолго и умрешь позорной, недостойной смертью. Еще живой

ты обратишься в гной и навоз, сквозь который прорастут отравленные травы. У тебя будет внук. Именно он разрушит все цитадели в этой стране, и от его клинка погибнет последний максар... А теперь послушай меня, человек из неведомых краев,— все его израненное тело дернулось в сторону Артема.— Во что бы то ни стало продолжай свой путь. От этого зависит жизнь и смерть твоих покровителей. Однажды ты уже почти стоял у заветных дверей. Ты найдешь их, если...

— Да замолчишь ты когда-нибудь! — выкрикнул Стардах, и его рука дернулась.

Клинок рванулся вверх к кадыку Адракса, превратив его последние слова в неразборчивый хрип: «... укажет... брат... будьте вы... прокляты...» Голова, продолжая немо разевать рот, покатилась в сторону Артема, который, пользуясь всей этой заварухой, успел оттащить Надежду на безопасное расстояние. В воздухе, как бичи снова засвистели щупальца Калеки. Стардах, выставив перед собой клинок, медленно отходил назад.

— Идите прочь! — бормотал он словно в бреду.— Придет время, и мы сочтемся за все. За мою кровь, за кровь Агбалара, за вашу измену, за моего будущего внука, за погибель максаров... Идите прочь, или рискните сунуться ко мне поближе...

— Надо бежать, пока он не опомнился,— сказала Надежда.— С клинком в руках он по-прежнему неуязвим для нас. Пойдем! Сейчас я прикажу Калеке отступить. Вся борьба еще впереди...

Представление закончилось, но толпа благодарных зрителей и не думала расходиться (а тем более отпускать со сцены уцелевших актеров). Наступившее затишье вполне могло стать прелюдией нового акта драмы, правда, разыгранного уже другим, расширенным составом исполнителей. Мнение максаров — если не общее, то главенствующее — сформулировала рыжая сирена:

— Дедушку прикончили. Внучку обидели. Папочка, бедный, ранен. Страдает. Может и его... как дедушку? Чтобы не мучился.

— Тогда уж заодно и внучку! — взвизгнул седой нетопырь.— Всю семейку подчистую свести! А добро их мне причитается. В возмещение ущерба.— Как бы в доказательство своих слов, он подергал за хвост мертвого жеребца.

Одновременно — но, впрочем, по разному поводу — возмутились сразу двое.

— Чем тебе внучка помешала, кровопийца? Я ее лучше к себе в наложницы возьму,— заявил молодой максар, хозяин ядовитых мух.

— Почему это ты, трухлявый пень, на чужое добро заришься? — хищно сощурилась рыжая.— Уж если оно кому и должно достаться,

так только мне. Я этой семейке хоть и дальняя родственница, но среди вас самая ближняя.

Тут же нашлось еще немало претендентов и на внучку, и на добро Стардаха, и даже на его клинок. Карглак, пытаясь установить хоть какой-то порядок, едва не надорвал свою луженую глотку.

— Да тише вы, горлопаны! — ревел он.— Послушайте меня! Не рано ли вы взялись делить добро Стардаха? Он хоть и ранен, но на ногах стоит твердо и клинок из рук не выпускает. Если сейчас начнется свара, прольется немало нашей крови. Вот уж обрадуются жестянщики! А ведь они все время что-то замышляют против нас. Бейте и режьте друг друга на доброе здоровье. Никто вам это не запрещает. Но помните, что ни один род не должен пресечься, точно так же, как не должно уменьшиться количество бойцов, владеющих клинками. Все вы слышали последние слова этого шелудивого пса Адракса. Он проклял нас и предсказал максарам скорую гибель. Не следует, конечно, придавать значение его пустопорожней болтовне, но это пророчество может сбыться, стоит только нам начать распрю из-за наследства Стардаха. Поэтому, давайте расходиться. Хватит на этот раз. Погуляли.

Живое кольцо, окружавшее ристалище, стало медленно и неохотно распадаться на отдельные отряды, над каждым из которых, словно боевые хоругви, продолжали мерцать лезвия клинков. Большинство из максаров понимало справедливость слов Карглака, но уйти просто так с этого залитого кровью поля для них было то же самое, что пьянице покинуть пирушку в самый разгар веселья. Жажда насилия, пробудившаяся в их душах, требовала немедленного удовлетворения, и некоторые отряды уже пристраивались в хвост другим, чтобы где-нибудь в пути, выбрав укромное местечко, вдоволь насладиться музыкой боя и плясками смерти.

Стараясь держаться как можно увереннее, Надежда, сопровождаемая Артемом и Калекой, приблизилась к Карглаку.

— Приношу благодарность за то, что ты согласился принять на хранение мой клинок,— сказала она ему как равная равному.— Теперь можешь вернуть его мне.

— Клинок действительно сломан,— буркнул Карглак.— Какая тебе от него польза?

— Разве ты забыл, что это не только оружие, но и знак принадлежности к роду максаров?

— Хм! — Складки и бугры на каменной роже Карглака зашевелились.— А ведь ты задала мне трудную задачу. Отпустив тебя, я совершу доброе дело, а это против моих правил. Убив тебя, я окажу услугу Стардаху, что претит мне еще больше. Как же быть?

— Решай сам,— спокойно ответила Надежда.— Убив меня, ты совершишь мелкое зло, какое вскоре и забудется. Зато отпустив

меня, ты отпустишь на волю ветер, который, набрав силу, вернется, чтобы обрушиться на цитадель Стардаха. Разве максары считают зазорным для себя посылать смерть и разрушение на головы соседей?

— Хитро ты говоришь, сестрица,— проскрежетал Карглак.— Бери свой клинок. Им вполне можно освежевать барана или вскрыть устрицу. Можешь идти. И запомни: на твою принадлежность к роду максаров указывают не побрякушки, сделанные чужими руками, а славные дела. Прощай... Хотя нет, вернись. Что там такое болтал Адракс, о внуке Стардаха? Разве ты ждешь ребенка?

— Конечно же, нет. Адракс последнее время думал только о возмездии. Для него это стало навязчивой идеей. Он взрастил меня для отмщения Стардаху, хотя, наверное, ненавидел меня ничуть не меньше, чем его. План его состоял в том, чтобы после гибели Стардаха — а я с ним обязательно расправлюсь, можешь быть уверен — гнев максаров обрушился на меня. Вот для этого он и объявил, что мой сын станет врагом собственного народа. Представляешь, какая заваруха начнется, стоит мне только зачать ребенка? Я не раз говорила, что такие, как Адракс, опасны даже в могиле.

— Трепать языком ты умеешь...— задумчиво произнес Карглак.— Тебе трудно что-нибудь возразить. А ведь слухи о грядущем пришествии Губителя Максаров уже давно бродят в соседних землях... Время покажет, правильно ли я поступил, отпустив тебя живой. А теперь ступай. Счастливого пути я тебе не пожелаю.

Не выбирая дороги, они устремились прочь — лишь бы только поскорее уйти подальше от этого места, пока не очухался Стардах, пока не передумал Карглак, пока еще кто-нибудь из максаров не положил на них свой завидущий глаз. Причем спешить было нельзя, дабы не привлекать к себе нежелательного внимания.

По плоскогорью во все стороны тянулись возвращающиеся домой отряды, и длинные шлейфы пыли обозначали их путь, а в неглубоких каньонах, оставленных некогда блуждавшими здесь водными потоками, где уже рубили, душили и рвали друг друга на части слуги наиболее рьяных максаров, пыль стояла столбом. Праздник удался на славу.

Надежда и Артем шагали впереди. Калека — уже не шар, а толстая сосиска — полз сзади, тщательно затирая следы своих двуногих спутников. Небо замутилось легкой дымкой, а затем по нему чередой поползли иссиня-черные, как уголь, тучи, уже освободившиеся от дождевой влаги. Немного посвежело. Впрочем, как уже успел убедиться Артем, жара и холод доставляли ему сейчас гораздо меньше неудобств, чем раньше. Калека и Надежда, судя по

всему, были подвержены влиянию климатических условий еще в меньшей степени.

Когда бранный шум позади, наконец, умолк, а с горизонта исчезли столбы и шлейфы пыли, они позволили себе устроить первый привал.

Вопрос о том, куда следует идти, даже не обсуждался. И Артем, и Надежда знали, что клинок могут починить только его создатели — жестянщики. Зато совершенно неясным было, что это за народ и где именно находится его страна.

— Как зовут ту рыжую красавицу, которая назвалась вашей дальней родственницей?— спросил Артем.

— Генобра.— Надежда презрительно скривилась.— Что — понравилась она тебе?

— Нет, совсем наоборот. Но именно через ее земли лежит дорога в Страну Жестянщиков. Где-то на этой дороге еще стоят окаменевшие слуги Стардаха. Для нас они будут хорошим ориентиром.

— Как бы тебе самому не стать таким ориентиром. Тварей, подобных Генобре, мало даже среди максаров. Ее любимейшее занятие — составление ядов. Уж тут-то ей равных нет.

— Ну и пусть себе составляет,— примирительно сказал Артем.— Чем не займешься от скуки...

— Как ты не поймешь, она ведь не букеты составляет, а яды. Их же испытывать на ком-то надо. Гостей там встречают с распростертыми объятиями.

— Яд не клинок. Он сам тебя по голове не трахнет. Ничего не ешь, ничего не пей, ни к чему не прикасайся, и никакая Генобра не будет тебе страшна.

— Не ты один такой умник. Кто такая Генобра, давно всем известно. И, тем не менее, она всегда действует без промаха. Родную сестрицу сумела отравить. А та, говорят, даже одним воздухом с ней остерегалась дышать.

— Что ты тогда предлагаешь? Местности этой мы не знаем, карты не имеем, спросить дорогу не у кого. Куда же идти?

— Я не отговариваю тебя идти через земли Генобры. Я только предупреждаю, насколько это может быть опасно... Особенно для самцов.

— Не называй меня самцом. Если ты почему-либо хочешь подчеркнуть мой пол, говори: мужчина.

— Генобре безразлично, кто ты — мужчина, бык, жеребец или мрызл.

— Не понимаю, о чем ты больше печешься — о нашей безопасности или о моей невинности.

— Потом поймешь... Пошли.

— Ах, значит, направление тебе все же известно!

— Думаю, что да. Я ведь еще не разучилась предчувствовать опасность. А наиболее опасное направление — вот это,— она указала ладонью вслед уходящим тучам.— Значит, там земли Генобры. А за ними граница, возле которой нас, возможно, будут поджидать слуги Стардаха.

— Ты считаешь, что ему известны наши планы?

— Тут и гадать нечего. Куда же нам еще деваться с поломанным клинком? А кроме того, Стардах всегда может проследить путь вот этого колобка.— Надежда кивнула на Калеку, чье бесформенное тело трепетало и дергалось, словно наполненный горячим воздухом монгольфьер.— Сейчас в его сознании творится такое, что ни мне, ни папочке туда не проникнуть. Это то же самое, что сунуть руку в огонь. Представляешь, сколько воспоминаний сразу обрушилось на него, да еще каких воспоминаний! Жаль только, что отзвуки этой душевной бури разносятся чересчур далеко.

— А успокоить его нельзя?

— Нельзя, да в этом и нет нужды. Пусть перегорит.

— Стардах больше не сможет подчинить его своей воле?

— После всего, что случилось?.. Вряд ли. Манипуляции на открытом мозге я в расчет не беру. Для этого Калеку надо сначала вернуть в цитадель.

Строго соблюдая прежний порядок движения, они снова тронулись в дорогу — и путеводной нитью теперь им служила постепенно нарастающая степень опасности, категория для Артема совершенно недоступная, но для Надежды такая же реальная, как свет маяка или звон колокола.

Они избегали дорог, а тем более цитаделей, торчавших тут и там на вершинах самых неприступных скал. Сторожевые посты и пешие дозоры встречались не так уж редко, но никто не смел приблизиться к женщине-максару, у бедра которой покачивался смертоносный клинок (слух о том, что это обыкновенный кусок металла, скорее всего, еще не успел широко распространиться).

Владения прекрасной Генобры были уже где-то совсем рядом, и путники сделали все возможное, чтобы хоть как-то изменить свой облик. Надежда спрятала клинок в складках плаща и обмотала голову платком, так что осталась только узкая щелка для глаз. Артем вывернул наизнанку одежду и натер лицо жирной черной грязью. Калека оттянулся несколько назад, дабы чей-нибудь случайный взгляд не мог связать его с шагающей впереди парочкой.

В широкой, неизвестного происхождения котловине, путники нос к носу столкнулись с двумя здоровенными тварями, облик которых для краткости можно было охарактеризовать так: боевые рогатые жабы (квадратные сплюснутые туловища, головы без вся-

кого намека на шею, выпуклые глаза с узкими горизонтальными зрачками, могучие, идеально приспособленные для прыжков задние лапы, огромные рты, способные целиком заглотнуть овцу, пепельно-серая с бурыми разводами камуфляжная окраска; кожа, сплошь покрытая бородавками; само собой — рога, не менее опасные, чем клыки безвременно почившего Агбалара).

Жабы, воровато озираясь, доедали кого-то чрезвычайно длинного и костлявого. Появление незванных гостей, вполне возможно претендовавших на часть их добычи, поначалу неприятно удивило рогатых уродов. Однако их настроение быстро изменилось — пара хрупких на вид двуногих существ и медленно катящийся вслед за ними объемистый мешок выглядели достаточно безобидно и, вполне возможно, могли представлять гастрономический интерес. Пока одна из жаб, угрожающе шипя, трясла рогами, другая, совершив молниеносный прыжок, очутилась в тылу у путников. Наружу показался и заерзал туда-сюда длинный тонкий язык. Сие, очевидно, означало: «Сейчас мы вас будем кушать».

Дальнейшая судьба смелых жаб сложилась по-разному. Любительница попрыгать, облаеканная щупальцами Калеки, умерла быстро и, скорее всего, легко, хотя с чисто лягушечьим энтузиазмом еще продолжала какое-то время дрыгать лапами. Ее напарница, проявив завидную сообразительность, резво бросилась наутек, при каждом прыжке взлетая на три-четыре метра. Камень, брошенный ей вслед Артемом, срикошетил об основание рогов.

Все это выглядело бы достаточно комично, если бы только не дальнейшее странное поведение Калеки. Взгромоздившись на поверженную жабу, он блином распластался на ней, давя и переламывая все еще трепещущее тело.

— Отвернись,— сказала Надежда Артему.— Не стоит смотреть на это. У Калеки нет рта, и ему приходится питаться прямо через кожу. Зрелище неприятное, но он в этом не виноват. Таким его сделал Стардах.

Не прошло и получаса, как от жабьей туши остались только рога, да измочаленная шкура. Затем Калека, снова обратившийся в шар, заполз в какую-то колдобину, полную мутной, стоячей воды — не то утолял жажду, не то умывался. Надежда ногой перевернула шкуру и указала Артему на уже заросшее черными бородавками клеймо — двуглавая змея, заключенная в шестиугольник.

— Это знак Генобры,— сказала она.— Значит, мы уже достигли владений моей пятиюродной сестрички, или чем там она еще мне приходится.

— Если она так же труслива, как и ее слуги...— начал было Артем, но Надежда прервала его.

— Слуги ее не трусливы. Слуги ее исполнительны. Ты и до тысячи досчитать не успеешь, как она узнает о нашем появлении.

Светлая короткая ночь пронеслась так же стремительно и бесследно, как до этого — кавалькада облаков.

Сияние неба слегка угасло, нежные сумерки затушевали горизонт, ветер, еще недавно гонявший горячую пыль, утих — но длилось это так недолго! Сейчас беглецам нужна была совсем другая ночь, долгая и темная.

Они шли без остановки до тех пор, пока не наткнулись на уже знакомую им жабу (о том, что это именно та, свидетельствовала глубокая ссадина между рогами). Она издыхала, вся покрытая клочьями пены, как загнанный конь. След, уходивший от этого места вдаль, свидетельствовал, что жаба успела передать свое сообщение дальше по эстафете.

— Теперь уже бессмысленно таиться. Пойдем лучше по дороге.— Надежда указала на пересекавшую равнину полосу спекшейся грязи, вплоть до очередного дождя запечатлевшую оттиски ног, лап и копыт самой различной конфигурации.

Спустя некоторое время они достигли ориентира, о котором упоминал Артем. Шесть фигур, уже не поймешь чьих — людей или мрызлов — цепочкой стояли вдоль обочины дороги. Мягкие ткани их тел по большей части истлели, а все остальное представляло собой костяк, сплошь опутанный замысловатыми кружевами вен, артерий и капилляров, обратившихся в прочную, хотя и ломкую проволоку. В глубине этой густо переплетенной сети проглядывали кроветворные органы. Было видно, что смерть наступила мгновенно — один из несчастных только еще начал шаг, другой не закончил его, третий поднес к лицу руку (уже беспалую), четвертый обернулся назад. Вертикальное положение все шестеро сохранили только благодаря тому, что их ступни были прибиты к земле обломками копий, на древках которых еще виднелись эмблемы Стардаха.

— Негоже им стоять здесь у всех на виду,— сказал Артем.— Одолжи мне на время твой клинок.

Он в пыль размолотил стоявшие торчком трупы и пустил эту пыль по ветру.

— Ну, кажется, начинается,— сказала Надежда.— Приготовьтесь к неприятностям.

Впереди на дороге что-то стояло. Скоро стало ясно, что это изящные закрытые носилки, выполненные в виде дракона, широко разинувшего пасть и грациозно изогнувшего хвост. Узкая ладонь приподняла занавеску, и навстречу путникам блеснула обворожительнейшая из улыбок, когда-либо виденных Артемом.

— Привет, сестричка, тебе и твоим приятелям,— проворковала Генобра.— А я уже давно вас поджидаю. Не желая понапрасну

тревожить ваши нежные души, я отослала прочь всех своих слуг. Даже мой клинок остался в цитадели.

Толкнув резную дверцу, Генобра выпорхнула на дорогу. Одета она была как для бала фей, и клинка при ней действительно не было.

— Оставайся на месте,— шепнула Надежда Артему.— Ближе не подходи. Я чую опасность...

— Что ты там такое сказала, сестричка?— Генобра умильно прижмурилась.— Может, тебя не устраивает столь скромная встреча? Так в чем же тогда дело? Приглашаю вас всех к себе домой. Пиршественный стол уже накрыт, а пол в трапезной усыпан лепестками цветов.

— А чем усыпана грязь на этой дороге?— Голос Надежды зазвенел.— Интересно, какую гнусность ты замышляешь на сей раз?

Тут только Артем заметил, что почва на многие десятки метров вокруг действительно покрыта тонким слоем мельчайшей кремовой пыли, на которой четко отпечатались следы их обуви и широкая полоса, оставленная телом Калеки.

— Что за тон, сестричка! — Генобра, подобрав юбки, отступила назад.— Кто же так разговаривает с родственниками? Никто еще не посмел пренебречь моим гостеприимством!

— Бежим! — Надежда схватила Артема за руку.— Калека, придержи ее немного!

Однако сплошь перепачканное коричневой пылью тело Калеки лишь слегка шевельнулось и обмякло безобразным комком. Генобра звонко расхохоталась, заслонила лицо платком и, скрывшись в носилках, задернула плотную занавеску. Тут же вызолоченная пасть дракона мощно вздохнула, как будто где-то в ее глубине скрывались кузнечные меха. Стремительный вихрь взметнул пыль, от которой заслезились глаза, запершило в горле и защекотало в носу. Не сговариваясь, Артем и Надежда шагнули друг навстречу другу и крепко обнялись. Затем ноги обоих подкосились, они упали на колени, но Артем все же нашел в себе силы встать. Стараясь не дышать, он потащил беспомощное тело Надежды прочь из четко очерченного, дымящегося кремовой пылью круга. Шагах в пяти от дороги, уже на чистом песке, он выронил свою ношу и рухнул сам, успев увидеть, как к ним, обгоняя рогатых жаб, мчатся мрызлы и еще какие-то многорукие приземистые твари.

Очнувшись, Артем сначала удивился тому, что вообще очнулся, а уж затем тому, что очнулся он не в темнице, не в застенке, не на качающейся раме, а за пиршественным столом, в просторном двухсветном зале, мозаичный пол которого действительно был усыпан лепестками цветов, весьма напоминавших хризантемы.

Едва только Артем открыл глаза и громко чихнул, как ему сразу перестали тереть виски и убрали из-под носа флакон с каким-то омерзительно пахнущим веществом.

Стол, за которым свободно могла разместиться команда военного корабля среднего класса, был накрыт всего на три персоны. Напротив Артема сидела насупившаяся Надежда, а во главе стола располагалась Генобра. На драгоценных блюдах были разложены разнообразные моллюски, зелень, фаршированные птичьи тушки, рыба разных пород, мелкие пестрые яйца, горы фруктов и всяких других яств, на вид весьма аппетитных. Исключение, пожалуй, составляла только ваза, полная жирных живых гусениц, да нарубленная кусками змея, плавающая в собственной крови. Вина имелись розовые, белые, темно-фиолетовые и янтарные. Вилки и ложки отсутствовали, зато ножи самых замысловатых форм были представлены в изобилии. Самым большим из них можно было бы насквозь проткнуть Генобру (если бы, конечно, этому не препятствовало ее неуязвимое естество максара).

— Вот так бывает, когда дорогие гости чересчур важничают,— печально вздохнула хозяйка.— Если я зову к себе, соглашаться надо сразу. Я сумею усадить за стол любого, кто мне приглянулся, даже если ради этого его придется лишить головы.

— Боюсь, что гость, лишенный головы, будет вести себя за столом чересчур сдержанно,— осторожно возразил Артем.— Я уже не говорю о том, что он не сможет по достоинству оценить столь великолепные вина и яства.

— Это, скорее, его проблемы, чем мои,— Генобра в упор уставилась на Артема.— Для слуги ты ведешь себя довольно дерзко. Но гостям я прощаю и не такое.

— Что тебе от нас надо?— Надежда даже не старалась скрыть свою неприязнь к хозяйке.

— Вот это уже другой разговор! — Генобра налила себе бокал рубинового вина и сделала добрый глоток.— Единственное, что я хочу от вас, так это чтобы вы пили, ели и веселились. Все, что на столе — ваше. Если этого мало, подадут еще. Если блюда вам не нравятся, их заменят. Можете заказывать, что угодно. Хотите, я зажарю для вас своего дворецкого. Хотите, пошлю за вином в другую страну.

— Пей и ешь это сама! — Надежда отодвинула от себя пустое блюдо.— Совсем недавно я имела удовольствие лицезреть тех, кто рискнул принять твое гостеприимство. Отведав с этого стола, они сами стали пищей для червей. Предпочитаю умереть от клинка, чем от яда.

— Слуги и приближенные Стардаха — мои враги. Его враги — мои дорогие гости. Это во-первых. Во-вторых, пока вы оба валялись без чувств, я могла сотворить с вами все, что угодно. Сжечь, уто-

пить, скормить собакам, напичкать самыми коварными ядами. Неужели ты думаешь, что этот стол я использую вместо эшафота?

— Кто поверит максару, тот может считать себя мертвым... Это не я придумала,— холодно заметила Надежда.

— Разве ты сама не максар?— Генобра выплеснула остатки вина на пол и налила себе другого, черного, как деготь.

— Кстати, где мой клинок? — Надежда пропустила ее замечание мимо ушей.

— Там, где ему и полагается быть. В твоей опочивальне.

— С нами был третий... Где он?

— Его поместили в покои для слуг,— едва заметная фальшь проскользнула в словах Генобры.— Там же он и питается. За этим столом ему было бы не совсем удобно.

— И все же кто мы, гости или пленники?

— Конечно — гости. Сколько раз можно говорить об этом?

— Но гость в любой момент волен покинуть приютивший его дом.

— Неблагодарный гость — да.

— Можешь тогда считать нас неблагодарными гостями. Мы немедленно уходим.

— А ты не передумаешь, сестричка?— Генобра встала.

— Никогда! — Надежда последовала ее примеру.

— Тогда подойди к окну.— Генобра пересекла трапезную и распахнула створки узкой стрельчатой бойницы.— Смотри туда! Видишь, сколько их? Узнаешь вон того всадника? Они явились за тобой. Если эта компания устраивает тебя больше, можешь уходить. Если нет, оставайся. Я вас в обиду не дам. В чистом поле моим воинам не устоять против этой банды. Но на штурм они, думаю, не решатся. Нам остается только ждать. Или им это все надоест, или ко мне подойдет подмога.

То, что увидела Надежда, осталось для Артема тайной, потому что створки бойницы тут же захлопнулись. Женщины вернулись к столу. Надежда с окаменевшим лицом налила полный кубок вина, и, вместе с блюдом копченой черепашьей вырезки, пододвинула к Артему.

— Пей и веселись,— сказала она.— Дорога к границе отрезана.

— А ты?— Артем все еще не решался приступить к еде.

— Максар не ест в чужом доме.

После трапезы, в ходе которой дальние родственники если и не подружились (такое скорее было бы возможно между скорпионом и тарантулом), то хотя бы пообещали не строить друг другу в ближайшем будущем каверз, Артема и Надежду разлучили. Впрочем, сделано это было очень мило и ненавязчиво — в крыле, где

разместилась Надежда, не нашлось свободных комнат, а крыло, где они нашлись, оказалось совсем в другом конце цитадели.

Расставаясь, Генобра посоветовала им почаще навещать друг друга, да и о хозяйке не забывать. Каково здесь было ходить по гостям, Артем понял в самое ближайшем времени. Выйдя из отведенных ему покоев (даже не с визитом, а просто ноги размять), он заблудился быстро и безнадежно. Все жилища максаров в плане представляли собой лабиринт, однако здесь неведомые строители достигли совершенства. Ни один из избитых проемов вроде поворотов только в одну сторону и меток, оставляемых через каждые пять-десять шагов, в доме Генобры не сработал бы. Каменные своды как будто бы жили сами по себе. Там, где совсем недавно была стена, обнаруживался проход, на месте поворота почему-то появлялась развилка. Артему пришлось немало поплутать, прежде чем кто-то из прислужников Генобры (якобы случайно оказавшийся поблизости) без всяких расспросов отвел его в спальню, ничем не напоминавшую его прежнее жилище в цитадели Стардаха. Если там все насквозь пропахло тюрьмой, казармой и мертвецкой, то жилище Генобры благоухало приторными ароматами борделя. Впервые за долгое время Артему довелось почивать на пышной перине, накрывшись атласным одеялом. Слуга, типичный дамский угодник, с рожей развратного херувима, весь разряженный и надушенный, принес кувшин вина и вазу с фруктами.

С сожалением вздохнув, Артем выплеснул вино в бойницу, выходившую прямо на глухую стену, а к фруктам даже не притронулся. Ничего, хотя бы отдаленно похожего на оружие, в комнате не нашлось, однако Артем мог полагаться на силу своих обновленных мускулов. По крайней мере, мозгляка, доставившего вино, он размазал бы по стенке одной рукой. Оставалось терпеливо дожидаться дальнейшего развития событий. В том, что выспаться ему не удастся, Артем был почти уверен.

«Почему Генобра держит нас здесь? — думал он, лежа во всей одежде на роскошной постели.— А что делает сейчас Надежда? Цел ли Калека? Рассказывая о нем, наша хозяйка откровенно слукавила. Как же, станет он жить в покоях для слуг! Да еще питаться вместе с ними! Слугами, возможно, он и стал бы питаться, в это я еще могу поверить, но вот все остальное... Будь Калека жив-здоров и на свободе, он давно бы разнес этот гадюшник. Печально, если рыжая стерва извела его. Кто тогда следующий? Я или Надежда? И вообще, какие у Генобры планы на нас? В то, что эта лицемерка желает нам добра, поверить так же трудно, как и в душевную чуткость гадюки. Каждый из максаров плетет свои интриги, каждый разыгрывает свою собственную игру, постоянно меняя союзников, стравливая врагов, топча неудачников, приближая к себе сильных и изворотливых. С кем хочет расправиться нашими руками Генобр-

ра? Со Стардахом? С Карглаком? Еще с кем-нибудь? Неужели она не видит, какое жалкое оружие легло в ее ладонь? Или для нее все средства хороши? Ну ладно, поживем — увидим, как сказала бабочка-однодневка, вылупившись из личинки».

Несмотря на все предосторожности, Артем не только прозевал появление Генобры, но даже не заметил, каким путем она проникла в комнату. (Тяжелое кресло, приставленное к входным дверям, осталось на месте.) Единственное, что он успел сделать, это притвориться спящим.

Генобра остановилась у изголовья кровати, вперив в Артема огромные, поблескивающие как антрацит (тот самый антрацит, который черти шуруют в адских топках) дикие глаза максара. Одета она на этот раз была весьма странно — в небрежно запахнутый, насквозь просвечивающий пеньюар и тяжелые, давно не чищенные сапоги со шпорами. Пахло от нее, как от солдата,— лошадиным потом, плохо выделанной кожей, дымом и недавно выпитым вином. (Но, впрочем, запах этот — терпкий и свежий — нельзя было назвать неприятным.)

«Королева амазонок,— подумал Артем, глядя на нее сквозь полуприкрытые веки.— Только хлыста в руках не хватает».

Генобра наконец что-то неопределенно хмыкнула и переместила свой испепеляющий взор с Артема на пустой кувшин. Смахнув его на пол и беспощадно растоптав, она обошла комнату, заглядывая во все углы, а затем плашмя рухнула на постель.

— Ну хватит, не притворяйся! Я же вижу, что ты не спишь,— язык ее мило заплетался.

Артему не оставалось ничего другого, как изобразить сонное удивление.

— Прошу прощения... Никак не ожидал...— забормотал он.— Если бы меня предупредили заранее...

— Перестань болтать! — Генобра задрала правую ногу и подтянула голенище сапога, отчего ее воздушный наряд окончательно пришел в беспорядок.— Куда ты дел то, что было налито в кувшин?

— Выпил,— сообщил Артем.

— Врешь! Там было любовное зелье. Если бы ты его выпил, то не клевал бы сейчас носом, а ревел, как бык перед случкой,— хохотнула она.

— Ну уж не знаю... Может, доза оказалась чересчур велика, или я к этому зелью вообще не восприимчив.

— Опять ты врешь! К нему даже мухи восприимчивы. Ну признайся,— она перевернулась на бок и пододвинулась поближе,— боишься меня?

— Боюсь,— признался Артем.

— А ме-ня бояться не на-а-до,— промурлыкала Генобра, грозя ему пальчиком.— Меня лю-би-и-и-ить надо.

— Мы тебя любим,— Артем осторожно отодвинулся.— Мы тебе очень благодарны.

— Не верю! Докажи! — Шпора с треском вонзилась в спинку кровати.

— Клянусь тебе. Давай позовем твою сестрицу. Она тоже это подтвердит.

— Позвать ее...— Генобра задумалась.— А что, это было бы пикантно... Впрочем, нет... В другой раз. Нынче нам эта рыбина сушеная только помешает.

Тут уже Артем не нашелся, что ответить. Отодвигаться дальше было некуда, он и так уже наполовину свешивался с кровати; да и изящно закинутая на него ножка в грязном ботфорте не позволила бы это сделать.

— Ты какой-то странный,— Генобра ухватила Артема за подбородок.— На максара совсем не похож, но душа твоя для меня потемки. Таких мужчин у меня еще не было...

«И не будет»,— подумал Артем, впрочем, без особой уверенности.

Предсказать поступки Генобры было совершенно невозможно, но Артем догадывался, что она, как истый максар, добиваясь своего, не остановится ни перед чем. Вопрос только — чего именно она добивается? Ладно бы, если только удовлетворения свой похоти. Вся эта пьяная блудливость может оказаться только хитрой игрой.

Прикидываться дурачком и дальше уже не имело смысла. Он погладил Генобру по жестким, немного влажным волосам (лицо ее при этом изобразило высшую степень блаженства) и ласково сказал:

— Ты очень мне нравишься. Но я уже дал клятву верности твоей сестре.

— Кому?— Генобра, едва не проломив постель, вскочила на ноги.— Кому? Ирдане? Этой холодной жабе?— Явно паясничая, она состроила оскорбленную гримасу.

— Как ты ее назвала? Повтори! — переспросил Артем.

— Да ты даже имени ее не знаешь! При рождении твою подружку нарекли Ирданой, что означает — Злополучная. На свет она появилась раньше срока, за мгновение до того, как ее мать испустила дух, пронзенная клинком моего старшего брата. В раннем детстве, играя с угольками костра, Ирдана спалила походный шатер своей опекунши Дроксиды. Вместе с хозяйкой и челядью, конечно. Все, кто с ней имел дело потом, погибли самой нелепой смертью. Адракс, выкрав Ирдану, поступил в высшей степени опрометчиво. Именно с тех пор удача оставила его. Она погубит любого, кого коснется рукой, дыханием или даже взглядом. Вполне возможно, что она погубит всех максаров! Теперь ты хоть понимаешь, с кем связался?

Эффект ее слов был равносилен внезапному удару под ложечку.

Защита Артема была пробита, и совсем не тем способом, который он ожидал. Этого секундного замешательства вполне хватило Генобре, чтобы оседлать его. Она действовала быстро, беспощадно и уверенно, словно опытный всадник, укрощающий необъезженного жеребца. Ее руки и ноги были как из железа, острые шпоры пресекали любую попытку сопротивления, а губы несли дурманящий яд. Генобра хлестала его по голове и сжимала шенкелями, то посылая в галоп, то заставляя перейти на шаг, то давая минуту-другую отдыха. Она лучше Артема знала, что ему нужно, и лучше его делала то, что должен был делать он. И вот наступил момент, когда все у них: и темп скачки, и стук запаленных сердец, и лихорадочный ритм дыхания, и накал страстей, и цель устремлений — совпали. Раб стал властелином, всадник — скакуном, страждущий — алкающим. Теперь уже сама Генобра извивалась и брыкалась, как дикая кобылица, теперь уже он давил и мял ее шелковистое, бисером испарины сверкающее тело. Артем чувствовал, как острые ногти раздирают кожу на его плечах, и сам вцепился зубами в ее упругую, душистую плоть. Ничего человеческого не осталось в нем, и то, чего оба они добивались, тоже оказалось нечеловечески восхитительным. Такой экстаз мог испытывать разве что маньяк, живьем пожирающий свою жертву, или наркоман, испепеляемый смертной дозой морфия. Воя, хрюкая и пуская от удовольствия слюни, он умер, но уже через пару мгновений возвратился к жизни — обессиленный, разбитый, сотрясаемый отвращением и стыдом.

А Генобра еще долго одаривала его своими бешеными ласками, и это было не менее мучительно, чем пытка на качающейся раме.

Если Артем и мог сейчас себя с кем-нибудь сравнить, то только с валявшимся на полу кувшином — раздавлен, опустошен (причем раздавлен без всякой вины, а опустошен без всякой пользы). Убийственное наваждение давно схлынуло, оставив боль, слабость и тошноту.

Генобра сидела на краю развороченной постели и, ровняя шпору, сосредоточенно стучала ею об пол. От ее неглиже остались одни клочья (впрочем, как и от одежды Артема), но, видимо, перспектива прогуляться голышом через всю цитадель ничуть не беспокоила огневолосую красавицу.

Все формы и линии ее тела были утрированы, доведены до совершенства, превратившегося в абсурд — уж если талия, то такая, что ладонями можно обхватить, уж если груди, то каждой можно медведя выкормить, уж если бедра, то соблазнительные и пышные, как кремовый торт.

Совершенно непроизвольно в памяти Артема всплыла слышанная когда-то фраза: «Лучшие женщины и лошади — рыжие».

— Ну что, дружок?— Генобра осталась довольна состоянием

своих шпор и, притоптывая, прошлась по комнате.— Вижу, что сейчас от тебя толку мало. Так уж и быть, отдохни. Одно горе с вами, мужчинами.

Артему осталось только согласно кивнуть: ты права, дескать. Одно горе с нами. Зато с вами радость. Глаза бы мои тебя больше не видели, потаскуха!

— А теперь поболтаем! — Она с разбегу бросилась на перину, как пловцы бросаются с бортика в бассейн.

Тут же дверь, сбив кресло, распахнулась. Слуга, но уже не тот, что накануне, а другой — чернявый атлет с кукольным личиком, внес накрытый салфеткой поднос. Низко поклонившись, он подал его своей голой хозяйке. К разочарованию порядочно оголодавшего Артема, под салфеткой оказался один-единственный флакон из мутного зеленоватого стекла.

— Угадай, что это такое?— Генобра встряхнула флакон прямо перед его носом.

— Яд, наверное,— наобум брякнул Артем.

— Ну ты молодец! — Генобра закатила глаза.— Сразу догадался. А для кого он предназначен?

— Для меня,— не очень уверенно предположил Артем.

— Еще чего! — Генобра фыркнула.— Тебя отравить проще, чем комара прихлопнуть. Думай лучше.

— Сдаюсь. Ни за что не угадаю.

— Хорошо. Я тебе помогу. Этот яд предназначен для максара.

— Но ведь максар никогда не притронется к чужой еде или питью. А кроме того, я слышал, они невосприимчивы почти ко всем ядам.

— Вот именно — почти! Мне известно множество ядов. Одни лишают зрения, сводят с ума, ввергают в сон или беспамятство, как это было с вами. Другие останавливают сердце, прекращают дыхание, вызывают паралич, сгущают кровь, разжижают мозг, разъедают печень и почки. Почти у каждого яда имеется противоядие, но невозможно иметь при себе противоядия от всех существующих ядов. Тут отравленного может спасти только его собственный организм. В крови каждого существа таятся могучие силы, убивающие все чужое: яды, паразитов, недоступную глазу живую пыль, порождающую недуги. Каждое мгновение внутри тебя идет невидимая схватка, ристалищем которой служат все закоулки тела. Гной, текущий из раны,— это трупы мириадов крошечных воинов. Обычно эти силы неподвластны сознанию. Но только не у максаров. Мы давно научились управлять ими. Можем совершенно успокоить, а можем разжечь до невероятных размеров. В последнем случае любой, самый сильный яд обращается в ничто, в тухлую водичку, в порошок для присыпок. Я долго билась, пока не придумала нечто такое, что позволит погубить любого из максаров. Мое зелье как

раз и действует на эту защитную силу, таящуюся в крови, печени и селезенке. Одной ее крошки достаточно, чтобы превратить ее в секиру. То, что раньше спасало жизнь, примется рьяно ее уничтожать. Чуждым станет все, что раньше было родным. Тело начнет пожирать самое себя. Если б ты только видел, во что превращаются те, кто отведал этот яд! — Генобра гладила флакон, словно это было не холодное стекло, а любимая собачонка.

«Дожил,— думал Артем.— Слушаю лекции по иммунологии и практической токсикологии, лежа в кровати блудницы».

— А для чего все это нужно знать мне?— спросил он.

— Я собираюсь подарить флакон с ядом тебе. Храни его у себя, но в нужный момент передай Ирдане. Кстати, если желаешь, можешь рассказать ей о том, что здесь произошло. Этим ядом она может воспользоваться против Стардаха. Достаточно, если несколько крупиц попадут ему в ноздри или на губы.

— Ты уверена, что отец и дочка еще встретятся?

— Стардах сделает все, чтобы отыскать ее. Без клинка и сильных союзников она долго не продержится. И дело даже не в том, что папаша одержим жаждой мести. Ему нужен материал для создания чудовища, равного которому еще не знал мир. А для этого, якобы, годится только мозг максара. Догадываешься, чей мозг? Кто сейчас самый беззащитный среди максаров?

— Почему же Стардах не воспользовался Ирданой раньше, когда она была полностью в его власти?

— Это только таким, как ты, можно в любой момент воспользоваться,— ухмыльнулась Генобра.— А максара не переделаешь, если на то не будет его собственного согласия.

— Уверен, что Ирдана никогда не согласится на такое.

— А я уверена, что согласится. Если придется выбирать между жизнью и смертью. Дура она, что ли! Да только сейчас разговор не об этом. Ты сомневаешься, что отец и дочь когда-нибудь встретятся. Но я уверена, что это произойдет уже в самое ближайшее время. Стардах найдет ее даже под землей. И вот тут-то, когда они окажутся лицом к лицу, она вспомнит о моем подарке. Пусть действует смело, хитро и решительно. При этом условии их шансы сравняются. Яд может победить клинок.

— Почему ты сама не дашь ей этот флакон?

— От меня твоя гордячка ничего не примет. Слишком много всего нас разделяет... И запомни... Во флаконе две таблетки.— В черной круглой — яд. В белой квадратной — противоядие. Отличить их друг от друга можно и в темноте. Перед применением таблетку нужно раскусить.

— А для чего противоядие?

— Если заранее принять его, можно спокойно выпить вместе с жертвой отравленное вино... и не забывай, черное — смерть, белое — жизнь.

— Значит, если твой план удастся, Ирдана останется обязанной тебе?

— Об этом еще рано говорить, дружок,— Генобра зевнула и встала, словно сразу потеряв интерес к разговору.— Отдыхай. Скоро увидимся. Надеюсь, в следующий раз ты используешь любовное зелье по назначению.

«Надо бежать,— думал Артем, машинально встряхивая флакон.— Найти Надежду, прихватить Калеку, если тот еще жив,— и прочь отсюда! Лучше сразиться в открытом поле со Стардахом, чем валяться в надушенной постели этой ведьмы. Вот только сначала приличную одежду не мешало бы раздобыть».

Мучаясь бездельем и неопределенностью, он долго слонялся из угла в угол комнаты, пока не дождался появления слуги с подносом, заставленным всякими яствами. Выглядели они весьма привлекательно, но Артем решил не рисковать. Еще покормят каким-нибудь приворотным зельем, после которого все на свете забудешь.

Аккуратно отставив поднос в сторону (уж очень не хотелось зря одежду пачкать) он несколько раз трахнул слугу головой об стену — первый раз тихонько, проверяя крепость черепных костей, а потом посильнее, пока у того глаза не закатились. Украшенная галунами и бантами ливрея пришлась Артему почти впору, а в сумке на поясе нашлось место для флакона.

Пытать удачу в коварном лабиринте он не собирался. Из разодранных на полосы простыней получилась довольно прочная веревка, по которой он благополучно спустился на каменные плиты узкого дворика, с двух сторон ограниченного неприступными стенами. Помня, что таящийся от чужих глаз всегда вызывает большее подозрение, чем тот, кто прет напролом, Артем поглубже надвинул на глаза лакейский берет с плюмажем и двинулся в ту сторону, откуда доносилось цоканье лошадиных подков и звон амуниции.

Внутрь цитадели втягивался через узкие ворота отряд всадников, покрытых пылью и кровью. Кони их были взмылены, а доспехи изрублены. Артему сразу бросилось в глаза, насколько эти изнеженные, привыкшие к мягким постелям и изысканной пище воины не похожи на мрачных, утративших человеческий облик головорезов Стардаха. По эмблемам на щитах и пучках пестрых перьев на пиках можно было догадаться, что это личная гвардия Генобры (или, возможно, ее мужской гарем).

Стараясь держаться в тени, Артем обошел двор цитадели, где фонтанов было больше, чем метательных машин, а уединенные беседки встречались чаще, чем капониры. Заглянув в ближайшую из бойниц, он убедился, что пространство перед рвом густо засыпано уже хорошо знакомым ему кремовым порошком, а в самом рву,

заполненном чем-то черным и маслянистым, плавают сотни дохлых птиц. Благоухание от расставленных повсюду курительниц не могло перебить запах креозота, смешанный со зловонием развороченного могильника. Уйти отсюда можно было только через одни-единственные ворота, по шаткому подвесному мосту.

Затем внимание Артема привлекла толпа воинов, собравшихся возле низкого парапета, ограждавшего один из колодцев. Громко бранясь, они швыряли вниз камни, которые почти тотчас вылетали обратно. Кто-то уже успел получить по лбу, кто-то потирал зашибленное плечо. Как бы невзначай смешавшись с потными, разгоряченными вояками, он заглянул в темную горловину колодца. На его сухом дне лежал, свернувшись в шар, Калека. Ему уже надоело швырять камни обратно, но временами, когда особо увесистый булыжник звучно плепал по его упругой коже, он превращался в один-единственный длиннющий щупалец, стрелой взлетающий вверх. До края колодца ему не хватало всего каких-нибудь двух-трех метров, о чем свидетельствовали многочисленные свежие царапины на замшелом камне.

«Если я что-нибудь понимаю в характере Калеки, ярость его дошла до крайней степени»,— подумал Артем.

Между тем на Артема стали уже подозрительно коситься. Кто-то грубо толкнул его в бок, кто-то уже тянулся к берету. Следовало торопиться, и, обхватив за плечи двух ближайших воинов, Артем опрокинул их в колодец. Присутствующие были настолько ошеломлены подобной наглостью, что их секундная заминка позволила Артему еще раз повторить свой маневр. В чем другом, но в таких делах Калека всегда был достаточно сообразительным. Он не стал рвать дико верещавших воинов на части, а, мигом подтоптав их под себя, уменьшил глубину колодца сразу на метр. Артему тем временем приходилось туго. Его молотили сразу с десяток кулаков и уже несколько раз сумели достать ножом. Лишь давка пока не позволяла врагам пустить в ход более серьезное оружие, однако в задних рядах уже сверкали секиры. С великим трудом он низверг в колодец еще одного воина. Щупальца Калеки мотались уже совсем рядом, но Артем не мог даже протянуть туда руку. В его голову, грудь и спину били, как в барабан. Сейчас он был почти такой же голый, как и несколько часов назад. «Пропустите! Пропустите! — орал кто-то в тяжелых доспехах, пробиваясь поближе к колодцу.— Дайте, я его топором попробую!»

Чувствуя, что через несколько секунд его буквально растерзают в клочья, Артем облапил за пояс первого, кто подвернулся ему под руку и, головою вниз, сиганул в спасительный сумрак колодца. Из глаз посыпались искры, что-то хрустнуло в шее, болезненно екнуло под селезенкой, но приземление оказалось достаточно мягким (хотя тело Калеки вовсе и не напоминало надувной мат-

рас, как на это надеялся Артем). Вслед за этим он оказался самым верхним в живой пирамиде, с помощью которой его спутник получил шанс вырваться на волю. Что-то твердое, как донышко бутылки, уперлось Артему в грудь, едва не проломав ребра, но уже спустя полминуты он вновь стоял возле парапета, выдернутый из колодца, словно репка из грядки. Рядом, выше его вдвое, жуткой треногой торчал Калека, и все его свободные щупальцы мотались, как мельничные крылья. Остальные живые существа, оказавшиеся в этот момент во дворике цитадели, занимали лежачее или, в крайнем случае, полусидячее положение. Их стоны и брань заглушали даже доносящийся из колодца истошный визг.

— Я здесь! — раздался откуда-то сверху знакомый голос.

Только теперь Артем заметил, что в проеме одной из бойниц центральной башни стоит во весь рост Надежда, вот-вот готовая броситься вниз с высоты третьего этажа. Калека, двигаясь с устрашающей стремительностью, мигом оказался у башни и осторожно принял ее в свои щупальцы. Короткая передышка позволила врагам кое-как прийти в себя и перегруппироваться. Из всех щелей уже лезли вооруженные люди, мрызлы, рогатые жабы и всякая другая нечисть.

— К воротам! Быстрее! — крикнула Надежда, размахивая подобранной у колодца секирой.

Однако почти сразу выяснилось, что осуществить этот в общем-то реальный план (разметать кучку израненных и изнемогших в недавней бою всадников, сгрудившихся перед воротами, представлялось делом плевым) вряд ли возможно: последней из-под низкой стрельчатой арки выехала Генобра в полном боевом облачении максара.

— Кому там еще неймется?— крикнула она.— А ну-ка, потише! Это ты, что-ли, здесь резвишься, сестричка?

— Я,— сдержанно ответила Надежда.

— Значит, уйти хочешь? Без спроса, с обидой в сердце?

— Я к тебе в гости не набивалась. Поэтому и ухожу без спроса.

— Ну это уже как получится! — Тускло мерцающая лента рванулась из ее руки вверх.— Взять их! Бросить всех в колодец!

Вот тут-то и началась настоящая схватка! Тактика нападающих была хоть и незамысловатой, но эффективной — пока Генобра, размахивая клинком, загоняла Калеку в тупик, образованный двумя сходящимися под острым углом стенами, ее верные слуги заваливали Артема и Надежду своими телами.

После очередного, уже неизвестно какого по счету, тяжелейшего удара в висок, Артем вдруг утратил всякое желание продолжать борьбу и позволил дюжине разъяренных врагов уложить себя на обе лопатки.

«Ну вот и все,— подумал он, впрочем, без всякого сожаления.—

Должен же быть когда-нибудь конец моим мучениям. Жаль только, что я так и не нашел на Тропе правильное направление...»

Все перед ним плыло и двоилось, темные точки мелькали перед глазами. Число их быстро увеличивалось, а число воинов, прижимавших Артема к земле, почему-то наоборот, уменьшалось. Те же, кто еще лежал на нем, вдруг утратили былую активность. Затем Артем увидел перед собой лицо Надежды. Черно-зеленая муха с длинным, как у комара, хоботком, упорно пыталась прокусить кожу на ее щеке.

— Накройся с головой и не смей вылазить без моего разрешения! — Она накинула на него толстую, пропахшую лошадиным потом попону.— Это ядовитые мухи. Нам с Калекой они не страшны, но твоя шкура для них недостаточно прочна.

О том, как разворачивались дальнейшие события, Артем мог судить только на слух. Лязг и грохот схватки сменились стонами и хрипом агонии, затем все звуки перекрыл пронзительный крик Генобры: «Поджигайте! Поджигайте все, что горит! Бросайте факелы в ров!» Под попону проник запах гари, а чуть попозже — и нарастающий рев пламени. Но еще до этого за стенами цитадели раздался незнакомый боевой клич и тяжелый топот штурмовых колонн. Кто-то проорал фальцетом, словно петкух прокукарекал: «Генобра, последний раз тебе говорю! Если хочешь жить, отдай мне внучку Адракса!»

«Вот, значит, с кем сражалась Генобра,— догадался Артем.— Вот кто преградил нам дорогу. Не Стардах, не Карглак, а тот самый мальчишка-максар, пожелавший взять Надежду в наложницы. А мушки-то его оказались посильнее рогатых жаб и мрызлов...»

Пламя между тем разгоралось все сильнее. Так, наверное, должен был завывать огненный смерч, пожирающий нефтяную вышку. Дышать становилось все труднее, а жар донимал даже сквозь попону.

Артем осторожно выглянул наружу. Картина, открывшаяся его взору, была весьма неотчетливой по причине чрезмерной задымленности перспективы, однако общая ситуация читалась без труда. Как Генобра и велела, горело все, что могло гореть — чадили смоляные факелы, полыхала конюшня и крыша кордегардии. Горела и черная жижа во рву, потому что дым за стенами цитадели был даже гуще, чем внутри. Челядь Генобры или валялась по всему двору без признаков жизни, или хоронилась по всяким норам. Каменные плиты двора как будто поросли черно-зеленой травкой, кое-где еще шевелящейся, а в горячем воздухе вперемешку с жирными хлопьями пепла кружились тельца обгоревших и задохнувшихся мух. Атака оружия биологического была отбита оружием химическим, хотя цели своей достигла — из защитников цитадели уцелел, наверное, только каждый десятый.

Генобра все еще продолжала гонять подвижного, как ртуть, Калеку, а Надежда стояла рядом с Артемом, сосредоточенная, как спринтер, ожидающий сигнал стартера. Крики за стеной утихли, даже сопляка-максара не было слышно.

Наверное, Генобра давно бы разделалась со своей жертвой, если бы догадалась спешиться. Лошадь и седло не только не давали ей никакого преимущества перед стремительным и пластичным Калекой, а, наоборот, мешали. Трудно одной рукой ловить стрижа, когда другая сжимает поводья.

И вот наступил момент, которого дожидались Надежда и во всем послушный ее воле Калека. Лошадь Генобры, отличавшаяся скорее статью и резвостью, чем выучкой и боевым опытом, допустила оплошность, повернувшись к противнику левым боком (а рубить и колоть из такого положения, как известно, чрезвычайно трудно любому всаднику, если только он не левша).

Воспользовавшись секундной заминкой, Калека серой молнией проскользнул под брюхом гнедой красавицы-кобылы (успев попутно выпустить ей потроха) и как пушечное ядро понесся к воротам, сметая на своем пути всех встречных. Надежда, таща за руку все еще полуоглушенного Артема, бросилась за ним следом.

Они миновали лебедку, с помощью которой поднималась запиравшая ворота кованая решетка (на ее рукоятке висело тело стражника с лицом, сплошь усеянным раздавленными мухами) и оказались на мосту. Здесь Артем обернулся.

Генобра уже выбралась из-под рухнувшей лошади и сейчас, выставив перед собой клинок, гналась за ними. Однако бегать быстро ей не позволяли чересчур широкие бедра и тяжелая грудь.

— Прощай, сестрица! — крикнула ей Надежда.— Возвращайся назад. Пешком тебе за нами не угнаться, а все твои скакуны околели.

То, что раздалось в ответ, походило скорее на вой разъяренной медведицы, чем на человеческую речь.

Уже не оглядываясь более, все трое путников помчались по дороге, ведущей прочь от этого проклятого места. Однако им не удалось сделать и сотни шагов.

Из-за ближайшего холма сначала показалась узкая, вертикально уходящая вверх тень, затем сгорбленная фигурка мальчишки-максара и — наконец, двуногое косматое существо, на крутом загривке которого тот восседал. Черная гориллоподобная тварь (судя по свирепому оскалу пасти, вскормленная отнюдь не фруктами и пальмовыми листьями) прикрывала свою грудь и ноги хозяина щитом, массивным, как замковые ворота.

Белое, испятнанное ярким румянцем клоунское лицо кривилось в опасной усмешке, отполированный до зеркального блеска щит слепил глаза, клинок был готов упредить любое неосмотрительное движение беглецов.

— Вот мы и повстречались, дочь Стардаха,— беззаботно расхохотался максар.— Если ты по доброй воле не войдешь наложницей в мой дом, то станешь усладой для моих рабов.

— Никогда этого не случится, Варгал! — раздался сзади голос Генобры.— Даже не надейся, навозная муха! Она — моя добыча, и только я могу распоряжаться ею!

— Значит ли это, тетенька, что ты собираешься помешать мне?— осведомился тот, кого назвали Варгалом.

— А почему бы и нет? Я же помешала твоим прихвостням осквернить стены моей цитадели!

Тут только Артем заметил, что Варгал по сути дела остался полководцем без армии. Все его воины или валялись, как поленья, в ядовитой пыли, или догорали во рву. Но это ничуть не смущало молодого наглеца.

— Так даже и лучше! — кривляясь, воскликнул он.— Значит, никто не станет вмешиваться в наш маленький спор.

Дернув своего кошмарного скакуна за ухо, похожее на скомканную и заскорузлую кабанью шкуру, Варгал послал его вперед.

— Ожидай здесь,— проезжая мимо Надежды, приказал он.— Впрочем, беги, если тебе ног не жалко. От меня еще никто далеко не убегал.

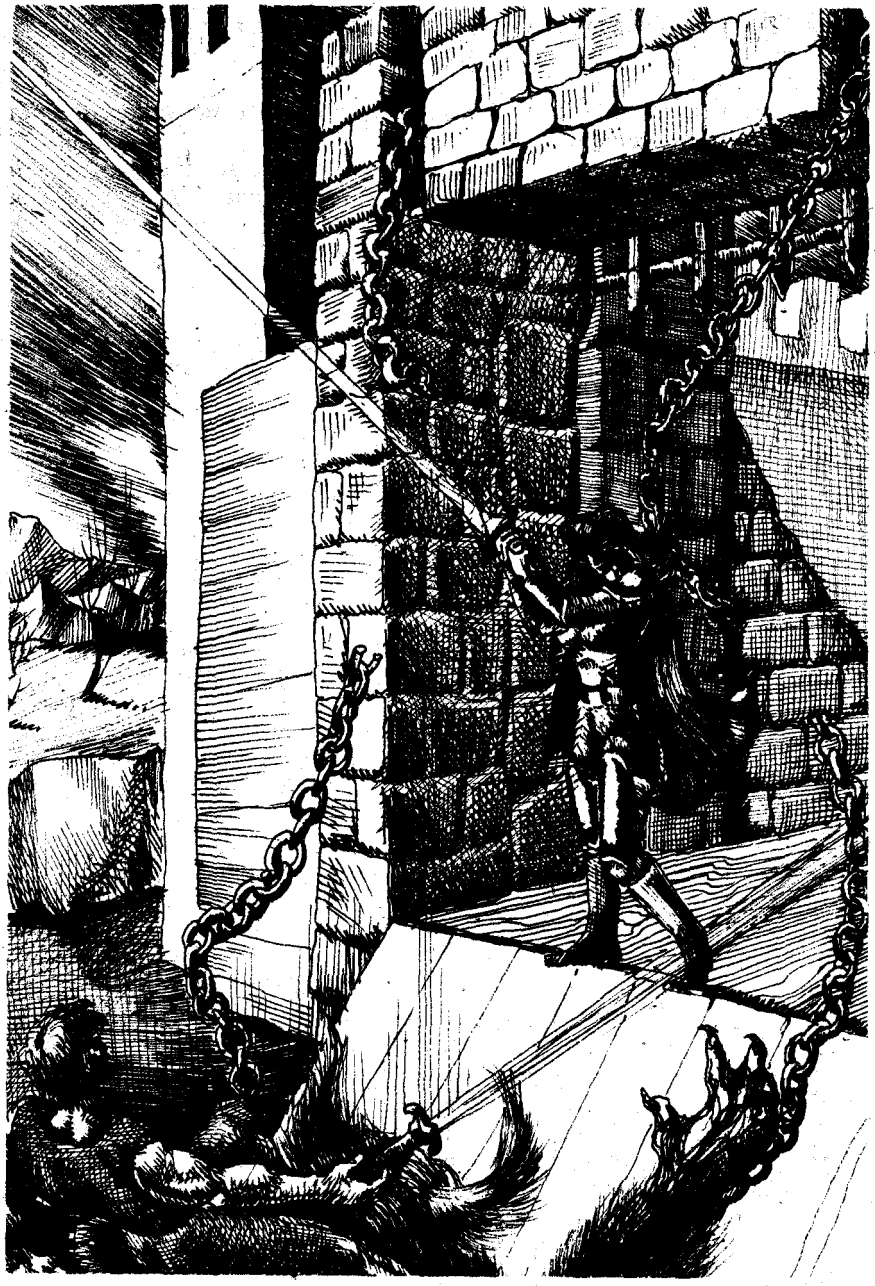
Они встретились посреди моста — рыжая фурия, вся перепачканная кровью своей лошади, и гадкий мальчишка, уверенно правящий гигантской гориллой (спешиться он и не подумал — такие благородные жесты были не в правилах максаров). Их разделяло примерно полсотни шагов, расстояние, лишь немногим превышающее длину клинка. Следующий шаг мог стать смертельным для обоих. Выставленные вперед клинки сходились и расходились, проникая друг сквозь друга безо всякого взаимного ущерба, словно лучи прожекторов. «Пусть лучше победит Генобра,— загадал Артем.— От Варгала мы уже точно никуда не денемся, а с ней в беге на длинную дистанцию вполне можно потягаться».

— Прочь,— сказал достойный продолжатель дела максаров, юный Варгал.— Иди умойся, надушись, приготовь постель и жди мужчину. Я пришлю тебе для забавы вот этого молодца.— Он потрепал за ухо свою обезьяну.— *Зачем тебе женщина, тетя? Это уж* слишком. Оставь ее мне.

— Сейчас я изрублю вас обоих на тысячу кусков! — прорычала Генобра.

— Только попробуй шевельнуться,— спокойно ответил ей Варгал.— Ты же сама видишь, какое у меня преимущество перед тобой. К чему нам затевать смертельный поединок из-за дочери Стардаха. Когда-нибудь для этого найдется более достойный повод.

— Может быть... Может быть...— Генобра, не опуская клинка, стала медленно отступать.— Уж если тебе так ее хочется...

— Бегите,— сказала своим спутникам Надежда.— Этому щенку нужна только я. За вами он не станет гоняться.

— Нет,— ответил Артем.

Судя по тому, что Калека даже не сдвинулся с места, он принял точно такое же решение.

Генобра между тем уже вступила в проем ворот. Довольный своей победой Варгал расхохотался и тоже начал сдавать назад. Внезапно лицо хозяйки цитадели исказилось злорадной гримасой.

— Рановато ты обрадовался, молокосос! То, что ускользнуло от меня, не достанется и тебе!

Одним молниеносным движением она перерубила настил моста и обе цепи, поддерживающие его. Варгал, не успев даже пикнуть, вместе со скакуном рухнул в ров и на некоторое время исчез из вида.

Обманули дурака, на четыре кулака, вспомнил Артем слышанную в детстве присказку. Варгал хоть и прирожденный злодей, но до Генобры ему еще далеко. Утерла она парнишке нос.

— Ты, сестричка, можешь пока гулять! — крикнула Генобра.— Некогда мне сейчас тобой заниматься. Но про меня не забывай. Еще свидимся. А ты, красавчик, не скучай. Будешь долго помнить, что такое настоящая любовь.

«Ах, чтоб тебя...» — мысленно выругался Артем.

Из рва выкарабкался Варгал, черный, как головешка, но живой и здоровый. Был он облеплен не только дымящейся смолой, но и клочьями обезьяньей шерсти. Первым делом он плюнул в сторону Генобры и пообещал в самое ближайшее время посадить тетеньку на кол, предварительно смазанный ее собственным жиром, да кроме того, посадить не тем местом, каким обычно принято сажать людей, а совсем другим, самым у тетеньки слабым. Генобра ответила не менее заковыристо, и, воспользовавшись этой словесной перепалкой, сопровождаемой гримасами, непристойными жестами и бессмысленными взмахами клинков, трое путников пустились наутек.

Неутомимые ноги все дальше уносили их от цитадели Генобры. Опасаясь ловушки, подобной той, в которую он недавно угодил, Калека уже не катился по дороге, а широко шагал на всех своих щупальцах, обходя каждое пятно неясного происхождения. Почти неуязвимый для железа и огня, он оказался совершенно беззащитным против яда, легко проникавшего в его организм через кожу, в принципе представлявшую собой один сплошной, вывернутый наизнанку желудок.

Надежда молчала, и Артем не решался заговорить с ней первым. Находясь в цитадели, она не выпила даже глотка воды и, оставаясь

в пределах владений Генобры, не собиралась нарушить это правило.

— Тебя что-то мучает?— спросила Надежда, когда они отмахали уже порядочное расстояние.

— Мучает? Меня?— замялся Артем.— Нет... Почему ты так решила?

— Вижу по твоей блудливой роже.

— Не понимаю, о чем ты...

— Прекрасно понимаешь! — Надежда резко остановилась.— Я не хочу знать, что там было у тебя с Геноброй. И не смей даже заикаться о ней при мне. Но прошу тебя, еще раз вспомни все, что ты говорил и делал при ней. Не допустил ли ты какой-нибудь оплошности? Генобра умеет превращать мужчин в малодушных животных. Тут ей нет равных, как и в искусстве составлять яды. И всякий раз она делает это с каким-то дальним прицелом. Боюсь, как бы твоя минутная слабость или чрезмерная откровенность не помогли ей навлечь на нас беду. Тогда уж тебе не будет прощения.

Больше она на эту тему не сказала ни слова. Какая-то тень словно пролегла между ними — если и не тень лжи, то тень недоговоренности. Артем и сам не мог понять причину, не позволявшую ему рассказать всю правду, пусть не об острых шпорах и соблазнительных бедрах Генобры, то хотя бы о загадочном флаконе, отягощавшем сейчас его пояс.

Они шли и шли, не ощущая усталости, и синее небо горело над ними, как опрокинутый бокал жженки. Скоро владения Генобры остались позади — об этом свидетельствовали наваленная при дороге куча изрубленных рогатых жаб, да несколько чудовищ необычного вида и с незнакомыми гербами на шлемах, все еще тыкавших в эту шевелящуюся кучу трезубцами-алебардами. Столь живописную группу нашим путникам пришлось обойти далеко стороной.

Теперь можно было уже и напиться, но из предосторожности они миновали еще три или четыре ручья. Дождавшись, когда Надежда и Артем утолят, наконец, жажду, Калека залез в воду и долго бултыхался в ней, смывая с себя остатки яда и дорожную пыль.

Одна за другой, почти без перерыва миновали две короткие ночи — одна светлая, вторая чуть потемнее, с туманом и росой. Вокруг до самого горизонта расстилалась голая пустошь, и даже с вершин самых высоких холмов нельзя было рассмотреть что-нибудь примечательное в переплетении пересохших оврагов и заболоченных стариц. Тропы и всякие признаки жилья исчезли. Возможно, сверхзорким глазам Надежды открывались какие-то другие дали, но для Артема окружающий пейзаж утратил всякий интерес. Он уже начал подозревать, что они сбились с дороги, но стеснялся заявить об этом. Питались все трое мелкой костлявой рыбой, которую Калека научился очень ловко вылавливать из ручьев и речек, изредка попадавшихся на их пути.

Неизвестно, посещало ли за это время Надежду ее знаменитое чувство опасности, но однажды, когда маленький отряд пересекал иссеченную трещинами глинистую низину, бывшую когда-то дном озера, она знаком приказала всем прилечь.

— Впереди на вершине холма стоят двое воинов. И в той стороне тоже.— Она ладонью указала направление.

Сказано это было только для Артема, потому что с Калекой Надежда уже давно общалась без помощи слов. Вот и сейчас, выполняя ее беззвучный приказ, он, превратившись в подобие змеи, быстро уполз куда-то. Надежда затихла, лежа на животе и уткнув лицо в скрещенные руки. Долгое молчание начало тяготить Артема, и он спросил:

— Кто они? Не слуги ли Стардаха?

Однако ответа не последовало — то ли Надежда задремала, то ли задумалась о чем-то своем, то ли продолжала демонстративно игнорировать Артема.

Калека появился не скоро. Быстро двигаться ему мешало бездыханное человеческое тело, волочившееся за ним на буксире двух щупалец. Это действительно был человек, только немного переделанный: его очень крупные и, несомненно, зоркие глаза располагались на подвижных стебельках, в случае нужды способных втягиваться глубоко в глазницы, а шею и грудь прикрывала толстая, складчатая кожа, неуязвимая для ножа. Впрочем, сейчас все это имело довольно жалкий вид. На оружии мертвеца и на его грубой грязной одежде отсутствовали какие-либо эмблемы или отличительные знаки, а на теле не имелось клейма, обязательного для слуг максаров. Артем видел, что Надежда находится в затруднительном положении, и решил помочь ей.

Он еще раз тщательно осмотрел лезвие и рукоять короткого, легкого меча, вывернул наизнанку походную сумку, в которой не было ничего, кроме краюхи черствого хлеба и горсти сушеных ягод, прощупал все складки одежды, снял с широкого пояса полупустую флягу, кривой нож и небольшой медный гонг. Кого-то этот воин смутно напоминал Артему. Но все говорило за то, что он не имеет никакого отношения к челяди Стардаха. Тогда кого же он выслеживал в этой пустыне?

Легкая амуниция и особым образом устроенные глаза выдавали в нем дозорного, причем дозорного опытного, о чем свидетельствовали многочисленные шрамы на теле. Как же тогда Калека умудрился незамеченным подобраться к нему? Тем более, что воин был не один... Нападение должно было произойти мгновенно, иначе бы неминуемо поднялся шум. Не зря же дозорные имеют при себе сигнальные гонги... Конечно, Калека шустрая бестия, но не до такой же степени, чтобы ясным днем, на открытой всем взорам вершине холма задушить сразу двоих наторелых в своем деле воинов. Тут

нужно быть невидимкой. А может, они спали? Но нет, Надежда сказала вполне определенно — стоят.

— Спроси Калеку, в какую сторону глядел этот воин... Ну, перед тем, как умереть,— попросил он Надежду.

— К нам он стоял спиной,— чуть помедлив ответила она.— Спрашивай сам. Калека тебя прекрасно понимает. Я буду только отвечать за него.

— Он все время так стоял?

— Да.

— А второй?

— Тоже.

— Тогда все ясно,— Артем осторожно коснулся гонга.— Эти воины караулили какую-то опасность, которая может прийти только с одной стороны. Противоположной той, откуда пришли мы. За свой тыл они не опасаются. О нас им, скорее всего, ничего не известно.

— Значит, мы достигли края Страны Максаров,— сказала Надежда.— Эти воины охраняют границу. Прошло немало времени с тех пор, как жестянщики были укрощены в последний раз. Но их смирение — одна видимость. Новая война может начаться в любой момент.

— И ты не боишься войти в их страну безоружной?

— Чтобы максар боялся чумазых жестянщиков?— Надежда фыркнула.— Да они меня даже пальцем не посмеют тронуть. Вперед!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Воспользовавшись окном, образовавшимся в цепи дозорных, путники беспрепятственно добрались до линии границы, обозначенной уже знакомыми им каменными истуканами. Пустое пространство, ограниченное ногами-арками ближайшего из них, никак не прореагировало на брошенный сквозь него камень. Тем не менее чувства, которые испытывал Артем, вступая под низкие, грубо отесанные своды, нельзя было назвать особенно приятными. Однако ничего примечательного не случилось. Границы Страны Максаров действовали по принципу обратного клапана, пропуская всех странствующих и путешествующих только в одном направлении: отсюда — туда.

Слыша за спиной запоздалый перезвон гонгов, они, не таясь больше, двинулись через равнину, которую, похоже, сначала долго молотили гигантскими цепями, а затем поливали горячей смолой или чем-то в том же роде. От каймы леса-сторожа, составлявшего передовой рубеж обороны Страны Максаров, не осталось ничего, кроме голых, аккуратно заточенных к вершине кольев. Не вызывало сомнения, что в не очень отдаленном прошлом на каждый такой кол было нанизано довольно кошмарное украшение, под воздействием непогоды, стервятников и естественных процессов разложения успевшее утратить свой первоначальный весьма поучительный вид. Лишь кое-где на засохших древесных стволах еще висели черепа, тазовые кости и полукружья ребер.

— Калека помнит эту битву,— как бы нехотя сказала Надежда.— В тот раз его народ выступил против максаров в союзе с жестянщиками. Огромную армию прикрывали железные машины, способные метать огонь и гремучие смеси. И вся эта армада погибла, не пройдя и десяти тысяч шагов. Машины принялись уничтожать друг друга, а затем и тех, кого должны были защищать. Стена огня стояла до самого неба. Горели даже камни. А немногие уцелевшие воины готовили для себя острые колья и сами садились на них. Невредимые помогали раненым, сыновья уступали место отцам, а вождей пропускали без всякой очереди. Двое или трое максаров, устроивших всю эту бойню, стояли на ближайших холмах и покатывались со смеху.

12 Заказ 4240

Артем так и не понял, чего в словах Надежды было больше, сочувствия к несчастной судьбе жестянщиков или гордости за максаров.

Пройдя мертвый лес, они вновь углубились в запутанный, ветвящийся лабиринт лощин и балок. До того, как сделать очередной привал, путники отмахали немалое расстояние, но окружающий ландшафт ничуть не изменился, разве что кое-где появились редкие кустики жесткой травы. Не верилось даже, что это уже совсем другая страна.

По поведению Надежды было ясно, что все опасности остались позади, и поэтому Артем был слегка ошарашен, когда вокруг них внезапно сомкнулось кольцо вооруженных людей, чей суровый вид не предвещал ничего хорошего. Без всякого сомнения, это были жестянщики — такие же приземистые, большеголовые и коротконогие, как и расставленные вдоль границы изваяния. (Но, естественно, в уменьшенном масштабе). На них была одежда из добротной ткани, обувь на деревянной подошве и металлические шлемы. В руках воинов сверкали не мечи и алебарды, а устрашающего вида сложные устройства. Круглые желтые глаза горели нескрываемой ненавистью.

— Стой, проклятая ведьма! — крикнул один из воинов.— Ни шагу дальше! Мы не враждуем сейчас с максарами, но они также должны уважать наши законы и не переступать без особой надобности границу.

— Ты смеешь приказывать мне?— Надежда величавым жестом запахнула свой пропыленный плащ.— Запомни, жалкий червяк, для максаров не существует границ.

Жестянщик направил свое оружие прямо под ноги Надежды. Бесшумно полыхнувшая вспышка была так нестерпимо ярка, что Артем не только ослеп, но и впал в состояние близкое к ступору. Когда же к нему снова вернулась способность ощущать и мыслить, обстановка вокруг резко переменилась. На прежнем месте осталась стоять только Надежда, возле сапог которой еще продолжало малиново светиться пятно раскаленного камня, а все жестянщики сбились в кучу вокруг смельчака, поднявшего оружие на максара.

— Это мое последнее предупреждение! — Воин хотел сказать еще что-то, но сразу несколько ладоней зажали ему рот.

— Мое тоже.— Надежда повелительным взором обвела толпу, и жестянщики рьяно накинулись на своего товарища. Похоже, они совсем не соображали, что делают.— Отберите у него оружие, а потом забейте камнями. Подобные наглецы не заслуживают другой смерти.

— Прости его, несравненная! — вперед выступил жестянщик, отличающийся от всех остальных покроем одежды и куда более по-

чтенным возрастом. Кряхтя, он опустился на колени, а затем лег на землю лицом вниз, крестом раскинув руки.

— А тебя, как видно, научили правилам благопристойного поведения,— усмехнулась Надежда.— Но где же ты был раньше, когда это грубое мужичье оскорбляло меня?

— Максары не раз преподавали мне уроки благопристойного поведения,— голос старика звучал сдавленно и глухо, ему все время приходилось отплевываться от пыли.— Я начал осваивать эту науку еще в детстве, когда они убили моих родителей и всех братьев. Да и у твоего отца Стардаха я перенял немало хороших манер. Особенно после того, как он велел оскопить меня за недостаточную почтительность. А в то время, когда это мужичье оскорбляло тебя, я отошел в сторонку. Ведь гнев максара неминуемо должен был обратить их всех в крошево. Вот я и хотел избежать общей участи. Почему ты не покарала этот сброд своим смертоносным клинком, Ирдана?

— Если тебе известно мое имя, значит, известно и многое другое. Например, то, что мой клинок утратил прежнюю силу.

— Известно,— старик не то чихнул, не то удовлетворенно хмыкнул.

— Но тебя и этих людишек я могу уничтожить и без помощи клинка. Запомни это.

— Я это никогда не забываю.

— Тогда встань.

— Благодарю тебя, несравненная.— Старик с трудом поднялся, но остался стоять полусогнувшись, упираясь руками в поясницу.

— Как дошли до тебя все эти известия? Но только не пробуй лгать. Ведь я могу легко прочесть все твои мысли.

— Дабы такое не случилось, человека, выходящего на переговоры с максарами, просто не посвящают в тайны. Можешь сама убедиться, я знаю только то, что имею право знать.

— Тогда смотри мне прямо в глаза! — Несколько минут Надежда буквально пожирала старика взглядом, исследуя самые сокровенные глубины его сознания. Затем она задумчиво сказала: — Значит, в последнее время Стардаха никто не видел?— эта фраза прозвучала как вопрос-полуутверждение.

— Да, несравненная. Рана, нанесенная нашим клинком, не заживает даже на максаре. Ходят слухи, что ему пришлось заменить немалую часть своего тела. Он не оправился до сих пор.

— И все-то ты знаешь, жестянщик!

— Не называй нас жестянщиками. Эту кличку мы получили от врагов. Сами себя мы зовем первозданными. А мое имя — Азд Одинокий.

— Хорошо, Азд. Но и ты не зови меня Ирданой. Будь ты хоть

жестянщик, хоть первозданный, мне все равно. Для тебя слишком много чести звать максара по имени. Обращайся ко мне как принято: несравненная.

— Прости мою ошибку, несравненная.— Старик снова попытался лечь, но больше для вида.

— А теперь поговорим о вещах более серьезных. Как скоро я смогу встретиться с вождями твоего народа?

— Никогда. Все переговоры с ними ты будешь вести через меня. Сама знаешь почему...

— Пусть будет так,— Надежда нахмурилась.— А сейчас мне и моим спутникам нужен отдых и хорошая пища.

— Я обо всем позабочусь, несравненная.

Затем все первозданные, кроме Азда, покинули их. Воины, неся оружие на плечах тем же манером, каким пастухи носят свои посохи, двинулись в сторону границы, а старик повел путников в противоположном направлении. Извилистым оврагом они выбрались к дороге, гладкой и ровной, словно ее залили стеклом. Здесь их ожидал пустой экипаж, похожий на небольшие аэросани. (Калека, которому не хватало места в кабине, с трудом устроился на задних лыжах, в опасной близости от винта). Однако ехали они по этому шоссе очень недолго и вскоре пересели на громоздкую машину, передвигавшуюся по бездорожью посредством двух огромных архимедовых винтов.

— Никто не должен знать, в каких местах вы побывали, что делали и с кем общались,— пояснил Азд.— Стардах, конечно, догадается, где вы скрылись, но догадка — это еще не повод для войны.

— А как же те люди, что встретили нас? Ведь они слышали весь наш разговор слово в слово. Воля отца рано или поздно проникнет в их сознание,— сказала Надежда.

— Они смертники, несравненная. Их послали уничтожать дозорных, заметивших, как вы пересекали границу. Эти отступники приходятся нам братьями по крови. Максары приняли их на службу и превратили в сторожевых псов. За кусок хлеба и драную одежду они стерегут владения своих хозяев.

— Но ведь дозорных защищает невидимая стена. Через нее и камень не пролетит,— вмешался в разговор Артем.

— Ненависть наша обоюдна. Приняв вызов, они обязательно выйдут из-под защиты стены. Такие схватки происходят постоянно, и живыми из них редко кто выходит.

— А как же ты сам, Азд Одинокий? Или ты считаешь себя защищенным от прозорливости максаров?— в голосе Надежды прозвучала ирония.

— Я немного умею контролировать свое сознание. И едва только мне покажется, что кто-то копается в нем, нить моей жизни сразу

прервется. Смотрите,— он распахнул высокий воротник, скрывавший его шею почти до ушей.— Достаточно нажать на этот обруч в нужном месте, и моя голова отделится от тела. А что можно извлечь из такой головы? Боль да ужас смерти, ничего больше.

— Ну что же, если не умеешь рубить чужие головы, имей хотя бы мужество отрубить свою.

— Ты это верно заметила, несравненная. То, что для одних безделица, для других непосильный труд. Вы с детства привыкаете испытывать на чужих головах клинки, а мы учимся совсем другому.

— А ведь твоя почтительность притворная, Азд Одинокий,— Надежда сбоку уставилась на старика своим разящим взором.— В твоих речах я угадываю презрение и насмешку.

— Значит, я и в самом деле неисправимый наглец.— Старик сосредоточенно смотрел вперед.— Только тебе опять придется простить меня, несравненная. Отрезать у меня, кроме головы и конечностей, больше нечего, а все это еще может тебе пригодиться. Да и мой разум мутить сейчас не стоит. Потеряв управление, эта машина способна погубить всех нас.

— Тогда думай, прежде чем говорить. Мысли я еще могу простить, но не слова.

— Я как раз совсем не то хотел сказать. Разговор зашел о головах. Ведь для максара чужая голова не дороже гнилой репы... Вот я и подумал... Как бы головы твоих слуг не погубили нас... Возможно, будет лучше, если...

— Это не должно тебя беспокоить,— оборвала его Надежда.— Сознание одного из них неподвластно воле максаров. А второго я всегда держу под контролем. Если Стардах посягнет на его душу, я сумею помешать этому. Кстати, вон то существо, оказывается, знает тебя. Оно только что сообщило мне об этом.

— Кто — он?— Азд опасливо покосился на Калеку.— Откуда, интересно?

— Ты был еще совсем молодым, когда он привел на помощь вам свои отряды. Вы вместе выступили против максаров и оба сумели уцелеть в той битве, которую потом нарекли Великой Бойней. Тогда его звали Иллабран. В беспамятстве он попал в плен к Стардаху и был превращен в его прислужника. То, что ты сейчас видишь, уже третий его облик.

— Не ожидал я еще раз увидеть тебя, Иллабран Братоубийца,— старик тяжело вздохнул и покачал головой.— Много я слышал о твоих кровавых подвигах во славу максаров... Хотя я и понимаю, что ты не можешь отвечать за свои поступки, лучше бы тебе здесь не появляться.

Наступила долгая тишина, которую не решилась нарушить даже Надежда.

Машина шла напрямик через солончаки и ржавые болота, но всякий раз сворачивала в сторону, стоило только на горизонте появиться каким-нибудь строениям, дымам или стадам пасущихся овец, похожих издали на упавшие с неба плоские белые облака. Рассчитывать на то, что им удастся близко познакомиться с жизнью первозданных, не приходилось — хозяева приняли все меры, дабы визит прошел в условиях строжайшей тайны. За кого они боялись? За себя? За Надежду? Артем так и не мог понять, какой смысл имеет вся эта конспирация.

Приютом для них стало просторное бревенчатое жилище, затерявшееся среди глухого дремучего леса — первого настоящего леса, который Артем увидел с тех пор, как пришел в Страну Забвения.

Прислуга сплошь состояла из олигофренов с тупыми, бессмысленными лицами. Наверное, даже самый искушенный максар не смог бы ничего извлечь из их затуманенного рассудка. Угощение Артему и Надежде подали действительно царское. (Калека местом обитания для себя выбрал глубокую берлогу под выворотнем и пищей ему, как сказочному дракону, служили живые овцы).

— Ты можешь поведать мне, несравненная, какая нужда привела тебя в Страну Первозданных,— важно сказал Азд, когда с едой было покончено.

— Объясни мне сначала, почему вы зовете себя первозданными? Не чересчур ли кичливо это звучит? Тем более для такого забитого народа, как ваш.— Надежда нервничала и, наверное, поэтому дерзила.

— Максаров всегда удивляло, что еще кто-то, кроме них, может обладать чувством собственного достоинства. Да, мы разбиты, но не уничтожены, а тем более, не унижены. Позади лежит безмерная дорога времени, и такая же дорога ожидает нас впереди. А в долгой дороге всякое может случиться... Первозданными мы называем себя потому, что первыми пришли в этот мир после того, как божественные кузнецы выковали его из осколков другого, куда более великого и справедливого, но бесславно погибшего мира. Долго народ наш был гол, бос и не умел держать в своих руках даже палку. Сменилось немало поколений, прежде чем сюда явились предки максаров во всем блеске своего великолепия, с двигающимися крепостями, со стадами чудесных животных, с семенами невиданных растений. Они научили нас письму и ремеслам, они лечили людей и зверей, тогда они могли оживить даже мертвого. А посмотри, кем максары стали теперь! Несколько тысяч кровожадных чудовищ, сидящих в своих полуразрушенных гнездах.— Старик начинал говорить тихо и терпеливо, но постепенно слова

его становились все более смелыми и резкими.— Единственное, что вы еще умеете, это убивать, да еще превращать людей в послушных себе уродов! Вы забыли свое собственное прошлое, утратили способность к совершенствованию, живете только ради удовлетворения своих прихотей. Даже смертоносные клинки для вас сейчас делаем мы. Недолго вам осталось править этим миром. Рано или поздно вы передавите друг друга! Но нельзя допустить, чтобы вместе с вами погибло и все живое! Нельзя позволить Стардаху создать то, что он задумал — бессмертного и неуязвимого Мирового Зверя! Говори скорее, что ты хочешь от нас, несравненная! Совет вождей ждет от меня известий.

— Я хочу, чтобы вы вернули силу моему клинку,— раздельно произнесла Надежда, сдерживая клокочущую в ней ярость.— Или изготовили другой. Оружие нужно мне, чтобы сразиться со Стардахом. Думаю, что от этого будет выгода и вам.

— Волчица может растерзать волка, но после этого она не перестанет резать оленей. Что один максар, что другой... Но я все же посмотрю твой клинок. Дай его сюда.

Надежда вытащила клинок из-под плаща и положила на стол, среди пустых кубков и тарелок с объедками. Азд долго рассматривал оружие, не прикасаясь к нему. Затем его толстые пальцы быстро забегали по рукоятке и лезвию.

— Сделать тебе новый клинок мы не сможем. Максары знают всех мастеров наперечет и не спускают с них глаз. Да и материалы, нужные для этого, мы получаем только от них. Или это еще старые запасы, или дань, взымаемая с неведомых нам народов. В нашей земле такие металлы не встречаются. Но отремонтировать твой клинок, думаю, можно. В подвале есть мастерская со всем нужным инструментом.— Он ловко отсоединил гарду от рукояти и презрительно усмехнулся.— Здесь ковырялись грубые и неумелые руки. Скорее всего, заказ Стардаха выполнял один из отступников, пусть ослепнут его глаза! Я передам твою просьбу куда следует, несравненная. Как только придет ответ, можно будет браться за работу.

— Какой ответ?— переспросила Надежда.— Что-то я тебя не совсем понимаю.

— Тебе сообщат цену, которую мы потребуем за свою работу. Если она удовлетворит и тебя, договор будет заключен.

— Надеюсь, цена эта не будет чрезмерной.

— Чрезмерной ценой можно считать только твою жизнь. В твоем положении не торгуются, несравненная.

— Но тебе еще придется научить меня владеть клинком. Я даже не имею представления, как он устроен. Какая сила вселяется в него во время боя? Что помогает ему рассекать железо так же легко, как и стебелек цветка?

— Знаний, которыми обладают сейчас максары, уже не хватает, чтобы понять устройство клинка во всех деталях... Обрати внимание вот на это.— Азд указал на довольно неуклюжую скульптуру, весьма условно, без детализации изображавшую человеческую фигуру. Вся она была составлена из множества разноцветных шариков, ничем, кажется, не скрепленных между собой. Лишь внимательно присмотревшись, можно было заметить, что каждый шарик связан с соседними посредством тончайших прозрачных нитей.— Наше бренное тело, несравненная, впрочем, как и любой другой реальный предмет, состоит из бесконечно большого количества мельчайших частиц.— Кончиком клинка он тронул один из шариков.— Все эти частицы связаны между собой, иначе наш мир давно бы распался. В железе эти связи сильнее, в нашей плоти слабее, но, чтобы разорвать их, обязательно требуется приложить силу.— Клинок вонзился в грудь фигуры и увяз, запутавшись в проволочной сетке.— А теперь я сделаю по-другому.— Взяв из жаровни горящую головню, Азд провел ею за спиной манекена.— Как видишь, свет проходит между этих частиц беспрепятственно.

— Но когда ты уберешь источник света, это чучело останется таким же, как и прежде,— возразила Надежда.

— Верно,— согласился Азд.— Если речь идет только о свете. Но наш клинок в боевом состоянии уже не сталь, и еще не свет, а что-то среднее. Он свободно проходит между частицами любого вещества, однако безнадежно нарушает их связи. Клинком с одинаковым успехом можно расщепить человеческий волос и разрубить камень. Единственное ограничение — расстояние. Клинок действует не далее, чем на пятьдесят шагов. Все остальное я объясню и покажу тебе потом, уже на деле. А пока отдыхай, несравненная. Мой вестник с зашифрованным сообщением отправится в путь немедленно. Не старайся проследить его путь, это тебе не удастся.

— Ты уверен?— рассеянно произнесла Надежда, не отводя взгляда от клинка, все еще торчавшего в груди манекена.

— Прежде чем достичь тех, кому оно предназначено, послание пройдет через многие руки, и не все эти руки будут руками людей.

— Как же вы меня боитесь...

— Мы боимся не тебя, мы боимся максаров.

Артему было, над чем думать.

«Если Азд не лжет (а на это не похоже), значит, максары вовсе не аборигены здешних мест. Еще в незапамятные времена потеснив первозданных и другие народы, они затем отгородились от них

неприступными стенами. Где же тогда их родина? И вообще, что могло заставить сильный цивилизованный народ искать счастья в чужой земле? Или вселенская катастрофа (вариант праотца Ноя), или корысть (вариант испанской конкисты). Рассуждать о том, почему максары деградировали, пока не стоит. Мало фактов, да и не мое это дело. Мне нужно найти правильную дорогу и заняться, наконец, тем, ради чего меня сюда послали. Не мешало бы осторожно прощупать Азда. Возможно, первозданные сохранили какие-нибудь письменные источники, принадлежавшие некогда максарам. Или хотя бы записали их легенды. А что имел в виду старик, когда говорил о божественных кузнецах, сковавших этот мир из осколков другого?»

Однако Азд оказался не слишком удобным собеседником. Стоило только Артему перевести разговор с общих тем на что-то конкретное, например, на историю взаимоотношений максаров с первозданными, как у старика сразу находилось какое-нибудь неотложное дело. Оживился он лишь однажды, когда Артем случайно упомянул имя Адракса.

— В ту пору, когда он уже был изгоем, по пятам преследуемым слугами Стардаха, а я доставлял в земли максаров дань, мы не раз встречались и по ту и по эту сторону границы. Уже тогда он предсказал многое, что потом случилось... Даже свою смерть.

— Я прошел вместе с Адраксом немало дорог,— сказал Артем.— Мы даже сидели вместе в подземной тюрьме Стардаха. Мне он показался... каким-то странным. Не похожим на других максаров.

— Максар с клинком в руках и максар безоружный не совсем одно и то же. Но, конечно, Адракс — это не Стардах... Что-то угнетало его. Он как будто сам искал смерти. Много раз преследователи теряли его след в неведомых краях, но всякий раз он сам возвращался к границам Страны Максаров.

— Что тут удивительного. Даже зверей тянет в родные края.

— Так то зверей... Для максара не существует привязанностей. Тем более, что эта земля не родная для них. Сколько бы поколений не родилось и не умерло в этой стране, они всегда ненавидели ее. Поэтому и вели себя здесь, как разбойники в чужом доме.

— Так где же тогда их родина?

— Наверное, они сами забыли об этом, как и о многом другом. Слышал, что в давние времена народ максаров распался на несколько ветвей и каждая выбрала свой собственный путь.

— Но что-то же заставило их покинуть обжитые места?

— Это древняя и темная история. Не то они сами погубили свою родину, не то она отвергла их... Да и зачем это знать тебе, созданию максаров? И вообще, кто ты такой? Зачем явил-

ся сюда? Почему выспрашиваешь о том, чего не положено знать чужаку?

— Я не создание максаров и не слуга им. Даже Ирдану я могу покинуть в любой момент, хотя меня и связывают с ней некоторые обстоятельства. Пришел я издалека и видел столько стран, сколько, наверное, не видел и Адракс. Но сейчас я заблудился. Это не мой путь.

— И куда же должен лежать твой путь?

— Мир, который я ищу, скорее всего, имеет немало разных названий. Но мне он известен как Изначальный. Не приходилось ли тебе что-нибудь слышать о нем?

— Нет,— резко ответил Азд.— Ничего.

— А не слышал ли ты о...

— Нет,— Азд встал, что, очевидно, означало конец разговора.— Я слаб слухом и памятью. Потому-то мне и доверили столь щекотливую миссию. Но одно я могу тебе сказать: весь этот мир сотворен не созидающей, а разрушительной силой. Для чего в него вброшены мы, несчастные людишки, остается одной из главных загадок бытия. Имеют ли к этому отношение максары, я не знаю. Но думаю, что вряд ли. Скорее всего, они такие же жертвы, как и мы. Вот и все. Больше мы на эту тему говорить не будем.

И действительно, в этот раз Артем больше не добился от старика ни слова.

Жестянщики умели измерять время, даже самые малые его промежутки, и пользовались календарем, чересчур сложным и запутанным для народа, не имевшего понятия о смене времен года, а тем более — о месяцах и сутках. Скорее всего, это был анахронизм, сакральный рудимент, память о столь далеком прошлом, что сама вещь уже утратила утилитарное значение, превратившись в некий символ веры, однако создавшие его существа, несомненно, могли наблюдать звездное небо и происходящие на нем циклические явления, будь то смена фаз спутников, изменение угла наклона колец или нечто в том же роде. Кому принадлежал этот календарь когда-то — неведомым предкам жестянщиков, максарам, какому-нибудь другому народу — оставалось только догадываться.

Скоро Артема стала донимать скука — он давно уже отвык от размеренной жизни, обильной еды и долгого сна. Азд избегал его, прислуга понимала только простейшие просьбы, отношения с Надеждой оставались натянутыми. Все чаще он проводил время в компании Калеки. Сидя на краю берлоги, он что-нибудь рассказывал или просто размышлял вслух, а его молчаливый товарищ

внимательно слушал (то есть не делал нетерпеливых жестов). Проблем в общении почти не было — движение любого из щупальцев могло выразить и согласие, и протест, и одобрение, и гнев (вплоть до понятий чисто отвлеченных). И когда Калека однажды ткнул своей змееобразной конечностью в сторону дома, изобразив при этом и финал долгого ожидания и благую весть, Артем сразу понял, что гонец, посланный Аздом, вернулся.

Однако во дворе и в жилых покоях не было заметно суеты, обычно сопровождающей подобные события, да и новых лиц вроде не прибавилось. Артем пробыл в тревожном неведении до самого обеда, который, вопреки правилам, накрыли в подвальном зале. Следовательно, предстоял серьезный разговор, что косвенно подтверждало догадку Калеки.

Богато (хотя на вкус Артема несколько аляповато) обставленный бункер освещался высоким сосудом, в котором мерцала серебристая жидкость. За столом прислуживал сам Азд, торжественный и молчаливый, как никогда. Хотя угощение оказалось отменным, Артему кусок в горло не лез. Надежда к еде вообще не притронулась, а только нервно мяла пальцами хлеб. Уж она-то наверняка была в курсе всех последних событий.

— Да перестань, наконец, бряцать посудой,— сказала Надежда.— Ведь ты уже виделся с гонцом. Но я до сих пор не могу понять, какое известие он доставил. Неужели вы научились скрывать свои мысли от максаров?

— Я сам еще не знаю содержания послания, точно так же, как и доставивший его гонец. Оно здесь, записанное тайными знаками.— Азд вытащил из поясной сумки квадратик плотной желтоватой ткани.

— Опять какие-то фокусы,— фыркнула Надежда.— Разве нельзя было передать эту весть изустно?

— Письмена, которыми мы пользуемся, изобрели ваши предки,— невозмутимо ответил Азд.— Посредством их они могут сейчас говорить с нами через бездну времени. Эти малопонятные для непосвященного знаки — речь тех, кто не может явиться перед нами.

Окунув послание в бокал с вином, он затем поднес его поближе к свету. Со своего места Артему было хорошо видно, как на желтом фоне стали проявляться бурые каракули, похожие на бессмысленные рисунки ребенка. Азд стоял, закрыв глаза, словно опасаясь прочесть свой смертный приговор.

— Долго ты будешь испытывать мое терпение?— Надежда топнула ногой.

— Я готов. Но... Нужен ли нам свидетель?

— Повторяю, от него у меня нет тайн! — Надежда даже не глянула в сторону Артема.

— Воля твоя, несравненная.— Азд разлепил глаза и уставился в текст.— Ты читаешь мои мысли быстрее, чем я эти письмена, поэтому буду краток. Ты получишь клинок исправным, если выполнишь одно-единственное наше условие. Здесь, в этом доме, ты зачнешь ребенка от мужчины народа первозданных. Как только он родится, ты немедленно передашь его нам, даже не поднося к груди. В послании написано еще кое-что, но это — самое главное.

Наступила тишина. Все, включая Азда, были ошеломлены. Первой пришла в себя Надежда.

— Зачем вам мой ребенок? — Глаза ее опасно сощурились.— Зачем вам дитя максара? Хотите хоть на нем отыграться за свои поражения? Жаждете насладиться местью?

— Нет, над ним не будут издеваться,— Азд снова уставился в послание.— Нам нужен вождь, не менее сильный и проницательный, чем любой из вас. Ты родишь нашего защитника.

— Свора псов решила вскормить льва! Разве ты не знаешь, что максаром мало родиться. Им нужно еще стать!

— Это будут уже наши хлопоты, несравненная.

— И кто же, интересно, назначен в отцы? Уж не ты ли?

— О своем мужском естестве я вспоминаю только тогда, когда брею бороду. Человек, который отдаст тебе себя, молод, здоров и силен. Исполнив свой долг, он немедленно умрет, дабы это событие осталось тайной для максаров. Настоящим отцом твоему ребенку будет весь народ первозданных.

Надежда, куда более бледная, чем обычно, встала и с видом сомнамбулы двинулась в обход стола. Ее плащ зацепился за что-то, и она рванула его так, что плотная ткань лопнула по всей длине. Азд сжался, став похожим на жирного мышонка, к которому приближается кошка.

— И как только вы осмелились предложить мне такое?— с жутким весельем спросила Надежда.— Твоя жалкая жизнь весьма малое возмещение за подобное оскорбление.

— Ты вправе отказаться,— ответил Азд, уже действительно готовый распрощаться с жизнью.— Забирай свой клинок и ступай, куда тебе вздумается. Но от своего решения мы не откажемся.

Руки Надежды застыли в нескольких сантиметрах от горла старика, а затем безвольно опустились.

— Допустим, я приму ваши условия,— сказала она бесцветным, усталым голосом.— Где мне тогда придется рожать? Здесь?

— Об этом в послании не сказано. Тут мы тебе не указчики.

— А если я обману вас и не отдам ребенка?

— Тогда тебя погубит твой собственный клинок. Для нас устроить это будет нетрудно.

— Не означают ли твои слова, что жестянщики способны уничтожить всех максаров, имеющих клинки?

— Мы можем уничтожить любого максара, клинок которого приведен в боевое состояние. Но маловероятно, чтобы одновременно в таком виде находилось больше дюжины клинков. Допустим, их хозяева погибнут все разом, на радость соседям. Но что будет потом с нами? Какая участь ждет мой народ? Против нас максарам не клинки нужны. Это оружие они применяют только против равных себе. Нас они вырежут так же просто, как волки — стадо овец.

— Клинок необходим мне только для борьбы со Стардахом. Зачем он будет нужен мне, если я убью своего отца еще до того, как родится ребенок?

— Безоружный максар то же самое, что беззубый лев. Его сожрут собственные братья.

— Я могу воспользоваться оружием Стардаха.

— В каждом клинке есть свой секрет. Управляться с ним может только хозяин или тот, кому он доверяет. Сомневаюсь, что перед смертью Стардах откроет этот секрет тебе.

— Вы, кажется, все предусмотрели. Кроме одного.

— Чего же?— насторожился Азд, уже успевший пересилить испуг.

— Гордость и честь могут оказаться дороже жизни.

— Гордость! Честь! — глаза старика внезапно сверкнули.— Разве может быть гордость и честь у вампиров? Вы насилуете детей и совокупляетесь с животными! Вы пожираете человеческое мясо! Вам мало просто убить, вы наслаждаетесь муками жертвы! Ваши цитадели воздвигнуты на костях! Вас нельзя разжалобить или уговорить! От вас не откупишься! Вы — наказание, ниспосланное всему живому за неведомые грехи! О чем ты говоришь? Какая честь! Какая гордость! Если они у тебя действительно есть, значит, ты вовсе не максар и не подходишь для нашего дела! Живи среди наших женщин, готовь вместе с ними еду, шей и стирай! Клинок тебе ни к чему!

— Ладно,— отчетливо сказала Надежда.— Пусть будет по-вашему. Веди сюда твоего красавца. Но и у меня имеется одно условие. После всего... он останется жить и будет сопровождать меня в Страну Максаров. А об его памяти я сама позабочусь...

...И тут Артем окончательно понял, что девочки по имени Надежда (хрупкие плечи, шаловливый взгляд, мягкие податливые губы) давно нет, что она навсегда исчезла, переродившись в Ирдану — безжалостную богиню с глазами василиска.

Однако никогда еще он не любил ее так мучительно и сильно, как сейчас, никогда — даже в минуты смертельной опасности —

он не ощущал сердцем такую пустоту и боль, как от слов: «Ладно, пусть будет по-вашему!»

Наверное, нужно было что-то сказать, но в горле его словно сухая тряпка застряла. Наверное, нужно было что-то сделать, но любой его поступок, кроме самого простого — уйти — выглядел бы сейчас глупо.

«Чего она ждет,— подумал Артем.— Почему не гонит меня?»

Заслышав за дверью чьи-то неуверенные, медленно приближающиеся шаги, он встал, еще сам не зная, как будет действовать в следующую секунду: бросится с кулаками на соперника, отхлещет по щекам свою бывшую подругу или в отчаянии разобьет о стену собственную голову — но Надежда-Ирдана, все еще стоя к нему спиной, кратко и властно сказала: «Сиди!» Это немного отрезвило Артема, и дальнейшую сцену он наблюдал если и не с олимпийским спокойствием, то, по крайней мере, без надрыва. Вошедший в зал жестянщик был нескладен, как и большинство его соплеменников, и в то же время очарователен, как очаровательно бывает все юное — будь то верблюжонок или молодая горилла. Он старался держаться с достоинством, но глаза его выражали панический страх. Не на брачное ложе он явился, а на Голгофу.

— Ты знаешь, для чего послан сюда? — спросила Надежда.

— Да,— ответил жестянщик.— Отец сказал мне.

— Азд твой отец?

— Приемный. Мои родители погибли в том же сражении, что и его дети.

— И ты согласен умереть после этого?

— Да.

— Почему?

— Я ненавижу максаров.

— Умереть лучше от любви, чем от ненависти.

— Я люблю свой народ. Я люблю своих друзей. Я люблю Азда. Возможно, когда-нибудь моя смерть принесет им пользу.

— А ты такой же дурак... как и все вы. Что же ты стоишь, как столб? Делай то, ради чего ты пришел. Возьми меня. Разве я хуже ваших девушек?

— Сейчас... Только не смотри на меня так... Я...

— Да ты не просто дурак, но еще и трус. И такие, как ты, хотят победить максаров?

— Мы победим вас. Обязательно.— Пересилив себя, он шагнул вперед.— Сейчас ты убедишься, что я не боюсь тебя.

Надежда осторожно взяла молодого жестянщика за шиворот, ногой распахнула дверь и, как напроказившего щенка, выбросила его в темный коридор.

— Досчитай до тысячи и уходи. Скажешь Азду, что дело сделано. Еще скажи, что я беру тебя к себе оруженосцем.

Затем дверь с треском захлопнулась, и заключительным аккордом лязгнула задвигаемая щеколда. Надежда повернулась к Артему. Глаза ее были полуприкрыты, и тени от ресниц лежали на скулах, как черные полумесяцы.

— Я пообещала жестянщикам подарить им своего ребенка... Ты должен помочь мне в этом.

В ее словах был призыв, прощение былых обид и упование на будущее, но что-то сковывало Артема, не позволяя действовать. Сходные чувства, наверное, испытывала и Надежда, бесцельно бродившая по залу.

Все оказалось намного сложнее, чем даже в первый раз, когда всепоглощающая страсть не ведала стыда и не нуждалась в услугах опыта. Теперь Артем и Надежда стали другими, да и немало тяжелых воспоминаний легло между ними: и проклятая рама, на которой он сотни раз умирал под ее ножом, и гибель Адракса, и развороченная постель Генобры. Он боялся даже прикоснуться к ее телу, ибо не знал — осталось ли оно человеческой плотью или оделось в чешую дракона.

Внезапно Надежда остановилась возле светящегося сосуда и резким движением опрокинула его. Фейерверк холодного мерцающего огня рухнул на пол, искрами рассыпался во все стороны и угас, постепенно меняя свой цвет от серебристо-голубого и фиолетового до пурпурного. Наступил мрак, который бывает только в подземелье, да, пожалуй, еще в могиле.

Артем встал и наощупь двинулся туда, где еще недавно пылал высокий фонтан живого света. Посреди зала он столкнулся с Надеждой, которая шла ему навстречу. Они вцепились друг в друга так крепко, как будто собирались не любить, а сражаться. Артем попытался что-то сказать, но Надежда опередила его. «Молчи! — прошептала она.— Только не говори ничего!» Не разжимая объятий они осели на мягкий ковер, и Надежда, как и в тот первый раз, сама поцеловала его. Завитки ее волос коснулись его лица, и вместе с их ароматом вдруг вернулось все прежнее. Они словно перенеслись во времени и пространстве назад — в Страну Черепах, в темную утробу подземной хищницы, в засыпанный снегом и укрытый туманами мир, где она была милой взбалмошной девчонкой, а он влюбленным в нее скитальцем.

Поцелуй получился долгим, потому что взаимная жажда, иссушившая их души, слишком затянулась, да еще, наверное, потому что оба они теперь могли не дышать часами.

Затем ее пальцы словно мягкие маленькие зверьки перебежали с его затылка на плечи, а нежная грудь прижалась к губам. И что ему было до того, что эти пальцы могут ломать сталь, а грудь выдерживает удар пули! Гибкие и сильные, они катались по ковру, то сплетаясь, как змеи в брачную пору, то принимая самые немыс-

лимые положения. Там, где только что была мокрая от слез счастья щека, вдруг оказывалось упругое бедро или узкая лодыжка, а он ощущал ожоги ее поцелуев по всему телу. Тьма совсем не мешала им — пальцы и губы были куда прозорливее глаз.

Нельзя было даже приблизительно определить, сколько это длилось, много часов или всего несколько минут (недаром древние верили, что время любви не идет в счет человеческой жизни),— но вот наступила пора, когда их тела окончательно слились, став двумя равноценными частями одного неразделимого целого. Вместе, уже на последнем дыхании они домчались до края бездны, за которым был только краткий упоительный миг, на циферблате человеческой жизни противолежащий смерти и эту смерть собой искупающий...

Тьма не располагала к громким словам, и они разговаривали полушепотом, хотя в этом подземном убежище их вряд ли кто мог подслушать.

— Что-то я не совсем уверен, что все у нас получилось, как следует. Надо бы для верности еще несколько раз попробовать,— говорил он, уткнувшись носом в ее волосы.

— Да уж, придется,— расслабленно отвечала она.— Нельзя подводить бедных жестянщиков.

— Кто у нас будет, как ты считаешь?

— Сын. Это уже точно!

— И мне так кажется. Спроси у будущего, на кого он будет похож.

— Этого нам никогда не узнать.

— Почему.

— Мне не суждено увидеть своего ребенка. Ни крошкой, ни тогда, когда он вырастет. Так уж предопределено судьбой.

— Печально... А он действительно станет Губителем Максаров?

— Единственное, в чем я уверена,— он благополучно появится на свет. Все дальнейшее скрыто мраком. И этот мрак надвигается на меня. Очень медленно, но надвигается.

— Перестань меня пугать... Рано или поздно мрак настигнет любого из нас. Давай не будем об этом говорить сейчас.

— Давай...

— Интересно, догадается ли Азд, что его обманули?

— Старик не так прост, как это кажется. Кое-чему жизнь его научила. Стоит только мне проникнуть в его мысли, как он ввергает себя в состояние, близкое к обмороку. Это не сон и не явь. Сознание открыто, но все в нем так перепутано, что невозможно ничего понять. А относительно обмана... Тут ты не прав. Им нужен ребе-

нок с кровью максара. Ни больше и ни меньше. Не так уж важно, кто станет его отцом. Даже наоборот, наследственность жестянщиков может повредить ему. Они хитры и изобретательны, но трусливы.

— Некоторые ведут себя довольно смело, я бы даже сказал — вызывающе.

— Это напускное. Ты не умеешь читать в душах. Бывает, что обезумевший олень бросается на льва. Но никогда оленям не победить львов.

— Если только оленей не поведет в бой выросший среди них лев.

— Лев не может вырасти среди оленей. Чему они могут научить его? Есть траву? Он либо подохнет с голода, либо сбежит, зарезав своих воспитателей. Как ты не понимаешь таких простых вещей?

— Так мы с тобой снова рассоримся. К чему эти бессмысленные препирательства? Сейчас мы в безопасности, но скоро наша жизнь снова повиснет на волоске. Нужно дорожить каждым ее мигом. Лучше обними меня покрепче.

— Нет, нам уже пора идти. Даже оленей не стоит дразнить без особой нужды.

В доме царила необычайная тишина. Вскоре Артем и Надежда убедились, что все слуги покинули его и, судя по беспорядку в комнатах, покинули в спешке.

Посреди огороженного частоколом двора они обнаружили Азда, одетого как для боя — в потертый и прожженный балахон из нескольких слоев толстой кожи и кольчужные перчатки. Он только что отвалил ломом тяжелую железную плиту, прикрывающую круглое отверстие — не то горловину колодца, не то начало уходящего вертикально вниз подземного хода,— и сейчас опускал туда на веревке объемистый, но, скорее всего, не очень тяжелый мешок. Еще несколько таких же мешков лежало рядом, ожидая своей очереди. Среди них валялся и клинок, небрежно завернутый в ветошь.

Не ожидая расспросов, Азд кратко пояснил, что намерен спуститься в мастерскую, где и займется ремонтом поврежденного клинка. На поверхность он поднимется только после завершения работы. Все посторонние из дома удалены, и гостям придется самим позаботиться о себе, что не должно доставить им неудобства, поскольку в кладовых достаточно пищи, а в загонах овец. От помощи, предложенной Артемом, старик вежливо отказался. По его словам, причиной этому была вовсе не боязнь раскрыть свои секреты, а опасность, грозящая здоровью всех, кто хоть как-то связан с ремон-

том и созданием клинков. Жизнь оружейников коротка — они опухают, слепнут, теряют зубы и волосы, их кожа синеет и покрывается язвами. Когда Надежда осведомилась, где же ее новый приятель, Азд неопределенно ткнул пальцем в отверстие колодца, и что-то похожее на досаду отразилось на его одутловатом лице.

Когда все мешки были отправлены вниз, старик плотно надвинул на голову капюшон своей странной одежды и, подобрав полы, полез в нору, из которой тянуло прохладой и затхлостью. Артем не преминул заглянуть в нее. Колодец, выложенный изнутри металлическими кольцами, резко расширялся книзу, а по его окружности шла узкая винтовая лестница, шестая или седьмая ступенька которой терялась во мраке. Единственное, о чем на прощание попросил Азд — ни при каких условиях не закрывать люк.

Для этого, видимо, были веские причины, потому что спустя некоторое время из колодца повалил густой серый дым.

Внешние проявления того, что творилось в подземелье, могли ассоциироваться только с работой кузницы Гефеста. Дым то извергался клубами, то лишь слегка курился, а однажды над колодцем встал рыжий страшноватый гриб. Глухие толчки заставляли дребезжать посуду на кухне и тревожно блеять овец в загоне.

В большом обезлюдевшем доме все как-то быстро покрылось пылью и пришло в запустение. В комнатах толкалась мошкара, а в подполье шуршали грызуны. Сырость и неуют все чаще гнали Артема и Надежду на свежий воздух, в мягкий сумрак вековечного леса, где ветер разносил запахи цветов и смолы, а трава на полянах была мягче любой постели. Здесь они забывали и о Стардахе, и о Азде, и о клинке, и о всех мирах, через которые им пришлось вместе пройти. Они утоляли голод ягодами и диким медом, пили родниковую воду и сладкий сок, любили друг друга на ложе из свежей хвои и засыпали там, где к ним приходил сон. Птицы и звери не пугали влюбленных, а они не причиняли вреда их норам и гнездам. Надежда рассказывала о своей жизни в Стране Забвения, и в этих рассказах детские впечатления причудливо переплетались со странными снами, смутными воспоминаниями о мире максаров и пророческими видениями. Артем же развлекал ее нескончаемой запутанной сказкой, где были и Золушка, и Шахразада, и Белоснежка, и Снежная Королева.

Они как будто догадывались (а Надежда могла и наверняка знать), что это их последние счастливые минуты, и потому хотели растянуть свое счастье до бесконечности. Эту идиллию нарушил Калека.

Надежда только на мгновение глянула в его сторону, но за это мгновение, наверное, было сказано очень многое.

— Нас ищут,— она встряхнула головой, словно прогоняя остатки сладкого сна.— Клинок готов.

Радости в ее словах не было.

На этот раз Азд встретил их сидя и даже не попытался встать, чтобы поприветствовать Надежду. Однако с первого взгляда было ясно, что причиной этому является не его чрезмерная гордыня, а крайняя степень усталости. Лицо старика еще больше распухло, глаза превратились в щелки, кожа потемнела и на скулах отливала багрово-синим глянцем. Сейчас он был похож на утопленника, пролежавшего на дне реки по крайней мере неделю.

Его приемный сын стоял чуть сзади и держал в руках клинок. На Надежду он упорно старался не смотреть.

— Подтверждаешь ли ты, несравненная, свое прежнее обещание?— болезненно морщась, спросил Азд.

— Подтверждаю,— ответила Надежда без всякого выражения.

— Ты уверена, что зачала ребенка?

— Уверена.

— Ошибки быть не может?

— Максары в достаточной мере владеют своим телом, чтобы не ошибаться в подобных делах.

— Сейчас тебе передадут клинок. Как ты намерена поступить дальше — останешься здесь или вернешься в свою страну?

— Я немедленно покину этот дом. Необходимо покончить со Стардахом прежде, чем плод станет тяготить меня.

— Сумеешь ли ты так быстро исполнить задуманное? Времени у тебя немного. Стоит ли рисковать ребенком?

— В период опасности, голода или войны мы способны задержать развитие плода безо всякого ущерба для него.

— А ускорить?— впервые в словах Азда прозвучал неподдельный интерес.

— Можно и ускорить.— Надежда еле заметно усмехнулась.— Но тогда я сама сгорю, словно свечка.

— Мой приемный сын Яшт будет сопровождать тебя. Ты сама просила об этом. Ему ты и отдашь новорожденного.

— Хорошо.

— Кроме того, ты обеспечишь его надежной охраной до рубежа Страны Максаров.

— Постараюсь...

— Это было наше последнее условие. Прежде, чем ты получишь оружие, которое когда-то было сделано для Адракса, а теперь станет твоим, я покажу тебе, как с ним управляться.— Старик протянул правую руку в сторону, и Яшт вложил ему в ладонь эфес клинка.— Никогда не пытайся проникнуть в секрет его устройства. Этим ты

можешь разбудить такие силы, которые способны устрашить даже бессмертных богов. Это оружие питают кровь и плоть тех, кого оно убивает. Но перед схваткой не помешает его немного подкормить — сунуть в землю или воду. И запомни главное. Твой клинок на целую треть длиннее любого другого. Тут уж мы постарались. Это еще не гарантирует тебе победу, но дает изрядное преимущество в схватке с другими максарами. А теперь смотри внимательно...

Старик взялся за эфес обеими руками.

— Пусть смотрит и он,— Надежда кивнула на Артема.— Если со мной случится беда, ребенка придется защищать ему.

— Воля твоя, несравненная. Смотрите оба... Сначала нажимаешь здесь и поворачиваешь сюда. Клинок пока выглядит как обычно, но предохранитель уже снят и разящая сила готова проснуться. Соблюдай осторожность. Острие следует направлять только в сторону врага. А теперь внимание! Я поворачиваю вот эту часть эфеса сюда и нажимаю здесь. Все!

Сверкающее лезвие истаяло, став почти прозрачным, и одновременно стремительной тенью рванулось вдаль.

Прочь полетели верхушки частокола и нависавшие над ними ветки деревьев.

— Я довольна твоей работой, Азд Одинокий,— сказала Надежда, уже вновь превратившаяся в холодную и беспощадную богиню.— Осталось только вернуть клинок в прежнее состояние.

— Это еще более просто. Смотри. Раз! Два! Готово!

Рука Азда еще не выпустила клинок, а пальцы Надежды уже легли поверх нее. Кости оружейшика негромко хрустнули, а синюшное лицо скривилось.

— Прости меня,— спокойно вымолвила наследница Стардаха.— Кажется, я немного поторопилась.

— Это ты прости меня, несравненная.— Азд прижал поврежденную руку к груди.— Я забыл, как нетерпеливы бывают максары, едва только в воздухе запахнет кровью.

— Ты забыл не только это. Ты забыл, что максара нельзя допрашивать, словно блудливую девку. Спасибо тебе за клинок, но всегда помни, кто ты и кто я... А теперь пусть твой сын соберет немного еды и следует за нами.

— Скажи, несравненная.— Старик встал, цепляясь за стенку. Лицо его приобрело жалкое, почти подобострастное выражение.— Скажи мне... Ведь ты умеешь заглядывать в будущее... Я еще когда-нибудь увижу Яшта?

— Нет,— без промедления ответила Надежда.— Вам лучше попрощаться навсегда.

— Если так, то я сам провожу вас к границе. Там мы и попрощаемся.

Азд прилег в доме немного отдохнуть перед дорогой. Яшт собирал походный мешок. Калека отлеживался в своей берлоге, наедаясь впрок, и Артем понял, что это, возможно, последняя минута, которую они проводят с Надеждой наедине.

— Ты получила, что хотела,— сказал он.

— Я получила то, что всегда принадлежало мне по праву,— рассеянно ответила Надежда. Мысли ее были уже далеко отсюда, где-то у стен отцовской цитадели.

— Следовательно, схватка со Стардахом предопределена?

— А разве нет?

— Давай порассуждаем вместе. Допустим, ты одолеешь Стардаха, хотя я до сих пор не представляю, как это можно сделать. Захватишь его цитадель. Перебьешь всех его прислужников и всех тех новых монстров, братьев Калеки по несчастью, которых он успел за это время наделать. Что потом? Остается еще Генобра, ненавидящая тебя лютой ненавистью, остается сумасшедший молокосос, домогающийся твоего тела, остается Карглак...

— При чем здесь Карглак? — Надежда пожала плечами.

— Он, наверное, единственный из максаров, хоть как-то пекущийся за ваше общее дело. Поэтому для тебя он опаснее всех других. Едва только станет известно о твоей беременности, он вспомнит предсмертное пророчество Адракса. А другие максары? Думаешь, они дадут тебе жить спокойно?

— Но и от меня им покоя не дождаться.

— Я тоже об этом. Весь остаток жизни тебе придется засыпать под грохот боя и просыпаться в дыму и пламени осады. Для пополнения рядов своей челяди тебе понадобятся новые рабы. Кровь зальет твой дом. Ты уподобишься Стардаху, а возможно, даже и превзойдешь его в душегубстве. Разве о такой жизни ты мечтала?

— Так,— сказала Надежда, поигрывая клинком.— А что можешь предложить ты?

— Эпоха максаров на закате. Неужели тебе не терпится принять участие в кровавой распре, которая еще долго будет сотрясать эту несчастную страну? Разве ты мечтаешь увидеть, как твой сын поведет на максаров армии жестянщиков, пусть и трусливых, но вооруженных могучим оружием, спаянных железной дисциплиной, а главное — вдохновляемых могущественным вождем? Сможешь ли ты тогда чем-то помочь своим гибнущим соседям? Устоишь ли в схватке с собственным сыном? Тебе уже не спасти этот мир. Спаси хоть бы себя, а главное — свою душу. Не вмешивайся в бессмысленную свару. Не проливай чужой крови, пусть даже это будет кровь Стардаха или Генобры. Прости своих обидчиков, а если простить не можешь — хотя бы оставь их в покое. Они сами свернут себе шею. Не переступай границы Страны Максаров! Я знаю достаточно миров, до которых никогда не дотянутся лапы Стардаха. Там мы начнем совсем другую жизнь...

— И там ты заставишь жалеть букашек и научишь плести веночки из полевых цветов? — Надежда в упор уставилась на него.— Кто внушил тебе подобную чушь? Жестянщики? Разве это слова мужчины? Неужели я позволю Стардаху жить и дальше? Неужели прощу Генобру? Если ты струсил, если не хочешь идти со мной навстречу опасности — убирайся прочь! Значит, я ошиблась в тебе!

— Значит, ошиблась,— вздохнул Артем.— Но, тем не менее, я пойду за тобой до конца.

Однако Надежда уже не слушала его. Клинок занимал ее, как новая игрушка малого ребенка.

«Максар с клинком в руках и максар безоружный совсем не одно и тоже,— вспомнил Артем слова Азда.— Конечно же, она права. Разве можно не прирезать папашу, если такая возможно вдруг появилась? Как не расправиться с зазевавшимся соседом? Почему бы не сжечь чужой дом, если он так красиво горит? Господи, как я устал от всего этого! Неужели зло и в самом деле бессмертно?»

И вот перед ними снова предстали жутковатые каменные истуканы, олицетворяющие непобедимость максаров и позор жестянщиков. Распростертая между ними стена была, как всегда, невидима для глаза, и лишь иногда между двумя далеко разнесенными друг от друга фигурами беззвучно и стремительно проскальзывало что-то похожее на радужную рябь.

Напоминает мыльный пузырь, подумал Артем. Огромный мыльный пузырь, покрывший целую страну.

С вершины холма ему было хорошо видно, как к стене скрытно подбираются молодые жестянщики, вооруженные короткими мечами. Еще несколько, держа наизготовку извергающее пламя оружие, залегли прямо напротив арки, образованной ногами ближайшего истукана. По замыслу Азда, они должны были вызвать на бой дозорных, редкой цепочкой разбросанных по ту сторону стены. Когда схватка станет приближаться к концу (и независимо от ее исхода), Надежда клинком низвергнет невидимую стену. По соображениям старого оружейника, она не должна была устоять перед оружием максаров. В схватке никто не поймет, что же это такое на самом деле случилось, да и свидетелей штурма не останется. Все это позволит Надежде и ее спутникам скрытно пересечь границу.

Со стороны статуи раздались крики и звон оружия, а с противолежащих холмов донеслось бряцание сигнальных гонгов. Дозорные парами и целыми отрядами сбегались к стене и уже рубились с жестянщиками под сводами арки. Братья истребляли братьев с беспощадной яростью, свойственной только схваткам волкодавов с волками.

— Пора идти,— сказал Азд некоторое время спустя.— Сейчас на нас никто не обратит внимания.

Одетые как жестянщики (исключая, конечно, Калеку) они це-

почкой спустились с холма. Впереди ковылял старик, выставив перед собой трость с ярко начищенным медным наконечником. Артем, ощущая смутное волнение, внимательно наблюдал за этим наконечником и не упустил момента, когда он внезапно исчез, а трость укоротилась на целую четверть.

— Пришли,— негромко сказал Азд.— Стена.

Подержав трость горизонтально несколько минут, он извлек ее конец из пустоты. Крепкое суковатое дерево обратилось в дымящуюся головешку, а остроконечный кусок меди раскалился. От недоступной глазу пограничной стены тянуло жаром, как от доменной печи.

— Осторожнее,— предупредил старик.— Сделаешь один неверный шаг и останешься без носа, а то и вообще пропадешь.

— И вся стена такая? — спросил Артем.

— В чем-то да, а в чем-то нет. Любой предмет, преодолевший ее, исчезает бесследно, но, если я суну голову в другом месте, она не сгорит, а превратится в ледышку.

«Примерно так же выглядит межпространственный переход,— подумал Артем.— Щель между двумя сопредельными мирами, в которую я однажды протиснулся. Но то была действительно щель, если говорить о ее происхождении. Не дверь, не нора, а именно щель — невероятная прихоть слепого случая, редчайшее стечение необъяснимых обстоятельств, что-то столь же уникальное, как Красное Пятно на Юпитере. Здесь же пространство рассечено намеренно. Щель между мирами превращена в неприступную стену и растянута на многие тысячи километров. Один шаг — и ты оказываешься в космической пустоте или на поверхности звезды. Да, надежней преграды не придумаешь. Из этого следует, что предки максаров знали об устройстве Вселенной гораздо больше, чем нынешние земляне, а главное — владели тайной создания межпространственных переходов. Кое-что из своих знаний они, очевидно, передали жестянщикам».

— Тебе известно что-либо об устройстве стены? — спросил Артем у Азда.— Ведь говорят, что ее создали твои соплеменники.

— То были великие мастера, но все их тайны умерли вместе с ними. Максары пообещали им несметные богатства, а наградили только каменными надгробиями.

— Гордыня сгубила твоих мастеров,— сказала Надежда.— Гордыня да алчность.

— Такой слух распустили максары. Уж тут ты мне поверь, несравненная. Они не пожелали, чтобы секрет создания стены остался известен хотя бы одному из нас.

Шум схватки постепенно стихал. В живых остались всего с десяток дозорных и еще меньше жестянщиков.

— Пора,— сказал Азд.— Чтобы действовать наверняка, луч-

ше сокрушить статую. Думаю, что именно она питает стену неведомой силой.

Предводительствуемый Надеждой отряд двинулся к арке-статуе. Кто-то из дозорных сунулся было им навстречу, но, отброшенный щупальцами Калеки, навсегда исчез с глаз человеческих, обретя в соседнем измерении весьма экзотическую могилу.

Клинок Надежды уже был приведен в боевое состояние, и с расстояния полусотни метров она дважды рубанула истукана — сначала сверху вниз, а потом справа налево. Статуя пошла бесчисленными трещинами, перекосилась и рухнула, в единый миг обратившись кучей щебня. Вихрь, взметнувший столбы пыли, налетел, как самум в пустыне.

«Колосс на глиняных ногах,— подумал Артем.— Но уж что-то слишком легко мы добились своего!»

Между тем бешено ревущий шквал не спадал, а даже наоборот — набирал силу. Артема как пушинку подбросило в воздух и пребольно швырнуло на землю.

А затем раздался звук, который, наверное, однажды уже слышал святой Иоанн Богослов, когда на его глазах небо свернулось, как свиток, звезды пали на землю и все горы сдвинулись с мест своих. И сразу же пыль осела. На месте рухнувшего идола торчал другой, точно такой же, а пространство слева и справа от него, подобно крыльям невероятно огромной бабочки, вспыхивало тусклыми радужными бликами. То, что осталось от дозорных и жестянщиков, еще недавно с энтузиазмом рубивших друг друга, было размазано и разбросано по обе стороны стены. Калека не только уцелел, но и успел, словно шатром, прикрыть своим телом Надежду. Яшт, стоя на коленях, из фляги лил воду на голову Азда.

— Клинок...— простонал старик.— Клинок не пострадал?

— Клинок-то не пострадал,— сидя на земле, ответила Надежда.— А вот меня как будто цепями отмолотили... Ну что, попробуем еще разок?

— Не стоит. Боюсь, так мы загубим твое оружие. Да и время утеряно. Скоро здесь соберется столько дозорных, что ступить будет негде. А после и кто-нибудь из максаров обязательно появится.

— Идти напролом через стену было твоей идеей.

— Если человек и в старости продолжает делать ошибки, он должен по крайней мере уметь их исправлять. Я знаю еще один путь, которым можно проникнуть в Страну Максаров. Он тяжел и мучителен, но зато надежен.

— Почему же ты сразу не повел нас тем путем? — нахмурилась Надежда.

— Не каждому по силам пройти по нему... Да и очень не хотелось открывать его непосвященным. Ведь мы союзники только на время.

— Мне все это уже надоело! Я максар по рождению! Я владею родовым клинком! Почему же я не могу свободно войти в свою страну?

— Ты максар,— кивнул головой Азд.— Но пока еще бездомный максар. Победив Стардаха и овладев его цитаделью, ты получишь и ключи от всех ворот пограничной стены. Ну, а пока тебе придется пробираться в родной дом черным ходом...

На этот раз, чтобы попасть в Страну Максаров, маленькому отряду пришлось идти в глубь Страны Жестянщиков — и опять заповедными тропами, обходя пашни, стада, поселения. Меры предосторожности, предпринимаемые Аздом, наводили Артема на мысль, что он боится не только первого встречного, но даже самого себя. Вскоре старик окончательно выбился из сил и дальнейший путь продолжал верхом на Калеке. Зато его приемный сын стойко сносил все тяготы путешествия через леса и болота.

Место, к которому их привел Азд, напоминало одновременно и свежий лунный кратер и громадный заброшенный карьер, из которого уже успели добыть все более или менее ценное. Осевшие, размытые дождем стенки уступами спускались к неровному глинистому дну, на котором среди мутных луж торчали заржавевшие железные монстры — остатки каких-то механизмов. Кое-где в стенах чернели провалы пещер. Несколько дюжин хорошо вооруженных жестянщиков (было у них даже что-то похожее на небольшую бомбарду) охраняли эту унылую яму, на многие тысячи шагов от которой не росли ни трава, ни кустарник. Азд коротко переговорил с их предводителем, и, получив разрешение, отряд начал спускаться вниз по разбитому дорожному серпантину. Спрямить путь означало немедленно вызвать мощный оползень, который неминуемо похоронил бы всех пятерых.

Однако целью старика было вовсе не дно карьера. Остановившись у входа в одну из пещер, он знаком предложил своим спутникам располагаться на отдых, а сам шагнул во мрак. Вероятно, потому, что странствие по бездорожью вымотало путников и все они нуждались в передышке, долгое ожидание не показалось слишком уж томительным. Азд вернулся грязный и усталый, но, видимо, с хорошими новостями. Жадно съев полкаравая черствого хлеба и выпив целую фляжку воды, он приступил к рассказу о причинах и результатах своего вояжа в подземный мир.

— Когда первозданные потерпели поражение в Великой Бойне, многие их союзники, в том числе и воины Иллабрана Братоубийцы, которого в ту пору звали Иллабраном Верзилой, были окружены прислужниками максаров в безводной пустыне у подножия Серебряных гор. Их предводителя,— старик покосился на Ка-

леку,— тогда уже не было с ними. Побежденным была обещана жизнь в обмен на службу у максаров. На это они ответили, что скорее будут жрать землю и весь остаток жизни ползать на брюхе. Соплеменники Ирданы, большие шутники и любители всяких каверз, порешили, что так тому и быть. Полуживых от жажды и гноящихся ран воинов, а также их жен и детей, изгнанных из родной страны, они превратили в слепых, безногих и безруких чудовищ, способных жить только в глубоких подземных норах. Более того, питаться они теперь могут лишь той самой сырой землей, в недрах которой обитают. В ней так мало съедобных веществ, что эти люди-черви должны непрерывно грызть грунт, буравя в нем бесконечные запутанные ходы. Но максары не забыли позаботиться и о своей выгоде. Пропуская через свое тело огромные массы земли, эти несчастные отделяют от нее металлы. Поэтому их зовут рудокопами. Слитки, в которых золото перемешано с железом и медью, они обязаны регулярно сдавать в наши мастерские. Под контролем прислужников максаров, конечно. Пограничная стена уходит под землю на порядочную глубину. Это уже проверено. Но рудокопы могут рыть свои норы еще глубже. Они согласны проложить для вас подкоп в самый центр Страны Максаров.

— А плату за это они с нас, случайно, не потребуют? — недобро усмехнулась Надежда.

— Нет, несравненная. Услуга эта будет оказана вам безвозмездно, но...

— Что — но! Опять какие-то условия?

— Это даже не условие...— старик замялся.— Как бы это лучше выразиться. Прежде чем вы пройдете подземным ходом, одному из вас... я имею ввиду Иллабрана... придется встретиться со своим родным братом. Я не уверен, что встреча будет слишком радостной, но рудокопы настаивают на ней.

— А откуда они узнали, что Иллабран с нами?

— Я им это сказал, несравненная.

— Кто тебя тянул за язык?

— А как бы иначе я договорился с ними? Мы не имеем власти над рудокопами. Более того, в своей беде они винят нас. Якобы в последней битве мы сражались недостаточно стойко. Посторонних они допускают в свои норы весьма редко. Для этого необходим чрезвычайный повод. Не мог же я, несравненная, поведать им о нашем договоре. Вот и пришлось упомянуть о Иллабране. Рудокопы его прекрасно помнят.

— Они хотят устроить над ним суд?

— Этого я не знаю, несравненная...

— Ты не только трус, но еще и лжец! Отвечай прямо, не виляй!

— Не гневайся, несравненная. Тебе ничего не грозит. Ты в любом случае доберешься до страны Максаров.

— Доберусь. С клинком в руке я пройду весь лабиринт от начала до конца! Показывай, куда идти!

— Идите все время по этому коридору, и вас встретят.— Азд отступил на несколько шагов.— Мой путь закончен. Здесь я с вами расстанусь. Береги, несравненная, клинок... и своего будущего ребенка. Прощай и ты, сынок. Чувствую, нам уже не свидеться больше. Скоро ты окажешься в самом логове наших заклятых врагов. Я не могу дать тебе никакого оружия. Но возьми вот это.— Старик снял свой ошейник.— Как и при каких обстоятельствах пользуются этим предметом, ты знаешь...

Их не снабдили ни факелами, ни самыми простейшими светильниками. Тесная галерея, постепенно сужаясь, полого уходила под землю. Вскоре макушки путников стали касаться потолка. Впереди теперь шел Яшт, до этого уже несколько раз сопровождавший названного отца в таких походах, а замыкал шествие Калека, внимательно выслушавший весь разговор между Аздом и Надеждой, но ничем не выразивший своих чувств. Ныне же, в полной темноте, вообще нельзя было определить, как он относится к перспективе скорой встречи с земляками.

— Стойте! — вдруг раздался из мрака глухой, прямо-таки замогильный голос.— Кто вы такие и что вас заставило спуститься во владения моего народа?

— А сам ты кто такой? — Надежду было не очень-то легко смутить, а тем более запугать.

— Отвечайте на вопрос. Иначе я обрушу на ваши головы своды этой пещеры,— с угрозой произнес невидимый страж.

— Я Ирдана, дочь и наследница максара Стардаха, одно имя которого должно внушить тебе ужас, презренный раб. А что касается твоей угрозы, она неосуществима. Прежде чем ты шевельнешься, мой клинок сделает из тебя очень много очень мелких кусочков. Впрочем, ты и шевельнуться не успеешь. Если не веришь, попробуй.

— Как же мне не верить тебе, Ирдана, дочь Стардаха,— голос подземного жителя дрогнул.— Ведь это именно твой отец сделал из меня то, чем я являюсь теперь. Наши дети рождаются в грязи и мраке, потому им легче переносить такую жизнь. А я помню свет неба, шум лесов и вкус дождевых капель на губах. Когда-то меня звали Иллаваст Десница, потому что в войске моего брата Иллабрана Верзилы я всегда командовал правым крылом. Последний раз я видел его в самом начале Великой Бойни, еще до того, как злая воля максаров заставила жестянщиков повредиться умом. Правда ли, что мой брат сопровождает тебя сейчас?

— Да,— ответила Надежда.— Он здесь.

— Пусть скажет сам.

— Как и ты, он был подвергнут переделке. И не один раз. В нынешнем своем облике он лишен дара речи. Воину достаточно иметь зоркий глаз, тонкий слух и крепкие мышцы.

— Я восторгаюсь тобой, Ирдана. Тобой и твоими соплеменниками. Как легко вы решаете, каким должен быть человек и каким не должен...

— В свое время вам следовало лучше воевать. И тогда бы сейчас не мы все решили за вас, а наоборот. Неудачникам и трусам место в пыли, у ног победителя.

— Так оно и случилось,— тот, кто назвал себя Иллавастом, скорбно вздохнул.— Но как же мне убедиться, что с тобой пришел именно мой брат, а не какой-нибудь самозванец? Ведь я не могу видеть, а он не может говорить.

— Я легко читаю его мысли и могу передать их тебе. Сейчас я буду говорить только от его лица. Можешь задавать вопросы.

— Если ты действительно Иллабран, мой родной брат, ответь, что было зарыто под порогом жилища нашего отца?

— Осколок кувшина, дабы ничего из дома не пропало, ветка заговоренного вереска, дабы дом не сгорел, и железный нож, дабы враг не вошел в его двери,— низким, почти мужским голосом объявила Надежда.

— Верно,— Иллаваст задумался.— Однако эти ответы, Ирдана, ты сама могла извлечь из моего сознания. Это еще не доказательство. Пусть лучше он сам задаст мне вопрос. Такой вопрос, который убедит меня, что это на самом деле мой старший брат.

— Действительно ли в то время, когда я собирал войско в Еловых Дебрях, ты домогался любви моей жены?

— Это наветы наших врагов. Клянусь тебе, мой брат!

— Значит, ты признал меня?

— Да... Но что из того? На тебе лежит тяжкий грех. Ты проливал кровь врагов максаров, в том числе и кровь своих соплеменников. Признаешь ли ты это?

— Признаю и раскаиваюсь. Но оружие, даже самое кровавое, не ведает греха. В руках Стардаха я был лишь секирой, хотя, возможно, и самой острой из его секир.

— Полагаешь, это оправдывает тебя?

— Нет. За свой грех я согласен понести любую кару. Но сначала ради ее искупления я намерен помочь моей нынешней владычице убить Стардаха. После этого можете делать со мной что угодно.

— Я верю тебе. И поручусь за тебя перед всеми рудокопами. А пока заложницей за твою жизнь будет моя собственная. Исполни свой долг, а затем найди способ с честью умереть. Этим ты не только искупишь прошлый грех, но и отвратишь грех будущий. Хватит сеять зло. Хватит служить максарам. Иначе ты опять станешь лишь секирой в их руках.

— Все будет исполнено, как ты велишь мне, брат.— Надежда продолжала говорить чужим голосом, но ее собственное раздражение так и прорывалось наружу.— А теперь обнимемся, как мы обнимались тогда, перед началом последнего боя.

— У меня нет рук,— печально сказал Иллаваст.

— Зато у меня их целых восемь. Хватит на двоих, да еще и останется.

Тело Калеки, одновременно твердое и податливое, легко протиснулось между Артемом и стеной пещеры. По песку прошелестели щупальцы, раздался увесистый шлепок, как будто бы тюфяк упал со шкафа, затем последовал протяжный вздох, и наступила долгая тишина. Артему не нужно было обладать способностью видеть в темноте, чтобы предельно отчетливо представить себе, как два некогда родных человека, волею злой судьбы превращенные в столь по-разному уродливых монстров, замерли, тесно прижавшись друг к другу.

Плакать они не могли, поскольку имели только один глаз на двоих, да и тот был лишен слезных желез.

В чем другом, но в этом Азд не солгал — путешествие в Страну Максаров через владения рудокопов оказалось мучительным и трудным. Эти червеобразные существа, лишенные всего человеческого, кроме разума и речи, не могли задерживаться на одном месте и часа, потому что их организм постоянно требовал пищи, скудные крохи которой содержались в пожираемом ими грунте. Это было главной причиной того, что рудокопы никогда не пользовались проторенными ходами, каждый раз заново прокладывая свои подземные тоннели. Человек мог передвигаться в них только ползком и только в одном направлении — вперед. Как они все до сих пор не задохнулись в этом донельзя спертом воздухе, Артем и сам не понимал.

Путники давно утратили представление о времени и пройденном расстоянии. Вся их жизнь теперь состояла из медленного, упорного продвижения вперед, вслед за Иллавастом или кем-нибудь из его товарищей, коротких остановок для сна и еще более коротких остановок для приема пищи, запасы которой таяли с катастрофической быстротой. Некоторое разнообразие в эту изматывающую рутину вносили регулярные обвалы сводов тоннеля, когда следовавшим за людьми рудокопам приходилось спешно откапывать их, а потом оживлять самыми варварскими способами. Несколько раз они едва не захлебнулись в плывунах — отложениях мельчайшего, перенасыщенного водой песка, дважды проваливались в карстовые пещеры и один раз чудом спаслись от смерти, напоровшись на обширную газовую шапку. Одежда путников давно обратилась в лохмотья, колени и локти покрылись кровоточащими ссадинами. Больше всех страдал молодой жестянщик, кожа которого не отличалась сверхъестественной прочностью, как у Артема и Надежды, а легкие при-

выкли дышать обыкновенным воздухом, а не азото-метановой смесью с незначительной примесью кислорода. Калека сносил муки подземного перехода стоически. Впрочем, пожаловаться он все равно не мог, даже если бы и хотел.

Страдания хороши тем, что когда-нибудь да и заканчиваются. Пришло время, и Артем почувствовал, как тоннель медленно, но неуклонно стал забирать кверху. Пища у них давно кончилась, а во флягах осталось лишь по несколько капель протухшей воды, но стремление поскорее увидеть небо и вдохнуть свежий воздух оказалось сильнее голода и усталости. Час за часом они карабкались вверх по все более крутому уклону. Каждую секунду ожидая увидеть свет и опасаясь за свое зрение, Артем последние метры полз, плотно зажмурив глаза.

Однако тоннель окончился не на поверхности земли, открытой вольным ветрам и сиянию дня, а в затхлой пещере, мрак которой был лишь чуть пожиже, чем мрак подземелья. Рудокопы помнили и любили все, что навсегда было потеряно для них, но уже не могли жить и дышать нигде, кроме своих нор.

Здесь братья Иллабран и Иллаваст попрощались навсегда.

•

Состояние путников было таково, что о немедленной схватке со Стардахом нечего было даже и думать. Все четверо нуждались в отдыхе, а жестянщик еще и в лечении — раны на его руках и ногах воспалились.

К счастью, в глубине пещеры обнаружился обильный, чистый источник, и тут уж они отвели душу — сначала вдоволь напились, а затем искупались. Надежда, как и подобает богине в присутствии простых смертных, наготы своей не стеснялась, чем повергла юного Яшта в великое смущение. После этого все завалились спать, даже не выставив караульного. Порукой их покоя было только исключительное чутье Надежды на опасность.

После пробуждения голод дал о себе знать с новой силой. Даже Надежда, способная, как и все максары, подолгу обходиться без пищи, высказалась в том смысле, что сейчас съела бы даже жареного ежа вместе с колючками. На поиски пропитания, а заодно — на разведку — отправился Калека. Отсутствовал он недолго и принес ворох окровавленного платья («Ты такой неаккуратный»,— поморщилась Надежда), два дорожных мешка и следующие новости: местность вокруг ему незнакома, но это безусловно Страна Максаров, поскольку невдалеке торчит полуразрушенная цитадель: кругом безлюдно, и даже дозор встретился ему всего один раз.

Все, кроме Калеки, жадно набросились на грубую солдатскую пищу. Когда первый голод был утолен, Артем, по некоторым, чисто этическим причинам, обеспокоенный отсутствием аппетита у това-

рища, подозрительно поинтересовался, какого же рода был дозор — конный или пеший.

Конный, устами Надежды ответил Калека и скромно уточнил, что пегий жеребчик был совсем молоденький, ну прямо объеденье.

В одном из трофейных мешков нашлись лекарства — бинты, баночки с целебным жиром, высушенные травы, болеутоляющее зелье. Пока Надежда занималась ранами Яшта, Артем сам (дабы не оскорблять максарское достоинство подруги) выстирал в источнике одеяния дозорных. Вышитые на них эмблемы были ему незнакомы.

— Нам понадобятся лошади или любые другие скакуны,— сказал Артем, развешивая мокрую одежду на ветерке, поближе к выходу.— Не станем же мы добираться до владений Стардаха пешком.

— Скакуны сами к нам идут,— беззаботно ответила Надежда.— Выгляни наружу.

Высунувшись из пещеры, Артем действительно разглядел, что в их сторону направляется какой-то вооруженный отряд. Воины шли зигзагами, время от времени останавливаясь — видимо, разглядывали запутанный след, оставленный Калекой. Даже с такой дистанции можно было различить, что большинство из воинов размером превышают обыкновенных людей, и не все они двуногие.

— Перебить их не трудно,— сказала Надежда.— Но за этим отрядом явится другой, а за другим — третий. А это нам сейчас меньше всего нужно.

— И как ты собираешься поступить?

— Пусть Калека вернется на свой след и уведет воинов подальше от нашего лагеря. Я же тем временем постараюсь затуманить их сознание.

Она еще не окончила говорить, а длинная серая змея с единственным глазом посреди туловища уже выскользнула из пещеры. Отряд прошел по направлению к их укрытию еще некоторое расстояние а затем повернул в сторону и вскоре скрылся из глаз.

— Ты не заглядывала в сознание этих вояк? — спросил Артем.

— Что толку.— Надежда махнула рукой.— Ясных мыслей у них в голове не больше, чем у охотящейся собаки. Даже имя их хозяина я не сумела уловить.

Время тянулось медленно, зато еда окончилась быстро. В отсутствие Калеки Артем стал сам выходить на поиски пищи — таскал яйца из гнезд, мешком ловил рыбу в ручьях, собирал дикий лук и головки мака. Яшт уже поправлялся, но от этого забот у Надежды не убавилось. Ей приходилось держать под постоянным контролем сознание сразу двух существ — жестянщика, неискушенная душа которого могла стать легкой добычей для любого максара, и Калеки,

уводившего преследователей все дальше и дальше. Иногда Надежда рассказывала Артему о том, что видел и ощущал в данный момент великий воин Иллабран Верзила, вернее, его третья ипостась.

Увязавшийся за ним отряд постепенно таял. После каждого привала один, а то и парочка воинов — главным образом, караульные — бесследно исчезал. Преследователи понимали, что уже давно превратились из охотников в добычу, однако на попятную не шли — страх перед хозяином-максаром был сильнее страха смерти. Несколько раз, пытаясь избавиться от погони, Калека прокладывал свой путь по руслам рек, но всякий раз без заметного успеха — его недруги обладали не только зорким глазом, но и отменным нюхом. Лишь только тогда, когда впереди замаячили каменные истуканы, а воины растянулись в цепь, Калека (а одновременно с ним — Надежда) понял замысел их предводителя: прижать неведомого врага к пограничной стене. В такой ситуации был возможен только один-единственный выход, которым Калека и воспользовался. Надежда чужими глазами молча наблюдала схватку, и лишь когда она вдруг резко вздрагивала или непроизвольно вскидывала руки, Артем мог догадаться, что его восьминогому приятелю приходится туго.

— Ну все,— сказала она наконец с облегчением.— Калека возвращается. Те, кто остался жив, за ним уже не погонятся. И, кажется, у него есть для нас какой-то сюрприз.

Однако, вопреки ожиданиям, возвращение Калеки затягивалось. Край, через который он пробирался, кишел прихлебателями максаров самой различной масти, по примеру хозяев жестоко враждовавших между собой, и одинокому бродяге (даже весьма неслабому), дабы уцелеть в этом аду, приходилось проявить максимум осмотрительности.

Между тем Надежда становилась мрачнее час от часу. Она совсем перестала выходить на свежий воздух и почти все время проводила в глубине пещеры, до изнеможения упражняясь с клинком. Однажды Артем имел неосторожность заметить, что подобное самоистязание может не пойти на пользу будущему ребенку, но она в ответ только бешено зыркнула на него своими глазищами.

Последние десять или двенадцать часов, предшествующих появлению Калеки, Надежда неподвижно просидела у входа в пещеру. Она не скрывала тревоги, и это чувство передалось Артему и Яшту, тем более, что накануне она заставила их искать запасной выход, который, по ее разумению, обязательно должен был где-то здесь находиться.

Калека появился в своем любимом обличье восьминогого мешка, правда, мешка наполовину опорожненного. Длинный белый шрам

рассекал его шкуру, а верхнее костяное веко было проломлено.

— Туго же тебе пришлось,— в присутствии третьих лиц Надежда взяла себе за правило разговаривать с Калекой вслух.— Ну, а где же обещанный сюрприз?

Калека одним щупальцем бросил к ее ногам грязную, запыленную сумку, а другим протянул лоскуток розовой блестящей ткани.

— Что-то в этом роде я и ожидала,— вымолвила Надежда и уже специально для Артема пояснила: — Это обрывок моего платья. Его я носила, живя в цитадели Стардаха.

Повинуясь ее приказу, Яшт открыл сумку. Из нее на землю вывалилась человеческая голова, вырванная из плеч какой-то страшной силой — у шеи бахромой болтались жилы, кусок гортани походил на гофрированную трубку противогаза. На покрытом засохшей кровью лице резко выделялся нос — мясистый, с вывернутыми вперед огромными ноздрями. Выбритый череп и прихотливые зигзаги свежих шрамов на нем свидетельствовали о том, что его владелец совсем недавно подвергся переделке в одной из цитаделей максаров.

— Из этого человека должны были сделать мрызла, а сделали вот такую тварь, способную по запаху отыскивать жертву на огромном расстоянии.— Надежда презрительно усмехнулась.— В отряде, преследовавшем Калеку, были сразу две таких ищейки, и каждая имела при себе клочок моего платья. Сколько же подобных уродов шарит сейчас по всей этой стране, вынюхивая мой след? Наше счастье, что я еще ни разу не покидала пещеру.

— Но ведь рано или поздно тебе придется это сделать,— сказал Артем.— Не подыхать же нам с голода?

— Делайте, что хотите.— Надежда уселась на прежнее место и положила подбородок на рукоять клинка.— Но сейчас мне нужно побыть одной.

Когда спустя немалый промежуток времени Артем, совершенно опухший ото сна, снова выполз из недр пещеры к свету, Надежда занимала прежнюю позицию и даже, казалось, не изменила позу. Однако по выражению ее лица можно было понять, что она уже приняла для себя какое-то решение.

Повинуясь чувству нежности, внезапно нахлынувшему на него, Артем протянул руку, желая коснуться ее волос, но Надежда резко остановила его.

— Всему свое время,— сказала она почти по Экклезиасту.— Время любви прошло. Наступает время войны.

Как бы в подтверждение ее слов, снаружи раздался визгливый хохот.

— Ирдана! Ирдана! Возвращайся домой! Покайся, и отец простит тебя!

Два уродливых, наспех сляпанных существа приплясывали пря-

мо перед входом в пещеру. Головы их мало чем отличались от той, которую Калека принес в мешке.

— Ирдана! Ирдана! — снова завыл один из них.— Хватит болтаться по свету! Иди домой! Отец тебя ждет!

Их глумливый смех эхом отдавался под сводами пещеры. Надежда лишь мельком глянула на незваных гостей. Похоже, что их появление только подтверждало ее решение.

— Скажите Стардаху, что я скоро приду,— спокойно ответила она.— Пусть готовится к встрече.

— Он готов, готов,— нараспев заголосили твари.— Он давно готов встретить тебя, Ирдана.

— Нас выследили,— сказала Надежда, когда все ее спутники собрались вместе.— И, наверное, довольно давно. Я все время ощущала, что кто-то пытается проникнуть в сознание Калеки. Скорее всего, это Стардах. Об Яште он ничего не знает, поэтому пока и не трогает его. Однако Стардаху неизвестно еще и главное — исправен ли мой клинок. Поэтому он и выжидает, подсылая к нам своих лазутчиков. Я ничего не намерена от него скрывать: ни своей силы, ни своих намерений. Мы немедленно выступаем в поход. Открыто, ни от кого не таясь. В свое время я даже вызову Стардаха на единоборство. Каждый, кто попытается помешать нам,— мой враг. Порукой этим словам — мое имя и мой клинок.

— Прежде чем выступить в поход, не мешало бы знать, в какую сторону идти,— осторожно заметил Артем.— Чувство опасности не самый лучший проводник.

— Сейчас мы все выясним,— Надежда кивнула Калеке, словно благословляя на какое-то давно задуманное им предприятие.

Живое ядро вылетело из пещеры столь стремительно, что посланцы Стардаха даже не успели броситься наутек. Спустя несколько секунд оба они уже трепыхались в воздухе, туго скрученные могучими щупальцами.

— Ты, который висишь слева,— сказала Надежда.— Отвечай, как нам кратчайшим путем добраться до цитадели Стардаха.

— Не смей так обращаться со мной, Ирдана! — заверещала та из ищеек, к которой был обращен вопрос.— Стардах не прощает тех, кто глумится над его слугами!

— Мне не нужно прощения Стардаха. Мне нужно узнать дорогу в его владения.

— Я ничего не скажу тебе! Отпусти меня!

— Так и быть,— кивнула Ирдана.— Лети, как птица.

Калека постарался сделать все возможное, чтобы его жертва хотя бы раз в жизни действительно ощутила себя птицей, правда, полет ее оказался недолгим — только до крутого гранитного склона ближайшей скалы.

— Ну а ты, который висишь справа,— обратилась Надежда к другому лазутчику.— Помнишь дорогу?

— Помню, несравненная.— Он не мог оторвать взгляд от каменной стены, на которой четко отпечаталась огромная кровавая клякса.

— Тогда вспоминай как можно подробнее. Язык пока можешь прикусить. Я и так все пойму.

Несколько минут прошло в молчании. Пленник от усердия даже глаза закатил. Надежда замерла, сосредоточившись на картинах, мелькавших в его затуманенном страхом сознании.

— Все! — тяжко выдохнул лазутчик.— Я постарался вспомнить каждую мелочь. Теперь отпусти меня, несравненная. Только не заставляй лететь птицей.

— Тогда ползи змеей,— милостиво разрешила Надежда.

Пленник с переломанным хребтом плюхнулся на землю и в самом деле пополз, волоча за собой отнявшиеся ноги.

— Зачем ты так...— сказал Артем.— Убей врага, если другого выхода нет. Но издеваться над ним...

— Началась война! — в самое ухо ему крикнула Надежда.— Ты можешь это понять? И с сего мгновения мы живем по законам войны!

После недолгих сборов армия двинулась вперед. Она казалась до смешного маленькой, но ее вел неуязвимый максар, в руках которого был клинок-всеуничтожитель, а в сердце — отчаянная решимость.

Первое боевое крещение они приняли, не отойдя от пещеры и нескольких шагов.

Внезапная атака лавины мрызлов, поддержанная на флангах отрядами всадников, таких длинноруких, что они, оставаясь в седле, могли касаться ладонями земли, не застала Надежду врасплох. Еще до того, как из-за ближайшего холма появилась боевая хоругвь Стардаха, она привела клинок в боевую готовность и поставила Яшта (единственного, кто был уязвим для стрел и метательных снарядов) у себя за спиной.

Они выстояли под убийственным градом свинцовых шаров, которыми забросали их длиннорукие всадники, и теми же шарами отогнали людей-псов, пытавшихся напасть на них с тыла (действия Калеки в этом эпизоде были не менее эффективны, чем стрельба из восьмиствольного миномета). А затем наступил черед клинка.

Артем несколько минут тупо наблюдал за этой бойней, а затем просто закрыл глаза, чтобы не видеть, как целые шеренги живых существ превращаются в безобразные груды мяса, как отрубленные головы летят по инерции вперед, опережая своих поверженных владельцев, и как человеческие внутренности перемешиваются с лошадиной требухой. Поистине клинок можно было сравнить только с

легендарной косой Смерти. От него нельзя было укрыться ни в земляных ямах, ни за каменными валунами, ни за стальной броней. Вокруг четверки путников уже воздвигся вал из мертвых тел, но задние ряды все еще напирали, и, поражая их, Надежда была вынуждена кромсать и без того до неузнаваемости изувеченные трупы.

«Еще немного, и мы захлебнемся в крови,— подумал Артем почти равнодушно.— Или, связав из мертвецов плот, поплывем по кровавому морю. К пристани по имени Ад».

— Поздравляю тебя с победой, несравненная! — в голосе Яшта слышалось неподдельное восхищение. (Да и почему бы кролику не радоваться при виде стаи издыхающих псов?).

— Разве это победа? — буркнула Надежда.— Так, проба сил. Стардах прощупывает мои возможности. Теперь он знает, чем я вооружена. Но он не знает, *какой* у меня клинок. Ведь я до сих пор не использовала его в полную силу.

Поражение прислужников Стардаха было полным, но, судя по возникавшему то слева, то справа, то позади шуму стычек, сражение еще не закончилось.

Несколько всадников верхом на мрызлах (да и сами страшные, как мрызлы) бросились им наперерез. Надежда уже ухватилась за рукоятку клинка, но вся компания успела распластаться на земле в самых подобострастных позах.

— Несравненная! — взвыл кто-то из них.— Разреши нам сопровождать тебя. Мы обещаем верно служить тебе. На привалах мы станем оберегать твой сон, а в походе понесем твою добычу. Много нам не надо. Мы будем подбирать только то, от чего отвернешься ты и твои слуги. А сейчас разреши нам дорезать этих презренных псов, посмевших поднять на тебя руку, а заодно и воспользоваться их имуществом.

— Сами вы псы,— сказала Надежда.— Трусливые и жадные пожиратели падали. Собираетесь даром кормиться возле меня? Впрочем, так и быть, я позволю вам сопровождать мою армию, но за неповиновение и измену покараю мучительной смертью. И не смейте без приказа приближаться ко мне ближе чем на сто шагов. А теперь приведите сюда лучших лошадей и подайте самые тонкие яства, которые только отыщете.

Свой путь Артем и Надежда продолжали верхом, удобно сидя в высоких деревянных седлах. Яшт от скакуна отказался и шел слева от Надежды, держась за ее стремя. Калека — тот вообще был сам себе конь и всадник (если лошади и интересовали его иногда, то совсем в другом плане).

А вокруг них, то отставая, то вырываясь далеко вперед, валила, словно стая саранчи, сжирая все на своем пути, постоянно уве-

личивающаяся рать бродяг, мародеров и насильников. Они поверили в Надежду сразу же после первой ее победы и намеревались сохранять ей верность до первого поражения.

Что осталось в памяти Артема от этого долгого сумбурного похода, когда они то ночевали в первой попавшейся яме среди чужих пылающих жилищ, то восседали за пиршественным столом в цитадели какого-нибудь максара, от души радующегося распре Стардаха с родной дочерью? Разве что ужас многих бессмысленных сражений (ведь исход таких войн обычно решала только непосредственная схватка двух враждующих максаров), кровь, обильная, как молодое вино на празднике урожая, и вино, сладкое, как кровь врага; неожиданно хлынувший на них густой едкий дым, под покровом которого отборные головорезы Стардаха пытались покончить с Надеждой, и бесконечный ряд костров, над которыми эти головорезы были потом развешаны. И еще ему запомнился сладковатый приторный душок тления, сопровождавший их армию на протяжении всего пути.

И вот наступил момент, когда цитадель Стардаха во всей своей мрачной величавости предстала перед ними. Опять их было четверо (не считать же за людей тесно сгрудившийся вокруг человекообразный сброд), но трое из этой четверки внешне и внутренне стали совсем другими, а место лукавого старца занял неискушенный юнец.

Никто не вышел им навстречу — ни с оружием в руках, ни с ключами на блюдечке. На стенах не развевались стяги, и не сверкали алебарды защитников. Створки ворот были распахнуты, а решетка, каждый прут в которой был потолще талии Генобры — поднята.

— Можете войти в цитадель,— после некоторого раздумья сказала Надежда главарям разбойничьей армии.— Там всего вдоволь, и вина, и сокровищ. Берите все, что сможете унести, но не смейте ничего поджигать.

Со сноровкой, весьма удивительной для этого с бору по сосенке набранного воинства, вся банда кинулась на приступ. Пока одни, ворвавшись в ворота, разбегались по многочисленным галереям и дворикам цитадели, другие, с помощью веревок и крючьев, карабкались на стены.

Штурм завершился в считанные минуты, о чем возвестил нестройный, но громогласный победный клич. Еще довольно долго изнутри доносился треск взламываемых дверей, звон посуды и радостные возгласы.

А потом настало молчание.

Никто не выходил из ворот, шатаясь под тяжестью добычи, никто не орал похабных песен, упившись драгоценными винами, никто не насиловал прислугу, если таковая еще оставалась в цитадели.

— Поставьте палатку,— устало сказала Надежда.— Или хотя бы постелите попону. Я хочу отдохнуть.

— Что все это означает? — спросил не на шутку встревоженный Артем.— Что там могло случиться?

— Все, кто вошел в цитадель, мертвы. И больше я ничего не знаю. О-о-о,— вдруг поморщилась она.

— Что с тобой? Ты не ранена?

— Нет. Это ребенок... Первый раз он шевельнулся во мне.

Смежив глаза, Надежда лежала на мягком чепраке, сработанном из шкуры какой-то огромной кошки и богато изукрашенном золотыми кистями и бронзовыми колокольцами. Тени быстро бегущих облаков проплывали по ее лицу, то пятная ярким светом, то затушевывая серой усталостью. Яшт, сидя в отдалении, смотрел на нее, и в глазах молодого жестянщика было такое искреннее, прямо-таки молитвенное восхищение, что Артем даже немного позавидовал приемному сыну Азда. Ничего похожего на ревность даже не шевельнулось в его груди. Это был совсем не тот взгляд, которым мужчина смотрит на соблазнительную женщину, скорее, это был взор верующего, созерцающего алтарь своего божества.

Калека ходил вокруг, отгоняя в беспорядке разбредшихся лошадей. Несколько коноводов, оставшихся при них, почуяв неладное, давно сбежали.

— Ты не забыл, как обращаться с клинком? — не открывая глаз спросила Надежда.

— Нет,— ответил Артем.

— Если со мной что-нибудь случится, тебе придется мстить за меня.

— Где сейчас опасность?

— Опасность со всех сторон. Стардах придумал мне какую-то ловушку. Лучше бы мы дожидались встречи с ним в чистом поле.

— Может, сейчас нам разумнее будет отступить?

— Никогда! — Надежда вскочила так стремительно, что Артем даже не уловил мгновения, когда ее тело отделилось от разостланного на земле чепрака.— Мы сейчас же войдем в цитадель, и будь, что будет. Время работает против нас, уясни это себе. Я ведь не могу носить ребенка под сердцем вечно. Ты и Калека пойдете со мной. Стардах не страшен вам в такой мере, как другим. Особенно, когда я рядом с вами. А ты, Яшт, оставайся здесь. Забейся в какую-нибудь щель, притворись мертвым и ожидай, когда тебя позовут.

Решительным шагом она двинулась к цитадели, но не напрямик, к воротам, а в обход — к дальней башне. Клинок — впервые во владениях максаров — развернулся на всю свою длину, и в ров посыпались сначала каменные зубцы, затем плиты и колонны, поддерживающие свод, а уж потом рухнула и вся башня, изрубленная вдоль

и поперек. В стене образовался пролом, пока еще скрытый от глаз плотной клубящейся массой пыли, к которому вело нагромождение булыжников, кирпича, расщепленных свай и всякого другого строительного мусора, в который имеет свойство обращаться любое многоэтажное здание, внезапно покинувшее фундамент. По этому импровизированному мосту маленький отряд и вошел в цитадель.

Первое, что они увидели (кроме, конечно, угрюмой громады внутреннего замка да многочисленных пристроек, превративших эту дьявольскую скворешню в подобие Вавилонской башни), были бренные останки их воинства, столь неосмотрительно покусившегося на сокровища Стардаха. Одни вповалку лежали на плитах двора, другие в проеме проломанных дверей парадного входа, третьи — вперемешку с мешками, сундуками и бочками, извлеченными из кладовых — на истертых ступенях замковой лестницы. Позы, в которых их заставила окостенеть мгновенная смерть, выглядели весьма причудливо, однако выражение застывших лиц было одинаковым у всех — выпученные от ужаса глаза, оскаленные рты с вывалившимися, а иногда и напрочь откушенными языками, обильная седина, побившая немытые и нечесанные гривы. Невозможно было даже представить себе, какое кромешное наваждение могло так испугать этих головорезов, ожесточившихся в постоянном насилии и давно продавших свою душу (а возможно, никогда ее и не имевших).

Перешагивая через неподвижные тела, Надежда вышла на середину двора, предварительно измерив клинком расстояние до ближайших построек (некоторые при этом обвалились). Артем догадался, что она опасается нападения Стардаха из-за какого-нибудь укрытия и старается сохранить вокруг себя круг безопасности диаметром в пятьдесят шагов, что при разнице в длине клинков на одну треть давало ей безусловное преимущество в схватке.

Вот только что же будет, подумал он, когда сражаться придется внутри замка, в узости коридоров и в тесноте винтовых лестниц? Там ведь особо не размахнешься, если только не собираешься по примеру Самсона похоронить себя вместе с врагом.

— Стардах! — изо всей мочи крикнула Надежда, оглядываясь по сторонам.— Ты велел мне вернуться, и я пришла! Почему ты не встречаешь меня?

Узкий обломок стены одной из пристроек, с обнажившимися внутренностями комнат, зависшими в пустоте лестницами и распотрошенным добром, до этого чудом сохранявший вертикальное положение, рухнул, еще в падении распавшись на каменное крошево — и это был единственный ответ на ее слова.

— Выходи! — снова крикнула Надежда.— Иначе я вдребезги разнесу твое гнездо.— В доказательство своих слов она сверху донизу вспорола фасад замка, который, впрочем, устоял, за исключением одного-единственного портика перед входом.

— Не забывай, что это также и твое собственное гнездо, Ирдана,— голос, раздавшийся со стороны ворот, заставил всех вздрогнуть.— Чтобы восстановить его, понадобится немало сил и времени.

— Если такова цена моей жизни, я согласна! — Клинок, опустившись, замер, направленный на какую-то цель, и, глянув в том направлении, Артем разглядел, наконец, Стардаха.

Максар стоял в узком промежутке между привратной башней и стеной кордегардии, но темнота за его спиной была более густой, чем обычная тень.

С двух сотен шагов было трудно определить, во что он одет и чем вооружен, но его яростный взор разил даже на таком расстоянии, а голос гремел, как горный обвал.

Калека резко дернулся, словно от удара невидимого меча, и подался поближе к Надежде.

Даже у Артема на какой-то миг затуманилось сознание и затряслись поджилки.

— Разве я когда-нибудь грозил тебе смертью? — продолжал вещать Стардах.— Наоборот, я уготовил тебе участь, которой может позавидовать любой максар. Мы вместе будем править миром. Только ты и я. Железной пятой ты растопчешь всех, кто не пожелает нам покориться, и сметешь во мрак небытия все народы, в душах которых осталось хотя бы капля строптивости.

— Но сначала ты отрежешь мне голову, заставишь питаться через кожу и лишишь дара речи, как уже сделал однажды с этим несчастным.— Надежда указала на Калеку.— Нет уж! Позволь мне остаться такой, какая я есть.

— Тебе никогда не стать настоящим максаром,— как будто даже печально сказал Стардах.— Ты чужая нам. Создавая твою новую сущность, я что-то проглядел. Придется начинать все сначала.

— Не придется,— заверила его Надежда.— Потому что я убью тебя, Стардах!

— К сожалению, я ничего подобного обещать не могу. Ты мне нужна живой.

— Сейчас я обрушу на твою голову все эти стены и башни! Даже ты не сможешь выбраться из-под такого роскошного надгробья!

— Позади меня, как ты можешь убедиться, тайный ход в подземелье, которое простирается на десятки тысяч шагов во все стороны, а глубиной впятеро превышает высоту этих стен. Там ты не достанешь меня даже с помощью своего необыкновенного клинка. Так что схватка еще только начинается, дочь моя. Я удаляюсь, но оставляю дверь открытой. Приходи, когда примешь мое предложение. Заодно мы решим и судьбу твоего будущего ребенка. Возможно, я даже сохраню ему жизнь. Сама знаешь, в обмен на что.

— Ему все известно,— сказала Надежда после того, как Стардах исчез, канув во мрак подземного хода, как вурдалак в раскрытую могилу.— И о клинке, и о ребенке.

— Интересно, от кого?

— Теперь это уже не имеет значения.

— На отступление ты по-прежнему не согласна?

— Отсрочка ничуть не улучшит наше положение. Что бы там ни болтал Стардах, а перевес на нашей стороне. Большинство его прислужников перебито, а цитадель взята приступом. Не мы прячемся от него, а он от нас. Я начала это дело, я его и закончу.

— Значит, ты собираешься спуститься вслед за Стардахом в *подземелье*?

— Да. Другого способа добраться до него я не вижу. Он же не лисица, которую охотники выкуривают из норы дымом.

— Но это равносильно тому, что мы сами сунем голову в ловушку.

— Не забывай, что у меня есть перед ним одно преимущество. Я нужна ему живой, а он мне — нет. Вот пусть и попробует захватить меня в плен. Я даже согласна на какое-то время стать приманкой. Посмотрим, кто кого одолеет. Стардаха я не боюсь. Он один, а со мной ты и Калека.

— Здесь крутая лестница,— сказала Надежда, когда они прямо из ясного дня ступили под мрачные своды подземелья.— Идите за мной и не бойтесь. Я прекрасно вижу в темноте. А когда мы спустимся ниже, станет светлей.

И действительно, едва только ступени винтовой лестницы закончились и они ступили на гулкие плиты подземной галереи, как где-то невдалеке замерцал сосуд с серебристой жидкостью, в точности такой же, какой Артем видел в Стране Жестянщиков. Чем дальше уходил от него отряд, тем тусклее становился светильник, но зато впереди уже разгорался новый. Вскоре ход раздвоился, и Надежда выбрала левое направление, а спустя еще несколько минут они повернули вправо. В коридорах было сухо и совершенно пусто, только иногда мимо с писком пробегали крысы. Похоже, Надежда неплохо ориентировалась в лабиринте или, по крайней мере, умело создавала видимость этого. Следующая лестница была примерно вдвое длиннее первой, а в третьей, на которую они ступили через несколько часов беспрерывной ходьбы, Артем насчитал ровно двести ступенек. Действительно, на такой глубине Стардаху была не страшна даже атомная бомба, а не то что клинок, изготовленный жестянщиками.

— Ниже этого уровня располагается только тюрьма,— сказала Надежда.— А здесь мы найдем все, что дорого сердцу моего па-

паши: его мастерские, лаборатории и мертвецкие. Может быть, и его самого.

Они вступили под высокие своды зала, сплошь заставленного качающимися рамами, один только вид которых заставил Артема вздрогнуть. Теперь все они были пусты. В жаровнях не горел огонь, от чанов с отбросами распространялось невыносимое зловоние.

В следующих залах царило такое же запустение, и только в одном из них они вспугнули стаю мартышек-ассистентов, по очереди отрывавших кусочки несвежего мяса от какого-то распятого на раме полуобглоданного тела. Зал, или, по выражению Надежды, «мастерскую», где ему когда-то пришлось до дна испить чашу страданий и унижений, Артем узнал по раме, все еще увешанной заржавевшими цепями, предназначенными для Калеки.

Но совсем не это заинтересовало его, впрочем, как и Надежду,— посреди зала была установлена новенькая рама, отличающаяся от обычной куда более сложной, а главное, усиленной конструкцией. Количество расставленных возле нее бутылей, тазов и горшков с разнообразными снадобьями не поддавалось подсчету, точно так же, как и число режуще-пиляще-рубящего инструмента. С потолка на жгутах свисали приборы непонятного назначения и крючья, наподобие мясницких. Все выглядело так, словно было доставлено сюда только вчера.

— Догадываешься, для кого все это предназначено? — Надежда тряхнула раму, словно проверяя ее прочность.

— Догадываюсь,— ответил Артем.— Для максара, который должен превратиться здесь в Мирового Зверя.

— Отойди в сторону!

Клинком, который сейчас был не длиннее двух метров, она превратила раму в кучу металлолома, а затем занялась сосудами. Жидкости всех мыслимых цветов, перемешавшись с порошками, вступили между собой в бурную реакцию, пуская пузыри и струйки дыма. В мастерской сначала запахло как на парфюмерной фабрике, а потом как в дубильном цехе. Затем она обошла все помещение по периметру и остановилась перед тяжелой, плотно подогнанной дверью, кованные завесы которой покрывал слой инея.

— Ты здесь? — крикнула Надежда, держа клинок наизготовку.

— Здесь,— раздался из-за двери голос Стардаха.— Только не вздумай рубить меня через стену. Во-первых, тебе никогда не угадать, где именно я стою, во-вторых на эту стену опираются такие мощные своды, что, повредив ее, ты заживо похоронишь всех нас... И не перебивай старшего! Дай мне высказаться до конца.

— Мне надоело каждый раз выслушивать одно и тоже.

— Сейчас у меня совсем другое предложение. Нам обоим опротивела эта бессмысленная беготня друг за другом. Пора завершить наш спор...

— Наш спор завершится только после твоей смерти,— прервала его Надежда.

— Или после твоей. Поэтому войди сюда и докажи свою правоту клинком. Смелее, дверь не заперта.

— Ну-ну! Я войду, а ты тут же нанесешь удар. Уверена, что острие твоего клинка уже почти касается этой двери.

— Поединок будет совершенно честным. Когда ты войдешь, мой клинок будет лежать в десяти шагах от меня. Это может заранее проверить твой слуга. От того места, где я стою, до дверей ровно восемьдесят пять шагов, что на те же десять метров длиннее твоего клинка. Тебе придется сделать столько же шагов, чтобы поразить меня, как и мне, чтобы схватить оружие. Устраивают тебя такие условия?.. Да, чуть не забыл. Привести клинок в боевое состояние ты имеешь право, только преодолев те самые десять шагов.

— А если я откажусь?

— Неужели ты думаешь, дочка, что из этой берлоги есть только один выход? Я просто уйду, и вся игра начнется сначала... Разве ты хочешь вести ее до бесконечности?

— Я хочу вести ее до победы... Подожди. Дай мне подумать.

Надежда отошла подальше от двери и, не выпуская клинок из рук, погрузилась в размышления.

— Тебя зазывают в ловушку,— предупредил ее Артем.

— Без тебя знаю,— Надежда поморщилась.— Но я не могу найти ни одного подвоха в его рассуждениях... Вот что! Сейчас ты войдешь в эту дверь. Почему именно ты? В отличие от Калеки, воля максаров не властна над тобой. Внимательно проверь все, о чем он говорил. Оставь дверь открытой. Я буду издали наблюдать за вами.

Артем пересек зал и толкнул дверь, ощутимо более холодную, чем все, что находилось вокруг. Первая попытка оказалась неудачной. Пришлось приложить немалое усилие, прежде чем тяжелая створка поддалась. Арктический холод дохнул в его лицо, сразу иссушив пот. Увиденное им напоминало холодильник мясокомбината, но только то, что штабелями лежало вдоль стен, было не говяжьими тушами и не свиными окорками, а человеческими телами —голыми, заиндевевшими. На одних не было заметно никаких повреждений, других кто-то беспощадно выпотрошил. Отдельно возвышались пирамиды голов, отдельно — поленницы рук и ног.

У дальней стены, подбоченясь, стоял Стардах. Клинок действительно лежал на полу, на приличном удалении от хозяина. Выражение скуки сразу сползло с лица максара, едва он увидел Артема.

— Не ты ли тот червь, который ранил меня?

— Тот самый,— от более подробных объяснений Артем решил воздержаться.

— Жаль, что сейчас я не могу заняться тобой. Но максары всегда возвращают долги. За одну мою рану ты получишь тысячу.

Тебя разрежут на дольки более тонкие, чем лепестки цветка. И это будет длиться бесконечно долго.

Стараясь не смотреть по сторонам, Артем принялся тщательно измерять шагами расстояние от дверей до стены. При этом у него создалось впечатление, что источник холода находится где-то в центре зала. Весьма заинтригованный этим (в том самом месте, где, по логике вещей, должна была располагаться мощная морозильная установка, не было абсолютно ничего — только выщербленные, вкривь и вкось положенные плиты пола), Артем сделал вид, что сбился со счета, и снова повторил свой маршрут. Ошибки быть не могло — из пустоты дохнуло такой стужей, что у него на губах замерзло дыхание.

— Ну что там? — нетерпеливо крикнула из-за двери Надежда.

— Восемьдесят пять,— ответил Артем, упершись лбом в стенку.

— Проверь, где лежит его клинок!

Приблизиться к Стардаху для Артема было то же самое, что расцеловаться с вампиром. С усилием отрывая от пола непослушные ноги, он кое-как сделал несколько шагов в нужном направлении.

— Сколько? — Надежда уже стояла в проеме дверей.

— Десять,— не поднимая глаз, ответил Артем.

— Смотри внимательно! Это настоящий клинок! Не подделка?

Он наклонился и стал рассматривать лежащее на полу оружие. Сначала лезвие. Синеватая, покрытая узорами сталь (или что-то внешне похожее на сталь). Теперь эфес. В точности такой же, как и у клинка Надежды, только до блеска отполированный ладонью. Что еще? Больше ничего.

— Можешь дотронуться до него, червь,— с издевкой сказал Стардах.— Число твоих прегрешений столь велико, что еще одно уже ничего не изменит в твоей участи.

Лезвие от щелчка издало знакомый тупой звук. Вес оружия вроде бы тоже соответствовал норме. Где же тогда ловушка? Какую подлость придумал Стардах? А может, он раздобыл себе еще один клинок?

— Повернись,— деревянным голосом сказал Артем.— Распахни плащ. Мне придется обыскать тебя.

— А руки не отсохнут? — максар был совершенно спокоен.— Впрочем, ищи. Я стерплю и это.

Никакого оружия под плащом не было. Точно так же, как и в складках просторной кожаной куртки. В сапог клинок не спрячешь. За обшлаг рукава тоже. Все! Пора начинать поединок.

А если рискнуть? Артем даже вздрогнул от резанувшей его сознание шальной мысли: «Схватить клинок и отшвырнуть его прочь, за штабеля мертвых тел? Два максара договорились о честном поединке. Но максары никогда не сражаются честно. Обманщика способен обмануть только обманщик. Зло может победить только другое

зло, еще более изощренное. Уроки лицемерия Адракса не прошли для меня даром».

— Не успеешь,— негромко, но внятно сказал Стардах.— Один лишний шаг, и я разорву тебя в клочья. Отойди в сторону.

Что-то словно толкнуло Артема в спину, и он двинулся прочь, мотая головой, как пьяница, пытающийся избавиться от навязчивого кошмара. Пересекая центр зала, он аккуратно обошел то место, откуда во все стороны истекал злой холод, и, став так, чтобы не оказаться под первыми же ударами клинков, сказал:

— Приготовьтесь!..

Надежда, выставив вперед клинок, который был сейчас обыкновенным куском металла, шагнула через порог. Стардах даже не шевельнулся.

— Начали!

Надежда бросилась в бой, как бросаются в танец. Ее летящие движения были стремительны и точны, но каждое из них украшала грация, уже давно недоступная людям. Так нападает пантера. Так кидается на жертву сокол.

Никто, в том числе и Стардах, не смог бы устоять против такой атаки, где в едином порыве слились и вера в победу, и презрение к врагу, и вся мощь тела, и все силы души. Казалось, сама Афина-воительница несется вперед с обнаженным мечом наперевес. Даже верный Калека едва-едва поспевал за ней.

Как прекрасно все началось, и как печально закончилось.

Грохнула, захлопнувшись дверь. Глумливая ухмылка скривила лицо Стардаха, так и не сдвинувшегося с места. Надежда, сделав еще несколько шагов, остановилась, растерянно глядя на клинок. Его лезвие, такое же уныло-материальное, как холодный камень и мерзлые трупы вокруг, так и не превратилось в мерцающий, всепроникающий призрак.

— Наконец-то мы встретились, дочь моя.— Стардах, отделившись от стены, ногой небрежно отбросил свой клинок в сторону.— Не суетись понапрасну. Под сводами этого зала оружие максаров бессильно. Жестянщики умеют многое. И не только ремонтировать неисправные клинки, но и создавать защиту против них. Обрати внимание, здесь все другое — стены, свод. И даже пол переложен по-новому. Кое-кому пришлось славно потрудиться.— Он за волосы стянул со штабеля желтоватый труп грузного человека. Лицо его выглядело как один большой кровоподтек, но Артем тем не менее сразу узнал Азда.— Этой твари ты пообещала отдать своего ребенка? Предательница!

— Более гнусного предателя, чем ты, никогда не видели небеса и земли! Я могу умереть, но ребенок мой останется жить и выполнит то, что предназначила ему судьба! И даже ты знаешь об этом!

— Я никогда не верил во всякие предсказания и знаменья. Все должно покориться максару. Даже судьба! Поэтому не будем терять время. Я готов приступить к изменению твоей сущности. Начнем немедленно!

— Все, что ты приготовил, я рассеяла в прах.

— На такого опасного зверя, как ты, не охотятся с одной-единственной стрелой.— С видимым усилием он выкатил из-за штабеля мертвецов громадную раму, еще более прочную, чем та, которую уничтожила Надежда. Стальные челюсти многочисленных захватов были уже раскрыты.— Подходи и ложись. Твоя судьба здесь.

Надежда действительно шагнула (вернее, прыгнула) вперед, и лезвием клинка несколько раз рубанула Стардаха — по голове, груди, шее. Плащ и куртка на нем распались на аккуратные, словно выкроенные в портняжной мастерской, лоскутья — но и только! От неуязвимой плоти максара клинок отскакивал, как от брони.

— Ты потеряла разум, Ирдана! — Стардах перехватил ее правую руку.— Разве меня можно убить железом?

Несколько мгновений они боролись, не сходя с места и до предела напрягая мышцы, словно намереваясь вогнать друг друга в камень. Затем Надежда сдавленно застонала, и Стардах, приподняв ее, швырнул на раму.

— Как видишь, время даром я не терял,— прохрипел он.— Рана даже пошла мне впрок. Я заменил не только правую, но и левую руку. Теперь я куда сильнее, чем прежде. Но ты, пройдя через все задуманные мной превращенья, станешь сильнее во сто крат. Единственное, чего я тебя лишу, так это строптивости. Зато взамен ты получишь неизмеримо больше. В том числе и могучую, верную армию. Видишь, сколько у меня здесь приготовлено материала.— Он указал на мертвецов. — Все они подвергнутся переделке. В том числе и твой любимец Иллабран. Убью я только его одного.— Стардах бешено зыркнул в сторону Артема.— Никто не смеет безнаказанно покуситься на жизнь максара!

Стардах навалился на Надежду и после короткой борьбы защелкнул захват на ее правой руке. Большего ему сделать не удалось — все щупальцы Калеки сразу обрушились на него и обвились вокруг шеи, рук, торса.

— Ах ты; неблагодарная тварь! — Стардах мотнул повисшего на нем Калеку так, что тот своим телом разнес целый штабель трупов. Синеватые, покрытые жестокими ранами и сплошными кровоподтеками тела с деревянным стуком разлетелись во все стороны, а один, скрюченный до такой степени, что его лицо почти касалось пяток, скользя по полу, даже достиг центра зала.

Достиг... и исчез!

И вот тут-то Артема, наконец, осенило. В центре этой огромной мертвецкой находилось ни что другое, как межпространствен-

ный переход, щель, некогда прорубленная (скорее всего, теми же несчастными жестянщиками, построившими пограничную стену) в иной мир — мир, где царил космический холод.

Калека сейчас вряд ли был способен воспринять слухом, что именно от него хотят, и поэтому Артем обратился к Надежде, всё еще возившейся с захватом, удерживающим ее на раме.

— Заставь Калеку затащить Стардаха сюда! — Он швырнул в невидимый колодец первое, что подвернулось ему под руку, свою полупустую дорожную баклагу.— Здесь ледяная бездна. Дыра, из которой нет возврата.

К чести Надежды, она мгновенно сообразила, что это, возможно, их единственный шанс на победу. Приказ, посланный ей, не был доступен восприятию Артема, однако по тому, что характер схватки сразу изменился, стало ясно — он достиг своей цели. Калека уже не пытался задушить своего противника, что вряд ли было возможно, а изо всех сил тянул к центру зала. Тут у него имелось неоспоримое преимущество перед Стардахом, имевшим всего по паре рук и ног. Пока четыре щупальца сковывали движения максара, остальные четыре, вцепившись в колонны, выступы стен и глубокие выбоины пола, выполняли роль лебедок. Пальцы Стардаха вырывали из прочнейшей шкуры Калеки целые клочья, он грыз свое создание зубами и молотил кулаками, однако его ноги, не находя опоры на каменных плитах, медленно, но неуклонно скользили по направлению к незримой бездне.

Наконец наступил момент, когда оба они — и двуногий, и восьминогий — исчезли из вида, исчезли медленно и постепенно, словно недоступный зрению огромный нож слой за слоем резал их тела по вертикали. Из пустоты продолжали торчать только четыре широко раскинутые щупальца, да две руки, буквально впившиеся пальцами в щель между соседними плитами.

Затем стали исчезать щупальца — одно, второе, третье... Оставляя на камне кровавый пятипальный след, уползла в неведомую бездну левая рука. Вскоре последнее щупальце Калеки, натянувшись, как струна, оторвалось от своей опоры и, быстро укорачиваясь, промчалось по полу к центру зала. Лишь правая рука Стардаха, видная до самого плеча, продолжала борьбу. Казалось, еще мгновение, и скрюченные, как когти гарпий, пальцы разожмутся — однако воля максара к жизни (или к мщению) оказалась сильнее всех стихий неведомого мира. Из пустоты понемногу начала выползать левая рука — сначала пальцы, потом ладонь и предплечье.

Плита заскрипела от могучего рывка, и вот уже голова Стардаха — вся обросшая кристаллами льда, дымящаяся, словно на нее плеснули жидким воздухом — уставилась на них своими сатанинскими буркалами, в которых неизвестно чего было больше: ярости или ненависти, боли или торжества. Надежда вскрикнула и бешено

затрясла раму, пытаясь освободиться. Артем, подхватив недействующий клинок, подбежал к этой ненавистной роже и принялся рубить ее — впрочем, с таким же успехом можно было рубить чугунную тумбу.

Стардах уже выбрался наружу по пояс. Рука его приподнялась, медленно, с трудом, но тем не менее от первого же удара Артем отлетел в сторону. А затем — впервые после возвращения из небытия — раздался голос максара: низкий, хриплый, заунывный вой. Надежда рванулась так, что ее пястевые кости захрустели, а кожа чулком сошла с ладони. Однако это дало ей свободу.

Теперь где-то в неведомом мире оставались только ноги Стардаха. Надежда попыталась столкнуть отца обратно в бездну, но безрезультатно — одежда, за которую она хваталась здоровой рукой рассыпалась в труху. Зато Стардах, в свою очередь, крепко вцепился в нее.

— Пойдешь... со мной...— прохрипел он.

— Помоги! — крикнула Надежда Артему.— Тащи его туда! — Она указала на раму.

Вдвоем они кое-как доволокли тяжелое, словно каменное тело до рамы. Ноги не слушались Стардаха, а пальцы сжимались и разжимались с великим трудом, однако он продолжал ожесточенно сопротивляться. Чтобы взвалить его на раму, пришлось использовать клинки вместо рычагов. Но вот уже защелкнулись захваты на его запястьях и щиколотках, затем на груди, и наконец широкий стальной обруч плотно охватил голову.

— Все,— сказала Надежда, тряся изувеченной кистью.— Наша взяла.

— Не... взяла...— пробормотал Стардах.— Не взяла ваша... Отсюда вам... не уйти...

— Проверь дверь,— приказала Надежда Артему.— Быстро.

Артем хорошо помнил, что дверь открывалась внутрь мертвецкой, однако с этой стороны она даже не имела ручки. Материал, из которого было изготовлено дверное полотно, отвечал на удар глубоким металлическим звуком, свидетельствовавшим о солидности и надежности этого сооружения. Точно такого же качества была и дверная коробка.

Он простучал все камни в стене, а затем ощупал все мало-мальски заметные впадины и выступы. Ни одна деталь, хоть чем-то напоминавшая потайную кнопку, не ускользнула от его внимания. Сражаясь с дверью, он отбил кулаки и сорвал ногти.

Жуткая догадка медленно дозревала где-то в глубине его сознания, но Артем изо всех сил не давал ей вырваться на волю и материализоваться в вопль отчаяния. Все его попытки найти выход были столь же бессмысленными, как и суета мышонка, угодившего в железную бочку.

— Кажется, эта штука открывается только с одной стороны,— сказал он, сам не узнав своего голоса.— И как раз не с нашей.

— Бедный Иллабран,— задумчиво вымолвила Надежда.— Значит, он погиб без всякой пользы...

— Здесь должен быть еще один выход... Вспомни, он ведь говорил об этом.— Артем указал на Стардаха.

Несмотря на холод, царивший в мертвецкой, лед уже таял на лице хозяина цитадели, и казалось, что несгибаемый максар плачет.

— Пустое. Если выход действительно существует, он никогда не укажет его нам. Какой ему от этого прок? Ведь, уходя, мы все равно не захватим его с собой, и Стардах это отлично понимает. Я могу, конечно, пообещать ему жизнь, но никогда не выполню своего обещания, потому что безумием было бы выпускать на волю собственную смерть.

— Значит — все? — Холод, проникший во все его клетки, уже был холодом смерти.

— Наверное,— голос Надежды был убийственно спокоен.— Первым умрешь ты, затем я. Стардах, думаю, немного переживет нас. Возможно, он даже сможет перегрызть свои лапы и уйдет отсюда живым. Но нам это уже будет безразлично.

— Ты лжешь! Это неправда! — заорал вдруг Артем.— Мать, носящая в своем чреве ребенка, не должна говорить так! Зачем ты издеваешься надо мной!

— Молчи,— она повела на него пустым равнодушным взором.— Молчи. Так и быть. Я сделаю для ребенка то, что никогда бы не сделала для себя. Молчи и не мешай.

Надежда подошла почти вплотную к двери. Голова ее была опущена, руки расслабленно висели вдоль тела, но тем не менее во всей фигуре ощущалось огромное внутреннее напряжение. Несомненно, она что-то задумала и вот-вот должна была приступить к выполнению своего плана.

А затем Надежда пошла — пошла, ни на йоту не продвинувшись вперед. Это была ходьба на месте, впрочем, полностью сохранявшая иллюзию целеустремленного и осознанного движения. Вскоре характер шагов изменился. Теперь она как бы ставила ноги на что-то, расположенное ниже уровня пола.

Да она же спускается, догадался Артем. Спускается вниз по винтовой лестнице!

Пятьдесят полуприседающих осторожных шагов по кругу и снова — вдаль. Поворот налево. Потом направо. Полчаса энергичного притопывания. И снова спуск, но уже куда более долгий.

Надежда снова шла подземным путем, тщательно имитируя каждый шаг, повторяя каждый поворот и каждый спуск, а где-то по реальным галереям и реальным лестницам двигался кто-то другой, безошибочно направляемый ее волей и памятью.

Несомненно, этим другим мог быть только Яшт.

Путь ему предстоял нелегкий — по враждебному и неведомому лабиринту, через залы, где на качающихся рамах гнили человеческие останки и где рыскали обезъяноподобные уроды, сквозь пугающий мрак и сквозь свет, еще более кошмарный, чем мрак. Дело осложнялось еще и тем, что Стардах не замедлил включиться в эту жуткую игру. Сознание мальчишки двоилось и троилось, ведь сразу два чужих могучих разума выбрали его неокрепшую душу ареной для схватки — одна звала вперед, заставляя забыть об опасности и самосохранении, другая гнала назад, внушая самые кошмарные видения. Силы, перед каждой из которых в отдельности не смог бы устоять ни один человек, буквально разрывали юного жестянщика, но тем не менее он продолжал свой путь, ибо сила любви и веры одолевала в нем силу страха.

Помимо воли рука Артема коснулась пояса, где хранился подарок Генобры. «Надо убить его,— подумал он о Стардахе.— Засуну яд прямо ему в пасть. Пусть при этом он откусит мне пальцы. Но смогу ли я убить скованного по рукам и ногам пленника, даже если это будет сам Сатана?»

Вдруг Надежда застыла и вытянула обе руки вперед. Словно актер в пантомиме, она навалилась всем телом на какую-то невидимую преграду. Раздался протяжный скрежет, и дверь начала понемногу приоткрываться. Артем кинулся к ней и, едва только его пальцы смогли проникнуть в образовавшуюся щель, изо всей силы потянул железную створку на себя. Пахнуло затхлым теплом, и в следующее мгновение он увидел перед собой Яшта,— вернее, нечто внешне напоминающее собой прежнего Яшта, но на самом деле имеющее с живым человеком куда более отдаленное сходство, чем разбросанные поблизости окоченевшие трупы.

Психика жестянщика явно не выдержала обрушившихся на нее испытаний, но, тем не менее, он дошел, вернее — его довели.

Едва только они, преследуемые проклятиями Стардаха, покинули мертвецкую, как Надежда зашаталась и неминуемо рухнула бы на пол, не успей Артем вовремя подхватить ее. Тащить на себе сразу двоих он не мог и поэтому приковал впавшего в прострацию Яшта к первой попавшейся раме. Это лишало Стардаха власти если не над душой, то по крайней мере над телом жестянщика.

Надежду он заволок в какую-то каморку, где пахло не бойней, а осенней степью, и где пол покрывала не кровавая грязь, а охапки сушеных трав. Она пребывала в ясном сознании, однако у Артема создалось впечатление, что ее прежде неисчерпаемые силы дошли до предела. Ободранная ладонь продолжала сочиться кровью, что было весьма нехарактерно для максаров, куда более живучих, чем кошки. Взгляд потух, а на бледной коже проступил лихорадочный румянец. Объяснение здесь могло быть только одно: развивающийся

плод отнимал у Надежды чересчур много энергии. Будущий Губитель Максаров буквально сжигал тело своей матери изнутри.

После схватки в мертвецкой ситуация кардинально изменилась, и ее следовало тщательно обсудить, однако Надежда смогла говорить лишь несколько часов спустя. По ее соображениям, приближающиеся роды обещали быть тяжелыми, и поэтому она решила дождаться их в этом подземелье, благо недостатка в пище, воде и всевозможных снадобьях здесь не ощущалось. О Калеке не было сказано ни слова — оба они понимали, что их товарищ был заранее обречен на смерть вне зависимости от исхода схватки со Стардахом. Иллабран Верзила сознательно пошел на самоубийственный размен.

Затем, по просьбе Надежды, Артем снял Яшта с рамы и за руку привел в каморку. «Спи!» — сказала она, и жестянщик сразу уснул. Возможно, сейчас это для него было самое лучшее лекарство.

Оставалась проблема Стардаха. Даже Артем соглашался, что отпускать его на волю, даже безоружного, нельзя ни под каким предлогом. Можно было, конечно, оставить его в мертвецкой умирать от голода и холода, но даже в этом положении он представлял немалую опасность. Для воли максара, в отличие от тела, не существовало никаких преград, и она могла призвать к себе на помощь еще невиданных доселе монстров, рассеянных в дальних и ближних краях. Само собой напрашивалось единственное решение: сбросить Стардаха вместе с рамой в ледяную бездну.

— Нет,— сказал Артем.— Я не в состоянии прикончить его теперь, когда он не может защищаться. Если хочешь, называй меня трусом. Да и тебе не советую делать это. Тот, кто носит в себе новую жизнь, не должен запятнать душу убийством. Это будет плохим предзнаменованием.

Решено было вернуться к этому вопросу позже, а пока Артем отправился в мертвецкую за клинком и телом Азда, которого решено было похоронить по обычаям жестянщиков — то есть сжечь на огне.

Явился он как раз вовремя. С полдюжины мартышек, возбужденно вереща, усердно штурмовали дверь. В обычных условиях трусливые и забитые, эти твари не бросились наутек, а сражались до последнего, словно загнанные в угол крысы. Оттаскивая в сторону их хрупкие, почти невесомые тела, Артем смог оценить степень отчаяния, заставившего Стардаха предпринять эту заведомо безнадежную акцию. Дверь была так тяжела, что ее не смогли бы открыть и полсотни мартышек, даже вооруженных тараном.

Тщательно обследовав все соседние залы и не найдя там ни единой живой души, Артем вернулся к мертвецкой. Дверь он оставил открытой настежь и даже подпер какой-то бочкой. За время его отсутствия ничего здесь не изменилось — все так же возвышались горы заледенелых трупов, все так же из невидимой дыры меж-

пространственного перехода тянуло нестерпимой стужей, все так же поблескивали на стенах иголки инея. Стардах был жив и казался совершенно спокойным.

— Ты пришел говорить со мной? — скосив глаза (вертеть головой ему не позволяла массивная железная шина, охватывающая лоб), спросил он.

— Нет.— Артем поежился, не то от холода, не то от мерзкого чувства, что в твоем сознании копается кто-то чужой. Подобно тому, как владелец бронежилета, оставаясь невредимым, тем не менее ощущает болезненные удары пуль, он — неподвластный воле максара — ощущал каждую атаку на свою психику.— Нет, говорить с тобой я не буду.

— Почему ты боишься меня? Руки и ноги мои скованы железом, а сердце скоро скует лед. Разве я могу быть опасен?

— Даже мертвый максар опасен. Так говорит твоя дочь.

— Значит, я по-прежнему страшен вам. Жаль... А ведь на труса ты не похож. Трус никогда бы не решился на то, на что решился ты.

— А на что я решился? — насторожился Артем, уже отыскавший оба клинка.

— Вот видишь, даже ты сам пока не знаешь этого. Те, кто послал тебя в этот мир, обманули тебя. Не истину ты ищешь и не спасение. Ты не желаешь служить максарам, а сам верно служишь тем, кто не без помощи моих предков был некогда повержен и изгнан за пределы обитаемых пространств.

Встретив тебя впервые, я сразу понял, что вскормлен ты совсем в другой берлоге, чем все остальное шныряющее здесь зверье. Да и кормильцы у тебя весьма занятные. Я уж думал, что память о них сохранилась только в древних сказаниях. Жаль, что я тогда недооценил тебя. Гордыня иногда шутит с максарами плохие шутки. Но и ты не обольщайся чрезмерно. Судьба или могучее заклятье, а может быть, и то и другое вместе, пока берегут тебя, но так будет не всегда. Ты просто не в состоянии осознать силы тех, кому бросаешь вызов.

— Именно это ты хотел сказать мне? — Артем понимал, что пора уходить, что речи Стардаха лишь хитрый обман, но что-то (но отнюдь не воля максара) удерживало его на месте.

— Конечно, это не главное. Ты можешь идти своим путем дальше и даже добраться до назначенной цели. Не исключено, что ты уцелеешь. Твоя удача — удача муравья, за которым никогда не станет гоняться могучий лев. Но ведь ты даже не знаешь, в какую сторону идти, не так ли?

— Я не делал из этого секрета ни от твоего отца Адракса, ни от погубленного тобой жестянщика Азда.

— Не упоминай при мне имена этих подлецов. Ваши отношения

меня совершенно не интересуют. Но я единственный, кто может указать тебе верный путь. В обмен на мою свободу, конечно.

— Ты хотел сказать — в обмен на жизнь?

— Я говорю только то, что хочу сказать. А о моей жизни не беспокойся. Я жив и даже здесь смогу прожить еще достаточно долго. Так что же ты ответишь на мое предложение?

— Во-первых, я не верю тебе лично. Во-вторых, я не верю, чтобы такие кровожадные чудовища, как максары, были причастны к великим тайнам мироздания. И даже не потому, что они недоступны вашему разуму. Просто тот, кто знает достаточно много о себе и окружающем мире, не станет вести себя столь безумно, как вы. Ты мечтаешь создать Мирового Зверя. Но что он станет делать, уничтожив все живое вокруг? Примется за неживое? За горы, реки, небо? Или займется созданием для себя новых противников? Зло порожденное вами, вас же и погубит.

— Не пришлось бы тебе пожалеть об этих словах, ничтожество. Народ максаров существовал еще задолго до рождения этого мира. Он изведал и добро и зло во всех его проявлениях. Свою судьбу мы выбрали осознанно. И не тебе, дикарь, говорить о тайнах мироздания. Нашими учителями были существа, столь же далекие от людей, как человек далек от мокрицы. Тебе не дано понять их мудрость. Скажу больше... а впрочем,— он закрыл глаза.— Разве рыба способна оценить вкус вина... Пошел прочь!

Неизвестно, что Надежда добавила в огонь, разведенный в самой большой из жаровен, но тело Азда превратилось в уголья буквально за полчаса. С трудом разбуженный Яшт тупо смотрел, как пламя пожирает останки его приемного отца и лишь в самом конце церемонии вдруг вскрикнул и ухватился за свой смертоносный ошейник.

— Так дело не пойдет! — сказала Надежда, выворачивая его руку.— Надо снять с него эту штуку, пока беды не вышло.

Пока Артем держал жестянщика, она привела клинок в боевое состояние и осторожно разрезала ошейник на два полукружья. После этого все трое опять вернулись в каморку с сушеными травами. Мартышек и других прислужников Стардаха в ближайшее время можно было не опасаться — перед этим Артем с помощью клинка обрушил все дверные арки, кроме одной-единственной, за которой не забывал постоянно приглядывать. Несколько раз он наведался в мертвецкую, правда, только до порога. Стардах пребывал в той же позе, и нельзя было понять, жив он или мертв. По крайней мере, заговорить с Артемом он больше не пытался.

Между тем срок родов приближался. Надежда уже почти не вставала со своей душистой постели и совсем перестала интересо-

ваться окружающим. Все ее помыслы сейчас были сосредоточены на крошечном существе, которое, еще не появившись на свет, уже жило, дышало, шевелилось и начинало познавать окружающий мир. Часами наблюдая за Надеждой, Артем все больше утверждался в мысли, что она каким-то загадочным образом общается со своим нерожденным сыном, передавая ему некие недоступные обыкновенному человеку знания.

Однажды он проснулся от ее неровного тяжелого дыхания. В темноте Артем нашарил руку Надежды, и она так сдавила его ладонь, что затрещали кости.

— Что, начинается? — встревоженно спросил он.

— Опасность! — прохрипела она.— Где Яшт? Найди Яшта!

Артем ногой распахнул дверь в галерею, из которой в каморку проникал тусклый свет, окинул взглядом все углы, но жестянщика нигде не обнаружил. Это еще не могло быть поводом для волнения — Яшт за последнее время немного оправился от потрясения и уже не раз самостоятельно отправлялся за водой и пищей. Пугали его только две вещи — дверь мертвецкой и жаровня, в которой сгорел Азд. Однако тревога Надежды передалась и Артему, особенно когда он увидел, что та ползает по полу, разгребая сухую траву.

— Клинки! — это прозвучало как предсмертный стон.— Где клинки?

Их оружие не было чем-то таким, что могло затеряться среди охапок сена. Еще не до конца осознав весь ужас происшедшего, однако уже успев мысленно распрощаться с жизнью, Артем помчался к мертвецкой. О том, что самое страшное все же случилось, он понял еще на полпути, ощутив разгоряченной кожей ползущий навстречу поток холодного воздуха.

Дверь мертвецкой была распахнута, а рама опустела. Хищно щерились стальные челюсти раскрытых захватов.

Со всех ног он кинулся обратно. Надежда страшная, растрепанная, вся засыпанная сенной трухой, опираясь на косяк, стояла в дверях. Такой Артему видеть ее еще не доводилось. Он втолкнул Надежду обратно, захлопнул за собой дверь и накинул щеколду.

— Стардах на свободе,— задыхаясь, доложил он.— И оба клинка наверняка в его руках. Яшт изменил нам.

— Он не изменил. Я сама во всем виновата. Нужно было все время держать его сознание под контролем, а я отвлеклась на другое. Этим и воспользовался Стардах.

— Бежим! Может, еще не поздно!

— Поздно! Первым делом Стардах отрезал нам путь к отступлению, а сейчас обыскивает все закоулки подряд. Он еще не знает точно, где мы находимся, но Яшт поможет ему. Бедный мальчишка...

Как бы в подтверждение ее слов, в дальнем конце галереи раздались тяжелые шаги.

— Выслушай меня,— быстро зашептал Артем.— Только обещай не перебивать. У нас есть оружие, способное убить Стардаха.— Он замешкался, вытаскивая из поясной сумки обе таблетки, подаренные Геноброй.— Вот здесь яд, специально приготовленный для максаров. А здесь противоядие. Смотри, таблетки отличаются и цветом, и формой. Чтобы отрава подействовала, ей достаточно попасть в рот, нос, в открытую рану. Найди способ дать ее Стардаху. Противоядие всегда держи за щекой. Если тебе придется вместе с ним пить отравленное вино или есть отравленную пищу, заранее раскуси облатку.

— Откуда это у тебя? — Надежда демонстративно убрала руки за спину.

— Не спрашивай. Стардах в десяти шагах отсюда. Потом я тебе все объясню.

— Ах вот оно что,— задумчиво сказала Надежда.— Генобра — не женщина. И даже не человек. Она — ядовитый паук, и ты не уберегся от ее тенет.

— И все же это наш единственный шанс.

— Как же ты наивен.— Она взяла обе таблетки, некоторое время подержала их на ладони, а затем резко забросила в рот, но не проглотила.— Ну что ж, скоро мы узнаем, какой сюрприз мне приготовила троюродная сестричка. Но сначала придется побеседовать с папашей.

Шаги приближались медленно, но неуклонно. Слышно было, как Стардах хлопает дверями, шарит в боковых комнатушках и обследует ответвления коридора.

И вот, наконец, он остановился прямо напротив их каморки. Наступила тишина — страшная тишина, готовая в любую секунду разразиться всем, грохотом, смертью.

Затем дверь задергалась. Скрипнула щеколда.

— Надо же,— сказал Стардах, как бы сам себе.— Хозяин вернулся в свой дом, а все двери закрыты. Непорядок.

Удар извне был так силен, что толстенная филенка разлетелась, словно от попадания снаряда. Десятки острых щепок вонзились в нижнюю часть лица и руки Артема, которыми он успел прикрыть глаза. После второго удара от двери остались только перекошенные петли.

— Прошу прощения.— Держа в правой руке готовый к бою клинок, Стардах церемонно раскланялся.— Я, кажется, потревожил ваше уединение.

Это был все тот же Стардах — нечеловечески прекрасный бледный воин. Ему не хватало разве что апокалиптического скакуна-вепря.

Ногой он отпихнул в сторону ползавшего вокруг него на четвереньках Яшта и сделал шаг назад, словно приглашая Надежду и Артема выйти из их обиталища.

— Когда я остался в мертвецкой один, прикованный к раме, то первое время думал только о том, какой казни вас обоих подвергнуть,— продолжал он.— Тебя, дружок, я предполагал поместить на свое собственное место. Когда бы ты хорошенько промерз, но еще не помер, я заставил бы дочку сожрать тебя. Медленно, по кусочку, без перца и соли. Но спустя еще какое-то время я понял, что для вас это чересчур легкая участь. Тогда я стал придумывать муку, которая длилась бы очень долго, а желательно, бесконечно. Никогда мне не думалось так хорошо. Теперь мне известны десятки способов превращения жизни человека в вечный ад. Когда-нибудь я ими обязательно воспользуюсь. Но потом на меня как бы снизошло озарение. Зачем мне все это? Месть — достойное занятие для максара, но кому мне мстить? Моей слабой умом и телом дочери, так и не сумевшей стать достойной славы предков? Жалкому червяку, совокупившись с которым она собралась произвести на свет Губителя Максаров? Да я не получу от ваших страданий даже мимолетного удовольствия. Сильные должны быть выше личных симпатий и антипатий. Пусть от этих заморышей будет хоть какая-нибудь польза. Судьба дочки, к примеру, уже определена. Она станет молотом в моих руках, и этим молотом я стану поражать врагов. Ты же, червь, посланный сюда древними врагами наших творцов и благодетелей, продолжишь свой путь. Но уже совсем в другом качестве. Ты станешь разрушать то, что должен был созидать. Пернатым ублюдкам, возомнившим себя бессмертными богами, ты принесешь не спасение, а погибель. Неуязвимые даже для наших клинков призраки благодаря тебе найдут не дорогу к своему дому, а ловчую яму на этой дороге.

«Он говорит о Фениксах и Незримых,— догадался Артем.— Значит, максарам все же что-то известно о предыстории этого мира и о катаклизме, породившем Тропу. Может, он и о Изначальном мире наслышан?»

— Глупо было бы сейчас противиться твоей воле, несравненный,— стараясь придать своим словам как можно больше смирения, произнес Артем.— Прости, что я не поверил тем речам, которые услышал от тебя в мертвецкой. Я рад буду служить тебе...

— Рад не рад, а будешь,— прервал его Стардах.— В том облике, который я придам тебе сразу после того, как закончу с Ирданой, тебе не останется ничего другого.

— Но мне все же любопытно узнать, в каком направлении находится страна, которой я должен достигнуть,— настойчиво продолжал Артем.— Признаться, я разуверился в реальности ее существования.

— Тебе придется идти в обратную сторону. Однако не стоит унывать. У тебя будет столько ног, и все они будут столь неутомимы, что дорога не покажется длинной.

— Но за Страной Черепах находится Страна Забвения, которую раз за разом испепеляет страшное Лето. Никто еще не сумел пройти этим путем.

— Цель существования жалких людишек, населяющих Страну Забвения, заключается только в одном — стеречь и обихаживать место, где ткань, из которой соткан наш мир, прорвана. Нечто подобное ты можешь увидеть в мертвецкой. Но если эта дорога ведет к смерти, то та — в чудесные и загадочные страны. Предания, более древние, чем мой народ, гласят, что именно этим путем можно достичь благословенной земли, из которой некогда были изгнаны предки всех ныне живущих народов. Ты пойдешь туда, но не посланцем давно забытых выродков, а моим верным слугой. Но пока, в ожидании своей очереди, тебе придется поваляться среди трупов в мертвецкой. Сначала я займусь Ирданой. Ведь ей не терпится примерить на себя новую, еще никем не изведанную сущность. Не так ли, дочь моя?

— Так, отец.— Она шагнула вперед и положила ему руки на плечи.— Я покоряюсь твоей воле. Делай со мной все, что считаешь нужным. Я выдержу. А теперь разреши тебя поцеловать. Прежняя Ирдана, Идрада, существовавшая до сей поры, прощается с тобой.

Стардах не сделал даже попытки уклониться, а только отвел чуть назад руку с клинком, чтобы при случае удобнее было разить, и сам подставил Надежде губы.

Смотреть на это Артем не мог.

Присосавшись ко рту Надежды, Стардах громко сопел, смачно причмокивал и уже принялся лапать ее тело свободной рукой, словно она была вовсе не его дочь, а случайно подвернувшаяся потаскушка. Однако его противоестественная страсть довольно скоро иссякла.

— А ты сладко целуешься,— он отстранился от Надежды, вслушиваясь в какие-то свои внутренние ощущения.— Что у тебя, мед во рту?

Затем Стардах сплюнул на тыльную сторону ладони и стал рассматривать плевок. Что-то явно беспокоило его — то ли смутное предчувствие беды, то ли первые признаки надвигающегося распада. Теперь все зависело от того, насколько быстро подействует яд Генобры. Затянувшаяся агония грозила Артему и Надежде неминуемой смертью.

В утробе Стардаха что-то засипело и забулькало. Взгляд угас и утратил осмысленность, словно максар вдруг потерял всякий интерес к окружающему. Пальцы его разжались, и выпавший из них клинок по самую рукоять вошел в пол.

Артем попытался оттащить Надежду в сторону, но она оттолкнула его руку, как зачарованная наблюдая за метаморфозами, происходящими со Стардахом. Кожа его побагровела, как панцирь брошенного в кипяток рака, потом почернела и стала отваливаться лоскутьями, обнажая сочащуюся сукровищей плоть; из ушей и носа хлынула мутная жижа; глаза сделались похожими на сваренные вкрутую яйца.

Закончилось все очень быстро.

Стардах рухнул, но рухнул не как существо из костей и плоти, а как лопнувший по всем швам бурдюк с прокисшим вином. Одежда была единственным, что еще хоть как-то сохраняло форму его тела. Могучее создание, еще совсем недавно способное соперничать с богами, на глазах превращалось в кучу гниющей, растекающейся во все стороны мерзости, из которой уже лезла сероватая пушистая плесень.

Первыми словами Артема после всего, что случилось, были:

— Как ты себя чувствуешь?

— Яд Генобры действительно сладок, как мед.— Надежда устало прикрыла глаза.— Наверное, это был самый смертоносный поцелуй за всю историю максаров.

Яшат, бормоча что-то невразумительное, продолжал ползать по полу. Артем извлек клинок Стардаха из узкого отверстия, пробитого им в камне, и попытался вернуть в обычное состояние, впрочем, безо всякого успеха. Покойный Азд был прав — личное оружие каждого максара имело свой секрет, известный только хозяину. Зато тут же, среди зловонных остатков Стардаха, обнаружился принадлежавший Надежде клинок.

— Я прилягу,— сказала она.— Что-то мутит меня. А ты спи.— Она положила руку на голову Яшта.— Твой мучитель мертв, и скоро даже память о нем исчезнет из твоего сознания.

Артем взбил слежавшееся сено, помог Надежде улечься и накрыл своим плащом. Через несколько минут она попросила пить, целиком опорожнила объемистый кувшин и сказала: «Еще». Когда Артем вернулся со свежей водой, Надежда лежала лицом к стене, прикрывая рот рукой, а все выпитое ей до этого было извергнуто на постель.

— Что случилось? — встревожился Артем.— Тебе плохо?

Надежда, не поворачиваясь, протянула ему руку и разжала кулак. На ладони лежал черный сгусток крови.

— Скоро я умру,— сказала она без всякого выражения.— Генобра знала, что делала, когда давала тебе этот яд. Противоядие лишь замедляет его действие... Только не вздумай меня успокаивать. Все шло к этому. Такой конец был давно предопределен. Мне уже ничто не сможет помочь.

— Перестань! — Артем почти закричал.— Ты бредишь! Ты сама не знаешь, что говоришь! Вы умеете превращать людей в самых невероятных тварей, заменяете сердце и кожу, вы можете оживлять мертвецов! Неужели здесь не найдется нужных снадобий, чтобы изгнать яд из твоей крови!

— Успокойся. Когда твое тело становится твоим собственным врагом и пожирает самое себя, не помогут никакие снадобья. Я чувствую, как у меня внутри разгорается пожар. Сейчас мое тело лишь колыбель, в которой пребывает беспомощный ребенок. Колыбели суждено сгореть, но ребенка необходимо спасти. Не кричи и не лей напрасных слез. Плакать и стенать будешь потом, когда меня не станет. А теперь делай то, что я скажу. Обещаешь?

— Обещаю. Только...

— Молчи,— оборвала его Надежда.— Иди и осмотри все подземелье. Отыщи хотя бы одно существо, которое посредством своей крови может поддержать жизнь в человеке, у которого изъяты сердце, печень и легкие. Ты видел эти безглазые туши, у которых вместо хвоста свисает пучок трубок. Если тебе повстречаются твари, обычно помогающие максарам перекраивать живой материал, гони их сюда. Грубую работу лучше них никто не сделает.

Прихватив с собой клинок Стардаха, который, к счастью, был приведен в действие только на одну двадцатую часть своей максимальной длины (в лабиринте подземных коридоров пятидесятиметровое всепроникающее лезвие доставило бы владельцу больше неприятностей, чем пользы), Артем отправился выполнять распоряжение Надежды. Все обследованные им помещения носили следы погрома и запустения. Те, кто побывал здесь, не столько грабили, сколько крушили — горами возвышались черепки битой посуды, гнили выброшенные из кладовых припасы, на полу тут и там чернели кострища, в которых жгли ковры и драгоценную мебель.

В одном из дальних залов он все же обнаружил несколько десятков прикованных к раме толстокожих доноров, но все они были давно мертвы и изъедены червями. Зато там же ему повстречалась парочка злых, совершенно одичавших мартышек. Добровольно покинуть свое укрытие они не пожелали даже под угрозой клинка. Артему пришлось немало повозиться, прежде чем поймать их и связать крепкой веревкой.

Впрочем, единственного взгляда Надежды оказалось достаточно, чтобы мартышки перестали верещать и кусаться. Воля максара действовала на них эффективнее любой смирительной рубашки.

Выслушав рассказ Артема о том, что он видел в подземелье, Надежда сказала:

— Тогда нужно найти любое крупное живое существо. Мрызла, человека, лошадь. Если я вдруг умру раньше, чем ребенок появится на свет, кто-то должен будет питать его своими соками.

— Вряд ли сейчас в окрестностях цитадели можно найти кого-нибудь. Внушение, которым Стардах погубил твое воинство, разогнало все живое на многие тысячи шагов вокруг. Придется мне самому лечь рядом с тобой на раму.

— Нет. Это может повредить тебе. Не забывай, что ребенок останется на твоем попечении. Ты должен быть здоровым и сильным.

— Возьми мою кровь, несравненная! — Оказывается, Яшт не спал, а уже давно прислушивался к их разговору.— Это я чуть не погубил вас всех. Я виноват в том, что случилось. Страх превратил меня в безвольную скотину.

— Не кори себя понапрасну.— Надежда слабо улыбнулась.— Не тебе соперничать с волей Стардаха. Люди куда более твердые и опытные, чем ты, превращались в его верных прислужников. Вспомни хотя бы Иллабрана.

— После этого позора мне остается только умереть. Позволь мне послужить тебе в последний раз.

— Выбора у нас все равно нет... Но ты не бойся. Это не обязательно означает смерть. Особые средства будут поддерживать твое сердце и помогать легким. Надеюсь, что яд, проникший в мою кровь, опасен только для максаров... А теперь помоги мне встать.— Она тяжело и сухо закашлялась.— Если в этом мире все же есть какая-то высшая сила, она обязана помочь моему ребенку...

Артем уложил их на две соседние рамы,— сначала Яшта, который не создал ему никаких проблем, а затем Надежду, при каждом движении буквально корчившуюся от боли. Раздевал он ее как стеклянную куклу — медленно и осторожно, но когда вместе с сапогом с ее левой ноги сошел приличный лоскут кожи вместе с ногтем большого пальца, Надежда тихо попросила:

— Не надо... Отойди... Я не хочу, чтобы ты видел меня такой...

До последнего момента он надеялся на чудо, на счастливый исход и только теперь убедился, что бесплатных чудес не бывает даже в этом ирреальном мире, что его любимая обречена и что гибель эта и есть расплата за все — за длинную череду жертв, начиная с судьи Марвина и кончая Калекой, за собственную половинчатость, оставившую ее на полпути между добром и злом, за любовь к человеку по имени Артем, за душевную тупость и легкомыслие этого самого Артема, за врожденную трусость жестянщиков и древние грехи максаров. Судьба безжалостно — с кровью — отсекала добрый кусок его жизни, и сейчас, глядя в прошлое, можно было только выть от бессильного и запоздалого раскаяния. Сколько возможностей потеряно, сколько оплошностей допущено, сколько раз они попусту искушали рок!

А мартышки тем временем уже трудились вовсю, подтаскивая необходимый инструмент и снадобья, распарывая и сшивая плоть, старательно возвращая жизнь в тело, для этой жизни уже совсем не приспособленное. Десятки трубок соединяли организм Надежды и Яшта, и его кровь пульсировала в них, а ее — огромной лужей растекалась по полу. Жестянщик дышал глубоко и мерно, словно кузнечные мехи раздувал, и если на фоне этого тяжелого сопения раздавался иногда стон — он принадлежал Надежде. Потеряв власть над телом, она постепенно теряла и хваленую максарскую волю. Как это ни парадоксально, но по мере приближения смерти Надежда все больше становилась похожей на обыкновенного человека.

Однажды, не выдержав особенно мучительного стона, он подошел к ней. Надежда с головы до ног была покрыта толстой коркой густой, а кое-где уже и затвердевшей мази, цветом похожей на гречневую муку. Однако контуры этой новой оболочки не везде соответствовали прежним очертаниям так хорошо знакомого Артему тела, а кое-где под светло-коричневым панцирем что-то явственно шевелилось, словно клубок змей перекатывался. В уголках рта появилась та самая пушистая плесень, которая стала саваном для останков Стардаха. Артем обрывком бинта осторожно стер серый налет, и Надежда, словно очнувшись от дремы, приподняла веки.

Лицо ее невероятно осунулось, но зато глаза стали прежними глазами неискушенной девчонки, еще только смутно догадывающейся о своей печальной судьбе и не изведавшей еще в достаточной мере ни боли, ни страха, ни любви, ни своей собственной страшной власти над живыми существами.

Одна из мартышек спала, по собачьи свернувшись на полу, другая поила Яшта каким-то отваром.

— Видишь, все идет хорошо,— сказала Надежда.— Я жива, и ребенок жив. Сейчас он развивается куда быстрее, чем обычно. Если бы ты знал, как я хочу увидеть его.

— Он выедает тебя изнутри, как птенец выедает содержимое яйца. У тебя на лице остались только глаза да нос.

— В моем теле исчезает только лишнее. А сердце, мозг и все остальное, действительно необходимое для жизни, совсем не пострадает.— Непонятно было, кого она хочет успокоить, себя или Артема.

— Если бы не ребёнок, ты могла бы выжить. Спасай не его, а себя! Вместе мы родим еще хоть дюжину детей.

— Уже поздно. Либо жить останемся мы оба, либо он один. Его деяния уже записаны в книге судеб. А сейчас уходи. Отдохни и поешь. А еще лучше — напейся до бесчувствия вина. Мне ты сейчас ничем не поможешь. Не мучай ни себя, ни меня. Мы еще обязательно поговорим.

Сначала он наливал вино в кубок, а затем принялся пить прямо из горлышка кувшина. Мутный тоскливый хмель не принес забытья. Здесь нужен был спирт или добрая водка, но ничего похожего в погребах цитадели не нашлось. Иногда Артем засыпал, но сон этот был страшнее яви — то его душил мертвый Азд, то распинал на раме Стардах, то Калека протягивал ему из ледяной бездны свои щупальцы, которые от первого же прикосновения отламывались, как сосульки. А главное, даже во сне он ни на секунду не забывал, что совсем рядом умирает Надежда. Артем просыпался в слезах и холодном поту, пил снова, и от этого ему становилось все горше и горше.

Иногда он начинал тешить себя мыслями, что вот сейчас встанет, доберется до ближайшей цитадели, разнесет ее стены, пригонит самых сведущих в этой жуткой хирургии максаров. Но этот самообман давал лишь минутное облегчение, а стоны Надежды проникали в его каморку даже через дубовые двери.

Он даже приблизительно не знал, сколько времени провел в этом угаре. Вино кончилось, и, протрезвев, он не услышал больше никаких звуков. Нужно было идти в зал, чтобы проститься с телом Надежды или поздравить ее — живую — со спасением, однако Артем не мог заставить себя даже пошевелиться. Все на свете, в том числе и собственная жизнь, утратило для него интерес.

Дверь каморки немного приоткрылась, и одна из мартышек, угодливо согнув спину, поманила его пальцем.

Теперь Надежда до самых глаз была укрыта белым мягким полотном. Яшт дышал по-прежнему глубоко и мерно, но на появление Артема никак не прореагировал. Она заговорила не сразу, видно, собиралась с силами. При первых же звуках ее голоса Артем вздрогнул — это не был голос Надежды. Более того, то, что он услышал, почти не походило на человеческую речь — сплошной хрип и отхаркивание.

— Прости,— сказала она.— Что-то с горлом не в порядке...

— Это ты прости меня.

— Передав ребенка жестянщикам, ты пойдешь своим путем?

— Да.

— И уже не вернешься сюда?

— Обратного пути на Тропе нет. Но она имеет свойства петлять и разветвляться. На ней можно встретить себя самого, а уж кого-то из старых друзей — тем более.

— Меня ты будешь помнить?

— Зачем ты спрашиваешь...

— Разве трудно ответить?

— Я буду помнить тебя, покуда жив. И даже когда умру. Мой народ верит, что души близких людей после смерти встречаются в каком-то другом мире.

— Жаль, что мой народ не верит в это. Но если ты полюбишь кого-нибудь еще, и она полюбит тебя, знай — это тоже я. Но только никогда не называй ее Ирданой. Обещаешь?

— Обещаю.

— Скоро я умру. Но ребенок родится в свой срок. Жаль, что я никогда не увижу его. Хоронить меня не надо. Очень скоро от моего тела почти ничего не останется. Ничего, кроме глаз и волос. Лишь они одни неуязвимы перед ядом... Если когда-нибудь встретишь Генобру, не причиняй ей вреда... И вот еще что. Помнишь, я когда-то обещала дать тебе другое, настоящее имя. Время для этого пришло. В землях максаров и жестянщиков тебя будут помнить как Клайнора, Отца Мстителя.

Артем так долго ждал этого момента, что уже перестал верить в саму возможность его наступления и поэтому долго не мог понять, чего же хочет от него возбужденно лопочущая мартышка с белым полотняным свертком в руках. Точно такая же ткань покрывала тело Надежды при их последнем свидании.

В свертке находился новорожденный мальчик, еще не обмытый, со свежеперевязанной пуповиной. Он молчал и внимательно смотрел снизу вверх на Артема яркими изумрудными глазами. При этом он не забывал старательно сучить ножками.

Этот мальчик был его сыном, хотя при виде его Артем не ощутил ни прилива отцовской любви, ни пресловутого зова крови. Неловко прижимая ребенка одной рукой к груди, он по полутемному коридору двинулся в зал.

Мартышка забежала вперед и попыталась преградить ему путь, но с таким же успехом она могла остановить катящийся под уклон грузовик.

Первым делом Артем сдернул полотно, прикрывавшее лицо покойницы (вернее, то, что когда-то было лицом), и поцеловал ее в черные высохшие губы. Затем он направился к раме, на которой должен был лежать Яшт. Однако вместо жестянщика на нем сейчас пребывала мартышка (товарка той, что принесла Артему ребенка) — мертвая, превратившаяся в обтянутый облезлой кожей скелетик. Несколько трубок еще тянулось из ее раскрытого нутра к телу Надежды, от других остались только обрывки. Рядом, прямо на полу, лежал труп Яшта, отдавшего будущему Губителю Максаров всю свою жизненную силу, всю кровь и соки без остатка. Артем поднял его и положил рядом с Надеждой под белое полотно. Отныне ничто больше не удерживало его в цитадели Стардаха.

Так он и поднялся на поверхность — на левой руке ребенок, в правой клинок. Еще один клинок торчал у него сзади за поясом.

Задача, которую предстояло выполнить Артему, никак нельзя было отнести к категории легких. Пересечь Страну Максаров в одиночку, да еще имея при себе младенца — тут надо, по крайней мере, крылья иметь. Клинки клинками, в бою они сгодятся, но ведь на них не поскачешь, да и есть их нельзя, а Артем смог захватить с собой только дорожный мешок с пищей да баклагу воды. Этого и на четверть пути не хватит.

Что же остается — грабить встречных, если такие вдруг окажутся? Или просить милостыню у ворот цитаделей?

Но одно Артем знал точно — ему нужен конь или любое другое приученное к седлу существо.

Впрочем, существа всех размеров и разного (но в основном, отталкивающего) вида долго ждать себя не заставили. Скорее всего, это были уцелевшие и до поры до времени скрывавшиеся в пустошах прислужники Стардаха, смешавшиеся с остатками разбойничьей рати. Они полукольцом двигались вслед за Артемом, не отставая, но и не приближаясь ближе, чем на сотню шагов. Так ведет себя волчья стая, голодная, но не уверенная в своей силе. Несколько раз Артем предлагал им признать над собой его власть или убираться восвояси, чем вызывал среди бродяг еще большее озлобление. Он обладал клинком, но не был максаром и поэтому не имел природного права повелевать.

Видимо, преследователи надеялись, что рано или поздно он вынужден будет остановиться на отдых, если только до этого не упадет от усталости. Однако они не на того нарвались. Артем все шел и шел вперед, лишь изредка откусывая кусок хлеба и отхлебывая глоток воды.

Тогда в него полетели камни. Цели достигала лишь десятая часть из них, но когда ты служишь мишенью, по крайней мере, для трех дюжин рукастых, не слабых тварей, результат может оказаться самым плачевным. Спасла Артема только его новоприобретенная шкура — удары были хоть и чувствительны, но не опасны для жизни. Сверток с ребенком он сунул за пазуху и прикрыл согнутыми в локтях руками. (Впрочем, почти все камни попадали Артему в спину, и лишь изредка — в бок.)

Так он шел довольно долго, все время держась обочины малоезженной дороги. Несколько раз его путь пересекали дозоры, гербы которых Артем с такого расстояния разглядеть не мог. Эти подвижные, но малочисленные отряды одинаково не устраивала встреча как с клинком максара, так и с буйным бродячим воинством.

Неприятности пришли к Артему совсем не оттуда, откуда он ожидал. Ребенок, до самого последнего времени удивительно спокойный, вдруг зашевелился и захныкал — и хныканье это довольно скоро переросло в душераздирающий рев. Судя по мощи легких, малютка со временем действительно обещал вырасти в богатыря.

Пришлось Артему остановиться и, опустившись на колени, заняться кормлением своего чада (при этом точность попадания булыжников сразу возросла). Воду младенец сглотнул, но пережеванный хлеб с отвращением отверг.

«Чем кормят новорожденных, если нет материнского молока,— подумал Артем.— Доят козу. Или покупают молочные смеси. Но что-то до сих пор мне здесь ни одна коза не встретилась, а о детских кухнях и говорить нечего. Вот незадача!»

Очередной камень отскочил от его плеча и едва не задел ребенка. И тут уж ярость, до поры до времени копившаяся подспудно, вырвалась наружу. Первым побуждением Артема было вскочить и ринуться на врагов, но он как-то сумел сдержать сей весьма опрометчивый порыв. Вместо этого он, скорчившись, застыл над ребенком, изображая из себя если не мертвого, то оглушенного. Клинок Стардаха Артем, якобы в судорогах, отбросил в сторону, а клинок Надежды передвинул на живот.

Камни еще некоторое время продолжали градом сыпаться на него, но вскоре их запас у бродяг иссяк. Волей-неволей им пришлось приблизиться. Для верности Артем подпустил шайку, уже успевшую перестроиться в кольцо, шагов на шестьдесят — по их понятиям, расстояние еще вполне безопасное. Некоторые твари, готовясь к решительному броску, уже вздымали над головой секиры и направляли в цель наконечники копий.

Спустя мгновение неизвестно откуда взявшийся, противоестественно длинный клинок уже беспощадно крошил их. И тем не менее, кое-кто из бродяг сумел приблизиться к отцу и сыну почти вплотную. Кривой мрызл, целивший своим костяным рубилом прямо в голову Артема, умер у самых его ног.

Надо было бы из сострадания добить тяжелораненых и обыскать трупы на предмет пополнения за их счет своих запасов, но Артема уже мутило от всех этих дел, более приличествующих мяснику, чем воину.

Он повернулся к ребенку, которого перед началом схватки оставил лежать на земле позади себя, и оцепенел: утративший свой первоначальный цвет сверток почти плавал в луже крови, натекшей от разрубленого пополам мрызла, а запеленутое в нем крохотное существо жадно лакало эту густую багровую жижу, во все времена и у всех народов считавшуюся символом жизни.

Артем позволил сыну насытиться, потом обмыл водой из баклаги и завернул в свою рубашку. С тех пор так и повелось — малыш получал свой паек кровью мрызлов, волков, одичавших лошадей и всякого мелкого зверья. Однажды, когда они заблудились в пустыне, Артем дал ему немного пососать из своей лучевой вены — и эта была единственная человеческая кровь, которой тому довелось попробовать.

Как Артем ни всматривался в ясные глаза младенца, он не мог заметить там и намека на осознанный грех. Да и может ли грешить существо, которому от роду всего несколько дней?

В этот раз Артема, который все-таки время от времени позволял себе немного соснуть, разбудил пронзительный вопль ребенка. Так тот никогда не орал ни от голода, ни от боли (к великому удивлению Артема, у него уже начали прорезаться нижние зубы). Да и страха не ощущалось в этом коротком резком вскрике. Скорее всего, то был сигнал опасности.

Артем приподнялся на локте (жизнь среди бродяг и разбойников давно отучила его вскакивать перед приближающимся противником во весь рост) и огляделся по сторонам. В нежном сумраке Синей ночи прямо к нему по склону холма грациозно шествовала Генобра, рыжие космы которой на этот раз были скрыты под глубоким стальным шлемом. Она улыбалась загадочно и томно, как перед любовным свиданием, но в руке у нее был не букет цветов, а изготовленный к бою клинок.

— Стой,— сказал Артем.— Ирдана просила не причинять тебе вреда, но, если ты сделаешь еще хоть один шаг, я за себя не отвечаю.

— Значит, моя сестричка даже не обиделась? — грудастая ведьма и не подумала остановиться.— Она стала прямо голубкой. Легка ли была ее смерть?

Артем молчал, чувствуя, как все темнеет в его глазах и в этом зловещем мраке, словно в прицеле, проступает одна только фигура Генобры.

— Впрочем, на тебя, красавчик, я зла не держу,— продолжала она.— Можешь проваливать на все четыре стороны, а можешь идти ко мне в услужение. Зачем тебе лезть в наши семейные делишки. Отец и дочка подохли, да пащенок остался. А я привыкла все доводить до конца. Что касается...

Видимо, на лице Артема она прочла достаточно ясный ответ на это предложение, потому что, не докончив фразы, ринулась вперед. Не вызывало сомнения, что через несколько секунд, необходимых для преодоления последних десяти или пятнадцати метров, она своим клинком разделает Артема не менее аккуратно, чем хорошая хозяйка разделывает куриную тушку. Но как раз эти метры и оказались для нее роковыми. Тусклая, безукоризненно прямая линия, вылетевшая из руки Артема, на краткий миг соединила их обоих, после чего едва начавшуюся игру можно было считать законченной. Артем, как говорится, остался при собственном интересе, Генобра потеряла правую кисть и, естественно, возможность в ближайшее время размахивать клинком.

— В следующий раз я отрублю твою лапу по локоть,— пообещал

Артем.— И не исключено, что вместе с головой. Поэтому побережись.

— Жаль, что я не убила тебя,— прорычала Генобра, жгутом закручивая обшлаг рукава вокруг кровоточащего запястья.— Жаль, что не мне доведется изжарить и сожрать этого молокососа.

С тех пор Артем стал засыпать спокойно, уверенный, что в случае опасности ребенок обязательно разбудит его.

Время шло, и они, когда с боями, когда без всяких приключений, преодолевали расстояние, отделяющее их от Страны Жестянщиков. Раздобыть скакуна ему так и не удалось, да, возможно, это было и к лучшему. Там, где они шли,— в густом кустарнике, в изгибах бесконечных оврагов, среди зыбучих песков и солончаковых болот — не прошло бы ни одно четвероногое существо. Пища в дорожном мешке давно кончилась, и сейчас в нем ехал малыш, уже научившийся держать головку.

В последнее время он стал беспокоен — возможно, причиной тому была близость границы, где их неминуемо поджидала опасность. Что не говори, а он был сыном своей матери и должен был унаследовать многие ее способности. Однако их совместное путешествие закончилось куда раньше, чем предполагал Артем.

Еще на привале, случайно коснувшись щекой земли, он обратил внимание на непонятный глухой гул, словно идущий из глубины недр. Так примерно бывает, когда невдалеке скачет большой отряд. Однако ни единое облачко пыли не пятнало чистый горизонт, и Артем не придал этому событию особого значения, тем более, что ребенок продолжал спокойно спать в своем мешке. Но тут земля в нескольких десятках метров от них вдруг разверзлась, выворачиваемая наружу какой-то непонятной силой.

Из провала взметнулась вверх кошмарная морда, казалось, вся целиком состоящая из бездонной черной пасти. Даже мрызл по сравнению с этим созданием выглядел как домашний котенок.

— Человек, служивший Ирдане, дочери Стардаха, ты здесь? — выплевывая комья земли, взвыло чудовище.

Этот замогильный голос, конечно же, был памятен Артему. Так мог вещать только брат Калеки — Иллаваст Десница, или кто-нибудь из его соплеменников. До сих пор Артему не приходилось встречаться с рудокопами при свете, чем и объяснялся его испуг.

— Да, я здесь,— ответил он, справившись с потрясением.

— С тобой ли ребенок Ирданы, обещанный жестянщикам?

— Со мной,— нехотя признался Артем.

— Мы посланы за ним вождями жестянщиков. Все проходы в пограничной стене перекрыты. Там тебя ожидает Карглак и десятки других максаров. Единственный еще свободный путь — под землей.

— Почему я должен тебе верить? Где сами жестянщики? —

Артему очень не хотелось отдавать ребенка этому человекообразному червю.

— Ни один жестянщик не сможет сейчас пересечь границу, даже под землей. Это немедленно станет известно максарам. Мы переправим сына Ирданы в такие края, где до него не дотянутся руки врагов. В Страну Первозданных он попадет только после того, как минует опасность.

— Я не боюсь максаров и сумею проложить себе путь через их войско.

— Это станет началом большой войны, в которой могут погибнуть все жестянщики. Ребенок должен исчезнуть. Пусть все думают, что он погиб. Когда его время наступит, он сам заявит о себе.

— Дай подумать.— Только сейчас Артем ощутил, как бесконечно дорого ему это крошечное существо.

— Торопись, человек.— Голова рудокопа стала медленно втягиваться в нору.— Я не могу долго дышать этим воздухом и терпеть яркий свет.

— Как ты узнал, что мы находимся именно здесь?— Артему хотелось хоть ненадолго отсрочить неминуемую разлуку.

— Мы слепы, но ничего из происходящего на поверхности не может ускользнуть от нашего слуха.

— Значит, тебе известна и судьба Иллабрана Верзилы?

— Да. Своей смертью он снял с себя грех братоубийства.

— Как ты возьмешь ребенка? У тебя же нет рук.

— Клади его прямо мне в пасть. Не беспокойся, там ему будет удобней, чем в самой роскошной колыбели. Не забудь и о клинке его прадеда Адракса.

— Хорошо.— Артем взял спящего ребенка на руки и сделал первый шаг по направлению к рудокопу.

— А там ты последуешь за нами?

— Нет. Мой путь лежит совсем в другую сторону.

— Так мы и думали. Пусть на этом пути тебе не будет преград.

Толстые мягкие губы осторожно приняли ребенка и его родовое оружие, длиной почти в два раза превосходящее владельца. А затем рудокоп сразу исчез, словно в пропасть рухнул. И только тогда Артем вспомнил, что забыл на прощание поцеловать сына.

Теперь спешить было некуда.

Путь, ожидавший его,— через три мира, мимо цитаделей Генобры, Карглака и Варгала, сквозь пограничную стену и сторожевой лес, по горам и заснеженным равнинам Страны Черепах, навстречу Лету, возможно, все еще буйствующему в Стране Забвения — был так долог, что не имело значения, когда он начнется, сейчас или спустя какое угодно время.

В обратную дорогу он отправлялся совсем другим — свободным, сильным и одиноким. С собой он мог взять только воспоминания — и ничего больше. Даже клинок Стардаха уже покоился на дне какой-то мутной лужи. С мрызлом Артем мог справиться и голыми руками, а сражаться таким огрызком с максарами не имело смысла.

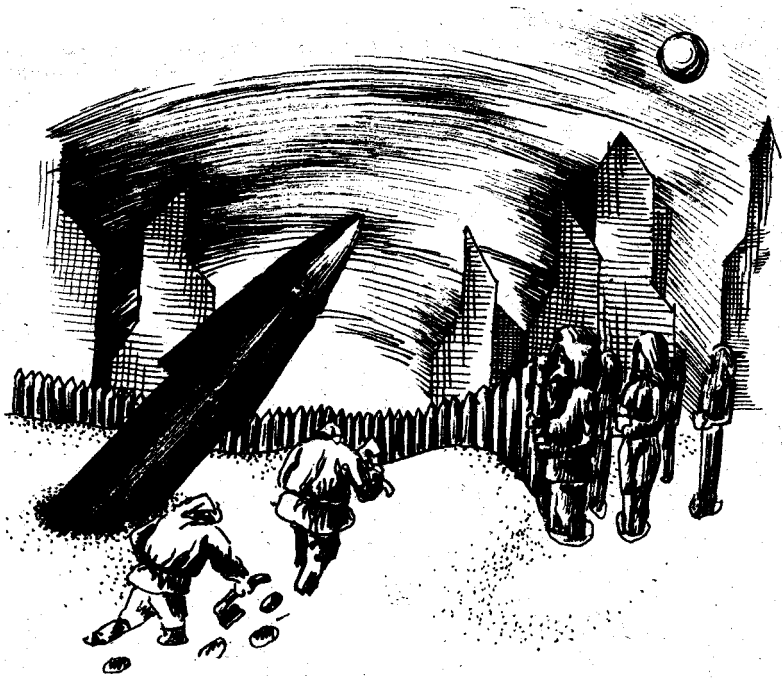
Лишь тени, явившиеся из небытия, сопровождали его — оставшийся без погребения старик, душа которого, отягощенная многими грехами, все же не оказалась окончательно потерянной для Добра; дважды перерождавшийся воин, ценой жизни отомстивший за позор своего народа; прекрасная всадница с разящим клинком в руке, чья любовь точно так же, как и ненависть, не знала предела.

Отправляясь совсем в другие миры Артем был уверен, что его вспомнят в этих краях, вспомнят неизвестно откуда взявшегося чужеродца Клайнара — отца Мстителя, отца Губителя Максаров; вспомнят и с ненавистью, и с благодарностью.

«А теперь в путь,— сказал он самому себе.— Что толку, сидя на одном месте, разводить тоску? В Стране Забвения меня никто не ждет, но тем не менее придется кое-кому там о себе напомнить,— особенно человеку по имени Тарвад, новому судье и любителю музицирования. Несомненно, это именно его имел в виду умирающий Адракс, говоря: «...укажет... брат...» Путь, позволяющий обойти Страну Лета, укажет брат судьи Марвина, наверное, так.

СТРЕЛЫ ПЕРУНА С РАЗДЕЛЯЮЩИМИСЯ БОЕГОЛОВКАМИ

Повесть

Художник Д. АЛЕКСЕЕВ

В то утро Пряжкин проснулся необычайно рано — дозорный на Троицкой башне едва успел восемь раз пробить в рельс.

Как министру обороны Пряжкину полагалось немало поблажек, в том числе и сон до обеда. Считалось (а когда-то и в самом деле так было), что по ночам он бдит, проверяя посты, разрабатывая новую военную концепцию и обдумывая планы предстоящих боевых кампаний. Разлепив глаза, он некоторое время лежал, глядя в потолок и соображая: что же это такое могло нарушить его сон. Склонный к анализу ум подсказывал, что причина, скорее всего, кроется в событиях предыдущего дня, однако предрасположенная к провалам память совершенно отказывалась эти события восстановить.

То, что он спал не на койке, а на полу, полностью одетый и даже застегнутый на все пуговицы, еще ничего не значило — такое с ним в последнее время случалась нередко.

Решив понапрасну не ломать голову, Пряжкин попытался вновь заснуть, но не смог. Мешал холод.

Пряжкин встал и, подобрав с пола шапку, обследовал печь, холодную, как полярный торос. Топка была забита окурками и пустыми бутылками, а из поддувала торчал обглоданный рыбий скелет. Дров не было и в помине. Даже щепок и завитков коры не осталось. Печь, скорее всего, осталась нетопленной не по причине нерадивости коменданта, а из-за полного отсутствия топлива.

Впрочем, этого давно следовало ожидать. Верная примета: если мороз крепчает, значит, должны кончиться дрова.

Пряжкин смахнул со стола окаменевшие остатки ужина и раскрыл тетрадь, в которой ежедневно делал заметки для памяти. С трудом удерживая занемевшими пальцами огрызок карандаша, он записал на чистом листе: «Срочно достать дрова!» Привычка разрабатывать любую операцию во всех деталях заставила Пряжкина набросать ниже еще и краткий план операции:

«1. Получить в министерстве распределения.

2. Одолжить в министерстве градостроения.

3. Захватить в провинции Ливония».

Затем его взгляд задержался на записях вчерашнего дня. Их было всего две.

«Представить в министерство распределения заявку на материально-техническое обеспечение.

Провести лекцию в школе. Тему уточнить в министерстве образования».

«Нет худа без добра,— подумал Пряжкин, растирая уши.— Если не выходит спать, займемся текущими делами».

Минут десять он искал заявку, накануне аккуратно переписанную штабным писарем в трех экземплярах, и обнаружил ее почему-то в своем собственном парадном валенке. Дверь долго не поддавалась, но в конце концов он отжал ее.

Бродячие псы уже успели обгадить основание четырехликого идола Святовида, который двухсаженным черным пальцем торчал напротив штаба. Выругавшись сквозь зубы, Пряжкин заглянул в чашу для даров, но не обнаружил там ничего, кроме горсти табака, самолично пожертвованного им дня три назад.

«Надо бить,— подумал Пряжкин о коменданте.— Если слов не понимает, надо бить. Ведь сало и водку для идола регулярно, гад, получает. Под себя все гребет. Ни с кем не делится. Не хватало, чтобы про эти штучки министерство вероисповедания пронюхало».

Дежурных нарт, конечно же, поблизости не оказалось, и Пряжкин пешком двинулся через площадь, стараясь держаться подальше от ледяной тени, отбрасываемой стеной Крома. Караульные возле дверей Усыпальницы, одетые в длинные оленьи тулупы, прекратив пританцовывать на месте и охлопывать себя рукавицами, застыли по стойке смирно. В руках они сжимали карабины — оружие хоть и внушительное на вид, но давно устаревшее. Новейшие бердыши и алебарды, производство которых недавно наладило министерство промышленности, были намного удобнее и эффективнее — однако традиция есть традиция. Государство зиждется на традициях. Поравнявшись с Усыпальницей, Пряжкин машинально отдал честь, хотя лучше, чем кто-либо другой знал, что этот рубленный в лапу просторный сруб пока еще пуст. Однако не за горами был тот светлый день, когда нетленные мощи всех вождей, всех святых мучеников и героев будут собраны здесь. Тогда сосновые бревна оденутся в золото и яшму, площадь покроется гранитом и мрамором, а к Усыпальнице выстроится нескончаемая шеренга паломников со всех концов света.

В том, что такое время обязательно наступит, Пряжкин не сомневался. Вера и надежда являлись такими же государственными традициями, как и древние карабины в руках караульных.

Задача перед Пряжкиным стояла в общем-то прозаическая: утвердить в министерстве распределения заявку на всякие технические мелочи, необходимые для поддержания боевой техники в исправном состоянии. Основные заявки — на вещевое снабжение и продовольствие — хоть и с великим трудом, хоть и после беспо-

щадного усекновения, но все же были уже подписаны, и Пряжкин гордился этим не меньше, чем Ганнибал своей победой над консулом Гаем Фламинием.

Предстоящая схватка (а любой визит в министерство распределения так или иначе превращался в схватку, требовавшую от участников и ума, и смелости, и нахрапа) в силу своей непринципиальности мало волновала его. Ну кому другому нужны здесь микросхемы и транзисторы? Это ведь не свиная тушонка и не галоши.

Над министерской трубой вился фиолетовый дымок, а крыльцо охранял двуглавый идол Маркса-Энгельса. Писаря и делопроизводители лопатами откидывали снег от стен. Порядки здесь были заведены строгие — за сон в рабочее время или за игру в подкидного могли и суточной пайки лишить.

Когда Пряжкин, демонстративно не обметая валенок, ввалился в кабинет министра, тот сделал вид, что видит его первый раз в жизни.

— Что там у вас?— постным голосом осведомился он, как будто бы говорил с мелкой сошкой, а не с полномочным министром, кандидатом в соратники и членом коллегии волхвов.

— Квартальная заявка на материально-техническое снабжение...— бодро доложил Пряжкин и добавил с нажимом,— сподвижник Шишкин.

Скривившись от обиды (на последнем заседании кабинета министров ему было отказано в звании соратника), Шишкин принял бумагу и стал последовательно изучать длиннейший список запчастей. Ни одно из наименований ничего не говорило ни уму, ни сердцу, однако он вида не подавал и даже кое-где исправлял количество подлежащих отпуску экземпляров — в сторону уменьшения, само собой. Наконец среди всевозможных «тринисторов КУ202» и микросхем К1401Д10» его взгляд зацепился за близкое и понятное слово «спирт». Аккуратно зачеркнув в цифре 100 последний ноль, министр строго спросил:

— А вы знаете, как правильно использовать спирт?

— Уж разберусь как нибудь,— потупившись, сказал Пряжкин, а сам подумал: «Ух, дать бы тебе в морду!»

— Как нибудь не надо,— веско, сказал Шишкин.— На этот счет имеются соответствующие законодательные акты.

Он достал из шкафа потертый скоросшиватель и долго шелестел бумагами, явно испытывая терпение Пряжкина. Наконец, отыскав какую-то порыжевшую от времени брошюрку, Шишкин стал диктовать номера всевозможных приказов, указаний, решений и рекомендаций, имевших хотя бы косвенное отношение к использованию спирта, загадочно поименованного везде как «горюче-смазочный материал специального назначения». Пряжкин вытащил записную книжку и сделал вид, что записывает всю эту белиберду.

Спирт он научился использовать еще лет пятнадцать назад, и до сих пор осечек не было (пару раз только шапку терял да однажды вместе с комендантом спалил казарму, правда, пустую).

— Изучите все эти документы,— сказал Шишкин,— и только после этого приступайте к использованию. Если останутся излишки, сдадите обратно на склад.

— Какие излишки, если вы мне только десятую часть нормы даете!

— Учитесь экономить.

— Это вы учитесь. Наше дело — оборона!

— Оборона! — Министр даже подпрыгнул, словно напоровшись задом на канцелярскую кнопку.— Все бы вам только обороняться! Профукали державу! Давно наступать пора!

— Да как же наступать всего с одним ведром спирта?— вполне резонно возразил Пряжкин.— Даже стекла в биноклях протереть не хватит.

Его собеседник ничего не ответил, внезапно углубившись в чтение какого-то циркуляра.

Это надо было понимать как намек на то, что встреча двух министров закончилась.

— Да! — уже стоя на пороге вспомнил Пряжкин.— Тут дело такое... У меня в штабе дрова кончились. Подбросили бы пару саженей в счет третьего квартала.

— Прошу сюда! — Шишкин с заговорщицким видом поманил его пальцем.— Смотри в окно. Видишь, труба дымит? День и ночь дымит.

— Вижу.

— А знаешь, почему она дымит?

— Еще бы!

— Труба эта, дым этот и дрова, из которых дым получается, в твоей власти. Можешь хоть сейчас забирать.

— Ну это ты полегче! — Пряжки выпрямился и одернул на себе тулуп.— Говори, да не заговаривайся. Придумал тоже...

— Тогда разговор закончен. Лишних дров у меня нет. А в третьем квартале вам для отопления положен сушеный олений мох...

На лекцию Пряжкин немного запоздал. В министерстве образования, расположенном в одной избе со средней школой, пехотным училищем и ныне пустующей академией земледелия (к каким только ухищрениям не прибегали ее выпускники, а картошка и свекла никак не приживалась на здешней почве), никого из служащих чином выше дворника не оказалось, а тот, само собой, о теме лекции представления не имел даже приблизительно.

«Ну что ж,— подумал Пряжкин, ничуть не смутившись.— Не беда. Будем действовать, исходя из обстановки. Не впервой».

Школьников собралось немного — дюжины полторы и все разного возраста. Некоторые еще только учились считать на пальцах, а другие уже регулярно выходили на патрулирование рубежей. К чтению лекций привлекались все министры без исключений, даже самые занятые и косноязычные. Знакомясь со школьниками, они исподволь подбирали себе будущих сотрудников. Кому-то требовались преданные исполнители, кому-то расторопные организаторы, а кому-то просто люди с хорошим почерком. Одному Пряжкину эти недоросли были безразличны. Его подопечные воспитывались совсем в другом месте и с раннего детства перенимали профессии родителей. Да и учили их совсем по-другому — электротехнике, баллистике, пиротехнике, а отнюдь не истории да географии.

— Вначале повторим предыдущий материал,— сказал Пряжкин, памятуя, что лучшая оборона это нападение.— Кто назовет мне выдающихся вождей, чья деятельность способствовала расцвету и укреплению нашего государства.

Белобрысая малышка в первом ряду высоко вскинула руку, и, глядя в ее радостно выпученные голубые глазенки, Пряжкин понял — эта знает!

— Фамилия твоя как? — спросил он.

— Попова! — пискнула девчонка.

— Отвечай, Попова, только не торопись.

— Яфет Допотопный, Кий Древний, Олег Вещий, Святослав Храбрый...

— Подожди, Попова, Попова,— перебил ее Пряжкин.— Ты ближе к нашей истории давай. А не то еще пращура Мафусаила вспомнишь.

— Иван Грозный, Петр Великий, Катька Великая, Владимир Мудрый, Иосиф Суровый,— отрапортовала девчонка.

«Далеко, однако, пойдет,— подумал Пряжкин.— Яфет Допотопный, надо же... Что-то пантеон вождей и героев несколько изменился с тех времен, когда я сам учил историю. Надо будет почитать на досуге что-нибудь свеженькое на эту тему... А девчонке надо все же нос утереть. Попробую зайти с другого конца».

— А кто упустил верный исторический шанс, свернул с предначертанного пути, проявил слабодушие и недальновидность?

— Владимир Святой, Васька Шуйский, Анна Иоанновна, Александр Освободитель, Михаил Меченый.

— Хм,— Пряжкин задумался, но ввязываться в дискуссию с шустрой малявкой не стал.— Ну, а бывали такие случаи, когда у кормила государственной власти стояли явные враги, узурпаторы, изменники и паразиты? Как ты считаешь, Попова?

— Бывали! — с готовностью доложила девчонка.— Рюрик Пришлый, Бориска Годунов, Гришка Отрепьев, Сашка Краснобай, Никита Хулитель, Борис Отступник.

— Садись,— сказал Пряжкин.— Молодец... А на следующий вопрос нам ответит...— Он обвел взглядом ряды и, не желая снова рисковать, выбрал самую глупую физиономию: — Вот ты! Как фамилия?

— Попов,— буркнул губастый балбес, похожий чем-то на молодого, еще не заматеревшего лешего. Скорее всего, он не был родственником белобрысой малышки. Каждый второй в государстве был или Поповым, или Козловым.

— Знаешь ли ты, Попов, кто сейчас правит наших государством?

— Сила Гораздович Попов, мой папа,— сиплым голосом ответил увалень.

— Про то, что он твой папа, говорить не обязательно,— осадил его Пряжкин.— Каково полное наименование его должности?

— ...Великий Князь... Верховный Волхв...— Попов-младший задумался, наморщив лоб.

— Дальше?

— ...Верховный Волхв... Генсек... Президент... Глава кабинета министров...

— И?

— ...И ...и Государь...

— Чего Государь? Тайги? Тундры?

— Государь Всея Роси! — обрадовался парень, в глазах которого явственно угадывалась тоска по мамкиным пирогам, санкам и снежным крепостям.

— Всея Роси и всех провинций,— закончил за него Пряжкин. — Слабо. Теперь назови эти провинции и укажи, примерно, где они находятся.

— На север отсюда, там, где Ледяное Море, находится провинция Ливония... На Юге, там, где болота, провинция Туркестан.

— Верно. А на западе?

— А на западе, там, где заходит солнце, провинция Белая и провинция Крайняя.

— Какую еще провинцию ты не назвал?

— Вроде бы Нагорную. Но, кроме волков, там никто не живет.— Попов-младший соображал хоть и медленно, но довольно здраво. На своего батюшку он был похож не больше, чем мул на жеребца, и потому о тайне его происхождения давно судачили в государстве.

— О народах, населяющих провинции, мы поговорим в следующий раз. Достаточно.— Пряжкин прошелся от окна к двери и обратно.— Вижу, что вы в основном усвоили предыдущий материал. А теперь внимательно выслушайте меня. То, что необходимо знать наизусть, я продиктую.

Пряжкин придал лицу подобающее случаю выражение и стал

подробно объяснять школьникам, что такое рубежи государства, почему они называются священными и незыблемыми, почему рубеж нельзя пересекать, а тем более допускать его нарушение, почему оленя, идущего к нам с той стороны, нужно беспрепятственно пропускать, а идущего от нас — поворачивать или, в крайнем случае, забивать на месте. Покончив с рубежами сухопутными, он перешел к рубежам морским, особое внимание уделив описанию Великого Ледяного Моря, в изобилии снабжавшего государство деловой древесиной, дровами, железными бочками и прочими полезными ископаемыми.

— Наверное, не ископаемыми, а приплываемыми,— раздался с последней парты ехидный девичий голосок.

— Ископаемыми. Я, кажется, ясно выразился. Надо внимательнее читать учебники,— твердо сказал Пряжкин, а сам подумал. «Что это, провокация? Или просто неуместная шутка?»

— Можно вопрос? — вновь вскинула ладошку настырная Попова.— Однажды папа взял меня на берег Великого Ледяного Моря. Далеко-далеко, среди льдов, двигалось что-то огромное, похожее на дом, сияло огнями и громко гудело. Что это такое было?

— Ты по физике изучала тему миражей? В природе существует множество зрительных иллюзий. То, что ты видела, нечто среднее между миражем и полярным сиянием.

— Но полярное сияние не гудит,— настаивала Попова.

— А вот тут ты не права. Просто твои уши не в состоянии слышать это гудение. А по радио такой треск стоит, что оглохнуть можно,— тут Пряжкин умолк, поняв, что оговорился.

Дети ничего не знали, да и не должны были знать о радио. Точно так же, как о телевизорах, самолетах, теплоходах, канарейках, апельсинах, бантиках, жевательной резинке, танцах, Деде Морозе и Бабе-Яге. Впрочем, и многие взрослые давно успели позабыть обо всем этом. Не стоит забивать головы — в особенности юные — всякой бесполезной трухой.

Однако все прошло гладко. Никто, вроде, не обратил внимания на последнюю фразу Пряжкина. То ли школьники просто пропустили мимо ушей незнакомое слово, то ли приняли его за забавную обмолвку дяденьки-министра.

Пора было закругляться. Толпа служащих министерства пропитания уже проволокла мимо окон школы дымящийся котел с баландой и мешком сухарей.

— Еще вопросы имеются?— неласково спросил Пряжкин.

— Имеются,— послышался с последней парты все тот же девичий голосок.

Пряжкин сердито посмотрел в ту сторону и сразу невольно опустил глаза. Девчонкой эту школьницу можно было назвать лишь с большой натяжкой. В таком возрасте нужно не за партой сидеть,

а о женихах думать. Кроме того, выглядела она довольно привлекательно, хотя привлекательность эта была весьма странной и непривычной.

— Слушаю вас,— совсем другим голосом сказал Пряжкин.

— Я, кажется, только что ляпнула какую-то глупость. Насчет ископаемых. Простите меня, пожалуйста. Дело в том, что я здесь недавно. Раньше я жила по ту сторону рубежа, но всегда мечтала посетить вашу страну,— девушка мило улыбнулась.

— Нет нашей и вашей страны,— веско сказал Пряжкин.— Есть одно единое государство, временно разделенное на две части.

— Я это как раз и имела в виду. Значит, в эту часть единого государства я попала всего несколько дней назад. Поэтому у меня к вам есть много вопросов.

— Наверное, будет лучше, если мы поговорим наедине. Задержитесь на пару минут. А все остальные могут быть свободны.

Про эту девчонку в последнее время было много разговоров, но Пряжкин видел ее впервые. Министерство пропаганды носилось с ней как с писаной торбой. Считалось, что это именно та первая ласточка, вслед за которой вскоре валом повалят перебежчики из сопредельной стороны. Благодаря этой версии министерство пропаганды сумело авансом пробить для своих нужд дополнительные лимиты на крупу, сахар, мыло и сгущенку.

Держалась девчонка весьма непринужденно, да и одета была в высшей степени экстравагантно. Про прическу и говорить нечего — в ней не было и двух прядей одинакового цвета.

«Экземплярчик,— подумал Пряжкин.— Что ни говори, а дичает народ за рубежом. Ничего, поживет у нас — обкатается. Или обкатают. Впрочем, я бы и сам не прочь попытать счастья. Девчонка хоть куда — глазастая, гибкая, высокая».

— Меня зовут Наташа,— сказала перебежчица.— Мне у вас ужасно нравится. Я так себе все и представляла.— Она тряхнула головой. Волосы упали ей на лицо, и из-под них лукаво блеснул один глаз.— А вы на самом деле считаете теплоход миражом?

— Я лично так не считаю,— Пряжкин слегка поморщился.— Но вопрос этот обсуждать не стоит. Хочу дать вам один совет на будущее. Есть вещи, о которых упоминать просто нельзя. Не принято. Неприлично. Опасно, наконец. Мы к этому давно привыкли, это у нас, как говорится, давно в крови, а посторонний человек может попасть в неудобное положение. Если уж вы решили поселиться среди нас, принимайте все, как есть. Ведь уйти отсюда нельзя. Назад вас не пустят. А если и отпустят, то вы никуда не дойдете. Я не пугаю вас, а просто предупреждаю.

— Да, мне говорили об этом. Правда, несколько другими словами. Еще раз простите за ошибку.

— Никакой ошибки нет. Со мной вы можете говорить вполне

откровенно. Но разговоры эти не должны касаться чужих ушей. А теперь задавайте ваши вопросы.

— Спасибо. Но сначала я должна хорошенько их обдумать. Вопросов столько, что голова идет кругом. Может, мы увидимся завтра где-нибудь в другом месте?

— Хорошо,— Пряжкин почувствовал легкое головокружение.— Где вас поселили?

— Пока в министерстве пропаганды. Дали койку в какой-то крошечной комнатке. Но там ночуют еще три женщины.

— Я найду вас. До свидания.

— До свидания.— Наташа широко улыбнулась и побежала к выходу.

Такую улыбку Пряжкин видел впервые в жизни. «Еще три женщины ночуют там»,— вспомнил он ее слова.— Что она имела ввиду? Любопытно... Весьма любопытно...»

Мыслями он был уже целиком в завтрашнем дне. Многое отдал бы сейчас Пряжкин за то, чтобы эти сутки миновали как можно быстрее.

Лирика лирикой, мечты мечтами, но мысль о дровах,— вернее, о полном их отсутствии — подспудно не давала Пряжкину покоя. Поскольку первый вариант их приобретения уже отпал, а путешествие в Ливонию требовало определенных подготовительных мероприятий, оставался единственный выход: идти на поклон в министерство градостроения. Хотя в государстве давно ничего не строилось и даже не проектировалось, старые избы все же ремонтировались, сторожевые башни подновлялись, идолы продолжали выпекаться дюжинами, как блины,— а значит, древесина имелась. Да и на складах за Тухлой речкой сушился лес, предназначенный для закладки трехпалубного фрегата, чертежи которого обнаружились в журнале «Моделист-конструктор» полувековой давности, невесть каким образом попавшем в архив министерства пропаганды. На худой конец Пряжкина устроило бы даже какое-нибудь гнилье — старые заборы, выбракованные венцы срубов, отходы лесопилки. Но загвоздка состояла в том, что градостроители никому даром не давали, а задобрить их министра, а тем более сторожа склада, Пряжкину было нечем. Топоров у них своих хватало, а вместо спирта обильно употреблялась политура.

От этих невеселых размышлений Пряжкина отвлекло появление Пашки — его собственного денщика, адъютанта и порученца, носившего громкий титул коменданта штаба. Был он человеком скользким, вороватым и пьющим, но совершенно незаменимым. Для него не существовало невыполнимых задач, запертых дверей, секретных тем, незнакомых мужчин и недоступных женщин. Никто не помнил

его родителей и не знал, откуда появился он сам. И хотя перед ликом бога войны Святовида он был наречен гордым именем Полкан, все продолжали звать его дурацкой кличкой — Пашка.

— Что ты, начальник, стоишь здесь, как будто в штаны наложил? — в детской непосредственностью спросил он.— Чего в штаб не идешь? Я уже баланду разогрел. И к баланде кое-что имеется.

— И на чем разогрел?— подозрительно спросил Пряжкин, но все же задержал занесенную для оплеухи руку.

— На печке, само собой.

— А дрова откуда?

— Достал,— одутловатая от природы, да к тому же еще и вечно опухшая физиономия Пашки хитро скривилась.

— Где? А ну-ка докладывай толком! Может, ты на эти дрова секретные документы сменял.

— Дело нехитрое.— Пашка стрельнул по сторонам узкими глазами и откашлялся в кулак.— У вас на следующий квартал запланирована установка трех идолов. Радегаста, Нияна и Чапая. Ну, думаю, на кой нам хрен три еще, когда и тех, которые имеются, сосчитать невозможно. Вот я с богорезами и договорился. Они мне две сажени чурок отвалили, а я им акт приемки наперед подписал. Еще и штоф на прощание налили. И нам хорошо, и им без хлопот. Так что до тепла нам дров должно хватить.

— Богорезы известные святотатцы. А ты куда лезешь? Вдруг узнает кто?

— Ну, началось,— Пашка ненатурально изобразил обиду.— Другие из этих идолов избы себе выстроили, а тебе трех штук на дрова жалко.

— Мне тебя жалко! Ведь скоро вчистую проворуешься. Куда дары девались, которые Святовиду предназначены?

— Ты что, начальник! — глаза Пашки округлились.— Я здесь причем? Ты его, болвана восьмиглазого, спроси, как он ими распоряжается. Может, сам жрет, может, с кодлой своей делится. Я за него не ответчик.

— Дать бы тебе хорошенько,— с чувством сказал Пряжкин.— Да руки марать не хочется. Сам допрыгаешься.

— Это еще посмотрим, кто из нас первым допрыгается,— обиделся Пашка.— Тебя, между прочим, в министерство бдительности вызывают. Велели спешно явиться. Опять, наверное, кого-то из соратников облаял.

Из соображений секретности весь руководящий состав министерства бдительности состоял из членов одной семьи. Заместителем министра была его теща, начальниками основных отделов — жена, дочка и племянник. Каждый, вновь поступающий на службу сотрудник, должен был так или иначе породниться с министром. Одного особо ценного агента ему даже пришлось усыновить.

Учреждения этого Пряжкин особо не опасался (как-никак он был единственным человеком в державе, знавшим в теории, а главное, на практике, как запускаются и наводятся на цель стратегические ракеты), но ухо привык держать востро. Не приходило и месяца, чтобы министерство бдительности не выявляло каких-нибудь очередных вражеских происков. То на пустой бочке, выловленной в Великом Ледяном Море, оказывалась какая-то, хоть и не вполне понятная, но явно провокационная надпись, то через рубеж проникал зараженный бешенством песец, то в жертвенном роге Перуна оказывались оленьи экскременты.

Министр принял Пряжкина не в кабинете, а где-то на задворках своей конторы, по соседству с персональным утепленным нужником. Возможно, это было связано с особо конфиденциальным характером встречи, а возможно, министр (фамилия которого, кстати, была Зайцев, а имя — Любомысл) просто накануне объелся на тризне по одному своему дальнему родственнику, давно списанному в резерв по причине старческого слабоумия и физической ветхости.

По ходу беседы министр несколько раз скрывался в нужнике, оставляя Пряжкина в одиночестве на морозе. Чувствовалось, что громадная ответственность, возложенная на Зайцева еще в ранней юности, основательно расшатала его здоровье. Да и теперь, по слухам, он не щадил себя. Чего стоил только один план поголовной проверки всех перелетных птиц, по весне массами нарушавших рубежи государства.

— Ты эту девчонку-перебежчицу видел?— без всяких обиняков начал Зайцев.

— Ну, видел,— нехотя признался Пряжкин.

— Беседовал?

— Беседовал.

— И что?

— А ничего.

— Подкатывалась к тебе?

— Это как?

— Ты давай не юли! Сам знаешь, как баба к мужику подкатывается. Ребенком не прикидывайся.

— Никто ко мне не подкатывался. Соплячка она еще.

— Соплячка,— согласился Зайцев.— Вот это меня и настораживает. Сам знаешь, какие козни днем и ночью плетет враг. Сам знаешь, сколько агентов проникает на нашу территорию. А вражескому агенту что надо? Догадываешься? Правильно догадываешься. Ведь ты к той тайне ближе всех стоишь. Помнишь, прошлым летом я двух перебежчиков разоблачил? Прикидывались, что грибы на нашей территории собирали. Так вот, выяснилось, что они за тобой шли. Похитить хотели.

— Да ну?— искренне удивился Пряжкин.

— Вот тебе и ну! Матерые мужики были. Да только меня не проведешь. Я врага насквозь вижу. Две недели только и отпирались.

— И что им за это было?

— Да ничего. Признались и померли. Две недели без воды и пищи не всякий враг выдержит... Вот я и думаю, что те, кто их посылал, после этого случая решили тактику изменить.— Он махнул рукой куда-то на юг.— Поняли, что мужиков мы сразу расколем, и потому девчонку к тебе послали.

— Это что, точные данные или так, предположения?

— Когда у меня точные данные появятся, она и глазом моргнуть не успеет. Ты вот что,— Зайцев понизил голос до шепота,— сближайся с ней, не противься. Рано или поздно она свои планы раскроет. Тогда мы ее и возьмем.

— А если не раскроет?

— Должна раскрыть. Чует мое сердце. Но и ты олухом не ходи, подмигни ей или погладь где-нибудь. Чем раньше она свое вражеское нутро обнаружит, тем лучше. Конечно, приказывать я тебе не могу, ты не по моему ведомству числишься, но ради безопасности державы нужно постараться. Все понял?

— Что ж тут не понять.

— Ну тогда иди себе. Нельзя, чтобы нас вместе кто-нибудь из министерства пропаганды видел. Они за нее, котята слепые, как за палочку-выручалочку держатся. Раскудахтались! Заслуги свои расписывают. Ничего, когда все раскроется, их тоже по головке не погладят. Пособники, чтоб их псы разорвали!

Хотя в структуру министерства обороны кроме пехотных частей и оленьей кавалерии входили также псовые заградотряды и даже гребная флотилия, состоявшая из трех лодок-однодревок, главной заботой и гордостью Пряжкина были ракетные войска стратегического назначения. Именно на них зиждились безопасность и процветание государства. Считалось, что только благодаря постоянно готовым к старту ракетам с ядерными боеголовками рубежи считаются неприкосновенными, а закрома более или менее полными. Супостаты и злопыхатели всего мира просто тряслись от страха при одном упоминании о ракетно-ядерном мече и согласны были платить за свою безопасность любую цену.

Само собой, все самое лучшее, самое питательное, самое теплое и удобное доставалось ракетчикам. Правда, сам Пряжкин от этого имел только моральное преимущество. Можно было промотать всю пехотную амуницию, зажарить и сожрать любого боевого оленя, вылакать в санчасти весь спирт, но любой болт, любой кусок сахара, предназначенный для ракетчиков, был неприкосновенен. Самые могучие и грозные идолы — златоусый Перун, каменный Симаргл, Железный Феликс — охраняли люк пусковой шахты.

Пост министра обороны достался Пряжкину в наследство от отца, и с самого раннего детства он знал то, что никогда не суждено было узнать другим. Он рос, вглядываясь в мерцающую глубину локаторных экранов, перегоревшие радиолампы были его первыми игрушками, а первым чтением — расписание боевых дежурств. Когда Пряжкин стал знать примерно столько же, сколько и отец, а может, даже и больше, потому что тот со временем уже многое начал забывать, в узком кругу влиятельнейших особ государства его посвятили в члены коллегии волхвов, заставили принести в жертву богам кубок крови и прядь волос, произвели в звание «сподвижника» и назначили министром. Буквально через пару дней его отец, отправившись на зимнюю рыбалку, провалился под лед — по крайней мере, так гласила официальная версия. Тело его обнаружить не удалось, и спустя месяц, на чисто условной тризне, никто не плакал.

После этого Пряжкин стал таким же неотчуждаемым достоянием государства, как земля и вода. Случись с ним какая-нибудь беда — это было бы непоправимым ударом по существующему порядку вещей. Поэтому за самочувствием Пряжкина внимательно следило министерство здоровья, за лояльностью — министерство бдительности, за моральным обликом — министерство пропаганды. Все это в конце концов привело к тому, что он сознательно и интенсивно стал разрушать свое здоровье, втайне от всех слушал по единственному в стране радиоприемнику ложь и дезинформацию, заполнявшую эфир, а также постоянно нарушал все и всякие нормы морали.

Весь остаток дня и ночь Пряжкин провел в сладком томлении, а с утра пораньше заставил Пашку скрести избу и готовить праздничный ужин. Еле дождавшись сумерек (а ходить на свидание по свету здесь было не принято), он отправился в министерство пропаганды.

Однако там, в действительно крошечной комнатке, почти сплошь заставленной узкими железными койками, его ожидал сюрприз не менее впечатляющий, чем ушат ледяной воды, внезапно опрокидывающийся на голову. На одной койке с Наташей сидел министр пропаганды Гремислав Овечкин, более известный по кличке Погремушка, и, раскрыв рот до ушей, нес какую-то ахинею (ничего другого, по убеждению Пряжкина, он нести не мог).

Но не это было самым страшным.

Самым страшным была реакция Наташи на эту ахинею — серебристый смех и милая улыбка. В руке она держала кружку, в которой дымилась какая-то черная бурда.

Кофе, по запаху определил Пряжкин. Он терпеть не мог это горькое пойло, но знал, что для многих оно дороже и желанней спирта.

— Ну, зах-х-ходи,— по-хозяйски сказал Погремушка, хотя рожа его выражала совершенно противоположные пожелания.

Наташа сразу умолкла и уставилась в свою кружку.

Погремушка только с виду казался полным придурком. Во всех своих делах, в особенности, если они касались женщин, он был настырен, изобретателен и почти всегда добивался успеха. На этой почве он уже неоднократно схлестывался с Пряжкиным. Ходили слухи, что Погремушка приходится внебрачным сыном самому Силе Гораздовичу Попову, который лет до сорока действительно был неутомимым женолюбом. Косвенным подтверждением этому служила его высокая должность, доступное немногим звание «соратника» и масса всяких поблажек и льгот, которыми пользовалось министерство пропаганды. В другой ситуации Пряжкин, возможно, и отступил бы, да уж больно дорог был нынче приз.

— Тебе нужно что-нибудь?— спросил Овечкин.— Видишь, я занят пока. Завтра к утру заходи. А лучше — к обеду.

— Я не к тебе,— холодно ответил Пряжкин, проходя вперед.

Наступило долгое тягостное молчание. Наташа не шевелилась и вроде даже дышать перестала. Погремушка медленно наливался дурной кровью.

— Я в твои дела лезу?— спросил он голосом, не предвещающим ничего хорошего.— Я тебе работать мешаю?

— А ты разве работаешь?— делано удивился Пряжкин.

— Работаю!

— Ну и чем же конкретно ты сейчас занят?

— Готовлю текст выступления перед оленеводами Туркестана.

— Покажи.

— А ты кто такой, чтобы я его тебе показывал? Или ты начальник мне? Катись отсюда!

— Только после тебя.

— Ах так! — Погремушка вскочил.

— Знаете что! — подала, наконец, голос Наташа.— Уходите оба отсюда! Немедленно! Ну что вы за люди! Прямо петухи какие-то. Все настроение мне испортили.

Плечом к плечу Пряжкин и Погремушка дошли до сеней, а на крыльце как по команде остановились.

— Я это тебе, гад, никогда не забуду,— от всей души пообещал министр пропаганды.

— Не прыгай, а то по стенке размажу,— предупредил Пряжкин.

— Да я таких вояк, как ты...

Что делал Погремушка с такими вояками, как Пряжкин, осталось тайной, потому что спустя секунду он лежал головой в сугробе. Министр обороны несколько раз обошел вокруг поверженного

коллеги, но бить больше не стал — очень уж непрезентабельно выглядел тощий зад Погремушки, а в особенности его голая спина, на которой задралось с полдюжины нижних рубашек разной степени свежести.

— Вставай,— сказал Пряжкин, вполне миролюбиво.— Не трону.

Погремушка с усилием выдернул из снега голову и глубоко, со всхрапом вздохнул, словно ныряльщик, вернувшийся с большой глубины.

— Все,— печально произнес он.— Все тебе, Пряжкин. Конец.

— Ползи, ползи...

— Все,— повторил Погремушка, как сомнамбула.— Все. Конец тебе, Пряжкин.

— Ползи, говорю. Папочке пожалуйся.

— А за это тебе дважды конец.

К счастью, министр бдительности был еще на службе. Увидев входящего Пряжкина, он мановением руки отослал из кабинета троюродную племянницу и деверя, что-то докладывавших ему перед этим.

— Что случилось?— спросил он.— На тебя глядеть страшно.

— Невыполнимое задание вы мне поручили,— сообщил Пряжкин.— Овечкин ее ни шаг от себя не отпускает. Чуть ли не под арестом держит. Вижу, она бы и хотела со мной поговорить, да не может. Надо что-то предпринимать.

— У тебя самого какие-нибудь соображения есть?

— Первым делом ее надо из министерства пропаганды вытащить. Пошлите ее, к примеру, в Ливонию. Пускай расскажет народу, какая невыносимая жизнь за рубежом. А я сопровождающим поеду.

— Губа у тебя не дура,— Зайцев почесал свой бледный остренький нос.— Вот что. Завтра к рубежу отправляется караван за данью. С ним и поезжайте. Думаю, двух суток тебе на все хватит. А я тем временем и камеру подготовлю. Вот только куда на это время Овечкина деть? Еще увяжется за вами.

— Вы его в противоположную сторону пошлите. К оленеводам Туркестана. Он давно туда рвется.

— Это ты неплохо придумал. Вот только с Силой Гораздовичем согласовать надо.

— А разве он сам за данью не едет?

— Приболел Сила Гораздович. Вместо себя Шишкина посылает.

— Так мне, значит, на завтра готовиться?

— Готовься. Все детали я беру на себя. Но только смотри, не подведи меня!

— Что ж ты один, начальник?— удивился Пашка, когда Пряжкин вернулся в штаб.— Выходит, я зря половицы ножичком скреб! А какая закуска пропадает — глянь! Я за этого лосося теплые портянки отдал. Не сговорились?

— Не сговорились,— признался Пряжкин.

— Если тебе баба нужна, я мигом организую.

— Нет... Мне на твоих баб сейчас смотреть противно. Эх, Пашка, если бы ты ее видел...

— Не печалься, командир. Не все еще потеряно. Сокол, и тот не всякую утку с первого захода бьет.

— Завтра утром пораньше встанем. К рубежу пойдем. За данью. Ты нарты приготовь.

— Дело хорошее. За данью я хоть на край света поеду. Только одних нарт, думаю, мало будет. Я к утру штук пять пригоню.

— Хватит одних.

— Твое слово последнее, командир. Одни, так одни,— разочарованно протянул Пашка.— Только это дело сначала отметить не мешает. А то удачи не будет.

— Бес с тобой,— сдался Пряжкин.— Только для порядка сначала идола ублажи.

— Это я мигом! — Прихватив кружку спирта и хвост лосося, Пашка вылетел из избы.

Продышав в оконном стекле глазок, Пряжкин глянул наружу и успел застать самый конец обряда жертвоприношения — выпив до дна кружку, Пашка толпнул ногой, утерся рукавом и что есть силы шлепнул идола лососиной по носу.

— Исполнено,— доложил он, возвращаясь.— Доволен, кол деревянный. Дары с благодарностью принял и счастливого пути нам пожелал.

Спустя час Пряжкин, обнимая Пашку, заплетающимся языком втолковывал ему:

— Ты знаешь, что такое тангаж? Да где тебе... Тангаж — это угловое движение летательного аппарата относительно оси, проходящей через центр массы летательного аппарата и перпендикулярное продольной плоскости симметрии. Смотри, рисую... Понял? Никто этого здесь не знает! Один я знаю...

— А теперь и я буду знать! — промычал Пашка.— Мне, начальник, знать можно?

— Тебе можно! Наливай...

— С нашим уважением. За тангаж!

— За тангаж!

Ранние, но все равно запоздалые сборы в дорогу больше всего напоминали паническое бегство из осажденного города. Все без

исключения участники экспедиции накануне отметили столь знаменательное событие и сейчас походили на людей, пострадавших от инфразвукового оружия, вызывающего, как известно, поражение центральной нервной системы и органов пищеварения. Министр транспорта орал что-то нечленораздельное и вскоре опять заснул, повиснув на рогах флегматичной важенки. Для того, чтобы запрячь оленей, пришлось поднимать по тревоге караульный взвод. Те, как следовало ожидать, все перепутали. Олени разных министерств, не привыкшие ходить в одной упряжке, тревожно храпели и трясли головами. Многоэтажный мат висел над площадью. Бродячие псы, воспользовавшись суматохой, сумели проникнуть за городское ограждение и распотрошили несколько мешков с вяленой рыбой, а также стащили священного петуха, с помощью которого дежурный волхв собирался гадать о судьбе экспедиции. Мерцающие полотнища полярного сияния освещали эту сумятицу тусклым, дрожащим заревом.

Сквозь весь этот шум и гам Пряжкин различил, наконец, голос Наташи и, передав нарты на попечение Пашки, стал протискиваться поближе к ней. Наташа, до самых глаз завернутая в невыделанные, жесткие, как кровельное железо, оленьи шкуры, растерянно объясняла кому-то, что гужевого оленя видит впервые, а нарты и шест-хорей — тем более. Обута она была явно не для такой погоды — в щегольские сапожки на высоких каблуках. Пряжкин на правах хорошего знакомого немедленно вызвался быть при ней погонщиком, что, учитывая его нынешнее состояние, было воистину рыцарским жестом. Наташа помялась немного, но, глянув на оленей, настроенных по отношению к ней явно скептически, вынуждена была согласиться.

— Куда это вы собрались ни свет ни заря?— спросила она, варежкой прикрывая лицо.— Я сейчас нос отморожу.

— К западному рубежу идем. За данью.

— И с кого вы эту дань собираете?

— Супостаты платят. Враги, то есть. Боятся нас и стараются откупиться. Для них это вполне естественно. Мы не против.

— Что они вам дают?

— А что скажем, то и дают. Одежду, еду, снадобья, запасные части, керосин. Все, кроме оружия. Оружие ваше нам без нужды. У нас и так самое лучшее оружие в мире.

— По-вашему, топоры на палках самое лучшее оружие?— спросила Наташа, оглядываясь по сторонам.

— При чем здесь топоры? Наше главное оружие недоступно чужим глазам. Оно способно поразить любую цель на любом расстоянии и уничтожить сразу миллионы врагов,— сказано это было Пряжкиным не без умысла, но Наташа отреагировала на наживку весьма хладнокровно.

— Слыхала,— сказала она.— Только вот не понимаю, зачем я вам сегодня понадобилась. Я ведь не сборщик дани.

— Посмотришь страну, поговоришь с людьми.

— И кто это все придумал?— Наташа подозрительно посмотрела на Пряжкина.

— Вот уж не знаю,— совсем естественно соврал министр обороны, но тут его, к счастью, отозвали в сторону.

— Все в порядке?— спросил министр бдительности, замаскированный в какой-то немыслимый, как будто драный волками тулуп.

— Ага,— доложил Пряжкин, хотя до абсолютного порядка в его замыслах было еще ох как далеко.

— Значит, когда дело у вас к самому главному подойдет, постарайся ее раздеть,— строго сказал Зайцев.— А потом вещички тщательно перетряхни. Швы проверь. Подошвы на обуви оторви. Ну и во все другие места, куда баба может компрометирующие предметы спрятать, постарайся заглянуть. Один наш агент вот какую штуку у нее обнаружил.— Он продемонстрировал золотистый разъемный цилиндрик величиной с палец, из которого выползал мягкий малиновый столбик.— Загадочная вещь! Явно какой-то тайный смысл имеет.

— Это какой еще агент?— подозрительно спросил Пряжкин.

— А тебе что за дело?— хитро прищурившись, сказал Зайцев.— Не бойся, не Овечкин. Женского пола агент.

В это время флагманские сани министерства распределения тронулись, наконец, в путь, а за ними, выдерживая положенный интервал, последовали и остальные.

В провинцию Крайнюю можно было добраться коротким путем, но все дружно выбрали обходный маршрут через Ливонию, славившуюся своим самогоном.

Тот, кто не желает подхватить крупозное воспаление легких, не станет попусту болтать на морозе, поэтому Пряжкин успел обменяться с Наташей всего парой фраз, в основном тогда, когда заставлял ее ради сохранения тепла пробежаться несколько сотен шагов рядом с нартами.

Внезапно старый комолый олень, шедший в упряжке коренным, вскинул морду и тревожно всхрапнул. Слева и справа от каравана из темноты вылетели две стаи лохматых приземистых хищников. Внешне звери напоминали крупных собак, но все их повадки были чисто волчьими. Молча, без шума и лишней суеты, они тугой петлей охватывали караван, лишь изредка посверкивая на людей холодными, беспощадными глазами.

Это был один из заградительных отрядов, охранявших рубежи

государства от нарушений как извне, так и изнутри. Одичавшие, скрестившиеся с волками псы постоянно крутились вокруг человеческого жилья. Изредка получая на корм туши павших оленей, мародерствуя на свалках и кладбищах и беспощадно расправляясь со всеми, кто в одиночку или небольшой группой (то есть без ведома властей) пытался покинуть город. Иногда в голодные зимние месяцы собаки уходили в глубь тундры, но всегда возвращались обратно.

Намерения псов были очевидны, но нападать в открытую они не решались — уж очень многочисленной была экспедиция. Вожаки сдерживали стаю, выжидая удобный момент. Погонщики, продолжая понукать перепуганных оленей, разбирали оружие. Тут только Пряжкин вспомнил, что его алебарда осталась в Пашкиных санях.

— Держи шест,— он передал Наташе хорей.— И не смей слазить с нарт. Я мигом вернусь.

Обгоняя одну упряжку за другой, он побежал в голову колонны. И в тот же момент псы бросились в атаку. Тактика стаи была проста — зарезать или ранить как можно больше оленей и, когда караван, бросив их, уйдет вперед, без помех нажраться теплого мяса. Люди рассматривались как второстепенная добыча.

Будь во главе экспедиции многоопытный Сила Гораздович Попов, он, несомненно, подал бы команду остановиться и организовать круговую оборону. Министр распределения, знакомый с волкособаками только через шубы и малахаи, производимые из их шкур, продолжал гнать вперед. Псов лупили хореями, рубили топорами, кололи пиками, однако и караван нес потери. Поливая снег кровью из разорванного горла, рухнул олень. Придавив погонщика, перевернулись нарты. Две упряжки столкнулись и, запутавшись сбруей, встали поперек тропы.

— Не сворачивать! — крикнул Пряжкин.— Держаться всем вместе!

Но было уже поздно — караван развалился, рассыпался по тундре во все стороны, и псы могли без помех выбирать самую удобную добычу. Вырвав у кого-то из рук секиру, Пряжкин бросился назад.

Кто-то рванул его сзади за ногу, чуть повыше коленного сгиба. Обернувшись, Пряжкин увидел, что на нем повисла худая черная псина, вся покрытая грязной ледяной коростой. Голод понуждал ее немедленно вырвать из человека кусок вожделенной плоти, но прокусить толстые ватные штаны было не так-то просто. Рубить назад было весьма неудобно, но с третьего раза Пряжкин все же достал собачью голову лезвием секиры. Два пса, уже собравшиеся было наброситься на замешкающегося человека, мигом изменили планы и вцепились в еще трепыхающееся тело своего товарища. Вылетевшая из темноты упряжка без погонщика тут же сбила Пряжкина с ног.

Пробыл он без сознания минут пять, не больше, однако успел вмерзнуть в лужу крови, оставшуюся от собак. Рядом никого не было. Где-то слева орали люди и рычали псы. Нашарив секиру, Пряжкин вскочил и оглянулся.

«Где Наташа,— подумал он.— Ведь пропадет же одна! Никогда себе этого не прощу!»

Пригнувшись, чтобы лучше видеть следы на снегу, он побежал в сторону противоположную той, откуда слышались голоса людей и псов. Отпечатки человеческих ног, собачьих лап и оленьих копыт уходили во всех направлениях. Дважды он натыкался на агонизирующие тела псов, а однажды налетел на то, что осталось от ездового оленя — полуобглоданная голова, пара копыт, клочья шерсти и раздробленные хребтовые кости.

— Наташа! — рискуя застудить легкие, орал он через каждые десять шагов.— Наташа!

Следов становилось все меньше и меньше, и Пряжкину, чтобы охватить поиском как можно большую территорию, приходилось бежать зигзагами. Он уже перестал надеяться на удачу, когда наткнулся наконец на отпечаток узкой остроносой подошвы с глубоко вдавленным каблуком. Этот след мог принадлежать только Наташе. Вот она бежала, вот шла, вот присела отдохнуть, вот снова побежала, вот ее путь пересекла цепочка крупных собачьих следов. Впереди что-то вспыхнуло несколько раз, словно человек пытался закурить на ветру, затем донесся приглушенный короткий треск, сразу же перешедший в дикий всхлипывающий визг умирающего зверя.

— А-а-а! — заорал Пряжкин, ускоряя бег.— За-а-арублю! Распотрошу к чертовой матери!

Наташа стояла, прислонившись спиной к заснеженному валуну, а возле ее ног билась, извивалась змеей и колотила лапами смертельно раненная собака. Еще три пса, хоть и слегка озадаченных, но отнюдь не перепуганных, полукругом расположились перед ней. Появление Пряжкина псы вначале не восприняли всерьез, что стоило жизни одному из них и послужило хорошим уроком для остальных. Ноги у Наташи сразу подкосились, и она села на снег, предварительно отбросив далеко в сторону что-то маленькое и блестящее.

— Что с тобой? Ты цела?— бросился к ней Пряжкин.— Все нормально?

— Нормально,— прошептала она.— Вот только ног не чувствую...

Пряжкин присел рядом и стянул с нее правый сапог. Узкая, с крутым подъемом ступня была такая же холодная, как и снег вокруг.

— Больно?— он содрал тоненький белый носок и ущипнул за подошву.

— Нет...

Пальцы с окрашенными ногтями были как сосульки — кажется, дерни резко, отвалятся. Наташа сама уже не могла пошевелить даже мизинцем. Пряжкин выхватил из внутреннего кармана фляжку со спиртом, плеснул его на ладони и принялся грубо, изо всех сил тереть ступню.

— Сейчас, сейчас,— бормотал он.— Потерпи немного.

Опомнившись, он разул ее левую ногу и засунул по колено себе за пазуху, под нательную рубашку. Едва-едва светало. Лишь тяжелое, прерывистое дыхание Пряжкина нарушало тишину вокруг. Неяркий и скудный, стертый белизной вечных снегов мир был пуст, равнодушен и непоколебим. Человеку не было в нем места, точно так же, как в открытом космосе или в глубинах океана.

— Ой,— тихо вскрикнула Наташа.— Колет...

— Это хорошо, хорошо...

Уже не доверяя своим огрубевшим рукам, Пряжкин коснулся порозовевшей ступни губами и почувствовал под тонкой кожей пульсирующее тепло. Внезапно утратив над собой контроль, он впился ртом в эту хрупкую, маленькую ногу и принялся целовать, кусать, почти грызть ее.

Появившийся спустя полчаса Пашка так и застал их: Наташа сидела на снегу, откинув голову и полузакрыв глаза, а Пряжкин, стоя на коленях, мял, целовал, отогревал своим дыханием ее ступню, на этот раз уже левую.

— Ну, привет,— сказал комендант, слезая с нарт.— Куда это вы подевались? Все уже собрались. Только вас ждут...

— Подождут,— сказал Пряжкин странным голосом.

Пашка носом втянул еле уловимый запах спирта и подумал: «Что это с ним? Может, пьяный?»

Экспедиция потеряла третью часть оленей, дюжину нарт и кое-что из поклажи, однако все люди остались живы. Раненых перевязали, а Наташу заставили обуть валенки и намотать под них по две пары толстых шерстяных портянок. Остальным обмороженным поднесли по кружке спирта, и караван продолжил путь.

В полдень и без того бледное небо посветлело над горизонтом еще больше и стало похоже на беспредельно-огромную размытую картину, на которой вверх тормашками смутно рисовались силуэты огромных ледяных утесов. Медленная и низкая прибойная волна, отягощенная шугой и снежным салом, лизала узкий пляж, покрытый черной крупной галькой. Воздух был полон солоноватых неуловимо легких кристаллов.

Олени сразу бросились лизать морскую воду, а люди разбрелись по берегу в поисках принесенных течением и ветром чужеземных сокровищ. Кто-то обнаружил бутылку диковинной формы, кто-то

пустую пластмассовую канистру, кто-то доску с гвоздями, из которых можно было выковать вполне приличный нож. Больше всех повезло министру здоровья — ему достались хоть и слегка изодранные, но еще вполне годные к употреблению матросские клеши. Ливония хоть и находилась на самом отшибе, чуть ли не у черта на рогах, считалась тем не менее одной из богатейших провинций государства. Нужды в строевом лесе и топливе она никогда не испытывала.

Именно по высокой пирамиде бревен экспедиция и отыскала просторную, двухэтажную избу губернатора. Страховидные сторожевые псы — прямая родня ночных разбойников — долго не подпускали гостей на территорию усадьбы, но на крыльце появился, наконец, заспанный и недовольный хозяин. В отличие от столичных жителей, он курил не самокрутку, а причудливо изогнутую резную трубку. Фамилия его была Козлявичус. Губернатор Крайней Козленко и губернатор Белой — Козел были его родными братьями.

Их отец, глуховатый бирюк Тихомир Козлов, когда-то не захотел перебираться в город, и теперь его наследники вынуждены были править провинциями. Дело это было довольно неблагодарное и совсем небезопасное. Их четвертого брата, губернатора Нагорной Козлошвили несколько лет назад задрали волкособаки, после чего в тех краях никто не селился.

— И на какого рожна вас принесло на ночь глядя? — растягивая слова и не выпуская из зубов трубки, спросил Козлявичус.

— Окстись, хозяин,— вылез вперед Пашка.— Какая ночь! Мы еще даже и не обедали.

— Куда я столько народу, интересно, дену? Да и еды на всех не хватит.

— Не прибедняйся,— перебил его министр распределения.— Ты в этом году столько пшена и сахара получил, что до конца жизни не слопаешь.

— Если согласны пшено и сахар есть, тогда проходите,— флегматично произнес Козлявичус.— Добро пожаловать.

— А куда это все ваши идолы подевались?— недоуменно огляделся по сторонам шурин министра бдительности.

— Ваши нам не годятся,— спокойно ответил Козлявичус, выколачивая трубку о ладонь.— Ливонии свои собственные идолы нужны.

— Какие, например?— не без ехидства поинтересовался Пашка.— Свиной окорок? Или бочка пива?

— Зачем же. Все отец наш — Один. А еще Тор и Фрейя.

— Ишь, чего захотел...— присвистнул министерский шурин.— Может, ты еще и отделиться захочешь?

— Там видно будет... Дальше болтать станете или в мызу пройдете? Ничего особенного не обещаю, но как говорится — чем богаты, тем и рады.

Сыновья Козлявичуса, такие же несуетливые и малоразговорчивые, как и отец, уже распрягали оленей, и погнали их пастись в тундру.

Когда все разместились за необъятным столом, сработанным из похожих на железнодорожные шпалы сосновых плах, был подан обед, по мнению Козлявичуса состоявший из национальных ливонских блюд: соленой селедки, кровяной колбасы и сыра с тмином. С избытком хватало также оленины, медвежатины, копченой рыбы, моченой клюквы и консервов всех видов, начиная от детского тыквенного пюре и кончая яичным порошком, который здесь принято было есть ложками. Самогон, на изготовление которого, надо думать, ушел весь запас достославного сахара, был разлит в сервизные фаянсовые чашки. Такой посуды не было даже у Великого Князя, Государя и Генсека Силы Попова. Перехватив завистливый взгляд зайцевского шурина, придирчиво изучавшего убранство стола, Пряжкин подумал, что в самое ближайшее время министерство бдительности приступит к разработке версии о причастности Козлявичуса к шпионажу, контрабанде и вероотступничеству.

Инициативу за столом сразу же захватил Пашка. Потребовав общего внимания, он обратился непосредственно к хозяину.

— Отец ты наш, я поднимаю эту кружку за то, чтобы ты сдох,— с надрывом произнес он, сделав ударение на последнем слове. Переждав поднявшийся шум, Пашка закончил:— И все мы выпили на твоих поминках... ровно через сто лет!

Самогон ухнул в луженые глотки, а затем дружно заработали челюсти, перемалывая дары благодатной ливонской земли. Не пила одна только Наташа. Вяло ковыряя вилкой в тарелке, она рассеянно поглядывала по сторонам. Яркие красные пятна горели на ее высоких скулах. Пряжкину не удалось захватить место рядом с ней, и теперь, по мере того, как тост следовал за тостом, он все еще концентрировал взгляд на ее личике, свежем, как только что снесенное яичко. Впрочем, в этом занятии он был не одинок: масляные кобелиные взоры подвыпивших мужчин кинжальным огнем простреливали все прилегающее к девушке пространство.

Сильно пьяных еще не было — гости не столько пили, сколько ели, дорвавшись до дармовщины. Во главе стола на почетных местах восседали два министра — распределения и здоровья. После каждой очередной кружки первый немного краснел, а второй немного бледнел. Можно было подумать, что где-то под столешницей их организм загадочным образом сообщается, и, пользуясь этим, дебелый, раскормленный министр распределения, постепенно, малыми порциями высасывает кровь из своего и без того худосочного, квелого коллеги.

— Налить! Всем налить по полной! — опять вскочил Пашка, самозваный тамада.— А сейчас я прошу поднять кружки за ту силу, которая заставляет пчелу искать цветок, лебедя — лебедушку, оленя — важенку...

— Таракана — тараканиху...— пьяно ввернул кто-то.

— ...отрока — отроковицу, мужика — бабу, короче, выпьем за светловолосую богиню Ладу и ее златокудрых сыновей Леля и Полеля! Выпьем за любовь! А кто не выпьет с нами сейчас, тот позабудет любовь прежнюю, сгубит нынешнюю, отчурается любви будущей! А к вам, барышня,— он повел кружкой в сторону Наташи,— обращаюсь персонально!

— За любовь, так за любовь,— сказала Наташа, храбро поднося свою кружку к губам. Взгляд ее при этом скользнул по рядам пирующих и вдруг уперся во взгляд Пряжкина — болезненно-страстный, как у обуянного гоном оленя. В зрачках Наташи что-то дрогнуло, веки опустились и снова взлетели. Расписанная розами, выщербленная чашка качнулась вверх-вниз, словно в знак молчаливого приветствия. Пила она, уже не спуская с Пряжкина глаз.

Между тем шум за столом нарастал. Каждый талдычил что-то свое. Рожа министра распределения стала багровой, как пузо насосавшегося кровью постельного клопа. Министр здоровья, хотя и был похож на долго валявшийся на морозе труп, пить не переставал. Пашка успел сбегать по нужде и сейчас вовсю расхваливал преимущества теплого люфт-клозета, оборудованного в избе Козлявичуса, перед дворовым сортиром.

— Нет, что ни говори, а дело стоящее,— говорил он.— Тем более, если есть кому порядок поддерживать. А от сортира, скажу я вам, одни убытки. Однажды случай со мной был. Выпил я с друзьями и малость ослабел. Они меня до избы доперли и возле калитки оставили. Дальше идти побоялись. Сожительница моя тогдашняя уж очень крутая баба была. Сильно осерчать могла и даже искалечить ненароком. Стою я, значит, один, возле калитки и сам с собой рассуждаю, как дальше быть и что бабе соврать. Но первым делом, думаю, загляну в сортир. Там мне, кстати, самые дельные мысли приходят. А сортиром этим, кроме нас, еще десять дворов пользовалось. Да еще прохожий люд наровил заскочить. Чистили его в последний раз, чтобы не соврать, лет пять назад. До сортира я еще вполне удачно добрался, а уж когда на щеколду заперся, цель свою окончательно забыл. Привидилось мне, что я уже дома и собираюсь ложиться спать. Ну я и улегся на полок. Если бы спокойно спал, так еще полбеды. А я по пьянке сильно ворочаюсь во сне, позу поудобней выбираю. Утром, когда меня баба нашла и отскребать стала, верите, даже в ушах засохшее дерьмо обнаружилось. Я его потом из-под ногтей шилом выковыривал. Брюки еще кое-как отстирались, а пиджак выбросить пришлось. Вот, а ты говоришь...

— С этого всякое злоумыслие и начинается,— с трудом ворочая языком, высказался шурин.— Сначала клозет в дому, потом фарфор на столе. Почему я должен тухлую солонину жрать, а он свиной окорок лопает?

— Я тебе подарю маленького кабанчика,— сказал Козлявичус, внимательно прислушиваясь к застольной беседе.— Покормишь годик, навоз от него потаскаешь, зарежешь, разделаешь — и жри на здоровье, никому не завидуй.

— Не надо,— покачал шурин указательным пальцем.— Не надо. Ничего мне от тебя не надо. Ни кабанчика, ни клозета. Даже к самогону твоему больше не притронусь.

— Упрашивать не буду,— спокойно сказал Козлявичус, забирая у шурина чашку и столовый прибор.— Зима еще не кончилась, каждый кусок на счету.

Шурин, воспринявший эти слова как неудачную шутку, некоторое время сидел, тупо глядя на грязную скатерть, а затем переполз на другой конец стола, где завладел миской и чашкой вконец упившегося министра здоровья.

Наташа, не дожидаясь нового тоста, к которому уже деятельно готовился неутомимый Пашка, встала, и, отпихнув чьи-то руки, покинула трапезную; попутно одним движением ресниц смахнув из-за стола Пряжкина. Решительно отклонив несколько предложений выпить на брудершафт, поговорить за жизнь, сплясать и подраться, но неминуемо потерять при этом драгоценное время, Пряжкин настиг Наташу только на втором этаже, где она дружески беседовала с женой Козлявичуса (и когда только успела познакомиться?).

— Отдохни, милая, отдохни,— говорила баба, одетая сразу во множество салопов и душегреек.— Чего тебе с этими мужчинами валандаться. Я тебе в чуланчике постелила. А то покоя от этих дураков не дождешься. Я наперед знаю, как они себя поведут. Сначала выпьют все, что в доме имеется, потом песни начнут орать и подерутся, а к утру кто-нибудь обязательно в сугробе уснет или в полынью провалится.

Подав Наташе большой кованый ключ и мельком глянув на Пряжкина, баба подхватила оплетенную четвертную бутыль и поспешила вниз.

— Подожди немного,— сказала Наташа Пряжкину так естественно, как будто у них давно была назначена здесь встреча, а затем легонько взъерошила волосы у него надо лбом.

Ощущение, возникшее при этом у Пряжкина, по силе, сладости и необычности можно было сравнить разве что с первым юношеским оргазмом. Он даже застонал от страсти и губами, как теленок, потянулся к Наташе.

— Я сейчас,— прошептала она и захлопнула за собой дверь.

Откуда-то вывернулся Пашка с совершенно остекленевшими глазами.

— Начальник, чур, я вторым буду!

— Убью, гад! — простонал Пряжкин таким голосом, что Пашка пал на колени и, прикрывая голову руками, истошно завопил:

— Пожалей, начальник! Я же не знал, что у вас любовь!

— Быстро вниз! И чтоб ни одна тварь сюда не сунулась!

— Слушаюсь! — гаркнул Пашка, кубарем скатываясь по лестнице.

Тут дверь приоткрылась, и Наташа — золотая рыбка, случайно заплывшая в жабий бочаг — поманила Пряжкина за собой. В жаркой темноте он облапил ее, прохладную, податливую, душистую и, сбивая табуретки, потащил туда, где должна была находиться постель.

— Я с самого начала знала, что этим кончится,— шепнула Наташа, целуя его в ухо...

Назавтра стало ясно, что жена Козлявичуса оказалась провидицей. Сбылись все без исключения ее предсказания: и выпито было все, способное гореть, кроме разве что керосина в лампах, и драка вспыхнула бессмысленная и дикая, с битьем посуды и переворачиванием мебели, и окоченевший труп обнаружился наутро в ближайшем сугробе.

В мертвеце немедленно признали зайцевского шурина. Судя по всему он пал жертвой собственной принципиальности. Наотрез отказавшись воспользоваться хваленым люфт-клозетом, он выбрался во двор, где и допустил непростительную для уроженца тундры оплошность: усаживаясь по нужде, не вытоптал в снегу достаточно просторное углубление. Так он и замерз, сидя со спущенными штанами, сморенный самогоном, усталостью и морозом. Впрочем, среди собравшихся возле его тела людей почти не оказалось таких, которые бы искренне соболезновали семейству Зайцевых.

Сыновья Козлявичуса пригнали оленей, и путешественники, понимая, что на опохмелку рассчитывать не приходится, без лишних околичностей собрались в дорогу. Хозяевам никто даже «спасибо» не сказал.

Пряжкин шагал рядом с нартами и не сводил с Наташи ошалевшего взора. Минувшая ночь, навсегда оставшаяся для него за гранью реальности, где-то на границе волшебного и горячечного бреда, тем не менее полностью изменила представления Пряжкина о жизни вообще и о себе самом в частности. Впервые не зов плоти, а веление души толкало его — да еще как толкало, на ногах не устоять — к женщине.

Едва только упряжка пошла под гору, он упал на нарты рядом с Наташей и обнял ее так, что девушка даже вскрикнула.

— Больно?— спросил он.

— Больно,— ответила она.— Но приятно.

— Не замерзла?

— Немного.

— Потерпи. Скоро приедем.

— Я потерплю. Только обещай, что больше не будешь пить.

— Клянусь! — заявил Пряжкин, ничуть не сомневаясь в твердости своего слова.

Кем-то загодя предупрежденный Козленко встречал караван по всем правилам — цветами, музыкой и хлебом с солью. Мурзатая девчонка, неизвестно чья, но явно не хозяйская дочка, размахивала букетом тусклых бумажных тюльпанов. Старик карликового роста бряцал на самодельной кобзе. Жена Козленко держала на расписном рушнике свежевыпеченный крендель. Сам хозяин, скинув шапку и утирая усы, готовился заключить главу делегации в объятия. За спинами встречающих дымилась труба беленькой хатки и радостно скалились недавно смазанные жертвенным салом идолы — Бульба, Мазепа, Махно.

Узрев встающего с передовых нарт министра распределения, сильно подслеповатый Козленко широко улыбнулся, вытащил из рукава какую-то бумагу и строевым манером отбил три шага вперед. Рапорт его выглядел так:

— Дорогой Сила Гораздович! — Еще более широкая улыбка и взгляд в бумажку.— Разрешите! Мне! — Улыбка уже до ушей и снова взгляд в заветную бумажку.— Вас!! Поцеловать!! — Еще три шага вперед и жаркие объятия.

Здесь только Козленко понял, что допустил ошибку. Субтильного Силу Гораздовича Попова никак нельзя было спутать с почти квадратным, семипудовым Шишкиным. Отшатнувшись, Козленко приставил к левому глазу какую-то стекляшку — не то монокль, не то лупу без ручки — и грязными словами обругал своего анонимного информатора.

— Ничего-ничего,— попытался успокоить его несколько смущенный Шишкин.— Я здесь как раз и представляю особу соратника Попова, который в силу объективных причин...

Однако Козленко, махнув рукой, уже уходил прочь. Министр распределения, впрочем, как и все остальные министры, был для него тоже самое, что пустое место. Однако домочадцы губернатора были настроены более дружелюбно. Хлеб-соль был вручен Шишкину, и тот, жадно откусив кусок от калача, остальное засунул себе за пазуху. Соль была выброшена — чего-чего, а этого добра в государстве хватало с избытком. Букет тюльпанов положили на грудь министра здоровья, что окончательно сделало его похожим на покойника. Затем экспедиция не мешкая двинулась к рубежу — сбор дани был мероприятием настолько ответственным, что ради него можно было пренебречь не только отдыхом, но и обедом.

На обоих концах протоптанной в снегу черты полыхали жаркие очистительные костры, а в сотне шагов от них, уже на вражьей территории стояло странное сооружение, отдаленно похожее на огромные закрытые нарты. От его железных ребристых полозьев в тундру уходили два глубоких следа. Чтобы тащить такую громадину, понадобилось, наверное, целое стадо оленей, однако сведущие люди поговаривали, что она загадочным образом способна двигаться сама по себе, а при этом еще ревет, как разъяренный медведь, и плюется синим дымом. Впрочем, рассуждать на эту тему считалось дурным тоном. Мало ли какую пакость могут придумать полоумные супостаты и лиходеи. Может, это мираж, а может, и нечистая сила. Тем временем от самоходных нарт отделился человек в странной одежде, сшитой не то из крашеной в ярко-голубое змеиной кожи, не то из здоровенного рыбьего пузыря. За собой он волок по снегу объемистый мешок.

— Хоть бы подсобили, кореша,— жизнерадостно сказал он, останавливаясь у черты.

Пряжкину показалось, что он где-то уже видел это лицо с широко расставленными задорными глазами и красиво вырезанным ртом.

— Стой! — гаркнул Шишкин.— Не пересекать рубеж!

— Стою-стою,— примирительно сказал хозяин самоходных нарт. Было ему от силы лет двадцать, а может, и того меньше.

— Что в мешке?

— Лекарства.

— Высыпай. Будем проверять.

— Эх! — огорчился парень.— Значит, опять все сначала.

— Не твое дело,— осадил его Шишкин, оглядываясь в сторону каравана.

Министра здоровья уже сняли с нарт и под руки вели к месту приема дани. Сортировка лекарств была его обязанностью, поскольку под их видом враг мог подсунуть любую гадость. Некоторые давно испытанные средства вроде йода и касторки проходили контроль беспрепятственно, все другие подвергались тщательному и придирчивому изучению.

Официально министра называли Разумником Сидоровым, но он отзывался и на кличку Упырь. Свою нынешнюю должность он получил не по наследству, как все другие, а по указанию коллегии волхвов. Его предшественник скоропостижно скончался от чрезмерной дозы лекарства под названием «морфий», которое он регулярно принимал как средство против облысения, и при этом не оставил после себя преемника. Поскольку Сидоров неизвестно откуда знал всякие ученые слова (из-за чего, кстати, находился под постоянным надзором министерства бдительности), он оказался самым приемлемым кандидатом на должность министра здоровья.

— Принимай лекарства. Да только с полным вниманием,— наставительно сказал ему Шишкин.— Если какую-нибудь дрянь по ошибке возьмешь, сам же ее потом и жрать будешь.

Из пестрой кучи пакетов, коробочек и бутылей Сидоров трясущейся рукой извлек упаковку каких-то пилюль и по слогам прочел: — Ан-ти-би-о-тик...— Немного подумав, он не полне умеренно объяснил: — «Анти» на научном языке обозначает против... А «био» — жизнь... Значит, какое-то снадобье против жизни. Яд, наверное...

— Яд нам без надобности,— сказал министр распределения.— Кидай в огонь.

— Слабительное,— министр здоровья уже рассматривал со всех сторон другой пакет.— Это, надо думать, средство для помощи ослабленным людям.

— Нужное лекарство. Оставляй. Будешь давать больным и раненым.

— Валидол,— Сидоров задумался.— Скорее всего, это означает «валить долу». То есть, сбивать с ног. Нароктик какой-то.

— Прочь его! Пусть они свои наркотики сами глотают, извращенцы.

— Горькая соль.

— Горькая соль не нужна. Обыкновенной некуда девать.

— Люминал. Чтобы это могло значить? Люм... Люм... Это что-то связанное со светом. Может, от него в глазах светло становится. Скорее всего средство против сна.

— Для караульных в самый раз подойдет. Одобряю.

— Пирамидон. Ну, это понятно... От слова «пиро» — огонь. Для согревания организма.

— Для согревания организма лучшего средства, чем спирт, нет. Выкидывай.

— Бесалол.

— Чур меня, чур! Никаких бесов! В огонь немедленно! Только руки себе испоганишь!

— Свечи глицериновые.

— Ну-ка, покажи. Что-то уж больно мелковаты. Попробуй зажечь.

— Не горят, едрена мать...

— Кидай в огонь. Нам такого дерьма не надо.

— Что же вы делаете! — крикнул парень, как раз в этот момент притащивший к рубежу второй мешок.— Эти штуки ведь не для освещения.

— А для чего? — поинтересовался любознательный Сидоров.

— Их в задницу положено засовывать.

— Ну вот ты и засунь,— хладнокровно сказал Шишкин, отправляя в огонь всю партию глицериновых свечей.

Все лекарства, названия которых не поддавались расшифровке, были также преданы сожжению. С уцелевших пузырьков содрали этикетки, а из пакетиков и коробок извлекли инструкции. Любая печатная продукция, вне зависимости от ее назначения, не допускалась в пределы государства.

Парень тем временем подтаскивал мешок за мешком. В одних были консервы, в других мука, в третьих — одежда, обувь, посуда. Работа нашлась для всех. Кто-то отскабливал надписи с бутылок, кто-то срезал их с мешков (дырявый мешок надежней, чем мешок расписанный всякой галиматьей), кто-то просеивал муку в поисках ампул с ядом и взрывных устройств, кто-то бил детскую посуду, на которой обнаружилась явно провокационная надпись «Ну, погоди!» Скоро в костре трещала, бухала, чадила и рассыпалась синими искрами добрая половина дани.

Солнце клонилось к закату, когда парень сделал последний рейс — прикатил бочку с керосином. Несмотря на мороз, пот градом катился по его лицу.

— Все,— сказал он, утираясь руками.— Пользуйтесь, дармоеды.

— А секиры за такие слова не хочешь отведать? — озлился министр распределения, также порядочно притомившийся.

— Ну, допустим, зарубите вы меня, а что дальше? Кто вам это добро будет доставлять? Дураков нет. Отощаете тогда.

— Ты нам своими подачками в глаза не тычь! Подумаешь, облагодетельствовал!

— Да мне не вас, а ваших детей жалко. Вы сами и так от пьянства передохнете. Зачем же лекарства жечь, посуду бить? Варвары вы!

— А ты дурак. Всякой лжи веришь. Одурманили тебя. Хочешь, переходи к нам. Узнаешь тогда, как надо жить.

— Может, я и дурак, но не до такой степени!

— Да к нам народ от вас толпами валит. Мы даже не всех принять можем. Вон, посмотри,— министр указал на Наташу.— Она уже неделю как здесь. Нарадоваться не может.

— Уж это верно,— с готовностью подтвердила Наташа и, отпустив руку Пряжкина, пошла к рубежу.— Ты слушай, что тебе умные люди советуют.

Пряжкину показалось, что она сказала еще что-то, уже значительно тише, но этих слов он не разобрал. Это ему не понравилось. Еще больше ему не понравилось поведение парня, взгляд которого остался делано-равнодушным, словно встреча с перебежчицей да еще с такой хорошенькой, ничуть не заинтриговала его. Сразу утратив полемический задор, он натянул на глаза капюшон своей странной одежды и подался назад к железному чудовищу, которое вскоре действительно взревело, как медведь, пустило тучу вонюче-

го синего дыма, развернулось на месте и само собой покатило в тундру.

— Скажи, а как ты попала сюда? — спросил Пряжкин, когда Наташа вернулась к нему.

— Пришла,— ответила девушка, нахмурившись.

— Ногами, что ли? Да отсюда хоть месяц иди, никуда не придешь.

— Сначала меня один человек подвез, а уж потом я сама пошла,— разговор этот явно не нравился Наташе.

— Какой человек?

— Ну какая тебе разница! Ты его все равно не знаешь. Больше вопросов нет?

— Нет,— ответил Пряжкин, хотя один вопрос как раз имелся: каким это оружием Наташа смогла убить позапрошлой ночью напавшего на нее пса.

Тем временем на пятачке между догорающими кострами разворачивались нешуточные события. Получить дань было еще полдела — куда сложнее было доставить все в целости и сохранности в амбары министерства распределения. Повсюду на снегу уже валялись пустые бутылки и выпотрошенные консервные банки. Министр здоровья наелся слабительного и присел на нарты, ожидая прилива сил. Министр распределения выворачивал карманы погонщиков, успевших растащить тюк мануфактуры, предназначенной лично Силе Гораздовичу. Его подручные рукоятками алебард отгоняли прочь наиболее зарвавшихся мародеров. Пашка приволок шапку изюма для Наташи и полведра махорки для Пряжкина (сигареты и папиросы с данью не принимались, так как на каждой штуке имелись подстрекательские надписи вроде «Друг», «Прима» и даже зловеще-непонятное «Стюардесса»).

— Ну что, будем трогаться? Я уже полные нарты набил. Больше не лезет,— сказал он и сплюнул на снег чем-то черным.— Вот, гадость! И кто только это кофе выдумал!

— Его сначала нужно мелко смолоть, а потом заварить кипятком,— сказала Наташа.

— Ты меня, кукла, не учи,— важно сказал Пашка, забрасывая в рот новую порцию кофейных зерен.— Я в этих валенках белую медведицу насмерть загнал.

Этот аргумент Пашка считал неотразимым и заканчивал им почти каждый спор.

— Валенки эти ты на прошлой неделе у штабного писаря в карты выиграл,— внес ясность Пряжкин.— А он их, надо думать, в нашей каптерке спер.

— Может, и спер,— согласился Пашка.— Что же с ним сде-

лаешь. Зато писарь он хороший. Другого такого не найдешь.

— Из него писарь, как из тебя святой. Вот так писать надо.— Пряжкин поднял обрывок какой-то этикетки.— Вот это работа! Буковка к буковке.

— Ты что, в самом деле думаешь, что это живой человек написал? — искоса глянула на него Наташа.

— А кто же? — удивился Пряжкин.— Не бес же!

— Господи,— сказала Наташа, как бы сама себе.— Кажется, я влезла не в свое дело.

И загадочная эта фраза, не встретив ни возражения, ни сочувствия, одиноко повисла в морозном воздухе.

Уже подходя к нартам, Пряжкин задержался и тихо сказал на ухо Пашке:

— Что-то не нравится мне этот стервец, который дань доставлял. Надо проследить за ним. Пошли кого-нибудь по следу, а еще лучше сам сходи. Если он уехал, то и бес с ним. А если у рубежа вертится, разобраться придется.

— Будет сделано, начальник,— Пашка хищно прищурился.— Сам за всем прослежу.

...Огонь, словно ленивый и пушистый рыжий кот, тихо ворочался в открытой печке. Ольховые поленья на срезе были ржаво-красные, словно пропитанные кровью. Блики пламени ложились на замерзшее стекло, на заиндевевшие по углам стены, на бахрому парадных стягов, свисавших с потолка. Комната была как сказочная ледяная пещера, отрезанная от всего мира.

— Скоро будет совсем тепло,— сказал он.

— Мне и так тепло,— ответила она.— Надоело это одеяло. Такое оно колючее... Чему ты улыбаешься?

— Смешная ты. Наши бабы, когда ложатся в постель, разве что только валенки снимают. Знаешь, что я подумал о тебе в первый раз?

— Что?

— Уж больно хороша, да жаль, что грудь такая маленькая.

— Это не страшно. После родов станет больше.

— Мне сейчас так даже больше нравится. Сразу две можно целовать.

— Ну и целуй на здоровье.

— Скажи, почему ты выбрала меня?

— А почему ты выбрал меня?

— Это не ответ... Ты здесь одна такая, а похожих на меня много.

— Ты не похож на других. У тебя несчастные глаза.

— Разве?

— Но это раньше. А теперь счастливые. Слушай, а зачем эти татуировки.— Тут... и тут... И даже тут...

— Когда в нашем государстве рождается человек, ему сразу делают вот эту татуировку. «Не забуду мать родную». Видишь, она уже еле видна. Вот этот венок на плече означает, что я сподвижник. Когда стану соратником, к венку добавляются ленты. Портрет Силы Гораздовича должен быть у всех членов Кабинета Министров. Фигура Перуна — у всех волхвов. А про многие рисунки я и сам толком ничего не знаю.

— Ужас! И у женщин есть татуировки?

— И у женщин. Но в основном на спине... и ниже. Кстати, это считается красивым. Татуировками занимается специальное министерство.

— Пыток?

— Нет, культуры.

— Если хочешь, и я для тебя сделаю татуировку.

— Не надо. Тебе же будет больно.

— Не убирай руку... Вот так... Хорошо...

— А так?

— Тоже. У тебя добрые руки. И боль снимают, и усталость...

— Разве ты устала?

— Нет, что ты? Ведь до утра еще долго?

— Еще долго.

— А утром ты уйдешь?

— Да. Наверное.

— Не уходи. Мне будет страшно одной.

— С виду ты такая смелая.

— Разве что с виду. Я боюсь здешних людей, здешних идолов, здешних собак. Все на меня косятся. Губную помаду украли, расческу... Так тяжело бывает на душе.

— Зачем же ты тогда пришла?

— Об этом уже поздно говорить.

— Жалеешь?

— Нет. Теперь нет.

— Я никому не позволю тебя обижать.

— Но ведь и тебя самого могут обидеть.

— Пусть только попробует кто-нибудь... Какая у тебя нежная кожа здесь...

— Дурачок, не кусайся...

— Я съесть тебя хочу, а не укусить.

— Но только не целиком... Мы здесь будем жить?

— Не знаю. Вряд ли. Ведь это штаб.

— Но я не хочу возвращаться в министерство пропаганды.

— Я тебя туда и не пущу.

— А что же нам тогда делать?

— Ты станешь моей женой. По всем правилам. Перед людьми и богами. А потом мы построим свой дом.

— Думаешь, нам позволят?

— Конечно. У меня обязательно должен быть сын. Наследник.

— Печально, наверное, быть наследником министра обороны...

— Давай не будем об этом.

— Давай...

— На свете есть столько замечательных вещей. Например, вот эта...

— Ой, не щекотись!

— Ты вся прямо как сахар. Я и не знал до сих пор, что с женщиной может быть так хорошо. А как тебе со мной?

— Если тебе хорошо, значит, и мне.

— Этого мало. Я хочу, чтобы именно тебе было хорошо...

— Тогда давай попробуем вот так...

— Тебе так приятно?

— Да. А тебе?

— И мне...

— Только ты не спеши!

— Не могу! Не могу! Я умираю!.. Наташа, я умираю! Ох, как я тебя люблю!..

Первым, кого встретил Пряжкин, выйдя утром из штаба, был министр пропаганды.

— Куда девку спрятал, гад? — двигаясь параллельным курсом, но особо не приближаясь, спросил Погремушка.

— Не твое дело,— кратко ответил Пряжкин.

— Я тебе этого никогда не прощу! Так и запомни.

— Плевать я на тебя хотел.

— Смотри, чтобы кровью плевать не пришлось... Говори, отдашь ее или нет?

— Не собираюсь даже.

Несколько минут Погремушка молча трусил рядом, похожий на обезумевшего от голода полярного волка, а потом выкрикнул, хищно и в то же время жалко ощерившись:

— Ну и бес с тобой! Пользуйся! Мне ее во как хватило! Подбирай чужие объедки!

Пряжкин, до этого давший себе зарок стойко сносить любые посторонние инсинуации, наконец, не выдержал и бросился на Погремушку. Однако тот, не дожидаясь оскорбления действием, повалился посреди улицы и дико завопил:

— Убивают! На помощь! За что? Держите его!

Караульные у Усыпальницы насторожились. Случайные прохожие собрались в кучки. На башне часто и дробно ударили в рельс — вызывали подмогу. Пнув Погремушку валенком и до боли сжав челюсти, Пряжкин поспешил свернуть в ближайший переулок.

Министр бдительности принял его неожиданно холодно и подчеркнуто официально. Со времени их последней встречи случилось

что-то чрезвычайное, и Зайцев, хоть и был порядочным лицемером, не собирался это скрывать.

— Слушаю,— сказал он, на манер лука сгибая и разгибая деревянную линейку.

— Я по поводу перебежчицы.

— Догадываюсь. Ну-ну...

— Считаю, что к нам она прибыла из самых искренних побуждений. Подозревать ее в злых помыслах, а тем более в шпионаже нельзя.

— Все?

— Все.

— Нет, не все! — Зайцев изо всей силы хлопнул линейкой по столу.— Лопух! Девка тебя пальцем поманила, а ты и растаял! Любовь закрутили!

— Да вы же мне сами советовали...

— Что я тебе советовал? По головке ее гладить? На руках носить? Ты ее планы должен был выведать! Вещи обыскать! В крайнем случае допрос с пристрастием учинить! Теленок! Да она из тебя сейчас веревки будет вить! О чем вы разговаривали? Но только чтоб слово в слово!

— Э-э-э... А-а-а... Не помню,— честно признался Пряжкин.

— Тьфу, а еще министр обороны!

— В общем так,— Пряжкин, уже почти не давая отчета своим действиям, вырвал у Зайцева линейку и переломил ее пополам.— Я на самом деле министр обороны и свое дело делаю. А вашей сучьей работой заниматься не собираюсь! Стукачей себе где-нибудь в другом месте ищите!

— Ах вот ты как заговорил! — Обычно бледное лицо Зайцева покрылось багровыми, как следы ожога, пятнами.— Не много ли берешь на себя?

— Сколько считаю нужным, столько и беру.

— Где девчонка?

— Наташу я вам не отдам.

— Ты в самом деле рехнулся! Какое право ты имеешь ею распоряжаться?

— Она жена мне!

— Ах, даже вот как! И когда же вы, интересно, успели пожениться?

— Это неважно.

— Важно! Ты министр обороны. И сын твой будет министром, если конечно...— он поперхнулся...— таковой появится. Жениться ты можешь только с одобрения кабинета министров и лично Силы Гораздовича.

— Значит, я обращусь к кабинету министров.

— Ну и прекрасно! — Зайцев даже подпрыгнул за своим сто-

лом.— Кабинет министров с утра в сборе. Только нас с тобой и дожидаются.

Как и многие другие наследственные правители, Сила Гораздович Попов имел много физических и нравственных изъянов. Первые он маскировал просторной, специально для него продуманной хламидой Верховного волхва, а вторые довольно успешно скрывал при помощи цветистой демагогии, до которой был великий охотник еще с юных лет.

Министры, которых, включая Пряжкина и Зайцева, было, как и апостолов, ровным счетом двенадцать, сидели за длинным столом, где в обычное время обедало и ужинало многочисленное патриархальное семейство Поповых.

Почти все они состояли в ранге сподвижников, а трое: министр бдительности, градостроения и вероисповедания — даже соратников. Один только разнесчастный министр здоровья как родился приверженцем, так до сих пор и числился в этой категории. Статусом ниже его были только кочевавшие чучмеки, которых и людьми-то можно было назвать с большой натяжкой.

Вопросов на повестке дня заседаний кабинета министров было немало: министр распределения отчитывался о результатах последнего сбора дани, министр промышленности докладывал о проекте реконструкции кузницы, министр градостроения требовал гвоздей для ремонта служебной избы, министр вероисповедания сетовал на общее падение благочестия, министр культуры, сняв часть одежды, демонстрировал новые образцы татуировки, министр пропаганды смутно намекал о каких-то безответственных личностях, вносящих раскол и смуту в государственное устройство. Министр земледелия подробно изложил планы предстоящей посевной компании, признав некоторые допущенные в прошлом ошибки. Так, например, хлеб минувшей весной сеяли ломтями, и он, понятное дело, не взошел, а ведь элементарная логика подсказывает, что раз хлеб выпекают из муки, то и сеять надо именно ее. То же самое и со свеклой, которую перед посадкой необходимо извлекать из консервных банок, что раньше не делалось. Еще, сказал министр, мы собираемся посеять картофельные чипсы и желтый плод неизвестного названия, семена которого были подарены министерству земледелия женой Силы Гораздовича.

Одним из последних слово взял Зайцев. Кратко, но красочно описав текущий исторический момент, он призвал повысить бдительность в связи с приближением весенне-летнего периода, характеризующегося, как известно, повышением степени миграции животных и птиц, многие из которых, не исключено, будут использованы в своих целях врагами. Кроме того, он высказал требование усилить

охрану рубежей, для чего к уже имеющимся заграждениям, самоловам, капканам и засекам добавить забор из колючей проволоки шириной не менее чем в четыре кола, идолов-пугал, расставленных через каждые пятьсот шагов, и специальные курительницы, на которых должно сжигаться средство, отгоняющее злых духов и развеивающее недобрые помыслы. Секретом этого средства, якобы, уже владело министерство бдительности. Кроме того, Зайцев выразил сомнение в надежности самой системы охраны города. Коварные враги, потеряв надежду пробиться в него по суше и воздуху, несомненно, попытаются использовать земные недры. О наличии таких попыток в прошлом свидетельствует недавно откопанная возле Тухлой Речки туша неведомого животного с огромными клыками. Неизвестно пока, что же это такое: порождение природы, злой дух, или новая выдумка врагов,— но такому чудовищу ничего не стоит прорыть подземный ход в святая святых государства. Во избежание подкопов нужно срочно придумать какое-то устройство, сигнализирующее о сотрясении почвы. Теперь о сборе дани, продолжил он. Какая-то польза от нее, возможно, имеется. Но вреда куда больше. Дети спрашивают, откуда такие красивые баночки, такие сладкие конфетки и такая теплая одежда. Взрослые, конечно, понимают, что все это изготовлено исключительно с подрывной целью. Но как это объяснить несмышленышам? Необходимо делать главный упор на собственные силы, развивать промыслы, сельское хозяйство и оленеводство. И в заключение о фактах утери бдительности. Тут Зайцев многозначительно замолчал, отпил воды из кружки, откашлялся и продолжал, то и дело косясь на Пряжкина.

— Всем отлично знаком наш сподвижник, министр обороны и член коллегии волхвов Пряжкин. До самого последнего времени я имел о нем самое лучшее мнение. Возложенная на Пряжкина огромная ответственность требует, чтобы он всегда был беззаветно предан интересам государства. Однако в последнее время в поведении Пряжкина стали проявляться, мягко говоря, оплошности и просчеты. Взять самый свежий случай. Рубеж пересекает некая весьма сомнительного вида особа, заявившая, что она, якобы, желает навечно поселиться в нашем государстве. Поймите правильно, я не против перебежчиков в принципе. Наступает время, когда народные массы зарубежных стран, разорвав цепи лжи и страха, кинутся к нам сотнями и тысячами. Однако если мы при этом утратим бдительность, значит, утратим и все остальное, включая жизнь. Имея весьма серьезные подозрения относительно этой девицы, я поручил Пряжкину разоблачить ее. Почему именно Пряжкину, а не кому-то другому? Объясняю: шпиона в первую очередь должна интересовать боеспособность наших войск. Следовательно, он попытается внедриться в министерство обороны. Значит, Пряжкину и карты в руки. Как же повел себя в этой ситуации наш хваленый министр? Думаете, он про-

вел тщательное расследование? Расставил хитроумные ловушки? Обнаружил у подозреваемой шпионское снаряжение? Как бы не так! Пряжкин собрался жениться на этой особе! На потенциальном вражеском агенте! На человеке, вряд ли способном воспринять наши идеалы, нашу веру и наши стремления. А ведь Пряжкин не какой-нибудь погонщик оленей или караульный на башне. Напоминаю, он министр обороны, причастный к нашим самым сокровенным тайнам. Он знает такое, чего не знает ни один из присутствующих здесь, исключая, может быть, только Силу Гораздовича, чьи знания, как известно, безграничны. И все это Пряжкин обязан передать своему сыну, в преданности и верности которого мы должны быть абсолютно уверены. Сумеет ли, спрашивается, перебежчица дать ребенку правильное воспитание? А если она не перебежчица, а хуже того — шпионка! Кого она вырастит? Врага! Нашего могильщика! Убийцу наших детей! Выношу этот вопрос на обсуждение кабинета министров. У меня пока все.

Речь Зайцева вызвала бурные эмоции у всех, кроме Силы Гораздовича. Он по-прежнему мило улыбался, что-то черкал в своем блокноте и переговаривался вполголоса с секретарями и референтами. Казалось, страшные обвинения против Пряжкина прошли мимо его ушей.

— А что ты, Пряжкин сам об этом скажешь? — подал голос министр градостроения, человек рассудительный и сравнительно не злой.

— Я полностью отвергаю все высказанные в мой адрес обвинения. Нельзя делать из честного человека шпиона. Нельзя друзей превращать во врагов. Я убежден, что эта девушка пришла к нам с самыми чистыми побуждениями. Здесь же ее сразу начали травить. Моя связь с ней не плод легкомыслия, а результат серьезных размышлений. Уверен, что вместе с ней мы воспитаем достойного продолжателя нашего общего дела, верного сподвижника, а может, даже и соратника. Пользуясь случаем, прошу у кабинета министров разрешения на вступление в брак.

— А помните, в прошлом году, по ходатайству министерства вероисповедания вам была предложена в жены моя племянница Голуба Козлова,— ни с того ни с сего спросил министр здоровья.— Чем она вам не подошла, интересно?

— Отвечать обязательно? — Пряжкин почувствовал, что начинает наливаться яростью.

— На заседании кабинета министров на любой вопрос надо давать ответ,— объявил Зайцев.

— Ваша Голуба, хоть и косая на оба глаза, однако успела переспать со всем министерством вероисповедания, кроме деревянных идолов, конечно. Зачем мне такая жена? Ладно бы, если ни кожи, ни рожи нет, так хоть бы стыд имела.

— Вы только послушайте, что он говорит! — взвился министр вероисповедания.— И о ком! О жрице бога Дида! Если она и совершала половые акты, то исключительно в ритуальных целях. У нее должность такая! Никому не имеет права отказывать! Со стороны Пряжкина допущено богохульство!

— Да он давно уважение к людям потерял,— пробасил министр распределения.— Ведет себя вызывающе. Как будто бы и осадить его некому.

— Осадим! Осадим! — хором заверили его коллеги.

— А сегодня утром, подстрекаемый этой девкой, он напал на меня прямо у дверей Усыпальницы. Я весь в синяках и ссадинах. Многие могут подтвердить. Вот он, к примеру,— Погремушка указал пальцем на министра градостроения.

— Да,— немного поколебавшись ответил тот.— Такой факт имел место.

— Я как-то однажды попробовал сосчитать идолов, которые молятся за министерство обороны,— снова влез министр вероисповедания.— Жуткое дело! Сорока трех штук не хватает. А у тех, которые в наличии, жертвенные чашки мхом заросли. Как можно допускать такое глумление над кумирами!

— Трезвым его уже давно не видели.

— Выскочка!

— На лекциях в школе всякую чепуху несет...

— К ответу его!

— К суду!

— Испытать огнем!

— Наказать примерно...

— Изгнать прочь! И немедленно!

— Лучше отдайте его нам для опытов,— фальцетом проблеял министр здоровья.— А то я вчера средство от слабости самолично принял. На собственном организме не побоялся испытать. Так поверите, с тех пор ремень на штанах боюсь застегнуть. Жена кальсоны не успевает стирать. Полное расстройство дефекации и метеоризм.

— Что-что? — подозрительно переспросил Зайцев.

— Расстройство стула, говорю, и недержание газов,— гордо объяснил министр здоровья.

— Ну это я уже давно почуял. Водки с корой ивы выпей. Некоторым помогает.

— Пусть Пряжкин сначала девку выдаст! — крикнул Погремушка.

— Допросить шпионку!

— Подвесить за волосы и нагаечкой по мягким местам!

— Обоих подвесить...

— Нет, все же лучше огнем испытать!

Пряжкин слушал все это, не веря собственным ушам. Люди, которым он никогда не причинял зла, со многими из которых был если не в дружеских, то вполне приличных отношениях, вдруг безо всякого серьезного повода накинулись на него, как стая волков на подранка. Все: и прошлые заслуги, и безукоризненное происхождение, и незыблемый до последнего времени статус, и давние связи с каждым из присутствующих — внезапно оказалось никчемным и бесполезным. Стена, всегда защищавшая его, обернулась вдруг ветхим заборчиком. Жуткое ощущение полной беспомощности сковало его. Заранее заготовленные доводы в свою защиту вылетели из головы, язык онемел, мысли спутались, и Пряжкин с пугающей ясностью ощутил, что он именно тот, о ком сейчас наперебой кричали члены кабинета министров — вероотступник, наглец, изменник и пьяница.

— Ну, ладно вам, ладно,— прервал возмущенный гвалт Сила Гораздович.— Накинулись все на одного. Разве так можно? Что плохого он сделал? Украл, убил, предал? Человек жениться хочет, а вы его на куски готовы разорвать. Подход негосударственный. Выходит, мы зря его кормили, учили, одевали? Все с начала теперь? И кого на его место назначить? Тебя, что ли, Шишкин? Или тебя, Овечкин? Зайцев вон какой с виду умный, а ведь в автоматике и телемеханике ни в зуб ногой. Даже не знает, что это такое. Кто из вас может систему энергораспределения ракеты наладить? А? Вот видите. Незаменимых людей, конечно, нет. Не станет Пряжкина, будет кто-то другой. Определенные меры мы в свое время приняли. Да только зачем нам самим себе заботы придумывать? Взять того же Зайцева. Человек бдительный, ничего не скажешь. Только где нам столько колючей проволоки взять, чтобы в четыре кола все государство огородить? Хватит, что он в прошлом году всех гусей и уток распугал. А вдруг не прилетят они больше с испуга? Значит, ни мяса, ни пера, ни пуха! К каждой проблеме тонкий подход требуется. Тут рубить с плеча нельзя. А то раскаркались — Пряжкин то, Пряжкин се... На себя посмотрите. То обблюетесь, то обдрищетесь! Тем более, что с Пряжкиным еще ничего не ясно... Встань, сподвижник. Тебе что, в самом деле эта девка приглянулась?

— Да,— облизав пересохшие губы, выдавил Пряжкин.

— Уверен, что не шпионка она?

— Да,— прошептал Пряжкин.

— Не слышу... Громче. Шипишь, как дохлый селезень. Ну, а теперь гляди мне в глаза и отвечай как на духу: кто тебе дороже, девка приблудная или родная держава?

— Так нельзя... разделять. Родная держава есть родная держава, а... она... это она...

— Да я же не заставляю тебя прямо сейчас от нее отречься.

Может, она и в самом деле без вины виноватая... Ты мне ответь на отвлеченный вопрос: что выбираешь — родину или бабу, если та и в самом деле вражеское отродье?

— Родину...

— Вот это я и хотел от тебя услышать. Если эта девка шпионка, то ясно, куда ее потянет. Сразу и выяснится, что к чему. Завтра же, не откладывая, возьми ее с собой под землю. Покажи ей все, что захочется. А потом пусть расскажет твоим людям, какая тяжелая и подлая жизнь за рубежом и какое счастье оказаться здесь. Если она злые намерения хранит, это сразу выяснится. Внимательно наблюдай за ней. Все подмечай, и слова и взгляды. Соглядатаев за тобой не будет. Возьмешь только своих людей. И решение примешь сам. Доверим ему, соратники и сподвижники?

— Доверим, доверим! — загалдели все, как будто четверть часа назад и не требовали крови.

— Завтра мы все снова соберемся, и ты, Пряжкин, скажешь правду. Если она без вины, тут же вас и обвенчаем, а если умысел имела... — Попов на секунду задумался, словно подыскивая достаточно веское заключительное слово.

— Что тогда? — спросил Пряжкин, забыв, что перебивать Силу Гораздовича так же опасно, как всуе поминать имя Перуна-Громовержца.

— А тогда свершится закон,— в голосе Попова появилось что-то такое, от чего у Пряжкина похолодело в животе.— Ты сам все знаешь. Смертной казни у нас нет, и ради какой-то девчонки вводить ее нецелесообразно. Изгоним из пределов государства и все. А теперь иди. Помни, сподвижник, мы тебе верим.

Пряжкин, еле переставляя враз ослабевшие ноги, пересек площадь и у штаба наткнулся на Пашку, который втолковывал что-то низкорослому, плосколицему человеку в оленьей кухлянке, которого придерживали за руки два амбала из пограничной стражи.

— И кто же ты такой есть? — спрашивал Пашка тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

— Никифоров я,— примирительно отвечал человек в кухлянке.— Отпусти, начальник. Моя за оленем шла.

— Нет, ты не Никифоров. Никифоров знает, как отвечать на вопросы коменданта штаба.

— Чучмек Никифоров по вашему приказанию прибыл,— бодро доложил Никифоров.

— Прибыть ты прибыл. Вижу. Да только не по моему приказанию... Где его взяли? — Это относилось уже к пограничной страже.

— В двух верстах от рубежа. Балкой гнал нарты. Чуть оленей не угробил.

— Неправда, начальник. Моя оленя не угробит. Моя оленя уважает.

— Молчи. Отвечай, что возле рубежа делал?

— То молчи, то отвечай... Злой ты, начальник. Как медведь-шатун злой.

— Если не ответишь, я твои кишки сейчас на эту дуру намотаю.— *Пашка указал на Святовида.*

— Моя оленей искал. Олень рубеж не знает. Олень от стада отбился, в тундру ушел. Моя искать поехал. Без оленя чучмеку Никифорову нельзя. Без оленя моя помирать будет.

— За этим задержки не будет. Предупреждали тебя, что к рубежу ходить нельзя?

— Предупреждали. Давно предупреждали. Забыл совсем.

— Палец к бумаге прикладывал?

— И палец прикладывал и крест рисовал.

— Идола целовал?

— Целовал, однако. Попробуй не поцелуй твоего идола.

— Значит, теперь не обижайся.

— Чучмек Никифоров не обижаться.

— А-а-а, это ты,— Пашка заметил, наконец, Пряжкина.— Вот, чучмек попался. Сбежать хотел. Что делать с ним будем?

— Как будто не знаешь,— ответил, занятый своими мыслями Пряжкин.— В первый раз, что ли?

— Не в первый раз. Да только все одно, не доходит до них наука. Признавайся, ведь хотел сбежать? Признавайся, ничего тебе за это не будет. Отпущу.

— Правильно. Хотел сбежать. Давно задумал.

— Почему?

— Есть нет. Табака нет. Оленей отбирают. Рыбу отбирают. Песец отбирают. Скучно жить.

— А за рубежом, думаешь, лучше?

— Там олень свободно ходит.

— Ну раз так, иди. Отпускаю.

— Пешком не дойду. Оленей отдай, нарты отдай, хорей отдай.

— Ничего себе! — делано удивился Пашка.— Олени не твои. Олени государственные. Воровать не позволю.

— Оленя не государство рожал. Оленя важенка рожала. Нарты я сам делал. Хорей сам делал.

— Бес с тобой. Нарты и хорей бери, а оленей придется оставить.

Несколько минут они молча стояли друг против друга, по разному одетые, но удивительно схожие обликом — оба коренастые, узкоглазые, кривоногие.

— Ладно, начальник,— сказал наконец Никифоров.— Пойду, однако. Путь не близкий. Не обижай моих оленей.

— Э, братец, это еще не все. Кухлянку снимай.

— Кухлянку моя жена шила.

— Жене, значит, и вернем.

Никифоров кряхтя стащил меховую одежду и остался в каких-то жуткого вида полуистлевших портках. На лице его не отразилось ровным счетом никаких чувств.

— Исподнее, так и быть, тебе оставим,— сказал Пашка.— Срамить не будем. Счастливого пути.

— И тебе счастливо оставаться, начальник.— Босой и голый человек с синей нечистой кожей повернулся к ним спиной и вприпрыжку устремился в тундру.— На небесных пастбищах свидимся.

— Свидимся, не сомневайся.

— Убежит ведь, гад,— сказал один из стражников, глядя вслед Никифорову.— Они, черти, к любому морозу привычные.

— Не убежит,— заверил его Пашка.— Я тундровых псов уже три дня как не кормил. Растаскают его, как сдобную булку, будь спокоен... А ты, начальник, почему такой хмурый?

— Ты сделал, что я у тебя просил?

— А как же! Этот сопляк сначала от рубежа отъехал версты на три, а потом назад повернул. И за холмиком, значит, спрятался. Да разве такую машину спрячешь. Мы с ребятами ночью и подползли к этому чудищу железному. Глянули, а у него на крупе бочка с керосином приторочена. Только керосинчик уж больно густой и вонючий. Мы бочку, продырявили да и подожгли. Занялась эта дура синим огнем, как миленькая. Мы отползать стали, а она как рванет! Всю тундру кусками железа засыпало. Вот такие пироги, начальник.

— Керосинчиком это вы зря,— сказал Пряжкин, ощущая какое-то нехорошее, тягостное предчувствие.— Не надо было так...

— Назад уже не воротишь,— равнодушно сказал Пашка.— Что было, то сплыло. А за это дело ты мне бутылку будешь должен. Я так понимаю, что это твоей милашки хахаль был, вечный ему покой.

— Что-нибудь случилось? — спросила Наташа.

— Нет,— ответил Пряжкин.

— Но я же вижу!..

— Так, мелкие неприятности...

— Из-за меня?

— Нет.

— Только не обманывай.

— Зачем тебе знать всякую гадость.

— Значит, из-за меня...

— Это не имеет никакого значения. Даже если меня поставят караульным на башню, я не откажусь от тебя.

— Может и такое случиться?

— Все может случиться. Нам сейчас нужно все время быть вместе. Тебя могут похитить. Или устроить какую-нибудь пакость. Все должно решиться завтра. Мы спустимся под землю, туда, где находится командный пункт стратегических ракетных войск. Тебе придется пойти со мной и поговорить с людьми, которые живут там. От твоего выступления зависит очень многое. Конечно, я не заставляю тебя лгать, но постарайся как можно точнее исполнить мою просьбу. Смысл выступления прост: так, откуда ты пришла,— все плохо, здесь — все прекрасно. Ты понимаешь?

— Понимаю. Только оратор из меня неважный.

— Скажи, а там... действительно плохо?

— По-всякому... но там все другое. Тебе будет трудно это понять.

— Не хочешь рассказывать?

— Не хочу растравлять душу. Лучше поцелуй меня.

— Хорошо...

— Ты целуешь меня, как будто в последний раз.

— Я целую тебя в последний раз как невесту. Завтра я поцелую тебя как жену.

— Ты хоть сам веришь в это?

— Да! Да! Да! Верю! Хочу верить!

Кроме Наташи Пряжкин захватил с собой только коменданта Пашку, который всегда сопровождал его во время спусков в подземелье. Слежки заметно не было. Или Сила Гораздович доверял ему, или наблюдение было организовано весьма ловко.

— Это Кром,— сказал Пряжкин, указывая на тесовый забор высотой в три человеческих роста.— Укрепление вокруг пусковой шахты. Скоро вместо дощатых стен будут возведены каменные. Заходи в эту калитку. Только нагнись.— Он постучал в стену деревянной чуркой, подвешенной на цепи.

— А почему калитка такая низкая? — спросила Наташа, опускаясь почти на корточки.

Пряжкин смолчал, зато идущий последним Пашка буркнул:

— Чтоб головы врагу было удобней рубить.

И действительно, сразу за калиткой стояло пять или шесть караульных с занесенными алебардами. Убедившись, что врагов среди прибывших нет (о Наташе их предупредили заранее), они заперли калитку огромным засовом и опустили оружие.

— Ржавчина! — Пряжкин провел пальцем по лезвию одной из алебард.— Разве так за оружием следят? Чтоб завтра как огонь горела! Коменданту проследить за исполнением.

— Будет сделано,— сказал Пашка и, не глядя, ткнул провинившемуся кулаком в рожу.

— Хочешь подняться на башню? — спросил Пряжкин у Наташи.— Оттуда далеко видно во все стороны.

— А можно?

— Нам можно.

По скрипучей лестнице, перила на которой были устроены только с правой стороны, они забрались на сторожевую башню. Пашка остался внизу — он терпеть не мог высоты и вообще был сегодня не в настроении.

На смотровой площадке башни, прикрытой сверху лишь четырехскатной крышей из замшелой дранки, было, казалось, куда холоднее, чем внизу. На караульном было надето столько одежек, что если бы он вдруг упал, то без посторонней помощи уже не встал бы. Кроме его бочкообразной фигуры на башне находился еще только один предмет — установленный на турнели огромный пулемет.

— Оказывается, у вас и огнестрельное оружие есть,— сказала Наташа, заглядывая в прицел.— И сколько же ему, интересно, лет?

— Столько же, сколько и этой башне.

— Исправен?

— Думаю, что исправен.

— Ты сам хоть из него стрелял?

— Стрелять из него будут тогда, когда появится враг. Смотреть надо вот в эту штуку, а нажимать вот здесь...

Не дожидаясь окончания его разъяснений, Наташа припала к плечевым упорам, схватилась за рукоятки и с натугой повела стволом слева направо.

— Бах-бах-бах! — протараторила она и засмеялась.— Смазка загустела, да и не чистили его давно.

— Откуда ты, интересно, в таких вещах разбираешься?

— Разбираюсь. В детстве по музеям любила ходить. Если не ошибаюсь, это крупнокалиберный пулемет ДШКМ, калибр 12,7 миллиметра, по-вашему 0,26 вершка... Скорострельность 125 выстрелов в минуту, дальность поражения... примерно тысяча саженей. Ну, как?

— Молодец,— сказал Пряжкин, внимательно наблюдая за ней.

В том, как Наташа стояла у пулемета, как смотрела, прищурившись, в ракурсный прицел, как прошлась пальчиками по предохранителю и магазинной коробке, было что-то от опытного, ухватистого вояки. Напоследок подергав свисающую с правой стороны пустую патронную ленту, она потеряла интерес к пулемету и сразу стала тем, кем была всегда,— немного взбалмошной, милой девчонкой. Покрутившись немного на одной ноге, она принялась рассматривать расстилавшийся перед ней бело-серо-черный пейзаж, состоявший из бревенчатых избушек с подслеповатыми окнами, словно крепостными стенами окруженных поленницами дров, узких, изъезженных нартами улиц, упиравшихся в снежную пустыню, да

бессчетного количества идолов, похожих отсюда на бесплодных, оставшихся не у дел фаллосов. Центром города был Кром — дощатое укрепление, по периметру коего располагалось двадцать башен, на каждой из которых пританцовывали у дедовских пулеметов окоченевшие караульные.

— Эта башня называется Боровицкая,— сказал Пряжкин.— А та...

— Знаю, знаю,— перебила его Наташа.— Спасская, Водовозная, Никольская, Троицкая, Беклемишевская и так далее.

— А это откуда ты знаешь? — уже не на шутку удивился Пряжкин.

— Нетрудно догадаться... А там что? — Она ткнула пальцем в размещенное внутри стен приземистое здание с дымящейся трубой. — Оружейная палата?

— Это электростанция.

— Ух ты, ах ты! А я-то думала, что у вас кроме коптилок да керосиновых ламп ничего другого нет.

— Под землей нельзя обходиться без электричества. Электричеством питаются все составные части пускового комплекса.

— Значит, если электростанцию разрушить, ракеты не взлетят?

— Странные вопросы ты задаешь... Конечно же, взлетят. Существуют еще резервные источники электроснабжения — дизеля, аккумуляторы. Мы все предусмотрели.

— Мы! — Наташа фыркнула.— Ты хоть мне сказки не рассказывай. Вы здесь и гвоздя не забили. Пришли когда-то на все готовое. Скажешь, нет?

— Наташа,— Пряжкин покосился на караульного.— Мы здесь не одни.

— Ах, прости, забыла... Ну, рассказывай дальше.

— А дальше — все.

Действительно, кроме электростанции внутри огороженного пространства не было больше ничего, кроме снежных сугробов, через которые в разных направлениях тянулись цепочки собачьих и человеческих следов.

— Где же ваша знаменитая шахта?

— Здесь. Но она замаскирована.

— Подумаешь! — Наташа опять фыркнула. Сейчас она была явно не в себе. Не то волновалась, не то специально нарывалась на скандал.— Вон в том месте снег просел. Тепло, значит, из-под земли поднимается.

— Действительно,— Пряжкин присмотрелся повнимательней.— Придется подсыпать снежку.

— Ладно, полезли вниз. Здесь задубеть можно.

Стараясь не поскользнуться на обледеневших ступеньках, они спустились к подножию башни, где их все еще дожидался Пашка,

который, судя по окуркам, приканчивал десятую самокрутку.

— Наташа, сейчас ты окажешься там, где уже много лет не бывал ни один чужак. Не все министры имеют право посещать пункт управления запуском стратегических ракет. Люди, которых ты встретишь, могут показаться тебе странными. Они живут в особых условиях и по особым законам. Постарайся их понять или хотя бы будь снисходительной,— сказал Пряжкин как можно более убедительно.— Прежде чем сказать или сделать что-нибудь, подумай.

— Отстань,— Наташа кусала губы.— Я никуда не пойду.

— Почему? Мы же договорились.

— Я передумала. Что я вам, мартышка цирковая?

— Наташа, прошу тебя... Я уже говорил, что от того, как ты поведешь себя сегодня, зависит очень многое,— сказал Пряжкин.

— Для тебя?

— Для нас обоих.

— Хорошо, только потом не обижайся.— Она резко вырвала руку.

— Если так, то не пойдем.

— Нет, пойдем.— Наташа почти кричала.— Раз ты все уже решил за меня, пойдем!

— Вот тебе и любовь,— философски заметил Пашка.— Вчера как голубки ворковали, а ноне как собаки лаются.

Люди, населявшие подземелье ракетной базы, никогда не видели солнце и, возможно, даже не подозревали о его существовании. Конечно, они знали, что где-то существует некий другой мир, но ничего хорошего от него не ждали. Там царили кровожадные чудовища, озверевшие враги и стихийные бедствия, именно оттуда могли прилететь чужие ракеты и самолеты. Иногда зимой в разгар пурги или летом в самую буйную грозу кого-нибудь из них доставляли на поверхность, чтобы позволить самолично убедиться во всех ужасах жизни вне бункера.

Когда ракетчики обоего пола, дисциплинированные до абсурда, в мгновение ока собрались в центральном посту управления, Пряжкин сдержанно, без особых эмоций сообщил, что сейчас состоится встреча с человеком, который родился и вырос за рубежом, в полной мере испытал все тамошние невзгоды и лишения, однако несмотря на многочисленные препоны сумел бежать в пределы самого справедливого, самого человеколюбивого и самого сильного государства. Сразу послышались сочувственные ахи и охи. Обреченные на малоподвижный образ жизни и обильно снабжаемые мукой, сахаром и солониной, ракетчики привыкли считать образцом красоты своих расплывшихся, широкозадых жен, любивших наряжаться в пыжиковые жакеты, ватники и песцовые горжетки, поэтому строй-

ная и тонконогая Наташа, одетая в мягкий свитерок и коротенькую юбочку, одним своим видом лучше всяких слов доказывала все неоспоримые преимущества здешнего существования.

Девушка выглядела больной и потерянной. На вопросы она отвечала тихо и односложно, иногда надолго умолкала. Ракетчики, расстроенные ее горестным прошлым, вели себя максимально конкретно.

— Скажите, а оленины вам хватало? — спрашивали они.— Вы ее часто ели?

— Нет,— отвечала Наташа.— Оленины я вообще не ела.

— Ай-я-яй! — переживали ракетчики.— А сколько сахара в день вы употребляли?

— Мало. Ложечки две.

— Это надо же! До чего людей довели! Сегодня за завтраком я целый фунт умяла. А какой чай вы больше любите, брусничный или луковый?

— Я просто чай люблю.

— Вот жизнь! Даже чая приличного не хватает. А что вы вообще любили там есть?

— Бананы и апельсины.

— А что это такое? — протиснулся вперед чумазый малыш с явными признаками рахита.

— Если ты когда-нибудь пробовал мыло, значит, и вкус бананов знаешь.— Наташа прижала к себе малыша.— А ананасы и того хуже.

— Говорят, вам даже змей приходится есть?

— Приходится. Я сама ела. Угри называются.

— А что же вы так одеты плохонько? Неужто ватников на всех не хватает.

— Мне вот не хватило.

— Не расстраивайся, родимая! Я тебе свой старенький подарю.

— А как насчет веры истинной? Забыли, поди, кумиров? Жертвенный огонь не разводите?

— Не разводим. И кумиров забыли.

— И Перуна? — с ужасом воскликнул кто-то.

— И Перуна.

— И Даждьбога?

— И Даждьбога.

— До чего народ замордовали, бесы! Чтоб их леший разорвал!

— Хватит дитя мучить! — дородная баба обняла Наташу.— Да на ней, бедной, лица нет. Покормить надо вначале гостью дорогую, а уж потом вопросами мучить. Я сегодня как раз шанег напекла.

Обед накрыли прямо на плоской панели пульта управления, предварительно убрав с него недосушенные пеленки. Посуду и пеленки извлекли из аппаратных стоек, в которых клацали реле и стре-

котали шаговые искатели. Наташа ела исключительно мало, выпила только кружку брусничного чая, да слегка поклевала шанежку размером с колесо от детского велосипеда. На всё уговоры сердобольной хозяйки она отвечала отказом, ссылаясь на отсутствие привычки к такой хорошей пище, чем едва не довела ту до слез. Пряжкин, впавший в мрачное состояние духа, также не притронулся ни к еде, ни к самогону. Зато Пашка, ввернув за двоих, сразу повеселел и принялся популярно разъяснять Наташе устройство индикатора кругового обзора, методику заправки стратегических ракет топливом и преимущества разделяющихся боеголовок над всеми остальными.

«Откуда он только всего этого нахватался,— подумал Пряжкин рассеянно.— Впрочем, скорее всего от меня самого, от кого же еще. Болтаю много, особенно по пьянке».

На душе было муторно и хотелось выпить, но слово, данное Наташе, сдерживало.

— Пойдем,— сказал ей он.— Посмотришь пусковую шахту.

— Не хочу.— Наташа отрицательно покачала головой.— Я устала.

— Тогда отдохни. У меня здесь есть своя комната.

— Хорошо. Проводи меня. Только сразу договоримся, не трогать меня сегодня.

В маленьком кабинетике, где пахло одновременно и затхлым погребом и вокзальным сортиром, Наташа сразу забилась в угол дивана и положила голову на согнутую руку. Пряжкин расхаживал из угла в угол, не зная, что и делать. Злость и нежность разом терзали его. Он хоть и старался гнать прочь все невеселые мысли, но тем не менее, ни на минуту не мог забыть, что всего через несколько часов вновь предстанет пред очами кабинета министров, да еще не один, а с Наташей.

Что скажет он им? Как поведет себя она? Чем все это закончится? Еще до конца этого дня он будет или бесконечно счастлив, или растоптан в пыль.

Заснуть бы крепко-крепко и проснуться после того, как все решится, подумал Пряжкин.

— Сядь,— сказала Наташа неожиданно спокойным, хоть и безжизненным голосом.— Сядь, не суетись.

— Хорошо.— Он сел подальше от нее, у дверей.

— Говори. Ты ведь хочешь что-то сказать.

— Я хочу спросить. Зачем ты пришла сюда?

— А ты как думаешь?

— Ты шпионка?

Пусть бы она рассмеялась в ответ или даже неловко соврала — это было бы не так страшно, как наступившее молчание, долгое тяжелое молчание.

— Скажи что-нибудь,— попросил Пряжкин, чувствуя, что начинает цепенеть от запредельного, досель неизведанного ужаса.

— Как это тебе лучше объяснить...— Наташа устало вздохнула и откинула волосы с лица.— Я не шпионка в том смысле, как это понимаете вы. Мне не нужны ваши тайны, даже самые жуткие. Тем более я не хочу причинить вам вред. Но я и не перебежчица, за которую себя выдаю. Никто не посылал меня сюда, и я не имею никакого задания. Все это только моя собственная инициатива или, если тебе будет угодно, моя дурость. Мне нужно было побывать среди вас, говорить с вами, попробовать понять вас. Ведь это совсем другая цивилизация, другой народ, вы почти что инопланетяне. Не знаю, для чего все это мне нужно. Тут и любопытство, и каприз, и даже амбиции... Возможно, потом я написала бы о вас. Ведь я собираюсь стать журналисткой. А может быть, все это навсегда осталось бы со мной. Не знаю... Но сейчас... Сейчас мне страшно. Вы сами себя добровольно заточили в тюрьму. Вы беспощадно губите друг друга. А ваши дети... Это просто кошмар какой-то. Они-то в чем виноваты?

— Ты действительно так считаешь? — спросил он холодно.

— Да. Ты думал, меня интересуют ваши допотопные ракеты? Успокойся. Их давно никто не боится. Над вами постоянно висит противоракетный спутник, а вокруг натыканы зенитные комплексы. Любая ваша ракета будет уничтожена прямо на старте.

— Ты противоречишь сама себе. Если вы нас не боитесь, зачем же все это: зенитные комплексы...

— Нормальные люди не боятся буйнопомешанных. Но помещают их под надзор в специальные клиники. Точно так же и с вами. Мы точно знаем, сколько у вас боеголовок и каков их тротиловый эквивалент. Мы примерно знаем даже намеченные для них цели. Уверена, что ваши ракеты далеко не улетят. Но ведь взрыватели боеголовок установлены так, чтобы неминуемо сработать при разрушении ракеты. Правильно я говорю?

— Это тебя не касается.

— Кроме того, вы можете сами взорвать свой ядерный арсенал. То ли по халатности, то ли по пьянке, то ли из фанатизма. С вас станется! Хотя все соседние поселки отселены, роза ветров в этих краях такая, что радиоактивное заражение покроет огромную площадь, в том числе и мой родной город, где проживают полмиллиона людей. Скажи, это нужно вам?

— Значит, вы все же нас боитесь?..

— Господи! — Она всплеснула руками.— И это говоришь ты, быть может, самый разумный человек здесь...

Она встала и подошла к столу, на котором среди всякой другой аппаратуры был установлен большой, многодиапазонный радиоприемник.

— Он исправен?

— Да.

— Ты слушаешь его?

— Иногда.

— И что же?

— Да ничего. Бред какой-то. Или ложь.

— Почему ты так решил?

— По-твоему, я слабоумный? Кое в чем и сам могу разобраться.

— Ужас! В чем ты, милый, разбираешься? Ты ведь уверен, что у нас надписи на этикетках делают писари. Вы сажаете маринованную свеклу и ждете урожая. Вы ничего не знаете об окружающем мире. А о себе вы хоть что-нибудь знаете? С чего все это началось? Скажи! Как появился этот жуткий город? Как вас учат этому в школе?

— Разве ты сама не знаешь?

— Я-то знаю! А вот как знаешь ты?

— Дабы пресечь происки враждебных сил, толкавших государство к гибели, а народ к нищете, рабству и вырождению, группа патриотов взяла власть в столице в свои руки.

— Чушь какая! Отсюда до столицы две тысячи ваших верст. И дома там совсем не из бревен.

— Хорошо, я не скажу больше ни слова.

— Прости, что перебила тебя. Продолжай.

— К ним присоединились многие люди доброй воли. Однако часть государства осталась под контролем изменников, которые с помощью демагогии и насилия держат народ в подчинении.

— А ракеты эти вам зачем?

— В интересах обороны и защиты мира, как ответ на агрессивные намерения врага.

— Это ты сам придумал или от Овечкина слышал?

— Это придумали еще тогда, когда ни тебя, ни меня на свете не было.

— А теперь послушай меня внимательно. Когда-то здесь была обыкновенная ракетно-ядерная база. Так называемая «точка». Одна из многих. Уже и в то время устаревшая. О том, что тогда творилось в стране, я тебе рассказывать не буду. Для этого сначала надо проштудировать половину мировой истории. Ведь для вас что Владимир Святой, что Гришка Отрепьев — почти одно и тоже. Короче, это было смутное время. Вот тогда-то кучка людей, благосостоянию и положению которых угрожали перемены, сумела захватить базу. С полного согласия и не без помощи гарнизона, конечно. Папочка вашего Силы Гораздовича умел обводить людей вокруг пальца еще почище, чем сынок. Твой отец вольно или невольно стал его главным пособником. Он прекрасно знал ракетную технику и был очень способным инженером. Ведь запустить ракету можно только

по распоряжению вполне определенных лиц, владеющих специальными кодами. Если бы кто-то попытался самостоятельно подобрать код, уже после второй попытки вся система пуска бы самоуничтожилась. Но папочка твой нашел гениальное решение. Он просто-напросто ликвидировал контрольное устройство и создал обходную цепь ручного управления, зажигания двигателя. Разгадал он и тайну взрывателя ядерной боеголовки.

— Если бы это сказал кто-то другой, а не ты...

— Тогда ты свернул бы ему голову? Не так ли? Твой отец знал очень многое и поплатился за это. Для нас причина его смерти давно не является тайной. Убил его кто-то из Зайцевской родни по приказу Попова. Передав дела наследнику, то есть тебе, он стал не нужен, даже опасен.

— Я не верю.

— Зачем мне лгать? Вы засылаете к нам шпионов целыми табунами, но ни один из них не вернулся. Ты не знаешь, почему?

— Шпион не может рассчитывать на снисхождение.

— Как бы не так. Все они сдались, едва перешли рубеж. Многие потом, правда, погибли от пьянства и всяческих излишеств, но иные ведут вполне нормальную жизнь. Уж они-то порассказали о ваших тайнах! Всю подноготную вывернули.

— Предатели!

— Бог им судья. Но только не ты. Дальше будешь слушать?

— Валяй.

— Несколько лет человечество жило в страхе. Но ядерный шантаж не удался. Убедившись, что таким путем ничего не добиться, вы решили сохранить статус-кво.

— Что?

— Существующее положение вещей. Мы вас кормим, поим и одеваем, а вы не взрываете ядерные боеголовки. Крысу опасно загонять в угол. Живите себе как хотите.

— Что ты предлагаешь?

— Кому?

— Мне, к примеру. Думаешь, там мне будет лучше?

— Не знаю. Зверь, воспитанный в зоопарке, старается вернуться в клетку. Рабами становятся не только по воле случая, но и по призванию. Даже ты насквозь пропитан этим ядом.

— Я не хочу расставаться с тобой.

— Я тоже. Давай уйдем вместе.

— Мне трудно сказать тебе сейчас что-либо определенное. Над этим надо крепко подумать. Тем более уйти отсюда очень сложно. Ты даже не представляешь, насколько сложно...

— В условном месте, недалеко от рубежа меня ждет на вездеходе брат. Это он привез меня сюда. Помнишь того парня, который доставлял вам дань?

— Ах ты!..— Пряжкин ударил себя кулаком по колену.— Ах ты, какая незадача! Значит, это был твой брат!

— Что-нибудь случилось?

— Случилось... Нет... Ничего.., Только не уйти нам сейчас. Надо подождать. Скажу прямо, ты находишься в опасности. Единственный путь спасения для тебя — стать моей женой. Перед лицом кабинета министров ты должна дать клятву на верность нашему государству. Хоть раз покриви душой. Вытерпи. Помоги мне.

Едва поднявшись на поверхность, Пряжкин убедился, что их уже давно ждут. Перед капищем всех богов горел огромный костер, а чуть поодаль на жестком стуле с гнутой спинкой восседал Сила Гораздович. Позади него переминались с ноги на ногу успевшие продрогнуть члены кабинета министров. Рожа Погремушки свидетельствовала, что он уже успел где-то порядочно приложиться. Министр вероисповедания держал посвященного Перуну петуха.

«Зачем здесь петух? — подумал Пряжкин.— Видно, дело нешуточное заваривается. Гадать, значит, будут. А гадание — штука скользкая — и так можно повернуть и этак».

— Ну что, не передумал жениться? — ласково спросил Сила Гораздович.

— Нет,— озираясь по сторонам, ответил Пряжкин.

Не нравилось ему все это. Очень не нравилось. Особенно не нравилась ухмыляющаяся харя Погремушки, сочувствие в глазах министра градостроения, и нехорошее любопытство на лицах остальных. Сила Гораздович был добр, как Дедушка Мороз под Новый год.

— А ты, душенька, согласна выйти за этого молодца? — обратился он к Наташе.

— Согласна,— ответила та, вцепившись в руку Пряжкина.

— А ведь нельзя тебе за него. Чужая ты нам. Хоть наш хлеб-соль ела, а все равно чужая. Ежели желаешь с моим сподвижником обвенчаться, сначала должна совсем нашей стать. Породниться со всем миром,— он сделал широкий жест рукой.

— Что я должна для этого сделать? — стараясь быть спокойной, спросила Наташа.

— Совсем немного. Самую малость. Три раза вокруг костра обойди, каждому кумиру поклонись в пояс, а Перуну и Ладе жертвы принеси.

— Какие?

— А что не жалко.

— И все?

— Пока все. А потом снова говорить будем. Ступай.

Наташа с мольбой и страхом глянула на Пряжкина, выпустила его руку и медленно подошла к костру.

Первый круг. Второй. Третий. Ничего не случилось.

Продолжая все время оглядываться на Пряжкина, Наташа поравнялась с крайним в шеренге идолом, поклонилась ему и двинулась дальше. Так она постепенно добралась до Перуна. Пряжкин уже хотел крикнуть ей об этом, но его опередил Сила Гораздович.

— Вот он, душенька. Мимо не пройди.

Наташа вновь поклонилась, достала из уха золотую сережку и положила в жертвенную чашу. Ладу она узнала самостоятельно. Хоть та и была топорной работы, но по торчащим вперед грудям и преувеличенно широким бедрам, могла сойти за особу женского пола. Ей Наташа пожертвовала вторую сережку. Затем она почти бегом вернулась на прежнее место и вновь вцепилась в руку Пряжкина. Все происходящее казалось ему жутким сном. В толпе, сгрудившейся позади министров, он попытался отыскать взглядом дружек, певцов и музыкантов, без которых не обходилась ни одна свадьба, но никого не заметил. То есть некоторые из них ошивались среди праздного, полупьяного люда, но вид имели такой, словно явились не на свадьбу, а на травлю медведя. Холодное оцепенение вновь сковало Пряжкина. Он уже понимал, что пропал, но в душе продолжал молить неизвестно кого: «Пронеси! Пронеси! А вдруг все обойдется? Может, поглумятся только и простят? Ведь мы ничего плохого не сделали, ни я, ни она».

— Вижу, душенька, что согласна ты стать нашей сестрой,— сказал Сила Гораздович.— Да вот только наряд на тебе бесовский. Скидывай его в огонь.

Наташа онемела и не шевелилась, но Пряжкин ощущал, как судорожно сжимаются и разжимаются ее пальцы.

— Помочь, может, ей надо! — заржал Погремушкин.— Так это мне не впервой.

— Заткнись, ублюдок,— нежно сказал Сила Гораздович.— Негоже так с невестой говорить. Не трепещи, душенька. Здесь дело божеское творится. Ты перед кумирами должна свою твердость показать. Как же ты в новую жизнь войдешь, если с барахлом старым боишься расстаться? Наши отцы, когда все это начинали, шкуру с себя живьем драли.

— Может, не надо, Сила Гораздович? — опустив глаза попросил Пряжкин.— Всеми богами молю. Огради от позора.

— Никто ее не неволит. Если не хочет, пускай идет себе восвояси. К ночи уже у рубежа, поди будет.

— Сила Гораздович...— снова начал Пряжкин.

— Ладно,— сказала Наташа,— чему быть, того не миновать.

На ходу стягивая шубку, она шагнула к костру. Ком пушистого, никогда не виданного в этих краях меха некоторое время шевелился на поленьях, словно борясь с огнем, а затем разом полыхнул удивительным синеватым пламенем, затрещал искрами, обдал всех стоящих удушливым запахом, совсем не похожим на запах горящей

шерсти. «Бесовство! — закричали в толпе.— Нечистая сила! Ее саму надо в огонь кинуть!»

А Наташа, одним плавным движением вскинув над головой руки, уже стянула с себя свитер и перешагнула через упавшую юбку.

— Гляньте, что она на задницу себя натянула! — взвизгнула какая-то баба.— Не то чулки, не то портки! Скидывай их, стерва!

Спустя минуту на Наташе осталась только застиранная тельняшка, едва прикрывавшая бедра, которую она накануне позаимствовала из гардероба Пряжкина.

— Заголяйся до конца! — крикнул Погремушка.— Нечего братьев и сестер стесняться!

— Народ дело говорит,— согласно кивнул головой Сила Гораздович.— Что же ты, невеста, остановилась?

— Это мое! — Пряжкин подскочил к Наташе и обнял ее, стараясь прикрыть полой тулупа.— Это я ей дал! Это не чужое!

— Тогда другое дело,— сказал Попов.— Тогда шабаш. Конечно, по правилам ее надо было еще остричь, да проверить, нет ли на теле бесовских знаков, но от этого воздержимся. Верим, что ты желаешь остаться среди нас. Но одного твоего желания мало. Надо чтобы и боги тебя возжелали. Взаимно, так сказать. Сейчас станет ясно, по нраву ли ты им, приняли Перун и Лада твои дары.

По его знаку вперед важно выступил министр вероисповедания и, не выпуская петуха, стал прихотливыми узорами рассыпать перед костром пшеничное зерно. Пряжкин в это время почти силой затолкал Наташины ноги в свои валенки, а сам остался стоять на снегу в полуразмотавшихся портянках. Когда он заворачивал девушку в тулуп, та попыталась укусить его. Лицо ее было белей ноябрьского сугроба, а на длинных ресницах замерзли слезы.

— О ты, мудрая птица, посвященная Перуну-Громовержцу, яви нам волю богов,— нараспев произнес министр вероисповедания.— То, что мило кумирам, мило и народу!

С этими словами он довольно бесцеремонно подбросил петуха вверх. Захлопав подрезанными крыльями и недовольно кукарекнув, тот опустился прямо перед пшеничным узором, слегка тронул ближайшее зерно клювом, брезгливо мотнул гребнем и сразу утратил интерес к пище. Старый волхв, кряхтя, присел, и попытался подтолкнуть священную птицу в нужном направлении, но тут же получил весьма болезненный удар по пальцам. Перепуганные зеваки отшатнулись. Послышались голоса: «Плохая примета! Немилость великая! Да убоимся божьего гнева! Детей прячьте, детей! Разгадали кумиры бесовское отродье!»

— Да уж, хуже знамений не бывает.— Сила Гораздович встал и ногой отшвырнул петуха.— Перун все видит. Сознавайтесь, дети мои. Покривили душой? — Не дожидаясь ответа, он протянул к огню красные старческие руки.— С кем вы тягаться вздумали? Да

самый плохонький идол в сто раз мудрее человека. Долго они терпели твои богохульства, Пряжкин, да вот и отомстили.

— Это решение окончательное? — спросил Пряжкин.

— Да.— Теперь Сила Гораздович говорил резко и отрывисто, словно не говорил, а сплевывал.— Не быть вам мужем и женой, не жить ей среди нас. И тебя кара неминуемая ожидает.

— За что?

— За ложь твою. За измену. За богохульство. За то, что бабу-шпионку родине предпочел.

— Она не шпионка!

— Сейчас разберемся. Пусть свидетель доложит.

Из-за спин караульных вышел Пашка, снял шапку, поклонился — сперва богам, потом министрам, солидно откашлялся и начал:

— Значит так. Рассказываю кратко. А то уже окоченели все. Здесь разговор их я слышал. Девахи этой, значит, и сподвижника Пряжкина. Не перебежчица она вовсе, это точно. Но с чем пришла, я доподлинно не понял. На всех, да и тебя, Сила Гораздович, она грязью отборной поливала. Вроде все вокруг нормальные, а мы ненормальные. Твоего батюшку недобрым словом вспомнила. К бегству сподвижника Пряжкина подбивала. Дескать, сразу за рубежом ее братец ждет. На вездеходе каком-то.

— А он что? — спросил Попов, продолжая греть руки у костра.

— Вроде не противился. Подождать только просил. Тут вот в чем загвоздка. Никто ее не ждет сейчас. Мы ее братца вместе с этим вездеходом намедни спалили.— Пашка хохотнул.— Вот такие, значит, пироги.

— Ну а как бы ты сам поступил с этими двоими? С предателем и шпионкой?

— Мое дело маленькое. На то закон есть.

— Подождите,— сказал Пряжкин, чувствуя, что тело Наташи в его руках слабеет и вот-вот готово рухнуть.— Дайте же и мне сказать! Вся ее вина в том, что она хотела посмотреть на нашу жизнь. Но не как шпионка! Просто, как посторонний человек. Не понравилось ей здесь, да. Уйти хотела. Меня уговаривала. Но согласия я не давал. А выдать ее не мог, потому что любил. И сейчас люблю. За любовь меня и накажите. А с другой стороны, замордуете вы меня, кому от этого станет лучше. Кто лучше меня знает военную технику? Если в конце концов дело до крайности дойдет, кто ракету запустит? Да и враг, узнав, что с министром обороны покончено, этим же летом вас раздавит. За все тогда ответите: и за нее, и за меня, и за чучмеков замученных, и за многое другое.

— Вот как ты заговорил! — Попов резко развернулся и вцепился в отвороты своего собственного тулупа.— Вот где ты свое истинное нутро показал! Пригрели змееныша! Пока нас к ответу призовут, сначала ты за все расплатишься!

— Да ничего вы мне не сделаете! Разве что в подпол посадите! Нужен я вам еще!

— Нет, уже не нужен! Есть у тебя наследник! Давно есть. А ты, лопух, об этом и не догадывался.

— Интересно-о-о! Кто бы это мог быть?

— А вот он и есть.— Попов указал пальцем на Пашку.— Твой бывший комендант.

— Он? — потрясенный Пряжкин не знал, что и делать: зарыдать или расхохотаться.— Ну он вам накомандует! Да он же как пень тупой! Только красть да подслушивать умеет.

— Не обижай, начальник,— спокойно сказал Пашка, глядя куда-то в пространство.— Все я умею. Не хуже тебя.

— Все? — вспыхнул Пряжкин.— Ну ответь, что такое эффект Доплера?

— Изменение частоты колебания волн, воспринимаемых наблюдателем, вследствие движения источника волн и наблюдателя относительно друг друга. Используется в радиолокации, в конструкциях радиовзрывателей, в головках наведения ракет, в устройствах селекции движущихся целей... Прав я? Что молчишь, начальник? Дальше хочешь спрашивать? Не стоит. Я возле тебя десять лет провел. Все перенял старательно. И тетрадки секретные нашел, которые твой батюшка оставил. В них тоже много чего интересного имеется.

Этот удар окончательно сразил Пряжкина. В единый миг из всеми уважаемого сподвижника он обратился в ничто,— в бесправного чучмека, в последнего изгоя, в неодушевленный предмет, в золу и пыль. Такие существа, как он, не имели права на пищу и одежду, не имели права на жизнь. Взвыв, он бросился на Пашку, но через пару шагов упал, запутавшись в портянках. На него навалились караульные, а Погремушка ударил поленом по затылку. Пряжкин, напрягая все силы, грыз снег, но не мог сбросить с себя врагов. Пашка, приговаривая себе под нос: «Это ты зря, начальник, зря»,— смиренно расхаживал вблизи. Наконец силы оставили Пряжкина, и он замер, уткнувшись лицом в снег. Приторный запах керосина, исходивший от пшеницы, чуть не заставил его сблевать.

«А петух не дурак,— подумал он.— Не стал эту мерзость клевать. Обманули, гады! Специально все подстроили. Погиб я. Ах, как Наташу жалко...» Пряжкина рывком подняли и, заломив руки, прижали к какому-то идолу. Погремушка с поленом вновь рванулся к нему, но его оттащили в сторону. Одна Наташа, словно окаменев, стояла в стороне, не принимая участия в этом жутком шабаше.

— Ты ступай себе,— сказал ей Сила Гораздович, тяжело дыша, видно, тоже помогал ломать Пряжкина.— Домой ступай. Не нужна ты нам. Если бог ваш или бес какой за тебя заступится, то и дойдешь до рубежа. Только вещички наши верни, валенки и тулуп.

На них ведь штампы соответствующие имеются. Имущество министерства обороны. Чужое брать нехорошо, это ведь ты знаешь. А тельняшечку оставляй, так и быть. Она третьего срока носки.

— Сила Гораздович! — зовопил Погремушка.— Отец родной! Не отпускай девку! Отдай мне! Великими богами молю! Я ее потом сам прикончу!

— Молчи, падаль! — затопал ногами Попов.— Собаками затравлю! А ты иди, голубушка, иди. Поздно уже...

Аккуратно приняв тулуп на сгиб руки, он подобрал валенки, сложил их подошвами, проверяя парность, и удовлетворенно хмыкнул. Наташа, ступая плавно и бесшумно, словно привидение, прошла сквозь толпу, некоторые отшатнулись от нее, как от чумной, некоторые не преминули толкнуть или ущипнуть, остановилась перед Пряжкиным, на краткий миг коснулась ледяными губами его разбитого лица и тут же исчезла в сумерках угасающего дня, в поземке начинающейся метели. Так она и запомнилась ему навсегда: светлая и тихая, почти прозрачная, уже отрешенная от мирской суеты, с неподвижными, подернутыми дымкой смерти глазами.

Назавтра, по предложению вновь назначенного министра обороны, Пряжкин был помилован. Его посадили на цепь в каком-то подвале и оставили без воды и пищи на трое суток.

На утро четвертых к нему явился Пашка, еще более чумазый и опухший, чем всегда, и с ним баба, рябая и плосколицая, как и он.

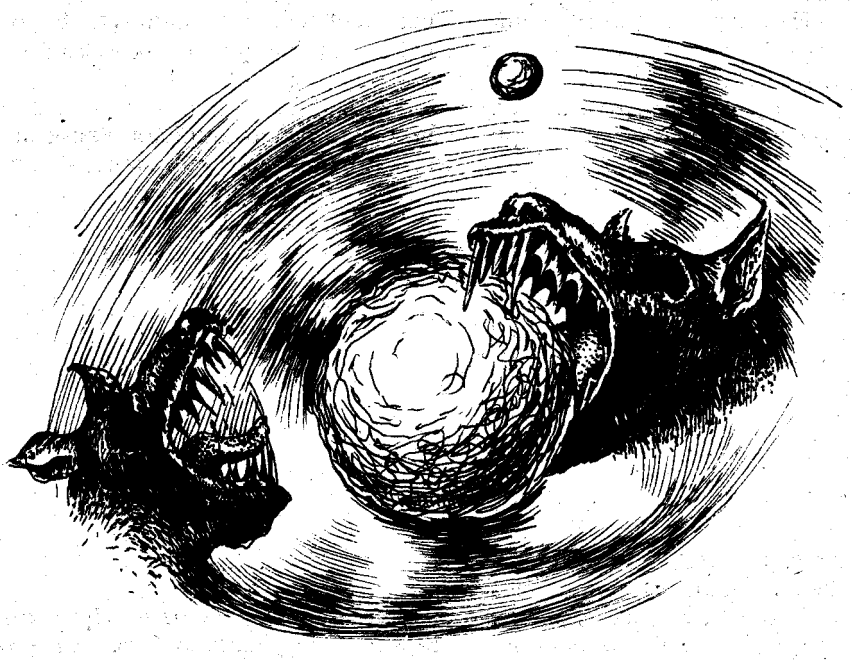
— Вот, начальник, познакомься, мой новый комендант,— сказал Пашка.— Ты у меня тоже при деле будешь состоять. Наследничка моего станешь уму-разуму учить. Мне самому недосуг пока. Военную реформу готовлю. Совместно с Силой Гораздовичем.— Он вытолкал вперед мальчишку лет десяти с исцарапанным носом.— Будешь учить его с прилежанием. Парень способный. Весь в меня. Ну а если что не так, не взыщи. С тебя первого спрошу. Я мужик строгий. Кормить он тебя сам будет. А по праздникам чарку обещаю. От себя лично.

Когда они остались вдвоем, мальчишка вытащил из предназначенной для Пряжкина похлебки мясную кость, старательно обглодал ее, а потом треснул этой костью бывшего министра по лбу.

— Сиди здесь и не рыпайся,— сказал он веско.— А мне в свайки играть пора. Пикнешь батьке обо мне что-нибудь плохое, собачьим дерьмом накормлю. Тоже мне учитель... У нас в кодле любой пацан больше тебя знает.

Уже в сумерках, перебирая толстые звенья своей цепи, Пряжкин с горечью размышлял о том, что в его государстве бывает всего два праздника в год — день рождения Силы Гораздовича и ночь воскрешения Перуна.

РАССКАЗЫ

ПОСЕЛОК НА КРАЮ ГАЛАКТИКИ

Стояло странное лето.

Женщины носили платья, сшитые, словно костюмы средневековых шутов, из разноцветных асимметричных лоскутьев. В июне холодные ливни положили рано вышедшие в трубку хлеба; весь июль бушевали ураганы (явление для этих мест совершенно необычайное), как спички, ломая дубы и вязы, помнившие еще времена Яна Собесского и Карла XII Шведского; в первых числах августа навалилась прямо-таки тропическая жара.

Ходили слухи о всяких знамениях: кровавой росе на лугах, говорящем волке, якобы поселившемся в Курином овраге, крылатом мальчике, родившемся на каком-то отдаленном хуторе. В дачном пруду утонул инструктор по плаванию, водители с многолетним стажем безаварийной работы гробили машины в самых безобидных ситуациях, всем известный борец с безнравственностью дед Трофим был уличен в прелюбодеянии.

Гороскопы и прогнозы Гидрометцентра не обещали людям ничего хорошего.

Участкового инспектора Баловнева все эти события до поры до времени обходили стороной. В положенный срок он получил очередное звание, несколько раз поощрялся в приказе начальника райотдела и был даже представлен к медали «За безупречную службу» третьей степени. (Правда, медаль была не совсем настоящая, ведомственная, и носить ее полагалось ниже всех остальных наград, если бы таковые имелись).

В памятный полдень 13 июля, за несколько минут до того, как на поселок обрушился последний и самый разрушительный из ураганов, он стоял возле колхозного зернохранилища, только что обследованного им на предмет пожарной безопасности. Увидев, что ясный день с неестественной быстротой превращается в мутные сумерки, а с юго-востока, гоня перед собой растерзанные голубиные стаи, валит глухая серо-фиолетовая мгла, Баловнев

вышел из-под защиты стен и, обеими руками придерживая фуражку, смело двинулся навстречу стихии. Заглушая нарастающий вой бури, сзади что-то пушечно треснуло. Это на то место, где он только что стоял, рухнули шиферная кровля и гнилые стропила зернохранилища.

В своем кабинете на опорном пункте правопорядка Баловнев бывал редко — только в приемные часы да еще по утрам, когда звонил в райотдел. До того, как это длинное, как пенал, темноватое помещение досталось участковому, здесь в разное время находили себе пристанище всякие местные учреждения. Но постепенно, по мере укрепления районного бюджета, все они перебрались в солидные новенькие здания, отделанные изнутри полированным деревом и импортным пластиком. О канцелярском прошлом опорного пункта напоминал теперь лишь неистребимый запах пыльных бумаг, холодного сигаретного пепла и штемпельной краски, да брошенная кем-то за ненадобностью пишущая машинка «Олимпия» — судя по внешнему виду, трофей первой мировой войны.

Баловнев истребил тараканов, оклеил стены веселенькими обоями и украсил подоконник цветочными горшками. Общую картину дополняли: еще вполне приличный письменный стол, дюжина разномастных стульев, несгораемый сейф, сорокалитровый бидон с самогоном, оставленный здесь в ожидании результатов лабораторных анализов (Баловнев подозревал, что на его изготовление пошел мешок семенной пшеницы, украденной еще в конце зимы), и фанерный ящик с картотекой, содержащей сведения о пьяницах, семейных скандалистах и других лицах, склонных к антиобщественным поступкам. Пустовало лишь отделение для учета женщин легкого поведения, да и то не из-за отсутствия таковых, а исключительно по причине врожденной деликатности Баловнева. Картотека была заведена года два тому назад перед приездом какой-то комиссии, и с тех пор участковый ни разу в нее не заглядывал.

Всех пьяниц, жуликов и дебоширов на подведомственной ему территории он успел изучить настолько досконально, что в любой час суток почти безошибочно мог угадать, где каждый из них находится, чем занимается в данный момент и что намерен предпринять в ближайшие час-два.

Без пяти девять Баловнев набрал номер дежурного по райотделу.

— Доброе утро, Владимир Николаевич,— сказал он, заранее улыбаясь.— Происшествие у меня...

— Подожди, подожди, сейчас запишу,— послышался в трубке взволнованный голос капитана Фомченко. Ему оставалось всего несколько месяцев до пенсии, и он в последнее время перестал пить даже пиво, иногда гладил брюки и от каждого телефонного звонка ожидал какой-нибудь неприятности.

— Да ничего страшного. Не суетитесь. Приплод у моей суки. Могу одного щенка оставить. Будешь на пенсии зайцев гонять.

— Тьфу ты! Инопланетянн! Толком докладывай, какая обстановка на участке?

— Все нормально. Ко мне есть что-нибудь?

— Два заявления лежат.

— В четверг заберу. Ну, всего доброго.

Закончив утренние формальности, он достал из нижнего ящика письменного стола общую тетрадь, на обложке которой было написано: «Журнал наблюдений», и внимательно прочитал последнюю запись: «27 августа. 18.30. С расстояния примерно 1 км наблюдал псевдочеловека, который двигался через колхозный сад в направлении маслозавода. Вышел из зоны наблюдения в 18. 35. Дальнейший маршрут определить не удалось».

Подумав немного, Баловнев дописал:

«Находившийся вместе со мной дружинник Зезеко А. И., по его словам, ничего подозрительного не заметил».

После подвальной прохлады кабинета особенно тяжело было окунаться в сухой и пыльный уличный зной.

Солнечные блики, отражавшиеся от облезлого шпиля костела (ныне музыкальная школа) и жестяной крыши водонапорной башни, слепили глаза. На заборах сушилась скошенная картофельная ботва, куры разгребали грядки, освобожденные от лука и огурцов, под кустом крыжовника дремал здоровенный разомлевший котище. Возле рябины стоял седенький дед с мешком в руках, на дереве сидели его белобрысые внуки.

— Доброго здоровьица вам,— поздоровался дедок.— Злая зима будет — вишь, как рано ягода поспела. По двадцать копеек за кило принимают.

Что-то капнуло Баловневу на нос. Он провел ладонью по лицу и понял, что это его собственный пот, стекавший со лба по козырьку фуражки.

— Ветки только не ломайте,— сказал он.— Да не выбирайте всю ягоду подчистую. Птицам тоже клевать что-то нужно.

В отделении связи не было ни единого посетителя. За деревянным барьером сидела худенькая остроносая женщина. Увидев участкового, она стала лицом белее своих конвертов. Баловнев сдержанно поздоровался, взял чистый телеграфный бланк и принялся заполнять его следующим текстом:

«Москва, Президиум Академии наук. Срочно прошу выслать авторитетную комиссию для выяснения природы загадочных человекообразных существ...»

— Валерий Михайлович,— сказала почтовая барышня, обреченно глядя куда-то в пространство,— не буду я этого передавать. Что хотите со мной делайте — не буду. В первый раз, когда вы такое написали, аппарат сломался. В другой раз — электричество на целый день пропало, а дизелист наш пьяным оказался. Хотя до этого в рот не брал. А в прошлом месяце, помните, я уже печатать начала, когда про Витеньку моего из больницы сообщили. — Она всхлипнула.— Только-только выписался... Простите, Валерий Михайлович...

Баловнев сложил телеграмму вчетверо и спрятал в нагрудный карман. Спорить и доказывать что-то он не собирался. По лицу телеграфистки было видно, что она находится на грани истерики.

— Извините,— пробормотал он.— Может, когда в другой раз зайду.

В приемной поселкового Совета стрекотала пишущая машинка, и уже по одному звуку — дробному и энергичному, как сигнал «Общий сбор»,— можно было догадаться, что работает на ней виртуоз копирок и клавишей.

Секретарша Яня свою работу знала, с посетителями была неизменно вежлива, а если убегала в магазин или парикмахерскую, то никогда не забывала отпроситься. Единственным недостатком Яни было то, что сам факт ее присутствия совершенно размагничивал посетителей поссовета — суровых, измученных руководящей работой и материальной ответственностью мужчин. Всякие проблемы с планом, запчастями и топливом сразу вылетали у них из головы. Глядя на Яню, хотелось вспоминать молодость, совершать опрометчивые поступки и декламировать Есенина.

— Здравствуйте, Янечка,— сказал Баловнев, кивая на обитую коричневым дерматином дверь председательского кабинета.— У себя?

— Только что пришел. Заходите.— От Яниной улыбки вполне можно было сойти с ума, но Баловнев догадывался, что улыбка эта никому персонально не предназначена и носит, так сказать, чисто служебный характер.

Окна кабинета были еще плотно зашторены. Председатель — мужик молодой и быстрый в движениях, с институтским значком на лацкане вельветового пиджака — разговаривал по телефону. Придерживая трубку левой рукой, он правой строчил какую-то бумагу. Вторая трубка, снятая с рычагов, лежала рядом и что-то неразборчиво бормотала.

Не прерывая своего занятия, он указал Баловневу на свободное кресло. Телефонный разговор состоял почти из одних междометий:

— Да... Да... Хорошо... Ого!.. Нет... Обеспечим... Да... Нет... Нет... Решим... В кратчайший срок!.. Да... Нет... Да... Приму меры... Да...

Нет... Возьму под контроль... Да... Нет... Конечно... Сложные климатические условия... Да... Обложные дожди...— Машинально глянув на шторы, сквозь которые пробивались горячие, ослепительные, почти лазерные лучи, он спохватился: — Говорю, кончились дожди!.. Сушь!.. Зерно в валках пересыхает... Нет... Обязательно... И вам всего доброго! — Рука его еще не донесла трубку до аппарата, а взор уже обратился на Баловнева.

— Что же ты, дорогой, делаешь? Весь район хочешь без транспорта оставить? Уборочная в разгаре! Сколько человек вчера прав лишил?

— Я не лишаю. На это административная комиссия имеется.

— Комиссия! Молодой ты, а по старинке работаешь! Веяний времени не ощущаешь! Людей не наказывать надо, а воспитывать... Ты по делу ко мне? Тогда пойдем. По дороге все изложишь. Времени, понимаешь, ни минутки!..

— Я к вам по такому вопросу...— начал Баловнев, едва поспевая за председателем.

— Ты только посмотри! — прервал его тот.— Улица бурьяном заросла! Мусор на проезжую часть высыпают! Чтоб сегодня же на всех нарушителей протоколы были за антисанитарию! Не смотришь за своим хозяйством, Михайлович!

— Хозяйство наше общее. За порядком на улице и вы можете проследить. Мое дело, чтобы пьяницы на заборах не висели.

— Шиманович! — закричал председатель в чье-то раскрытое окно.— Привезли вам дрова?

— Спасибо, родимый,— донесся из-за занавески старческий голос.— Только я березы просила, а мне осины отвалили.

— Не выросла еще, значит, береза... Так что там за дело у тебя?

— Я вам уже говорил однажды. Ну, про этих... подозрительных... которые под людей маскируются. Не наши, в общем...

— Ну да! Шпионы иностранные! Рецепт бутербродного масла хотят выкрасть. Почему, кроме тебя, их никто не видит?

— В том и загвоздка. Надо, чтобы вы от своего имени в высшие инстанции обратились.

— Но ведь приезжала к тебе комиссия! Доктор наук даже был.

— А-а,— Баловнев безнадежно махнул рукой.— С комиссией тоже ерунда получилась. Не успели чемоданы распаковать, как все гриппом заболели. Да еще в тяжелой форме.

— Слушай, Михайлович, я по убеждению материалист. Привык своим глазам верить. Ничего такого, о чем ты говоришь, не замечал. Посмешищем быть не хочу и тебе не советую. Ты инопланетян ловишь, а в поселке другие чудеса творятся. Калитки ночью снимают. Самогон появился. Притон в каком-то доме устроили. Командированных обдирают в карты.

— Факты эти мне известны. К калиткам, кстати, ваш племяш Витька причастен. Самогонщиков я накрыл. И с притоном разберусь. Ниточка есть. Хотя в этом вопросе и ваша помощь потребуется.

— Когда я отказывался! Так говоришь — Витька? Надеру уши сопляку! Да, вот еще что! Чуть не забыл. Звонили из отдела культуры. Завтра лектор к нам приезжает. Писатель-фантаст. Ты вечерком загляни в клуб. Насчет порядка поинтересуйся... и вообще... спроси совета. Ему всякие чудеса — хлеб насущный. Уж он-то разглядит. Было бы что! Фамилию я на бумажке записал. На вот, возьми.

— Не обещаю,— сказала заведующая библиотекой,— хотя произведения этого писателя в нашем фонде есть. Но на фантастику сейчас такой спрос!

Однако вопреки ее опасениям толстая, как пачка стирального порошка, книга оказалась на месте. Судя по незатертой обложке, бестселлером у местных читателей она не слыла.

Придя вечером домой, Баловнев наспех перекусил и засел за чтение с такой же добросовестностью, как если бы перед ним был уголовно-процессуальный кодекс или сборник нормативных актов. К любому печатному слову он питал уважение с детства, и если встречал, к примеру, в каком-нибудь рассказе фразу: «В его рту тускло сверкнул золотой зуб», то сразу понимал, что речь, несомненно, идет о мерзавце.

Книга повествовала о том, как профессор Сибирцев, космонавт Волгин, девушка Валя, пионер Петя и собачка Тузик отправились в путешествие к планете Плутон. Поводом для экспедиции явилось смелое предположение профессора, что всем известный храм Василия Блаженного является ни чем иным, как памятником, оставленным на Земле инопланетной цивилизацией (восемь периферийных куполов — планеты, девятый, центральный — Солнце, а поскольку одного купола-планеты недостает, им может быть только таинственный Плутон, попавший в пределы Солнечной системы никак не раньше двадцатого века). В пути отважные звездоплаватели совершили множество замечательных открытий, а со встречного астероида сняли малосимпатичного гражданина неопределенного возраста. Как выяснилось впоследствии, это был диверсант из заморской страны Бизнесонии и, одновременно, секретный агент кибернетических феодалов с планеты Элц. Воспылав черной страстью к чистой девушке Вале, он тут же принялся творить всякие зловредные козни, однако стараниями пионера Пети и песика Тузика был разоблачен в середине третьей части. Роман заканчивался тем, что электронные тираны с планеты Элц потерпели сокрушительное

поражение, профессор Сибирцев блестяще доказал все свои гипотезы, космонавт Волгин и девушка Валя сочетались законным браком, а пионер Петя без троек закончил пятый класс (хотя согласно теории относительности, должен был отстать от своих одноклассников по меньшей мере лет на десять).

Баловневу книга понравилась простотой языка, увлекательностью интриги и глубоким раскрытием характеров всех персонажей, в том числе и песика Тузика. Абзацы, где речь шла о гравитационном распаде, антиматерии, кривизне пространства-времени и электронно-мезонных полях, он пропустил.

Следующий день Баловнев начал с обхода криминогенных точек, главной из которых числилась рыночная площадь. Посреди нее торчали два однотипных кирпичных здания, лишенные каких-либо архитектурных излишеств — пивной бар и вино-водочный магазин (по местному — спиртцентр). По случаю небазарного дня торговля шла вяло. Несколько истомленных жарой старух брызгали водой на букеты пышных гладиолусов, да инвалид Ваня Шлепнога предлагал ходовой товар — березовые метлы.

Пока Баловнев неторопливо шел по горячему, неровно уложенному асфальту, в пивном баре успели навести порядок: наспех протерли мокрой тряпкой пол, прибрали из-под столов пустые бутылки и спрятали на складе вечно пьяного грузчика Кольку.

В баре пахло кислым пивом и дезинфекцией. С потолка свисали кованые модерновые светильники и усеянные мухами липучки. Кроме пива, здесь торговали на розлив слабеньким красным вином «Вечерний звон», которое местные острословы переименовали в «Вечный зов».

За стойкой гремела бокалами крупная, как телка симментальской породы, девица в криво напяленном фиолетовом парике — буфетчица Анюта. В поселке она была известна своей фантастической жадностью. «За копейку жабу сожрет»,— говорили о ней. Лицевые мышцы Анюты давным-давно утратили способность следовать за движениями души и могли приобретать лишь три выражения: холодное презрение, сатанинский гнев и липкое подобострастие.

В данный момент на ее лице имело место выражение номер три средней степени интенсивности. Баловнев поздоровался, глянул по сторонам, а затем, будто невзначай, провел пальцем по сухому подносу, над которым была укреплена табличка «Место отстоя пива». Буфетчица, без слов поняв его, затараторила:

— Мужики прямо из рук бокалы рвут. Своей же пользы не понимают. Я уж им говорю, говорю...

— М-да,— словно соглашаясь, промолвил Баловнев.

Он знал об Анюте не так уж мало, но главная их схватка была впереди. Оба они прекрасно понимали это, а сейчас вели почти светский, ни к чему не обязывающий разговор, словно дипломаты двух противоборствующих держав накануне неизбежного конфликта.

— Может, кружечку холодненького, Валерий Михайлович?

— Да нет, спасибо,— Баловнев сглотнул тягучую слюну.

Он снял фуражку и вытер платком лоб. Делал он все это не спеша и обстоятельно, что, в общем-то, не соответствовало его живому характеру. Совершенно бессознательно Баловнев подражал манерам давно ушедшего на пенсию участкового Фомченко, того самого, у которого он принял участок. Тощий и длинный Фомченко любил иногда постоять вот так где-нибудь в людном месте, утирая платком бледную лысину и тихо улыбаясь. И под этим добрым ясным взглядом люди, ни разу в жизни не воровавшие комбикорм, не распивавшие спирного в неположенных местах и никогда не нарушавшие паспортный режим, растерянно вставали и, бормоча несвязные извинения, устремлялись к выходу.

— Слушай, Анна Казимировна,— начал Баловнев.— Ты всех своих клиентов знаешь. Может, кто посторонний заходил? Такой... странного вида... будто не совсем нормальный?

— Да тут все ненормальные. А по сторонам мне глазеть некогда. Народ такой пошел, что не зазеваешься. Вчера старый гривенник хотели всучить, ироды!

Едва выйдя на крыльцо, он сразу же ощутил тревожное и томительное чувство, от которого кровь начинала стучать в висках и пересыхало во рту. Сколько Баловнев помнил себя, это острое, почти болезненное ощущение всегда сопровождало его в жизни, помогая в детстве успешно ускользнуть от готовящейся головомойки, позже — в школе и техникуме — предугадывать коварные замыслы преподавателей относительно его особы, а потом, уже в милиции — безошибочно находить в толпе человека, меньше всего такой встречи желавшего.

Баловневу неудобно было смотреть против солнца, но очень скоро он определил место, из которого могла исходить опасность, и с осторожностью охотящейся кошки двинулся в том направлении.

Кучка хорошо известных ему пьянчуг покуривала за штабелем пустых ящиков, обсуждая свои нехитрые делишки, а немного в стороне от них, там, где начиналась спускавшаяся в Куриный овраг тропинка, маячила еще какая-то фигура, с виду почти неотличимая от обычных завсегдатаев этого места, но для Баловнева не менее загадочная, чем Брокенский призрак для средневековых саксонских крестьян.

Даже издали была заметна неестественная посадка головы, нечеловечески прямая спина и негнущиеся, чугунные складки

одежды, составлявшей как бы единое целое с владельцем. Однако никто из присутствующих особого внимания на странное существо не обращал, что, в общем-то, было характерным для этой среды, все мысли и побуждения которой замыкались в узком круге проблем: на что выпить, с кем добавить и как потом опохмелиться. Заметив приближающегося участкового, они без лишней суеты — по одному, по двое — стали рассеиваться в разные стороны. На месте остался только известный хулиган и пьяница по кличке Леший, неоднократно судимый и не боявшийся ни бога, ни черта.

— Прохлаждаешься, Лешков? — спросил Баловнев, глядя туда, где только что маячило несуразное и зловещее чучело.

— Отгул взял, гражданин начальник,— дерзко ответил Леший.— За ударный труд.

— А пьешь на что? Ты зарплату в этом месяце не получал.

— На свои пью, не ворую.

— Кто это был тут с вами?

— Не знаю. В стукачи к тебе еще не записывался.

Преследовать «чужинца» — так издавна называли в этих краях всех, кто приходил не с добром (и так мысленно нарек эту нелюдь Баловнев) — не имело смысла. В густо заросшем бузиной, диким шиповником и лопухами овраге могла скрытно сосредоточиться пехотная рота, и искать там кого-нибудь в летнее время было то же самое, что вычерпывать решетом воду. Приходилось довольствоваться малым.

— Пойдешь со мной, Лешков. Давно пора на тебя акт за пьянку составить...

В клуб на лекцию собралось человек тридцать, в основном члены местного общества книголюбов, билеты которым были навязаны в качестве приложения к двухтомнику Михаила Зощенко, да активисты клуба любителей фантастики «Дюза», ради такого случая нагрянувшие из областного центра. Эти последние сразу же вызвали у Баловнева искреннюю и глубокую жалость, которую он испытывал ко всем людям, помешанным на какой-нибудь одной идее, будь то филателия, футбол, бабы или изобретение вечного двигателя... Были здесь немолодые экзальтированные девицы, искавшие в клубе суррогат семейного счастья, были бородатые мальчики богемного вида, был даже один вполне приличного облика гражданин, в прошлом передовик производства и член месткома, утративший доверие коллектива после того, как страстно увлекся фантастикой. Почти все они сжимали в руках папки с романами собственного сочинения, отличавшимися от опуса мэтра только тем, что пионера звали не Петя, а Митя, а собачку не Тузиком, а Дружком. Лишь наиболее смелые из авторов решились вместо космонавта Волгина отправить в полет человекообразного робота В 44-25 МБ, и девушке Вале не осталось ничего другого, как изли-

вать свои нежные чувства на престарелого профессора, который по этой причине все время пил дистиллированную воду и надтреснутым голосом пел, запершись в лаборатории: «Почему ты мне не встретилась, юная, нежная, в те года мои далекие...»

Сам писатель — очень хорошо упитанный мужчина с козлиной бородкой и благостным выражением лица — в это время доедал бутерброд, сидя вполоборота к залу. Сие, очевидно, должно было означать, что, целиком занятый титаническим трудом по пропаганде идеи скорого и неизбежного контакта с внеземной цивилизацией, он не имеет даже возможности регулярно питаться. Первые слова гостя, после того, как он вытер пухлые губы и взошел на трибуну, были таковы:

— Что-то... кхе-кхе... негусто в зале. Когда я эту лекцию в Сарапуле читал, желающие на футбольном поле не уместились. Но тем не менее — приступим.

Хотя Баловнев все полтора часа добросовестно напрягал внимание, лекция прошла как бы мимо его сознания. Ухватить ее смысл было так же трудно, как голой рукой поймать угря. Речь шла об Атлантиде, египетских пирамидах, календаре майя, парапсихологии, Бермудском треугольнике, реликтовом излучении и многом другом. Факты были перемешаны с малоубедительными гипотезами, путаными показаниями очевидцев и всякими вольными домыслами. Публика ахала, охала и под конец разразилась рукоплесканиями, как будто это сам лектор присутствовал при высадке инопланетян в бразильской сельве и вежливо здоровался с их предводителем за переднюю конечность.

Когда наступило время задавать вопросы, таковых почти не оказалось. Местные книголюбы молчали, подавленные известиями о скором прибытии на Землю летающих тарелочек с зелеными человечками (Баловнев даже предположил, что завтра в магазинах может начаться соляной, спичечный и керосиновый бум), а доморощенных фантастов интересовали главным образом секреты литературного процесса да возможный размер гонораров.

Инженера душ человеческих ожидала койка в восьмиместном номере поселковой гостиницы, все коммунальные удобства которой располагались на заднем дворе, среди дремучих зарослей бурьяна. Поэтому он довольно быстро согласился переночевать и отужинать в домашней обстановке.

Угощение, выставленное Баловневым, было хоть и незамысловатым, но питательным и обильным: ветчина трех сортов, домашняя колбаса, маринованные грибы, картошка жареная со свиными шкварками и целый тазик крупно накрошенных помидоров. Заранее приготовленную бутылку коньяка Баловнев на стол не выставил, опасаясь негативной реакции гостя.

— Один живете? — спросил писатель, внимательно осмотрев кривую алюминиевую вилку.

— Один.

— Нда-а...

— Может быть, по сто грамм для знакомства? — предложил Баловнев, видя, что застольная беседа не клеится.

— Ну что же, не откажусь,— легко дал уговорить себя писатель.

— Что новенького пишете? — спросил Баловнев после второй рюмки.

— Организационная работа, знаете ли, отнимает уйму времени. Да и темы хорошей нет.

— Есть тема,— внутренне холодея, сказал Баловнев.

— Что вы говорите? — снисходительно улыбнулся гость.— Тоже фантастикой балуетесь?

— Нет. Тема из жизни. Понимаете, бродят по Земле какие-то странные... ну, не то люди, не то нет. Инопланетяне, одним словом. Человеческий облик у них — одна видимость. Голова редькой. Бывает, что и носа нет. Одежда, вроде как шкура у зверя, приросла к ним. Но, что самое интересное, никто их, кроме меня, не видит. Я уже и письма в разные научные учреждения писал, и телеграммы за свой счет давал.

Заметив, что гость не ест, хотя тарелка перед ним полна, Баловнев торопливо разлил по рюмкам остатки коньяка.

— Ваше здоровье!

— Ну, и что же? — без особого интереса спросил писатель, опорожнив рюмку.

— Были комиссии. Приезжали. И опять чертовщина. То все поголовно гриппом заболеют, то мимо нашей станции проедут. А если кто и был — тоже впустую. Сколько ни ходим, никого не встречаем. А только уедут, эти твари тут как тут. Изо всех щелей лезут.

— Тема неплохая. Хотя что-то похожее уже было. У Шекли, кажется, а может, у Саймака.

— Да я вам истинную правду говорю! Мне совет нужен — как дальше быть. Что-то здесь нечисто.

— Вопрос непростой,— гость словно невзначай зацепил вилкой пустую бутылку.— Тут разговор долгий может получиться.

Магазин был давно закрыт, а занимать спиртное у соседей не хотелось. Баловнев извинился, завернул в газету литровую банку и побежал на опорный пункт.

— Местного производства,— сказал он, вернувшись.— Есть еще несознательные элементы. Переводят продукты питания на всякие непотребные цели.

— Я бы сказал, вполне приличная вещь,— сообщил гость,

произведя дегустацию.— Чем-то напоминает шотландское виски. Сюда бы еще пару капель бальзама...

После этого он принялся подробно излагать историю винокурения на Руси, начиная со времен Владимира Красное Солнышко. Разговор о инопланетянах удалось возобновить только после шестой рюмки.

— Так, значит, кроме вас их никто не видит? — хитровато прищурясь, спросил писатель. — Стран-н-но.

— Еще бы не странно. Ну, если бы только один раз — могло и померещиться. Но видеть их каждый день...

— А тень у них имеется?

— Имеется.

— Значит, не черти!.. За это и выпьем!

Писатель нетвердой рукой нацелил вилку в гриб, уронил его на пол и стал сбивчиво объяснять, как несправедлива к нему критика и какие прожженные бюрократы засели в редакциях и издательствах. В конце концов он принял Баловнева за гостиничного администратора и фальцетом заявил:

— Мне «люкс» с видом на горы! Снимите с брони, вам говорят!

— Пошли,— сказал Баловнев, подхватывая гостя под мышки. — «Люкс», не сомневайся. Только с видом на сарай.

Рано утром, пока гость еще почивал, наполняя дом громоподобным храпом, Баловнев в присутствии двух заспанных сторожей, приглашенных в качестве понятых, вылил весь самогон в выгребную яму и оформил протокол по надлежащей форме. Сторожа, хорошо знавшие своего участкового, даже не пробовали отговорить его от этого кощунственного мероприятия, а лишь осуждающе трясли головами и печально вздыхали.

Затем он вернулся в дом и, используя свой богатый профессиональный опыт, принялся будить писателя. В конце концов суровый массаж ушей и ватка с нашатырным спиртом возымели свое действие — стеная и болезненно морщась, гость оделся. По пути на вокзал Баловнев снова заикнулся о своем деле.

— Вы это серьезно? — писатель остановился.

— Вполне. Чего ради мне вас разыгрывать?

— Да, да, я понимаю,— в голосе писателя послышались заискивающие нотки, свойственные людям, вынужденным помимо своей воли общаться с буйнопомешанными.— Только что же вам посоветовать... Случай, знаете ли, уникальный...

— А может, останетесь на пару деньков? Вместе попробуем разобраться.

— Нет, нет! — писатель испуганно оглянулся по сторонам,

словно ища путь к спасению.— У меня поезд скоро... Меня в других местах ждут...

— Извините.— Внезапно Баловнев потерял интерес к разговору.— Спасибо за лекцию.

— Бред все это,— слабым голосом сказал писатель. От его вчерашней энергии не осталось и следа.— Чепуха и дезинформация. Только вы ничего этого близко к сердцу не принимайте. Никто к нам не прилетит. Пуста Вселенная. Авторитетно вам заявляю. Спасибо за гостеприимство.

— Счастливо доехать,— сказал Баловнев, глядя в спину удаляющегося в станционный буфет писателя. Он хотел добавить, что спиртное там не подают, а пиво на этой неделе еще не завезли, но почему-то передумал.

До райцентра Баловнев добрался самым быстрым и удобным транспортом — попутным молоковозом.

В отделе милиции шла обычная утренняя суета: дежурный наряд сдавал смену, клиентов медвытрезвителя вели на разбор к начальству, в приемной толкались ранние посетители — в основном жены, накануне обиженные мужьями. Административно арестованные заканчивали уборку улицы. Ровно в девять началась «пятиминутка».

Лицо начальника имело нездоровый, землистый оттенок. Он непрерывно курил, зажигая одну сигарету за другой. Говорил короткими, точными, почти афористическими фразами, часто шутил, не улыбаясь. По правую руку от него сидел новый, только что назначенный заместитель — молодой, но уже начавший лысеть со лба капитан. Стоило начальнику умолкнуть, как он тут же старался вставить свое слово. При этом он торопился, не всегда улавливал суть дела и резал общими фразами. Когда начальнику это надоедало, он, словно защищаясь, поднимал руку с растопыренными пальцами и миролюбиво говорил:

— Ты подожди, подожди...

Неизвестно почему Баловневу вдруг припомнилась виденная им однажды сцена травли волка и то, как молодой, еще глупый пес истерично лаял из-за плеча спокойно сосредоточенного волкодава. «Да,— подумал он,— трудновато будет без Антона Мироновича».

— Вопросы есть? — спросил начальник.— Нет? Тогда идите. И не забывайте, что на нашей территории может появиться вооруженный преступник Селезнев, совершивший убийство в соседнем районе. Так что максимум внимания и осторожности. Все... Баловнев, задержитесь.

Минут десять начальник подписывал рапорта, отдавал распо-

ряжения по селектору, ставил печати на паспорта, и все это время Баловнев мучительно пытался вспомнить, не водится ли за ним какой-нибудь грешок. Антон Миронович никого к себе по пустякам не вызывал.

— Ну, как обстановка на участке? — наконец спросил начальник.

— Все нормально.

— Зерновые убрали?

— Процентов на девяносто.

— Хищений не было?

— Нет. На каждом зернотоке сторож. Сам каждую ночь проверял. Да и председатель не спит.

— Ну, а эта... нечистая сила твоя?

— Без сдвигов,— вздохнул Баловнев.— Нечистая сила имеется.

— Послушай, Баловнев. По службе к тебе претензий нет. На участке порядок, раскрываемость хорошая, личные показатели неплохие. Работник ты, в общем, толковый. Но фантазии твои... пока так скажем... всю картину портят. Знаешь, как тебя люди зовут?

— Знаю. Инопланетянин.

— Вот-вот! Недавно я в отделе кадров вел разговор о тебе. Относительно выдвижения на оперативную работу. Зональный инспектор выслушал меня и говорит: «А-а, это тот, у которого черти на участке...» И больше ничего не сказал. Понял теперь?

— Понял, товарищ майор. Только черти не понимают. Да и не черти они вовсе.

— А кто?

— Пришельцы. Из космоса.

— Сомневаться в тебе я не имею причин. Но пойми, все против тебя. Вопросом этим авторитетные люди занимались. Не подтвердились сигналы. В глупое положение себя ставишь. Подумай хорошенько. Разберись. Может, все же люди они? Геологи какие-нибудь или туристы. Это раньше, если командированный из Минска приезжал, на него, как на дрессированного удава, сбегались смотреть. Теперь кого только нет в районе. Шабашники из Средней Азии приезжают. Иностранные студенты свинокомплекс строят. У дочки заврайоно в прошлом году негритенок родился.

— Нет. Не люди они. Голову даю на отсечение. Хотя людьми и прикидываются.

— Ты документы у них спрашивал?

— С хорьком легче беседовать, чем с кем-нибудь из них. Не успеешь рта раскрыть, а его уже и след простыл.

— Что — быстро бегают?

— Да нет. Еле ходят. Как медведи в цирке. Но не поймаешь. Объяснить это я не могу.

— Фотографировать пробовал?

— Пробовал. Ничего не вышло. То пленка бракованная, то проявитель не тот, то еще что-нибудь.

В это время в дверь постучали. Вошел дежурный с листком бумаги в руках.

— Позвонили с железнодорожной станции,— доложил он.— У одной гражданки сумочку похитили. С деньгами. Желтого цвета, из искусственной кожи, на длинном ремне.

— Вызови ко мне кого-нибудь из уголовного розыска,— сказал начальник.— Ты, Баловнев, можешь идти. Подумай хорошенько над моими словами. Да и постричься тебе надо. Что это за кудри!

В единственном кресле маленькой парикмахерской девчонка-практикантка возилась с заросшим, как Робинзон Крузо, рыжим верзилой. Баловнев повесил фуражку на крюк и принялся дожидаться своей очереди.

Минут через пять ножницы перестали щелкать, и девчонка, критически осмотрев свое творение, похожее на растрепанное сорочье гнездо, ледяным голосом осведомилась:

— Освежить?

Не дожидаясь ответа, она сдернула с клиента простыню и энергично встряхнула ее. Однако счастливый обладатель соломенных лохм не спешил покидать кресло. Баловневу пришлось встать и легонько похлопать его по лицу. Парень при этом вздрогнул, как от электрического удара. Обреченно закрыв глаза, он пытался засунуть что-то себе под рубашку. На его коленях, словно змея, извивался тонкий желтый ремешок.

Возня с железнодорожным воришкой растянулась почти до обеда. Вернувшись в поселок, Баловнев сразу пошел в поликлинику. Главврач, сидя в терапевтическом кресле, царапал что-то авторучкой в амбулаторных картах, кучей наваленных перед ним на столе. Возраст его невозможно было определить на глаз. Он лечил еще бабушку Баловнева, а ему самому вправлял в детстве грыжу. Главврач постоянно выступал в клубе с беседами на медицинские и политические темы, больше всех в поселке выписывал газет и журналов и слыл непререкаемым авторитетом почти во всех житейских и метафизических вопросах.

— Заболел? — спросил врач.

— Да вроде нет. Интересуюсь, может ли медицина определить, нормальный человек или слегка того... — Баловнев покрутил пальцем у виска.

— Может. Кого осмотреть?

— Меня.

— Сам пришел или начальство прислало?

— Сам.

— Если сам, это уже хорошо. Садись,— врач указал на покрытую клеенкой кушетку..— Нога на ногу...

Он долго стучал молоточком по коленным чашечкам Баловнева, мял его мышцы, заглядывал в глаза и водил тем же молоточком перед носом. Потом заставил снять рубашку и лечь. Чиркая холодной рукояткой молоточка по животу Баловнева, он спросил:

— Травмы черепа имелись?

— Дырок вроде нет. А так — попадало.

— Душевнобольные среди родственников были?

— Точно не скажу. Прадед по отцу, говорят, на старости лет мусульманство принял. Хотел даже гарем завести, да люди не дали.

— Какое сегодня число?

Баловнев открыл уже рот, чтобы ответить, но тут почти с ужасом понял, что совершенно не помнит сегодняшнюю дату. Он точно знал, что нынче четверг, что со дня получки прошло восемь дней, но вот само число каким-то непостижимым образом совершенно выпало из памяти. Пока Баловнев лихорадочно искал ответ, доктор задал второй вопрос:

— Сколько будет семью восемь?

— Тридцать,— брякнул Баловнев, в голове которого уже совершенно перепутались календарь и таблица умножения.

— Так-с,— констатировал врач.— Психически ты, безусловно, здоров. Но вот нервишки пошаливают. Сейчас я тебе рецептик выпишу.

— Скажите, а галлюцинации от этого могут быть? Видения всякие?

— Например?

— Ну, такое вижу, что никто больше не видит.

— До Архимеда тоже никто не видел, что на тело, погруженное в жидкость, что-то там действует...— спокойно сказал врач, заполняя бланк рецепта.

— Меня из-за этого все за дурака считают.

— Не обращай внимания. Циолковского тоже в свое время многие за дурака принимали. Да и не его одного... А что ты, кстати, видишь?

— Таких... вроде бы людей. Но не люди они — точно знаю. И не к добру они здесь.

— Вот это принимай три раза в день. После еды. Чаще гуляй на свежем воздухе. Больше спи.

— Не спится что-то. Раньше двух часов ночи уснуть не могу. Сова я.

— Ты не сова. Сова птица дурная и жадная. Ты, скорее все-

го — пес. Только не обижайся. Это в том смысле, что сторож и защитник. Ну, что бы все мы, бараны да овцы, без псов делали? Волкам бы на обед достались. Хорошая собака, заметь, по ночам почти не спит. Уже потом, со светом, придремлет чуток. С древнейших времен между людьми разделение пошло. По-нынешнему говоря, специализация. Пока одни у костра дрыхли, другие их сторожили. Может, ты и есть потомок тех самых сторожей. Отсюда и галлюцинации. Не спишь, волнуешься за нас, бестолковых, беду караулишь. Зазорного тут ничего нет. Собаки тоже, бывает, лают впустую, приняв за вора случайную тень. Лучше лишний раз поднять тревогу, чем проворонить смертного врага. Кстати, видения и голоса всякие были у многих великих. Вспомни хоть бы Жанну д'Арк. И Сократ всю жизнь следовал внутреннему голосу. Про библейских пророков я уже и не говорю, а ведь все они, согласно науке, вроде бы реально существовали. Душа иногда куда зорче глаз бывает. Если во что-то верить фанатично, об этом все время думать, многое можно увидеть, что сокрыто от человеческих глаз. Думаешь, это просто — видеть опасность? Напал на тебя бандит с ножом — разве это опасность? Опасность, что у нас в поселке за неделю вагон вина выпивают. Опасность, что мы детей своих воспитываем не так, как должны. Меня отец с пяти лет к работе приспособил. А теперь в первом классе ботинок одеть не умеют. До тридцати лет в детях ходят. Я уже не говорю про то, что некоторые забыли, для чего делалась революция. Опять деньгам молятся. Новые баре развелись. Горе наше стали забывать, смерть, голод. А ведь смерть к нам сейчас может за пять минут долететь. Вот спроси их,— он кивнул в окно, где, посмеиваясь над чем-то, судачили молодые медсестры,— что они знают о прошлой войне? Хиханьки да хаханьки, а все остальное для них — стариковское брюзжание. А ведь тут кругом могила на могиле. Через наши края кто только ни проходил, начиная от варягов и кончая фрицами.

Врач поднялся и, подойдя к шкафу, достал желтоватый человеческий череп.

— Не волнуйся, это не по твоей части. Видишь, уже началась минерализация костей. Ему лет пятьдесят, а может, и все пятьсот. На прошлой неделе тракторист плугом в Заболотье вывернул. Мастерский удар,— он провел пальцем по узкой, идеально ровной щели, рассекавшей череп от затылочного отверстия до макушки.— Мечом или шашкой... Зубы все целые. Молодой был, как и ты.

Череп смотрел на Баловнева провалами глазниц. Кому принадлежал он когда-то — русскому ратнику или монгольскому кочевнику, немецкому кнехту или литовскому рыцарю, украинскому казаку или шведскому гренадеру, краковскому парню, обманутому бреднями о великой Польше от моря до моря, или юному конармейцу, рвавшемуся к Варшаве в мучительном и безнадежном порыве?

— А может, тебе выписать бюллетень на пару деньков? — спросил врач.

— Спасибо, не нужно. От себя самого никакой бюллетень не спасет.

После полуночи он проверил сторожевые посты, осмотрел замки на магазинах и окончил обход на самой окраине поселка, у колхозных мастерских.

Кривая багровая луна тонула в тучах. Где-то в конце улицы скрипел на столбе фонарь, бросая вокруг неверные, мечущиеся тени. Снизу, из черной щели оврага, тянуло сыростью.

— Днем жара, а ночью зуб на зуб не попадает. Кончилось лето. Слыхал, вы злодея в городе поймали,— заискивающе сказал нетрезвый сторож.— У вас прямо чутье на них!

— Повезло,— рассеянно сказал Баловнев.

Давно, еще с детских лет, он привык к тому, что многое получается именно так, как этого хочется ему. Стоило маленькому Валерику захотеть кусочек торта, как отец в тот же день неизвестно за что получал премию и являлся домой с букетом гвоздик для мамы, поллитрой для себя и тортом «Сказка» для детишек. Со своим талантом Баловнев сжился, как другие сживаются с комфортом и достатком, считая это за нечто само собой разумеющееся и в равной степени доступное всем людям. Правда, нередко случалось так, что периоды успехов и удач сменялись вдруг затяжной полосой невезения, когда бессмысленно было браться за любое, самое простое дело. Да и удачи частенько носили весьма странный характер, если не сказать больше, как будто судьба была не в состоянии отличить приятный сюрприз от неприятного. Так, он мог найти в лесу двухкилограммовый совершенно чистый боровик и тут же получить на голову пахучий подарок от птички, порхающей где-то в поднебесье. А вот в лотерею Баловневу не везло стойко. Ни разу в жизни он не выиграл даже рубля, а однажды ухлопал в «Спринт» четвертной. Была еще одна важная закономерность, в которую он верил почти суеверно — удача чаще всего приходила именно тогда, когда в ней не было особой необходимости. В критических ситуациях вероятность успеха снижалась почти наполовину.

Сторож, стараясь дышать в сторону, продолжал подобострастное бормотание. Баловнев тоже зевал — аптечные порошки начинали действовать.

— Тише! — вдруг резко оборвал он сторожа.— Помолчи!

Баловнев быстро пересек улицу и пошел вдоль забора, мимо пахнувших ночными цветами палисадников. Потом вернулся немного назад и остановился возле низкого, увитого плющом штакетника. Что-то тяжелое шевельнулось в глубине сада и затрещало

кустами, удаляясь, Баловнев перепрыгнул через забор и включил фонарик. Лампочка мигнула и сразу погасла.

— Тут Верка Махра живет,— сказал подошедший сзади сторож.— Это хахаль от нее подался.

— Нет,— пробормотал Баловнев, безуспешно тряся фонарик.— Не хахаль...

Роса еще лежала на траве, когда Баловнев вновь пришел на это место. При себе он имел чемоданчик, содержавший разные необходимые для осмотра места происшествия предметы: складной метр, моток веревки, баночку с гипсом, лупу шестикратного увеличения и липкую ленту для фиксации дактилоскопических отпечатков.

Испросив разрешения у весьма озадаченной таким ранним визитом хозяйки, он на четвереньках облазил весь сад и спустя полтора часа убедился, что тот, кто находился здесь ночью, не оставил никаких следов, за исключением нескольких щепоток серого, очень мелкого порошка, забившегося в щели между досками забора, не того, что выходил на улицу, а другого, на задворках. Порошок этот (очень тяжелый, гораздо тяжелее обычного песка) мог появиться тут только ночью, потому что держался в щелях исключительно благодаря пропитавшей его влаге. Просохнув на солнце, он неминуемо должен был рассыпаться. Собрав порошок в бумажку, Баловнев присел на какую-то чурку и закурил — в первый раз за последние четыре месяца.

На душе его было нехорошо.

Почти по всем адресованным ему бумагам истекал срок исполнения, отработка участка была не закончена, не все благополучно обстояло с соблюдением паспортного режима, а он, вместо того, чтобы заниматься делом, днем и ночью шатался по поселку в поисках неизвестно кого, устраивал засады на призраков и пугал мальчишек странными вопросами. Более того, Баловнев с болезненной ясностью понимал, что и завтра и послезавтра будет то же самое, что со своей собственной химерической идеей он обречен на вечные муки бесполезных поисков. Сходное чувство, вероятно, должен испытывать человек, теряющий рассудок, сознание которого еще не успело полностью раствориться в эйфории безумия.

Из горького раздумья Баловнева вывели какие-то звуки, похожие не то на клекот птиц, не то на человеческую речь.

Метрах в десяти от него на лавочке сидел старик в накинутом на плечи ветхом офицерском кителе. Грудь его украшали бестолково, явно женской рукой нацепленные ордена и медали: «Красная Звезда», «Слава», «За отвагу». Старик еле слышно бормотал что-то, делая Баловневу призывные жесты левой рукой. Правая, мелко сотрясаясь, беспомощно висела вдоль тела. Был он жалок, как и

любой другой впавший в детство, полупарализованный старик, но пронзительно-синие, подернутые слезой глаза смотрели осмысленно и твердо.

— Что случилось, дедушка? — спросил Баловнев, подходя ближе.

— Там... там... — рука со скрюченными пальцами указывала в то место, где возле забора все еще лежал раскрытый криминалистический чемоданчик.— Вылез ночью! Я не спал! В окно видел!..

— Кто вылез? — сначала не понял Баловнев.

— Гад какой-то. Без глаз. Выродок. Много их. Страшные. Днем тоже ходят. Дочки не верят мне. Ругают. Помоги, сынок. Мне-то все одно. Помру скоро. Да нельзя, чтобы эта погань среди людей ходила.

— Значит, вы их тоже видите! — сказал взволнованно Баловнев.— А кто он, по-вашему?

— Не знаю. Кто добрый, таиться не станет. Ходят. Высматривают. Враги. Я всяких гадов нутром чую. Дай докурить. Мне можно.

Он жадно, сотрясаясь всем телом, затянулся, но тут же подавился дымом.

— На тот свет давно пора. И так я уже всех пережил. С моего года никого в поселке нет.

— Видно, везло вам в жизни?

— Везло. Сколько раз смерть вокруг ходила, а все мимо. Финскую помню. Пошли мы в атаку. На танках. Через озеро. По льду. А они ночью лед солью посыпали. Один только наш танк и прошел. В Отечественную два раза из окружения выходил. Под расстрелом стоял. Шесть дырок в шкуре. Везло. Вот только зачем? Бабу каратели в хлеву спалили. Сыны с войны не вернулись. Остались только дуры эти, дочки. Дай еще курнуть.

— Возьми всю пачку.

— Нельзя. Доктор запретил. Ты не стой. Иди. К речке иди. Туда этот гад пошел. Там его ищи. Слова мои помни. Пока мы всякую погань будем видеть, не будет по-ихнему!

Спустившись с холма, на котором стояли последние дома поселка, Баловнев через картофельное поле пошел к речке. Он ни минуты не сомневался в словах старика. Было нечто такое в его колючих глазах и слабом булькающем голосе, что убеждало сильнее аргументов.

Баловнев задыхался — скорее от внутреннего торжества, чем от быстрой ходьбы. Впервые за долгое время он не ощущал себя одиночкой, изгоем, за спиной которого недоуменно и осуждающе шепчутся знакомые.

Он был уверен, что обязательно встретит сейчас «чужинца», хотя совершенно не представлял, как должен при этом поступать.

Овеваемый теплым ветерком мир вокруг был совершенно безлюден. Дрожало знойное марево над торфяниками, горячим серебром сверкала река, вдоль мелиоративных канав пышно цвели ромашки и васильки, но в природе уже чувствовалась еле уловимая тоска предстоящего умирания. Слишком прозрачным казалось небо, слишком ярко краснела рябина, слишком много желтизны было в кленовых кронах.

— Валерий Михайлович! — услышал он голос позади себя.

Баловнев оглянулся. Его догоняла Яня. На ней были теннисные туфли и черные брюки из ткани того сорта, что раньше шла только на пошив спецовок для сельских механизаторов. Широкие, как галифе, в бедрах и очень узкие в щиколотках, они были украшены сразу четырьмя парами медных «молний». Наряд дополняла майка футбольного клуба «Рома» и пластмассовые клипсы величиной с перепелиное яйцо каждая. Несмотря на эту странную упаковку, а может быть, именно благодаря ей, Яня выглядела умопомрачительно.

— Здравствуй,— сказал Баловнев.— Далеко собралась?

— На речку. В последний раз позагораю.

Тут Баловнев вспомнил, что Яня не только секретарь-машинистка поссовета, но и признанная примадонна местного драмкружка. Это обстоятельство сразу определило его планы.

— Можно, и я с тобой?

— Если стесняться не будете. Я ведь без купальника загораю... Ладно, ладно, не краснейте, я пошутила. А почему вы все время оглядываетесь? Жены боитесь?

— Ушла от меня жена, ты же знаешь.

— Знаю. Только не знаю — почему.

— Я и сам не знаю. Не нравилось ей здесь. Или я не нравился.

— Вы ее любили?

— Что? Ах, да... любил.

— И больше никого не полюбите?

— Не знаю. Полюблю, наверное. Это только в книжках одна любовь на всю жизнь. А люди ведь все разные. И живут по-разному, и думают по-разному, и любят по-разному.

Тропинка вывела их к реке — туда, где среди зарослей камыша и аира белел кусочек песчаного пляжа.

— А вы знали, что я пойду сегодня на речку?

— Я? Нет. Почему ты спросила?

— Так... Показалось, значит.

Из рощицы на противоположном берегу стремительно, как разлетающаяся шрапнель, выпорхнула стая каких-то мелких пичуг.

— А меня вы могли бы полюбить? — спросила вдруг Яня. Она

уже разделась и стояла у самой воды — высокая, тоненькая, хотя и совсем не худая, похожая на Венеру Боттичелли.

— Мог бы, Яня... Но только не сейчас. Отдышаться надо. Опомниться. Как подумаю, что все сначала... Опять ложки, миски покупать...

— Можно и без мисок...

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— А мне — тридцать. Уже пора думать о чем-то.

— Странно,— сказала Яня. Волнистые, сверкающие на солнце, как золотые нити, волосы покрывали почти всю ее спину. На левом плече виднелась маленькая коричневая родинка.— А я думала, что нравлюсь вам... Вы всегда такой веселый, все у вас получается. А у меня — ничего...

Баловнев стоял позади нее и чувствовал себя дурак дураком в пыльном мундире и тяжелых горячих сапогах. Кусты орешника за рекой шевельнулись.

— Яня, у меня к тебе просьба. Обещай, что выполнишь.

— Обещаю,— тихо сказала она.

— Видишь, там идет кто-то?

— Вижу,— ответила она, даже не глянув в ту сторону.— Пастух, наверное.

— Ты войди в воду и, когда он подойдет, сделай вид, что тонешь. Ничего не бойся. Я буду рядом.

— Я не боюсь... Вы только ради этого сюда пришли?

— Яня, я тебе потом все объясню!

— Не надо... А не боитесь, что я сейчас утоплюсь?

— Яня, подожди!..

Но она уже бежала по мелководью, вздымая фонтаны брызг. По правому берегу, подмытому течением, навстречу ей медленно и неуклюже двигался кто-то чугунно-серый, почти квадратный, более чуждый этому теплому зеленому миру, чем Франкенштейн или глиняный Голем.

«31 августа. 11 час. 25 мин. Проведен эксперимент по выяснению реакции псевдолюдей на ситуацию, непосредственно угрожающую человеческой жизни. В эксперименте принимала участие Маевская Я. А. Эксперимент прерван связи с резким ухудшением физического состояния последней».

Баловнев кончил писать и отложил авторучку. Стоило ему прикрыть глаза, как кошмар повторялся снова и снова: свет солнца, рябь на воде, порхающие над кувшинками стрекозы, серая кособокая тень над обрывом, пронзительный крик Яни, ее облепленное мокрыми волосами лицо, неживой оскал рта. «Никогда больше не

подходите ко мне!» — это были единственные слова, которых добился от нее Баловнев, и произнесены они были уже потом, когда самое страшное осталось позади, когда прекратилась рвота и унялись слезы. Что именно успела увидеть она и чего так испугалась, оставалось тайной.

Чтобы успокоиться и сосредоточиться, он принялся черкать пером по чистому листу бумаги. День, начавшийся с удачи, заканчивался плачевно. Баловнев и сам не знал точно, чего именно он ожидал от своего необдуманного (лучше сказать — дурацкого) эксперимента. Ну, допустим, «чужинец» кинулся бы спасать Яню. Явилось бы это доказательством его благих намерений относительно всего человечества в целом? И можно ли ставить ему в упрек то, что он спокойно прошел мимо? А вдруг «чужинцы» вообще не слышат звуков? Или принимают людей за одно из неодушевленных явлений природы, такое же, как облака или деревья? И вообще, кто они такие? Почему я так уверен, что это обязательно инопланетяне? Потому что все вокруг только и говорят о них? В шестнадцатом веке гонялись за ведьмами, а в девятнадцатом — за социалистами, теперь — за пришельцами. А если «чужинцы» не имеют к космосу никакого отношения? Может, это жертвы какой-то неведомой болезни? Или нечто вроде «снежных» людей — побочная ветвь рода человеческого, чудом уцелевшая в лесах и пещерах. Уж очень виртуозно умеют они скрываться. Или это сама Ее Величество Удача прикрывает их своими невидимыми, но могучими крыльями. Недаром «чужинцам» так везет. Взять хотя бы случай с телеграммами. Не нужны им эти телеграммы. Не любят они суеты вокруг себя. Стараются держаться в тени. Знают ли они вообще, что такое телеграф? Вряд ли. Ну, а если даже знают? Допустим, сумели в первый раз, когда не стало электроэнергии, отключение было плановое, заранее предусмотренное. Оно совершенно случайно совпало с моим визитом на почту. И так во всем. Случай, случай, случай! Случайно подхватили вирус гриппа члены комиссии, случайно погас фонарик, случайно упала в обморок Яня. Выходит, где-то уже умеют планировать случайности?

Вопросы, вопросы, вопросы. Одни вопросы и никаких ответов.

Он посмотрел на часы и набрал номер приемной поселкового совета: — Яня, выслушай меня, пожалуйста...

Гудки, гудки, гудки...

Был еще один человек, с которым хотел увидеться сегодня Баловнев.

Недоброе он почувствовал еще издали. Возле дома, к которому он направлялся, стояла небольшая толпа старух, к забору приткнулось несколько легковых автомобилей, у сарая свежевали кабанчика.

Войдя во двор, он спросил у какой-то женщины, щипавшей возле летней кухни обезглавленного петуха:

— Кто умер?

— Старик. Отец хозяйки.

— Отчего?

— Божечки, отчего в девяносто годов помирают! Вам бы столько прожить!

В низкой комнате с плотно закрытыми окнами пахло воском, свежими досками и лежалой, извлеченной из нафталина одеждой. Старуха склонилась над гробом, поправляя что-то на покойнике. Остановившемуся в дверях Баловневу были видны только чистые неоттоптанные подошвы ботинок, в которых уже никому не суждено ходить по грешной земле.

— Во як кулак стиснул! — сказала старуха, безуспешно стараясь пристроить в руках покойника тоненькую желтую свечку.— На том свете еще даст апостолу Пятру под бок!

Она оглянулась по сторонам, словно искала помощи, и Баловнев, положив на подоконник фуражку, шагнул вперед.

Рука покойника была твердая и холодная, как дерево. Когда заскорузлые, раздавленные многолетней работой пальцы, наконец, разжались, на пиджак старика просыпалась горстка серого порошка, похожего на мелкие металлические опилки.

— Добрый вечер, Валерий Михайлович! Прибыл на дежурство. Согласно графику.

— Здравствуй. Включи свет.

— А что это вы в темноте сидите? Электричество экономите?

— Думаю... Ты вот думаешь когда-нибудь?

— Ну, еще чего не хватало! За меня начальник думает, а дома — жена.

— Ты на машине?

— А как же!

— Пойди погуляй, я сейчас выйду.

Баловнев встал и несколько раз прошелся по комнате, прислушиваясь к скрипу половиц. Потом уперся лбом в прохладное оконное стекло и с расстановкой сказал:

— А за меня думать некому. Вот так-то!

Он отпер сейф и достал из него пистолет в новенькой коричневой кобуре. Подумал немного и положил оружие на прежнее место. Затем открыл «Журнал наблюдений» и записал:

«31 августа. 22 час. 15 мин. В создавшейся ситуации единственно возможным решением считаю попытку прямого контакта с кем-либо из псевдолюдей. Если не вернусь до 19. 00 следующего дня, все материалы, касающиеся этого вопроса, можно найти в левом нижнем ящике стола».

Оставив раскрытую тетрадь на видном месте, он потушил свет и вышел на улицу. Шофер, напевая что-то немелодичное, но бравурное, протирал ветошью ветровое стекло своего «газика».

— Заводи,— сказал Баловнев, садясь на переднее сидение.

Стартер заскрежетал раз, другой, третий, но скрежет этот так и не перешел в ровное гудение мотора.

— Что за черт! — Шофер выскочил из машины и поднял капот.— Бензин поступает... Искра есть... Ничего не пойму!

— Понять и в самом деле трудно,— сказал Баловнев, перелезая на водительское сидение. — Дай-ка я!

Он погладил руль, подергал рычаг переключения скоростей, несколько раз включил и выключил зажигание, а затем резко вдавил стартер.

— Во — видали! — закричал шофер.— И вас не слушается!

— У тебя жена есть? — спросил Баловнев.

— Ага!

— Ждет, небось?

— Ждет, зараза!

— Привет ей передай. А я один поезжу.

— Ну и ладно. Если не заведется, так здесь и оставляйте. Я завтра утром заберу. Удачи вам!

«Обязательно,— подумал Баловнев.— Обязательно удачи! Сейчас это мое единственное оружие!»

Через пять минут он без труда завел машину и, отъехав метров сто от опорного пункта, свернул в первый же попавшийся переулок — туда, куда увлекал его неосознанный внутренний приказ.

Ковш Большой Медведицы уже повернулся ручкой вниз, а указатель горючего приблизился к нулю, когда Баловнев, впустую исколесив все окрестные проселки, решил прекратить поиски.

Был самый темный предрассветный час. Ни одно окно не светилось в поселке. Дорога здесь резко сворачивала и спускалась к плотине, с другой стороны которой уже стояли первые дома. Справа, со стороны болот, наползал белесый туман. Слева, в низине, показались кирпичные руины старой мельницы. Напротив них, прямо посреди дороги, кто-то стоял.

Баловнев смертельно устал, и предчувствие на этот раз изменило ему. Он несколько раз переключил свет и просигналил, но фигура впереди не сдвинулась с места, лишь тогда участковый понял, что это «чужинец».

Короткая, лишенная шеи голова была по-звериному вдавлена в плечи. Он стоял к машине боком и, судя по всему, прятаться не собирался. Уступать дорогу — тоже.

«Волк,— подумал Баловнев.— Вот кого он мне напоминает. Волк, рыскающий в поисках поживы у человеческого жилья».

Он гнал машину, не убирая руки с сигнала. Никакие нервы не

выдержали бы этого рева, несущегося сквозь мрак вместе с ослепительными вспышками света, но у «чужинца», возможно, не было нервов. Когда их разделяло не более шести метров, Баловнев повернул руль вправо. Тут же под передком машины что-то лязгнуло, и она перестала слушаться руля.

«Оторвалась рулевая тяга!» — успел сообразить Баловнев, вдавливая педаль тормоза в пол. Машину заносило прямо на «чужинца».

— Уходи! — заорал Баловнев, хотя вряд ли кто мог его услышать.

«Газик» тряхнуло, словно он налетел на пень, темная сутулая фигура куда-то исчезла, и в следующее мгновение свет фар выхватил из темноты стремительно летящую навстречу коричнево-красную, выщербленную плоскость стены. Осколки ветрового стекла хлестанули Баловнева по лицу, а что-то тяжелое, ребристое с хрустом врезалось в бок.

Очнулся он спустя несколько секунд. Тускло светил левый подфарник, хлюпала, вытекая из пробитого радиатора, вода. Задыхаясь от резкой боли внутри, Баловнев попытался открыть дверку, но ее заклинило. Кровь заливала глаза, и ему все время приходилось вытирать рукавом лоб.

Внезапно машина дернулась, словно кто-то пытался приподнять ее за бампер. Баловнев стал коленями на сидение и по пояс высунулся наружу. Что-то массивное, плоское снова шевельнулось под машиной. «Газик» начал сдавать задом, взрывая заблокированными колесами мягкую землю. Между капотом и стеной, вздымаясь, как опара, медленно росла какая-то плотная, округлой формы масса. Из широких покатых плеч вылез обрубок головы — серый, глянцевый. Судорожно растянулся безгубый рот. Выпуклые рыбьи глаза совершенно ничего не отражали. Казалось, это вовсе не глаза, а две дыры, два черных провала, в которых угадывался бездонный равнодушный мрак, а может быть, что-то и похуже.

Через переднее сидение Баловнев выбрался на капот, а оттуда мешком свалился на землю. «Чужинец» был совсем рядом. Баловнев попытался вцепиться в него, но это было равнозначно тому, чтобы руками хватать дождь.

— Стой! — хрипел Баловнев.— Стой! Не уйдешь! Покуда я жив, не будет вам покоя!

— Ну что вы переживаете! Подумаешь — подвеска накрылась! У меня запасная есть. И фару заменим, и облицовку выправим. Нет проблем. Не такие дела делали. Главное — сами живы! — Шофер почесал голый живот. Под пиджаком у него ничего не было.

— Ты же знаешь, любое дорожно-транспортное происшествие подлежит регистрации и учету,— Баловнев закашлялся.

— Болит?

— Ноет.

— Это, наверное, от руля. Пройдет. Ребра, вроде, целы... Не пойму, чем вас так запорошило. Известь, что ли...

Он помог Баловневу стянуть китель, обильно осыпанный чем-то вроде серой пудры, и несколько раз встряхнул его. Пыль эта так и осталась висеть в воздухе, словно неподвластная закону всемирного тяготения.

Светало. Слышно было, как по всему поселку мычат коровы, покидающие стойла. Где-то рядом чирикала какая-то ранняя птица.

— Буксир найдешь?

— Спрашиваете!

— Тащи машину в гараж. Я туда через часок тоже подойду.

Не заходя на опорный пункт, он умылся водой возле колонки и прополоскал рот. Ключа в карманах не оказалось, но Баловнев вспомнил, что, уходя накануне, он не запер входную дверь. Сердцем ощущая смутную тревогу, он шагнул в темную, не успевшую проветриться за ночь комнату.

Все они были здесь, серые и неподвижные, словно надгробные памятники. Кто-то безликий, больше похожий на манекен для отработки штыковых ударов, шевельнулся и встал за спиной Баловнева, загораживая дверь.

— Ну, здравствуйте,— сказал Баловнев.— С чем пожаловали?

Никто не ответил ему. Стараясь не глядеть по сторонам, участковый прошел к столу и сел, пододвинув к себе тетрадь. Авторучки на столе не оказалось, он взял карандаш, но тут же сломал грифель. Уродливая беспалая лапа мелькнула возле его лица и уперлась в клавиатуру «Олимпии».

— Живьем сожрете или сначала удавите? — спросил Баловнев.

Резко щелкнула клавиша пишущей машинки. На листе бумаги, забытом в каретке, появилась буква. Еще щелчок, еще... Буквы складывались в слова.

«Человек, тебе не причинят вреда».

— Вот спасибочки! — Баловнев облизал пересохшие губы.— Хоть бы представились для начала. Кто, откуда, где родились, где крестились?

«Не родились. Были всегда».

— Бессмертные, что ли?

«Материя, из которой создан человек, тоже бессмертна. Но когда-нибудь она станет водой, землей, воздухом. Только не человеком. Материя, из которой создан я, даже рассеявшись по всей Галактике, когда-нибудь станет снова мной».

— Скажи пожалуйста! Ну, а здесь что вы забыли?

«Мы ждем».

— Интересно — чего?

«Эта планета нужна нам. Мы ждем, когда она освободится от людей».

— Устанете ждать!

«Мы умеем ждать. Таких планет было много. Везде жили люди. Разные, непохожие на вас. Сначала у них были палки и камни. Потом взрывчатка. Или яд. Или бактерии. Все равно. Теперь на этих планетах живем мы».

«Так вот кто они такие! — подумал Баловнев.— Не волки. Шакалы. Космические падальщики, терпеливо ожидающие, когда жертва испустит последний вздох».

— Почему вы выбрали именно Землю? — холодея от внезапной догадки, спросил он.

«Мы всегда попадаем туда, где у нас самые лучшие шансы. Мельчайшие частицы нашей сущности движутся вместе с космической пылью, с веществом комет, со всеми видами излучения. Рано или поздно случится так, что все они снова соединятся. На планете, которая больше всего подходит нам».

— И никто еще не дал вам отпора?

«Мы берем только то, что уже никому не принадлежит. Мы незаметны. Удача всегда сопутствует нам. Такими нас создала природа».

— Зачем вы убили старика?

«Мы никогда никого не убивали. Опасный для нас человек умрет сам. Старому человеку нельзя было волноваться».

— Чем же он был опасен для вас?

«Он знал о нас. Это плохо. Сначала знает один, потом многие. Для нас это опасно».

— А от меня вам что нужно?

«Для нас ты опаснее старика. Ты знаешь о нас, но с тобой ничего не случилось. Ты чем-то похож на нас. Удача защищает тебя. И не один ты такой. Возможно, мы прибыли слишком рано. Но мы не собираемся уходить. Мы будем ждать. Пусть даже миллионы лет. Мы всегда будем здесь».

Краем глаза Баловнев уже давно видел, что «чужинцы» меняют свой облик, съеживаясь и оплывая, словно комья сырой глины. Плечи двух стоящих рядом фигур сомкнулись. Несколько минут из необъятной бесформенной массы еще торчали две головы, но вскоре и они провалились куда-то внутрь. От «чужинца», который стоял возле двери, осталась только куча пыли.

Баловнев отвернулся и начал смотреть в окно. Все происходящее напоминало кошмарный сон, и ему хотелось поскорее проснуться. Некоторое время спустя он встал и, хрустя сапогами по се-

рому пеплу, покрывавшему весь пол, прошел в коридор. Извлек из закутка метлу, совок и пустое ведро.

Хотя все его мышцы нестерпимо ныли, работал Баловнев с удовольствием. Простой труд, во время которого могла отдыхать голова, всегда успокаивал его. Наполнив последнее ведро, он присел на крылечке передохнуть.

Над землей стояли тревожные розовые облака, словно отблески давно прошедших или грядущих пожаров. Где-то неподалеку храпела буфетчица Анюта, всю жизнь обманывавшая ближних своих. В лесах бродил убийца Селезнев, из-за шестидесяти рублей лишивший жизни человека. Высоко в небе летел космический аппарат, предназначенный для наведения на цели крылатых ракет, и одна из этих целей находилась совсем недалеко отсюда.

Баловнев вытряхнул пыль из ведра, и она повисла в воздухе, словно неподвластная силе земного тяготения.

Над зданием школы по обе стороны от плаката с надписью «Добро пожаловать» полоскались флаги.

Лето кончилось.

АДМИНИСТРАЦИЯ ЛЕСА

В первый из назначенных им кабинетов они вошли решительным шагом и, можно было бы даже сказать, плечом к плечу, если бы только плечо младшего не находилось на одном уровне с брючным ремнем старшего.

Хозяин кабинета — самое крайнее, но весьма немаловажное звено в длинной чиновничьей цепи, намертво опутавшей то самое дело, ради которого эти двое явились сюда спозаранку,— молча водрузил на нос роскошные очки, больше всего похожие на прицельное устройство какого-нибудь суперсовременного оружия, и принялся изучать заявление с таким видом, словно намеревался обнаружить между строк некий другой, выполненный тайнописью текст. Оставив на бумаге добрую дюжину загадочных карандашных пометок, он, наконец, закончил чтение и заговорил, но почему-то не с отцом, а с сыном. Это была плохая примета.

— Как тебя зовут, малыш?

— Никак,— ответил малыш.

— А почему ты такой сердитый? Хочешь конфетку?

— Нет,— ответил сын, стараясь не смотреть в белые, как у вареной рыбы, жутко увеличенные мощной оптикой глаза.— Конфетки я не хочу. Я хочу резолюцию.

Отец незаметно дернул его за рукав — не зарывайся!

— Какие мы все серьезные! — Физиономия чиновника сразу сделалась брезгливо-кислой, как будто он случайно раскусил кло-

па.— Ваша просьба будет рассмотрена. О результатах вас известят письменно.

— Прошу прощения.— То, каким тоном это было сказано, свидетельствовало о наличии у отца бесконечного запаса терпения. Перед визитом сюда он закончил курсы аутогенной тренировки и проштудировал всю литературу по самовнушению.— Вы, очевидно, прочитали заявление внимательно. Там сказано, что я уже стою на очереди. Без малого восемь лет. В позапрошлом году я был двадцатым, в прошлом третьим. В этом году двое, значившиеся в списке позади меня, уже получили положительный ответ. Судя по всему, здесь имеет место какое-то недоразумение.

Лицо чиновника окаменело. По скулам загуляли желваки. Верхняя губа хищно оттопырилась, обнажив желтоватые, сточенные казенной пищей резцы. Дохлый карась в мгновенье ока обернулся беспощадной пираньей.

— Не хотите ли вы сказать, что причиной этого являются служебные злоупотребления? — процедил он зловеще.

— Нет, не хочу,— по-прежнему спокойно ответил отец.— Я выразился вполне определенно: недоразумение. Но если это недоразумение немедленно не разрешится, я буду вынужден принять определенные ответные меры. Полюбуйтесь! — Он расстегнул молнию пухлой дерматиновой папки.— Это заказные письма. Каждое из них является копией моего заявления. Адресаты самые разные: все ваши непосредственные начальники, некоторые другие ведомства, так или иначе связанные с Администрацией леса, генеральный прокурор, верховный суд, апелляционное жюри, с десяток наиболее влиятельных газет, комиссия ООН по правам человека, Интерпол, всемирный совет церквей, международная лига женщин-феминисток и так далее. Если вы мне откажете, я прямо отсюда иду на почту.

Криво усмехнувшись — так, наверное, скалится все та же пиранья, челюсти которой вместо нежной филейки нарвались на жесткое копыто,— чиновник взял телефонную трубку и принялся небрежно крутить диск. Набранный номер был подозрительно коротким, скорее всего, он не собирался никуда звонить, а попросту ломал гнусную, годами отрепетированную комедию.

— Здравствуйте,— строго сказал чиновник самому себе.— Поищите мне списки... Те самые... Кто меня интересует? Сейчас...— Безбожно коверкая, он назвал фамилию отца.— Есть такой?.. Номер третий? Почему? Номером третьим он был еще в прошлом году... Ах, вкралась ошибка! Понятно... Впредь прошу вас быть аккуратней!

Из великого множества разнообразных карандашей, ручек, фломастеров и стеклографов, украшавших его письменный прибор, чиновник выбрал один, наиболее подходящий к такому случаю, и

в левом верхнем углу заявления наискосок начертал — «Не возражаю». Затем, полюбовавшись своей работой, он выставил неразборчивую дату и еще более неразборчивую подпись.

— Вот видите, как быстро все уладилось,— с подозрительной благожелательностью сказал чиновник.— Администрация леса старается работать без ошибок и проволочек... А теперь пройдите в одиннадцатый кабинет.

— Спасибо,— сдержанно поблагодарил отец и снова дернул сына за рукав.

— Спасибо,— буркнул тот, но уходя все же не выдержал и с порога показал чиновнику язык.

Одиннадцатый кабинет служил узилищем для референта по общим вопросам, мужа необычайно подвижного и энергичного, обладавшего к тому же невнятной, захлебывающейся речью и чумовым выражением лица. Простейший вопрос он мог излагать часами, расцвечивая его совершенно не обязательными подробностями, ничего не поясняющими примерами и всякой пустопорожней болтовней. При этом подергивал левым плечом, обеими руками подтягивал штаны, гримасничал и панибратски подмигивал слушателям.

Очередных посетителей он встретил чуть ли не с распростертыми объятиями, а на заявление накинулся с таким энтузиазмом, как будто целый день только его и дожидался. Читал референт быстро, с нескрываемым интересом, то морщась, как от зубной боли, то удовлетворенно кивая головой. Отец и сын терпеливо ждали, стоя на вытоптанном коврике в двух шагах от письменного стола.

— Нет! — трагическим голосом вскрикнул вдруг референт. Можно было подумать, что он прочел, как минимум, свой смертный приговор.— Нет! Нет, нет и еще раз нет! Не могу! Даже и не просите!

Швырнув заявление на стол, где оно сразу же затерялось среди вороха таких же бумаг-близнецов, он, как ошпаренный, забегал по кабинету.

— А как же резолюция отдела регистрации? — спросил отец.— Вы же видели, там черным по белому написано — «Не возражаю».

— Это какая-то ошибка! Или уловка! Что значит — не возражаю? Не возражаю, но и не настаиваю! Ведь можно было написать — «К исполнению!» или хотя бы так — «Изыскать возможности!» Не возражаю — это то же самое, что ничего! Он не возражает, а кто-то другой, представьте себе, возражает! Это не резолюция, а пустое место! Отписка! Мне она не указ! Я принципиально против! То, что вы затеваете,— опасно! Особенно в эту пору года! Особенно вам! Я прекрасно помню ваше личное дело! С таким личным делом вас на кладбище не возьмут! Сейчас вы в этом сами убедитесь! Достаточно заглянуть в медицинскую карту!..

Он принялся лихорадочно рыться в кучах бумаг, загромождав-

ших не только его стол, но также стулья и подоконники. Не обнаружив искомого, референт полез в сейф, где эти бумаги громоздились уже целыми монбланами. Причем никакой разницы в степени секретности документов, хранившихся навалом на столе и под замком в стальном несгораемом ящике, не существовало. Просто в сейф сваливалось первое, что попадало под руку во время очередного аврала, предшествовавшего визиту какого-нибудь высокого начальства. Возможно, где-то здесь пылились без исполнения заявки строителей Иерусалимского храма на ливанский кедр, жалоба шервудского шерифа на безобразия, творимые в королевских угодьях браконьером Робином Гудом, и челобитная небезызвестного Соловья-Разбойника с просьбой о помиловании и возвращении на вечное поселение в Муромский лес.

— Здесь нет... И здесь... Куда же он, черт побери, подевался!.. В общем, я его потом обязательно найду! Но анализы у вас были очень плохие! Это я точно помню! С такими анализами не в лес идти, а в реанимации лежать. А если с вами там что-нибудь случится? Кто будет отвечать?

— Медицинская карта, которую вы имеете в виду, заполнена восемь лет назад, еще до того, как я встал на очередь. С тех пор многое изменилось. Я бросил курить, прошел курс специальной подготовки, изменил образ жизни. Вот самые последние анализы. Как видите, все в полном порядке.

— Почему я должен верить этим бумагам, а не тем! — взвился референт.— Знаю я, как они пишутся! Цена им...

— Подождите! — отец не дал ему закончить.— Хочу предупредить, что в кармане у меня находится включенный диктофон. Все, сказанное вами, фиксируется на пленку. Если вы считаете, что эти анализы получены мной за взятку или по протекции, я, совместно с подписавшими их лицами, возбужу против вас судебное дело по обвинению в клевете.

— Я ничего подобного не говорил! — заверещал референт.— Прошу не ловить меня на слове! Оговориться может каждый! Я один, а вас много! Уважение надо иметь... Попробовали бы вы сами оказаться в моей шкуре! Целый день от сумасшедших отбоя нет! Дома вам, видите ли, не сидится! Далась вам эта лицензия! Ну, вот, скажите честно, зачем все это вам нужно?

— Этим делом занимался мой отец, мой дед и, наверное, даже дед деда. Причем занимались свободно, не испрашивая ничьего разрешения. Просто шли себе в ближайший лес, и все. С детства я слышал об этом массу рассказов. Это у меня, можно сказать, в крови. Вы не имеете права мне препятствовать. Я изучил все законы, консультировался с юристами. И если мне и моему сыну откажут в разрешении...

— Что?! — Референт сделался зеленым, словно весь гемогло-

бин в его крови в единый миг заменился на хлорофилл.— И сыну?! Вы что — мальчика туда поволокете? Ну уж нет! Только через мой труп!

Теперь пришло время взъяриться отцу.

— Не исключено! — произнес он таким голосом, что референт из зеленого стал белым.— Совсем не исключено! — Его рука скользнула за пазуху, где под просторным плащом угадывался какой-то массивный продолговатый предмет.

— Так нельзя...— залепетал референт, хватаясь за заявление, как за спасательный круг.— Что вы себе позволяете... Я же к вам со всей душой... А вы...

— Пиши-и, — проникновенно сказал отец, слегка надавливая на худой, как заячье колено, загривок референта.— Пиши!..

— Если вы настаиваете... Я подпишу, конечно... Но ваш сын... Подумайте о ребенке... Значит, так: не возражаю в случае положительного решения детского психиатра... Больше ничем помочь не могу... Вам придется пройти в кабинет номер двадцать пять.

— У тебя в самом деле есть диктофон? — спросил мальчик, когда они вышли в коридор.

— Нет.

— А дядя поверил.

— Дядя трус. К сожалению, не все здесь такие.

— Можешь одеваться,— фальцетом пропищал детский психиатр, сам чем-то похожий на пухлое дебильное дитя.— Ребенок вполне нормальный. В эмоционально-волевой сфере нарушений нет. Рефлексы в порядке. Развитие для его возраста удовлетворительное... Так ты действительно хочешь пойти с папой в лес?

— Да,— ответил мальчик, путаясь в рукавах рубашки.

— А ты знаешь, что он там собирается делать?

— Знаю.

— Тебе не будет страшно?

— Нисколечко.

— Значит, ты ничего не боишься. Даже волка?

— Все волки в том лесу давно с тоски подохли.

— Кто тебе это сказал? Нда-да,— психиатр бросил на отца неодобрительный взгляд.— Знаешь что, пойди погуляй немножко. Мне нужно поговорить с твоим папой.

Мальчик вопросительно глянул на отца, и тот молча ему кивнул.

— Зачем вы калечите ребенку душу? — спросил психиатр, когда они остались вдвоем.

Несмотря на свою заслуживающую жалости внешность, он не был ни дураком, ни мямлей.

— Не пойму, о чем вы?

— Он ходит в школу. Та его учит определенным правилам поведения, дисциплине, вежливости, уважению к законам. Норме, так бы я сказал. Минимальной норме, без которой в нашем обществе не проживешь. А то, что собираетесь сделать вы, к сожалению, от нормы весьма и весьма далеко. Слыхали поговорку: посеешь поступок — пожнешь привычку, и так далее. Уверен, что очень скоро у вашего сына выработается привычка нарушать все нормы. А это может завести очень далеко. Я думаю, вам известно, где мы держим ненормальных?

— Давайте сейчас не будем обсуждать то, чему и так учат в школах. Вопрос о норме тоже весьма спорный. Мы говорим о мальчике. Он давно об этом мечтает. И прекрасно представляет, что нас ждет. Он хочет испытать себя. Ему скоро восемь лет. Он уже не ребенок.

— Он ребенок! Я категорически на этом настаиваю! Мы обязаны заботиться не только о физическом, но и о нравственном здоровье будущих поколений! Ваша безответственная затея может окончиться весьма печально!

— Мы живем сейчас вдали от природы, в душных каменных коробках, но в глубине души остаемся прежними людьми, потомками кроманьонцев. Всем нам в большей или меньшей мере присущи инстинкты охотников, добытчиков, кормильцев и защитников семьи. Если этим инстинктам вовремя не давать выход...

— Не болтайте чепухи! — оборвал его психиатр.— Вы не в парке на скамейке, и я вам не гимназистка! Начитались популярных брошюрок! Сейчас начнете про фрустрацию, про комплексы! Не надо! Можете другим морочить голову!

— Вы дадите свое согласие или нет? — отец понял, что метод убеждения здесь не поможет и пора брать быка за рога.

— Не спешите. Давайте сделаем так: пусть мальчик сначала пройдет обследование в нашем стационаре...

— В психбольнице? Благодарю покорно. Кроме того, через два дня открытие сезона. Мы не собираемся больше ждать. Если вы сейчас откажете, я полезу с ним через рвы, через заграждения! И если что-нибудь случится — отвечать будете вы! Уж я об этом позабочусь!

— Ну, этим вы меня не напугаете! Все, разговор закончен!

— Я не уйду до тех пор, пока не получу разрешение!

— Я вызову охрану.

— Не успеешь! — Отец выхватил из-под плаща ружейный обрез.— Подписывай, если хочешь жить!

— Спокойнее! — Психиатр мизинцем осторожно отвел ствол ружья немного в сторону.— Если это шутка, то весьма неуместная.

— Это не шутка! Ты же психолог! Специалист по копанию в

человеческих душах! Загляни мне в глаза и сразу поймешь, что я способен на все! Подписывай, ну!

— Ладно,— очень медленно, явно сдерживая дрожь в пальцах, психиатр каллиграфическим почерком вывел на заявлении: «Согласен».— Интересно, что вы собираетесь делать дальше? Предупреждаю, как только вы отсюда выйдете, я подниму тревогу.

— Не поднимешь, могу поспорить,— с мстительным торжеством сказал отец.— Постесняешься!

Обрез в его руках с хрустом развалился. Картонные трубки и обрывки тонированной под вороненую сталь фольги полетели в мусорную корзину, а искусно вылепленный из хлебного мякиша приклад — через форточку на соседнюю крышу, где, утробно воркуя, прогуливались жирные городские голуби.

— Куда прикажете идти теперь? Все без исключения ваши коллеги были настолько любезны, что никогда не забывали подсказать мне номер следующего кабинета... Ах, вы не желаете со мной говорить! У вас временное нарушение речи! Ничего, спрошу у швейцара. Счастливо оставаться!

Мальчик ожидал его, сидя на корточках напротив двери.

— Ну как, папа? — спросил он.— Дядя разрешил нам идти в лес? Он больше на нас не сердится?

— Что ты! Дядя просто в восторге!

— Ну и желание у вас! — Старший советник отдела контроля лояльности даже присвистнул.— Лицензия! Суточная! В такую пору года! Да еще в самый лучший лес! Я бы от такого и сам не отказался бы!

— Я восемь лет ожидал очереди.

— Другие и побольше ожидают.

— Может быть. Но сейчас подошла именно моя очередь, а не чья-то еще. Вот мои бумаги. С ними я побывал уже в трех кабинетах. Как видите, пока никто ничего не имеет против. Думаю, и вы не будете возражать.

— Возражать — моя обязанность. Иначе зачем бы я здесь сидел. Лес — наше богатство. Его нужно беречь. От всего на свете. Особенно от проникновения всяких злонамеренных элементов.

— Смею вас заверить, я к ним не отношусь.

— Это слова. Мне их мало. Я должен быть уверен в вашей полной и безусловной лояльности. А доказать ее — дело не простое.— Советник встал и, заложив руки за спину, подошел к окну.— Очень не простое! — повторил он, задумчиво глядя куда-то в мутную даль.

Умное и красивое лицо советника хранило следы всех без исключения человеческих пороков, а серебристо-голубой элегантный

костюм, галстук бабочкой и ослепительные манжеты свидетельствовали о вполне определенной жизненной позиции, явно не обеспечиваемой скромным чиновничьим заработком. В углу кабинета беззвучно мерцал телевизионный экран, на письменном столе стояли рядышком: лампа-рефлектор — одна из тех, с помощью которых герои криминальных фильмов разоблачают фальшивомонетчиков и шпионов, и тяжелая хрустальная пепельница, составлявшая как бы единое целое с вычурной газовой зажигалкой.

— Простое или не простое, но я своего добьюсь,— без нажима сказал отец.— У вас просто не найдется повода отказать мне.

Он прекрасно понял весьма прозрачный намек советника, но все же решил повременить со взяткой, надеясь выиграть предстоящий бой малой кровью и, тем самым, сберечь на будущее один из самых главных своих козырей.

— Вы так в этом уверены? — советник едва заметно улыбнулся.

— Абсолютно.

— Тогда начнем с самого простого. Вы член общества друзей леса?

— Да. Вот удостоверение.

— Оно не просрочено?

— Действительно по первое января следующего года.

— Взносы уплачены?

— Конечно. Вот гербовые марки.

— В мероприятиях общества участвуете?

— Ни одного не пропустил. Вот справка.

— С печатью и подписью?

— С печатью и подписью.

— Характеристика от регионального секретариата общества имеется?

— Имеется.

— Заверенная нотариусом?

— Заверена.

— И фотографии приложены?

— Приложены.

— Анфас и профиль?

— Анфас и профиль.

— А сколько штук?

— По шестнадцать каждого вида, как и положено.

— Браконьеры и порубщики среди родственников есть?

— Нет.

— А среди друзей и знакомых?

— Тоже нет.

— Будем проверять.

— Зачем? Вот справка вашего регионального агента.

— В Администрации рек и озер состояли?

— Не состоял.

— В Администрации недр и карьеров?

— Никогда.

— Учтите, если окажется, что вы хотя бы однажды имели контакты с этими подлецами, леса вам не видать, как собственных ушей.

— Учту.

— Собрания общества посещаете регулярно?

— Регулярно. Вот учетный листок с отметками.

— А за текущий месяц?

— Собрания у нас всегда двадцатого числа. А сегодня только тринадцатое.

— Ничего не знаю. Вот после двадцатого и приходите.

— Так ведь сезон уже закончится!

— Ну и что? Будет еще осенний сезон. И летний сезон следующего года.

Довольный собой, советник развалился в кресле и ласково воззрился на отца. Тот тяжело вздохнул и полез в свою необъятную папку.

— Не сочтите за оскорбление... Маленький подарок... Исключительно из чувства глубокого уважения...

Советник со снисходительной улыбкой приподнял вверх ладонь, как бы предлагая обойтись без лишних слов. Тут же у телевизора вдруг прорезался звук, рефлектор вспыхнул ядовито-желтым светом, и над зажигалкой взметнулось голубоватое пламя.

— Уверен, что ваши чувства искренни и чисты,— сказал советник, натягивая тонкие хирургические перчатки.— Хотя встречаются еще негодяи, пытающиеся использовать подобные случаи как повод для шантажа. Но я этого не боюсь. Звукозаписывающая аппаратура, как вы сами понимаете, ничего, кроме этой дурацкой симфонии, не зафиксирует. Фотоаппарат, если бы он вдруг оказался в одной из ваших пуговиц или, скажем, в запонке, обезврежен радиоактивным импульсом, не опасным для здоровья, но достаточно мощным. Войти сюда постороннему лицу невозможно, так как дверь кабинета сейчас заперта и может быть открыта только по моей специальной команде. Даже ваш мальчик мне не мешает. Суд, как известно, не принимает во внимание показания несовершеннолетних, если они могут быть обращены во вред или на пользу родителей.

Он взял конверт с деньгами и принялся внимательно разглядывать каждую купюру на свет рефлектора. Бумажки, чем-то не понравившиеся ему, тут же подверглись аутодафе в пламени миниатюрного костра.

— Вообще-то глубокое уважение ко мне принято выражать более крупной суммой.— Советник небрежно швырнул перчатки, день-

ги и конверт в нижний ящик письменного стола.— Запомните это на будущее... А теперь могу продемонстрировать вам один фокус.

Он с треском задвинул ящик, выкрикнул: «Раз! Два! Аллегоп!»— и вновь выдвинул его почти на всю длину. Отец с глухой ненавистью, а сын с восторгом убедились, что ящик совершенно пуст. Тотчас погас рефлектор, умолк телевизор, сгинуло пламя зажигалки, и в дверях щелкнул язычок замка.

— Техника на грани фантастики,— сказал отец.— Сами придумали?

— Что-то придумал, а что-то усовершенствовал.

— Один вопрос на прощание. Можно? — спросил отец.

— Смотря какой.

— А если бы я вдруг успел посетить собрание в этом месяце? Что было бы тогда?

— Да все то же самое. Я задал вам всего шестнадцать вопросов. И вы уже сдались. Можно сказать, без борьбы. Обычно мне попадаются орешки покрепче. Но больше шестидесяти вопросов не выдерживал еще никто.

— Великолепно. Просто блеск.

— Я рад, что вам понравилось. Вот ваше заявление. Сейчас вам нужно зайти в отдел статистики и учета. Комната сто шестнадцать. Думаю, особых проблем у вас там не возникнет.

В лифте, поднимавшем их на десятый этаж, мальчик спросил:

— Дядя забрал наши денежки?

— Да.

— Насовсем?

— Насовсем.

— А что он будет с ними делать?

— Да пусть хоть подавится!

Отдел статистики и учета занимал целую анфиладу комнат, в которых светились экраны дисплеев, трещали принтеры, а по бесчисленным каналам связи носились туда-сюда миллионы мегабайт информации.

Раньше со всей этой никому не нужной статистикой вполне справлялся один-единственный чиновник, но он постоянно попадался на каких-то махинациях, его секретарша флиртовала со всеми встречными-поперечными, включая юных курьеров и дряхлых швейцаров, и посему Верховный Администратор, весьма щепетильный в вопросах чужой нравственности, да еще к тому же не лишенный интереса к новейшим техническим поветриям, решил заменить одиозную парочку компьютером, который после долгих торгов и переговоров был приобретен у Администрации науки за не поддающееся учету количество первосортной древесины. Впрочем, как погова-

ривали, непрактичные интеллектуалы, так и не найдя этой древесине применение, благополучно сгноили ее на задворках какой-то академии.

Штат отдела пополнился сразу пятью операторами, тремя программистами, парой техников и дюжиной работников вспомогательного персонала. Кроме того, поскольку компьютер в принципе мог иметь выход в общенациональную сеть ЭВМ, где (опять же в принципе) могла содержаться не подлежащая разглашению информация, в отдельной комнате, за обитой железом дверью теперь сидел еще и секретчик,— тихий, как мышонок, и подозрительный, как некрасивая жена.

Приемная делилась пополам высоким стеклянным барьером, к которому с обеих сторон были придвинуты два совершенно одинаковых стола. На одном (с этой стороны) валялось несколько обгрызанных карандашей. За вторым (с той стороны), опираясь левым локтем о столешницу, сидел плешивый молодой человек, чье лицо, а в особенности устремленный в пространство взгляд выражали высшую степень мировой скорби.

Убедившись, что сам факт появления в приемной посторонних лиц не может заинтересовать плешивого кибернетика, отец осторожно забарабанил по стеклу костяшками пальцев. Печально-одухотворенный лик дрогнул, отрешенный взгляд переместился из запредельных далей в постылую повседневность, бледные уста разомкнулись и произнесли: — Что надо?

— Ходатайствую перед Администрацией леса о получении лицензии на летний сезон текущего года.

Откуда-то из-под стола кибернетик извлек длинный и узкий бумажный бланк, сквозь щель в стекле выпихнул его наружу и вновь погрузился в горькое раздумье.

Бланк представлял собой опросный лист, судя по перфорации по краям, предназначенный для машинной обработки. Вниманию испытываемых предлагалось около сотни вопросов, на каждый из которых заранее было приготовлено несколько ответов, один из которых и требовалось подчеркнуть. Первым номером стояло: «Укажите ваш пол: мужск., женск., затрудняюсь ответить, предпочитаю умолчать». Последним — «Какие чувства вы испытываете к самому себе: восторженные, положительные, обычные, отрицательные, глубоко неприязненные, никаких».

Чертыхаясь про себя, отец занялся решением этого идиотского кроссворда, всякий раз тщательно обдумывая, какой именно из ответов может пойти ему на пользу. Так он уже успел дойти до вопроса номер 24 — «Страдаете ли вы ночным недержанием мочи?», когда сын дернул его за полу плаща. Мальчик указывал на светящееся в глубине помещения табло, которое они раньше почему-то не заметили.

«На заполнение опросного листа выделяется не более 10 минут. Лица, просрочившие время, к повторной попытке не допускаются».

Далее горела цифра 5, обозначавшая, по-видимому, остаток времени в минутах, и с бешеной скоростью выскакивали убывающие секунды.

— Помогай! — прошептал отец, разворачивая бланк на всю длину.— Начинай вот отсюда. Если будет что непонятно — спрашивай.

В две руки дело пошло значительно быстрее, и хотя мальчик все время отвлекал отца вопросами типа: «Папа, каких ты предпочитаешь женщин: брюнеток или блондинок?» или «Папочка, что такое мазохизм?», они управились с заданием за тридцать секунд до контрольного срока. Отец еще успел просмотреть некоторые из выбранных сыном ответов, ужаснулся, но, поскольку время уже поджимало, да и разъяснение в самом конце бланка недвусмысленно предупреждало о том, что «исправления и подчистки не допускаются», энергично забарабанил пальцами по стеклу.

Кибернетик вновь вышел из транса, вновь сфокусировал свой взгляд на дергающихся суетных человечках и вновь с невозмутимостью Будды спросил:

— Что надо?

— Ходатайствую перед Администрацией леса о получении лицензии на летний сезон текущего года. По вашему указанию заполнил опросный лист. Примите его, пожалуйста.

Дежурный принял бланк, тут же свернувшийся в его руках трубкой, и некоторое время недоуменно его разглядывал. Потом опустил руку под стол, где, очевидно, находилась сигнальная кнопка. Тотчас из двери за его спиной выпорхнула златовласая фея в белом, по-осиному стянутом в талии халатике. Подхватив двумя пальчиками опросный лист, она в том же темпе грациозно провальсировала обратно.

В течение следующего часа произошли такие изменения: кибернетик сменил руку, которой подпирал свою горемычную головушку (с левой на правую), и дважды чихнул.

Наконец терпение отца окончательно истощилось и он возобновил осаду стеклянной стены. Все повторилось с парализующей волю точностью и последовательностью: дрогнули и напряглись лицевые мышцы, взгляд приобрел некое подобие осмысленности, острый, чуть свернутый на сторону кадык на манер винтовочного затвора отошел вниз, освобождая путь для унитарного звукового заряда, и раздалось сакраментальное:

— Что надо?

— Ходатайствую перед Администрацией леса о получении лицензии на летний сезон текущего года. По вашему указанию запол-

нил опросный лист. Вы его приняли. Я жду ответ,— единым духом выпалил отец, чувствуя себя кроликом, попавшим в логово удава.

Невидимый палец прикоснулся под столом к невидимой кнопке. Юная фея не заставила себя долго ждать, и на стол перед кибернетиком вновь лег опросный лист, весь изжеванный и перепачканный фиолетовой мастикой.

Наступил момент, называемый в греческих трагедиях катарсисом. Отец, чтобы лучше видеть, прижался лицом к стеклу. Сын с ногами взобрался на стол и возбужденно шептал: «Ну, как там? Ну, как там, папа?»

Не проявляя к опросному листу никакого любопытства и даже не глядя в его сторону, плешивый принялся неторопливо заполнять картонную карточку, размером приблизительно в половину почтовой открытки. Называлась она «Заключение» и имела всего четыре графы: порядковый номер, фамилия испытываемого, результат испытания, дата.

Само собой, отца интересовала только третья из них, поэтому не было ничего удивительного в том, что он буквально остолбенел, когда именно в этой графе кибернетик безобразно-кривыми буквами нацарапал усеченное, а от этого еще более страшное слово: «Отрицат.».

— Почему отрицательный? Почему? — завопил отец, когда дар речи возвратился к нему.— Я же все правильно заполнил! Так нельзя! — взгляд его метался по развернутому на столе опросному листу. Лихорадочно пытаясь сообразить, чем же можно помочь беде, он вдруг заметил нечто такое, от чего волосы на его голове чуть не встали дыбом.— Это не мое! Не мое! Это не я заполнял! Видите — там написано: пол женский! А я мужчина! Мужчина! Разве это не ясно?

Плешивый скрестил руки на груди, откинулся в кресле и уставился на отца диким, подернутым пленкой безумия взглядом.

— Что надо?

— Заключение! Положительное, черт тебя подери!

— Так бы сразу и сказал.

Он скомкал первую карточку и несколькими росчерками пера заполнил новую, противоположного содержания. Затем встал, уронив при этом кресло, и, не обращая внимания на слова благодарности, побрел куда-то, цепляясь за стену. Только теперь отец понял, что кибернетик тяжело, беспробудно пьян.

— Ну и натерпелись же мы страху,— сказал отец, скрепляя вожделенную карточку с заявлением.— Что ни говори, а компьютер вещь серьезная. На дурачка тут не проскочишь.

— Папа, может, пойдем домой? — попросил мальчик.— Я устал.

— Потерпи, малыш. Осталось совсем немного.

Едва только они переступили порог следующего кабинета (в случае удачи он мог стать предпоследним в их скитаниях), как внутри у отца что-то оборвалось — возможно, та самая ниточка, которой надежда крепится к сердцу. Впервые он пожалел, что затеял это почти безнадежное дело.

Любой тип бюрократа устроил бы его сейчас,— слава Богу, он достаточно насмотрелся в жизни на этих рыцарей инструкций и циркуляров и владел множеством способов борьбы с ними, начиная от наивной лести и кончая симуляцией припадка буйной параноии — любой, но только не этот.

Женщина. Холодная. Ледяная. Далекая.

Такая красивая, что, едва взглянув на нее, отец сразу опустил глаза. Невозможно было даже представить, что у подобной женщины могли быть муж, любовник или дети. Лишь Бог или дьявол имел право держать себя на равных с ней. Цирцея! Царица Савская! Клеопатра!

Ее безукоризненно строгий костюм стоил, наверное, больше, чем отец мог заработать за всю свою жизнь. В ушах покачивались серьги из массивного золота, формой похожие не то на турецкие ятаганы, не то на лезвия культиваторов. Бледные длинные пальцы с кровавыми стрелками ногтей украшало одно-единственное тускло-серое колечко («Вот какая она — платина!» — подумал отец) с тремя крупными бриллиантами. Волшебный запах — запах чужеземных цветов, горной росы, столетнего вина и смертельного яда — исходил от нее.

Само собой, что при создании столь великолепной модели человеческого существа такая мелочь, как душа, просто не была предусмотрена сметой. Оба вошедших заинтересовали ее не больше, чем комнатные мухи, если бы они вдруг проникли в этот стерильный, вылизанный кабинет.

Тут не могли помочь ни взятки, ни лесть, ни угрозы.

— Слушаю вас,— сказала она голосом Снежной Королевы.

На протяжении всего времени, пока отец сбивчиво и путано объяснял суть своего дела, ни единое чувство не отразилось на ее гладком, холеном лице. Трижды она говорила «извините», брала трубку и звонила куда-то. Вряд ли она уловила смысл хотя бы одного из сказанных отцом слов, однако, едва тот закончил, раздалось категорическое: «Нет!»

— Почему? — робко поинтересовался отец.

— Существует распоряжение, ограничивающее количество лицензий на этот год.

— Но я об этом впервые слышу.

— Распоряжения издаются для членов Администрации. Мы не ставим перед собой цель доводить их до каждого встречного.

— Почему же тогда меня никто не предупредил? Выходит, я

понапрасну убил целый день. Смотрите, сколько здесь резолюций... Не возражаю! Согласен! Решить положительно! Зачем же все эти люди меня обманывали?

— Любое распоряжение следует по инстанции, от высшей к низшей, и на каждом уровне тщательно изучается. Те отделы, где вы побывали, возможно, еще не получили его.

— Что же мне теперь делать, посоветуйте?

Богиня лишь равнодушно отвела взор: точно с таким же успехом заблудившийся в африканской саванне путник мог просить помощи у гордой предводительницы львиного прайда.

— Может быть, возможны какие-то исключения? Даже осужденных на смерть иногда милуют.

— Вас должны были предупредить, что мое время ограничено. Каждому посетителю я могу уделить не более трех минут. Прощайте.

И тут случилось нечто совершенно непредвиденное, чего никак не ожидал отец и что, как оказалось, способно было вывести из себя даже эту небожительницу.

Мальчик заплакал — без раскачки, всхлипываний и хлюпанья носом — сразу очень горько и очень громко.

— Прекратите немедленно! — впервые в голосе чиновной красавицы появилось что-то похожее на чувство.— Вы что, нарочно?

— Нет,— залепетал отец, пытаясь вытащить сына в коридор.

Однако тот ловко выскользнул из его рук, повалился на толстый, пастельных тонов ковер, руками вцепился в ножки ближайшего кресла, а ногами забарабанил в тумбу письменного стола. Рев его не то что не ослабевал, а с каждой минутой становился все громче и безутешней.

— Х-хочу в ле-е-ес! — прорывалось иногда сквозь слезы.— В лес хочу! Те-е-тя, подпиши заявление!

— Позор! — вскричала взбешенная начальница, подхватывая падающую со стола вазу.— Как вам не стыдно! Давайте немедленно вашу бумагу! И чтоб даже духу вашего здесь не было!

— Зачем ты это сделал? — спросил отец в умывальнике, тщательно обрабатывая лицо сына холодной водой с мылом.

— Мне стало тебя так жалко!

— Спасибо. Но больше никогда так не делай. Никогда!

— Хорошо, папочка. Ой-ой! Мыло в глаз попало! А что тетя написала?

— Разрешить в виде исключения, учитывая особые обстоятельства.

Только к вечеру они оказались, наконец, в святая святых этого огромного лабиринта этажей, холлов, лифтов, коридоров, прием-

ных и канцелярий, совсем рядом с почти недоступным для простых смертных логовом местного Минотавра, одинаково способного и на царскую милость, и на сатанинский гнев.

Ковровые дорожки гасили звук шагов, в каждом углу сверкали медные плевательницы, в полированные двери можно было смотреться, как в зеркала. Если на нижних этажах служащие нередко расхаживали в партикулярном платье, не стесняясь распахнутых пиджаков и расслабленных галстуков, здесь все строго соблюдали форму одежды. То и дело мелькали оливково-зеленые френчи, золотые пуговицы, витые шевроны на рукавах.

Окончательное решение должен был принять сам Верховный Администратор, человек известный в своих кругах примерно так же, как папа римский среди католиков, личность прославленная своими деяниями и давно уже почти легендарная — защитник зверей и птиц, великий знаток трав и деревьев, враг браконьеров и порубщиков, гроссмейстер ордена лесничих, заслуженный егерь, бакалавр всех лесных наук, кавалер ордена Золотого Лавра и лауреат премии Гималайского Медведя.

В одной из четырех приемных их встретил невзрачный человечишко с лицом, похожим на комок измятой туалетной бумаги. Единственной запоминающейся деталью в его облике были три веточки дуба в петлицах мундира.

Такие знаки — и отец это прекрасно знал — присваивались только за исключительные заслуги в деле лесоводства и лесоустроения,— например, если кто-то смог бы единолично засадить пальмами и баобабами всю пустыню Сахару.

Трижды Дуб забрал у отца заявление вместе со всеми подколотыми к нему справками, копиями, выписками и квитанциями, переложил все это в зеленую, сверкающую лакированной кожей папку и затем провел краткий инструктаж:

— Войдя в кабинет, вы остановитесь на месте, указанном мной, и на протяжении всей беседы будете на нем оставаться. Стоять навытяжку нет необходимости, но махать руками, слишком энергично переминаться с ноги на ногу, становиться к НЕМУ боком, а тем более спиной, не рекомендуется. На вопросы отвечайте кратко и четко, исчерпывающе, но без лишних подробностей. Иногда ОН может задать какой-либо странный, на первый взгляд, вопрос, в котором, однако, будьте уверены, всегда содержится глубокий затаенный смысл. Если не знаете, что ответить, следите за мной. Вот так,— он опустил веки долу: — Да! А так,— он вылупил глаза: — Нет! Не смейте сами задавать вопросы! И никаких просьб, кроме тех, что изложены в заявлении. ОН добр и великодушен. ОН может сделать вам какое-нибудь лестное предложение. Отказывайтесь, обязательно отказывайтесь! Кабинет покинете по моему знаку. Не забудьте поблагодарить ЕГО вне зависимости от при-

нятого решения. Все понятно? В таком случае прошу следовать за мной.

То, что они увидели, войдя в покои Верховного Администратора, ошеломило и отца и сына, правда, в разной степени. Место, в котором они оказались, могло быть чем угодно, но только не рабочим кабинетом. Яркие потоки света косо падали вниз, через стеклянную двускатную крышу, однако в гуще кустов и деревьев царил приятный полумрак. Два огромных волка, сверкая стеклянными зенками, скалили пасти на застывшую в грациозном прыжке косулю. Кабан, напрягая загривок, упирался рылом в муляжный валун. Кондиционированный ветерок плавно покачивал стайки птиц, подвешенных на тончайших, почти невидимых нитях. В небольшом озерце, из которого, журча, вытекал веселенький, весьма натуральный ручеек, плавали толстобрюхие, длиннохвостые рыбины — живые, не чучела.

Всему этому великолепию может быть несколько объяснений, подумал отец. Или Верховный страдает клаустрофобией, или же он, как Маугли, вырос в лесу среди зверей и с тех пор не может существовать в иной обстановке. Учитывая характер некоторых его свершений, не имеющий ничего общего ни с человеческой моралью, ни со здравым смыслом, последний вариант выглядел предпочтительнее. Впрочем, существовал еще третий, самый простой ответ: этот чиновный сатрап просто взбесился от собственной власти и могущества.

Трижды Дуб молча ткнул пальцем в ровную, выложенную мраморными плитками площадку, посреди которой красной краской был изображен круг вроде тех, что рисуют на посадочных палубах вертолетоносцев, только, конечно, поменьше размером, а сам, петляя, исчез среди пышных деревьев, названия которых отец не знал, но по внешнему виду плодов мог догадаться, что это нечто экзотическое, не то ананас, не то папайя.

Чуть дальше росла сосна, вся опутанная тропическими лианами, рядом ива склонилась над саксаулом, а на корявой арктической березке восседала обезьяна, навечно зажавшая в лапе вылепленный из воска банан.

Среди всего этого великолепия очень непросто было разглядеть торчащий в дальнем углу зала стол, выполненный в виде огромного древесного пня. За этим пнем в свободной позе восседал Верховный Администратор, одетый как у себя на даче. Кряжистый, загорелый и светлоглазый, с лысым крепким черепом, осененным благородным седым пухом, он был чем-то похож на библейского апостола — старого, заматерелого, намного пережившего своего Учителя, давно растерявшего все иллюзии молодости, однако сумевшего нажить и власть, и богатство, и своих собственных учеников.

Дымя сигаретой, он что-то писал. Трижды Дуб, прижимая к груди папку, скромно стоял у него за спиной.

Иногда Верховный отрывался от своей работы и, особенно глубоко затягиваясь, размышлял над чем-то. Взгляд его при этом рассеянно блуждал по сторонам, но лишь на третий или четвертый раз он выделил из мира флоры и фауны два незнакомых человеческих существа.

— А, вы уже здесь,— сказал он, продолжая, однако, писать.— Я информирован о вашей просьбе. К работе можете приступить хоть завтра. Испытательный срок — две недели.

— К работе? — опешил отец.— К какой работе?

— Именно к той, которой вы так добивались. Помощником вахтера запасного выхода. Или, быть может, вы претендуете на мое место? — Верховный добродушно хохотнул собственной шутке.

— Прошу прощения, но я просил совсем не этого.

— Не этого! А чего же? — удивился Верховный и даже отложил в сторону ручку. Трижды Дуб наклонился к его уху и что-то зашептал.— Ах, вот оно что!.. Да-да... Прошение о лицензии... Понятно.— Он взял зеленую папку и немного полистал ее, впрочем, без особого интереса.— И чем же, интересно, вам не угодил этот самый... как его...

— Болетус эдулус,— подсказал отец.

— Вот именно. Болетус. Зверь этот, надо сказать, весьма редкий...— Трижды Дуб вновь торопливо зашептал что-то, и Верховный, выслушав его, добродушно крякнул: — Так бы сразу и сказали — белый! Что я, белого не знаю? А то какой-то болетус-парапетус! Язык сломать можно.— Он покачал головой, словно дивясь человеческой глупости, и через все пространство кабинета-оранжереи впервые пристально глянул на отца.— Повторяю вопрос. Чем вам этот белый не угодил? Ведь все живое священно. Даже цветок сорвать — грех. В этом вопросе наша позиция непоколебима и однозначна. Мы обязаны сберечь природу для будущих поколений. Там, где Администрация леса,— там порядок, там надежда.

— Готов согласиться с вами, что цветы рвать нельзя. Ведь впоследствии они могут дать семена, родить новую жизнь. Но в данном случае этот пример не совсем подходит. Я никоим образом не мешаю продолжению рода. Это то же самое, что остричь овцу или выдоить корову. Мы добудем только то, что и так обречено на гибель в течение нескольких ближайших суток.

— Это действительно так? — Верховный подставил ухо Трижды Дубу и, получив от него исчерпывающую информацию, удовлетворенно закивал тяжелой квадратной головой.— Ну, если так, то совсем другое дело. Хотя понять вас все равно трудно. Одному нужны белые, другому рыжие! А совсем недавно проходил какой-то тип, просил лицензию на добычу слона. Как вам это нравится?

— Слоны у нас не водятся,— подал голос мальчик, едва заметный среди буйной растительности.

— Разве? — удивился Верховный, а Трижды Дуб сделал за его спиной страшные глаза.— Тогда, возможно, он имел в виду тех слонов, которые содержатся в зоопарках. Они, кажется, тоже числятся по нашему ведомству.

— И вы разрешили?

— Не помню. Впрочем, скорее всего — нет. Разрешать что-либо не в наших правилах. Гораздо мудрее запрещать. Ведь вам только дай волю! Представляете последствия? Про насилие и хаос я уже не говорю. Но что останется от справедливости, краеугольного камня нашей морали? Вы об этом никогда не задумывались? А зря! Ведь свобода и справедливость понятия несовместимые.

В условиях свободы сильные начнут обижать слабых, хитрые — обманывать доверчивых, умные — издеваться на дураками. Мир держится исключительно на запретах. Сними сегодня все ограничения — и завтра человечество погибнет. Запрещать, запрещать и еще раз запрещать — вот наш девиз. А если иногда что-то можно разрешить — мы разрешаем. В условиях строгого контроля и при условии выполнения всех рекомендаций. Например, как в вашем случае. Вам это, надеюсь, понятно?

— Понятно,— сказал отец.— Нет ничего дороже справедливости. Главный враг справедливости — свобода. Ограничивать свободу можно запретами. Чем больше запретов, тем меньше свободы, а следовательно — больше справедливости. Итак, максимум справедливости может быть достигнут только при условии полного запрета.

Трижды Дуб смотрел на них, словно хотел обратить взглядом в пепел. Верховный задумчиво пожевал губами, поскреб переносицу, словно пытаясь поймать какую-то ускользающую мысль, и изрек:

— В общих чертах правильно. Приятно побеседовать с умным человеком... Так значит, помощником вахтера вы не хотите?

— Нет, премного благодарен.

— И даже на парадном выходе?

— Нет-нет. Образование, знаете ли, не позволяет. Да и здоровье тоже.

— Жаль. Многие наши корифеи начинали именно с этого... Ну, что же, ваша просьба будет удовлетворена. Лицензии получите завтра. Остальное зависит от вас. Желаю удачи.

Спустя некоторое время они, вдыхая бензиновую гарь и смрад разогретого асфальта, сидели на бетонной скамейке в тени вознесенной над улицами монорельсовой железной дороги и разговаривали, стараясь перекричать грохот непрерывно снующих над их головами

составов. Мальчик пил лимонад из пластмассового стаканчика.

— Тот дядя добрый? — спросил он.

— Нет, он самый злой из всех. Иначе он никогда не сидел бы в этом кабинете. Трудно даже представить, через что он перешагнул, пробираясь туда, скольких людей обманул и предал, сколько раз торговал своей совестью, сколько раз унижался, наушничал, клеветал. После всего этого нельзя оставаться добрым человеком.

— Но ведь он разрешил нам пойти в лес!

— Мы слишком далеки от него, слишком ничтожны. И никогда не сможем претендовать на то, что имеет он, а ему не нужно ничего нашего. Ему нет от нас ни пользы, ни вреда. Как от слепых бездомных котят. Но случается иногда, что и самый злой человек бросает бездомным котятам колбасную шкурку. Хочешь еще лимонада? Ты честно заслужил его сегодня.

К лесу их доставил чадящий и разболтанный автобус, мотор которого стучал на подъемах, как сердце накануне третьего инфаркта. Полуоторванная выхлопная труба висела у него под брюхом, как потроха смертельно раненного зверя.

Пассажирский салон был переполнен. Сразу два места в первом правом ряду занимала женщина невероятной, прямо-таки пугающей толщины. Ее, нетранспортабельную, как Царь-колокол, с великим трудом запихала в автобус многочисленная родня. Невозможно было даже представить, для чего она пустилась в это полное опасностей путешествие. Не исключено, подумал отец, что родственники отправили ее в лес обманом или силой, надеясь, что она оттуда никогда не вернется.

Отцу пришлось взять сына на колени, чтобы уступить место щуплому, но еще крепкому и жилистому старичку, все лицо которого состояло как бы из одних углов — острый нос, острый подбородок, хрящеватые острые уши, из которых торчали клочья серой нечистой ваты, колючие глазки, глубоко упрятанные под седыми кустиками бровей.

С полдюжины самых нерасторопных пассажиров так и остались стоять в проходе, ухватившись за поручни. Пустовало лишь крайнее от окна кресло в левом первом ряду. Оно было аккуратно обтянуто целлофаном, сверкало новенькой кожей и являло разительный контраст всем другим креслам, выцветшим и продавленным.

— Папа, а почему там никто не сидит? — поинтересовался мальчик.— Может, это детское место?

Отец, на глазах которого только что развернулось немало сцен, своим драматизмом напоминавших борьбу матросов гибнущего судна за места в последней спасательной шлюпке, и сам не мог понять столь странную ситуацию, однако, судя по тому, что никто из

пассажиров,— а многие тут были явно не в первый раз,— не посмел даже прикоснуться к загадочному креслу, тут имел место какой-то чрезвычайно строгий, почти сакральный запрет, нечто вроде полинезийского табу.

Ясность внес старичок:

— Это место Верховного Администратора! А вдруг он захочет прокатиться в лес именно на этом автобусе!

— А если на другом? — спросил отец.

— В каждом нашем автобусе есть персональное место для НЕГО! А как же иначе! — неподдельное мистическое восхищение звучало в словах старика.

Он долго еще вещал что-то восторженное, но маловразумительное, из чего отец смог понять только две вещи. Первое: старик и сам всю жизнь прослужил в Администрации леса сначала лифтером, потом курьером, а впоследствии и фельдъегерем (доверять Администрации почт было бы так же глупо, как садиться играть в карты с шулером). Пребывая в этой должности, он снискал особое расположение высшего начальства и теперь, находясь на пенсии (в резерве без снятия с учета, как он выразился), экс-фельдъегерь, благодаря своим прошлым заслугам, имел раз в два года право на лицензию с пятидесятипроцентной скидкой. Второе: Верховный Администратор — умнейший, добрейший и образованнейший человек, чему есть масса примеров. (Пример номер один: каждый год он пристраивает к зданию Администрации то новый этаж, то дополнительное крыло, то флигелек, так что число служащих постоянно растет, причем это благотворно сказывается на моральном климате коллектива.)

В автобусе постепенно установилась относительная тишина. Угрюмые, изнервничавшиеся накануне, плохо выспавшиеся пассажиры или дремали, или боролись с зевотой. Лишь экс-фельдъегерь продолжал бормотать что-то хвалебное о своем кумире. Слушая пример номер десять (Верховный сумел так запутать Администрацию распределений, что все фонды, начиная от канцелярских скрепок и кончая горячими обедами, поступают им сейчас в двойном количестве, так что служащие не только обеспечены вдоволь всем необходимым, но даже могут приторговывать на стороне), отец уснул.

Разбудил его сын.

— Папа, просыпайся, мы почти приехали!

Отец рукавом протер слегка запотевшее стекло и увидел стену. Не стену леса, а просто стену. Трехметровой высоты ограждение из колючей проволоки и густой металлической сетки. Эта стена отделяла лес от всего остального мира.

Глухие железные ворота, на которых огромными буквами было выведено по трафарету «Въезд запрещен», сами собой поползли

в сторону, как только автобус повернул к ним, съехав с главного шоссе. Отец даже удивился простоте, с которой они проникли сюда: никто не задал ни единого вопроса, даже не проверил документы у водителя. Однако автобус тут же остановился, едва не упершись бампером во вторые ворота, точно такого же вида. Первые ворота тем временем уже закрылись, и они оказались как бы в ловушке — спереди и сзади крашенные в серый цвет, кое-где тронутые ржавчиной железные конструкции, вверху переплетение колючей проволоки, по бокам кирпичные стены с одной-единственной узкой дверцей.

Спустя примерно четверть часа эта дверца открылась, и появились два лесника в полной парадной форме — пятнистые маскировочные комбинезоны, на фуражках эмблемы в виде переплетенных оленьих рогов, серебряные желуди в петлицах. Очень быстро и тщательно они проверили у пассажиров лицензии, перетрясли весь багаж, а троих чем-то не приглянувшихся им типов подвергли личному обыску, включавшему прощупывание швов на одежде и снятие ботинок вместе с носками. Лишь после окончания всех этих процедур внутренние ворота открылись, и автобус въехал на просторное, вытоптанное, как учебный плац, поле. Несколько других автобусов было уже припарковано на асфальтовой площадке слева от ворот, чуть дальше дымилась мусорная яма, к единственному деревянному туалету, над которым кружили тучи зеленых мух, стояла очередь. Множество разнообразно одетого люда сидело, лежало и бесцельно слонялось по полю, а впереди виднелись новые ряды заграждений, какие-то приземистые здания без окон и кирпичная квадратная вышка, не то пожарная, не то сторожевая.

— Всем приготовиться покинуть транспортное средство,— отдал приказ один из лесников.— Личные вещи оставить на местах. С собой разрешается брать только запас воды и пищи на одни сутки, нож, длина лезвия которого не превышает пяти сантиметров, и теплое одеяло, в крайнем случае — спальный мешок. Никаких палок, никаких накомарников, никаких спичек и зажигалок, никаких биноклей и других специальных средств. Алкогольные напитки и табак запрещены. Журналы, книги, газеты, а равно иные изделия из бумаги — тоже.

— Я инвалид! — стриженный под бобрик мужчина с почти фиолетовым цветом лица задрал штанину, демонстрируя протез.— Как же я обойдусь без палки?

— Раньше надо было думать! — Лесник выхватил лицензию из его рук и, изорвав в клочья, выбросил в окно.

Некоторые пассажиры возмущенно загалдели. Другие в испуге прикусили языки. Лишь один экс-фельдъегерь выразил одобрение: «Правильно! Так ему и надо! Будет знать в следующий раз, как соваться в наш лес!»

— Молчать! — заорал лесник, у которого был в петлицах на один желудь больше.— Иначе сейчас все будут выдворены! Тишина! Кому там что не ясно? Слушайте условия: в лесу вас ожидают три семьи белых. Сигнал красной ракеты означает, что одной семьей стало меньше. Значит, после трех ракет поиск заканчивается, и все должны собраться здесь. Максимальный срок поиска — до рассвета. За опоздание — штраф. За порчу леса — штраф. За ущерб, причиненный себе самому и друг другу, Администрация ответственности не несет. Все понятно? Вопросов нет? Тогда прошу выгружаться.

Пассажиры один за другим принялись покидать автобус через заднюю дверь — переднюю почти сразу закупорила своим телом толстуха, которую сейчас безуспешно пытались вытолкнуть наружу водитель и оба лесника. Инвалид, зажимая в кулаке обрывки лицензии, бегал в поисках каких-то начальников, но от него все отмахивались. Здесь даже и не пахло лесом. Пахло мазутом, горелой бумагой, хлоркой и человеческим неблагополучием.

— Значит, белые живут семьями? — спросил сын.

— Да. Обычно несколько взрослых и пять-шесть малышей.

— Если мы их найдем, давай не будем трогать малышей, ладно, папа?

— Давай.

— Возьмем только одного самого большого и старого.

— Хорошо.

Солнце постепенно поднималось все выше, и от него не было никакого спасения на этом голом, унылом пустыре. Мальчик несколько раз прикладывался к термосу с водой. Откуда-то появился экс-фельдъегерь. Очевидно, ему не терпелось продолжить славословить в честь Верховного.

— А вы сами из какой Администрации будете? — спросил он, чтобы возобновить прерванный разговор.

— А не из какой,— ответил отец, с любопытством ожидая ответной реакции.

— То есть? — кустики бровей полезли вверх.— Как это — не из какой? Да разве так можно?

— Представьте себе — можно.

Некоторое время экс-фельдъегерь в растерянности стоял молча, слегка приоткрыв рот, потом резко повернулся на каблуках и удалился в направлении туалета. Там он встал в очередь, но не в общую, а в другую — покороче, состоявшую из обладателей всяких льготных удостоверений, лжекалек и просто нахалов.

Какой-то подозрительного вида субъект, жуя в зубах спичку, прохаживался среди разомлевшей толпы и время от времени заводил короткие разговоры. Вскоре он оказался рядом с отцом.

— Послушай, приятель,— доверительно зашептал он,— так они

могут нас до вечера промучить. Знаю я эту сволочь. Давай скинемся по тройке, чтобы быстрее дело было. Они только этого и ждут.

— А воды здесь нельзя купить? — спросил отец, протягивая деньги.

— Воды нельзя... С тебя тройки мало, вас же двое.

Спорить не имело смысла. Скорее всего, это был переодетый лесник, таким нехитрым образом выколачивающий приварок для своей братии. С любым строптивцем они без труда могли бы расправиться в лесной чаще. За себя отец не боялся, но присутствие сына связывало его по рукам и ногам.

Экс-фельдъегерь тем временем пробился в туалет, сделал свои дела и, не обнаружив на стенах ничего примечательного, вскоре вышел наружу, одной рукой на ходу застегивая шаны. Прогрессирующий склероз, очевидно, уже стер из его памяти впечатления от предыдущего разговора, и он, как ни в чем не бывало, принялся во второй раз излагать отцу историю великих деяний Верховного Администратора, причем в рассказах этих, как и в молитвах, совпадали не только все слова и их порядок, но даже интонации. К счастью, вскоре вернулся подозрительный тип со спичкой в зубах и заговорщицки подмигнул отцу:

— Пошли со мной. Вижу, ты парень что надо! Я поставлю тебя поближе к воротам. Будешь самым первым. Через десять минут начнут пропускать.

«Парней что надо» оказалось не меньше полусотни. Да и остальные, заметив подозрительную суету, стали подтягиваться к воротам.

— Сейчас мы с тобой побежим,— сказал отец сыну.— Особо не спеши, но старайся не отставать. Лес большой, и времени у нас много. Быстрота тут не поможет. Главное — внимание и сноровка.

Ворота, скрипя, поползли в сторону, и в образовавшийся просвет, словно штурмовая колонна, атакующая вражеские редуты, с гиканьем и свистом бросилась толпа счастливых избранников Администрации.

И вот наконец, они оказались под зеленым пологом леса, в загадочном, шумящем, пронизанном светом и наполненном тенью, изменчивом и благоухающем, бесконечно древнем и вечно девственном мире, образ которого смутно помнился отцу и был совершенно незнаком сыну.

В самые первые минуты их едва не затоптали, но вскоре людской поток стал редеть, веером рассыпаясь по сторонам. Стонали сбитые с ног, звали друг друга потерявшиеся, лесники с бранью отнимали у какого-то хитреца маленькую собачонку, которая могла быть натаскана на поиск белых и потому подпадала под перечень спецсредств.

Отец и сын бежали сначала по извилистой, едва заметной тропинке, а потом свернули в глубь леса, туда, где под ногами мягко пружинил мох, а на фиолетовом черничнике еще сверкали последние капли росы.

— Папа, это ягоды?

— Да, сынок.

— А я думал, ягоды бывают только в магазинах. Можно, я сорву одну?

— Сорви, но только побыстрее. Нам нет никакого смысла здесь задерживаться.

— Невкусно,— сказал мальчик, размазывая кислый сок по подбородку.— В магазинах вкуснее.

— В магазине они с сахаром.

Вскоре их догнал экс-фельдъегерь, успевший вопреки правилам выломать длинную палку.

— Ну что, не нашли еще? — деловито осведомился он.— Вы ведь в таких делах специалист, я это сразу понял.

— Напрасно вы так думаете,— буркнул отец, предпринимая безуспешную попытку оторваться от надоедливого попутчика.

— Если вдруг найдете, не забудьте обо мне. Для вас, я вижу, главное — сам процесс, а мне нужен трофей. В случае чего я могу и заплатить.— И он назвал сумму настолько мизерную, что отец невольно засомневался в его психическом здоровье.

Лес между тем становился все гуще. Исчезли тропинки, указатели и мусорные баки. Они спустились в сырой, темный овраг, заваленный полусгнившим буреломом, цепляясь за ветки орешника, взобрались по крутому склону наверх, миновали заросшую папоротником поляну, еще хранившую следы давнего пожара, и попали в молодой, правильными рядами высаженный ельник. Мальчик заметно приустал. Он перестал задавать вопросы, прерывисто дышал и уже не выпускал отцовскую руку. Где-то сзади, не отставая, ломился через подлесок экс-фельдъегерь. Судя по всему, ветеран находился в прекрасной физической форме, и длительная профессиональная закалка давала себя знать.

— Эй,— крикнул ему отец.— Не ходите за нами, пожалуйста! Я не собираюсь вам ничего продавать. Сами ищите!

— Куда захочу, туда и пойду! Не указывайте мне! — экс-фельдъегерь на секунду высунулся из-за елки. Всем своим обликом он напоминал сейчас голодного шакала, твердо решившего перехватить чужую добычу.

Где-то слева раздался негромкий хлопок, и над верхушками деревьев, разбрасывая искры, взлетела красная ракета.

— Одной нет,— прокомментировал отец.— Давай пройдем еще немного вперед и там уже начнем искать по-настоящему.

— А может, здесь поищем?

— Такие места белые не любят.

— Папа, я больше не могу идти.

— Тогда влезай мне на спину. Крепче держись и береги глаза от веток.

Спустя полчаса отец почувствовал, что и его ноги ничинают отказывать. Во рту и глотке пересохло. Виски ломило от пряных лесных запахов. Попавшая за ворот сухая хвоя колола шею. В волосах шевелились плоские противные клещи. Он давно уже перестал ориентироваться в лесу и брел наугад. Время от времени они натыкались на людей, каким-то загадочным образом успевших опередить их. Некоторые остервенело рыскали в чащобе, раздвигая руками каждый куст и едва не становясь на четвереньки, другие с рассеянным видом бродили между деревьями, третьи спокойно дрыхли или закусывали в тенечке.

Однажды их напугало злое хрюканье, доносившееся из весьма заманчивой на вид березовой рощицы, глубоко вклинившейся здесь в ельник, однако отец сразу догадался, что это проделки какого-то плута, таким нехитрым способом старающегося отогнать подальше конкурентов. Сзади снова хлопнуло, и отец, обернувшись, увидел кляксу оранжевого дыма, медленно расплывающуюся в воздухе.

— Вторая! — сказал отец.— Значит, осталась последняя семья.

— Наверное — наша?

— Конечно, наша,— подтвердил отец.— Надеюсь, ты уже отдохнул и сам сможешь идти?

Они вышли к ржавому заболоченному ручью, умыли лица, напились и наполнили водой термос. Лес на противоположном берегу стоял чистый, светлый, береза росла там вперемешку с елью — отец слыхал, что именно в таких местах любят жить белые.

— Сейчас смотри в оба,— сказал он.— Если нас и ждет удача, то именно здесь.

— Здесь, папочка, здесь,— странно изменившимся голосом прошептал мальчик.— Смотри вон туда!

И действительно — это были именно они — болетус эдулус, короли июльского леса, белые грибы!

Пузатые, коричневоголовые, они кучкой сидели возле тонкой молодой елочки, а чуть дальше в траве виднелось еще несколько.

— Папочка, чего же ты стоишь? — взмолился мальчик.— Бери их скорее! Они же наши!

Совсем рядом затрещали сучья, и мимо них враскорячку промчался фельдъегерь, весь в поту, паутине и рыжих иголках. Отец перепрыгнул через ручей, помог перебраться сыну и, волоча его за руку, без труда обогнал соперника, который зашипел при этом, как дикий кот, у которого вырвали из зубов лакомый кусочек. До цели оставалось всего несколько шагов, когда на совершенно ровном месте отец споткнулся и упал, потянув за собой сына.

Когда они вскочили на ноги, все было уже кончено.

Экс-фельдъегерь, утробно рыча и даже повизгивая от удовольствия, засовывал в карман последний, вырванный с корнем гриб. Из ближайших кустов вышел лесник и выстрелил из ракетницы вверх.

Летний грибной сезон закончился.

Автобус осторожно подкатил к шоссе и остановился у опущенного шлагбаума. Люди в темно-бурых, под цвет асфальта мундирах и оранжевых пуленепробиваемых жилетах — древнем символе своей профессии — заставили водителя покинуть машину и долго спорили с ним о чем-то, придирчиво изучали какие-то бумаги, проверяли давление в шинах, люфт руля и развал колес. Шоссе принадлежало Администрации дорог, у которой было свое представление о том, какой именно транспорт может по этим дорогам двигаться.

Наконец шлагбаум был поднят, рогатки из колючей проволоки убраны, и автобус покатил в направлении города. Мальчик тихо плакал, и это были настоящие, неподдельные слезы.

— Не надо,— пробовал утешить его отец.— Осенью я постараюсь достать лицензию на рыжего. Может, нам еще и повезет.

Вдоль дороги за сетчатой оградой двигались по бездорожью толпы людей с косами в руках — Администрация полей и огородов, объединившись на время с Администрацией садов и лугов, шла воевать Администрацию минеральных удобрений.

Пассажиры автобуса оживленно переговаривались. Большинство было очень довольно проведенным днем. Женщина-тумба демонстрировала всем огромный, со сковороду величиной, насквозь выеденный червями гриб. Инвалид сумел где-то напиться и сейчас спал, блаженно посапывая. Экс-фельдъегерь сидел в последнем ряду и мрачным взором сверлил спину отца.

Впереди шел оживленный спор на злободневные темы. Необходимо создать Администрацию Администраций, предлагал кто-то, вот тогда, наверное, будет порядок. Нет, возражали ему. Было уже такое! Без толку! Порядок может навести только Администрация армии, она это умеет. Да бросьте вы, следовали ответные возражения. Чем она, интересно, этот порядок наведет? Разве вам неизвестно, что Администрация армии рассорилась с Администрацией оружия, и та ей который год даже ржавого штыка не дает.

Автобус еще несколько раз останавливали для досмотра дорожники, но уже из другой, раскольнической администрации. Багровое солнце садилось за дальним лесом, высоко в небе дрожал узкий бледный серп месяца, тень от автобуса протянулась далеко-далеко в поля.

Мальчик устал плакать и постепенно успокоился.

— Папа, ведь нам повезет когда-нибудь? — спросил он, прижавшись щекой к плечу отца.

— Конечно,— ответил тот,— когда-нибудь повезет. Обязательно.

Но отец твердо знал, что им никогда не повезет, а если такое вдруг и случится, он, как сегодня, предпримет все возможное, чтобы помешать этому. Пускай в сердце ребенка навсегда поселятся обида и горечь, которые со временем обязательно перерастут в сознательную необоримую ненависть.

Ненависть не только к этой одной-единственной, конкретной Администрации, но и ко всем другим Администрациям на свете.

И совсем не исключено, что когда-нибудь именно этот мальчик вместе со своими возмужавшими сверстниками сделает то, что не удалось сделать отцу и его поколению — одолеет, разрушит, свергнет к чертям собачьим все эти администрации, тихо и постепенно, без насилия и выстрелов, без митингов и кровопролитной борьбы, захватившие некогда власть в этой не слишком большой, но и не такой уж маленькой, не очень богатой, но и не совершенно нищей, не то чтобы дикой, но и не совсем цивилизованной стране.

Он верил в это, потому что больше верить было не во что.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ТИМОФЕЯ. Роман 5

КЛИНКИ МАКСАРОВ. Роман 197

СТРЕЛЫ ПЕРУНА С РАЗДЕЛЯЮЩИМИСЯ БОЕГОЛОВКАМИ. Повесть 423

ПОСЕЛОК НА КРАЮ ГАЛАКТИКИ. Рассказ 485

АДМИНИСТРАЦИЯ ЛЕСА. Рассказ 515

Литературно-художественное издание

БРАЙДЕР Юрий Михайлович,
ЧАДОВИЧ Николай Трофимович

Избранные произведения

Том 1

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ТИМОФЕЯ
КЛИНКИ МАКСАРОВ
Романы

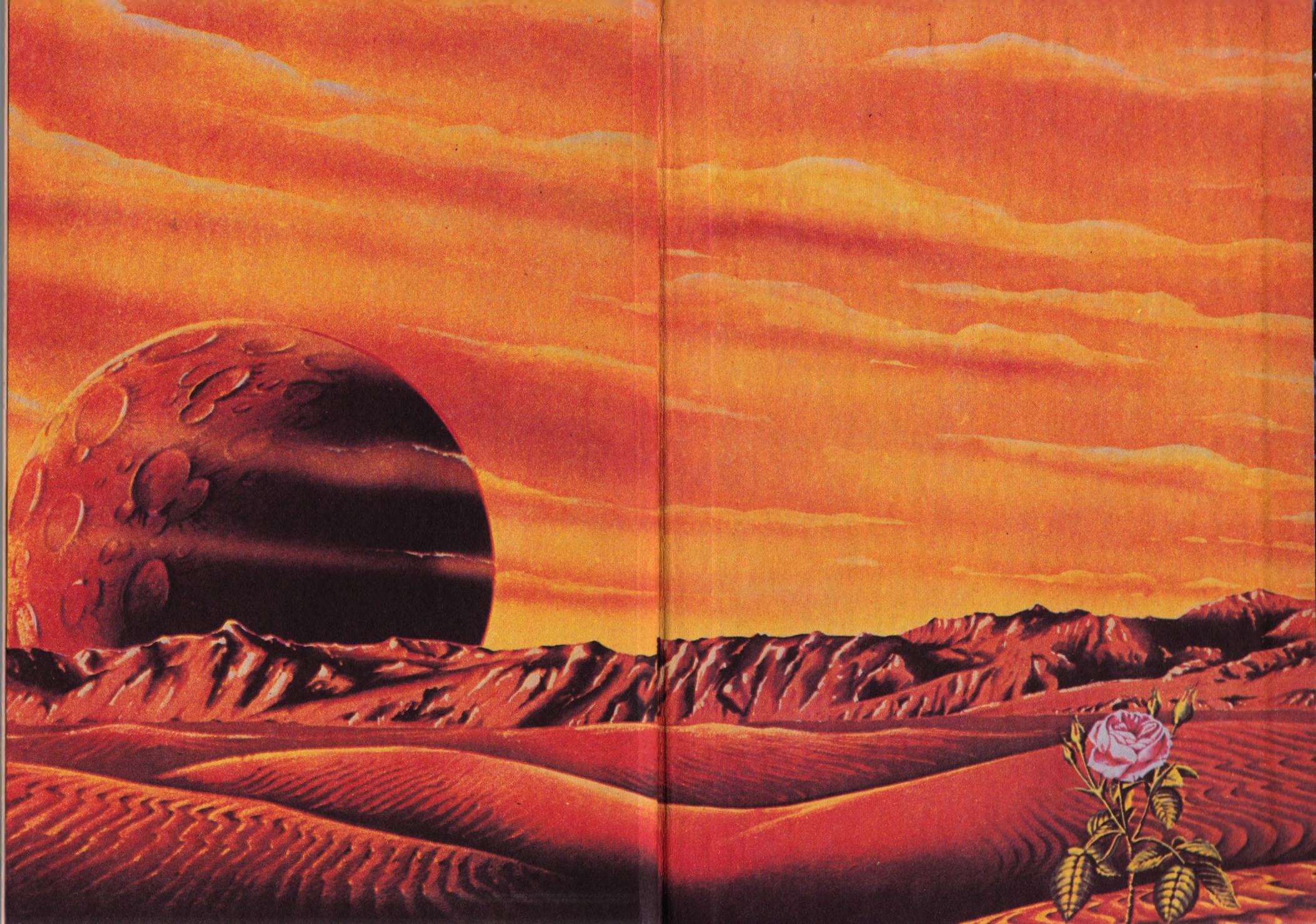
СТРЕЛЫ ПЕРУНА
С РАЗДЕЛЯЮЩИМИСЯ
БОЕГОЛОВКАМИ
Повесть

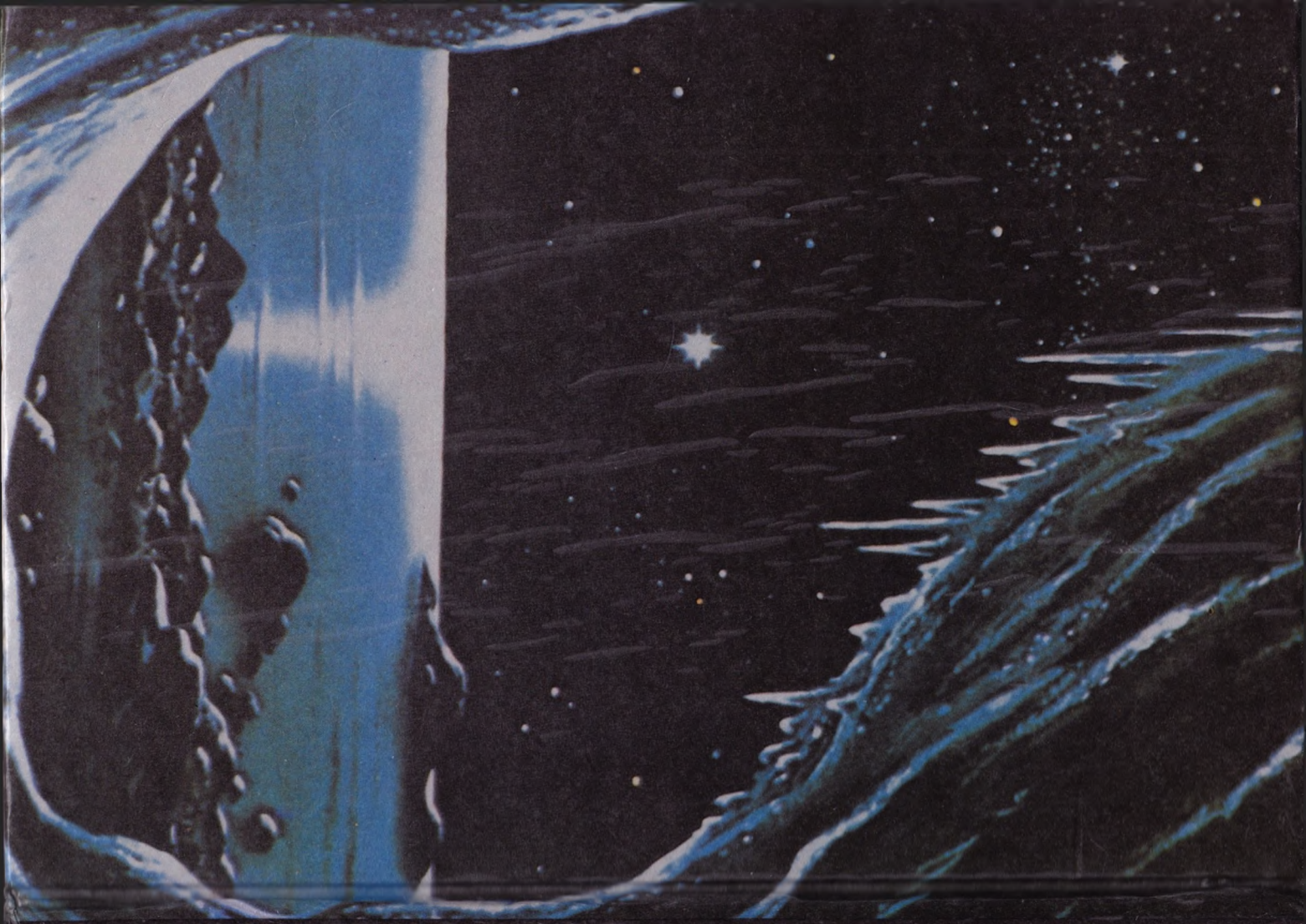
РАССКАЗЫ

Редактор **Н. В. РЕЗАНОВА**
Технический редактор **Г. В. СТАЧЕВА**
Корректор **И. С. ПИГУЛЕВСКАЯ**

Сдано в набор 10.12.93. Подписано в печать 18.05.94. Формат 60×84 1/16. Бумага книжно-журнальная, газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 31,62. Уч.-изд. л. 35,49. Усл. кр.-отт. 32,56. Тираж 30000 экз. Заказ № 4240. С 015.

Издательство «Флокс», 603600, Н. Новгород, Костина, 20.
ГИПП «Нижполиграф», 603006, Н. Новгород, Варварская, 32.

Ю. БРАЙДЕР, Н. ЧАДОВИЧ